

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
Институт социологии

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Основан в 2010 году

Выпуск **5**

Минск
«Беларуская навука»
2014

УДК 316.42(476)(082)

В сборнике представлены статьи ведущих белорусских и украинских социологов, посвященные актуальным проблемам развития белорусского и украинского обществ, социальной теории, методологии и методикам социологических исследований.

«Социологический альманах» рассчитан на студентов, аспирантов, профессиональных социологов, а также читательскую аудиторию, интересующуюся современным социальным развитием Беларуси.

Редакционная коллегия:

И. В. Котляров (главный редактор),
В. Л. Абушенко (зам. главного редактора),
М. И. Артюхин, Е. М. Бабосов (зам. главного редактора),
Н. А. Барановский, А. Н. Елсуков, В. А. Ильин, В. В. Кириенко,
В. А. Клименко, А. А. Коваленя, Н. Е. Лихачев,
Ю. М. Резник, Н. М. Римашевская, В. И. Русецкая,
Р. А. Смирнова, Г. Н. Соколова (зам. главного редактора),
С. А. Шавель, Е. В. Мартищенко (отв. секретарь)

Рецензенты:

доктор социологических наук, профессор Д. Г. Ротман,
доктор политических наук, профессор Л. Е. Земляков

© Институт социологии НАН Беларуси,
2014

© Оформление. РУП «Издательский дом
«Беларуская навука», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка главного редактора

<i>Котляров И. В.</i> В поисках новой парадигмы социологического знания, или Социология как зеркало белорусской действительности	5

Политическая социология

<i>Бабосов Е. М.</i> Основные социально-политические факторы структурной модернизации экономики Республики Беларусь	17
<i>Котляров И. В.</i> Лидерство как теоретический концепт и объективная реальность: социологические тренды	29
<i>Титаренко Л. Г.</i> Модели постсоветской интеграции: Беларусь и Украина	52
<i>Храмцова Ф. И.</i> Идеологический фактор социальной модернизации в Республике Беларусь	62
<i>Беленок А. А.</i> Отношение населения Украины к Союзу России и Беларуси (поколенческая динамика)	69
<i>Смирнов В. Э.</i> Еще раз о классах и классовой борьбе	77
<i>Саенко Ю. И.</i> Рациональность социальных понятий	88

Экономическая социология

<i>Соколова Г. Н.</i> Феномен модернизации в глобализирующемся мире: методологический аспект анализа	103
<i>Петрушина Т. О.</i> Социальный потенциал инновационного развития экономики: украинские реалии	113
<i>Малюк А.</i> Основные тенденции кризиса современного глобального капиталистического порядка	126
<i>Буткалюк В. А.</i> Крах теории и практики «государства благосостояния»	136
<i>Толстых Н. В.</i> Социальные ориентиры развития современной экономики	147
<i>Симончук Е. В.</i> Классовая структура Украины в сравнительной и временной перспективах	155
<i>Палховская Е. Б.</i> Экономическое поведение работников на внутреннем рынке труда Беларуси	168
<i>Бова А. А.</i> Факторы напряженности доходных притязаний населения Украины, Грузии, Польши и Венгрии	178
<i>Чабан Ю. С.</i> Социальный диалог и трудовые отношения в Европе: приемлемы ли для Украины европейские модели	189
<i>Линцова Н. Ю.</i> Модели стилей потребления в трансформирующихся обществах	197

Социология культуры и идентичностей

<i>Абушенко В. Л.</i> Пресуппозиции изучения личности в классической социологии	206
<i>Лашук И. В.</i> Жизненные стратегии социокультурного поведения социально-демографических и территориальных групп белорусского общества	215

<i>Скокова Л. Г.</i> Современные исследования культурных практик в контексте социальной и культурной стратификации	232
<i>Шульга А.</i> К вопросу о символических универсумах	244
<i>Ляпина Л. А.</i> Эволюция либеральной концепции мультикультурализма	253
<i>Русецкая В. И.</i> Особенности социокультурной идентичности белорусов.....	260
<i>Бабосова Е. С.</i> Специфика этнонациональной идентичности в современном белорусском обществе.....	268
<i>Паращевин М. А.</i> Социально-функциональные характеристики религии в постсоветских славянских странах	279
<i>Андриевская Ю. Д.</i> Интимность как свойство социокультурного феномена приватности....	287
<i>Кабанец Т. А.</i> Социокультурные модели любви в художественной репрезентации	297

Социология науки и образования

<i>Артюхин М. И.</i> Научная элита: состояние и проблемы воспроизводства	308
<i>Кройтор С. Н.</i> Непрерывное образование в современном контексте: сущность и основные функции	319
<i>Костюкевич С. В.</i> Феномен университетских рейтингов: в поисках университета мирового класса	326
<i>Смакота В. В.</i> Система образования: социально-экономические аспекты развития в украинском обществе	337
<i>Шарый И. Н.</i> Особенности и проблемы воспроизводства кадрового потенциала науки при переходе к развитию высокотехнологичной инновационной экономики.....	346
<i>Бойко Н. Л.</i> Молодежь эпохи Интернет на пороге взрослой жизни: социологический анализ.....	358
<i>Титова Т. П.</i> Интеллектуальная миграция в контексте национальной безопасности: подходы к регулированию в Республике Беларусь.....	367

Социология социальной сферы и социальной жизни

<i>Суименко Е. И.</i> Интерес как социальное явление и его новейшие модификации.....	377
<i>Смирнова Р. А.</i> Ценностные основания профессионального выбора молодых специалистов агросферы Беларуси	384
<i>Дмитрук Н. А., Брицына О. Ю., Омеляшко Р. А., Садовая М. Ю., Саенко Ю. И.</i> Сохранение и возрождение культурного сектора Полесского региона Украины и Беларуси: проблемы и перспективы.....	393
<i>Степаненко В. П.</i> Демографический фактор в контексте общественного развития.....	411
<i>Панькова О. В.</i> Особенности и возможности развития человеческого потенциала Украины в зеркале международных рейтинговых сравнений.....	421
<i>Барановский Н. А.</i> Социологический мониторинг антиобщественных явлений в системе обеспечения национальной безопасности в социальной сфере	434
<i>Шавель С. А.</i> Факторы влияния на общественное мнение о строительстве Белорусской АЭС...	446
<i>Малыш Л. А.</i> Поддержка редистрибутивной политики населением разных стран	455
<i>Домаранская А. А.</i> Стиль жизни: структурные и личностные детерминанты	464

Научная жизнь

Обзор международной научно-практической конференции «Социальное знание и современные проблемы развития белорусского общества», прошедшей в г. Минске 21–22 ноября 2013 г.	479

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

УДК 316.654:316.1(476)

И. В. КОТЛЯРОВ,

*доктор социологических наук, профессор,
директор Института социологии НАН Беларуси, г. Минск*

В ПОИСКАХ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ, или СОЦИОЛОГИЯ КАК ЗЕРКАЛО БЕЛОРУССКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Показана роль социологии в жизни белорусского общества, проанализированы основные задачи, которые должны решать социологи в условиях инноваций и кризисов, ускорения и неопределенности.

Ключевые слова: Беларусь, социология, общественное мнение, Институт социологии, социологические опросы, перспективы.

Многие будущие социологи, да и не только они, зачитывались рассказом известного американского писателя Джека Лондона «По ту сторону рва». Его главный герой, профессор социологии Калифорнийского университета Фредди Драмонд написал несколько книг о рабочем классе – «Чернорабочий», «Труженик», «Женщина и труд». Его книгу «Чернорабочий» считали ценным вкладом в прогрессивную литературу. Профессор, будучи на редкость ортодоксальным ученым, был убежден, что, чтобы «лучше знать рабочего человека, надо трудиться плечом к плечу с ним, есть то, что он ест, спать в его постели, делить его развлечения, думать его мыслями, чувствовать то, что чувствует он. Это единственный путь, и я его избрал». Но для этого профессору необходимо было внедриться в их среду, провести так называемое «включенное наблюдение». Так появился новый рабочий Билл Тотс. Вначале профессор, как хороший актер, только играл роль, но с течением времени она стала его второй натурой. Постепенно, став своим, Драмонд не только испытывал на себе существующие проблемы, но и стал лидером рабочего движения. Однако происходило это лишь в то время, когда он находился в личине Билла. Возвращаясь в классическую атмосферу университета, он снова обретал способность хладнокровно и беспристрастно обобщать свои похождения на «дне» и излагал все на бумаге, как подобает ученому-социологу, искренне дистанцируясь от проблем рабочего класса. Страдая от внутреннего раскола, профессор принял решение остаться навсегда в мире обеспеченных и благополучных людей. Тем не менее однажды став случайным свидетелем стачки, он вступил в драку с полицейскими и штрейкбрехерами, навсегда вернувшись в бурную жизнь рабочего класса.

Лет сорок назад на советские экраны вышел фильм «Собственное мнение». Простой, незамысловатый сюжет. Социолог Бурцева и психолог Петров по приглашению директора завода Басова приехали на предприятие. Перед ними была поставлена сложная задача: определить, почему опытные и инициативные работники все чаще увольняются с завода и переходят на другие предприятия города. Когда работник приносил очередное заявление об уходе, специалисты пытались посмотреть на данный вопрос своими глазами, выявить скрытые проблемы и найти их причины. Оказывается, на предприятии подготовительный цех – главный – работал, как механизм, хороший, исправный, но механизм, а все его работники были винтиками. Очень важен и интересен диалог: «У нас всё и крутится-вертится!.. При Кашкине было по-другому. Подход у него был. Он, бывало, придет на участок к нашему мастеру и говорит: “Серафима, что это ты с утра такая красивая?” – Так наша Серафима целый день как на крыльях летает. А этот... номенклатура изделий, протокол дефицита». Социолог и психолог увидели то, чего не видел директор – главным на заводе является человек. От него многое зависит. Даже самая лучшая технология работы завода, как слаженного механизма, не способна решить конкретные проблемы и сделать предприятие успешным. Это могут сделать только конкретные люди. Интересно отметить, что после этого фильма в стране резко возрос интерес к социологии как к науке, способной дать ответ на сложные вопросы современности, и как к практике, способной решить многие проблемы.

Можно утверждать, что рассказ Джека Лондона и этот блестящий фильм на производственную тему о том, что каждый социолог должен иметь собственное мнение, высокую степень ответственности перед обществом, четко выраженную гражданскую позицию, честность и принципиальность, представлять объективную и честную информацию, не бояться трудностей, сложностей и проблем. А кем никогда не должен быть социолог? Глеб Жеглов из детектива братьев Аркадия и Георгия Вайнеров «Эра милосердия» утверждал, что если и есть на свете дьявол, то он не козлоногий рогач, а дракон о трех головах, и головы эти – трусость (в фильме Станислава Говорухина – хитрость), жадность, предательство. И если одна прикусит человека, то две другие доедят его дотла. Социолог должен беречь свое доброе имя, не допуская трусости, подлости, беречь свой профессиональный бренд.

Личная позиция и жизненный опыт, профессионализм и интеллект каждого социолога, конкретные результаты социологических исследований могут стать катализатором будущих успехов, существенным и неоценимым вкладом социологического сообщества в решение существующих проблем. Социологические исследования – это огромная поддержка трудовым коллективам и регионам, политическим партиям и общественным движениям, предпринимательским структурам и малым группам от непродуманных решений и необоснованных нападков, от необъективных оценок прошлого и переоценок будущего, в поиске правильного пути вперед. Но самое главное, что авторы этих произведений за «средней температурой по больнице» увидели челове-

ка – творца и созидателя, труженика и просто «человеческий фактор» – Серафиму. В свое время этой дефиниции – «человеческий фактор» – сильно доставалось. Кто только ее «не пинал ногами», где ее только не критиковали. Но без человека, который выступает в обществе в самых различных ролях и смыслах, не может быть никаких социальных процессов и развития политических систем, успехов и достижений. Никакие инновации и модернизации, изменения и развитие не могут быть успешными без выявления и анализа отношения людей к целям и программам инноваций, без сознательного, активного и целенаправленного участия широких народных масс в осуществляемых социальных преобразованиях. Впрочем, социология и начиналась полтора века назад как наука о совместной жизни людей и лишь потом перешла в сферу общих рассуждений о человеческой природе. Правда, в последние годы достаточно популярным становится антропоморфизм, основную идею которого американский социолог Питер Бергер понимал как «человека в обществе, общество в человеке».

Еще классики социологии писали о «понимающей социологии». Но социология должна быть объясняющей, опережающей, воздействующей, формирующей. Каждый социолог должен быть социально активной личностью, не только понимающей, но и чувствующей проблемы общества, стремящейся не только к анализу, но и к созданию конструктивной парадигмы «лечения» социальных болезней. Ему необходимо не только описывать процессы и явления, но и объяснять – почему это происходит, какие причины подобного явления. И что очень важно – в нарушение всех социологических канонов – предлагать конкретные меры по решению существующих проблем. Необходимо создавать своего рода социологические имплантаты действий и через различного рода каналы вживлять их в понимание основных субъектов действия, в то, что раньше называли человеческим фактором. Однако это не реально без строгого научного знания человека, его социального и интеллектуального капитала, возможностей и пределов его развития.

Подобный подход особенно важен сегодня. XXI век – это время нововведений и хаоса, турбулентности и кризисов, бифуркации и неопределенности, ускорения общественной жизни и новых рисков. Жизнь стремительно становится все более сложной и многоплановой. Мы живем в мире с не совсем определенными координатами. Нет никаких относительно внятных ориентиров и никаких искусственных границ. Появляются новые, неизвестные ранее факторы и тенденции, которые влияют на нее, но описания которых не найти в монографиях и учебниках по политическим и социальным теориям и технологиям. Полностью обесценились многие морально-нравственные ценности. Социально-политические симпатии и антипатии многих членов общества настолько своеобразны, что объединить их под какими-то общими лозунгами и программами становится все труднее, а иногда вообще невозможно. Даже в таких условиях общество целеустремленно и достаточно быстро движется от экономики знаний к экономике инноваций.

Российский актер Олег Даль в одном из фильмов утверждал, что «самая гнусная ложь человечества – это констатация того, что собаки любят кости и мечтают о костях. На самом деле собаки любят мясо и мечтают о мясе, но людям невыгодно признавать эту мечту, поэтому они пытаются лишить собак мечты даже о мясе, заставить собак мечтать о костях». Очень важно разобраться, о чем мечтают, чего хотят не только собаки, но прежде всего люди. Только хорошее понимание сущности происходящего способно помочь найти хоть какой-то выход из сложнейшей ситуации. Любой неверный шаг может вытолкнуть человечество на обочину мирового прогресса, поставить под вопрос само его существование.

Решению существующих проблем может помочь наука, и прежде всего социология. Ведь нельзя построить глобальную модель развития, не зная ее основных характеристик и параметров. Функция социологии – разобраться в том, где мечта, где фантазия, где реальность. Эта наука находится ближе всех к людям, знает, что они думают, как относятся к своим друзьям, своим соседям, животным, проблемам и властным структурам. Людям необходимо знать, по крайней мере, контуры будущего, цели и задачи, ценности, заслуживающие того, чтобы их защищать и за них бороться. В сложных условиях растут ответственность и значимость общественной роли социологии, актуальность ее задач, публичная активность социологов. Но для этого необходима разработка новой парадигмы развития социологии, создание новой модели получения социологического знания, формирование принципиально нового социологического мышления. Социология уверенно шагнула в управленческую сферу. Сегодня уже считается «прошлым веком» отсутствие в какой-либо структуре, занимающейся управлением чем-либо, не иметь социологической службы или, в худшем случае, нескольких социологов. Ведь социология – это своеобразное зеркало, в которое смотрится вся страна. Недаром шутливо утверждают, что социология – это когда людям говорят то, что они думают. Тем более что сегодня перед белорусской социологией стоят сложные и важные задачи.

Институт социологии НАН Беларуси каждый год проводит 5–6 репрезентативных исследований, посвященных крупным фундаментальным проблемам нашей жизни. Темы этих исследований очень разные. Они посвящены гражданскому обществу и идентификации, социальной и экономической политике, образованию и инновациям, коррупции и проблемам модернизации политической системы, а также многим другим вопросам. Никто ничего подобного в стране не делает. В последние годы коллектив Института оказался перед необходимостью постоянной теоретической рефлексии решения задач, стоящих перед национальным государством, выработки новых методик для изучения белорусского общества. Причем строго научные по методологии и методике социологические опросы позиционируются как исследования, обращенные как к органам государственной власти, так и к широкой общественности. Понять их результаты и применить в повседневной жизни может абсолютно любой человек, каждый житель республики.

Но насколько круг исследуемых проблем отражает реальные потребности независимого белорусского государства, тем более что современный этап развития страны не менее сложен для социологического анализа? Не остаются ли за пределами социологических исследований жизненно важные процессы, которые требуют немедленного и пристального научного внимания? Например, в условиях реально выраженных последствий глобального кризиса белорусскому государству необходима строго национально ориентированная модель развития. Это касается экономики и образования, идеологии и демографии, воспитания и т. д. В таких условиях крайне важна полная, точная и достоверная информация о реальном состоянии дел в общественной жизни, о потребностях и ценностях, интересах и поведении людей, возможности их влияния на общественные процессы. Принципиально новое научное знание способен получить и предоставить управленческим структурам страны Институт социологии НАН Беларуси. Он способен разработать национально ориентированные модели общественного развития и многие другие общественно важные проекты. Для эффективного решения этой и многих других задач на современном этапе развития белорусского общества нужны новые социологические подходы к изучению социальной реальности.

Разработка новой парадигмы развития социологии и получения нового социологического знания в нашей стране очень важны особенно сегодня, когда постоянно слышатся упреки в адрес социологии. Белорусская социология, по мнению некоторых чиновников, журналистов и даже отдельных ученых, отстала от российской, западноевропейской и американской на добрый десяток лет, не доходит до низших уровней производственных структур, наблюдается кризис социологического образования, выпускников социологических кафедр и факультетов чаще можно встретить на рынках, а не в вузовских аудиториях или на промышленных предприятиях, а тем более в НАН Беларуси. Социологические исследования в подавляющем большинстве случаев просто не интересны, да и темы диссертаций интересны только их авторам. Социология и социологи Беларуси вообще не нужны.

С подобными выводами трудно согласиться. Социология – это уникальная, популярная во многих государствах отрасль знания, обладающая теоретико-фундаментальной и ярко выраженной прикладной функцией, практико-ориентированная под конкретные задачи общества и трудовых коллективов, политических партий и каждого конкретного человека. Она распространяется на все сферы жизни современного общества. Социолог – это высокопрофессиональный специалист, который, прибегая к новейшим методам получения и обработки полученных данных, создает детальную картину особенностей состояния и развития трудовых коллективов и политических партий, общества в целом. Важность и уникальность профессии социолога основывается на его умении анализировать и диагностировать негативные явления, уяснять суть разнообразных социальных проблем, анализировать полученные результаты, быстро реагировать на возможные изменения в социальной структуре пред-

приятий и различных социальных институтов, предлагать меры по стабилизации и улучшению сложившейся ситуации в каждой конкретной структуре. Однако проблем у белорусской социологии действительно очень много. Еще больше перед ней стоит задач.

Социологи постоянно работают с фактами, научились их получать, но некоторые из сотрудников до сих пор не поняли, что наука – это не только поиск новых фактов, но и, прежде всего, определение взаимосвязей между ними, причин появления тех или иных явлений. Иногда научная интерпретация фактов намного важнее, чем их выявление. Вникнуть в сущность явлений, понять их внутренний мир, найти связи – это сложная и напряженная работа социологов. Ею надо постоянно и целенаправленно заниматься. Интеллектуальный анализ социологической информации должен базироваться на обработке массивов больших данных, включая структурированную и неструктурированную информацию из социальных сетей, блогов, форумов, новостных порталов, выступлений в Администрации Президента, парламенте, правительстве, местных советах депутатов, а не замыкаться в узких эмпирических результатах, опираясь на «ползучий эмпиризм». Важно определить, как действуют прямые и обратные связи, выражающиеся в тех или иных социальных действиях, управленческих и политических решениях, отношениях между министрами и широкими народными массами, парламентариями и их избирателями. Обработка огромного числа источников информации самого различного формата, как структурированной, так и неструктурированной, как вычислимой, так и невычислимой, помогает более глубоко и более точно познать окружающую реальность. При анализе эмпирических данных важно использовать возможности других наук. Например, при помощи математических методов можно обрабатывать огромные массивы данных, на основе этого находить неочевидные связи и зависимости, визуализировать их. Затем социологи, основываясь на собственном опыте, интуиции и понимании, находят объяснения этим неочевидным связям и зависимостям, познают так называемый «неуловимый эфир» и способствуют принятию необходимых политических или управленческих решений.

Наблюдается разрыв теории и практики. Очень часто анализ социологических исследований, осмысление полученных результатов ограничивается добросовестным их пересказом, количественными описаниями в таблицах и графиках. Причем исследователи даже не претендуют на широкие научные обобщения и выводы, без которых не реально дальнейшее развитие социологической науки. Это очень плохо, учитывая то, что сегодня между массовыми опросами и теорией есть еще пласт исследований «среднего уровня», не подкрепленных теорией. Наука, не имеющая целостной системы постулатов, а значит, и теории, – это не совсем удачные попытки фрагментарного описания довольно разрозненных общественных явлений и процессов. Для дальнейшего совершенствования эмпирических исследований нужна строго заданная система специфических методических приемов, наблюдений, экспериментов,

постоянная проверка и перепроверка исходных инструментов и гипотез, оценка их адекватности, надежности, результативности. Причем следует это делать быстро и надежно, так как современный этап развития белорусского общества не прощает небрежности и равнодушия, упрощения и ошибок. Все это очень важно для социологии, так как здесь господствует методологический плюрализм, граничащий с эклектикой.

Следует обратить особое внимание еще на одну проблему – полнейшее отсутствие в национальной социологической науке необходимой координации действий. Институт социологии НАН Беларуси еще не стал, как требуют того нормативные документы государства, главным координирующим социологическим центром страны. Для устранения этой проблемы предлагается создание специального кластера. Необходимо формирование совета или какой-то другой структуры, важнейшими задачами которых будут выработка приоритетных направлений исследований в социологии, их координация и повышение практической значимости результатов. Планы, методики, результаты социологических исследований всех социологических структур страны должны обсуждаться на заседаниях совета. Это позволит избежать дублирования исследований, применения непроверенных методик, выдачи не совсем точных социологических результатов. Учитывая низкое качество многих социологических диссертаций, все кандидатские и докторские исследования по социологии, а также монографии и важнейшие статьи должны обсуждаться на этом совете. Его решения будут носить рекомендательный характер, однако без обсуждения на заседании никто не вправе выносить работу на защиту. Кроме того, социологическое сообщество должно знать, кто и какую работу подготовил, и какой ее уровень. Но самое главное, благодаря данному кластеру социологи будут учиться друг у друга, помогать друг другу, по крупице перенимать передовой опыт и расти в профессиональном плане. Необходимы воля, управленческое решение и определенная нормативная база. Без решения данной проблемы социологии будет трудно эффективно выполнять поставленные Президентом страны и национальным государством задачи.

В последние годы резко активизировался рынок социологических услуг. Здесь тоже наблюдаются свои колебания конъюнктуры, действует свой баланс спроса и предложений, бушует инфляция, происходят банкротства, формируются огромные капиталы, тем более что социологическая информация стала специфическим и весьма ходовым товаром на политическом рынке, существенным аргументом в политической борьбе и ожесточенной экономической конкуренции. В конце прошлого столетия бесчисленные маркетинговые исследования сменяются не менее многочисленными политическими эмпирическими опросами. Сегодня уже невозможно представить избирательную кампанию без широкого привлечения социологических служб. Как, впрочем, и экономические отношения без активного использования результатов социологических исследований, показывающих потенциальные возможности в конкурентной борьбе. В данном аспекте перед социологическими службами стра-

ны стоит очень сложная задача, так как Беларусь находится перед тремя избирательными компаниями – в местные Советы депутатов (2014), Президента страны (2015) и парламентскими выборами (2016). Тем более, что все субъекты избирательного процесса заинтересованы в объективной, надежной и своевременной социологической информации.

Постоянно возрастает роль социологического знания в разработке нормативных актов, парламентских законопроектов и управленческих решений правительства, которые должны социологически осмысливаться и обосновываться. Кроме того, принятие любого решения, затрагивающего интересы широких народных масс, требует обязательного прогнозирования социальных последствий в ближайшей и отдаленной перспективе, что может сделать, прежде всего, социологическая наука. Как показывает социальная практика, внедрение любой социальной инновации требует тщательного научного социологического анализа, соответствующих методологии и методики, научного изучения общественного мнения. Институт социологии проводит большое количество социологических исследований, получает много интересной и важной эмпирической информации, но она не всегда доходит до властных структур и эффективно ими используется. Концептуальная и институциональная принадлежность к социологии обуславливает особую важность социологической информации внутри академического сообщества, по многим причинам не гарантирует ее востребованности вне его рамок. Оказывается, одна часть социологической информации была актуальной вчера, другая – будет важна завтра, третья – интересна только узкой группе специалистов, на реализацию проблем, находящихся в основе четвертой, у государства нет денег. Иногда даже жаль потраченного времени. Социологическую информацию важно перевести в режим реального времени. Поэтому в ближайшее время будут заключены договора о сотрудничестве с рядом министерств и ведомств. Институт будет получать социальный заказ властных структур, наиболее актуальные их проблемы будут внесены в планы работ отделов института, для их решения будут проведены фундаментальные и прикладные исследования. Для Института очень важна и обратная связь, детерминирующая дальнейший ход социологических исследований. Однако следует отметить, что иногда органы управления не учитывают рекомендации социологов, действуют им вопреки, что, кстати, во многих случаях приводит к негативным результатам. Социальная реальность подтверждает, что без широкого привлечения социологии к управлению обществом страна обречена раз за разом допускать досадные, дорого обходящиеся государству и людям ошибки.

Актуальным для белорусской социологии является формирование социологического знания и мышления у всех социальных слоев и групп населения, но прежде всего у руководителей различных уровней и государственных служащих. Совершенно не смешно, когда работники того или иного государственного органа не знают, что такое «репрезентативность», не понимают, что при определенной репрезентативности достаточно опросить две тысячи ре-

спондентов, а не десять тысяч и не пятнадцать, и получить точные эмпирические данные. И вообще, каждый член белорусского общества должен быть в определенной степени социологически образован, понимать значение и роль социологического знания в современных, достаточно сложных условиях, уметь дать социологическую оценку своим действиям.

Социология – самая близкая к людям общественная наука. Она еще не стала «царицей всех наук», разрабатывающей основные законы общества. Но для социологии важно, чтобы каждый человек стал потребителем социологического знания, чтобы обыватели ждали результатов социологических исследований основных структур страны и могли их использовать в повседневной жизни, чтобы социологическое знание стало настоящим товаром для всех. Сегодня, к сожалению, даже «продвинутая» часть общества никогда не слышала о некоторых социологах, хорошо известных только в чересчур узких кругах.

Важно и дальше расширять поле социологических поисков и исследований. Фокусировка социологического внимания на постоянно изучаемых проблемах, использование до зевоты известных приемов и методов приводят к бесконечно повторяемому ритуальному раскачиванию в заданных координатах. Так быть не должно. Типичный пример. Государство ставит перед белорусским спортом высокие задачи, особенно на международной арене. Однако что получается на деле? На чемпионате мира по легкой атлетике в Москве национальная команда страны, бывшая когда-то второй в мире, не завоевала ни одной медали. Мировой форум по боксу в Казахстане сложился крайне неудачно. Лучший из белорусских боксеров пробился только в 1/8 финала. За прошедшие в первой половине 2013 г. 15 чемпионатов мира (7 зимних и 8 летних видов спорта) белорусские спортсмены завоевали лишь одну золотую медаль. Спортивные коллективы государства, вкладывающего огромные деньги в спорт, уступают командам даже небольших по территории и населению стран, состоящих из полупрофессионалов и любителей. Выступление национальной сборной Республики Беларусь по хоккею, занявшей 14-е место на последнем чемпионате мира и с огромным трудом оставшейся в мировой элите, повергло в шок всю страну. Скоро и в Беларуси пройдет очередной чемпионат мира по хоккею. Но, кажется, сегодня мало кого, кроме Президента страны, волнует выступление национальной команды страны на престижном мировом форуме. Атмосфера глубокой провинциальности и откровенного пренебрежения законом страны царит сегодня в белорусском спорте. Анализ его глубинных проблем требует проведения разнообразных научных исследований, в том числе в социологии спорта. Однако ее в Беларуси до сих пор как не было, так и нет.

В условиях неопределенности и постоянных рисков, нехватки материальных и духовных ресурсов и непрерывных перемен, нестабильности все чаще на первый план выходят лидерские компетенции политических и социальных субъектов. Это не удивительно, так как в современных условиях от решений, принимаемых лидерами, зависят политическое и экономическое состояние

общества, трудовых коллективов, благосостояние миллионов людей. В то же время мало кто из общественных субъектов может четко обозначить реальный процесс формирования лидеров, регулируемый строго прочерченным набором смыслов и правовых норм, общепринятых ценностных ориентаций и неформальных правил. В Беларуси как-то утратили интерес к лидерству как к профессионализму и личному обаянию, эрудиции и моральности, симпатии и надежности, умению красиво одеваться и четко выражать свои мысли. В то же время социология лидерства в стране находится на низком уровне и подсказать некому.

Еще один момент. Деятельность экономических механизмов не всегда обеспечивает повышение экономической эффективности. Ее конечные результаты часто детерминируются мировоззренческими ценностями, нравственными идеалами и ориентациями людей. Как результат, присутствие социологии и здесь обязательно. В этом смысле такой феномен, как промышленная социология советских времен, бывшая реальным участником всех общественных отношений на производстве, до сих пор не превзойден. Сегодня ее практически нет. Но руководители многих предприятий уже понимают, что вслед за внешней средой нужно активно изучать внутреннюю – работать с персоналом, решать проблемы трудовой мотивации, исследовать морально-нравственный климат. Поэтому важно вернуться к этой давно и хорошо забытой модели, но сделать ее принципиально новой – креативной, мобильной, отвечающей на запросы современного общества. Именно заводские социологи способны держать руку на пульсе, заблаговременно вскрывать все проблемы, помогать принимать в условиях дефицита времени и постоянных рисков единственно правильные решения.

Социология должна держать руку на пульсе событий. Это достаточно сложно, тем более что по одним и тем же проблемам у различных людей имеются различные точки зрения, которые могут вылиться в митинги и демонстрации, столкновения и раздراи. Сегодня в центре внимания политиков и ученых, социологов и представителей других отраслей знания оказалась сексуальная ориентация людей. Президент Соединенных Штатов Америки Барак Обама горячо поддержал однополые браки. Он подчеркнул, что понимает, что «слово “брак” у многих людей связано с традициями и религиозными убеждениями. Но в течение нескольких лет я общался с друзьями, родственниками и соседями, со своими сотрудниками. А также я думал о летчиках и моряках, которые сражаются за Америку, но до сих пор чувствуют себя скованными. И с определенного момента я понял, что это лично очень важно для меня, и я думаю, что однополые пары должны иметь возможность заключать брак».

В то же время Президент Российской Федерации Владимир Путин заявил, что «многие евроатлантические страны фактически пошли по пути отказа от своих корней, в том числе и от христианских ценностей, составляющих основу западной цивилизации. Отрицаются нравственные начала и любая тради-

ционная идентичность — национальная, культурная, религиозная или даже правовая. Проводится политика, ставящая на один уровень многодетную семью и однополое партнерство, веру в Бога и веру в сатану». По словам российского лидера, эти страны ждет «путь к деградации и примитивизации, глубокому демографическому и нравственному кризису».

Американские социологи утверждают, что более половины американцев считают, что однополые браки должны быть разрешены, а гомосексуальность не выбор, а естественное состояние некоторых людей. В Беларуси совсем другие ценности, нравственные идеалы и ценностные ориентиры, другие моральные подходы к данному явлению. Как показывают социологические исследования, проведенные Институтом социологии НАН Беларуси, на вопрос «Я не буду против, если кто-то из членов моей семьи вступит в зарегистрированный однополый брак» положительно ответили только 1,6 % населения страны, на вопрос «Я не буду против, если кто-то из членов моей семьи будет жить в однополон незарегистрированном браке» — 2,0 % (причем это, как правило, те, кто положительно ответил и на первый вопрос), на вопрос «Я не буду против, если кто-то из членов моей семьи будет жить в свободном браке нескольких мужчин и женщин» — 1,4 % респондентов. Об этом надо говорить, это надо знать всем.

Или другой пример. Сегодня в целом ряде стран пытаются пересмотреть итоги Великой Отечественной войны, подвергая сомнению решающую роль Советского Союза в победе над фашизмом. Даже в соседней Украине чествуют ветеранов СС. О подвиге советских солдат и всех людей, победивших фашизм, пытаются умолчать, а их самих оболгать. Все чаще приходится встречаться с историческими фальсификациями, причем они становятся все более жесткими и циничными, злыми и агрессивными.

Институт социологии НАН Беларуси провел социологические исследования и выявил отношение белорусов к данному событию. 88,7 % жителей Беларуси считают, что победа в Великой Отечественной войне — это важнейшее событие в истории белорусского народа, по мнению более двух третей — это Великая победа Великого народа в Великой войне. Почти три четверти наших сограждан испытывают в связи с 70-летием освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков чувство благодарности участникам войны, спасшим страну от порабощения, и чувство гордости за страну, победившую фашизм.

Участие Беларуси и белорусского народа в Великой Отечественной войне у более половины белорусского народа ассоциируется с освобождением Беларуси от немецко-фашистских захватчиков, у каждого шестого — с массовым партизанским движением, у каждого десятого — с защитой Брестской крепости. Исследования показали, что Беларусь помнит своих героев, чтит победные традиции, приумножает славу героев. Многие белорусские парни и девушки являются продолжателями победных традиций. Для них «долг», «честь», «Родина», «память» — не пустые слова, а ветераны являются образ-

цами для подражания. Сам факт, что белорусский народ помнит о Великом подвиге, об отцах и дедах-героях имеет огромное значение для сохранения его морального и духовного здоровья, тем более в условиях нынешней, довольно сложной жизни. Социология это подтверждает.

Возвращаясь к началу этой колонки, следует особо подчеркнуть, что сегодня многие люди прекрасно понимают, что без Джека Лондона и Эрнеста Хемингуэя не было бы Америки с ее верой в прекрасное будущее. Социологи в какой-то мере подменяют журналистов и писателей, конструируют социологические модели будущего, находят пути его строительства, мобилизуют широкие народные массы на творческие подвиги, содействуют превращению мечты в реальность.

I. V. KOTLIAROV

**IN SEARCH OF A NEW SOCIOLOGICAL KNOWLEDGE PARADIGM,
or
SOCIOLOGY AS A MIRROR OF BELARUSIAN REALITY**

Summary

The role of Sociology in the life of Belarusian society is shown and the main problems which must be solved by Sociology in terms of innovations and crises as well as acceleration and uncertainties are analyzed.

Keywords: Belarus, Sociology, public opinion, Institute of Sociology, polls, perspectives.

Поступила 26.12.2013 г.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.334.2/3:316.422(476)

Е. М. БАБОСОВ,

*доктор философских наук, профессор, академик НАН Беларуси,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск*

ОСНОВНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СТРУКТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Охарактеризованы социально-политические аспекты проходящей в Беларуси структурной модернизации экономики. Выявлены девять социально-экономических факторов развития этих многогранных процессов, показаны их особенности и значение для повышения конкурентоспособности белорусской экономики, качества и уровня жизни народа.

Ключевые слова: государственное регулирование экономики, человек как личность и субъект политического и экономического процесса, структурная модернизация, производительность труда, конкурентоспособность, оплата труда, благосостояние, качество жизни.

Модернизация представляет собой многоаспектный и многовекторный социальный процесс прогрессивных трансформаций, обновления экономической, социальной, политической, социокультурной сфер общества. Этот процесс включает в себя постиндустриальные, информационно-коммуникационные, инновационные, социально-психологические изменения, приводящие к осовремениванию всех сфер жизнедеятельности человека и общества, позволяющие давать эффективные ответы на вызовы глобализирующегося, нелинейно развивающегося мира.

Решающий фактор модернизации – активная, целенаправленная, достигающая намеченной цели и высокой эффективности деятельность человека как личности и как субъекта исторического процесса. Если личность характеризуется как относительно устойчивая и целостная система социальных качеств, приобретаемых и развиваемых ею в процессе социальных отношений с другими людьми, то субъект – это совокупность деятельностей и меры их продуктивности в процессе социальных взаимодействий с определенной социальной группой (общностью).

Действия отдельных личностей, в которых воплощаются системные закономерности социума, вызывают к жизни и осуществляют модернизационные изменения в обществе, придавая им социальную наполненность и направленность. Именно вследствие основной характерной черты личности – ее *социальности* – активно работающий человек и как личность и как субъект экономической деятельности своим целенаправленным трудом, достигающим высокой эффективности, предопределяет основные социально-политические

факторы структурной модернизации экономики в условиях продуктивно развивающейся в стране политической системы, совершенствования государственного регулирования социально-экономического развития.

Существуют различные типы модернизации – рационализационная, догоняющая, структурная и др. Мы охарактеризуем особые социально-политические факторы структурной модернизации применительно к современному развитию экономической системы Республики Беларусь. Основными трендами такой модернизации экономической и политической системы являются: 1) обеспечение роста производительности труда; 2) совершенствование инвестиционной, денежно-кредитной и бюджетной политики; 3) повышение эффективности управления государственным имуществом в тесном взаимодействии с совершенствованием социальных механизмов приватизации государственной собственности; 4) обеспечение долгосрочного устойчивого экономического роста; 5) повышение конкурентоспособности действующих в стране предприятий и производимых ими товаров и услуг; 6) принятие государством структурных мер реформирования экономической политики, обеспечивающей долгосрочный устойчивый экономический рост; 7) осуществление белорусским государством по согласованию с политическим руководством России и Казахстана единой промышленной политики на территории Единого экономического пространства; 8) стимулирование экспорта; 9) совершенствование оплаты труда.

В пространственно-временных пределах действия каждого из названных социально-политических факторов на период 2013–2015 гг. Планом совместных действий Совета Министров Республики Беларусь и Национального банка по структурному реформированию и повышению конкурентоспособности экономики страны, утвержденным 10 октября 2013 г., намечен целый ряд структурно-модернизационных преобразований в экономике страны [3].

Приоритетную значимость в осуществлении по инициативе высшего политического руководства страны модернизационных преобразований в экономике имеет неуклонный рост производительности труда, воплощающий в себе эффективность производственной деятельности работников, измеряемой количеством продукции, произведенной за единицу рабочего времени (час, смена, месяц, год), или количеством времени, затраченного на изготовление продукции. В целом по республике производительность труда определяется отношением валового внутреннего продукта (ВВП) к численности занятых в экономике. Только повышение производительности труда всех категорий работников создает необходимые условия и предпосылки развития высокорентабельных производств и предприятий, сокращения численности неконкурентоспособных организаций, повышения конкурентоспособности экономики. В этом и состоит сущность действия системообразующего фактора модернизации экономической системы. Под ростом производительности труда обычно подразумевается экономия затрат рабочего времени на изготовление единицы продукции или дополнительное количество произведенной продукции в еди-

ницу времени, что непосредственно влияет на повышение эффективности экономической деятельности, а соответственно, рост доходов населения.

Необходимость существенной структурной модернизации существующей в экономике Беларуси производительности труда предопределяется несколькими обстоятельствами, из которых решающее значение имеют два. Первое из них заключается в том, что намеченные прогнозные параметры роста производительности труда пока еще далеки от реального их состояния. Так, в частности, намеченные темпы роста данного важнейшего показателя на 2013 г., в количественном выражении составляющие 109,3 % по отношению к предыдущему году, составили за период январь–октябрь 2013 г. только 101,1 % [1], что ставит под угрозу невыполнение намеченных прогнозных оценок. Второе обстоятельство, требующее существенной коррекции, состоит в том, что рост производительности труда отстает от роста заработной платы. Это легко проследить, если учесть, что реальная заработная плата в Беларуси в январе–сентябре 2013 г. по отношению к соответствующему периоду 2012 г. составила 118,7 % [1]. В целом по итогам января–сентября 2013 г. рост заработной платы в Беларуси (по данным Министерства экономики) опережал производительность труда на 16,4 % [2]. Поэтому важнейшей задачей структурной модернизации в экономике становится достижение такого состояния в соотношении роста производительности труда по отношению к повышению заработной платы, при котором динамика производительности труда не отставала бы от динамики заработной платы, а опережала ее.

Вторым важным социально-политическим фактором структурной модернизации экономики Беларуси является совершенствование инвестиционной, денежно-кредитной и бюджетной политики. Объектами инвестиционной деятельности являются недвижимое имущество, ценные бумаги, интеллектуальная деятельность. Государственное регулирование этой деятельности включает в себя прямое участие государства в принятии государственных инвестиционных программ и финансировании их за счет средств республиканского бюджета, в оказании инвесторам государственной поддержки, в определении условий приватизации объектов, находящихся в государственной собственности, в содействии развитию рынка ценных бумаг, в предоставлении концессий национальным и иностранным инвесторам, в защите интересов как национальных, так и иностранных инвесторов, в проведении эффективной бюджетно-финансовой, налоговой, денежно-кредитной и валютной политики. В процессе осуществления инвестиционной деятельности белорусским государством разработано и подписано около 60 двусторонних соглашений о содействии, поощрении и взаимной защите инвестиций.

Основным источником роста инвестиций в Беларуси являются собственные средства предприятий, средства консолидированного бюджета и кредиты банков. При этом роль последних постоянно возрастает, потому что государство стремится переложить на банки основную нагрузку по поддержанию реального сектора экономики, предусматривая необходимость их регулярного

рефинансирования за счет республиканского бюджета либо Национального банка.

В процессе реализации инвестиционной политики в Беларуси в 2012 г. использовано 151,9 трлн рублей инвестиций в основной капитал, что в сопоставимых ценах составило 90,2 % к уровню 2011 г. При этом доля инвестиций в машинное оборудование, от чего во многом зависит эффективность экономики, составила в общем объеме инвестиционной деятельности 42,5 %. Поэтому надлежит неуклонно наращивать эти объемы и их долю в инвестициях. Кроме того, необходимо (это как раз и предусмотрено Постановлением Совета Министров Республики Беларусь и Национального банка от 10.10.2013 г.) осуществить конкретизацию и систематизацию отнесения проектов к государственным программам и одновременное формирование системы оценок эффективности государственных программ на стадиях их принятия и реализации.

Вся эта деятельность органично увязывается с совершенствованием денежно-кредитной и бюджетной политики. На протяжении 2014 г. предусматривается ограничение дефицита бюджета сектора государственного управления в целях снижения давления на денежно-кредитный и валютный рынки и привлечения дополнительных доходов в республиканский бюджет. Для достижения этой цели намечено осуществить изъятие в бюджет части чистой прибыли отдельных высокорентабельных государственных предприятий и организаций. Кроме того, будет осуществлено упрощение процедуры реализации земельных участков под индивидуальное жилищное строительство, размещение производственных объектов, что создает возможность получения дополнительных поступлений в бюджет в объеме 500 млрд рублей. Намечено также осуществить более строгие меры по взысканию с плательщиков задолженности по налогам, сборам и пошлинам и ее сокращению не менее чем вдвое по сравнению с 1 августа 2013 г. при одновременном обеспечении полноты и своевременности уплаты ими текущих платежей в бюджет.

Еще одна задача в осуществлении инвестиционной и бюджетно-финансовой деятельности состоит в увеличении притока в страну иностранных инвестиций, поскольку в настоящее время объем таких инвестиций составляет не более 11 % от ВВП. Такая ситуация требует создания более совершенной законодательной базы, делая ее более привлекательной для иностранных инвесторов. Особенно актуальной становится такая деятельность в связи с тем, что за период с 2008 по 2012 г. включительно общий объем иностранных инвестиций в Беларусь на чистой основе (т. е. без учета задолженности прямому инвестору за товары, работы и услуги) снизился с 2180 млн долларов США до 1376 млн долларов при росте общего объема иностранных инвестиций за этот же период с 6560 до 14 330 млн долларов. Правда, следует отметить положительную тенденцию в рассматриваемой сфере, состоящую в том, что прямые иностранные инвестиции на чистой основе в январе–сентябре 2013 г. в Беларусь возросли с 1444,0 до 1812,5 млн долларов, причем в промышленности – с 288,2 до 534,6 млн долларов, т. е. в 1,85 раза.

Еще один существенный социально-политический фактор в структурном реформировании экономической системы Беларуси составляет повышение эффективности управления государственным имуществом, осуществляемое в тесном взаимодействии с повышением эффективности действия социальных механизмов приватизации государственной собственности. Структура государственного имущества включает в себя: а) недвижимое имущество – земельный участок, жилое или нежилое помещение, воздушное судно, речное судно, а также здания, сооружения или объекты незавершенного строительства; б) движимое имущество, доли (вклады) в уставном капитале хозяйственного общества или товарищества. Основные функции управления государственным имуществом предусматривают анализ отношений государственной собственности в сфере управления государственным имуществом и его приватизации; анализ хода выполнения государственных программ, прогнозов социально-экономического развития Республики Беларусь, а также подготовку предложений по вопросам управления государственным имуществом и приватизации при формировании позиций нашей страны в развитии интеграционных процессов, разработке и реализации экономических интеграционных программ в рамках Союзного государства Беларуси и России, в интеграционных объединениях Единого экономического пространства в «треугольнике» Беларусь, Россия, Казахстан, ЕврАзЭС и СНГ.

В процессе структурного реформирования и повышения эффективности управления государственным имуществом в 2014–2016 гг. в Беларуси предусматривается разработка секторального подхода к приватизации государственного имущества и систематизация предложений о его продаже возможным собственникам. Такая деятельность ориентирована в следующей последовательности на различные группы предприятий: а) устойчиво неплатежеспособные и неконкурентные предприятия; б) малые предприятия; в) предприятия с долей государства менее 25 %; г) предприятия с долей государства менее 50 %. Кроме того, планируется организовать постоянное биржевое предложение акций организаций, находящихся в государственной собственности, призванного обеспечить устойчивую прибыльную работу их в течение трех лет. Помимо этого намечено обеспечить права местным Советам депутатов, исполнительным и распорядительным органам определять до 10 ставок налога на недвижимость, земельного налога и арендной платы по неиспользуемому или неэффективно используемому имуществу. Одновременно намечена разработка ряда нормативных правовых актов, предусматривающих изменение порядка поступления в республиканский бюджет средств от продажи государственных пакетов акций и государственного имущества с резервированием части средств для финансирования подготовки тех или иных объектов к приватизации.

Вся эта многогранная деятельность будет осуществляться в едином русле с совершенствованием социальных механизмов приватизации государственной собственности. Они должны служить тому, чтобы в Беларуси осуществ-

лялась приватизация индивидуальная, хорошо продуманная и просчитанная, нацеленная на повышение эффективности производства. Основная ее цель – привлечение в реальный сектор экономики новых инвесторов, заинтересованных в техническом перевооружении производства, в повышении эффективности и конкурентоспособности приватизированных объектов. А критерии здесь простые, подсказанные самой жизнью: насыщение рынка высококачественными товарами и услугами, пользующимися спросом, создание новых рабочих мест, повышение инвестиционной активности, увеличение бюджетных доходов страны.

Основная ставка делается на поиск и привлечение инвесторов, способных к заинтересованному, эффективному и ответственному экономическому действию. Причем заинтересованность понимается и трактуется в широком социальном контексте: заинтересованность не только в получении максимально возможной прибыли, но и в долгосрочном и эффективном развитии белорусских предприятий при неперемennom условии – принятии на себя и реальном выполнении обязательства по улучшению социальных условий работающих. Всякого же рода махинаторам, стремящимся поживиться в процессе приватизации за счет присвоения народного добра, ставится заслон.

Среди различных вариантов приватизации крупных предприятий политическое руководство республики выбирает те, которые оптимально соответствуют интересам народа и государства, интересам работников данного предприятия, его дальнейшему развитию. На первом этапе контрольный пакет акций сохраняется за государством, чтобы убедиться, что инвестор вкладывает свои капиталы в данное предприятие с видом на долговременную перспективу и на повышение эффективности производства, улучшение качества выпускаемой продукции.

Осуществляя стратегическую линию на тщательный, хорошо выверенный с экономической, социальной и политической точек зрения подход к приватизации и привлечению инвесторов в промышленность республики, руководство Беларуси считает необходимым сохранять важнейшие предприятия, определяющие технический прогресс в стране, в руках государства.

В процессе модернизации экономики важное значение имеют структурные меры экономической политики, обеспечивающие долгосрочный устойчивый экономический рост. Осуществление целого комплекса таких мер составляет четвертый социально-экономический фактор структурного реформирования экономической системы Республики Беларусь. В процессе реализации таких мероприятий белорусское государство обращает приоритетное внимание на очень важное обстоятельство: речь идет не просто об устойчивом, а именно о *долгосрочном* устойчивом экономическом росте. В связи с этим намечается разработка программы модернизации социально-политических и социально-экономических отношений в Беларуси, направленной на создание современных властных механизмов и социальных институтов долгосрочного экономического роста, поддерживающих развитие конкуренции, повышение

конкурентоспособности экономики. В связи с этим предусматривается разработка и внесение на рассмотрение Главы государства целого ряда проектов нормативных правовых актов, обеспечивающих эффективность отдельных сфер экономической деятельности за счет снижения их прямого регулирования со стороны государственных структур и унификацию с аналогичными нормами стран – участниц Единого экономического пространства, а по некоторым направлениям создание более привлекательных условий по сравнению с ними. Предусматривается, в частности, разработка правовых актов об инвестиционных фондах, о страховании, о секьюритизации, о государственно-частном партнерстве, об индикативном планировании, об антимонопольном регулировании.

В органической взаимосвязи с этой многогранной законодательно-правовой деятельностью намечается проведение реформы системы управления экономикой. В процессе реализации данной программы предусматривается переориентация целей и функций министерств и территориальных органов государственного управления с развития подчиненных организаций на развитие территорий и видов экономической деятельности. Предполагается наряду с этим осуществить важный этап административной реформы, включающей ликвидацию концернов и создание на их основе корпоративных структур. Важное значение в связи с этим приобретает демонополизация экономики, в первую очередь таких ее отраслей, как энергетика, транспорт, связь, жилищно-коммунальное хозяйство. Предполагается осуществить дальнейшее развитие негосударственного сектора при усилении поддержки малого и среднего предпринимательства.

В рамках намеченных мероприятий по осуществлению долгосрочного устойчивого экономического роста намечено проведение оптимизации (точнее говоря, сокращения) перечня лицензируемых видов деятельности частным бизнесом; совершенствование законодательства о распоряжении государственным имуществом, предусматривающее направление 50 % средств от продажи арендуемого более трех лет недвижимого имущества балансодержателю данного имущества для целей развития организации; проведение реформы рынка акций и ценных бумаг, предусматривающей создание на рынке ценных бумаг институтов коллективного инвестирования, а также расширение возможностей дополнительного привлечения инвестиций.

В системе мероприятий, осуществляемых в русле структурной модернизации органов государственного управления, возрастающее значение приобретает структурно-функциональная перестройка деятельности органов распорядительных структур, осуществляющих управление государственным имуществом. Госкомимуществу предоставляется право осуществлять продажу плохо работающих, неконкурентоспособных, устойчиво неплатежеспособных организаций. Кроме того, предусматривается создание единой антимонопольной системы Республики Беларусь, состоящей из центрального аппарата и его территориальных подразделений, не подчиненных местным исполни-

тельным и распорядительным органам. Республиканским органам государственного управления, облисполкомам и Минскому горисполкому вменяются в обязанность реализация гибкой ценовой политики, применение системы скидок к оптовым ценам, проведение уценки товаров на основании конъюнктуры рынка в целях разгрузки складов от товаров, не находящихся спроса у потребителей.

Своеобразие осуществляемой в Республике Беларусь структурной модернизации социально-экономической политики, обеспечивающей долгосрочный устойчивый экономический рост, проявляется в том, что активную созидательную роль в осуществлении стабильности и долгосрочной устойчивости эффективно функционирующей экономики призваны выполнять все группы экономически активного населения – рабочие и крестьяне (включая фермеров), инженеры и техники, учителя и врачи, писатели и ученые, сотрудники правоохранительных органов и управленческих структур. Вследствие этого устойчивое развитие экономики, социальной сферы, политической системы и культуры во всем многообразии их составных элементов становится жизненным интересом и общей задачей всего белорусского народа.

Социальный императив устойчивого долгосрочного развития состоит в признании того, что основным субъектом и движущей силой социально-экономического развития является человек, обладающий квалификационными и трудовыми возможностями, социальной активностью и мобильностью, достаточными, чтобы обеспечить достижение поставленных стратегических целей. Это означает необходимость всемерного развития и эффективного использования человеческого капитала, повышения качества жизни, наиболее полного удовлетворения потребностей личности, ее духовно-интеллектуального и гражданского возвышения.

В условиях становления и развития социально ориентированной рыночной экономики возрастающую значимость приобретает повышение конкурентоспособности действующих в стране предприятий, производимых ими товаров и услуг. Она реализуется в процессе соперничества между товаропроизводителями за наиболее выгодные сферы приложения капитала, рынки сбыта, источники сырья. Такая конкурентоспособность неразрывно связана с производительностью, оцениваемой как объем товаров и услуг, производимых в стране в расчете на душу населения. Она определяется такими факторами, как качество существующей в стране микроэкономической среды, в которой действуют предприятия, уровень и темп роста производительности труда, объемы и темпы роста промышленного и сельскохозяйственного производства, динамика инвестиций, повышение качества товаров и услуг, соотношение их экспорта и импорта, развитость инфраструктуры, уровень эффективности применяемых в организациях стратегий и принципов управления, динамика доходов населения, прежде всего заработной платы, наличие и реализация в стране монопольного законодательства.

Для повышения эффективности многообразной деятельности, ориентированной на повышение конкурентоспособности рынка труда и производимых

товаров и услуг, в ближайшей перспективе намечается усовершенствовать систему премирования руководителей государственных организаций с долей собственности государства в их имуществе до 10 % от полученного по итогам года прироста чистой прибыли при условии выполнения прогнозных показателей. В едином русле с этими мероприятиями планируется осуществить повышение заработной платы в названных организациях при условии выполнения показателей по выручке на одного работающего. Однако для выполнения таких мероприятий необходимо преодолеть немалое количество препятствий. Самое существенное из них, как отметил Президент А. Г. Лукашенко в процессе заслушивания и обсуждения отчета Правительства и Национального банка в конце ноября 2013 г., заключается в том, что намечаемый к 2015 г. выход белорусской экономики на 60 тысяч долларов реализованной продукции на каждого работающего оказывается под угрозой срыва. Дело в том, что прогнозируемый показатель в этой сфере на 2013 г. намечался в размере 48 тысяч, а выглядит пока только в сумме 43 тысячи на каждого занятого. Поэтому в ближайшее время необходимо наверстывать упущенное, а для этого нужна модернизированная экономика. Во всей этой деятельности необходимо исходить из того, что модернизация осуществляется для обеспечения производства более совершенного продукта и реализации его в конкурентной борьбе на внутреннем и международном рынках. Кроме того, на предприятиях и в организациях следует ввести в действие стимулирующие и поощрительные выплаты работникам, обеспечивающим снижение запасов готовой продукции.

Важную роль в решении всех этих проблем призвано выполнить принятие и введение в действие рассматриваемого в настоящее время в Парламенте республики законопроекта «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции». В соответствии с названным законодательным актом будут четко определены критерии доминирующего положения (монополии): если занимаешь долю в размере 35 и более процентов от оборота, должен объяснить, за счет чего это получено. Еще одно новшество состоит в том, чтобы передать часть полномочий в сфере контроля за недопущением монополистической деятельностью и развитием конкуренции наднациональному органу Единого экономического пространства – Евразийской экономической комиссии, которая станет следить за развитием трансграничных рисков для того, чтобы не допускать демпинга. Введение в действие данного законодательства означает необходимость существенного повышения конкурентоспособности белорусского рынка труда и финансового рынка.

Вот здесь-то и открывается пространство для эффективного действия следующего социально-политического фактора структурной модернизации белорусской экономики. Имеется в виду осуществление единой промышленной политики на территории Единого экономического пространства. Реализация данной программы включает в себя создание на базе Министерства промышленности Республики Беларусь Министерства промышленной политики, наделенного функциями по выработке и проведению единой промышленной

политики в республике и в рамках ЕЭП координации национальных промышленных политик. Это министерство совместно с иными заинтересованными ведомствами станет принимать управленческие решения по организациям, в наибольшей степени зависящим от рынков России и Казахстана по закупаемому сырью, материалам и комплектующим, и экспорту готовой продукции для предложения инвесторам в целях расширения и углубления производственной кооперации.

Кроме того, намечается разработать порядок предоставления субсидий, предусматривающий совершенствование социальных механизмов оказания государственной поддержки, концентрацию направленных средств на приоритетных проектах на основе конкурентного отбора и равного доступа субъектов хозяйствования всех форм собственности к получению промышленных заказов.

Важным социально-политическим фактором модернизации экономики становится стимулирование экспорта. Для совершенствования такого рода деятельности в ближайшей перспективе предусматривается заключение при поддержке государства экспортных контрактов с использованием льготного экспортного кредитования на поставки белорусской продукции в другие страны. Наряду с этим намечается заключение договоров страхования экспортных рисков с поддержкой государства.

Важную стимулирующую роль выполняет намеченная отмена единого торгового сбора при реализации индивидуальными предпринимателями за пределами республики товаров, создаваемых белорусскими производителями. Положительно скажется на экспортной деятельности и усиление контроля при одновременном стимулировании возврата валютной выручки в страну и снижение тем самым дебиторской задолженности. Но самое важное, на чем следует сконцентрировать экспортную деятельность – достижение сбалансированности внешней торговли товарами и услугами. По прогнозу на 2013 г. сальдо внешней торговли в процентах к валовому внутреннему продукту должно было составить плюс 0,7 %, а реально оказалось на период январь–сентябрь 2013 г. – минус 0,7 %. Поэтому государственным органам всех уровней необходимо предпринимать энергичные усилия, чтобы отрицательное сальдо заменить на положительное.

В системе структурной модернизации экономического развития Беларуси приоритетное значение приобретает иницилируемое государством совершенствование системы оплаты труда, поскольку самая важная задача, стоящая ныне перед страной, ее экономической, социальной и политической системами – повышение качества и уровня жизни граждан. Основным движущим фактором эффективного решения этой задачи является нарастающее формирование доходов большинства населения. Доходы населения представляют собой вознаграждение, которое получают люди со стороны общества и его социальных институтов и организаций за свою деятельность, в основном трудовую. Поэтому основным средством формирования доходов является заработная пла-

та. Правда, в реальной действительности доход не исчерпывается заработной платой. В его структуру входят оплата по труду всех категорий работников, пенсии, различные пособия, стипендии и другие социальные трансферты, доходы от собственности в виде процентов по вкладам, ценные бумаги, дивиденды, доходы лиц, занятых предпринимательской деятельностью, доходы от продаж иностранной валюты.

Следует иметь в виду, что за последние 10–13 лет в структуре доходов населения Беларуси произошли существенные изменения. Так, например, доля оплаты труда работников в общей структуре доходов возросла с 51 % до 65 %, доля трансфертов (пенсий, стипендий и др.) увеличилась с 17,9 % до 20,0 %, доходы от предпринимательской и иной деятельности снизились с 28,4 % до 10,5 %, доходы от собственности (проценты по депозитам, дивиденды и прочие доходы от собственности) возросли с 1,8 % до 3,1 %.

Для повышения эффективности белорусской экономики существенное значение имеет упрочнение тенденции к возрастанию доли оплаты труда, что отражается в динамике такой оплаты в 2011–2013 гг. Соотношение реального роста заработной платы за период январь–сентябрь 2012 г. по отношению к тому же периоду 2011 г. составило 115,4 %, а за период с января по сентябрь 2013 г. в соотношении с таким же периодом предыдущего года – уже 118,7 %, т. е. на 3,3 % больше.

Для того чтобы названная тенденция сохранялась, а роль труда в структурном реформировании экономической системы увеличивалась, необходимо в ближайшей перспективе создать систему государственных социальных гарантий работникам в области стимулирования и оплаты труда в соотносительности с минимальным потребительским бюджетом и экономическими возможностями народного хозяйства республики с целью преодоления социально несправедливой и экономически неоправданной ситуации, при которой люди, официально нигде не работающие («челноки», «менялы», спекулянты и др.), получают более высокий доход, чем работающие.

Кроме того, всем республиканским ведомствам, предприятиям и организациям необходимо предпринимать энергичные действия, ориентированные на создание новых рабочих мест с помощью благоприятных кредитно-финансовых, налоговых и инвестиционных предпосылок, на расширение профориентационных услуг, совершенствование профессиональной подготовки и переподготовки кадров, оказание помощи в трудоустройстве различным группам населения, прежде всего молодежи.

Для повышения роли добросовестного и качественного труда работников в структурной модернизации экономики необходимо добиваться повышения заработной платы без превышения коэффициента соотношения роста производительности труда к росту заработной платы в размере 1,03. Такая ориентация экономической деятельности тем более необходима, что по итогам января–сентября 2013 г. рост заработной платы в нашей стране на 16,4 % опережал производительность труда. Поэтому следует активно стимулировать опере-

жающий рост производительности труда, составляющий решающий фактор конкурентоспособности и эффективности экономической системы Беларуси, роста благосостояния, качества и уровня жизни народа.

Литература

1. Выполнение важнейших параметров прогноза // Социально-экономическое положение Республики Беларусь в январе–октябре 2013 г. / Белстат – Белорусский национальный статистический комитет [Электронный ресурс]. – Минск, 2013. – Режим доступа: http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/doclad/2013_10/1.pdf. – Дата доступа: 02.12.2013.
2. Основные социально-экономические показатели // Социально-экономическое положение Республики Беларусь в январе–октябре 2013 г. / Белстат – Белорусский национальный статистический комитет [Электронный ресурс]. – Минск, 2013. – Режим доступа: http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/doclad/2013_10/2.pdf. – Дата доступа: 02.12.2013.
3. План совместных действий Совета Министров Республики Беларусь и Национального банка по структурному реформированию и повышению конкурентоспособности экономики Республики Беларусь // Совет Министров Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Минск, 2013. – Режим доступа: <http://www.government.by/upload/docs/filebf535b23cb8884fb.PDF>. – Дата доступа: 02.12.2013.
4. *Бабосов, Е. М.* Особенности деятельности человека в экономической системе / Е. М. Бабосов // Человек в социальных системах. – Минск: Беларус. навука, 2013.

E. M. BABOSOV

THE MAIN SOCIO-POLITICAL FACTORS OF STRUCTURAL MODERNIZATION OF THE ECONOMY OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Summary

In the article, the author describes some socio-political aspects of the structural modernization of economy which is held in Belarus. Nine socio-economic factors of these complicated processes of the development were revealed. The article shows their features and the meaning for competitiveness improvement of the Belarusian economy as well as the quality of people's lives and the standard of living of the population.

Keywords: government regulation of economy, a person as a personality and a subject of political and economic process, structural modernization, labour productivity, competitiveness, work payment, well-being, quality of life.

Поступила 13.12.2013 г.

И. В. КОТЛЯРОВ,

*доктор социологических наук, профессор,
директор Института социологии НАН Беларуси, г. Минск*

ЛИДЕРСТВО КАК ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ И ОБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ

Раскрыты основные теоретические и методологические аспекты лидерства, по результатам многолетнего социологического мониторинга проанализировано отношение жителей Беларуси к основным политическим процессам и лидерам независимого белорусского государства.

Ключевые слова: Республика Беларусь, социология, общественное мнение, социологические опросы, лидеры, личностные качества, тренды.

В Советском Союзе, пожалуй, не было человека, который не знал, кто такой Алексей Стаханов. «Работаешь, как Стаханов», – говорили о тех, кто всегда был впереди, кто был настоящим лидером. Конечно, уже многие не помнят, откуда пошло это выражение и кто такой Стаханов. 31 августа 1935 г. на шахте «Центральная-Ирмино» (Донбасс) группа шахтеров, состоящая из забойщика Алексея Стаханова и двух крепильщиков, установила мировой рекорд по добыче угля. За одну смену она добыла в 14 раз больше угля, чем предписывалось по нормам на одного человека. Позднее этот рекорд был побит еще вдвое.

Вскоре появились последователи – ткачихи Евдокия и Мария Виноградовы, сталевар Макар Мазай, машинист локомотивного депо Петр Кривонос, трактористка Прасковья Ангелина и другие. Движение приобрело всенародный масштаб и стало называться «стахановским». Последователи лидера, новаторы социалистического производства – рабочие, колхозники, инженерно-технические работники постоянно превышали нормы производства, применяли новые формы организации работы, становились лидерами в своих отраслях.

Алексей Стаханов, по мнению высокопрофессиональных специалистов в горном деле, заслуженно стал лидером и символом эпохи. Он стремился дать стране как можно больше угля и совершенствовать организацию труда. Что бы о нем сегодня не писали и не говорили, знаменитый шахтер намного опередил время и заглянул в будущее, впервые применив в шахте конвейерный принцип работы. Фотография Стаханова в декабре 1935 г. была помещена даже на обложку журнала «Time».

Это типичный пример, когда один человек, простой рабочий из скромной семьи, став лидером, добился огромных успехов. Он еще раз подтвердил, что лидерство является важным общественным феноменом, который способст-

вует решению многочисленных вопросов, одним из центральных концептов в современной науке. Его специфика заключается в том, что лидерство затрагивает большинство факторов развития современного общества. В последние годы вырос научный и практический интерес не только к самой персоне лидера, но и к анализу лидерства как комплексного явления. Формирование будущих лидеров стало для современного общества важнейшей государственной стратегической задачей.

Как показала социальная реальность, лидерство на протяжении многих веков играло значительную роль в жизнедеятельности отдельных индивидов и государств в целом. Легенды и мифы о том, что отличает «больших лидеров» от «простых людей», всегда волновали широкие народные массы. Известный американский ученый Бернард Басс писал: «В зачаточном состоянии изучение истории было изучением деятельности лидеров – что они сделали и почему они сделали это так» [16, с. 3].

Первые дошедшие до современных исследователей серьезные источники, свидетельствующие о важной роли правителей в жизни государства и общества, содержании и задачах их деятельности, относятся к первому тысячелетию до нашей эры. Древняя история – это эра выдающихся людей и событий, в которой существовал культ сильных и мужественных людей, культ сильной власти. Античные мыслители Плутарх, Перикл, Гомер, Пифагор, Гераклит, Геродот, Демокрит, Протагор, используя накопленные опыт и знания, рассматривали историю как результат деятельности необыкновенных личностей.

В прошлом столетии в связи с резким усложнением задач общественного развития возникла новая волна интереса к проблемам лидерства. В центре его находилась идея, что эффективное лидерство, стиль и способы осуществления лидерских функций способны существенно влиять на полезность деятельности структур различного уровня. Развитие гуманитарного знания в целом и социологии в частности создавало фундамент для научных исследований лидерства.

В первые десятилетия XX в. была создана одна из самых известных теорий лидерства – «теория черт», которая долгое время была доминирующей. Данная теория основана на предположении, что некоторые люди являются прирожденными лидерами благодаря наличию у них качеств, которых нет у других. Способность к лидерству понимается как свойство одаренной личности, обеспечивающее индивиду центральное положение в любой группе и в любой ситуации. Лидерство – удел избранных, не все могут стать лидерами. Данный подход широко использовался в концепциях, которые активно разрабатывали Фрэнсис Гальтон, Эмори Богардус, Ральф Стогдилл, Ричард Манн, Уоррен Беннис, Эдвин Гизели, Фредерик Адамс Вудс, Эдвард Боргатта, Киви Берд, Шелли Кирпатрик, Раймонд Кеттелл, Ордуэй Тид, Гарри Юкл, Алан Браймен и другие исследователи. Долгие годы многочисленные исследования были направлены на поиск универсального комплекса определенных личностных качеств или характеристик.

Представления о лидерстве как о продукте ситуации начали развиваться еще в средние века. Фома Аквинский утверждал, что любые исторические события, как и появление царей и героев, находятся в полной зависимости от Божьей воли. Во времена Французской Реставрации были популярными представления о том, что появление героя зависит, прежде всего, от развития исторических событий, а лишь потом от личностных качеств самого героя. Ситуативная теория исходит из относительности и множественности лидерства. Кекиль Джибб утверждал, что «лидерство есть функция личности и социальной ситуации и их обеих во взаимодействии» [17, с. 273]. Согласно этой точке зрения, для того, чтобы стать эффективным лидером, не нужно быть «великим человеком», а нужно появиться в нужное время в нужном месте.

Дальнейшее развитие научной мысли привело к возникновению принципиально новых концепций лидерства, в которых основное внимание сместилось в сторону взаимодействия лидера и его последователей. Авторы концепции «определяющей роли последователей», или «теории конституентов», доказывали, что лидер выражает и представляет интересы и ожидания последователей. Они объясняли феномен лидера по аналогии с известной пословицей «свита делает короля» – через его последователей. Данная теория видела специфику лидерства не в личности, а в ожиданиях ведомых, принимающих или отвергающих лидера.

Впервые тему последователей довольно широко исследовал профессор кафедры бизнеса Университета Карнеги–Меллона Роберт Келли. В статье «Хвала последователям», а затем в книге «Власть последователей» он выдвинул и обосновал идею, что последовательство – важнейшая составляющая лидерства, и говорить о лидерах в отрыве от последователей не имеет никакого смысла. Понять суть лидерства можно лишь в том случае, если детально разобраться в исключительно сложной системе «лидер – последователь». Конкретные действия лидеров в определенной степени детерминируются взглядами и ценностными ориентациями последователей, которые формируют мировоззрения лидеров, сознательно или бессознательно поддерживают желательное поведение и порицают нежелательные действия [20; 21].

Сегодня исследователи все чаще и чаще утверждают, что суть лидерства – последователи. Профессор школы Кеннеди Гарвардского университета Барбара Келлерман в книге «Идущие за лидером. Как подчиненные создают изменения и меняют своих лидеров» особо подчеркивает, что возрастающая роль последователей создает более сложные условия деятельности лидеров, повышает требования к личным качествам, идеалам и ценностям. Эра безраздельного «имперского» лидерства подходит к концу. «Холст, на котором мы рисуем, слишком мал. На нем должно быть изображено нечто большее, чем очертания фигуры лидера. На нем должно найтись место и последователям... От истории великих людей мир переходит к системе, когда лидер играет все меньшую, иногда даже второстепенную роль» [7]. Исследователь, ссылаясь на

французскую и американскую революции, подчеркивает, что последователи не постоянно вырывают власть у лидеров.

В то же время следует отметить, что в современных реалиях, условиях бархатных революций и народных бунтов, общественных катаклизмов и революционных бурь, резко возрастает роль народных масс, так называемой «толпы», по образному выражению Габриеля Тарда. Российский писатель и журналист Александр Казинцев в книге «Возвращение масс» подчеркивает: «Опыт народных движений показывает: не вожди ведут массы, а массы ведут вождей, буквально выталкивая их вперед, заставляя действовать. В том же Непале оппозиция, получив власть (после месячного противостояния король вынужден был созвать парламент), медлила с декретом об ограничении полномочий монарха. Ну, разумеется, лидеры партий – часть той же элиты. Слабейшая часть – поэтому они и оказались в оппозиции, но круг-то общий! Вернувшись в среду избранных благодаря народному мужеству, они первым делом попытались предать массы и договориться с бывшим противником. Раскусив эти намерения, толпы снова заполонили улицы, скандируя: “Не обманите ожидания народа!” И долгожданный декрет был тотчас принят, причем единогласно» [5, с. 11].

А. Казинцев утверждает, что народ достоин своего вождя, а вождь достоин своего народа. Претензии и упреки, восторги и проклятия могут быть и, как правило, бывают взаимными. Писатель делает интересный вывод: «Подчиняясь вождю, массы одновременно подчиняют его своим целям. И народным традициям, и народным представлениям о лидере. И тому своду бесчисленных заветов и правил, без которых невозможна неформальная, но тем более значимая легитимация вождя» [5, с. 46].

В последние годы особый интерес вызывают концепции лидерства, обобщающие воздействие комплекса субъективных и объективных факторов на механизмы целенаправленного влияния на общественные процессы. Такими являются теории «распределенного лидерства» и ролевой дифференциации. «Топ-коллективы» всегда состоят из настоящих лидеров, притирка которых проходит далеко не всегда гладко. Как показывает социальная реальность, не всегда необходимо иметь одного и того же лидера на всех этапах коллективной деятельности, и процесс лидерства может реализовываться не единолично, а распределяться между членами группы или спортивной команды, объединенных общей целью.

Как утверждают известные исследователи Алан Коэн и Дэвид Брэдфорд, процесс лидерства, как правило, растянут во времени. В ходе решения одного проекта существуют различные этапы деятельности и соответствующие им цели и задачи. Реализация этих задач зависит от личностных характеристик, качеств и умений многих людей. В данном случае лидерство передается как бы по эстафете. Лидером на каждом этапе может быть тот член группы, чьи личностные качества являются наиболее важными именно в данный промежуток времени, на этом этапе решения поставленной задачи. Обладатель данных

личностных качеств и становится лидером, координируя деятельность всей структуры. После завершения данного этапа лидерство передается другому члену коллектива, прежний лидер становится ведомым. Такая система, на первый взгляд, выглядит экзотической, однако социальная практика показывает, что именно распределенное лидерство позволяет получать уникальные результаты [8; 9].

Представляет интерес концепция виртуального лидерства. По мнению многих исследователей, такое лидерство представляет собой сочетание мышления и поведения, высоких профессионализма и личностных качеств. При выполнении этих условий присутствие лидера становится латентным. Лидер с таким мастерством управляет процессами так, что последователи не замечают его действий. Ори Брафман и Род А. Бекстрем в книге «Морская звезда и паук. Неудержимая сила организаций без лидеров» пишут, что «морские звезды» – это сообщества, живущие без лидеров по принципу самоорганизации и успешно развивающие внутри себя горизонтальные связи. «Пауки» – это традиционные структуры с четкой иерархией и лидерством по принципу «сверху вниз». Если вы оторвете голову «пауку», он умрет». «Но если отрежете щупальце у «морской звезды», она отрастит новое, а отрезанное щупальце может вырасти в новую «морскую звезду», – подчеркивают авторы исследования. – Традиционные организации напоминают «пауков», но в наше время бизнес и весь окружающий мир меняются благодаря появлению «морских звезд» и формированию латентного лидерства» [1].

В настоящее время одной из самых популярных на Западе является теория лидерства для себя. Многие исследователи утверждают, что настоящее лидерство начинается с эффективного лидерства для себя. Согласно концепции Чарльза Манца и Генри Симса-младшего, лидеры должны научиться сначала правильно, эффективно вести себя, прежде чем они смогут эффективно вести за собой других: «Если вы хотите кого-то вести за собой, надо сделать первый важный шаг – вести себя» [24, с. 25]. В центре внимания концепций лидерства для себя находится человек, индивид. Именно от самого человека во многом зависит, кем он станет завтра, как сложится его личная жизнь, его карьера. От конкретного человека во многом зависит, как будет развиваться и вся организация, в которой он работает.

Self-лидерство, или лидерство для себя, как отмечали известные исследователи лидерства Чарльз Манц, Кристофер Нек, Джон Максвелл, Кен Бланшар, Эндрю Брайант, – это понятие, используемое для описания всеобъемлющей теории лидерства, которое демонстрирует существенную популярность и внушительный потенциал для современных организаций. Шарон Норрис в статье «Экспертиза Self-лидерства» предлагает следующее определение лидерства для себя – «это процесс воздействия на самого себя для формирования самостоятельности и самомотивации, необходимой для выполнения поставленных задач» [27, с. 44]. Self-лидерство, по мнению Ч. Манца и К. Нека, это своеобразный подход к лидерству, который основан на социальной когни-

тивной теории и теории внутренней мотивации и определяется как «процесс влияния на самого себя» [23, с. 5].

Представляет интерес и популярная в США и некоторых других странах концепция суперлидерства. По мнению классиков этой теории Чарльза Манца и Генри Симса, самый эффективный лидер (SuperLeadership) – это тот, кто стремится сформировать лидеров из идущих за ним индивидов. Они предложили следующее определение: суперлидер – лидер, имеющий в своей первой линии одного и более лидеров [26, с. 5]. В работе «SuperLeadership: по ту сторону мифа о героическом лидерстве» они отмечают, что когда выделяются лидеры, чтобы стать сильнее и получить больше роста и внимания, последователи часто становятся слабее и чувствуют себя менее значительными. А лидеры со слабыми последователями, которые получают небольшую помощь и поддержку, действительно слабые лидеры, и их организации в целом являются уязвимыми в условиях жесточайшей конкуренции» [25, с. 16].

«SuperLeadership», по мнению Ч. Манца и Г. Симса, является комплексом поведенческих и когнитивных стратегий, призванных обеспечить личную направленность и мотивацию у последователей [25]. Основная задача таких стратегий лидерства – воспитание у последователей лидерских качеств, реальных возможностей в ближайшем будущем стать эффективными лидерами.

Суперлидерство уделяет основное внимание росту и развитию лидерских качеств у последователей. В нем выделяют несколько важных целей. Среди них:

- разработка условий, способствующих позитивному отношению к последователям;

- помощь сотрудникам в разработке личных целей;

- разработка командных целей;

- поощрение успехов и распространение информации об этом среди последователей;

- поддержка и мотивация друг друга.

Существует и ярко выраженный негативный подход к лидерству. В течение сорока последних лет исследований лидерства наблюдается стабильный рост числа работ, ставящих под сомнение полезность, важность и необходимость лидерства. Начиная с отсутствия согласованности и неудовлетворенности результатами исследования «теории черт», критики все чаще ставят под сомнение методы, используемые исследователями при анализе различных проблем лидерства. Авторы подобных концепций убеждены, что вера в иерархию и необходимость лидеров в сложных ситуациях основана на вне-рациональных стремлениях. Тенденции социальных групп и индивидуумов создавать социальные запреты и неосознанно действовать в соответствии с ритуалами оформляются в процессы построения виртуальной реальности, где преобладают мифические составляющие лидерства [8; 9].

Отрицательное отношение к лидерству можно разделить на две большие части. Первая часть ученых утверждает, что в целом лидерство не срабатывает, не способно дать существенный управленческий эффект, не обнаружено ника-

кой сильной, устойчивой связи между конкретными действиями лидера и эффективностью деятельности организации. Другая часть исследователей вообще убеждена, что понятие «лидерство» – это очень спорная концепция, искусственно придуманный концепт, которого в природе вообще не существует.

Австралийский исследователь лидерства Филипп Ральф в работе «Лидерство без серебряных пуль: Лидерство для лидерства» особо подчеркивал, что в настоящее время лидерство по самым разным причинам вообще не работает. Мы до сих пор не способны ответить на казалось бы простые вопросы: «Что же такое реальное лидерство? Какие качества или атрибуты необходимы, чтобы быть эффективным лидером? Почему некоторые люди являются лидерами, а другие – нет? Почему отдельные люди успешны в жизни, в то время как другие с таким же талантом и уровнем мотивации являются типичными неудачниками? Почему некоторые люди в организации способны вдохновить других и выявить их лучшие качества, в то время как другие предпочитают ждать и терпеть?» [28, с. 19].

Ученые Школы менеджмента при Сиракузском университете Гарри Геммил и Джудит Оакли создали теорию лидерства как социального мифа отчуждения. Они убеждены, что лидерства как социального феномена вообще не существует. «Люди создают миры своих ментальных конструкций, в которых становятся собственниками своих собственных представлений» [3, с. 369]. Вера в иерархию и необходимость лидеров основана на внерациональных чувствах. Стремление социальных групп и индивидов создавать защитные механизмы, «главная задача которых – подавление потребностей, эмоций и желаний, неприемлемых при совместном проживании людей», и действовать в соответствии с ритуалами приводят к построению виртуальных конструкций, созданию мифа, именуемому «лидерством» [3, с. 368].

С данными подходами трудно согласиться. Лидерство не является мифами и пародиями, симулякрами и фантомами, миражами и подделками. Оно существует, как общественный феномен, является катализатором и индикатором социальной активности общества. Без лидерства трудовые коллективы и политические партии, социальные группы и страты становятся менее востребованными и неэффективными, теряют под собой почву. И в то же время многие современные теории лидерства достаточно противоречивы и не дают исчерпывающих ответов на поставленные вопросы. Имеются случаи полной несопоставимости теорий между собой и несоответствия существующей практике. Особую сложность пониманию лидерства добавляет тот факт, что термин «лидерство» является производным от английского слова «leadership», используемого большинством зарубежных исследователей для обозначения и лидерства, и руководства.

Социологическая наука доказывает, что именно лидерство в современных условиях является мощным фактором развития инноваций, новаторских технологий и проектов. Белорусскому обществу необходимы лидеры всех уровней, ориентированные на гуманистические ценности, на достижение высоких

целей во всех сферах общественной жизни во имя белорусского народа. Кроме того, лидеры по существу являются трансляторами целей, ценностных ориентаций и установок для членов любой социальной группы.

И все же, что такое лидерство с точки зрения современной науки? От этого определения во многом зависит понимание многих процессов, происходящих в современном обществе. Тем более, что это понятие весьма многогранно. Авторы широко известного на Западе труда «Интегративное определение лидерства» Брюс Уинстон и Кэтлин Паттерсон отметили наличие более 26 тысяч статей, касающихся проблем лидерства, из которых они в своем исследовании использовали сто шестьдесят. Ученым удалось подразделить все проанализированные определения лидерства по различным основаниям и создать 91 кластер, отличающийся по различным переменным [29]. Автор данного исследования проанализировал более тысячи монографий и статей по лидерству, выделил систематизирующие факторы, построил соответствующие кластеры. Причем каждый ученый, считающий себя исследователем лидерства, предлагает свое собственное его определение.

По мнению российского писателя Владимира Войновича, природа делит все живые существа, начиная от сперматозоидов и кончая высшими животными, на вожakov и членов стада. Известный советский писатель Андрей Платонов в романе «Чевенгур» отмечал, что где есть масса людей, там сейчас же является вождь. Масса посредством вождя боится свои тщетные надежды, а вождь извлекает из массы необходимое. По мнению французского психолога Гюстава Лебона, как только несколько живых существ собираются вместе, все равно – будь то стадо животных или человеческая толпа, они автоматически начинают подчиняться авторитету лидера.

Важность и необходимость лидерства как общественного феномена подтверждают социологические исследования, проведенные в конце 2012 г. учеными Института социологии Национальной академии наук Беларуси. Люди знают и понимают, что эффективный лидер способен организовать, мотивировать, мобилизовать людей на решение стоящих перед ними задач. На вопрос «Как Вы считаете, может ли лидер повлиять на успех какого-либо дела, мероприятия?» респонденты ответили следующим образом:

- 1) да – 42,4 %;
- 2) скорее да, чем нет – 30,3 %;
- 3) скорее нет, чем да – 4,3 %;
- 4) нет – 3,7 %.

Таким образом, три четверти населения страны верят в возможности лидеров. Этот тезис подтверждают ответы и на второй вопрос: «На Ваш взгляд, необходим ли лидер в стабильных ситуациях, не требующих поиска новых сложных решений?»:

- 1) да – 28,0 %;
- 2) скорее да, чем нет – 28,6 %;
- 3) скорее нет, чем да – 11,2 %;
- 4) нет – 6,5 %.

Ответы на третий вопрос дают огромную информацию для размышления. Респонденты отметили, что потребность в лидерах составляет:

- 1) в бизнесе – 38,3 %;
- 2) в военной сфере – 23,2 %;
- 3) в государственном аппарате (в органах исполнительной власти) – 33,2 %;
- 4) в гражданских инициативах – 10,5 %;
- 5) в международной политике – 19,3 %;
- 6) в науке – 10,4 %;
- 7) в общественных организациях – 16,0 %;
- 8) в парламенте (в органах законодательной власти) – 11,0 %;
- 9) в политических партиях – 14,3 %;
- 10) в профсоюзах – 9,8 %;
- 11) в религиозных организациях – 4,3 %;
- 12) в семейной жизни – 15,6 %;
- 13) в спорте – 16,2 %;
- 14) в судебных, надзорных, контрольных органах власти – 5,6 %;
- 15) в фермерских хозяйствах – 4,3 %;
- 16) на предприятиях – 22,3 %.

Американские ученые Даниэль Катц и Роберт Канн в известной работе «Социальная психология организаций» назвали пять важнейших причин, детерминирующих необходимость в лидерстве. Чем больше потребность в любой из этих сфер, тем больше вероятность, что найдется личность, которая примет на себя функции лидера. Среди важнейших факторов:

1) незавершенность организационной структуры. Никакой набор правил, планов, процедур или графиков работы не способен описать в совершенстве то, что должно происходить внутри организации, если она хочет выжить и преуспеть. Лидеры помогают интерпретировать эти правила и планы и восполнять недостающие элементы;

2) лидерство как пограничная функция. Организация представляет собой совокупность взаимосвязанных подсистем, а лидеры – это звенья, связующие эти подсистемы;

3) меняющиеся условия среды. Организация – открытая система, взаимодействующая со своим окружением. Лидеры получают ресурсы из внешней среды и делают ее более восприимчивой к потребностям организации;

4) внутренняя динамика организации. Организации меняются и развиваются. Лидеры прилагают усилия к тому, чтобы эти изменения не повредили организации и ее членам, и способствуют позитивным изменениям;

5) членский состав организаций. Люди приходят, уходят и меняются. Лидерство обеспечивает преемственность и помогает людям приспособиться к изменениям [6].

В современной научной литературе существует достаточно большое количество подходов к пониманию сущности лидерства, огромное множество его определений. «Лидерство – наиболее изученный и наименее понятный кон-

структ», – утверждал известный исследователь Рик Гриффин [18, с. 90]. Несмотря на популярность данной дефиниции, до сих пор нет единства в ее понимании.

Манфред Кетс де Вриес в работе «Мистика лидерства. Развитие эмоционального интеллекта» подчеркивал, что лидер – это тот, кто, идя впереди, показывает своим спутникам дорогу. Метафора лидера-кормчего актуальна и по сей день, хотя существуют различные мнения относительно роли лидеров. То, что мы могли бы назвать «школой кормчего», можно разделить на две подгруппы: тех, кто считает лидеров игроками в шахматы на поле жизни, и тех, кто смотрит на лидера как на человека, обращающегося к коллективному воображению людей, приглашая их присоединиться к путешествию. Хотя лидеры первого типа могут заставить людей действовать, но именно лидеры второго типа способны увлечь работников и побудить их к полной самоотдаче [2, с. 21].

Можно сделать вывод, что диапазон расхождений во мнениях о феноменологической сущности лидерства достаточно широк. И все же, несмотря на некоторые существенные различия, имеются и сходства, которые позволяют систематизировать понимание его сущности по целому ряду оснований.

Трудно найти определение лидерства, которое полностью удовлетворило всех общественных субъектов. Это сделать практически невозможно. Однако, опираясь на анализ многочисленных научных работ и собственных социологических исследований, предлагаю авторское определение: лидерство – это взаимоотношение социальных субъектов и их целенаправленная деятельность по обеспечению главенствующего положения индивида в личностных отношениях в социуме, осуществляемая благодаря профессионализму и авторитету, наличию определенных морально-нравственных ценностей и ценностных ориентаций, сильному мотивационному механизму, постоянному воздействию на членов группы, признанию ими в качестве ведущего, ответственности перед ними и стремлению к достижению поставленных целей.

Системообразующей частью лидерства является лидер – социальный субъект, который имеет право принимать решения в отношении других людей, признается ими в качестве ведущего и несет ответственность за любые свои решения и действия.

Однако, кто такой лидер? Точного ответа на этот вопрос до сих пор не существует – ни в науке, ни в общественном мнении, ни в быденном языке.

Различными исследователями лидер определяется как человек, который мыслит глобальными категориями, предвидит потенциальные возможности, создает общее видение будущего, способствует развитию способностей людей, делегирует им полномочия, ценит в людях различия, развивает командный подход к работе, чувство партнерства, приветствует перемены, демонстрирует знание технологий, поощряет конструктивный вызов, обеспечивает удовлетворение клиентов, достигает успехов в соревновании с конкурентами, демонстрирует личные достижения, высокий уровень компетенции, проявляет готовность к совместному руководству, действует в соответствии с провоз-

глашенными ценностями, однако может менять эти ценности, если того требует ситуация, и т. д. [8; 10; 13; 14; 16; 18; 29].

Учитывая выше сказанное, предлагаю авторское определение: лидер – это социальный субъект, который благодаря своим ярко выраженным личностным качествам и волевым компонентам, профессионализму и моральному авторитету, чувствительностью к ситуации и гибкостью в поведении, ценностным ориентациям и стремлению быть полезным с точки зрения группового интереса оказывает постоянное и эффективное влияние на деятельность группы, пользуется активной поддержкой ее членов, признается ими в качестве ведущего, ответствен перед ними и при помощи различных мотивационных факторов способен повести за собой в наиболее сложных ситуациях.

В последние годы история бросила человечеству нечеловеческий вызов. Современный мир с его рынком, демократией, прогрессом, приоритетами материальных ценностей над духовными еще вчера казался непоколебимым, а сегодня оказался в жесточайшем кризисе. Как показывают социологические исследования, в настоящее время вся система лидерства находится в состоянии глубочайшей бифуркации, стоит на пороге системного кризиса, который проявляется в деформациях всех ее подсистем и блоков, всех уровней порядка. Она переживает несколько локальных кризисов – кризис доверия, кризис идеологической идентичности и, что очень печально, кризис профессионализма. Российский писатель и аналитик Александр Казинцев в книге «Возвращение масс» делает страшный и крайне неприятный вывод: «нынешнее поколение лидеров недееспособно» [5, с. 73].

В этой связи возникает вопрос о новой структуре системы лидерства, которая детерминирована изменениями лидерского ролевого поведения, необходимостью повышения значимости его личностных факторов. Управлять изменениями может только тот, кто сам способен меняться в лучшую сторону с учетом амбиций, условий и реалий. Мировой кризис отчетливо и убедительно показал, что лидерство – это не только рост и риск, но знания и высокий профессионализм, доверие и признание, ответственность и порядочность. Это те качества, дефицит которых сегодня достаточно остро ощущается в политике и бизнесе, спорте и образовании, и которые постоянно ассоциируются с принципиально новыми подходами к лидерству и лидерам. Поэтому важно осмыслить и найти принципиально новую адекватную современным реалиям парадигму лидерства.

Дефиниция «парадигма лидерства» понимается нами как комплекс теоретических и методологических принципов и предпосылок, которые определяют и детерминируют конкретные научные исследования лидерства, направленные на дальнейшее его развитие. Лидер должен обладать внутренней силой, которую не нужно демонстрировать, которая и так чувствуется. Эта мощь детерминируется системообразующими факторами, прежде всего признанием и доверием, авторитетом и профессионализмом, ответственностью за дело и последователей.

Признание. У многих исследователей лидерство отождествляется с наличием определенных отношений между лидером и ведомыми. Последователи, проецируя на конкретного индивида свои желания, надежды, устремления, а также коллективное бессознательное, признают его право быть ведущим и принимать важные и ответственные решения.

Известный исследователь лидерства Джон Максвелл сформулировал 21 «неопровержимый закон лидерства». Шестой закон – «Закон твердой почвы» – гласит: «Доверие – вот основа лидерства». Доверие к лидеру как важное качество последователей – это признание его достоинств, заслуг и полномочий, признание необходимости, правильности и результативности его действий. Это внутреннее согласие с решениями лидера, готовность действовать в соответствии с его установками. Ведь последователи могут выполнять желания лидера при отсутствии средств принуждения только на основе доверия. И доверие означает, что люди находятся во внутреннем согласии и единении с лидером [13].

Профессионализм как ключевая ценность лидерства детерминирован высоким уровнем знаний и мастерства, опытом и стажем. Для достижения высокого профессионализма в любой сфере деятельности, тем более в лидерстве, необходимо обладать специальными знаниями и определенными способностями, умениями и высокой квалификацией. Высокопрофессионального лидера отличают высокий уровень мотивации и ясное понимание командных целей и задач, способность быть восприимчивым к инновациям и изменениям и умение видеть проблемы и перспективы, выделять среди них наиболее важные. Это не реально без обладания умственными способностями значительно выше среднего уровня, умения анализировать ситуацию, принимать решения, брать на себя ответственность за их реализацию, много и упорно трудиться, быть энергичным и решительным, сильным и быстрым.

По мнению многих исследователей, авторитет детерминирует лидерство. Лидер – это член группы, чей авторитет безоговорочно признается остальными его членами. Авторитет представляет собой высоко ценимые качества, которые последователи видят у лидера и которые детерминируют их следование за ним без убеждения или угрозы наказания. Он формируется на высоких профессиональных, морально-нравственных, интеллектуальных качествах, благодаря которым члены трудового коллектива или малой группы выделяют лидера, основывается на согласии и означает уважение к лидирующей личности, доверие к ней.

Ответственность. Когда даешь себя приручить, потом случается и плакать. Мы навсегда в ответе за всех, кого приручили – это важнейшие мысли из знаменитой сказочной повести «Маленький принц» известного французского писателя Антуана де Сент-Экзюпери. Именно такие подходы сделали эту сказку любимой миллионами людей во всем мире. Этот афоризм относится, прежде всего, к лидерам. Лидер берет на себя ответственность за свои действия, за многих людей, которые поверили ему, которые признали его и которые

в сложные минуты не способны взять на себя ответственность за других. Во многих случаях авторитет и признание лидеров являются в определенной степени авансом, полученным при помощи различных обещаний. Их обязательно выполнять. Лидер, как никто другой, в ответе за свои слова.

Часто звучит вопрос: «Лидерами рождаются или становятся?» Как утверждают очень многие исследователи, лидерами становятся. Как считает известный российский психолог Михаил Литвак, человек становится лидером, используя принцип сперматозоида. Звучит этот принцип следующим образом: «Человек всегда стремится попасть в рай, т. е. стать первым. И идет против препятствий, обходя их, и лишь на финише пытается протаранить их. Счастливый умеет это делать эффективно, несчастный – нет. Все мы рождаемся принцами и принцессами. И в нас заложена программа, по которой мы должны стать королями и королевами. И такая возможность есть у каждого, ибо каждый из нас создан в одном экземпляре. Только нужно знать свое место, забираться на свою гору, а не лезть на чужую. Наша задача – помочь каждому человеку, кто ищет нашей помощи, который еще никак не стал “королем”» [12].

В классической работе Дэниела Гоулмана, Ричарда Бояциса, Энни Макки «Эмоциональное лидерство. Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта» имеется специальная глава «Лидерами не рождаются – лидерами становятся», где подробно раскрыта методология и методика целенаправленного формирования некоторых лидерских качеств личности [4, с. 111–122].

Известный венгерский тренер Ласло Полгар убежден, что талант не врожден, а формируется при помощи воспитания. Он на практике показал, что дети уже с малых лет могут показывать необыкновенные результаты, если они будут систематически и интенсивно обучаться. Чтобы это доказать на практике, он посвятил свою жизнь воспитанию дочерей. Как результат, его дочери стали одними из самых сильных шахматисток мира (Сьюзен, или Жужа, – чемпионка мира и международный гроссмейстер среди мужчин, Юдит – сильнейшая шахматистка всех времен, обладала рейтингом свыше 2700 баллов, играя исключительно в мужских турнирах, София – международный мастер среди мужчин).

Субъективная деятельность по формированию лидеров находит свое выражение в специально разработанной социальной технологии. Социальная технология – это упорядоченная во времени и пространстве последовательность процессов социальной деятельности, комплекс навыков, методов, способов и приемов, направленных на достижение поставленной цели и формирование нового социального качества объекта целенаправленных воздействий, перевод этого объекта из одного состояния в другое. Это совокупность состоит из информационных, вычислительных, организационных и логических операций, выполняемых специалистами различного профиля по определенному алгоритму.

Процесс формирования лидерства как бы расчленяется на ряд стадий, этапов, операций, где общая программа и информация становятся основными импульсами. Причем эти стадии отличаются своими пространственными рамками, продолжительностью во времени, задачами и средствами их достижения, своей значимостью и т. д. Их допустимо расчленять на относительно самостоятельные и вместе с тем взаимосвязанные операции. Отражая циклический характер процесса формирования лидерства, определенные операции завершаются на каждой, последовательно сменяющей друг друга стадии. Каждая из стадий обладает относительной самостоятельностью, причем всякая предыдущая стадия является необходимой предпосылкой предшествующей. При параллельном сочетании операций одновременно выполняются отдельные процедуры, что ускоряет процесс и создает условия для более эффективной деятельности. Расположение стадий алгоритма чисто условно. Отдельные этапы технологического цикла могут осуществляться параллельно и расположены в ряду временной последовательности друг за другом, главным образом, для удобства работы и анализа.

Социальная технология формирования лидеров может иметь следующий алгоритм: мировоззрение как совокупность взглядов, оценок, принципов и представлений, определяющих общее социальной и политической реальности, места в ней лидера; целеполагание как процесс практического осмысления и выбора одной или нескольких целей с установлением параметров допустимых отклонений для реализации поставленной цели; личностные качества лидера – его интегральные характеристики; терминальные ценности; мотивацию как направленность деятельности.

Известный ученый Ларри Стаут в исследовании «Лидерство: от загадок к практике» особо подчеркивал, что «все начинается с мировоззренческих позиций лидера, под которым понимается его основная цель или видение картины будущего, а также главенствующие ценности и идеалы. Можно сказать, что они показывают, куда идет лидер (видение цели) и откуда он пришел (ценности). Его настоящее представлено психологическими качествами личности, главнейшими из которых можно считать мудрость и смелость, а также межличностную эффективность, основой которой является способность вызывать доверие и умение общаться с людьми» [14, с. 75–76].

Мировоззрение – это система взглядов, оценок, принципов и образных представлений, определяющих самое общее видение и понимание мира, места в нем лидера, отношение человека к окружающей его социальной и политической действительности и самому себе, жизненные позиции, программы поведения и деятельности политических лидеров. Именно мировоззрение придает деятельности организованный, осмысленный и целенаправленный характер. Оно является основой общественного и индивидуального сознания. Формирование мировоззрения – важнейший показатель зрелости не только лидера, но и социальной группы или политической партии.

Мировоззрение детерминирует жизненную позицию. Активная жизненная позиция лидера – это способ участия человека в политической и общест-

венно направленной деятельности, совокупность отношений человека к окружающей действительности.

Целеполагание. Главной детерминантой лидерства, согласно деятельностному подходу, являются цели и задачи, стоящие перед лидером и структурой. Цель – одна из самых сложных и вместе с тем древнейших категорий. Она в той или иной форме присутствует в сознании каждого человека, осуществляющего любой вид сознательной деятельности. Цель – это начало, которое обуславливает и определяет общее направление движения, содержание, смысл, формы и методы деятельности. Цель – это желаемое состояние будущего, достичь которого пытаются лидер и его последователи. Значение целей определяется тем, что каждая структура действует ради определенного результата. Правильно поставленная цель подталкивает лидера и его последователей к конкретным действиям. Осознание целей вносит существенную упорядоченность в деятельность лидеров.

Важно, чтобы не получилось как в известной притче: «Стая орлов кружит над горами. Вдруг предводитель орлов (старый орел) поворачивает голову на север и с мудрым видом говорит: “Там!” Орлы взмывают в небо и летят на север. Через сутки возвращается горстка потрепанных гордых птиц, и один из них спрашивает у старого предводителя: “А что там?” На что предводитель отвечает: “Где?”»

Третьим фактором лидерства являются личностные качества. Классик социологии Питирим Сорокин утверждал, что судьба любого общества зависит, прежде всего, от свойств его членов. Такой вывод он сделал на основе многочисленных социологических исследований об имманентных флуктуациях (внутренних волнениях и беспорядках), о причинах революционных ситуаций, возможностях их предотвращения и т. д.

Как убеждает социальная реальность, в настоящее время лидеров явно не хватает. Социологические исследования показывают, что сегодня производство и наука, политика и спорт нуждаются в резком притоке свежих, смелых, креативных, амбициозных идей и людей, не боящихся брать на себя ответственность, способных заглянуть за горизонт, увидеть то, чего не видят другие. На вопрос анкеты Института социологии НАН Беларуси «Как часто в повседневной жизни Вам встречаются люди с лидерскими качествами» респонденты ответили следующим образом:

- 1) часто – 6,7 %;
- 2) редко – 26,1 %;
- 3) иногда – 43,9 %;
- 4) никогда – 8,6 %.

Почему такое бедственное положение с людьми, которые способны помочь белорусскому обществу и государству решать многочисленные проблемы?

Авторы книги «5 граней лидерства» Скотт Кэмпбелл и Эллен Самиек считают, что существует две основные причины низкой результативности лидерства. Первая причина – это широко распространенное неправильное

понимание природы лидерства. Вторая – это низкие личностные качества и характеристики лидеров и недостаток методик их формирования и развития [10].

Каковы личностные качества и характеристики, свойства и умения, навыки и компетенции индивидов, благодаря которым они завоевывают доверие и получают поддержку широких народных масс? Практически все исследователи, как правило, предлагают свой комплекс необходимых лидеру личностных качеств. В этой дефиниции можно обнаружить как культурные, так и социальные, технологические стороны восприятия и понимания реальности современной социальной и политической деятельности, ее организации и сущности основных субъектов и объектов [8; 9].

В прошлом столетии проблема личностных черт и умений лидеров привлекала интерес многих социологов и политологов, социальных психологов и теоретиков менеджмента. Лидерство как совокупность определенных личностных качеств понимал известный американский социолог Эмори Богардус. Одно из интереснейших исследований лидерства, проведенное известными американскими учеными Джеймсом Каузесом и Барри Познером, позволило выявить наличие у лидеров, как минимум, четырех отличительных черт, таких как честность, умение прогнозировать, способность вдохновлять людей и компетентность [22].

Современные исследователи, как и социологи прошлого, пытаются эмпирическими методами определить личностные качества и умения, ресурсы и ценностные ориентации современных лидеров. В ходе социологических исследований, проводимых Институтом социологии НАН Беларуси, респондентам было задано несколько десятков вопросов. Среди них следующие:

Какими качествами и ресурсами, по Вашему мнению, должен обладать лидер?

Ответы распределились следующим образом:

- 1) административными ресурсами – 4,4 %;
- 2) высоким социальным статусом – 9,8 %;
- 3) гибкостью, умением договариваться и достигать компромисса – 35,7 %;
- 4) доверием и поддержкой людей – 43,0 %;
- 5) командой единомышленников – 13,1 %;
- 6) личным авторитетом – 27,4 %;
- 7) материальными, временными, денежными ресурсами – 7,9 %;
- 8) ораторскими и коммуникативными способностями – 10,6 %;
- 9) организаторскими способностями – 22,5 %;
- 10) ответственностью перед людьми за взятое на себя дело – 37,3 %;
- 11) профессионализмом и компетентностью – 24,2 %;
- 12) стремлением к власти – 3,7 %;
- 13) твердым характером, силой воли, энергичностью – 20,3 %;
- 14) харизмой (исключительными качествами и способностями) – 7,7 %;
- 15) целеустремленностью, готовностью подчинить все достижению цели – 8,0 %.

Кто из лидеров, на Ваш взгляд, чаще достигает эффективного результата?

1) Тот, кто единолично решает сложные задачи, навязывая свою волю другим (подчиненным) – 8,7 %;

2) тот, кто при решении сложных задач прислушивается к мнению единомышленников (последователей) – 34,4 %;

3) тот, кто принимает решение на основе диалога с заинтересованными лицами, старается убедить других в его правильности – 27,0 %;

4) тот, кто может при принятии решения пойти на компромисс с другими (подчиненными, последователями, заинтересованными лицами) – 25,9 %.

Анализ результатов социологических исследований помогает более глубоко понять сущность современного лидерства, наметить конкретные меры по его формированию и развитию.

На основании многочисленных социологических исследований нам удалось выделить ряд важнейших личностных характеристик и качеств лидеров различных уровней. Среди них профессиональные, интеллектуальные, физические, волевые, морально-нравственные и коммуникативные качества, черты характера, ожидания, установки и другие диспозиции. Благодаря им происходит восприятие и оценка, принятие решений и реагирование на эмоциональном и поведенческом уровнях в сложных ситуациях предметных и межличностных взаимодействий и отношений. Это, прежде всего:

профессионализм как комплекс личностных качеств и практических навыков, теоретических знаний и умений, позволяющих успешно решать стоящие перед обществом, государством, трудовым коллективом задачи и на высшем уровне выполнять свои обязанности;

патриотизм как любовь к Родине, преданность ей и народу, готовность приумножать ее богатства, защищать честь и достоинство;

авторитет как признание за индивидом права на принятие решения в сложнейших условиях социальной деятельности;

интеллект как устойчивая структура умственных способностей к познанию и решению проблем;

активная жизненная позиция как способность быть в центре событий, адекватно ориентироваться в сложных ситуациях;

надежность как качество человека, в котором вы уверены и который заслуживает доверия, как пунктуальность и обязательность, верность и ответственность социального субъекта;

оптимизм как вера в последователей, их возможности и способности добиться больших побед;

высокие нравственные качества как соблюдение в жизни и деятельности определенных морально-нравственных принципов и норм;

коммуникативная компетентность как умение быстро налаживать контакты с людьми, уверенно чувствовать себя в трудовом коллективе, любой общественной структуре;

коммуникабельность как способность общаться и находить точки соприкосновения с последователями, сторонниками и противниками;

высокий уровень преданности общему делу;

самовоспитание как сознательная и целенаправленная деятельность, направленная на формирование тех личностных качеств и умений, которые отвечают жизненным целям и интересам человека;

уверенность как способность без сомнений благодаря анализу собственных сил и возможностей предпринимать конкретные действия для достижения поставленных задач;

самостоятельность как способность, проявляя творчество и изобретательность, доводить комбинации до логического конца;

самосознание как познание собственных сильных и слабых сторон;

смелость как способность активно действовать для достижения цели в опасных и трудных ситуациях, сознавая возможность тяжелых для себя последствий, например получения моральной или психологической травмы;

настойчивость как способность не останавливаться на полпути к достижению поставленных целей, несмотря на существенные трудности;

эмпатия как понимание психического состояния членов трудовых коллективов или политических партий, объединений последователей, эмоциональная отзывчивость на неудачи и переживания, выраженная в доброжелательности и заботливости, чуткости и верности своим обещаниям, сопереживании и социальном взаимодействии;

сензитивность как способность критической оценки существующей ситуации и выявления имеющихся проблем;

решительность как способность быстро принимать наиболее правильные в сложных условиях необходимые решения;

упорство как способность настойчиво и целеустремленно идти к поставленной цели;

самоотверженность как способность пожертвовать своими благами и интересами ради других людей, подавить в себе эгоистические стремления ради общего блага;

экстраверсия как теплое отношение к окружающим, уверенность в себе, активность, чувство радости, оптимизм и позитивные эмоции;

готовность жертвовать собственными интересами ради общего дела;

умение формировать собственный имидж как способность делать себя более привлекательным в глазах других и осуществлять определенное влияние, особенно в случаях непосредственных контактов с массами;

эмоциональная устойчивость как способность справляться со стрессом и напряжением, не перегорать в самых сложных морально-психологических ситуациях;

развитая лидерская Я-концепция как система представлений о себе как лидере и собственной лидерской роли во взаимодействии с окружающими [8; 9; 16; 17; 29].

Следующий кластер алгоритма лидерства – идеалы и ценности, ценностные ориентации и моральные принципы. Немецкий исследователь Николаус Энкельманн убежден, что человеческая жизнь детерминируется определенной системой ценностей. В книге «Харизма. Личностные качества как средство достижения успеха в профессиональной и личной жизни» он писал: «У каждого человека наступает этап в жизни, когда он невольно задается вопросом: “Неужели это действительно все?”. В особенно большую растерянность подвергает этот вопрос людей, преуспевших в жизни, ведь они обрели, во всяком случае чисто внешне, все, чего хотели, достигли всего, что рисовали в своем воображении. И, достигнув цели, они испытывают внутреннюю опустошенность, глубокую неудовлетворенность. Они ориентировались на внешние атрибуты, возможно, позволяли другим определять для себя цели, работали не покладая рук, чтобы чего-то достичь. При этом они принесли в жертву важные для себя жизненные ценности, смысл своей жизни. Вот почему, несмотря на внешнее преуспевание, остается чувство неудовлетворенности. Поэтому до тех пор, пока вы не будете иметь ясное представление, задавайте себе следующие вопросы: “Что для меня ценно? Что для меня по-настоящему важно?”, “Что придает моей жизни ценность?”, “Что наполняет мою жизнь смыслом?”» [15, с. 173–174].

Каждый человек является носителем определенных ценностей, они образуют некую систему, от которой во многом зависит поведение человека в каждой конкретной ситуации. Лидерство – это отношения учителя и его учеников, союзников, сторонников, последователей. Лидер передает своим ученикам знания, морально-нравственные ценности и ценностные ориентиры. Личностные качества и ценности, идеалы и достоинства лидера – образец для окружающих. Морально-нравственный облик лидера существенно влияет на тех людей, которые ему верят и которые в трудную минуту готовы поддерживать его. Идеалы и морально-нравственные нормы, ценности и ценностные ориентации лидеров привлекают или отталкивают людей и играют важную роль в общем успехе или неудаче начатых проектов и дел.

Фрэнк Гамильтон и Синтия Беан в статье «Важность убеждений и ценностей в развитии лидерства» особо подчеркивали, что лидер посвящает себя духовным и нравственным ценностям, которые формируют его характер и дают возможность осуществлять лидерство. Лидерство обладает заложенными в нем принципами и ценностями, которых обязательно следует придерживаться. Поэтому настоящее лидерство всегда включает в себя моральные принципы, убеждения и ценности, которые формируют качества и характер, необходимые для достижения и осуществления лидером его целей и задач [19].

В основе формирования идеалов и ценностей, ценностных ориентаций и моральных стандартов лидеров находятся три системообразующих параметра: желания, реальные возможности и неудовлетворенные потребности. Амбивалентное противоречие между ними составляет важную проблему формирования лидерства. Разрешение этого противоречия, удовлетворение желаний

и потребностей и рост возможностей осуществляется с помощью специального социального механизма. Механизм формирования ценностей, обусловленных потребностями лидеров, имеет два важнейших блока:

- 1) постоянные потребности, детерминирующие вечные ценности – идеалы;
- 2) временные потребности, формирующие преходящие ценности и ценностные ориентации.

Особое место в жизни современного общества занимают ценностные ориентации лидеров. Система жизненных ценностей регулирует поведение лидеров на всех уровнях их деятельности: мотивационном, нормативном, операциональном, смысловом. Ценностные ориентации лидеров проявляются практически во всех ситуациях, но наиболее ярко – в экстремальных, начиная от сложного спортивного состязания до важнейших политических процессов.

Ценности и ценностные ориентации лидеров в ходе постоянной и целенаправленной деятельности приобретают качества реально действующих мотивов и источников конкретной деятельности, ведущих к совершенствованию личностей, переходу их от одного качественного состояния к другому, от одного уровня на другой в процессе последовательного развития и становления. Ценности и ценностные ориентации, являясь эффективным механизмом индивидуального роста, развития и формирования лидеров, имеют воспитательный и формирующий характер и дают определенный политический эффект.

Один из вопросов социологического мониторинга Института социологии НАН Беларуси имел следующий вид: «Что для Вас в жизни является наиболее важным?» Ответы на него распределились следующим образом:

- 1) здоровье – 80,6 %;
- 2) семья – 77,3 %;
- 3) дети – 74,8 %;
- 4) материально обеспеченная жизнь – 51,8 %;
- 5) душевный покой, комфорт – 41,6 %;
- 6) любовь – 39,5 %;
- 7) дружба – 38,5 %;
- 8) интересная работа, профессия – 32,1 %;
- 9) вера – 26,7 %;
- 10) самоуважение – 16,8 %;
- 11) самореализация – 16,7 %;
- 12) помощь людям – 16,3 %;
- 13) знания, познание мира, людей, образование – 15,2 %;
- 14) свобода как независимость поступков, суждений – 12,8 %;
- 15) богатство, большие деньги – 10,2 %;
- 16) карьера, высокое положение в обществе – 8,8 %;
- 17) долг перед Родиной – 8,6 %;
- 18) возможность получать любые удовольствия, развлекаться – 5,2 %;
- 19) творчество – 4,3 %;
- 20) общественное признание, известность, репутация – 2,9 %.

Представляют особый интерес для понимания нашей проблемы и ответы на еще один вопрос социологической анкеты: «Что (кто) помогает Вам справиться с жизненными проблемами?» Как оказалось, помогают в большинстве или во всех ситуациях следующие социальные институты:

- 1) семья – 76,5 %;
- 2) жизненный опыт – 60,8 %;
- 3) деньги – 56,5 %;
- 4) друзья – 56,2 %;
- 5) наличие нужных связей, знакомств – 44,7 %;
- 6) вера в Бога – 43,8 %;
- 7) деловые качества – 38,0 %;
- 8) нравственные качества – 36,4 %;
- 9) профессиональные знания, умения – 34,1 %;
- 10) личный авторитет, известность, репутация – 30,8 %;
- 11) хорошее образование – 30,0 %;
- 12) наличие собственности – 26,5 %;
- 13) обращение к закону – 23,5 %;
- 14) информированность – 21,5 %;
- 15) государство – 19,1 %;
- 16) занимаемая должность – 18,9 %;
- 17) престиж профессии – 17,7 %;
- 18) участие в политической жизни – 6,1 %.

Имеется личностная черта, которая присуща всем без исключения лидерам. Это мотивация как стимул, как сила, которая заставляет лидера действовать, совершать определенный комплекс поступков и направлять свою энергию на достижение поставленных целей.

Под мотивацией лидера можно понимать, во-первых, его способность мобилизовывать резервные возможности последователей и направлять их на конкретные действия, во-вторых, быть самому нацеленным на достижения и успех.

Известный исследователь Макс Ландсберг в книге «Дао мотивации. Вдохновляй себя и других» установил связь между мотивацией и лидерством. Он утверждает, что:

маловероятно, что вы сможете быть эффективным лидером, если не умеете мотивировать других людей;

мотивация охватывает все три измерения лидерства;

хотя все лидеры должны мотивировать людей, не всякий умеющий мотивировать других должен быть лидером. Вы можете применять свои навыки мотивации, просто помогая друзьям [11].

В современных условиях социальная реальность ставит человечество в ситуацию выбора эффективного пути его развития, требуя существенных изменений в ценностных ориентирах и основаниях социально-политической и культурно-преобразующей деятельности. Как результат, в недалеком буду-

щем общественные системы, социальные и политические процессы, и, прежде всего, индивиды будут совершенно другими. Но кто способен заставить человека как существа социального, по Аристотелю, «животного политического», проявить свою волю к творчеству, поиску, ответственности за судьбу цивилизации? Ответ на этот вопрос насколько очевиден, настолько и неоднозначен. Такими вдохновителями во все времена и во всех социумах считались и были – вожди и пророки, государи и философы, фараоны и президенты, писатели и учителя, лидеры самых различных уровней и самых разных социальных групп.

Сложные задачи стоят сегодня перед белорусским обществом. Поэтому важно, во-первых, внимательно изучить, проанализировать и аккумулировать все, что создано, изобретено, сформулировано, возвращено в теории и практике формирования лидеров в прошлом. Во-вторых, необходимо постоянно искать новые подходы и методы целенаправленного влияния на современную политическую и социальную реальность, использовать их при формировании лидеров новой формации.

Литература

1. *Брафман, О.* Морская звезда и паук. Неудержимая сила организаций без лидеров / О. Брафман, Р. Бекстрем. – М.: BestBusinessBooks, 2012. – 217 с.
2. *Вриес де, М.* Мистика лидерства. Развитие эмоционального интеллекта / М. де Вриес. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. – 311 с.
3. *Геммил, Г.* Лидерство: социальный миф отчуждения / Г. Геммил, Д. Оакли // Личность. Культура. Общество. – М.: РАН – НАН Беларуси – НАН Украины, 2004. – Т. 6, вып. 1. – С. 366–381.
4. *Гоулман, Д.* Эмоциональное лидерство. Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта / Д. Гоулман, Р. Бояцис, Э. Макки. – М.: Альпина Бизнес Бук, 2005. – 301 с.
5. *Казинцев, А.* Возвращение масс. Дневник современника / А. Казинцев. – М.: Наш современник, 2010. – 688 с.
6. *Катц, Д.* Социальная психология организаций / Д. Катц, Р. Канн. – М.: МГУ, 1978. – 75 с.
7. *Келлерман, Б.* Идущие за лидером. Как подчиненные создают изменения и меняют своих лидеров / Б. Келлерман. – М.: Акваринарная книга, 2009. – 384 с.
8. *Котляров, И. В.* Социология лидерства: теоретические, методологические и аксиологические аспекты / И. В. Котляров. – Минск: Беларус. навука, 2013. – 481 с.
9. *Котляров, И. В.* Формирование спортивных лидеров: теоретические, социологические, аксиологические аспекты / И. В. Котляров, Н. С. Рысюкевич. – Минск: Изд-во МИУ, 2012. – 284 с.
10. *Кэмпбелл, Дж.* 5 граней лидерства / Дж. Кэмпбелл, Э. Самик. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 304 с.
11. *Ландсберг, М.* Дао мотивации. Вдохновляй себя и других / М. Ландсберг. – М.: Олимп-Бизнес, 2005. – 192 с.
12. *Литвак, М. Е.* Принцип сперматозоида: учеб. пособие / М. Е. Литвак. – Ростов н/Д: Феникс, 2002. – 512 с.
13. *Максвелл, Дж.* 21 неопровержимый закон лидерства / Дж. Максвелл. – Минск: Попурри, 2005. – 446 с.
14. *Стаут, Л.* Лидерство: от загадок к практике / Л. Стаут. – М.: Добрая книга, 2002. – 320 с.
15. *Энкельманн, Н.* Харизма. Личностные качества как средство достижения успеха в профессиональной и личной жизни / Н. Энкельманн. – М.: Интерэксперт, 2005. – 262 с.

16. *Bass, B.* Bass and Stogdill's handbook of leadership: theory, research, and managerial applications / 3rd ed. / B. Bass. – New York: Free Press, 1990. – 1184 p.
17. *Gibb, C.* Leadership / C. Gibb // *Lindzey, G.* The handbook of social psychology / G. Lindzey, E. Aronson. – Reading (Mass.), 1969. – Vol. 4. – P. 205–283.
18. *Griffin, R.* Symbolic and international perspectives on leadership: An integrative framework / R. Griffin, K. Skivington, G. Moorhead // *Human Relations*. – 1987. – N 40(4). – P. 199–218.
19. *Hamilton, F.* The importance of context, beliefs and values in leadership development / Frank Hamilton, Cynthia J. Bean // *Business Ethics, A European Review*. – 2005. – Vol. 14, N 4 (October). – P. 336–347.
20. *Kelley, R.* In Praise of Followers / R. Kelley // *Harvard Business Review*. – 1988. – Vol. 66, N 6. – P. 142–148.
21. *Kelley, R.* The Power of Followership. How to create leaders people want to follow and followers who lead themselves / R. Kelley. – New York: Doubleday, 1992. – 347 p.
22. *Kouzes, J.* The Leadership Challenge Workbook / J. Kouzes, B. Posner. – San-Francisco, CA: Jossey-Bass, 2012. – 160 p.
23. *Manz, C. C.* Mastering self-leadership: Empowering yourself for personal excellence / C. C. Manz, C. P. Neck. – New York: Prentice Hall, 2004. – 154 p.
24. *Manz, C. C.* Self-Management as a Substitute for Leadership: A Social Learning Theory Perspective / C. C. Manz, H. P. Sims // *Academy of Management Review*. – 1980. – Vol. 5, N 3. – P. 361–367.
25. *Manz, C.* SuperLeadership: Beyond the myth of heroic leadership / C. Manz, H. Sims // *Organizational Dynamics*. – 1991. – Vol. 19 (5). – P. 18–35.
26. *Manz, C.* The New SuperLeadership: Leading Others to Lead Themselves / C. Manz, H. Sims. – New York: Berrett-Koehler Pub, 2001. – 250 p.
27. *Norris, S.* An Examination of Self-Leadership / S. Norris // *Emerging Leadership Journeys*. – 2008. – Vol. 1, iss. 2. – P. 43–61.
28. *Ralph, P.* Leadership Without Silver Bullets: A Guide to Exercising Leadership / P. Ralph. – Lincoln: iUniverse.com, 2010. – 176 p.
29. *Winston, B.* An Integrative Definition of Leadership / B. Winston, K. Patterson // *International J. of Leadership Studies*. – 2006. – Vol. 1, iss. 2. – P. 6–66.

I. V. KOTLIAROV

LEADERSHIP AS A THEORETICAL CONCEPT AND OBJECTIVE REALITY: SOCIOLOGICAL TRENDS

Summary

The article deals with the main theoretical and methodological aspects of leadership. According to the results of long-term sociological monitoring the attitudes of the citizens of Belarus to the main political processes and leaders in independent Belarusian state are analyzed.

Keywords: Belarus, Sociology, public opinion, polls, leaders, personal traits, trends.

Поступила 26.12.2013 г.

Л. Г. ТИТАРЕНКО,
*доктор социологических наук, профессор,
Белорусский государственный университет, г. Минск*

МОДЕЛИ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: БЕЛАРУСЬ И УКРАИНА

Рассмотрены модели постсоветской интеграции двух стран восточноевропейского пограничья, Украины и Беларуси, демонстрируемые правящими элитами этих стран. Противоречивость политических стратегий этих стран обусловлена их геополитическим положением восточноевропейского пограничья, двойственностью культурно-исторического наследия, наличием разных сил влияния в каждой стране. Выявленная противоречивость отразилась в результатах опросов общественного мнения указанных стран.

Ключевые слова: постсоветская интеграция, восточноевропейское пограничье, Украина, Беларусь, политическая стратегия, опросы общественного мнения.

Проблема интеграции на постсоветском пространстве

Распад Советского государства предоставил бывшим советским республикам возможность самостоятельно выбирать вектор и пути своего дальнейшего развития. Вместе с тем далеко не во всех республиках правящая элита избрала единую стратегию на будущее: в ряде постсоветских стран ввиду многих причин сложилась ситуация, которая дает возможность (хотя бы потенциальную) выбрать разные векторы развития. Кроме того, за прошедшие четверть века геополитическая ситуация менялась несколько раз, что способствовало складыванию довольно запутанных и противоречивых отношений между отдельными странами, динамизму связей между Россией, претендующей на безусловное лидерство на постсоветском пространстве, и другими политическими акторами. Два таких актора, Украина и Беларусь, оказались в пограничном пространстве Восточной Европы между ведущими полюсами силы, Россией и Европейским союзом (ЕС), которые постоянно оказывают влияние на указанное пограничье с целью включения его в собственную зону влияния. Отсюда проистекают сложности постсоветского геополитического развития Украины и Беларуси, преодоление которых так или иначе влечет определенные потери, так как предполагает четкий выбор одного доминирующего политического вектора – восточного или западного.

Несмотря на сходное геополитическое положение двух стран, их положение и постсоветское развитие существенно различаются. За годы трансформации эти страны, когда-то очень близкие по культурно-этническим корням

и уровню жизни населения, экономическому развитию, постепенно стали «расходиться» в разные стороны под влиянием политики, проводимой правящими элитами, различий в экономических реформах и политических режимах, других внешних и внутренних факторов их развития. Страны различаются и по степени развитости национализма: если в Украине рост национального самосознания стал важной вехой становления независимого государства, то в Беларуси этот процесс затянулся во времени, имел иные коннотации и не достиг такого высокого уровня, как в соседней стране. Вместе с тем обе страны в недалеком прошлом имели периоды, когда ведущий вектор геополитического развития был повернут преимущественно к одному полюсу силы – России или ЕС, но затем наступали относительный баланс и многовекторность [7, с. 25; 19, с. 95], которые, однако, не были устойчивыми и долгосрочными. Менялись властвующие элиты, расстановка сил на политической арене Европы. Экономические кризисы также внесли свой вклад в изменение геополитических приоритетов: рост энергетической зависимости от России, вступление Украины в ВТО, а Беларуси – в Таможенный союз с Россией и Казахстаном.

В 2013 г. Россия активизировала интеграционные усилия с целью укрепления зоны своего влияния в противовес активной политике Евросоюза по интеграции бывших социалистических стран Центральной и Восточной Европы. Возникла реальная возможность включения в зону влияния ЕС Украины, элита которой открыто выразила свое желание сблизиться с Западом, несмотря на возможные экономические контрмеры со стороны России. Одновременно элита Беларуси стала активно пропагандировать Евразийскую интеграцию, тем самым перечеркивая свои прошлые попытки соблюдения баланса между Западом и Востоком. Сложилась ситуация, когда, казалось бы, будущие пути политического развития Украины и Беларуси разошлись. Однако так ли однозначно воспринимают обозначенные интеграционные вехи народы этих стран? Изучение общественного мнения населения по поводу будущего обеих стран, проводимое социологами, высвечивает многие общие моменты в восприятии настоящего и будущего. Выявляется противоречие не только между геополитическими ориентациями двух стран между собой, разное направление их интеграции в глобальную миро-систему, но и противоречия между пониманием стратегий развития страны ее правящей элитой и основной массой населения. Какие из этих стратегий окажутся успешными и эффективными, покажет будущее. Цель данной статьи состоит в том, чтобы показать динамику самоидентификаций и геополитических ориентаций населения двух стран, выразившуюся в общих политических стратегиях интеграции с Востоком или Западом как последующего этапа их трансформационного развития. Поставленные нами задачи включают анализ направленности политических стратегий правящих элит двух стран, сравнение этих стратегий с общественным мнением населения стран и между собой, а также интерпретация возможного вектора будущего развития каждой страны.

В каждой из двух стран изучение общественного мнения о геополитических ориентациях населения имеет длительную историю. В Беларуси исследования общественного мнения по национальной выборке с начала периода независимости регулярно проводит Независимый институт социально-экономических и политических исследований, публикующий их результаты в Интернете [10]. Вопросы, связанные с геополитическим выбором будущего страны, задаются ежегодно, что позволяет проводить систематический анализ данных, собранных по единой методике. Другие организации, проводящие аналогичные исследования (Институт социологии НАН Беларуси, Центр социологических и политических исследований, НОВАК), как правило, не публикуют систематически свои результаты, они доступны лишь фрагментарно [2; 4; 19; 23]. Тем не менее, вместе взятые, данные этих организаций позволяют воссоздать динамику изменения общественного мнения по вопросу политической ориентации Беларуси. Ряд авторов занимаются анализом этих проблем под углом зрения репрезентации интересов политических элит [1; 8; 16], гражданского общества [9]; их работы вносят вклад в понимание интеграционных настроений и колебаний в Беларуси.

Более двух десятилетий Институтом социологии НАН Украины проводится уникальный мониторинг общественного мнения по основным проблемам общественной жизни, волнующим население; его данные опубликованы и глубоко проанализированы [14; 15]. Изданы материалы четвертой волны мониторингового сравнительного международного проекта «Европейское социологическое исследование» (ESS), к которому Украина приобщилась в 2004 г. [3]. Дополнительно к этим фундаментальным изданиям имеются публикации, которые действовали не только мониторинговые данные социологов, но и опросы по Украине в рамках международных исследований ценностей, социальных проблем и др. [5; 7; 11; 12; 17]. В ряде статей раскрыты новые геополитические возможности Украины в рамках разных теоретических подходов [7; 19].

Представление основных результатов и их обоснование

Проведенный нами анализ эмпирических данных показал, что в обеих странах имеет место неоднозначность выборов геополитических стратегий дальнейшего развития страны, выраженных в общественном мнении населения, при наличии более или менее однозначной политики, официально проводимой правящими элитами. Во-первых, геополитические предпочтения населения и элиты в обеих странах, по крайней мере, полностью не консолидированы, население не сплотилось вокруг одного геополитического вектора развития страны, хотя и не высказывается против решений элит. Во-вторых, элиты не чувствительны к общественному мнению населения своих стран. В-третьих, при наличии тех или иных внешних и внутренних условий, благоприятствующих проведению той или иной стратегии, именно эта стратегия может в будущем получить поддержку большей части населения. Вместе

с тем трудно однозначно сказать, насколько быстро этот сценарий будет воплощен в реальность. В случае с Украиной это может означать дальнейшее продвижение на Запад (подписание соглашений об ассоциации с ЕС) при некоторой попытке «навести мосты» и с Москвой [21, с. 78], в случае с Беларусью – дальнейшая интеграция с Россией, странами Таможенного союза в Евразийский союз [6, с. 69–70; 18, р. 95].

Эти выводы опираются на результаты опросов и их анализ, проведенный социологами каждой страны. Начнем с Украины как более важного «игрока» восточного пограничья на политической арене Европы. Внешнеполитический курс правящих элит в Украине подтверждается заявлениями всех президентов об их поддержке вектора сближения с Западом, а также нежеланием нынешних правящих элит сближаться ни с Союзом России и Беларуси, ни вступать в Таможенный союз. Что касается украинского населения, о разных векторах направленности мнений отдельных социальных групп дают представление многолетние данные мониторинга, согласно которым население Украины расколото и территориально, и социально, и по возрастному признаку на три большие группы [15, с. 158, 159, 161]. Первая группа включает тех, кто традиционно поддерживает связи с условным Востоком и готов интегрироваться с ним (СНГ, славянский союз, Россия). Вторая группа – евроинтеграторы, поддерживающие идею сближения с Европейским союзом и надеющиеся на скорое вступление в него Украины. Третья группа – люди, не имеющие определенного мнения, с кем интегрироваться Украине, либо желающие видеть страну вне всяких союзов. Ни одна группа не набирает 50 %, поэтому интерпретация данных мониторинга и других исследований с подобными разбросами ответов может быть разной, в зависимости от того, какую ориентацию выбрать за основу, сделать ли акцент на ближнесрочной или долгосрочной перспективах страны.

Отсутствие внутренней сплоченности и солидарности среди украинцев, т. е. отсутствие общего понимания интересов национального развития, по мнению социологов, проявляется в неоднозначности геополитических приоритетов. Так, в вопросе о том, кого население страны видит в качестве ближайших союзников, т. е. на кого ориентируется в плане интеграции, доминанта украинского общества за годы трансформации резко изменилась. Если в начале 1990-х гг. приоритет был за СНГ (в 1994 г. 40,5 % респондентов поддерживали его), то в новом тысячелетии укрепление другого близкого образования, восточнославянского союза, поддерживало в разные годы лишь от 26 % до 34 %, а СНГ еще меньше [15, с. 158].

Интересной особенностью гипотетических «выборов» геополитических союзников и ориентиров интеграции в Украине является то, что если вопрос напрямую касается лишь одного вектора (отношения к одной стране, союзу стран), то ответы на него (за и против) часто занимают близкие позиции. При этом третья группа обычно составляет от пятой до четвертой части респондентов. Эта особенность четко проявляется в отношении населения к Евросоюзу. В конце XX в. предпочтение западному вектору на протяжении

последних десяти лет было четко обозначено, хотя его поддержка не превышала половины опрошенных. Лишь в конце 1990-х – самом начале 2000-х гг. Евросоюз получал более половины голосов опрошенных. Осенью 2013 г., по данным «Немецкой волны», число сторонников насчитывало 50 %, тогда как летом того же года их было 55 % [18]. В целом же число положительных ответов на вопрос «Как Вы относитесь к вступлению Украины в Европейский союз» колебалось очень незначительно (в пределах ошибки выборки) между 41–44 %. При этом количество не определившихся, ответивших «трудно сказать», в 2002–2003 гг. и 2011–2012 гг. приближалось к тем же цифрам. Здесь неопределенность, отсутствие четкой позиции является, по сути, вторым по значимости выбором, который невозможно игнорировать. Число же тех, кто был против Евросоюза, колебалось между 10 % и 20 %, достигая в пиковые годы лишь 8 % и 23 % [15, с. 162]. Очевидно, что против вектора на Евросоюз выступает лишь небольшая часть населения, тогда как однозначной поддержки или противостояния ему также не фиксируется.

Однако в те же годы на вопрос «Как Вы относитесь к идее присоединения Украины к Союзу России и Беларуси», начиная с 2001 г. и далее, число тех, кто относится к идее положительно, постоянно превышало 50 % (а несколько лет – даже 60 %). Число тех, кто негативно относится к этой идее, колебалось вокруг 25 %, а количество не определившихся – от 14 % (2006) до 21 % (2001). Таким образом, две противоположные ориентации получают поддержку значительных групп населения Украины. Если же в одном вопросе фигурировало сразу две альтернативы, между которыми надо было сделать выбор, число голосов за каждую значительно уменьшалось. На вопрос «Какой путь развития Украины Вы считаете предпочтительным?», задаваемый почти 20 лет подряд, ни разу число ответов за одну из альтернатив (преимущественно развивать отношения с Россией или с развитыми странами Запада) не достигало даже 20 % и не опускалось ниже 4 %. В целом «разбежки» достигали 10 %, они сохранялись постоянно (в пользу Запада). В годы президентства Януковича разрыв сократился до минимума, но поддержка обеих альтернатив осталась на том же низком уровне 12–14 % [15, с. 159].

Можно утверждать, что общественное мнение Украины не стало полностью прозападным. Население в значительной мере поддерживает идею восточнославянского блока (Украина, Россия, Беларусь). Однако на политике страны эти результаты опросов практически не отражаются. Внешняя политика правящих украинских элит, несмотря на внутренние разногласия, сохраняет курс на евроинтеграцию, а не на сближение с СНГ, Россией, Таможенным союзом или Союзом России и Беларуси. Этот курс определяется интересами элиты. Конечно, геополитика не может определяться общественным мнением, но она не должна его игнорировать: ведь за ним стоят интересы населения.

Судя по политическим реалиям, внутри украинской элиты выбор геополитических стратегий сделан. Однако в общественном мнении граждан сохраняется неоднозначность: население положительно оценивает восточно-

славянский союз (в который Украина не входит, хотя ее туда приглашали), одновременно проявляя все меньше поддержки конкретным странам СНГ и Союзу России и Украины. В то же время почти четверть населения (22 %) хотела бы, чтобы Украина опиралась на собственные ресурсы, укрепляя свою независимость. Признавая разумность такого курса, отметим, что для страны пограничья этот путь утопичен. Как считает венгерский социолог Пал Тамаш, такие страны должны служить «мостом» между двумя полюсами, поддерживать отношения и с одним и с другим, поскольку на полную самостоятельность у них нет ресурсов [13].

Одна из причин разброса ответов по геополитическим приоритетам Украины заключается в том, что, по мнению ведущих украинских социологов, самоидентификация населения не закончена. Как считает Н. Шульга, гражданские самоидентификации населения расколоты: «Население Украины сегодня переживает острый кризис идентичностей. Такое состояние общественного сознания негативно влияет на единство общества» [17]. Другие авторы отмечают, что социокультурные ценности разных групп существенно различаются [12]. По данным мониторинга, лишь около половины опрошенных (взрослое население) определяют себя как в первую очередь граждане Украины (причем на западе страны на 10 % больше, чем на востоке). Остальные на первое место ставят либо локальную (свое село, район), либо региональную, либо другую социальную идентичность, а среди молодежи 6 % называют себя, прежде всего, «гражданами мира». Данный феномен свидетельствует о том, что процессы национального самоопределения не завершены, несмотря на прошедшие 20 лет и огромные шаги Украины вперед на пути национального строительства. По данным мониторинга 2012 г., 8 % (прежде всего люди старшего возраста) определяли себя как граждане СССР. Эта группа хотя и уменьшается, но еще существует в украинском обществе [5, с. 181]. Есть различия в самоидентификации населения запада и востока Украины, города и села. Можно резюмировать, что в целом общественное мнение населения Украины находится под влиянием разных факторов, но прежде всего – воздействия своих политических элит, а также роста недоверия к институтам власти как в Украине, так и в соседних странах СНГ, умноженному на недоверие к бизнес-элитам этих стран. По этим причинам многие украинцы стали возлагать больше надежд на сближение с Евросоюзом. Однако пока еще спектр ориентаций украинцев сохраняет разновекторность, тогда как официальная политическая ориентация Украины вполне сформирована и довольно понятна: на Запад.

Ситуация в Беларуси определяется, как и в Украине, одновекторностью реального внешнеполитического курса, проводимого правящей элитой. Белорусская правящая элита последовательно следует по пути восточной интеграции, сближения с Россией [1; 16]. При этом сам Президент постоянно демонстрирует уверенность в правильности выбранного курса. Эта уверенность лидера в выбранном курсе развития страны долгие годы позволяла многим белорусам перекладывать на него решение важнейших геополитических вопросов, снимая с себя всякую ответственность за будущее страны и фокуси-

руясь на личных (обычно экономических) проблемах. Поскольку лидер страны твердо заявлял, что знает, как строить лучшее будущее, значительная часть населения высказывала ему доверие и принимала его выбор как свой собственный.

Однако население Беларуси, так же как и население Украины, имеет разные ориентации, которые зависят как от интересов, так и от ситуативных факторов (политической и экономической конъюнктуры в отношениях России и Беларуси, политики Евросоюза). Опросы показывают, что одна часть населения (около трети респондентов) не меняет своих ориентаций, независимо от внешних факторов [10]. Другая часть населения, несмотря на персональные симпатии к ценностям Евросоюза, при усилении политики дистанцирования ЕС от Беларуси, все больше задумывается об интеграции с Россией [19, с. 93]. Хотя и для этой части белорусов понятен факт, что российские элиты в процессе интеграции руководствуются своими собственными политическими и экономическими интересами, а не братской любовью к славянскому союзу. Сбрасывая со счетов внешнеполитическую риторику каждой из сторон возможной интеграции, России и ЕС, население тоже руководствуется прагматическими интересами: какая альтернатива более надежна для сохранения порядка, устойчивости, экономического благополучия, т. е. тех ценностей, которые белорусы ценят выше всего [18]. Фактор культуры и традиций также остается достаточно сильным и подкрепляет этот выбор. Так, в 2002 г. был зафиксирован пик позитивных ответов на гипотетический вопрос о вступлении Беларуси в ЕС: такой выбор поддерживали 60 % населения (лишь около 10 % были против). Однако настроения быстро изменились: с 2006 до 2010 г. сторонников вступления было менее 40 %. В эти же годы число противников выросло до того же уровня, т. е. практически сравнялось с числом сторонников. Баланс нарушился новым всплеском прозападных ориентаций в 2011 г. (после президентских выборов), хотя они не достигли 50 %, а в 2012–2013 гг. опять наступил баланс ответов «за» и «против» на уровне около 40 % поддержки каждой позиции. Таким образом, прозападные настроения пока существуют на достаточно высоком уровне, хотя все последнее десятилетие они были практически сбалансированы с антизападным вектором [10].

Что касается отношения к России, оно более сложное. Практически в начале XXI в., когда был всплеск поддержки Евросоюза, не меньшую поддержку белорусское население оказывало идее вступления Беларуси в Россию. В 2001–2003 гг. эта идея получала более 50 % поддержки. С 2004 г. наступил период падения ее популярности; силу набирала альтернативная идея, которая от поддержки пятой частью респондентов в 2001 г. выросла более чем в два раза к концу 2012 г. (в 2012 г. число сторонников вступления в Россию было ниже 30 %). Со стороны трудно понять, почему при официальном укреплении отношений двух стран, вступлении Беларуси в Таможенный союз, в эти же годы растет число респондентов, которые против слишком сильного сближения, вплоть до слияния двух стран: отношения стран противоречивы. По данным опросов, ни количе-

ство евроинтеграторов, ни интеграторов с Россией, не достигает 50 % опрошенных, т. е. никто не доминирует. В то же время отношение к Евросоюзу, сохраняясь в значительной мере позитивным, не получает поддержки большинства [19, с. 91] и уменьшается в ситуации экономического подъема.

Однако в ответах на дихотомический вопрос «Что бы Вы выбрали, если бы пришлось выбирать между вступлением в Евросоюз и объединением с Россией», в последние десять лет ответы в пользу обоих вариантов варьируются лишь незначительно вокруг цифры в 40 %, тогда как в 2001 г. за Россию было большинство, а за ЕС – 30 %. Очевидно, что белорусско-российские связи очень запутаны, всякие политические колебания отражаются и на условных геополитических выборах населения, сохраняя значительную неопределенность. Всегда остается и большая группа граждан Беларуси, не поддерживающая ни одну из этих геополитических альтернатив.

По вопросу национальной самоидентификации населения проблем в Беларуси не меньше, чем в Украине. Как полагают некоторые авторы, правящая элита сознательно внедряет вариант русоцентризма как национальную идентичность, подчеркивая культурное родство двух народов и сохраняя государственный статус русского языка [8, с. 78]. Другие полагают, что в Беларуси имеет место плюрализм идентичностей по тому же типу, что в Украине, т. е. некоторый баланс гражданской и локально-территориальной идентичностей (вообще характерный для пограничья), при наличии других идентичностей, включая и советскую [23, с. 275]. Эти идентичности не соперничают друг с другом, проявляясь по-разному в зависимости от пола, возраста, уровня образования респондентов. По данным мониторинга, продолжается рост гражданской идентичности, который не проходит линейно и имеет особенности в каждой социальной группе [2]. Неполная сформированность национальной идентичности соответствует ситуации с разнонаправленными геополитическими (гипотетическими) «выборами» населения Беларуси. Как считает О. Т. Манаев [9], геополитические выборы в пользу Запада или Востока обусловлены, прежде всего, культурными и идеологическими причинами, изменение которых требует более значительного времени.

Выводы

Ситуация политической неопределенности геополитических выборов населения стран восточноевропейского пограничья может стать своеобразным «диагнозом времени» – неопределенности самой социальной реальности, когда любые решения не являются предсказуемыми и окончательными. Даже для общественного мнения Украины будущее не до конца ясно, определены лишь стратегии на ближайшее будущее, но ресурсы и возможности достижения заявленной элитой цели зависят от многих внешних и внутренних факторов. В Беларуси, элита которой идет на дальнейшее сближение с Россией, будущее также остается сложным и не полностью ясным.

Очевидно, что сегодня для Украины и Беларуси характерно притяжение как в сторону Евросоюза, так и России/Союза России и Беларуси. По результатам исследований интеграционных предпочтений населения всех постсоветских стран, проведенных в 2012 г. Евразийским банком развития, было выявлено, что в плане экономической интеграции более трети украинцев тяготеют к ЕС и только четверть – к СНГ. Та же тенденция характерна для Беларуси, только здесь к ЕС тяготело 32 %, а к СНГ – 26 %. В политической сфере население обеих стран тяготеет к СНГ. В целом общий индекс интеграционных симпатий Украины складывается с небольшим перевесом в пользу ЕС: к Западу – 30 %, Востоку – 27 %, тогда как для Беларуси это соотношение в пользу СНГ: 35 % против 26 %. Очевидно, для Беларуси Россия остается более важным партнером, чем ЕС. Однако аналогичный индекс для самой России показывает, что лишь одна пятая часть опрошенных высказала интеграционные тяготения к СНГ, тогда как 31 % предпочитают ЕС [6, с. 66]. Поэтому тем более важно для Украины и Беларуси развивать хорошие связи в обоих направлениях: в этом отношении европейский вектор совпадает и с вектором интересов и тяготения в самой России.

В условиях неопределенности ценностей ценностно-нормативная система должна рассматриваться не как сакральный феномен, передаваемый народом через традиции последующим поколениям в неизменном виде. Народ может активно переосмысливать свои традиции, переоценивать их роль в развитии нации, делать сознательный выбор в пользу тех или других ценностей и векторов в развитии страны, особенно в эпоху радикальных трансформаций.

Литература

1. Беларусь и Россия: организационно-правовые основы интеграции 1996–2001. – Минск: Полымя, 2001. – 333 с.
2. Науменко, Л. И. Белорусская идентичность. Содержание. Динамика. Социально-демографическая и региональная специфика / Л. И. Науменко. – Минск: Беларус. навука, 2012. – 205 с.
3. Головаха, С. І. Тенденції соціальних змін в Україні та Європі: за результатами «Європейського соціального дослідження» 2005–2007–2009 / С. І. Головаха, А. Горбачик. – Київ: Ін-т соціології НАН України, 2010. – 118 с.
4. Котляров, И. В. Государственное управление и политическое лидерство: социально-политический анализ / И. В. Котляров, А. И. Веруш. – Минск: Беларус. навука, 2010. – 278 с.
5. Злобина, Е. Гражданское пространство Украины: степень идентификации и факторы консолидации / Е. Злобина, А. Резник // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2006. – № 2. – С. 177–194.
6. Интеграционный барометр ЕАБР 2012. – СПб.: Центр интеграционных исследований, 2012. – 80 с.
7. Куценко, О. Д. Украина в трансформационных процессах. QuoVadis? / О. Д. Куценко // Социология. – 2007. – № 1. – С. 18–32.
8. Ластоўскі, А. Русацэнтрызм як ідэалагічны праект беларускай ідэнтычнасці / А. Ластоўскі // Паліт. сфера. – 2010. – № 14. – С. 58–79.
9. Манаев, О. Т. Становление гражданского общества в независимой Беларуси. Социологические опыты: 2006–2010: кн. третья / О. Т. Манаев. – СПб.: Невский простор, 2011. – 672 с.

10. Динамика белорусского общественного мнения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iiseps.org/trends>. – Дата доступа: 08.10.2013.
11. Панина, Н. В. Факторы национальной идентичности, толерантности, ксенофобии и антисемитизма в современной Украине / Н. В. Панина // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2005. – № 4. – С. 26–45.
12. Соціальні інтереси в контексті соціокультурної модернізації / НАН України, Ін-т соціології; О. Г. Злобіна [та ін.]; за ред. О. Г. Злобіної. – Київ, 2011. – 319 с.
13. Тамаш, П. В нынешней ситуации элиты ЕС однозначно выскажутся в пользу России, а не Украины [Электронный ресурс] / П. Тамаш. – Режим доступа: <http://frazza.ua/stenograms/14.01.2011/107595.html>. – Дата доступа: 05.02.2013.
14. Українське суспільство. Двадцять років незалежності. Соціологічний моніторинг: у 2 т. – Київ: Ін-т соціології НАН України. – 2011. – Т. 1: Аналітичні матеріали / за ред. В. М. Ворони, М. О. Шульги. – 576 с.
15. Українське суспільство. Двадцять років незалежності. Соціологічний моніторинг: у 2 т. – Київ: Ін-т соціології НАН України. – 2011. – Т. 2: Таблиці і графіки / за ред. С. І. Головахи, М. О. Шульги. – 480 с.
16. Улахович, В. Формирование основ внешней политики Республики Беларусь, 1995–2000 / В. Улахович. – Минск: Харвест, 2009. – 189 с.
17. Шульга, Н. А. Дрейф на обочину: двадцать лет общественных изменений в Украине / Н. А. Шульга. – Киев: Бізнесполіграф, 2011. – 448 с.
18. DW-Trend: Украинцы стали чуть меньше поддерживать ассоциацию с ЕС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inotv.rt.com/2013-10-21/DW-Trend-Ukrainci-stali-chut-menshe>. – Дата доступа: 29.10.2013.
19. Rotman, D. Belarus in the Context of the Neighbourhood Policy: Between the EU and Russia / D. Rotman, N. Veremeeva // J. of Communist Studies and Transition Politics. – 2011. – Vol. 27, N 1. – P. 73–98.
20. Savelyev, Y. European integration and trends of development of Eastern European borderland / Y. Savelyev // Наук. зап. НАУКМА. – Київ: ВДЦ УКМА, 2011. – Т. 122: Соціологічні науки. – С. 71–79.
21. Titarenko, L. G. Contemporary Belarus: Models of the National Identity and Basic Values of the Population / L. G. Titarenko // Sociology, History, Theory and Practices. – 2009. – Vol. 10. – P. 270–291.
22. White, S. E. Postcommunist Belarus / S. E. White. – Lanham, MD: Rowman&Littlefield, 2005. – 192 p.

L. G. TITARENKO

MODELS OF POSTSOVIET INTEGRATION: BELARUS AND THE UKRAINE

Summary

The author discusses the divergent models of post-soviet integration of two countries of Eastern European borderland, Belarus and The Ukraine, embodied in the politics of their ruling elites. Contradictory nature of these political strategies is determined by geopolitical situation of both states, duality of their cultural and historical heritage, and the existence of different groups of power in each of them. The revealed contradiction of such strategies was reflected in the results of public opinion surveys in both countries.

Keywords: post-soviet integration, Eastern European borderland, The Ukraine, Belarus, political strategy, public opinion polls.

Поступила 31.10.2013 г.

Ф. И. ХРАМЦОВА,

доктор политических наук, доцент,

*Филиал Российского государственного социального университета в г. Минске
Республики Беларусь, г. Минск*

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Изложена авторская концепция идеологии модернизационных процессов в Республике Беларусь. Выделены особенности и взаимосвязи категорий «идеология», «политическая доктрина», «государственная идеология», «национальная идея» как детерминант модернизации. Доказано влияние идеологии государства на социальную сплоченность, инновационную активность субъектов модернизации общества.

Ключевые слова: инновационное развитие общества, национальное государство, гражданское общество, социальная модернизация, государственная идеология, политическая доктрина, национальная идея.

Процессы социальной модернизации в Республике Беларусь сопряжены с необходимостью разработки и внедрения целого ряда социогуманитарных технологий обеспечения консолидации гражданского общества, государства, бизнес-сообществ как фактора динамичного инновационного развития в условиях динамично нарастающих вызовов глобализирующегося мира. Интеграция субъектов модернизации невозможна без учета идеологических детерминант социально-политической трансформации как фактора устойчивого социально-экономического развития. В этой связи изречение Н. Макиавелли не утрачивает силу и показывает решающее значение идейного воздействия на сознание людей: «Никогда не веди войска в бой, пока ты не внушил им уверенности в себе и не убедился, что они вполне благоустроены и не боятся врага. Никогда не начинай сражения, если ты не знаешь, что войска верят в победу» [8, с. 296].

Фундаментальной для эффективной модернизации общества является проблема консолидации субъектов инновационного процесса на платформе стратегий политической доктрины, государственной идеологии, национальной идеи общества как идеологических детерминант национальной государственности современной Беларуси. Только при таком подходе возможна высокая степень социальной сплоченности, трактуемой в данной работе как политико-методологическая триада на уровне цели, средства и результата политики государства. В данной работе обосновывается прямая зависимость индекса инновационного развития Беларуси от развитости идеологического фактора

политики государства. В работе представлена авторская концепция идеологического обеспечения инновационного развития государства.

Итак, генезис проблемы единения граждан общества как цели политики имеет многовековую традицию, уходя истоками в античность. В частности, в трактате «Государство» древнегреческий философ Платон раскрывает взаимосвязи политики идейных убеждений для сплоченности в государстве: «...Закону не того нужно, чтобы какой-то один вид людей был особенно счастлив: закон стремится к такому состоянию для всего государства, делая граждан с помощью убеждения и принуждения гармоничными, он склоняет их к тому, чтобы они друг с другом делились тем имуществом, какое каждый в силах принести для всеобщего блага; закон не для того создает таких людей в государстве, чтобы позволить каждому идти всюду, куда тот захочет, но для того, чтобы употреблять их для единения государства» (цит. по: [2, с. 307]).

Значение государственной идеологии в современных условиях трансформации социальных систем возрастает. На это указывают западные политологи, в частности, Т. Жиро, С. М. Липсет, которые подчеркивают, что отсутствие идеологии государства ведет к утрате равновесия общества, социальному напряжению, делигитимизации власти как формы эрозии, разложения данного политического порядка. К таковым, по мнению авторов, «относятся бунт, государственный переворот или, наконец, революция» [2, с. 323]. Такая постановка вопроса разделяется российским академиком В. И. Жуковым в понимании назначения политики как инструмента гармонизации общества, «солидарной ответственности, стабильности и устойчивого развития» [3, с. 490].

Исходя из обозначенных подходов, разработка концепции идеологического обеспечения инновационного развития Беларуси предпринята в русле цивилизационной и модернизационной парадигм, концепций социального благоденствия и справедливости. Основные положения научно-теоретических подходов включают ряд актуальных идей:

- человек как существо сознательно-творческое, активный субъект эволюции, социальной инженерии, ответственный за все живое на планете;
- земля как «всеобщий дом», объект и субъект глобальной коэволюции;
- модернизация как «проектная идентификация субъектов инновационного развития»;

- переопределение социального равенства на уровне закона;

- мобилизация интеллектуально-духовного потенциала на идейной платформе политической доктрины, идеологии государства, национальной идеи общества.

Первым шагом к пониманию этико-мировоззренческой компоненты обновления общества является герменевтический анализ модернизации в трактовке В. Е. Лепского, эксперта Российского Гуманитарного Научного Фонда, который актуализирует факторное значение идейно-мировоззренческой составляющей феномена. Отсутствие такового, по мнению автора, «не дает идеологических оснований для возникновения тенденций конструктивной интеграции

внутри российского общества» [6, с. 10]. В. Е. Лепский подчеркивает, что консолидация субъектов модернизации возможна в рамках субъектно-ориентированного подхода. Это означает «смену объектов исследования, проектирования и управления, которыми становятся не только системы деятельности в целом, но и их субъекты», активно участвующие в инновационном развитии, готовые определять образ будущего, брать на себя ответственность за осуществление целей, задач [6, с. 12]. В этой связи реальная модернизация нуждается в наличии общественных и политических субъектов, обладающих волей для реализации инновационного проекта. Как показывает компаративный анализ российской и белорусской практики модернизации, игнорирование идеологического фактора модернизации чревато процессами стагнации, разобщенности различных агентов модернизации: государства, общественных, политических сообществ, бизнес-структур, социальных институтов. Основными признаками дисфункциональности субъектов модернизации являются блокировка рефлексии; неспособность к самоопределению, недостаточность «прорывных» идей, готовности взаимодействовать с другими субъектами модернизации; снижение потенциала прикладной науки и влияния науки на общество в целом. Такая ситуация создает угрозу национальной безопасности.

В этой связи решение проблемы инновационного развития общества видится, прежде всего, в обеспечении идеологического фактора государственной политики и политики структур гражданского общества в формировании социальной сплоченности. Актуальность проблемы обусловлена усугублением социально-экономических проблем, недостаточной эффективностью социальной политики, кумулятивностью разрывов между богатыми и бедными. Новейшая история доказывает, что важнейшим институтом демократий транзитивного типа является политическая доктрина государства. В науке общепризнанна возрастающая роль национальных идеологий в укреплении государственности. Рассматривая государство как верховный и универсально организованный институт власти, следует подчеркнуть его фундаментальное значение для модернизации путем выработки политической доктрины в обеспечении социальной интеграции агентов инновационного процесса. Прежде всего, государство призвано обеспечить равновесие интересов групп, слоев, организаций. Государство – это «особая форма организации политической власти в обществе, обладающая суверенитетом, монополией на применение узаконенного насилия и осуществляющая управление обществом с помощью специального механизма (аппарата)» [11, с. 135]. Подчеркнем, что в области методологии государств на первый план выдвигались ранее и остаются по-прежнему актуальными нравственно-правовые аспекты политики как инструменты социального равноправия, солидарности и общности целей, способов жизнедеятельности. Такой подход содержится в концепции государства И. А. Ильина (1883–1954), выдающегося мыслителя русского зарубежья. Далее автор уточняет: «Государство есть союз людей, организованный на началах права, объединенный господством над единой территорией и подчинением единой власти...

Несмотря на все различия людей в смысле возраста, пола, характера, богатства и субъективных прав, в положении каждого члена государственного союза есть сходство с положением всех остальных членов» [5, с. 135].

Такой подход в понимании феномена государства актуализирует значение политической доктрины как идеологического ядра политической системы общества. Исходя из этого, политическая доктрина выступает как движущая сила целого ряда сложных механизмов социальной модернизации. Все изложенное выше позволяет заключить, что провозглашенные национальной доктриной, реализуемые идеологией государства стратегии модернизации прямо влияют на интенсивность инновационной активности агентов модернизации, а также на уровень развития демократии, качество жизни. Развернутое определение понятия «доктрина» дано В. Ф. Халиповым в масштабном научном исследовании «Энциклопедия власти»: «Доктрина – (doctrine, от лат. doctrina – учение, обучение, наука) – учение, научная или философская теория, система; руководящий теоретический или политический принцип или документ» [15, с. 510]. В работах Л. Альтюссера, Д. Белла, К. Манхейма, Г. Плеснера, В. Парето, Ю. Хабермаса и других авторов исследованы различные стороны понятия «политическая доктрина» [16; 17; 9; 10; 19; 14]. Итак, политическая доктрина – это система руководящих политических принципов государственного правопорядка, государственных стратегий и способов их реализации. Политическая доктрина конкретно предписывает ценностные эталоны политики, как для государственных, так и общественных институтов на всей территории государства.

В последующем К. Манхейм исследовал интегральную функцию идеологии в объединении интересов различных социальных групп и слоев. Э. Дюркгейм рассмотрел идеологию как способ социальной самоорганизации, «социальный клей», подчеркнув, что общество может выжить тогда, когда между его членами существует значительная степень социальной однородности. Практическое значение идеологии, вслед за марксистами, исследовали К. Поппер и К. Фридрих, раскрыв механизмы идеологии на основе анализа деятельности партий, правящих элит, социальных групп [12; 18]. Общее значение идеологии трактуется как целостный свод идей, ценностей и норм, объединяющих всех граждан [1, с. 523]. Наконец, идеология рассматривается как социально-политическая теория, обосновывающая цели, направления, средства общественного развития. Идеология рассматривается и как система концептуально оформленных представлений и идей, которые выражают интересы, мировоззрение и идеалы различных субъектов политики – классов, наций, общества, политических партий, общественных движений, и выступает формой санкционирования или существующего в обществе господства и власти (консервативные идеологии) или радикального их преобразования (идеологии «левых» и «правых» движений) [15, с. 81].

Между тем в науке наблюдается четкая дифференциация значений идеологии как понятия и политической доктрины. В частности, М. Реджай акцен-

тирует внимание на деятельностном аспекте идеологии в политике: «Важно различать идеологию в политике и идеологию в науке. В первом случае мы сосредотачиваемся на деятельности – и проблема заключается в эффективности. Во втором – мы сосредотачиваемся на мышлении – и проблема заключается в принципиальности» (цит. по: [2, с. 404]). В продолжение аргументации этой идеи Т. Жиро раскрывает позиции современных западных исследователей Дж. Сартори, М. Лернера, К. Фридриха и др. В их работах идеология трактуется как практическое средство преобразования идей в социальные рычаги, «как матрица человеческих свершений в социальной сфере, как преобладающая сила при определении политических целей, как главный источник существования политического сообщества» [2, с. 406].

Парадигмальный аспект идеологии вычленяет российский политолог Г. Ю. Семигин. Согласно авторской трактовке, данное понятие образует базовый концепт парадигмы политического плюрализма. Это предполагает, по мнению Г. Ю. Семигина, наличие «идейного рынка» в современных демократических государствах [13, с. 81]. Поэтому для государства с недостаточно развитой демократией «идейный рынок» составляет один из источников формирования и обновления политической доктрины.

Таким образом, понятие «идеология» имеет широкий социально-политический спектр. Государственная идеология является идейной объединительной платформой существующих идеологий. Идеологии формируются на уровне отдельных групп, объединенных общими целями социальной кооперации. Поэтому, понимая национальную доктрину как генеральный план инновационного развития, идеологию государства следует рассматривать как важнейший инструмент достижения общенациональных стратегий, заявленных в доктрине, закрепленных на уровне институциональных механизмов. Идеология государства выступает как социально-политическая теория и как эффективный инструмент политической доктрины. При этом государственная идеология, отражающая чаяния и потребности различных групп, составляет часть этнокультуры, идейный базис общества, являясь формой индивидуально-группового сознания.

Отсюда следует заключить, что идеология государства – это консолидирующий и стабилизирующий фактор интеграции групп для решения актуальных общественно-политических и социально-экономических задач социальной модернизации на основе четких, ясных и близких гражданам социально-политических идей. Для социальной модернизации важна интеграционно-координационная функция идеологии, они «обеспечивают в некоторых государствах идеологические эталоны жизнеспособности в течение длительного времени» [2, с. 410].

При этом идеология государства по своей природе имплицитна национальной идее как духовной матрицы этноса. Д. С. Лихачев в работе «Три основы европейской культуры и русский исторический опыт» раскрывает методологию национальной идеи, подчеркивая, что стержнем национальной

идеи любого государства являются три нравственных опоры: любовь к Отечеству, историческая память, гражданский долг. Именно это объединяет народ и делает его непобедимым [7, с. 15–16]. Из этого следует, что идеологический фактор политики государства понимается как ключевой компонент конструирования устойчивой политической системы. Это предполагает обновление правовых механизмов обеспечения равенства прав и возможностей различных социальных групп. В условиях нарастания глобализации противоречия, обусловленные неравенством, многократно усугубляются. Для преодоления этих процессов необходима горизонтально-вертикальная координация всех субъектов социальной модернизации. Требуется политика мобилизации гражданского общества средствами информационно-идеологической работы в социуме, по месту жительства, с гражданами разных социальных статусов.

Таким образом, в инновационном развитии возрастающая роль консолидации принадлежит идеологическому фактору. Это обусловлено следствием глобальных, национальных, экономических, политических, социально-культурных трансформаций. Идеологический фактор социальной модернизации становится ключевым в расширении и структурировании равенства возможностей граждан как новых жизненных шансов, новых социальных статусов. Идеологические детерминанты состоят в динамичном характере влияния на динамику инновационной активности граждан, как на уровне политики государства, так и на уровне субполитик структур гражданского общества. И наоборот, игнорирование идеологического фактора инновационного развития общества может быть разрушительным для устойчивого развития. Инновационное развитие общества означает укоренение и обновление социальной, политической идентичности человека в культуре общества, традициях, идеалах, нравственных и семейных ценностях, в ценностях истории, культуры, языка на основе консолидации всего общества с целью обогащения духовно-нравственного потенциала белорусского народа.

Литература

1. Доклад Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко на постоянно действующем семинаре руководящих работников республиканских и местных государственных органов по вопросам совершенствования идеологической работы «Сильная и процветающая Беларусь должна иметь прочный идеологический фундамент» // Совет. Беларусь. – 2003. – 28 марта. – С. 2.
2. Жиро, Т. Идеология / Т. Жиро // Политология: пер. с польск. – Харьков: Изд-во Гуманитарный центр, 2006. – 428 с.
3. Жуков, В. И. На рубеже тысячелетий: социология отечественных преобразований (1985–2005 годы) / В. И. Жуков. – М.: Изд-во РГСУ, 2008. – 940 с.
4. Жуков, В. И. Россия в глобальном мире: философия и социология преобразований: в 3 т. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Изд-во РГСУ, 2007. – Т. 1: Россия на рубеже тысячелетий: социология экономики и политики (1985–2005). – 553 с.
5. Ильин, И. А. Общее учение о государстве и праве / Иван Ильин. – М.: АСТ [и др.], 2006. – 510 с.
6. Лепский, В. Е. Становление стратегических субъектов: постановка проблемы / В. Е. Лепский // Рефлексивные процессы и управление. – 2002. – Т. 2, № 1. – С. 5–23.

7. Лихачев, Д. С. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт / Д. С. Лихачев // Наше наследие. – 1991. – С. 15–16.
8. Макиавелли, Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве / Н. Макиавелли: пер. с итал. – М.: Мысль, 1996. – 639 с.
9. Манхейм, К. Диагноз нашего времени / К. Манхейм: пер. с нем. и англ. – М.: Юрист, 1994. – 700 с.
10. Плеснер, Х. Ступени органического и человек: введение в философскую антропологию / Х. Плеснер: пер. с нем. – М.: РОССПЭН, 2004. – 368 с.
11. Политология: учеб. / под ред. М. А. Василюка. – М.: Гардарики, 2004. – 588 с.
12. Поппер, К. Открытое общество и его враги / К. Поппер: пер. с англ.; под ред. В. Н. Садовского. – М.: Феникс, Междунар. фонд «Культурная инициатива», 1992. – Т. 1: Чары Платона. – 448 с.
13. Семигин, Г. Ю. Идеократия / Г. Ю. Семигин // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / РАН, Ин-т философии, Нац. общ.-науч. фонд; науч.-ред. совет: В. С. Степин [и др.]. – М., 2001. – Т. 2. – 612 с.
14. Хабермас, Ю. Историческое сознание и посттрадиционная идентичность. Западная ориентация ФРГ / Ю. Хабермас // Политические работы / сост. А. В. Денежкина; пер. с нем. Б. М. Скуратова. – М.: Праксис, 2005. – 368 с.
15. Халипов, В. П. Энциклопедия власти / В. П. Халипов. – М.: Академ. проект; Культура, 2005. – 1056 с.
16. Althusser, L. Ideologie et appareils ideologiques d'Etat / L. Althusser // Positions (1964–1975). – Paris: LesEditions Sociales, 1976. – P. 67–125.
17. Bell, D. The End of Ideology. On the Exhaustion of Political Ideas in Fifties / D. Bell. – Giencoe, 1960. – 416 p.
18. Friedrich, C. Autocracy and Totalitarianism / Carl Friedrich, Zbigniew Brzezinski. – New York, 1993.
19. Pareto, V. Oeuvres complètes / V. Pareto. – Genève: Droz, 1965. – 231 p.

F. I. HRAMTSOVA

IDEOLOGICAL FACTOR OF SOCIAL MODERNIZATION IN REPUBLIC OF BELARUS

Summary

The author's concept of ideology of innovative development of Russia is stated. Specifics, interrelation of political categories «ideologiya», «the political doctrine», «the state ideology», «national idea» as a determinant of innovative development of Russia is revealed. Influence of ideology of the state on social unity, dynamics of innovative activity of subjects of modernization of society is proved.

Keywords: innovative development of society, national state, civil society, social modernization, state ideology, political doctrine, national idea.

Поступила 13.12.2013 г.

А. А. БЕЛЕНОК,

Институт социологии Национальной академии наук Украины, г. Киев

ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ К СОЮЗУ РОССИИ И БЕЛАРУСИ (ПОКОЛЕНЧЕСКАЯ ДИНАМИКА)

На материалах мониторинга Института социологии Национальной академии наук Украины (1997–2012) рассматривается динамика общественного мнения относительно идеи присоединения Украины к Союзу России и Беларуси. Приводится сравнительный анализ межпоколенческих различий в поддержке/отвержении данной идеи.

Ключевые слова: Союз России и Беларуси, тенденции, общественное мнение, возрастные когорты.

Распад СССР – знаковое событие нашей новейшей истории, на многие годы определившее траекторию развития Украины. В свое время целью перестройки ее идеологами было провозглашено укрепление социализма и советского строя. Завершилась же она реставрацией капитализма периода первоначального накопления капитала и развалом большой страны – несущей конструкции тогдашнего мирового порядка, что символически было зафиксировано в Беловежской пуще в декабре 1991 г.

«Отказ от исторических традиций и смысла жизненных ценностей славянских государств, бездумный радикал-либеральный нигилизм по отношению к культурным экономическим корням, в том числе по отношению к экономическому наследию СССР – гибельный для России, Украины, Белоруссии путь, который способен лишь обесточить жизненный и социальный потенциал народов этих стран. При продолжении этого курса восточнославянские страны будут обречены влачить жалкое существование на задворках мировой истории в виде зависимых сателлитов развитых мировых государств. Россия, Украина, Беларусь могут раствориться и исчезнуть в западноевропейском цивилизационном потоке, утратят свою идентификацию, превратятся в ресурсно-сырьевой придаток индустриально-развитых стран, в территорию сосредоточения вредных производств и промышленных отходов, в рынок дешевой рабочей силы» [1].

Преодолевая сопротивление центробежных сил, первыми из бывших союзных республик стали устранять последствия постсоветского хаоса Россия и Белоруссия (Беларусь). 2 апреля 1996 г. был подписан Договор об образовании Сообщества России и Беларуси, а ровно через год – 2 апреля 1997 г. – и Договор о Союзе России и Беларуси. 23 мая 1997 г. был подписан Устав Союза, а с 8 декабря 1999 г. форма интеграции этих государств получила название

Союзное государство, об образовании которого был подписан соответствующий договор. Примечательно, что в юридическую силу он вступил 26 января 2000 г., когда уже была подведена черта под ельцинской эпохой.

Логику истории не отменить: геополитический маятник после крутого заноса 1991 г. на наших глазах возвращается к срединному, более равновесному состоянию. От Союза России и Беларуси через экономическую интеграцию на основе Таможенного союза (ТС) и Единого экономического пространства (ЕЭП) – к более тесному межгосударственному Евразийскому союзу (ЕАС) – таков алгоритм появления на карте утраченной Родины нового добровольного Союза братских народов при сохранении национального суверенитета государств – его участников.

Эффективное, равноправное и взаимовыгодное участие в будущем ЕАС станет для государств, которые его образуют, важнейшей опорой их глобальной конкурентоспособности. Основой же ЕАС, его интеграционным ядром выступит Союз России и Беларуси. «Поскольку конструктивными преобразования могут быть только в том случае, когда они отражают интересы большинства граждан, когда они легитимны, т. е. поддерживаются общественным мнением»; именно общественное мнение выступает важнейшим стратегическим ресурсом построения нового Союза [2, с. 149].

Согласно данным мониторингового исследования Института социологии НАН Украины-2012, проводимого на общенациональной выборке, репрезентативной для основных социально-демографических групп взрослого населения ($N = 1800$ чел.), большинство граждан Украины к идее присоединения Украины к Союзу России и Беларуси относятся скорее положительно (53,6 %). Относящихся скорее отрицательно – 24,6 %, остальные граждане затруднились с ответом. Следует отметить, что поддержка большинством населения идеи присоединения Украины к Союзу России и Беларуси стабильна и фиксируется учеными в течение многих лет социологических наблюдений, начиная с 1997 г., т. е. года включения соответствующего вопроса в анкету мониторинга (рис. 1). Весь этот период поддержка Союза превышала отметку 50 % (за исключением I квартала 2000 г., когда были неясны перспективы постъельцинской России, а возможно, сказалась и реакция массового сознания на акты терроризма в Москве осенью 1999 г.). В последние годы число сторонников Союза стабильно превышает число противников с соотношением примерно 2:1.

Таким образом, противникам Союза, несмотря на мощные информационно-идеологические атаки на массовое сознание в течение 20 лет, не удалось добиться перелома в общественном мнении жителей Украины по поводу будущего Союза.

Тем не менее следует признать неоднозначность, противоречивость общественного мнения по поводу вступления Украины в подобный Союз. С одной стороны, общество в Украине по этому вопросу не разделено пополам, с другой – нельзя сказать, что против Союза лишь незначительная часть общества. В общественном мнении идея Союза существует скорее как латент-

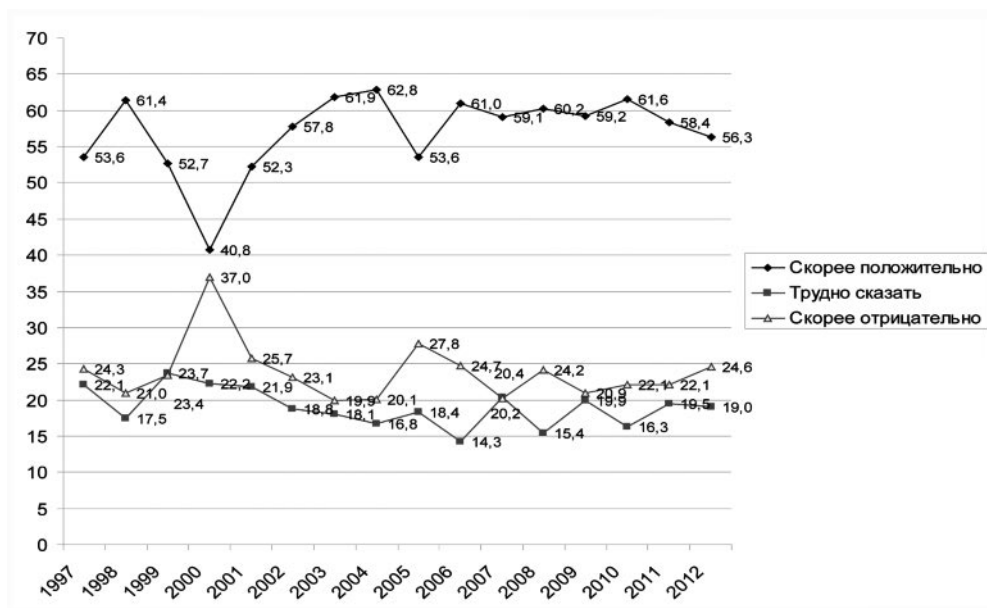

Рис. 1. Динамика распределения ответов населения Украины на вопрос анкеты: «Как Вы относитесь к идее присоединения Украины к Союзу России и Беларуси?», %

ная ценность, как форма бытования исторической памяти, а не как императив к политическим действиям. С этим мнением не считаются те, кому не выгоден будущий Союз, кто выдает групповые интересы за общенациональные. Вступление Украины в Союз России и Беларуси, ТС и в перспективе – в ЕАС подается его недругами и воспринимается немалой частью украинского общества как умаление государственного суверенитета, в русле традиционных фобий относительно мнимого поглощения Украины со стороны России. Не исключено, что идея Союза остается неясной для части сограждан. Не исключено также, что восприятию гражданами Украины идеи Союза России и Беларуси мешает его название, а именно ассоциация в массовом сознании данного Союза с СССР как пройденным этапом истории (этот тезис нуждается в дополнительном исследовании).

С целью анализа поколенческой динамики по поводу идеи присоединения Украины к Союзу России и Беларуси нами рассмотрено общественное мнение в разрезе шести возрастных когорт, выделенных с 10-летним интервалом по годам рождения: 1) 1980–1989 гг. рождения; 2) 1970–1979 гг. рождения; 3) 1960–1969 гг. рождения; 4) 1950–1959 гг. рождения; 5) 1940–1949 гг. рождения; 6) 1930–1939 гг. рождения (табл. 1). Распределение респондентов по выделенным возрастным когортам количественно достаточно для анализа. Наследуя прием, применявшийся классиком российской социологии Ю. А. Левадой, мы исходим из методического допущения, состоящего в том, что репрезентативно представленная десять лет назад группа, к приме-

ру «40-летних», и нынешняя группа «50-летних» – это статистически одна и та же группа. В этом смысле данная методика приближается к лонгитюдному исследованию.

Возрастные когорты – это не столько статистические группы, сколько большие социокультурные массивы людей, рожденных приблизительно в один исторический период, внутренний мир которых сформирован одними и теми же историческими событиями, и имеющих, предположительно, близкий набор ценностей, схожий социальный опыт и особенности восприятия мира. В этом смысле они образуют последовательные ряды поколений и метафорически отождествляются с ними (дети войны, послевоенного возрождения, поколения «оттепели», «застоя», молодежь перестройки и постперестроечного времени). Вероятно, на отношение к идее присоединения Украины к новому Союзу влияет историческая память о недавней совместной жизни народов СССР в составе одного государства, а также трудный опыт становления независимости государств, возникших на его месте. Соотношение плюсов и минусов обретенного суверенитета в сознании населения постсоветских республик старших и средних возрастных групп обуславливает их тяготение к испытанной форме единого государственного образования.

Из «чтения» таблицы следует более выраженное, по сравнению со всеми опрошенными, положительное отношение к Союзу в трех старших возрастных группах, а также несколько большее, чем в целом по массиву, число противников Союза в младшей возрастной группе.

Как показывает применение коэффициентов ранговой корреляции τ -b Кендалла, поколенческая динамика позитивного отношения к идее присоединения Украины к Союзу России и Беларуси оказалась статистически значимой для двух возрастных когорт – рожденных в 1940-е и рожденных в 1970-е гг. – за счет уменьшения среди представителей этих возрастных групп выбора альтернативы «трудно сказать».

Рожденные в 1940-е гг. В детстве испытавшие военные/послевоенные лишения, люди, принадлежащие к этой когорте, впоследствии жили в атмосфере подъема народного благосостояния в 1950–1980-е гг. Большая часть их жизни выпала на мирное, относительно благополучное время. После поворота 1991 г. кардинально изменились и карта их страны, и общественные идеалы, «упраздняющие» ценностный мир их молодости. Возможно, они испытывают комплекс вины перед потомками за то, что не ценили должным образом блага реального социализма, казавшиеся тогда сами собой разумеющимися, и свободу общения людей, независимо от их национальности и социального происхождения на всем пространстве СССР.

Рожденные в 1970-е гг. – это люди, входящие в поколение переходного периода. Их первичная политическая социализация совпала с годами перестройки. Условия посткоммунистических трансформаций, в которые им поневоле пришлось «вписываться», тем не менее, диссонировали с образом их светлого детства и главное – с теми возможностями, которые заключались в эволюци-

Таблица 1. Динамика отношения респондентов различных возрастных когорт к идее присоединения Украины к Союзу России и Беларуси, %

	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	<i>τ</i> Кендалла
<i>Скорее положительно</i>																	
1980–1989 гг.	–	–	–	–	–	–	–	53,1a	43,8a	50,5a	48,9a	48,9a	48,1a	57,9a	55,1a	53,2a	0,25
1970–1979 гг.	46,7a	53,9a	46,4a	31,6a	42,3a	50,3a	60,3a,b	56,1a,b	49,1a,b	56,2a,b	57,2a,b,c	57,9a,b	54,7a,b	57,2a	56,5a	52,7a	0,38*
1960–1969 гг.	51,5a	60,5a	49,1a	36,3a,b	49,7a,b	54,0a	57,4b	60,8a,b,c	48,3a,b	59,1a,b,c	51,6a,c	59,9a,b	57,0a,b	63,2a	55,2a	52,4a	0,23
1950–1959 гг.	50,8a	62,4a	55,0a	43,2b,c	52,6a,b,c	59,8a,b	64,3a,b	66,1b,c	56,6b,c	65,1b,c	62,2b,c,d	63,4b	61,7b,c	65,6a	63,1a	60,9a,b	0,33
1940–1949 гг.	57,9a	63,1a	55,4a	38,8a,b	58,9b,c	61,4a,b	66,4a,b	68,3c	58,3b,c	63,1a,b,c	67,1b,d	68,3b	70,0c,d	64,2a	65,3a	69,1b	0,55**
1930–1939 гг.	57,5a	63,9a	56,5a	53,1c	63,4c	66,4b	70,1a	68,8c	64,3c	70,4c	71,4d	69,2b	75,2d	68,4a	63,4a	62,8a,b	0,31
<i>Трудно сказать</i>																	
1980–1989 гг.	–	–	–	–	–	–	–	19,3a	19,3a	20,2a	26,3a	21,3a	27,9a	19,3a	18,8a	20,4a,b	0
1970–1979 гг.	25,4a	22,1a	28,2a	25,3a	23,8a	21,7a	20,3a	18,5a	21,8a	16,2a,b	18,9a,b	15,9a,b	21,1a,b	18,7a	22,7a	21,2a,b	-0,43*
1960–1969 гг.	23,4a	19,4a,b	26,7a,b	25,0a	25,6a	19,8a	19,8a	17,3a	21,8a	11,0b	22,9a,b	14,7a,b	20,4a,b	14,5a	20,8a	22,5b	-0,24
1950–1959 гг.	22,3a	13,7b	18,8b	18,4a	17,5a	18,2a	16,4a	16,0a	13,9a	13,0a,b	22,5a,b	15,9a,b	16,0b	13,8a	17,1a	15,5a,b	-0,34
1940–1949 гг.	19,2a	15,5a,b	22,8a,b	23,1a	18,8a	17,6a	18,7a	16,8a	19,4a	16,4a,b	14,5b	10,2b	14,5b	16,5a	15,4a	10,9a	-0,54**
1930–1939 гг.	17,9a	18,4a,b	24,1a,b	19,0a	18,8a	17,0a	13,4a	13,7a	14,8a	10,2b	17,3a,b	10,6b	16,5a,b	12,4a	20,8a	16,5a,b	-0,29
<i>Скорее отрицательно</i>																	
1980–1989 гг.	–	–	–	–	–	–	–	27,5a	36,9a	29,3a	24,8a	29,7a	24,0a	22,8a	26,1a	26,4a	-0,33
1970–1979 гг.	27,9a	24,0a	25,4a	43,0a	33,9a	28,0a	19,4a	25,4a	29,1a,b	27,6a	23,9a,b	26,2a	24,2a	24,1a	20,8a,b	26,1a	-0,28
1960–1969 гг.	25,1a	20,1a	24,2a	38,7a,b	24,7a,b,c	26,2a,b	22,8a	21,9a,b	29,9a,b	29,9a	25,5a	25,3a	22,6a	22,3a	23,9a,b	25,1a	-0,1
1950–1959 гг.	26,9a	23,9a	26,2a	38,4a,b	29,9a,c	22,0a,b	19,3a	17,9a,b	29,5a,b	21,9a	15,3b,c	20,7a	22,3a	20,6a	19,8a,b	23,6a	-0,35
1940–1949 гг.	22,9a	21,4a	21,8a	38,1a,b	22,3b,c	21,0a,b	14,9a	14,9b	22,3b	20,5a	18,4a,c	21,5a	15,5a,b	19,3a	19,3a,b	20,0a	-0,36
1930–1939 гг.	24,5a	17,7a	19,4a	27,8b	17,8b	16,6b	16,5a	17,5a,b	20,9b	19,4a	11,2c	20,2a	8,3b	19,2a	15,7b	20,7a	-0,21
<i>N</i>	1569	1593	1595	1542	1519	1506	1529	1731	1736	1725	1725	1747	1697	1689	1624	1647	
<i>U Крамера</i>	0,06	0,05*	0,03*	0,107**	0,16*	0,08**	0,07*	0,9**	0,106**	0,103**	0,121**	0,101**	0,128**	0,06	0,08*	0,09**	

Примечания. Каждая подстрочная буква обозначает набор категорий возрастных групп, для которых пропорции значимо не различаются между собой на уровне статистической значимости $\alpha = 0,05$. Расчеты сделаны с учетом поправки Бонферони, с помощью которой z -критерии коррелируются на множественность сравнений. Коэффициенты корреляции U Крамера и τ - b Кендалла статистически значимы на уровне статистической значимости: * – $\alpha = 0,05$; ** – $\alpha = 0,01$.

В ряде случаев сумма ответов составляет 99,9 %, т. к. одна десятая процентного пункта находится на «стыках» округления слагаемых.

онном реформировании советского общества. Им, воспитанным в духе гуманности, теперь ежедневно приходится сталкиваться с реалиями «дикого» капитализма и быть первым поколением молодых людей, выросших на его почве.

Значимость различий пропорций ответов представителей разных возрастных категорий на анализируемый вопрос определялась нами на основе критерия хи-квадрат и производного от него коэффициента корреляции Крамера, а также на основе z-критерия. Наибольший консенсус во взглядах разных возрастных групп по поводу возможного участия Украины в новом Союзе фиксировался в 1997 и 2010 гг., наибольшее различие во взглядах – в 2007 (что совпало по времени с острейшим внутривнутриполитическим кризисом, завершившимся досрочным роспуском парламента и сменой правительства В. Януковича на правительство Ю. Тимошенко) и 2009 гг. (что происходило на фоне стартовавшей избирательной кампании по выборам президента страны, увенчавшейся впоследствии победой В. Януковича). Выбор альтернативы «скорее положительно» вопроса об отношении к Союзу разных возрастных групп не отличался в 1997–1999 и 2010–2011 гг., «трудно сказать» – 1997, 2000–2005, 2010–2011 гг., «скорее отрицательно» – в 1997–1999, 2003, 2006–2007, 2010, 2012 гг.

Как показало исследование З. В. Сикевич, «граждан трех стран все еще объединяет общее культурное и психологическое пространство, которое выражается, в частности, в представлении о ментальном сходстве русских, украинцев и белорусов. Судя по данным опроса, рядовые граждане все еще воспринимают друг друга как близких, не чужих людей, а разъединяющим фактором служат обычно общественно-политические ориентации государственных элит» [3, с. 67].

Для респондентов средних и старших возрастных групп населения Украины Россия и Беларусь – не вполне «заграница», а во многом части общего государства, в котором они родились и социализировались. Для молодежи же Россия и Беларусь по факту – иностранные государства, их страна – Украина. Стало уже традиционным пропагандистским штампом считать, что-де с ходом времени, когда в сознательную жизнь вступают новые поколения, на личном опыте не знакомые с реалиями жизни в СССР, реинтеграция постсоветского пространства перестает быть актуальной, так как молодежь якобы не поддерживает просоюзные ориентации. Наши данные опровергают подобного рода упрощения. Так, отношение молодежи, рожденной в 1980–1989 гг., к идее нового Союза, претерпев колебания как в сторону нарастания позитивных оценок, так и в сторону их уменьшения, в 2012 г. фиксируется на отметке 53,2 % поддержки Союза, т. е. практически совпадает с таковой в начале наблюдений (2004) для этой возрастной когорты.

Анализ перспектив будущего Союза будет неполным без учета существенной региональной дифференциации граждан Украины по данному вопросу (сторонники Союза традиционно преобладают в Центральном, Восточном и Южном регионах Украины, а противники – в Западном), но эта проблема выходит за рамки настоящей статьи.

2014–2015 гг. могут стать решающими для Украины в выборе интеграционного вектора. Сравнительный анализ двух путей развития – европейского и евразийского (до сих пор никем не опровергнутый) – свидетельствует в пользу восточного вектора интеграции [4; 5].

Общественное мнение призвано выполнять не декоративную роль, а иметь непосредственное отношение к принятию важнейших политических решений. Представляется демократичным проведение Всеукраинского референдума по вопросу интеграционного курса Украины. Возможно, целесообразно одновременное проведение соответствующих референдумов в Украине, России и Беларуси. Несмотря на различия в политическом и социальном устройствах этих государств, четко выраженная воля народов должна побудить политиков найти взаимоприемлемые формы объединения. Мы отдаем себе отчет в том, что в столь дифференцированном обществе, как современное украинское, вряд ли возможно полное согласие по вопросу геополитического выбора. Но общественный договор, который определял бы взаимную ответственность основных социальных групп, структур, которые представляли бы интересы большинства граждан, а также определяли компенсации и уважения достоинства и позиции меньшинства граждан, совершенно необходим.

Создание межгосударственного Союза не противоречит так называемым европейским реформам в Украине, возможность участия Украины в Союзе не нарушает ее Конституцию и, более того, вытекает из текстов Беловежских соглашений, ставших «свидетельством о рождении» государства Украина. При проектировании ЕАС важно учесть как модели интеграции в ЕС, так и соответствующий опыт СССР.

Строительство политически независимого, экономически сильного и демократически управляемого нового Союза наполнит страны СНГ реальным, а не декоративным суверенитетом, умножит их потенциалы. Такова и воля наших народов, и следствие объективных экономических процессов. Евразийский Союз – это будущая реальность, а с Украиной или нет – покажет время.

Выводы:

1. Наши данные подтверждают существование в украинском обществе стабильного большинства в поддержку присоединения Украины к Союзу России и Беларуси, которое носит характер межпоколенческого консенсуса. Во всех возрастных когортах все годы наблюдения (1997–2012) число сторонников Союза превышает число его противников.

2. Чем старше возрастная группа, тем при прочих равных признаках сторонников Союза России и Беларуси в ней больше. Динамика отношения к идее присоединения Украины к Союзу России и Беларуси статистически значима для двух возрастных когорт – 1940–1949 гг. рождения и 1970–1979 гг. рождения. Мнение респондентов, представляющих указанные возрастные группы, с течением времени становится более определенным.

3. Потенциал для объединения наших государств все еще существует. Главное в нем, помимо общности истории, культуры, межличностного тяго-

тения братских народов, – доминирование «рожденных в СССР» в возрастной структуре населения. Со временем, по мере смены поколений, имеется вероятность того, что социальная база сторонников Союза будет претерпевать определенное размывание.

4. В дальнейших исследованиях нельзя обойти вниманием и силу притяжения на Украину другого геополитического магнита – Европейского союза (ЕС). В этой связи представляется актуальным анализ перспектив взаимосвязки участия Украины в интеграционных процессах на постсоветском пространстве и проведения «европейских» реформ.

Литература

1. *Воронцов, А. В.* Союз России и Белоруссии – наше будущее [Электронный ресурс] / А. В. Воронцов. – Режим доступа: <http://www.russkiy-rok.ru/red/discus/Souz-Buduzh.htm>. – Дата доступа: 07.05.2013.
2. *Локосов, В. В.* Союзное государство Беларуси и России в общественном мнении двух стран / В. В. Локосов // Союзное государство в контексте мировых интеграционных процессов: науч. материалы Межакадем. совета по проблемам развития Союзного государства. – Минск: Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси, 2011. – Вып. 2 / под ред. С. М. Дедкова, В. К. Егорова. – С. 148–154.
3. *Сикевич, З. В.* Русские, украинцы, белорусы: вместе или врозь? / З. В. Сикевич // Социс. – 2007. – № 9. – С. 59–69.
4. *Мунтиян, В.* Евроинтеграция: возможны варианты / В. Мунтиян // Еженедельник 2000. – 2011. – № 35 (571).
5. *Мунтиян, В.* Слово – цифрам: риски и преимущества создания ЗСТ между Украиной и ЕС / В. Мунтиян // Еженедельник 2000. – 2011. – № 35 (571).

A. A. BELENOK

UKRAINE'S PUBLIC OPINION ON THE UNION OF RUSSIA AND BELARUS (GENERATION'S DYNAMICS)

Summary

Based on the data of monitoring of the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine (1997–2012) the dynamics of the public opinion concerning the idea of the Ukraine's joining the Union of Russia and Belarus. This idea has been supported or rejected during the comparative analysis of the intergeneration's distinctions.

Keywords: the Union of Russia and Belarus, trends, public opinion, age cohorts.

Поступила 16.10.2013 г.

В. Э. СМЕРНОВ,

*кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск*

ЕЩЕ РАЗ О КЛАССАХ И КЛАССОВОЙ БОРЬБЕ

Рассматриваются возможности теоретико-методологического использования классовой теории К. Маркса в анализе проблемы социальных изменений; дается критический анализ некоторых аспектов, подчеркивается эвристический потенциал основных ее положений. Критически осмысливается положение о передовой роли пролетариата как субъекта социальных изменений в современных условиях.

Ключевые слова: классовая теория, социальные изменения, марксизм, пролетариат, борьба классов, передовой класс, теория стратификации, креативный класс, когнитариат.

В последнее время стало нормой рассматривать проблемы социальных изменений, инноваций, модернизации и развития вообще с точки зрения немарксистских теорий, акцентирующих эволюционные и реформистские процессы. Как правило, субъектом этих изменений предполагаются властные структуры или, в крайнем случае, общественные организации – так называемое «гражданское общество». Напротив, теории классовой борьбы, революционных изменений, классовых интересов как основы социальных изменений по большому счету игнорируются, а если и упоминаются, то скорее в историко-научном плане как неактуальный и отработанный материал, заслуживающий место в архиве культурных артефактов. Всевозможные теории, вроде популярной сегодня теории устойчивого развития, с вульгарных позиций критикующие гегелевскую и марксову диалектику, обосновывают свои идеи на уверенности в том, что активность революционного, по К. Марксу, класса – пролетариата, очевидным образом снижается.

Однако, думается, что с отправлением марксовой теории развития общества в архив научное сообщество слишком поторопилось. Это касается, в частности, и теории классов как социальных сил, взаимоотношения которых определяют процессы общественного развития, и теории революций как способа (механизма) социальных изменений. В данной статье я попытаюсь показать в рамках марксистской парадигмы, что эвристический и методологический потенциал теории классовой борьбы и теории социальных революций далеко не исчерпан.

Учение о классовой борьбе в марксизме еще недавно было общеизвестным. Однако сегодня оно не столь очевидно, мало того, интерпретируется в демагогических вариациях, поэтому для прояснения основные его принци-

пы имеет смысл повторить. Суть в том, что, согласно К. Марксу, общество социально-экономической формации делится на классы, в первую очередь на два основных класса, противостоящих друг другу. Развитие социально-экономической формации проходит через ряд способов производства (рабовладельческий, феодальный, буржуазный). Каждый из этих способов производства отличается собственной парой противостоящих классов: рабов и рабовладельцев, феодалов и крестьян, буржуазии и пролетариата. Интересы этих классов антагонистичны, т. е. их интересы взаимоисключающие, противоположные. Согласно Марксу, вся история экономической формации есть история борьбы классов: «...всякая историческая борьба – совершается ли она в политической, религиозной, философской или в какой-либо иной идеологической области – в действительности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов, а существование этих классов и вместе с тем их столкновения между собой в свою очередь обуславливаются степенью развития их экономического положения, характером и способом производства и определяемого им обмена» [1].

Эта борьба в конечном счете всегда приводит к краху старого способа производства и установлению нового: «Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов» [2]. Классовая борьба, по Марксу, есть проявление основного противоречия экономической формации, а именно противоречия между постоянно развивающимися производительными силами и, соответственно, постоянно устаревающими производственными отношениями. При капитализме основными классами являются буржуазия и пролетариат. Их борьба подталкивает сначала развитие, а затем и кризис капитализма, в результате чего совершается социальная революция, а совершается она пролетариатом, который есть передовой класс. Все вроде бы ясно и понятно. Однако при ближайшем рассмотрении в этой модели можно выявить немало проблем и оснований для критики. С одной стороны, как мы знаем из истории, с развитием производительных сил в рамках конкретного способа производства классовая борьба нарастала. Если, например, говорить о феодализме, крупные крестьянские восстания совершались, как правило, в период разложения феодальных отношений, но крестьяне требовали вовсе не ликвидации таких отношений как таковых, а наоборот, возвращения к отношениям классического феодализма. Дело в том, что все обязанности, платежи и т. д. крестьянства по отношению к феодалам регулировались не волюнтаристской волей феодала, а обычным правом, т. е. обычаями, как правило, записанными. Во Франции такие правовые документы назывались кутюмами. Все строго определено и зафиксировано, каждый день или пенни, который villan отдает господину, он отдает в соот-

ветствии с зафиксированной в кутюмах нормой. Нельзя сказать, что все эти повинности легки, вовсе нет. Крестьяне вели тяжелую жизнь, трудились от зари до зари, однако они были привычны и не чрезмерно тяжелы – вспомнить хотя бы громадное количество христианских праздников и выходных. Столетие за столетием крестьянин нес все те же повинности, и вся его классовая борьба заключалась в песнях о местном Робин Гуде. Но проходит время, производительные силы развиваются, растут города, денежный обмен, появляется протобуржуазия, и вся система начинает шататься. Феодал уже не может жить на закрепленные обычаями платежи (ведь даже деньги меняют свою стоимость), пытается собирать больше и иначе. Он бы и рад это делать по-старому, да не выходит. Существуют замечательные исследования, например для Франции XII–XIII вв., демонстрирующие, как нищают мелкие феодалы, как они уже не могут существовать со своего лена и вынуждены служить королю (или иному крупному сеньору) сверх обязательных феодальных обязанностей за дополнительную оплату (С. Амальви, А. Кабантус, Б. Руссель и др.). Одновременно начинаются крестьянские бунты, но опять же, крестьян возмущает не эксплуатация как таковая, а нарушение обычая. Зачастую повышение платежей в денежной форме, на котором настаивал феодал, вовсе не было усилением эксплуатации. Просто те 4 денье, который крестьянин платил 100 лет назад, сегодня были равны 20 денье. Но попробуй объяснить крестьянам механизм инфляции? Впрочем, как правило, хуже становилось и тем и другим, и феодалам и крестьянам.

Итак, все соответствует марксовской схеме, а именно, производительные силы развиваются, их противоречие с отношениями (феодальными) обостряется – классовая борьба крестьян и феодалов усиливается. Но к чему приводит эта борьба? Может быть, она сокрушает феодализм? Может быть, крестьяне уничтожают феодальные отношения и, являясь передовым для того времени классом, утверждают новое, буржуазное общество? Вовсе нет! Феодализм гибнет совсем в другой борьбе, с совсем другим классом, а крестьяне в принципе не могут утвердить буржуазный строй, ибо на самом деле сражаются против него, сражаются за феодализм в его неизменных, традиционных формах. Они стоят за католицизм (с его традиционным, отражающим феодальные отношения мировоззрением) против протестантов – ранних буржуа-горожан. Неудивительно, что и после победы буржуазии, после того, как сами феодалы частично изгнаны и убиты, а частично обуржуазились и слились с верхушкой нового господствующего класса, Вандея еще сражается. Крестьяне остаются последними бойцами за феодализм.

Таким образом, можно утверждать, что если брать классовую борьбу двух антагонистических классов, определяющих способ производства, то среди них нет никакого передового класса. Их борьба редко приводит к крушению старого строя и уж ни в коем случае не может привести к построению строя нового. Эти классы находятся в состоянии не только и не столько борьбы,

сколько единства. Жесткого, бескомпромиссного антагонизма между ними нет. На самом деле бескомпромиссной, решающей для истории борьбой является борьба старых классов общества с нарождающимися новыми классами. Эти новые классы живут и трудятся по правилам новой, пока еще локальной системы социальных институтов. Долгое время эта система только вырабатывается, как вырабатываются нормы и ценности, на которых эти институты должны базироваться. И главное, эти институты, эти нормы и ценности решительно, в полном смысле антагонистически противостоят институтам, нормам и ценностям феодального общества, до поры до времени спрятавшись в андеграунде.

Этот новый класс рождается в процессе освоения новых практик, способов деятельности, не предусмотренных или даже не легитимных в рамках устоявшейся системы социальных отношений. Однако свою легитимацию эти новые социальные практики и способы деятельности находят в новых мировоззренческих и религиозных системах, в новых идеологиях. И это в то время, когда ухудшение положения старых классов приводит к обветшанию, проблематизации идейной надстройки, в рамках которой они существовали.

Так основное противоречие эпохи выливается в борьбу идей – это первое и, возможно, важнейшее проявление классовой борьбы. В данном случае мы рассуждаем на базе материала средневековой истории. Однако схема взаимоотношения классов, классовой борьбы и социальной революции должна «работать» независимо от того, какой способ производства экономической формации мы рассматриваем. Если мы не находим передового класса в паре феодалы/крестьяне, то почему же станем искать передовой класс в паре капиталисты/пролетариат? Логика Маркса, когда он говорит об обострении противоречий между производительными силами и производственными отношениями, вроде бы проста и понятна. Однако сам процесс зарождения буржуазных отношений и классов новой, буржуазной эпохи, по моему мнению, описан мыслителем не то, чтобы неточно, но в границах данных исторической науки его времени. Во-первых, Маркс, описывая процесс «первоначального накопления капитала», берет примеры из английской истории. «В истории первоначального накопления эпоху составляют перевороты, которые служат рычагом для возникающего класса капиталистов, и прежде всего те моменты, когда значительные массы людей внезапно и насильственно отрываются от средств своего существования и выбрасываются на рынок труда в виде поставленных вне закона пролетариев. Экспроприация земли у сельскохозяйственного производителя, крестьянина, составляет основу всего процесса. Ее история в различных странах имеет различную окраску, проходит различные фазы в различном порядке и в различные исторические эпохи. В классической форме совершается она только в Англии, которую мы, поэтому, и берем в качестве примера», – пишет он [3]. Но можно ли считать генезис капиталистических отношений в Англии классической формой, не говоря о том, что

сама история английских огораживаний сегодня историками ставится под сомнение? (Victor H. T. Skipp, E. M. Leonard, W. G. Hoskins, David Hey, R. A. Butlin и др.). Впрочем, если даже огораживания происходили несколько не так, как представлялось во времена Маркса, принципиальные изменения в сельской экономике все равно происходили. Дж. Тревельян пишет: «Причина бедствий лежала глубже, в нарастающих страданиях, которыми сопровождаются исторические перемены. Общество переходило от системы широкого распределения земли среди крестьян при низкой ренте, установившейся во времена недостатка рабочих рук в XIV и XV веках, к постепенному отмиранию крестьянских держаний и к их укрупнению в большие (капиталистические) фермы с высокой арендной платой» [4]. Но вот в чем дело! Такие «капиталистические» фермы являлись капиталистическими лишь условно. О капитализме можно говорить тогда, когда капиталистические отношения проникают во все сферы общественного производства. В истории человечества мы неоднократно можем встретить такие отдельные «капиталистические» явления. Но они так и оставались единичными феноменами, не выстраиваясь во всеобъемлющую систему. Такие «капиталистические» явления в сельском хозяйстве мы можем наблюдать во Франции на два столетия раньше, где крепостная зависимость исчезла раньше, чем в Англии, но в промышленную революцию они не вылились, а закончились кровавым восстанием Жаков [5]. Но что же нужно было, чтобы капиталистические отношения проникли во все сферы общества, не только в сельскохозяйственную и торговую, но и банковскую сферу, сферу финансового оборота и промышленного производства? Мне могут возразить, что, например, банковская сфера была весьма развита и до того. Итальянские дома регулярно финансировали королей, баронов и даже крестьян, да и сам Папа не брезговал подобными финансовыми операциями. Однако на самом деле это была вовсе не капиталистическая, а феодальная банковская система, и оставалась такой вплоть до банковской революции. Суть банковской революции была в следующем. Средневековая банковская система была ростовщической (как, кстати, и древнеримская). То есть, нельзя было взять в банке денег, заниматься нормальной деятельностью в сельском хозяйстве или промышленности, получить прибыль не ниже средней нормы, и рассчитаться с банком, положив в карман какой-то доход. Эта банковская система в принципе не финансировала нормальную экономику напрямую. Банковские проценты пожирали не только весь прибавочный, но и часть необходимого продукта. Банки финансировали либо феодалов-землевладельцев (и таким образом косвенно экономику — феодалы покупали предметы роскоши, платили деньги своим людям, которые, в свою очередь, покупали предметы ремесленного производства), либо финансировали сверхприбыльные виды деятельности, как то левантийскую торговлю, работоторговлю, американские экспедиции и т. д. Конечно, брали такие ссуды и небогатые люди, но не в капиталистических целях для расширения производства, а в безвыходных обстоятельствах.

Ставки доходили до 200 % в некоторых городах Германии. В Англии в начале периода «первоначального накопления капитала» ставка была тоже весьма высока, с большим разбросом по местностям. Высокая ставка и разброс (иногда 2 раза) говорят о том, что никакой связи со средней нормой прибыли не было. Карл VIII французский оплачивал своим генуэзским кредиторам от 45 % до 100 % по разным траншам, когда взял деньги на свою итальянскую кампанию. Зачастую феодальные владыки рассчитывались не деньгами, а предоставлением монополий, прав взимания налогов и т. п. Законодательные попытки ограничить процент были, в том числе и в самой Италии. Но это было либо в форме городской повинности для своих банкиров (во Флоренции), либо что-то вроде касс взаимопомощи горожан. И только потом, с изменением стоимости драгоценных металлов, инфляцией и ценовой революцией, снижением нормы прибыли в «сверхприбыльных» сферах, легализацией банковской деятельности и ростом промышленности постепенно кредитный процент привязывается к норме прибыли, становится относительно стабильным. Только тогда банковская деятельность становится капиталистической – делается инструментом финансирования реальной экономики. Но это было достаточно поздно. Д. Норт еще в конце XVI в. писал об Англии: «В нашей стране деньги, отдаваемые под проценты, гораздо менее чем в десятой своей части идут в руки предпринимателей... они ссужаются, главным образом, для покупки предметов роскоши, выдаются на расходы людям, которые хотя и являются крупными землевладельцами, но тратят их гораздо быстрее, чем приносит им их землевладение...» (цит. по: [6]).

Однако вернемся к вопросу о том, что же нужно было для того, чтобы капиталистические отношения охватили все общественное производство? По моему мнению, должен был появиться некий новый класс, вернее даже не класс пока, а, для начала, консорция людей, обладающих новым, капиталистическим этосом, своей локальной системой ценностей, моральных норм, вступающих в отношения, как минимум, друг с другом в рамках новых, самоорганизующихся в процессе развития социальных институтов. Эта группа должна быть сравнительно влиятельной, чтобы иметь возможность распространять и навязывать свой этос, свои практики и нормы отношений. Маркс, когда начинает рассуждать о первоначальном накоплении в Англии, говоря только об условиях, при которых стали возможны изменения (по его мнению, огораживание), пишет о том, что «Старую феодальную знать поглотили великие феодальные войны, а новая была детищем своего времени, для которого деньги являлись силой всех сил» [7]. То есть, еще до всякого огораживания, до значимых перемен в сельском хозяйстве появилась некая новая знать, не ориентирующаяся на феодальные ценности, для которой «деньги являлись силой всех сил». Однако в данном контексте трудно согласиться и с мнением М. Вебера насчет протестантской этики как основы и причины развития капитализма, ибо протестантизм сложился куда позже, чем появилась эта но-

вая генерация людей. Протестантизм был не источником капиталистического этоса, а лишь его «кодификацией» в религиозной форме. Протестантизм явился и оформился тогда, когда сам этос, практики, нормы и ценности его уже получили развитие. Так что же это за люди? Наверное, трудно будет как-то строго отнести их к конкретной социальной группе. Современники полагали, что этот новый класс (*NovusOrdo*) – ростовщики, и они управляют остальными тремя. А в английской проповеди XIV в. провозглашалось, что Бог создал клириков, дворян и крестьян, дьявол же – бюргеров и ростовщиков (Ле Гофф). Но я не стал бы сводить дело только к ростовщикам. В XIV–XV вв. обнаружился явный кризис средневекового мироустройства, чему послужили и экономические изменения (не имеющие пока отношения к наступлению капитализма, а вызванные скорее мальтузианской ловушкой, в которую попала Европа), войны, вроде Столетней войны, похоронившие классическую, феодальную рыцарскую доблесть, эпидемии, потрясшие традиционное религиозное мировоззрение средневекового человека. Все это привело к развитию аномии (аномия – это состояние общества, при котором наступают разложение, дезинтеграция и распад системы ценностей и норм, гарантирующих общественный порядок) в позднесредневековом обществе. Люди, павшие жертвами этого «социального заболевания», игнорируют в своей деятельности традиционные нормы морали, установившиеся легитимные роли, стремясь к повышению своего социального статуса любыми путями. Конечно, большинство таких граждан кончили свои дни на виселице и под топором палача, но достаточная генерация их в условиях социальных и экономических изменений избрала весьма эффективные жизненные стратегии, занявшись деятельностью пограничной, необычной, даже запретной, но выжила и преуспела. Хочу сказать, что такие люди появляются в любой ситуации кризиса мироустройства. Они появились «осенью» античного мира. Другое дело, что эффективные стратегии, благодаря которым *NovusOrdo* своего времени добивались успеха, определялись новым уровнем развития общества и, конкретно, уровнем развития производительных сил. В поздней античности бонусы давали отказ от полисных принципов, освоение новых отношений зависимости, в общем, то, что еще в рамках римской империи привело к образованию протофеодальных отношений и институтов. Таким образом, я все же, вслед за Марксом, во главу угла ставлю развитие производительных сил, а не чудесное изобретение новых ценностей и норм, как это делает Вебер.

Весь этот разговор о рождении капиталистических отношений вызывает интерес сам по себе, но я в первую очередь хотел показать следующие вещи:

1. Классовая борьба в наиболее распространенном смысле, а именно борьба главных, противостоящих классов конкретного способа производства во все не приводит к изменению способа производства, к социальной революции, хотя, конечно, расшатывает существующий строй и обостряется тем более, чем более напряженным становится несоответствие уровня развития производительных сил существующим производственным отношениям.

2. Развитие производительных сил находит свое выражение в появлении нового класса, который выстраивает новые, соответствующие этому новому уровню развития производительных сил отношения сначала локально.

3. К социальной революции приводит борьба нового класса, выражающего отношения нового способа производства, со старыми классами уходящего способа производства.

4. Суть борьбы нового класса со старыми заключается в желании нового класса распространить свои, существующие локально институты, ценности, нормы на все общество, чему старые классы ожесточенно сопротивляются.

5. Эти существующие локально социальные институты, практики, ценности и нормы выстраиваются и осознаются постепенно, в андеграунде, пока в определенный момент не кодифицируются в виде религии, философской или мировоззренческой системы. Тогда они вступают в прямую борьбу с институтами, ценностями и нормами старого строя.

Таким образом, экстраполируя данные выводы уже на капитализм, можно сказать, что пролетариат не является и не может являться передовым классом, а классовая борьба пролетариата с буржуазией не приводит к социальной революции. Передовой, на самом деле, должна являться некая новая общность, некий новый класс, в своем этосе, формах деятельности, локально организованных институционализированных способах взаимодействий отражающий новые, передовые формы общественного производства и форм труда. Нужно заметить, что западная социология, не скованная марксистской убежденностью в передовой роли пролетариата, весь XX век занималась поисками такого класса. Это и офисно-служаший класс Ч. Миллса, класс менеджеров Дж. Бернхейма, инженеров Д. Гэлбрейта. У Д. Белла и Э. Тоффлера акцент смещается на ученых, а А. Гоулднер разделил их на технарей и гуманитариев, представив два языка, два типа мировоззрения и две субкультуры. Сравнительно недавно Р. Флорида заявил о креативном классе, куда, словами Питера Маркузе, попали «мозольный оператор, счетовод, биржевой спекулянт, журналист, адвокат, коммивояжер и менеджер. А спортсменов, инженеров, художников и общественных деятелей можно даже назвать элитой креативного класса» [8].

На мой взгляд, проблема западной немарксистской социологии в том, что, не имея с одной стороны ограничений, накладываемых марксистской ортодоксией, они одновременно отказываются от когнитивных инструментов, предлагаемых марксизмом. В результате критерии, согласно которым они пытаются выявить новый класс, зачастую поверхностны, случайны и вторичны, а выводы и вовсе нелепы. Проблема в том, что, не опираясь на марксистский анализ труда (конкретного, абстрактного и всеобщего), западные социологи замечают только внешние признаки принадлежности к тем или иным профессиональным группам, вынуждены выдумывать толком неопределяемые понятия, вроде понятия «креативность». А хуже всего то, что им приходится искать место своему «новому классу», не выходя за рамки принципов

современного капиталистического общества. Этот набор условий, в рамках которых позволено прожектерствовать либеральному интеллектуалу, как подчеркнул Ф. Фукуяма, строится по принципу «вы можете рассуждать о любом будущем, при условии, что оно будет капиталистическим и либерально-демократическим» [9].

Напоследок хочу вернуться к пролетариату. Неужели пролетариат в эпоху кризиса капитализма становится таким же реакционным классом, каким крестьянство было во времена кризиса феодализма? Наверное, все же нет. Маркс в своем анализе подметил одно важнейшее качество пролетариата (собственно это качество и стало для него одним из оснований объявить пролетариат передовым классом), а именно то, что «пролетариату нечего терять, кроме своих цепей». Вульгарные критики марксизма зачастую не понимают, о чем идет речь, и указывают на то, что у современного рабочего на Западе есть и автомобиль, и необходимые для комфорта вещи, и высокая зарплата. У Маркса речь шла, конечно, не о личных вещах рабочего, а о собственности на средства производства. Тот же средневековый крестьянин, несмотря на всю его нищету, имел, пускай на правах условного владения, свой участок земли, свои орудия труда. В этом смысле он был, хоть и частичным, но хозяином условий и продуктов своего труда. Социальные институты феодального общества, хотя и закрепляли положение крестьянства как эксплуатируемого, низшего сословия, одновременно защищали его право на его клочок земли, на право пользования общинными угодьями, гарантировали определенную стабильность нормы эксплуатации. Именно поэтому крестьянство готово было защищать эти феодальные институты – ему было что терять. Вот именно в этом смысле пролетариату терять нечего. Ему не принадлежат ни средства производства, ни условия труда, ни его продукты. Впрочем, есть и другое мнение. Оно заключается в том, что пролетариат все же не хочет потерять гарантий того, что при капитализме его труд, хоть и в отчужденной форме (а это все, что он может предложить), но будет в общем востребован. И в этом смысле может выступить как реакционный класс (уже выступал в позднем СССР). Однако лично я полагаю, что при капитализме таких гарантий у рабочего нет и не было, о чем советский рабочий забыл. Поэтому пролетариат, сам не являясь прогрессивным классом, может быть союзником такого класса.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. Социальные изменения происходят эволюционным и революционным путем. Если эволюционный путь можно описать с точки зрения стратификационных теорий, или теорий взаимодействия власти и общества, самоорганизующихся гражданских групп, то революционный путь может быть рассмотрен с точки зрения теории классов и классовой борьбы.

2. Однако классовая борьба происходит в более сложных, неоднозначных формах, чем это представлялось Марксу. Основное противоречие экономической формации заключается в противоречии между развивающимися производительными силами, меняющимися условиями существования социума

и консервативной, не склонной к изменениям (чему способствует интерес правящих классов) системой социальных отношений, закрепленных в системе социальных институтов. Классовая борьба основных общественных классов есть лишь одно из следствий углубления и обострения основного противоречия. И сама по себе она не может привести к смене социального устройства. Классовая борьба основных общественных классов лишь расшатывает социальную систему. Она есть не более чем следствие ухудшения положения основных классов в ситуации изменения экономических условий, в которых они существуют. Значимыми следствиями таких изменений и ухудшения условий жизни основных классов является, в частности, подрыв легитимности, авторитета существующих социальных форм и, соответственно, идей, мировоззренческих систем и идеологий, обосновывающих эти формы. Кроме того, все эти факторы приводят к тому, что появляется генерация людей, выпавших из теряющих устойчивость и определенность социальных структур. Эти люди, осваивая новые способы деятельности, не предусмотренные или даже не легитимные в рамках устоявшейся системы социальных отношений, становятся основой для формирования нового класса. Именно противоречие между этим новым классом, олицетворяющим развивающиеся производительные силы, и старыми классами, пытающимися сохранить застойные общественные отношения, и есть проявление основного противоречия эпохи.

3. В свете вышесказанного надежды современных защитников буржуазного порядка, основанные на марксистских представлениях о революционности рабочего класса, при наблюдаемом фактическом угасании этой революционности, на то, что классовая борьба осталась в прошлом, есть не более чем наивные мечты. Основная классовая борьба должна развернуться и развернется между новым классом, олицетворяющим принципиально новые способы экономической деятельности, и старыми классами, существующими в старой, отсталой системе социальных отношений. Так что основные классовые битвы еще впереди.

Литература

1. *Маркс, К., Энгельс, Ф.* // Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 21. – С. 259.
2. *Маркс, К., Энгельс, Ф.* // Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т. 4. – С. 424.
3. *Маркс, К., Энгельс, Ф.* // Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 23. – С. 728.
4. *Треvelyан, Дж. М.* Социальная история Англии / Дж. М. Треvelyан. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. – С. 211.
5. *Фавье, Ж.* Столетняя война / Ж. Фавье; пер. с фр. М. Ю. Некрасова. – СПб.: Евразия, 2009. – 656 с.
6. *Гольцберг, М. А.* Кредитование / М. А. Гольцберг, Л. М. Хасан Бек; пер. с англ. – Киев, BNУ, 2004. – 384 с.
7. *Маркс, К., Энгельс, Ф.* // Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 23. – С. 730.

8. Маркузе, П. Теория «креативных» – «мода на новизну любой ценой!» / Питер Маркузе // TerraAmerica [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://terra-america.ru/teoriya-kreativnih-moda-na-noviznu-luboi-cenoi.aspx>. – Дата доступа: 16.05.2013.

9. Фукуяма, Ф. Будущее истории / Френсис Фукуяма // Worldcrisis [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://worldcrisis.ru/crisis/948519>. – Дата доступа: 11.11.2013.

V. E. SMIRNOV

ONCE AGAIN ON THE CLASSES AND CLASS STRUGGLE

Summary

Possibilities of theoretical-methodological use of Marx's class theory in the analysis of problems of social changes are considered; a critical analysis of some aspects is given, the heuristic potential of its basic provisions is emphasized. The position of the leadership of the proletariat as a subject of social change in modern conditions is critically comprehended.

Keywords: class theory, social changes, Marxism, proletariat, class struggle, advanced class, theory of stratification, creative class, cognitariat.

Поступила 04.12.2013 г.

Ю. И. САЕНКО,

*доктор экономических наук, профессор,
Институт социологии НАН Украины*

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ ПОНЯТИЙ

В эпоху системных и междисциплинарных подходов в области социального анализа наблюдается проникновение нового понятийного аппарата из других областей знаний. К сожалению, это сопровождается «размыванием» их первоначального/первородного смысла. Это повышает и без того неопределенность результатов и выводов. В статье рассматриваются такие понятия, как «изменение», «трансформация», «модернизация» и др.

Ключевые слова: изменения, трансформация, модернизация.

*Определяйте значения слов – и вы
избавите мир от половины недоразумений*
Рене Декарт

*Вредит себе тот, кто упрямо придерживается
своих иллюзий и незнания*
Марк Аврелий

Понятие «социальные изменения» вытекает из определения «социальная система». Непозволительно ее определение выводить из общего классического кибернетического определения системы как множества элементов, связанных между собой, заменяя слово «элементов» на «людей», а «связанных между собой» – на «взаимодействующих друг с другом».

В этом тексте вводится такое определение: *социальная система – это уникальное, сверхусложняющееся, саморазвивающееся цельное вероятностное сообщество людей, целью которых удерживать это образование в равновесных рамках, уменьшая при этом в условиях немалой степени неопределенности риска разрушения и увеличивая шансы выживания.*

В современной научной междисциплинарности, когда происходит заимствование и обмен понятиями и методами исследования, очень важно не повышать и без того досадно малую степень определенности социальных систем.

Известно, что понятие неопределенности впервые введено в физике Эрнестом Гейзенбергом. Вот его социальная интерпретация:

если в социологическом исследовании выбрать группу мужчин, например, с фиксированным возрастом 40 лет, то их уровень образования, место жительства, уровень образования, доходы и многие другие характеристики невозможно представить одной характеристикой, а только в форме набора

вариантов с их частотами, – грубо говоря, только в вероятностной форме неопределенности.

Есть возражение. А средний доход? А среднее количество лет обучения? И т. д. Ответ: средние величины – это неточные, иногда бессмысленные величины, как, например, «средняя температура по палате». С другой стороны, средняя величина x далеко неточная – она существует на более узком интервале: $x \pm \Delta x$. Получаем мы ее на базе вероятностной неопределенности, следовательно, она – суть неопределенность, только в «меньшей степени».

Вывод. Фиксируя любую характеристику социальной группы из данных социологического исследования, все другие характеристики получаем в виде неопределенности, которая выражается в форме распределения их вариантов с соответствующими частотами, т. е. в вероятностной форме.

Для понимания сути обсуждаемой проблемы очень важно еще одно междисциплинарное заимствование. Теперь из области математики – вторая теорема Курта Геделя. Ее социальная суть такова:

в существующей социальной системе непрерывно возникают проблемы, неразрешимые в рамках этой системы. Их разрешение возможно только и только в новой, кардинально измененной системе.

Следовательно, проблемы или противоречия, требующие для своего разрешения социальных изменений, делятся на две большие принципиальные группы:

а) разрешаемые в рамках существующей социально-политической системы (СПС), иногда требующие «косметических», частых изменений, оставляя неизменной ее глобальную конструкцию – например, переход в рамках советской системы от 10-летнего к 11-летнему общему образованию, и т. п.;

б) разрешаемые только в новой, кардинально измененной, социально-политической системе – например, независимость стран «социалистического лагеря» и «братских советских республик» невозможно было образовать в рамках коммуно-большевистского строя в СССР.

Теорема Геделя натолкнула автора на мысль о построении *координатной схемы моделей выживания*, в которой протекает жизнедеятельность как отдельного индивида, так и их сообществ, включая все человечество (рис. 1).

Собственно, предложенная схема (рис. 1) отображает также координатное состояние общественного сознания, в котором в том или ином соотношении уживаются прошлое (память), настоящее, желаемое будущее, возможное и предельное.

Прошлая модель (М) – это память, от которой, во-первых, не избавиться, а во-вторых, это кладезь жизненного опыта. Но беда тому, кто живет прошлым. Кстати, все годы независимости 1/3 украинцев считают, что наилучшая экономическая модель для Украины – это советская плановая система. Эта треть постоянная. Старики уходят, а их замещает молодежь – память о социальных благах СССР передается от поколения к поколению.

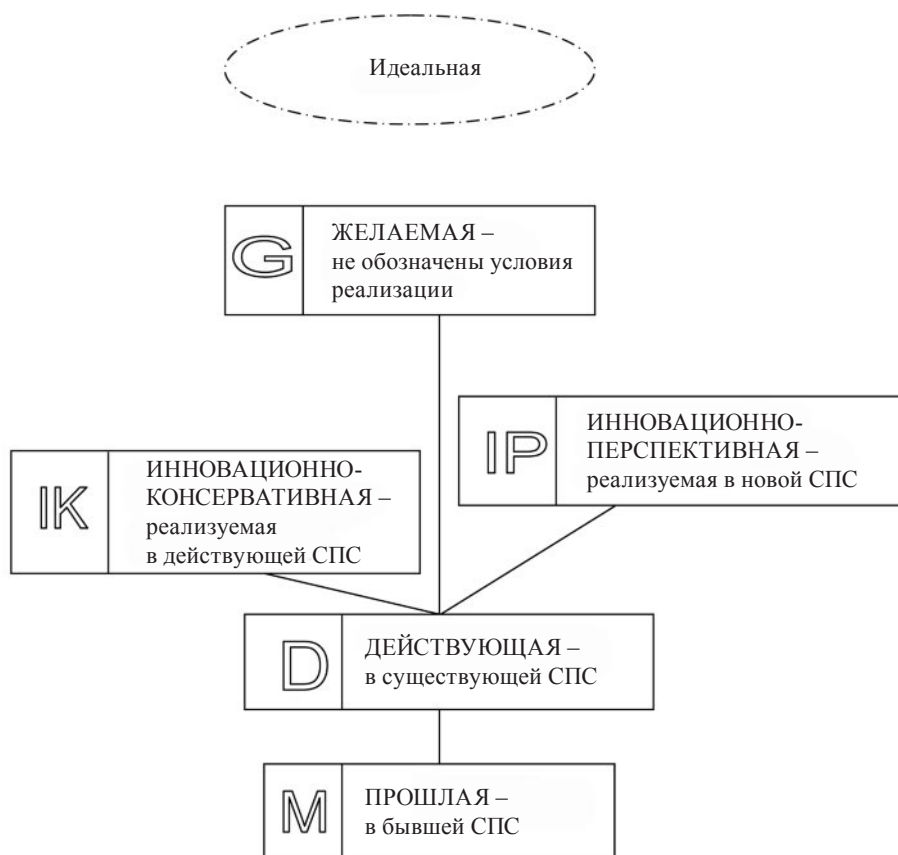

Рис. 1. Иерархия моделей выживания в социально-политической системе (СПС)

Действующая модель (D). Относительно Украины это коммуно-олигархо-криминальная система (КОКС). На вопрос «Кто управляет Украиной» украинцы неизменно называют троичку: мафия, партийные лидеры и олигархи – все набирают по 1/3 голосов – вместе около 100 %!

Инновационно-консервативная модель (IK). Как индивид, так и общество в какой-то мере живут будущим. Чем больше проблем и задач ставится и частично решается в настоящем, тем индивид и сообщество здоровее. Они мыслят инновационно. Однако если они удовлетворены действующей СПС (рис. 1), например КОКСом, то и проблемы, и задачи ставят только такие, которые разрешимы в рамках действующей КОКС.

Инновационно-перспективная модель (IP). Возникающие перед человеком и обществом проблемы и задачи не разрешимы в действующей СПС. Перед ними раскрыты три пути: 1) смирение и терпение; 2) протест и настаивание на эволюционном пути строительства новой СПС; 3) протест и революционный путь преобразований старой СПС в новую.

Желаемая модель (G) – это модель бесплодных, необоснованных, ничем не подкрепленных желаний: «Как было бы хорошо и здорово, если бы – неважно как, кем и какими средствами и способами – было бы вот так!» Этим, собственно, в Украине занимаются более 20 лет все кому не лень, плодя желаемые проекты, программы, решения и лозунги. Как, например, региональное: «Завтра будете жить лучше, чем вчера!» Не только годы бесплодно уходят, на эти проекты тратятся колоссальные деньги.

Идеальная модель – необходимая, никогда не достижимая, греющая разум, душу и сердце, мечта. (Мечты, мечты – как сладки ваши звуки!) Зовущая, манящая, но никогда не осуществимая – как коммунизм или жизнь десятью христианскими заповедями, как ожидание Спасителя, мессии, который спасет народ от всех невзгод и приведет к счастливой жизни.

А вот общая схема превращения желаемой модели в инновационную:

- 1) оценка и анализ существующей ситуации;
- 2) конструирование желаемой модели;
- 3) проект программы перехода к желаемому;
- 4) определение методов и технологий перехода, а также исполнителей;
- 5) расчет необходимых средств;
- 6) определение субъектов, способствующих выполнению перехода;
- 7) определение субъектов, препятствующих переходу;
- 8) определение интегральных рисков и шансов осуществления перехода;
- 9) реальная откорректированная возможная инновация (модель) перехода с определением всех видов последствий.

1. Изменения.

Общую теорию изменений, правда, в довольно формализованной форме дифференциального и интегрального исчисления, разработали еще в XVII в. (независимо друг от друга) два гениальных мыслителя – англичанин Исаак Ньютон и немец Готфрид Лейбниц. К сожалению, из-за сложности математического языка это открытие оставалось за «семью печатями» для гуманитариев. Но в междисциплинарные времена пора снять эти печати и навести мосты. Да оно так и происходит.

Социологи, например, заимствуют понятия у естественников. Только беда в том, что естественники придерживаются строгой однозначности понятий, дабы не повышать степень неопределенности своих результатов, следуя завету Рене Декарта: однозначность и точность понятий снимают половину недоразумений в полученных результатах, выводах и рекомендациях.

Гуманитарии, наоборот, внедряя в довольно осязаемую неопределенность своей области заимствованные понятия, самопроизвольно «размывают» их на довольно широком диапазоне трактовок. Особенно «пострадали» такие понятия, как «трансформация», «модернизация», «элита» и др. [1–16]. Так, искажая эти понятия, рисуется обманчивая радужная картинка независимости – здесь все трансформирует, модернизирует «украинская элита». Только не указывается – «Во что?», «Каким образом?» и «Откуда пошла эта элита?»

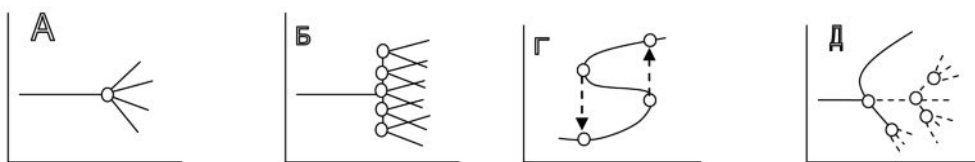

Рис. 2. Виды вариантных выходов из точки бифуркации

Порой складывается впечатление, что мы живем во времена накачивания неопределенности во все сферы жизни. Даже в повседневную. Типичная уличная картина: «Вы не скажете, который час?... Как пройти туда-то?» Вместо: «Скажите, пожалуйста...» А вот еще один пример. Стало стандартом «хорошего тона» в официальной сфере: «Я *хочу* вам представить!.. *Хочу* поздравить!.. *Хочу* пожелать!..» То есть, только *хочет* – вместо «представляю», «поздравляю», «желаю».

В то же время человек разумный в поисках смысла опирается на такие принципы: стремление к логике; стремление к художественной образованности – показать красоту смыслов через яркие образы; стремление к ненасилию и власти; стремление к забываемому Христовому – к Любви; стремление к прикосновению с таинством Мироздания (Богом, Истиной, Спонтанностью и т. п.), – но к этому всему можно лишь прикоснуться [15].

Изменение (dS) – это (если очень упрощенно) разница между конечным (S_k) и начальным (S_0) состояниями системы S [19].

$$dS = S_k - S_0.$$

Системные изменения состоят из двух частей:

$$dS = d_1S + d_2S,$$

где d_1S – это консервативные изменения в существующей СПС в результате управленческих решений при ограниченных ресурсах, технологиях, в рамках неизменных социокультурных, социально-экономических и правовых условий; они обратимы, включая как позитивные, так и негативные последствия;

d_2S – самовольные энтропийные изменения; они необратимы и односторонненны, их невозможно описать, исходя из начальных условий/состояний; они порождают процессы, которые выходят из-под контроля, имея своевольную энергетику; они имеют *автокаталитические петли* синтеза «самых себя».

Системные изменения, как правило, приводят СПС к порогу устойчивости, после чего система попадает в зону *точки бифуркации*, выход из которой многовариантен и в принципе непредсказуем (рис. 2, случаи А, Б, Г, Д).

Как правило, эти изменения локально возникают на периферии системы. Но они способны всколыхнуть всю систему, положив начало поискам новых состояний СПС.

Опираясь на вывод из исследований Жюль Анри Пуанкаре (1834–1912) о том, что динамично замкнутая система со временем возвращается в очень

близкое окружение ее предыдущего состояния [19, с. 321], приходим к такому следствию: *замкнутая КОКС Украины не способна на инновационные преобразования, кружась вокруг донецкого образца*. И имеет значительный потенциал быть втянутой в среду таких же замкнутых соседей.

Сложность СПС, особенно с точки зрения ее возможных изменений, поддается наиболее полному пониманию в условиях триединого подхода: а) *наука* – ее законы делают явным то, что существует в реальности; б) *искусство* – станет известным и понятным благодаря образному озарению; в) *вера* – интуитивное восприятие реальности.

В основе науки лежат принципы формальной логики – инструмента доказательства, или хотя бы обоснования истинности суждений и утверждений. Но это невозможно без меры, что базируется на основе понятий и терминов, если нет единиц измерений. Ведь формальная логика «не срабатывает» на слабо определенных понятиях: «Вот этот сказал вот это, а тот – вот то...» Недаром мудрый Максим Горький предупреждал: жизнь чрезмерно многогранная штука, а потому для обоснований любого абсурда всегда найдутся подходящие факты, или подтверждающие суждения. Тем более что аргументация всегда «под рукой» – теоретическая, идеологическая, политическая или сугубо меркантильная. Еще Чарльз Дарвин говорил: «Факты без идеи – жалкие и бесплодные; идеи без фактов – произвольные и недостоверные» (цит. по: [17, с. 46]).

Собственно, речь идет о языке науки. По этому поводу жив по сей день тезис П. Фейерабенда: «...узкоспециализированные отрасли познания нуждаются в специализации языка... точно так же правильна и постановка вопроса о *междисциплинарном языке в условиях интеграции знания* [выделено мной. – Ю. С.], особенно когда речь идет о синтезе знаний из разнохарактерных его отраслей» (цит. по: [20, с. 152]).

Человечество живет в непрерывном каскаде изменений. Карл Маркс, например, на первый план выдвигал задачу изменения мира, а не только его пояснения. А Адам Смит обращал внимание на то, что изменения бывают управляемые и неуправляемые (рынок находится под воздействием «невидимой руки»).

В принципе каждое явление или процесс имеет *пороговое значение изменений*. Помните, медицинское: любое лекарство может быть и ядом, и благом, в зависимости от дозы; температура тела человека нормальная на интервале 36,6–37,3 градусов по Цельсию. Ниже или выше – беда.

На рис. 3 изображена принципиальная схема пороговых значений состояния любой системы.

Точки A ; A_1 ; A_2 ; B ; B_1 ; B_2 – это и есть пороговые точки, проходя через которые (слева или справа нормального интервала AB), *система меняет свое состояние*.

Схема на рис. 3 наглядно указывает на два вида изменений.

Несущественное изменение – как предыдущие, так и последующие состояния находятся в одном и том же смысловом интервале, т. е. процесс не пере-

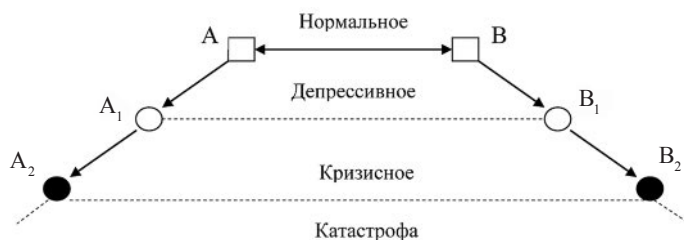

Рис. 3. Диапазон состояний объекта

ходит пороговую точку. Так, если температура воздуха поднялась на 4 градуса по Цельсию от +2 до +6 – это не существенно.

Существенное изменение – предыдущее и последующее состояние находятся в разных смысловых интервалах, т. е. процесс прошел пороговую точку. Температура воздуха поднялась на 4 градуса от –2 до +2. Ситуация существенно изменилась – вода из состояния льда перешла в жидкость. Некоторые страны Европы ныне переживают близкий к катастрофическому порогу уровень безработицы – если ее нормальный уровень находится между 4 и 8 %, то там он превышает 20 % трудоспособных.

К слову, при истолковании результатов социологических опросов и экспертных оценок целесообразно иметь в виду такие пороговые точки: 33 %; 50 %; 67 %, где 50 % – это середина интервала {0; 100 %}, а 33 и 67 % – точки «золотого сечения». Или применять шкалу из табл. 1. Возможны и другие шкалы, например пентильная или децильная.

Таблица 1. Интервалы значимости данных (%) социологических и экспертных измерений (0–100 %)

Шкала	Интервал			
Количественная	0–33	34–50	51–67	68–100
Вербальная	Незначимый уровень	Значимый уровень	Убедительный уровень	Высокий уровень

Так, в 1992 г. боялись голода 50 % граждан Украины (значимый уровень), в 2000 г. их стало 72 % (высокий уровень), а в 2012 г. показатели уменьшились до 37 %, т. е. вплотную приблизились к незначимому уровню.

Такие изменения, как «*трансформация*» и «*модернизация*» относятся, естественно, к существенным изменениям. Вообще существует 4 вида (рис. 4) существенных изменений:

1) *спонтанные изменения* (рис. 4, а) – эти изменения фиксируются без выяснения причины, которые их вызывают;

2) *причинно-обусловленные изменения* (рис. 4, б) – известны причины (Р), которые их вызвали, а состояние S_k анализируется и связывается с причинами после фиксации процесса;

3) *трансформация* (рис. 4, в) – это причинно-следственные изменения, произошедшие целенаправленно под влиянием оператора Q (проект, программа, план, алгоритм), которые переводят объект из *известного* состояния S_0 в *наперед заданное* состояние S_k ;

4) *модернизация* (рис. 4, г) – это трансформация, когда параметры *конечного* состояния S_k имеют наилучшее из всех возможных значений (последнее достижение науки и практики).

Кстати, возможны различные комбинации объяснений причинно-следственных изменений (рис. 4, б, в, г):

- 1) *логичный* – доказаны и подтверждены практикой закономерности;
- 2) *парадигмальный* – исходя из действующих/принятых в этот период научно-практических парадигм и установок;
- 3) *статистический* – как показывает статистика;
- 4) *психологический* – я (мы) так вижу(дим), так считаю(ем);
- 5) *религиозный* – Бог все видит и все решает;
- 6) *церковно-конфессиональный* – так объясняет церковь, секта или их лидеры;
- 7) *авторитарный* – вождь за все отвечает, все решает;
- 8) *идеологический* – «коммунизм – вечные и вернейшие учения»;
- 9) *политический* – «партия – наш рулевой».

Трансформация и модернизация могут быть *локальными* (евроремонт, например) и *глобальными*. Последние происходят после смены социально-политических систем, как это происходит в странах Балтии и Восточной Европы. Эти страны, прежде всего, сделали одновекторный трансформационный, а иногда и модернизационный выбор – они осмысленно и целенаправленно вырвались из коммуно-большевистской обочины цивилизационного развития к открытому демократическому обществу и цивилизованному рынку (рис. 5). Напротив, все другие страны, в т. ч. и Украина, «свалились» из одной обочины в другую – коммуно-олигархо-криминальную систему (КОКС). Кто с неоперскими амбициями, кто с авторитарно-диктаторскими.

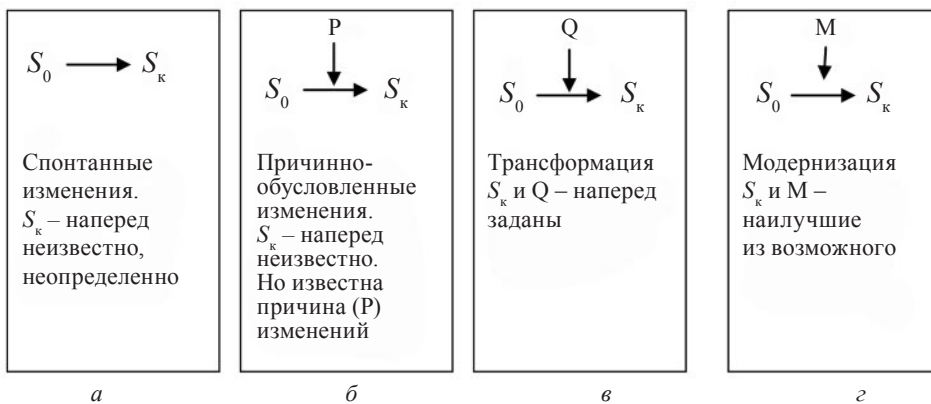

Рис. 4. Схемы видов изменений

Рис. 5. Фатальные изменения социально-политической системы Украины

Таким образом, сложились две модели выхода из коммуно-советского лагеря: а) для стран Восточной Европы – модерная консолидация с западно-европейскими странами на основе цивилизованных ценностей и норм; б) для стран евразийского пространства – прозябание в рамках КОКСа, для Украины – присоединение к Европейскому цивилизационному пространству (с туманными перспективами).

Генеральным критерием трансформации и модернизации является *качество жизни*, оба эти преобразования связаны с будущим: «если вы не думаете о будущем, его у вас не будет» (Джон Голсуорси). Нынешнее состояние Украины – это стагнация, это неопределенный дрейф в будущее, где «как-то оно будет...»

Еще раз напомним более расширенную формулировку двух важнейших и наиболее перспективных преобразований.

Трансформация – это системный процесс перевода/преобразования объекта из начального состояния в наперед определенное состояние с помощью трансформатора (оператора). Это преобразование описывают три четкие и конкретные факторы: а) начальное состояние; б) наперед заданная модель

конечного целенаправленного состояния; в) трансформатор-оператор преобразования.

Если эти факторы отсутствуют, имеем дело с простыми изменениями.

Модернизация – это трансформация, где и оператор, и конечные состояния сконструированы на наиболее современных достижениях, да еще с прицелом на будущее, где возможны опережающие инновационные открытия.

Сценарные предвидения изменений качества жизни.

Социальная сфера слишком сложное, зависящее от множества факторов, образование. Поэтому:

1) некорректно в данном случае употреблять термины «прогноз» и «прогнозирование», поскольку они требуют четких алгоритмов расчета;

2) нужно учитывать сложную модель выживания, как отдельного индивида, так и общества в целом – в координатах прошлого, настоящего, желаемого, возможного и идеального;

3) много в будущем определяет действующая или требуемая СПС. Так, в 2007 г. только 4 % украинцев удовлетворяла существующая СПС, больше трети – 37 % – предлагали ее частично реферировать, а вот большая часть – 42 % – требовала менять СПС радикальным путем;

4) единственным плодотворным подходом предвидения качества жизни в Украине (не более чем на 1–2 года!) является метод экспертного «мозгового штурма».

Кстати, существует мнение, что радикальные изменения происходят тогда, когда *потенциал насильственного давления на власть превышает определенный минимальный уровень*. По сути, это общие фразы. Как измерить уровень «насильственного давления»? А тем более его «минимальный уровень»? Что понимается под словами «радикальные изменения»? Для каждого общества за этими понятиями стоят разные смыслы и критерии. Они, например, разные для Украины и для России. Общее одно – и там и там силы давления распорошены и атомизированы. Тем более что около 80 % россиян довольны своей жизнью, а 70 % украинцев готовы обманывать других ради достижения желаемого. А Чехия, благодаря Масарику и Гавелу, чтит превыше всего мораль – первый в 1918 г. создал моральную власть, а второй ее возродил после коммуно-большевистской оккупации. В России и Украине в этот период «давила» народ аморальная власть, а после 1990 г. возник аморальный режим нового образца.

В этом смысле понятие «радикальное изменение» обозначает, что нужно немедленно менять аморальные клики. Кстати, «аморальных обществ» не бывает, есть общества, подавляемые аморальными властями. Если бы общество было аморальным, не было бы революций или эволюционных преобразований аморальной власти в демократическое управление, некому было бы рождать лидеров этих изменений.

История знает единственный путь позитивных эффективных радикальных изменений – демократия плюс укоренение прав личной собственности.

Это питательная среда для развития среднего класса, который, в свою очередь, создает гражданское общество.

В России и Украине – все наоборот, коммуно-олигархо-криминальные системы (КОКС) захватили власть и все богатства стран, неустанно уничтожая малых и средних собственников – своих явных гробовщиков. Ведь именно эти собственники способны свергнуть КОКС и укрепить демократию.

Куда ведут изменения? Российских оппозиционеров будущее волнует гораздо больше КОКСа. А. Илларионов считает, что Россия скатывается к Джамахирии – азиатчина все-таки сидит в менталитете, Ю. Афанасьев видит ее в режиме неототалитаризма – явная экстраполяция режима Путин–Медведев. А. Л. Шевцова опасается формирования неоимперского самодержавия, о чем мечтает не один только Никита Михалков... Как видим, есть варианты, какое-никакое, а все же более-менее ожидаемое будущее на базе... авторитаризма.

В отличие от России Украина последние годы пребывает в стагнирующей неопределенности. Из действующей неопределенности будущее расплывается в тумане новых неопределенностей. Следовательно, пока «страна без будущего» – с Украиной может случиться всякое, даже непредвиденное. Как в точке бифуркации.

2. Одновекторность или многовекторность.

Незабвенный строитель украинского КОКСа Л. Кучма, как известно, купался в лучах многовекторности. Хотя компартийный инженер-ракетчик должен был понимать, что *множество векторов обязательно суммируются в один интегрирующий вектор*. А как знаток басен Крылова, Л. Кучма взял бы да и напряг память, да и вспомнил про Рака, Лебедя и Щуку – о том трагическом троевекторстве, когда они в итоге складываются в *полный ноль*! А ведь Крылов предупреждал его – «Лёня, твоя многовекторность опрокинет Украину в пропасть *«нуля со многими минусами»!*.. Что и произошло, когда играешь крапленными картами в политико-олигархической игре.

Настоящее становление новой державы начинается с *выбора только одновекторного развития*. Затем на базе избранной одновекторности выстраивается многовекторная модель взаимодействия с разными странами и объединениями, основанная на принципе эффективного решения украинских интересов. Не губительное и тупиковое «навсегда вместе», а *ситуативные связи – взаимодействия* с ситуативно выгодными партнерами. Так поступили страны Балтии и другие узники «социалистического лагеря» – выбрали европейскую модель. Так поступила Россия, избрав неевропейское, азиатско-имперское направление.

В контексте одно-многовекторности еще 10 лет назад полезные размышления сделал, светлая ему память, лауреат Шевченковской премии Сергей Крымский в статье «Иди домой!» [21]. Вспомните, витязь стоит на раздорожье: «Поедешь направо...»; «Поедешь налево...» Крымский восклицает: «Иди домой!», и называет это *украиноцентризмом*: «точно так, как все дороги ведут в Рим, у нас должно быть так, чтобы все дороги вели к своей нации, к своей

культуре, к своей державе». Следовательно, нужно стать на путь действительной украинскости. Не этнично, а в историческом смысле единения всех сущ- живущих на этой земле в рамках нации. Это не призыв во вчерашний день, это зов в будущее. Ибо история, как сказала Марина Цветаева, – это не прошлое, это *всечасие*.

Украина еще не родила-возродила плеяду новых личностей, подобных силой духа Шевченко, силой лидерства – Мазепе, Петру Калнишевскому, силой интеллекта – Миколе Гулаку и Полною, с особым отношением к родному слову: «Пошли мені святеє слово, Святої правди голос новий, І слово розумом святим І оживи, і просвіти!» (Т. Шевченко). И не только. Как видим, Великий Тарас понимал, насколько важно оживить слова и понятия в однозначном первозданно-исконном смысле – вот первейшее условие возможности дать правильное понимание анализа социального мира, уменьшая тем самым расплывчатость и неопределенность.

3. Властная элита.

Для украинских реалий последних 20 лет это словосочетание – абсолютный абсурд. Два слова, которые перечеркивают друг друга. Исходя из того что в первоначальном значении «элита» – *это лучшее из лучших* (!), а украинская власть – это не элита, это кланово-олигархическое скопище жадных до наживы особей. Но украинский народ «все видит и все знает». Кто заправляет страной? Народ все годы указывает на трицу, которая в 2012 г. выстроилась в такой ряд: «Мафия, криминальный мир» – 39 %, «лидеры политических партий» – 32 %, «предприниматели, бизнесмены» – 31 %. А «интеллигенция»? Всего лишь во втором десятке с 12 %.

Справочники и энциклопедии показывают, как ученые мужи как будто намеренно «размыли» этот четкий термин от «элита (франц. E'lite – лучшее, отобранное)» до «тех, кто взобрался на вершину власти» [1–16]. Отталкиваясь от первоначального, исконно-смыслового понятия этого термина, предложим такое его определение.

Элита – это лучшие из лучших а) представители нации (социума) с перредовым самосознанием, совестью, честностью и самоответственностью; б) блестящие профессионалы в разных сферах знаний и практики.

4. Другие понятия.

Рыночная экономика. Экономика по своей изначальной сути не может быть нерыночной. Термин «рыночная экономика» – это такая же тавтология, как «масло масляное», «экономная экономика», «развитой социализм» и т. д.

Философия экономики – спрос. Прибыль зависит от спроса, это его производная – бухгалтерия рынка. Рынок вплетен в извечную карусель: спрос – производство – обмен (рынок) – прибыль – спрос – и т. д.

Уровень счастья. Модным стал этот показатель -50! -60! -70! процентов постоянно счастливых людей фиксируют социологи. Но постоянно счастливыми могут быть только идиоты. Состояние счастья – это кратковременное ощущение. В момент счастья человек не всегда успевает осознать его полноту.

И только тогда, когда этот момент проходит, приходит понимание того, что оно было. И тут же прошло... снова сменилось то ли страданием, то ли растерянностью, то ли занятостью, то ли скукой... Это страдания переживаются сполна здесь и сейчас. Более того, они и протяженнее, и тягостнее.

Потому корректно измерять не частицу «счастливых», а частицу «удовлетворенных жизнью» людей, у которых, в общем, сложилась жизнь согласно решению их потребностей, интересов, задумок, ожиданий и надежд.

Большая половина. Сплошь и рядом встречается это выражение, когда говорят о 55 % как о «большей половине». Абсурд – половина может быть только половиной, ни больше, ни меньше.

Наиболее оптимальное. Как и предыдущее, это словосочетание бессмысленное. Термин «оптимальность» заимствован у кибернетиков и означает «наилучший из всех возможных вариантов принятого критерия при заданных условиях». Лучшего, «более оптимального», чем сам оптимум, – нет и быть не может! Это одно. А второе обстоятельство относится к характеру социальной сферы, где, как уже не раз об этом говорилось, большая степень неопределенности понятий, единиц измерений, зависимостей и т. п. В этом случае весьма некорректно говорить о существовании оптимальности. Возможно, только в отдельных ситуациях. Только при тщательном доказательстве корректности применения методов оптимального программирования (как выразились бы кибернетики).

Помнить истоки понятий. Термин «трансформация», как и изобретение самого трансформатора, ввели венгерские инженеры.

Слоган «Учиться, учиться и учиться», как утверждает профессор Л. Ушаков, имеет далеко не ленинскую историю (Ушаков Л. // Украина молода. 2013. 4 июня). Первым его провозгласил Михайло Драгоманов в 1873 г. в выступлении перед студентами Киевского университета: «Студент должен *учиться, учиться и учиться* [выделено мной. – Ю. С.], а не принимать преждевременное участие в политике». Затем Антон Чехов в 1896 г. эти же слова вложил в уста героя «Моя жизнь». Доктор Благово поучает: «*Учиться нам надо, учиться и учиться...*» [выделено мной. – Ю. С.]. И только в 1899 г. В. Ульянов (Ленин) в статье «Попытное направление российской социал-демократии» вторит Драгоманову и Чехову: «...среди рабочих выделяются настоящие герои, которые... находят в себе столько характера и силы воли, чтобы *учиться, учиться и учиться* [выделено мной. – Ю. С.] и вырабатывать из себя сознательных социал-демократов».

В конце небольшого исследования Л. Ушаков признается: «А мне очень хочется, чтобы на фронте Могилянки, или моего родного Харьковского пед-университета красовался лозунг: “Учиться, учиться, учиться!” И подпись: “Драгоманов”».

5. Научные термины и их повседневные смыслы.

И фундаментальная, и прикладная науки имеют общую конечную цель – повышать комфорт и качество жизни людей как в области знаний, так и в по-

вседневной жизни. Чтобы социум оценивал эту высокую миссию науки, ему нужно объяснять смыслы и эффекты новых наработок понятным для него языком. Переводить из специфического языка разных отраслей науки на повседневно понятный язык.

Возьмем, к примеру, физику – архисложную науку в современном формате. Но именно физика имеет богатейшую научно-популярную литературу. И служит образцом того, что любые сложные и заумные вещи можно и нужно излагать общедоступным языком.

Мне посчастливилось быть свидетелем блистательного умения известного кибернетика Виктора Глушкова излагать просто и понятно сложнейшие кибернетические методы и их области применения в любой публичной аудитории. Кстати, так мог и блистательный хирург Николай Амосов. Они умели сложное объяснять, как говорят в народе, буквально «на пальцах». Да и я имею опыт преподавания курса «Теория вероятности» даже в аудитории гуманитариев, где сугубо математическое нужно излагать на понятном им языке. Оказалось, что это возможно, не искажая смысла формализованного языка.

Поэтому, когда некоторые социологи горделиво отказываются просто и понятно вместо «стигм», «симулякров» и прочих премудростей раскрывать их простой житейский смысл, это огорчает. А ведь социология – это ближайшая из всех наук к проблемам социума.

Литература

1. Ожегов, С. Словарь русского языка / С. Ожегов. – М.: Рус. язык, 1987. – 797 с.
2. Словник іншомовних слів. – Київ: Гол. ред. Укр. рад. енцикл., 1975. – 776 с.
3. Советский энциклопедический словарь. – М.: Сов.энцикл., 1980. – 1600 с.
4. Український радянський енциклопедичний словник: в 3 т. – Київ: Гол. ред. Укр. рад. енцикл., 1986. – Т. 1. – 752 с.
5. Універсальний словник – енциклопедія. – Київ: Ірина, 1999. – 1551 с.
6. Велика сучасна енциклопедія: у 10 т. – Харків: Клуб сім. дозвілля, 2013. – Т. 4. – 352 с.
7. Философский энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1989. – 815 с.
8. Філософський енциклопедичний словник. – Київ: Абрис, 2002. – 744 с.
9. Современная западная социология: словарь. – М.: Политиздат, 1990. – 432 с.
10. Хилл, С. Социологический словарь / Н. Аберкромби, Б. Тернер, С. Хилл. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1997. – 420 с.
11. Социологический словарь. – Киев: Политиздат Украины, 1990. – 382 с.
12. Энциклопедический социологический словарь. – М.: Ин-т соц.-полит. исслед., 1995. – 940 с.
13. Соціологія: короткий енциклопедичний словник. – Київ: Центр дух. культ., 1998. – 736 с.
14. Караванський, С. Практичний словник синонімів української мови / С. Караванський. – Київ: Укр. книга, 2000. – 480 с.
15. Нелимов, В. Спонтанность сознания / В. Нелимов. – М.: Прометей, 1989. – С. 252, 254.
16. Новий тлумачний словник української мови: у 4 т. – Київ: Аконті, 2000. – Т. 1. – 912 с.
17. Валовой, Д. В. Блеск и нищета политэкономии / Д. В. Валовой. – М.: Эконом. газета, 2003. – 124 с.
18. Вінграновський, М. На срібнім березі: Вибрані вірші / М. Вінграновський. – Київ: А-БА-БА-ГА-ЛІА-МА-ГА, 2013. – С. 90–91.

19. Пригожин, И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / Илья Пригожин, Изабелла Стенгерс: пер. с англ. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
20. Евтушок, Ю. И. Как остановить закат земной цивилизации / Ю. И. Евтушок. – Киев: Рада, 2012. – 336 с.
21. Крымский, С. Иди домой! / С. Крымский // День. – 2004. – 11 июня.

Y. I. SAYENKO

RATIONALITY OF SOCIAL CONCEPTS

Summary

Penetration of a new conceptual apparatus from other areas of knowledge into the field of social analysis can be observed as now we are in the times of systemic and interdisciplinary approaches. Unfortunately, it is accompanied by «blurring» of their initial/original meaning. This increases the already present uncertainty of the results and conclusions. The article deals with such concepts as «change», «transformation», «modernization» and so on.

Keywords: changes, transformation, modernization.

Поступила 26.07.2013 г.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.334.2(476)

Г. Н. СОКОЛОВА,

*доктор философских наук, профессор,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск*

ФЕНОМЕН МОДЕРНИЗАЦИИ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АНАЛИЗА

Представлен методологический аспект анализа феномена модернизации в глобализирующемся мире. Логика процесса модернизации развернута в рамках концепции «коридор экономических и социальных возможностей», согласно которой определенный «коридор возможностей» предоставляется обществу каждым новым этапом модернизации. Однако использование этих возможностей зависит от стартовых позиций общества, а также от его экономических, технологических и социальных активов. Рассмотрены проблемы, которые сужают «коридор возможностей» при формировании национального проекта модернизации.

Ключевые слова: глобализация, модернизация, коридор экономических и социальных возможностей, стартовые позиции, активы и пассивы общества.

Глобализация – объективный, ускоряющийся, всеобъемлющий и далеко неоднозначный процесс. С одной стороны, он расширяет возможности доступа к достижениям науки, техники и культуры, подтягивая все страны к наиболее развитым, но с другой стороны, усиливает экономическую взаимозависимость стран друг от друга, подчиняет их внутреннюю социальную политику внешним экономическим силам. Эта противоречивость особенно ощущается постсоветскими государствами, на долгое время выключенными из процессов мирового экономического развития. Они интегрируются в общий процесс глобальных изменений, осуществляя модернизацию по принципу «догоняющей», неорганической модернизации, связанной с большими социальными издержками, с необходимостью решения как технологических, так и социальных проблем. Если органическая модернизация, осуществляемая наиболее развитыми странами, происходила в течение столетий благодаря внутренним факторам, то неорганическая – осуществляется преимущественно под влиянием зарубежных технологий и форм организации производства. Велика вероятность того, что «догоняющая» модернизация может быть «консервативной» по идеологии (ограничиться некоторым технологическим и организационным усовершенствованием); элитарной по масштабности (осуществляемой «сверху», в условиях модернизационного эксперимента); технократически ориентированной по вектору ценностей гражданского общества. Исходя из необходимости проверки данной гипотезы, актуализируются вопросы: в *какой* точке процесса мировой глобализации находятся постсоветские государства, в част-

ности Беларусь и Россия? *Каковы* активы и пассивы этих стран? И наконец, *каков* «коридор экономических и социальных возможностей», обусловленный вышеназванными компонентами? [1, с. 3–12].

Место нахождения в едином глобальном пространстве. Уверенно функционируют в информационном пространстве страны «большой семерки», обладающие 46 из 50 имеющихся в мире макротехнологий. Из этих технологий 22 контролируются США, 8–10 – Германией, 7 – Японией, по 3–5 – Великобританией и Францией, по одной – Канадой и Италией. Россия сохраняет контроль лишь над одной (по некоторым оценкам – двумя) макротехнологиями – производством ядерной энергии и освоением космоса. При этом на долю семи высокоразвитых стран приходится около 80–90 % наукоемкой продукции и почти весь ее экспорт. Доля России составляет, по разным оценкам, от 0,3 до 1,0 % [2, с. 15–16].

Каждый технико-технологический этап модернизации имеет свой потенциал и предел эксплуатации как в экономическом, так и в социальном плане. Затягивание перехода к новому укладу, откладывание процессов модернизации имеет не только технико-технологические последствия, как может показаться на первый взгляд, но и социальные. В Беларуси (как и в России) затягивались процессы модернизации, имеющиеся у экономики ресурсы использовались на поднятие заработной платы работников, хотя это не было обусловлено ростом производительности труда и эффективности производства. Основные промышленно-производственные фонды предприятий устаревали (износ оборудования доходил до 70 %), технологии и продукция теряли конкурентоспособность на мировых рынках, что обусловило ряд кризисных явлений в экономике (девальвацию рубля, инфляцию, закрытие ряда предприятий в сфере малого бизнеса, неполную занятость и т. д.) и в социальной сфере (снижение уровня жизни населения, падение индекса социального оптимизма и т. д.).

В основе каждого нового этапа модернизации лежат технологические, организационные, управленческие и социальные инновации. Введение этих инноваций связано с разрешением ряда технологических и социальных проблем. Суть *технологической проблемы* для постсоветских стран состоит в том, что преобладающий четвертый технологический уклад представляет собой принципиально иной тип производства, нежели пятый и шестой, и связан практически полностью с механизированным трудом. Так, в промышленности Республики Беларусь (как и в Российской Федерации) до 1/3 всего труда составляет ручной труд, 1/5 – ручной труд с механическими инструментами, 1/3 – машинный труд и лишь 1/10 – полуавтоматизированный и автоматизированный труд. Встраивание новых технологических цепочек в устаревшие технико-технологические структуры наталкивается на проблему совместимости традиционных и инновационных технологий. Устаревшие технологические системы зачастую непригодны для новых высокотехнологичных производств и требуют не просто модернизации-обновления, а своего свертывания и значительных финансово-инвестиционных затрат.

Обобщенную оценку конкурентоспособности (по месту нахождения в мире) дает «Индекс глобальной конкурентоспособности» (Global Competitiveness Index, GCI), который ежегодно публикуется аналитической группой Всемирного экономического форума. Рейтинги конкурентоспособности основаны на комбинации общедоступных статистических данных и результатов ежегодного исследования, проводимого совместно с сетью ведущих исследовательских институтов в странах, анализируемых в отчете. В 2012 г. более 14 000 лидеров бизнеса были опрошены в 144 государствах. При этом рассматривались как сильные, так и слабые стороны обследуемых стран, что делает возможным определение приоритетных областей для реализации политики ключевых реформ.

Рейтинг оценивает способность стран обеспечить высокий уровень благосостояния своих граждан, что в первую очередь зависит от того, насколько эффективно страна использует ресурсы, которыми располагает. При этом для поддержания высокого уровня жизни необходимо постоянное повышение производительности труда и *качества* товаров и услуг. Индекс составлен из 12 составляемых конкурентоспособности, которые детально характеризуют конкурентоспособность стран мира, находящихся на разных уровнях экономического развития. Это – «Качество институтов», «Инфраструктура», «Макроэкономическая стабильность», «Здоровье и начальное образование», «Высшее образование и профессиональная подготовка», «Эффективность рынка товаров и услуг», «Эффективность рынка труда», «Развитость финансового рынка», «Технологический уровень», «Размер внутреннего рынка», «Конкурентоспособность компаний», «Инновационный потенциал». Для каждой из 144 экономик, охваченных исследованием, даны описание страны и национальной экономики с итогами по общей позиции и по наиболее существенным конкурентным преимуществам и недостаткам, выявленным на основании анализа, используемого для расчета индекса [3].

По данному индексу Республика Беларусь пока что не вошла в рейтинг 2012–2013 гг. Это означает, что на ближайшие десятилетия нужно ориентироваться на расширение доли отраслей пятого и шестого технологического уклада. Отметим, что Россия, Казахстан и Украина, имеющие близкие к Беларуси позиции, заняли в 2012–2013 гг. соответственно 67, 51 и 73-е места. Рейтинг глобальной конкурентоспособности по совокупности параметров характеризует уровень развития стран и их модернизационный потенциал в экономическом, социальном и инновационном аспектах.

Данные последнего десятилетия показывают отсутствие в Беларуси серьезных подвижек по этим позициям. Так, в докладе «О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2011 года» говорится: «Промышленные технологии производств (заготовительные, обрабатывающие, сборочные) в Республике Беларусь соответствуют четвертому технологическому укладу с элементами пятого технологического уклада, имеющими статус импортного оборудования и технологий. В Беларуси данный сегмент,

связанный с разработкой технологического оборудования во всех сферах производства, отстает от развитых стран, и в ближайшие 5 лет своими силами отставание сократить не удастся. По основным технологическим процессам необходима закупка высокопроизводительного оборудования за рубежом» (цит. по: [4, с. 11]). Однако следует иметь в виду, что наряду с выигрышем во времени и уровне производительности возникают риски дальнейшего ослабления научно-технического потенциала страны. Далеко не все заимствованные технологии могут (как уже упоминалось) стыковаться с действующим оборудованием. Кроме того, ограничения по ресурсной базе могут препятствовать полной загрузке высокопроизводительных передовых технологий.

Несоразмерность активов и пассивов (в пользу последних). Экономические активы России и Беларуси состоят в сохранении основного производственного капитала (ресурсной базы) – наиболее важных видов производства. В Беларуси – это машиностроение, тракторостроение, приборостроение, производство ряда видов сложной бытовой техники. В России – электронная, атомная и электротехническая промышленность, станко-, судо- и приборостроение, ракетно-космическая промышленность, химико-металлургический комплекс. Это то, что российский экономист С. Ю. Глазьев назвал несущими отраслями, сопровождающими развитие основного ядра пятого и шестого технологических укладов (нано- и биотехнологии, клеточные технологии и методы геномной инженерии) [5, с. 26–37].

Что можно отнести к пассивам, определяемым как *социальные проблемы*, требующие своего решения? Произошло реальное ухудшение соотношения социального и экономического компонентов в государственной социальной политике в пользу последнего, что проявляется в процессах имущественного расслоения, что особенно характерно для России. Средний денежный доход 10 % наиболее обеспеченных белорусов в 6 раз, а наиболее обеспеченных россиян в 16 раз превышает средний доход 10 % наименее обеспеченных граждан. Социальные группы, которые сложились в России еще к концу 1990-х гг., фактически законсервировались по размерам, сведя до минимума каналы вертикальной мобильности, что демотивирует трудовую и гражданскую активность значительной части населения. В Беларуси роль демотиватора выполняет уравнительная оплата труда работников, занятых в бюджетной сфере.

К *социальным* активам можно отнести наличие квалифицированной рабочей силы, занятой в несущих производствах. Одним из важнейших активов в постсоветских странах выступает роль государства как субъекта модернизации в определении и регулировании модели социально-экономического развития, создании государственных, отраслевых и региональных программ реализации этой модели [6, с. 9–16]. Но при этом нужно иметь в виду проблему баланса экономического и социального направлений в государственной политике. А также проблему границ и методов государственного воздействия на экономику страны в таких пределах, чтобы не разрушить основы рыночной

экономики сильным государством. Согласно теории и практике социального рыночного хозяйства, только сильное правовое государство может стать гарантом эффективной рыночной экономики, т. е. такое, которое использует политическую власть для создания условий конкурентной борьбы, равных для всех социально-профессиональных групп и всех форм собственности.

Модернизация по типу «догоняющей» связана в постсоветских государствах с неизбежными социальными издержками. Суть *социальной проблемы* состоит в том, что в ходе технико-технологической модернизации происходит свертывание ряда производств и отраслей, а это влечет высвобождение тех групп занятого населения, чей уровень профессионально-квалификационной подготовки устарел, обуславливает рост общей и структурной безработицы, снижение жизненного уровня затронутых модернизацией слоев и необходимость разработки адекватных мер их социальной защиты, включающих не только выплату пособий, но и помощь в переобучении, поиске работы и трудовой адаптации. Новые этапы модернизации требуют появления новых социально-профессиональных групп, активно участвующих в модернизации и имеющих интерес к этому процессу как источнику повышения интеллектуального уровня и уровня материального благосостояния (предпринимателей, менеджеров, специалистов и рабочих высокой квалификации). По данным Переписей населения в Беларуси и России, социальную базу модернизации можно оценивать в 1/4–1/5 часть населения.

В то же время основной массив занятого населения (свыше 70 %) в постсоветских странах составляют представители массовых профессий, связанные с традиционными отраслями экономики и образующие иерархию социально-профессиональных групп, сходных по роду занятий (наемный труд физического и умственного характера), имущественному положению (от среднего до малообеспеченного), объему прав, ограниченному рамками трудовых контрактов, и разделяющих традиционные ценности в экономике и социальной сфере. Для того чтобы наемные работники были способны воспроизводить новые социальные слои, превратились в эффективных собственников своей рабочей силы, необходима реорганизация как внешних условий, изменяющих положение работников в обществе, так и внутренних условий – преодоления патерналистских стереотипов, нацеленность на постоянное повышение профессионального образования, формирование социальной ответственности за свою жизнедеятельность.

Практика социологических исследований республиканского масштаба свидетельствует, что *нижний* слой – с доходом ниже бюджета прожиточного минимума (БПМ) (в Беларуси – 5 %, в России – 13 %), обладает низким деятельностным потенциалом и *не способен адаптироваться* к жестким социально-экономическим условиям переходного периода. *Средний* слой – с доходом от 1 до 2 БПМ (в Беларуси – 30 %, в России – 41 %) объединяет социально-профессиональные группы, которые *могут адаптироваться* к новой ситуации *ценой снижения* социального и профессионального статуса. Сюда входят

работники массовых профессий сферы услуг, рабочие низкой квалификации, крестьяне и др. Слой *выше среднего* – с доходом от 2 до 4 БПМ (в Беларуси – 51 %, в России – 23 %), сложился из групп массовой интеллигенции (инженеры, учителя, врачи и др.), служащих, квалифицированных рабочих, частных предпринимателей, среднего звена бюрократии. Представители данного слоя обладают традиционными профессионально-квалификационными навыками и направляют основные усилия не на преобразование социальной реальности, а на *адаптацию* к ней и, зачастую, на поиск путей выживания.

Верхним слоем – свыше 4 БПМ – назван относительно узкий слой (14 % в Беларуси и 22 % – в России), обладающий наиболее высоким экономическим, статусным и властным потенциалом (верхнее звено бюрократии, наемные работники, занятые в новых производствах, крупные и средние предприниматели, директора предприятий и др.). Группы, формирующие этот слой, нередко имеют разные интересы и преследуют разные цели. Но их объединяет возможность оказывать *прямое влияние* на процессы модернизации общества [1, с. 8–11].

Формы и способы адаптационного поведения разных социальных групп оказывают *опосредованное* влияние на ход процессов модернизации. Хотя социальный статус, менталитет, интересы и поведение этих групп различны, их роль в модернизационных процессах достаточно сходна. Это, в первую очередь, приспособление к меняющимся условиям, чтобы выжить, сохранить достигнутый статус и семейный доход, на что ориентированы 86 % населения в Беларуси и 78 % – в России.

Коридор экономических и социальных возможностей предоставляется обществу каждым новым этапом модернизации, однако то, насколько они будут использованы, во многом определяется как *местом нахождения* страны в едином глобальном пространстве, так и *соразмерностью* экономических и социальных *активов* и *пассивов* в государстве. В модернизации социальной структуры белорусского и российского обществ есть *общее* – советское прошлое, связанное с поддержанием полной занятости, развитой системой социальной защиты, обеспечивающей стабильные и низкие цены на базовые товары, равномерное распределение доходов, доступность образования (в том числе высшего) и жилья, защиту от малообеспеченности. И есть *различия*, а именно – различия в стратегиях перехода к рыночной экономике: выбор эволюционной модели развития в Беларуси и проведение «шоковой терапии» в России. И та и другая модель имеет свои преимущества и недостатки, приведшие к различной экономической стратификации общества – одному из основных индикаторов «расширения/сужения» коридора экономических и социальных возможностей.

В Беларуси *эволюционная модель* способствовала обеспечению максимальной социальной защищенности всех слоев населения, однако сдерживала технико-технологическую модернизацию, затрудняла формирование новых социально-профессиональных групп, востребованных новыми технологи-

ческими укладами. *Шоковая терапия* в России усилила возможности восходящей мобильности в экономической стратификации, в ходе прохождения стадии «дикого капитализма» позволила определенным социальным слоям накопить первоначальный капитал и способствовала активному появлению принципиально новых слоев (собственники капитала, топ-менеджеры, предприниматели), однако сильно поляризовала общество по критериям имущественного неравенства. Чтобы не допустить серьезного технологического отставания, процессы модернизации в этих странах ориентируются, начиная с 2000-х гг., на «стратегии инновационно-технологического прорыва», когда инновации выступают как «точки роста» в циклическом процессе общей модернизации, как «качественные скачки», обеспечивающие принципиально новое развитие техники и технологии, переход от одного технологического уклада к другому, более высокому.

Общность типологических черт и тенденций развития модернизационных процессов в этих странах в значительной мере определяется степенью государственного вмешательства в сферу экономики и государственной политикой в социальной сфере. Социальная ориентированность государственной политики в экономических преобразованиях, контроль государства над балансом экономического и социального компонентов определяют специфику развития процессов модернизации в Республике Беларусь и Российской Федерации. Различие в механизмах регуляции модернизационных процессов в этих государствах определяется выбором темпа осуществления реформ: эволюционный путь развития или «шоковая терапия».

В белорусском обществе социально ориентированная рыночная экономика, как результат государственной социальной политики, реально обеспечивает позитивный экономический процесс улучшения материального положения беднейших слоев населения и уменьшает долю этой страты в обществе. Но, по результатам анализа, происходит это как за счет повышения заработной платы, так и за счет перераспределения доходов различных страт, с целью *выравнивания* их материального положения (при коэффициенте дифференциации – 5,9). В российском обществе наблюдается увеличение социальной дистанции между полюсами дифференциации социальных слоев (при коэффициенте дифференциации – 16,5), что означает *усиление социальных различий* между стратами с разным денежным доходом, возникновение и обострение разногласий между ними. Вместе с тем общий процесс повышения материального благосостояния российского общества выступает фактором компенсации социальной напряженности и гарантом стабильности.

Факторы сужения/расширения коридора возможностей. В числе позитивных *внутренних* условий и предпосылок можно назвать целевую ориентацию экономической политики на инновационное развитие и структурную перестройку экономики, закрепленные в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. [7, с. 138–162]. Позитивными *внешними* предпосылками являются

вхождение страны в Таможенный союз (ТС) и Единое экономическое пространство (ЕЭП), многовекторная внешняя политика.

В экономическом контексте вступление в ЕЭП дает Беларуси низкие цены на энергоносители, что способствует обеспечению занятости белорусского населения и повышению конкурентоспособности белорусских товаров. А также – сохранению относительно низких цен на коммунальные услуги, позволяющие поддерживать приемлемый уровень жизни населения. В социальном плане ЕЭП предполагает обеспечение свободного передвижения граждан внутри ЕЭП, что означает создание унифицированного правового режима в части трудоустройства, условий труда и занятости. Вместе с тем Беларусь рискует утратить одно из своих главных преимуществ – высококвалифицированные кадры, так как разный уровень рыночной трансформации и доходов обусловил рост оттока трудоспособного населения в страны ЕЭП. В первую очередь, в Россию.

Наряду с позитивными имеют место и негативные процессы, которые сужают коридор экономических и социальных возможностей. Это долговая модель развития, отставание в технологическом уровне и структуре производственного аппарата, конкурентоспособности товаров и услуг, хроническое опережение роста заработной платы по отношению к росту производительности труда, недостаточно эффективная система управления экономикой.

Сохраняются негативные тенденции в научной и научно-технической сферах. Снижается наукоемкость ВВП. Если в 1990 г. она составляла 2,27 %, то в 2005 г. – 0,68 %, в 2010 г. – 0,70, в 2011 – 0,76 % и постоянно находится ниже критического уровня в 1 % [8, с. 41]. Отметим, что экономическая отдача, рост и развитие науки и техники возможны лишь при наукоемкости в 1,5–2 %. У стран ЕС этот показатель на уровне 2 % и выше.

Как следствие, недовыполняются нормативы по обеспечению доли высоких технологий в объеме произведенной в стране продукции. Комплексный прогноз НТП Республики Беларусь на 2006–2015 гг. предусматривал, что доля высоких технологий в объеме произведенной в стране продукции составит в 2010 г. 6,5 %. Фактически в 2010 г., по данным Министерства экономики, доля промышленного производства организаций высокотехнологического сектора в общем объеме промышленного производства составила около 3 %. В экономически развитых странах этот показатель достигает 15 % [9, с. 3, 8]. Возможно, это один из важнейших индикаторов, который до сих пор не позволяет Республике Беларусь войти в рейтинг «Индекс глобальной конкурентоспособности».

В социальном контексте коридор возможностей сужается за счет невключенности значительной части занятого населения в процессы модернизации по «догоняющему типу», а также проблем, связанных с функционированием рынка труда. Это проблемы нестабильной занятости на рынке труда; движение текущего рынка труда в направлении типичного вторичного рынка занятости; «жесткость» номинальной заработной платы, ведущая к проявлению

«гибкости» уровня денежных доходов за счет вторичной занятости; слабая инновационная восприимчивость занятого населения, определяющая его мотивацию, в основном, на повышение заработной платы и комфортные условия труда.

Расширение коридора экономических и социальных возможностей связано с повышением активности, усилением трудовой мотивации и социальной ответственности основных социально-профессиональных групп за свою деятельность и жизнедеятельность. Проблемы технологического плана невозможно решать без внедрения инноваций в массовое производство, а проблемы социального плана – без активного включения в экономику всех трудовых ресурсов, что создаст условия для более полного проявления их конкурентоспособности и, как следствие, более полной реализации возможностей закона конкуренции.

Таким образом, принятая в обеих странах «стратегия инновационно-технологического прорыва», когда инновации выступают как «точки роста» в циклическом процессе общей модернизации, представляется проблематичной в *технологическом контексте*, в силу несовместимости нынешнего (четвертого) и будущих (пятого и шестого) технологических укладов. Данная стратегия представляется проблематичной и в *социальном* плане в силу того, что осуществляется в виде ограниченного модернизационного эксперимента, не затрагивающего основной массив населения, занятого в традиционных отраслях экономики. В трактовке современных теорий модернизации, технологические инновации, как ведущая сила нового этапа модернизации, должны быть интегрированы в само «тело» социальной структуры общества.

Модернизация, по типу «догоняющей», безусловно, отягощает решение возникающих технологических и социальных проблем, которых можно было бы избежать при органической модернизации. Проблемы технологического плана невозможно решать без внедрения инноваций в массовое производство, а проблемы социального плана – без активного включения в экономику всех трудовых ресурсов при грамотной государственной политике. Эти универсальные принципы являются залогом успеха любого национального проекта модернизации.

Литература

1. Соколова, Г. Н. Модернизация как технологический и социальный феномен: Беларусь–Россия / Г. Н. Соколова // Социол. исследования. – 2012. – № 5. – С. 3–12.
2. Домбровский, В. О. О научно-промышленной политике России на рубеже веков / В. О. Домбровский // Проблемы теории и практики управления. – 2000. – № 1. – С. 15–31.
3. World Economic Forum: The Global Competitiveness Index (2012–2013). 05.09.2012. Источник: Центр гуманитарных технологий.
4. Шимов, В. Н. Модернизация экономики Беларуси: состояние, проблемы, направления развития / В. Н. Шимов, Л. М. Крюков // Социология. – 2013. – № 3. – С. 4–21.
5. Глазьев, С. Ю. Мировой экономический кризис как процесс смены технологических укладов / С. Ю. Глазьев // Вопр. экономики. – 2009. – № 3. – С. 26–37.

6. Шимов, В. Н. Структурная трансформация промышленного комплекса страны: императивы и направления реализации / В. Н. Шимов // Социология. – 2012. – № 5. – С. 9–16.

7. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 года / Национальная комиссия по устойчивому развитию Респ. Беларусь; редкол.: Я. М. Александрович [и др.]. – Минск: Юнипак, 2004. – 200 с.

8. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь, 2013: стат. сб. – Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2013. – 120 с.

9. Программа развития промышленного комплекса Республики Беларусь на период до 2020 года: утв. Постановлением Совета Министров Респ. Беларусь от 05.07.2012 г. № 622. – 71 с.

G. N. SOKOLOVA

PHENOMENON OF MODERNIZATION IN GLOBALIZED WORLD: METHODOLOGICAL ASPECT OF ANALYSIS

Summary

The paper considers methodological aspect of modernization analysis phenomenon in the globalized world. The logic of modernization process is developed in the frames of conception of «corridor of economic and social possibilities» according to which a definite «corridor of possibilities» is presented to the society as a new stage of modernization. However the use of these possibilities depends on starting positions of society and its economic, technological and social actives. The problems that narrow this corridor of possibilities in the formation of national modernization project are revealed.

Keywords: globalization, modernization, corridor of economic and social possibilities, starting positions, actives and passives.

Поступила 19.11.2013 г.

Т. О. ПЕТРУШИНА,
*доктор социологических наук,
Институт социологии НАН Украины, г. Киев*

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ: УКРАИНСКИЕ РЕАЛИИ

В украинском обществе существует противоречие между официально задекларированным курсом на инновационное развитие экономики и отсутствием мер по созданию необходимых для этого социально-политических, социально-экономических, институциональных и социокультурных предпосылок. На основе данных экспертного опроса проанализированы составляющие социального потенциала инновационного развития экономики, рассмотрены основные факторы, сдерживающие это развитие, показаны инновационные возможности разных социальных групп.

Ключевые слова: инновационное развитие, украинская экономика, социальный потенциал, социальные барьеры, экономическая социология.

Инновационное развитие экономики (ИРЭ) стало в XXI в. императивом для всех стран, стремящихся занять достойное место во все более усложняющемся и глобализирующемся мире. Необходимость инновационного развития в контексте украинских реалий как одного из важнейших путей преодоления нынешней кризисной ситуации, повышения конкурентоспособности экономики в рамках современного глобального хозяйства и обеспечения на этой основе высоких стандартов жизни людей все больше осознается на уровне научного сообщества. Если раньше в изучении инновационной проблематики доминировали технико-технологические и экономические подходы, то с начала 1980-х гг., и особенно с середины 1990-х гг., акценты смещаются в сторону социальных факторов и условий инновационной деятельности, в формат междисциплинарных исследований.

В контексте широкого социального подхода к анализу проблем инновационного экономического развития особое значение приобретают исследования этого вопроса в рамках экономической социологии. Социология экономической жизни, призванная исследовать экономические отношения, институты, процессы и явления через призму социального, в связи с деятельностью социальных субъектов, имеющих свои интересы, предпочтения, ценностные ориентации, может и должна внести весомый вклад в изучение социального потенциала инновационного развития. Под ИРЭ понимается модель развития, основанная на способности генерировать новые идеи и изобретения, внедрять их во все сферы жизнедеятельности общества, прежде всего в сферу общест-

венного производства. Инновационное развитие подразумевает превращение инноваций в главный фактор качественного роста и развития экономики. На языке Й. Шумпетера инновационное развитие – это процесс динамичного роста национальной экономики на основе поиска и реализации новых идей, осуществления новых комбинаций в процессе производства (введение нового товара или нового качества товара; введение нового метода производств, нового способа коммерческого обращения с товаром; открытие нового рынка сбыта; открытие нового рынка сырья; реорганизация отраслей промышленности [1, с. 75]).

Анализ социального потенциала ИРЭ требует, безусловно, социологического осмысления, уточнения сущности и составляющих самого понятия «социальный потенциал», однозначного понимания исходных терминов: «потенциал», «социальный», а также взаимосвязи родственных понятий потенциала, ресурсов и капитала. Наиболее адекватным видится определение потенциала как обобщающей количественно-качественной характеристики наличия и использования конкретных ресурсов. Если в цепочке «ресурсы – потенциал – капитал» ресурсы рассматривать как наличие чего-то, то потенциал выступает оценочной характеристикой ресурсов, характеризует возможность их применения, использования, а капитал отражает функциональный, целевой аспект применения ресурсов (это ресурсы, используемые с целью приращения, достижения определенной выгоды, прибыли).

Проведенная автором понятийно-терминологическая работа позволила рассматривать социальный потенциал в виде абстрактной теоретической формулы как совокупный потенциал социальных субъектов, социальных отношений и социальных институтов [2]. Социальный потенциал ИРЭ в общем виде представляет собой способность общества реализовывать инновационную модель экономического развития. Конкретизация этого понятия включает в себя как более детальное определение, так и уточнение составляющих (элементов) этого потенциала. Это совокупная способность различных социальных групп и общества в целом создавать, воспринимать, внедрять и распространять новшества, способствующие повышению эффективности экономического развития, а также организационно-институциональные возможности осуществления инновационных практик социальных субъектов экономической деятельности. В состав совокупного социального потенциала, по мнению автора, входят следующие элементы (субпотенциалы): социально-политический, социально-экономический, социокультурный, научный, образовательный и институциональный потенциалы.

Задачей данной статьи является анализ реального состояния украинского общества в контексте задекларированного властью курса на ИРЭ, оценка существующих социально-политических, социально-экономических, социокультурных и институциональных условий его реализации, выявление факторов, сдерживающих инновационное развитие, характеристика инновационных возможностей разных социальных групп.

В своих размышлениях на эту тему автор опирается на анализ научных работ украинских исследователей этой проблематики, материалы соответствующих конференций, данные национальной и международной статистики, результаты социологических опросов, в том числе специального экспертного опроса¹.

Оценка инновационности украинской экономики

По данным экспертного опроса, проведенного специалистами Института экономики промышленности НАН Украины (2006, $N = 137$), абсолютное большинство экспертов (87 %) оценивают инновационность развития экономики Украины на низком и очень низком уровне [3]. Отечественная экономика остается технологически отсталой и низкоукладной: удельный вес продукции третьего технологического уклада составляет примерно 60 %, четвертого – 35 %, доля же продукции высших технологических укладов менее 5 % (4 % – для пятого и 0,1 % – для шестого). Происходит деградация экономики. Если в развитых странах доля машиностроения в структуре промышленного производства во второй половине XX в. повысилась в два раза, то в Украине за годы рыночных трансформаций она, наоборот, сократилась в 2,3 раза. Сохраняется возникший в ходе реформ сырьевой перекокс украинской экономики [4, с. 40, 30]. Продолжается старение основных фондов: степень износа основных средств по видам экономической деятельности достигла в 2010 г. 74,9 %, в т. ч. в обрабатывающей промышленности – 66,8 %, в сфере транспорта и связи – 94,4 % [5, с. 93]. Доля убыточных предприятий в промышленности составила 38 % в 2011 г. [5, с. 106]. Производительность труда по ППС в Украине на протяжении 2001–2008 гг. была на уровне 12–16 % от производительности труда в США, 30–33 % – от производительности труда в Чехии и Венгрии и т. д. [6, с. 99].

Численность ученых-исследователей в Украине за период 1990–2011 гг. сократилась в 3,7 раза [5, с. 320]. Это больше, чем в России и Беларуси, где также наблюдались аналогичные негативные процессы. Для сравнения: численность сотрудников в научных организациях в Украине уменьшилась до 0,7 % занятого населения, в России и Беларуси – до 1,1 % и 1,3 % занятых. Государственное финансирование научной сферы в этих соседних странах составляет, соответственно, 0,57 % и 0,76 % от ВВП. В Украине же – всего 0,29 % от ВВП, что в шесть раз меньше, чем предусмотрено Законом Украины «О научной и научно-технической деятельности», в соответствии с которым государство должно обеспечивать бюджетное финансирование научной и научно-технической деятельности в размере не менее 1,7 % от ВВП [7].

¹ Экспертный опрос проводили сотрудники отдела экономической социологии Института социологии НАН Украины (2013, $N = 26$) в рамках научно-исследовательской темы «Социальный потенциал инновационного развития экономики Украины». Были опрошены не просто высококвалифицированные ученые и госслужащие, а именно те специалисты академических институтов, вузов и государственных структур, которые непосредственно занимаются теорией и организацией инновационного экономического развития, т. е. являются носителями наивысшего уровня знаний по этой проблематике.

Рост ВВП за счет введения новых технологий в Украине оценивается всего в 0,7 %, в развитых странах этот показатель достигает 60 % и даже 90 % [4, с. 40]. Крайне низким остается число инновационно активных предприятий. На фоне заметной тенденции к уменьшению их количества в нулевые годы, увеличение доли инновационно активных промышленных предприятий с 13,0 % в 2008 г. до 16,2 % в 2011 г. [5, с. 323] является позитивным сдвигом. Однако этот уровень намного ниже порогового значения (25 %) и гораздо ниже аналогичного показателя развитых стран (70–80 %).

Международные аналитики, отслеживая происходивший в последние годы определенный рост эффективности производства на основе повышения интенсивности использования ресурсов, перевели Украину из группы стран, находящихся *в состоянии перехода* от первой, факторной, наиболее низкой стадии экономического развития (factor-driven stage of development) ко второй, эффективной стадии (efficiency-driven), в группу стран, находящихся *на стадии* эффективного развития. Согласно данным Всемирного экономического форума о глобальной конкурентоспособности 2012–2013 гг., Украина улучшила свои позиции по сравнению с 2011–2012 гг. Индекс ее глобальной конкурентоспособности вырос с 4,00 до 4,14 баллов по 7-балльной шкале. Если в 2011–2012 гг. Украина находилась на 82-м месте среди 142 стран, то в 2012–2013 гг. она поднялась на 73-е место (среди 144 стран). Однако инновационные факторы по-прежнему остаются наименее развитыми [8, с. 354]. И неслучайно по индексу глобальной инновационности, который рассчитывают аналитики Корнельского университета, международной бизнес-школы INSEAD и Всемирной организации интеллектуальной собственности, позиции Украины ухудшились на 8 пунктов (с 63-го места в 2012 г. она перешла на 71-е место в 2013 г.). Для сравнения: по индексу глобальной инновационности в 2013 г. Россия занимает 62-е место, Беларусь – 77-е место [9, с. 261, 60–61]. По индексу экономики знаний (который рассчитывается на основе четырех показателей: индекса экономического и институционального режима, индекса образования, индекса инноваций и индекса ИКТ) Россия и Беларусь улучшили свои показатели за последнее десятилетие, а Украина несколько ухудшила. Если в 2000 г. индекс экономики знаний в Украине достигал 6,33 баллов по 10-балльной шкале (54-е место в рейтинге стран), то в 2012 г. он снизился до 5,73 баллов (56-е место среди 145 стран). Россия за этот же период времени поднялась по индексу экономики знаний с 64-го места на 55-е, а Беларусь – с 70-го на 59-е место [10, с. 2].

Обеспеченность украинской экономики ресурсами

Лучше всего украинское государство, по данным проведенного отделом экономической социологии ИС НАНУ экспертного опроса, обеспечено для эффективного социально-экономического развития природными и человеческими ресурсами. 92 % экспертов указали, что этими ресурсами Украина обеспечена достаточно или в средней мере. Действительно, по существующим оценкам, природно-ресурсный потенциал Украины в расчете на душу

населения в 1,5–2,0 раза превышает ресурсный потенциал США, в 4 раза – Германии, в 12–15 раз – Японии [4, с. 27]. Слабее выглядит обеспеченность материально-техническими ресурсами: по мнению одной группы экспертов (56 %), страна обеспечена ими в достаточной или средней степени, по мнению другой (44 %) – в недостаточной. Хуже всего обеспечение технологическими и социальными ресурсами. 71 % экспертов считают, что Украина недостаточно обеспечена технологическими ресурсами, 21 % – в средней мере. Неслучайно авторы национальной стратегии развития подчеркивают, что в Украине технологический потенциал продолжает разрушаться, а технологическое отставание от передовых стран за последние годы «достигло критической черты, за которой наступает потеря самой способности создавать конкурентоспособную наукоемкую продукцию» [4, с. 32]. Большинство аналитиков (70 %) заявили, что мы не обеспечены или недостаточно обеспечены социальными ресурсами (13 % и 57 % соответственно), только 22 % оценивают их на среднем уровне.

Большая часть экспертов указали и на недостаток финансовых ресурсов (17 % – на необеспеченность, 48 % – на недостаточную обеспеченность). Вместе с тем треть аналитиков (35 %) считают, что украинская экономика обеспечена финансами на среднем и достаточном уровне, а некоторые эксперты прямо заявили, что при желании финансовые ресурсы можно найти. Обращает на себя внимание существенное расхождение в оценках наших человеческих и социальных ресурсов. 60 % экспертов полагают, что Украина достаточно обеспечена человеческими ресурсами и только 9 % (несколько человек) считают, что и социальными ресурсами она обеспечена достаточно. Как же используются социальные ресурсы в Украине, какой у нас на сегодняшний день социальный потенциал инновационного развития?

Анализ составляющих социального потенциала ИРЭ

Поскольку совокупный социальный потенциал ИРЭ, как уже отмечалось, представляет собой систему потенциалов (социально-политического, социально-экономического, социокультурного, научного, образовательного и институционального), было важно выявить достигнутый уровень развития и значимость роли, которую в ИРЭ должны играть конкретные элементы (составляющие) этих потенциалов. Мы попытались выделить в рамках каждого из указанных потенциалов его наиболее важные составляющие, что позволило выявить не только достаточно полную картину реального состояния этих элементов, но и рассчитать индексы совокупного социального потенциала и входящих в его состав субпотенциалов¹ (рис. 1).

¹ Интегральный индекс (совокупного) социального потенциала рассчитывался по формуле $I = \sum \alpha \beta / \sum \alpha$, где β – показатели достигнутого уровня развития конкретных элементов, выбранных для возможно более полного отображения соответствующего вида социального потенциала и представленных в одинаковых единицах измерения по 5-балльной шкале; а α – весовой коэффициент (нормативная значимость роли этого элемента в ИРЭ), определяемый экспертно.

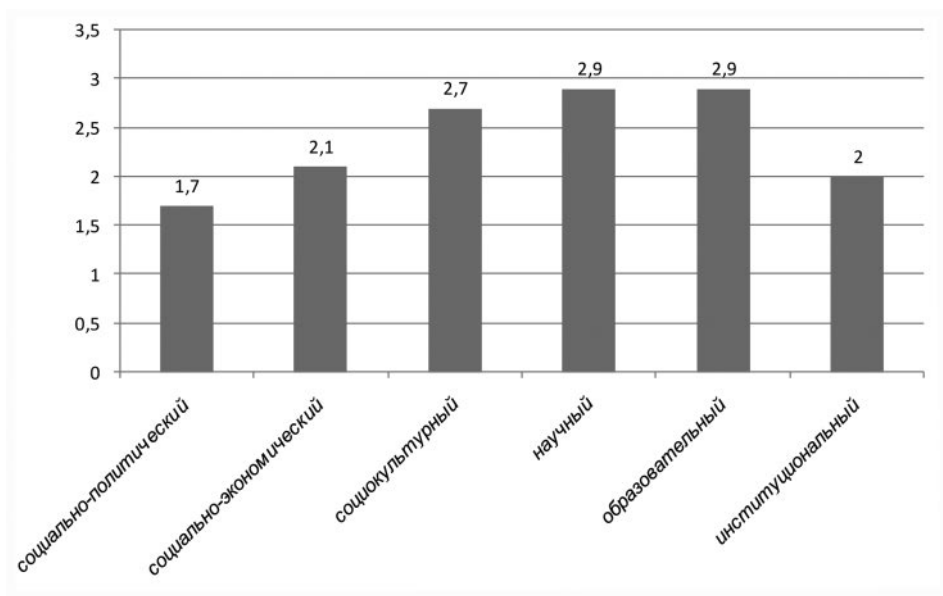

Рис. 1. Индексы социально-политического, социально-экономического, социокультурного, научного, образовательного и институционального потенциалов ИРЭ (по 5-балльной шкале)

В рамках социально-политического потенциала анализировались такие составляющие, как заинтересованность власти в реальном обеспечении инновационного развития, ее способность разрабатывать и реализовывать программы ИРЭ, консолидация общества ради экономического и социального развития, а также понимание и отстаивание властью национальных интересов Украины. Почти все эти социально-политические факторы эксперты выделили как значимые и очень значимые. Однако в украинских реалиях эти составляющие социального потенциала находятся на низком и очень низком уровне (табл. 1). Наиболее низко оценена консолидация современного украинского общества ради экономического и социального развития (1,5 балла). При этом подавляющее большинство экспертов (81 %) считают, что без консолидации общества ИРЭ вообще невозможно (как, кстати, и без доверия (85 %)).

Отмеченные негативы остро ощущают и рядовые граждане. По данным всеукраинского опроса общественного мнения в 2013 г. ($N = 1800$), 69 % жителей Украины считают, что действующая власть не отстаивает общенациональные интересы. При этом 27 % населения указало, что она эту задачу не решает вовсе, 42 % – решает только для видимости! Лишь каждый пятый оценил действия власти в этом направлении (22 %) на среднем уровне. Тех, кто считает, что действующая власть полностью или хорошо отстаивает общенациональные интересы, – лишь 4 %.

Если социально-политический потенциал эксперты оценили в целом на уровне «ниже» низкого (1,7 балла), то социально-экономический и институ-

циональный потенциалы – «просто» на низком уровне (2,1 и 2,0 балла соответственно). Среди элементов социально-экономического потенциала наиболее низко оценено соответствие структуры занятости требованиям ИРЭ, что отражает структурные негативы украинской экономики. Несколько «выше» низкого уровня оценена потребность крупных собственников в инновациях, что также связано с объективными преимуществами крупного производства. Следует отметить, что технологии мирового уровня, которым в Украине сегодня соответствует не более четверти всех имеющихся технологий, сосредоточены только на крупных предприятиях [4, с. 32].

Таблица 1. Показатели социально-политического, социально-экономического и институционального потенциалов ИРЭ Украины, в баллах¹

Составляющие потенциала		Оценка достигнутого уровня	Значимость нормативной роли в ИРЭ	Индекс потенциала
Социально-политического	Заинтересованность власти в реальном обеспечении инновационного развития	1,7	4,7	1,7
	Способность власти разрабатывать программы ИРЭ	1,8	4,1	
	Способность власти реализовывать программы ИРЭ	1,5	4,5	
	Консолидация общества ради экономического и социального развития	1,5	4,4	
	Понимание и отстаивание властью национальных интересов Украины	1,8	4,8	
Социально-экономического	Соответствие структуры занятости требованиям ИРЭ	1,6	4,0	2,1
	Материальные возможности работников по повышению образовательно-квалификационного уровня	2,3	4,0	
	Покупательная способность населения в приобретении инновационных товаров	2,2	4,1	
	Потребность крупных собственников в инновациях	2,4	4,1	
	Наличие инноваторов-предпринимателей в украинской бизнес-среде	2,0	4,6	
Институционального	Конкуренция как катализатор инновационного развития	2,0	4,2	2,0
	Защита прав интеллектуальной собственности	1,9	4,4	
	Стимулирование и поддержка государством инновационной активности	1,6	4,5	
	Развитость институтов инновационной инфраструктуры	1,7	4,4	
	Законодательное обеспечение инновационной деятельности	2,6	4,2	

¹ Все показатели рассчитаны по 5-балльной шкале, где «1» означает «очень низкий уровень» («практически незначимую роль»), «2» – «низкий уровень» («малозначимую роль»), «3» – «средний уровень» («роль средней значимости»), «4» – «высокий уровень» («значимую роль»), «5» – «очень высокий уровень» («очень значимую роль»).

Оценка институционального потенциала на низком уровне отечественными экспертами полностью совпадает с оценкой институциональных факторов украинской экономики международными экспертами. Так, в 2012 г. среди составляющих индекса экономики знаний самый низкий уровень имел индекс экономического и институционального режима (3,95 балла по 10-балльной шкале), а самый высокий – индекс образования (8,15) [10, с. 9]. Аналогично среди составляющих показателя глобальной конкурентоспособности украинской экономики самую низкую оценку имеет характеристика институциональной среды – 3,1 балла (по 7-балльной шкале), согласно которой наша страна занимает 132-е место среди 144 стран [8, с. 354].

Наиболее высокую оценку среди институциональных составляющих получило законодательное обеспечение инновационной деятельности (2,6 балла). В Украине, действительно, в этой сфере создана достаточно мощная правовая база. Однако в связи с постоянными нарушениями законодательное поле украинской экономики остается скорее тормозом, чем стимулом и институциональной поддержкой инновационной деятельности. Наиболее низко эксперты оценили государственную поддержку инновационной активности, что совпадает с их оценкой составляющих социально-политического потенциала (1,6 балла). Хотя в нынешних условиях открытости экономических границ при неготовности большинства отечественных товаропроизводителей к конкурентной борьбе с мощными зарубежными компаниями именно государственная поддержка украинской промышленности приобретает исключительно важное значение [4, с. 32].

Такую же низкую оценку получили институты инновационной инфраструктуры (1,7 балла). Государственные структуры, к сожалению, дают разные данные относительно количества инновационных центров: бизнес-инкубаторов, технопарков, центров трансфера технологий и пр. По данным Украинской ассоциации бизнес-инкубаторов и инновационных центров, из 16 зарегистрированных технопарков реально работают только восемь, а эффективно – всего два-три технопарка.

Более высокие оценки, близкие к среднему уровню, получили социокультурный, научный и образовательный потенциалы ИРЭ (табл. 2). Среди социокультурных факторов наиболее низко оценена существующая инновационная культура (1,7 балла). Заметно выше, почти на среднем уровне оценены такие характеристики украинских жителей, как творческое отношение к работе, потребность в повышении квалификационного уровня (по 2,8 балла). Это полностью соответствует представлениям самих граждан о распространенности выделенных культурных ценностей среди населения. Численность тех, кто, по данным массового опроса 2013 г., считает, что творческое отношение к работе, ценность постоянного повышения своего образовательно-квалификационного уровня присущи большинству украинских граждан, в два с лишним раза превышает количество тех, кто придерживается противоположного мнения.

Экспертные оценки научного и образовательного потенциала говорят сами за себя. Несмотря на продолжающееся ухудшение качества системы образования в стране, имеющийся на сегодняшний день уровень образования населения повышает рейтинги Украины в международных сравнениях. По оценкам специалистов Центра исследований научно-технического потенциала и истории науки им. Г. М. Доброва, интеллектуальный потенциал украинского общества составляет не менее половины всего национального богатства страны и оценивается на уровне 2,5–3,0 трлн долл. [11, с. 74]. Вместе с тем, как считают авторы национальной стратегии развития Украины, уровень поддержки науки и образования, особенно высшего, в нашей стране не соответствует целям инновационного развития [4, с. 41]. Данные экспертами оценки выявили также существенный разрыв между возможностями научно-исследовательских коллективов по генерированию новых идей и их превращению в инновации. Это говорит о том, что реализация исследовательского потенциала в национальной экономике остается серьезной проблемой, для решения которой политика «выживания» науки должна быть заменена ее реальной поддержкой и развитием.

Таблица 2. Показатели социокультурного, научного и образовательного потенциалов ИРЭ Украины, в баллах¹

Составляющие потенциала		Оценка достигнутого уровня	Значимость нормативной роли в ИРЭ	Индекс потенциала
Социокультурного	Инновационная культура	1,7	4,5	2,7
	Творческое отношение людей к работе	2,8	4,4	
	Стремление людей к постоянному повышению своего образовательно-квалификационного уровня	2,8	4,4	
	Ценность самореализации в профессиональной деятельности	3,0	4,4	
	Ценность достижения материального благополучия посредством профессиональной деятельности	3,4	4,3	
Научного	Возможности научно-исследовательских коллективов генерировать фундаментальные идеи	3,2	4,5	2,9
	Возможности научно-исследовательских коллективов превращать новые идеи в инновации	2,3	4,4	
	Наличие отечественных научных школ	3,2	4,2	
Образовательного	Уровень образования населения	3,5	4,2	2,9
	Качество системы образования в стране	2,7	4,5	
	Способность работников использовать инновационные знания и технологии	2,4	4,4	

¹ Все показатели рассчитаны по указанной в табл. 1 шкале.

Факторы, сдерживающие ИРЭ

На пути реализации ИРЭ различного рода барьеров, к сожалению, больше, чем «драйверов». Среди них есть такие, что тормозят этот процесс из-за низкого или недостаточного уровня развития соответствующих характеристик социальных субъектов или социальных отношений, институтов, которые, наоборот, должны были бы играть важную роль в обеспечении инновационного развития (например, консолидация общества, развитие инновационной культуры и т. п.). Эти факторы отражают низкий уровень социального потенциала развития и способны в процессе работы над его повышением изменить свое качество и, соответственно, влияние на инновационное развитие с негативного на нейтральное или положительное. Если преодоление этого типа социальных факторов-барьеров (препятствий «мягкого» типа) осуществляется путем их усиления, то другой тип социальных барьеров – «жестких», связанных с явлениями, имеющими социально негативный смысл и последствия, может быть устранен только путем радикального уменьшения их проявления или вообще разрушения. Неслучайно большинство экспертов отметили, что общественно-политическая система и система сложившегося в Украине семейно-кланового олигархического капитализма негативно влияют на ИРЭ (соответственно, 85 % и 88 %). Исключает инновационное развитие и заимствованная украинской властью неолиберальная философия хозяйствования, отказываясь от которой призывают как авторы «Стратегии инновационного развития Украины на 2010–2020 годы в условиях глобализационных вызовов», так и специалисты Центра им. Г. М. Доброва, которые уже 20 лет занимаются проблемами ИРЭ Украины. Негативно на ИРЭ влияют, по мнению 85 % экспертов, коррупция, социально-экономическая дифференциация населения, монополизация и теннизация экономики.

Поражает распространенность в массовом сознании восприятия злоупотреблений должностным положением и явлений коррупции как будничных проявлений украинских реалий. Четверть опрошенных в 2012 г. ($N = 3200$) фирмой «Социс» украинских граждан (26 %) при ответе на вопрос о привлечении иностранных инвестиций заявили, что они в украинскую экономику не попадут, их разворуют! Большинство населения (66 %) также не верит, что в случае привлечения для внедрения инновационных технологий финансовых ресурсов они будут использованы эффективно и по назначению (надеется на это пятая часть (19 %)).

Не менее серьезным препятствием выступает социально-экономическое неравенство населения. Мировой опыт свидетельствует, что при превышении определенного порогового значения неравенства инновационное развитие страны становится невозможным. Поэтому принципиально важно, чтобы разрыв между минимальными и максимальными доходами граждан составлял не более 1:5 (в 20-процентном измерении). Сегодня этот показатель в Украине, по некоторым оценкам, составляет 1:40. Кроме того, сама малообеспеченность большинства населения становится ощутимым социальным барьером инновационного

развития, поскольку низкая покупательная способность сдерживает распространение инноваций и сводит на нет даже высокую технологическую эффективность недоступных для рядовых граждан инновационных товаров и услуг.

Существенным сдерживающим фактором развития остается тотальное недоверие населения власти и государству, что является следствием негативно-го опыта рыночных реформ и расхождений между обещаниями и действиями власти. Неслучайно почти три четверти населения (73 %), по данным указанного опроса «Социса», не верит, что Украина в течение 10 лет сможет войти в число 20 экономически наиболее развитых стран мира. Верит в это менее пятой части украинских граждан (17 %). За этими цифрами стоит как указанный феномен тотального институционального недоверия, так и здравый смысл относительно объективной оценки кризисной ситуации в украинском обществе.

Инновационные возможности разных социальных групп

По оценкам экспертов, только инженерно-технические работники в определенной степени заинтересованы в ИРЭ (3,4 балла по 5-балльной шкале, где «1» означает «совсем не заинтересованы», «2» – «скорее не заинтересованы», «3» – «насколько заинтересованы, настолько и не заинтересованы», «4» – «скорее заинтересованы», «5» – «очень заинтересованы»). Заинтересованность руководящих работников госаппарата, ответственных за разработку и реализацию инновационного развития, оценена негативно, на уровне 2,2 балла, представителей бизнеса – на уровне 2,6–2,7 балла. Самая низкая заинтересованность в инновационном развитии – среди рабочих (2,0). Помимо фактической невостребованности инновационного развития со стороны его главных субъектов экспертный опрос выявил низкую способность указанных социальных групп к инновационной деятельности. Оценку выше среднего уровня получили только две социальные группы: высококвалифицированные инженеры и научные кадры технического профиля (3,5 и 3,6 балла соответственно). Ниже среднего уровня способности к инновационной деятельности оценены у научных кадров гуманитарного профиля (2,8 балла), крупных собственников (2,4 балла), высококвалифицированных рабочих (2,7 балла). На низком уровне эти способности оценены у юристов и руководящих работников госаппарата, ответственных за разработку и реализацию инновационного развития (1,8 и 2,1 балла).

Перспективы ИРЭ Украины

Объективная оценка реальной ситуации в украинском обществе свидетельствует об отсутствии необходимых социальных предпосылок для осуществления официально задекларированного в Украине курса на инновационное развитие. На сегодняшний день только трое из 26 экспертов считают инновационный сценарий развития украинской экономики наиболее вероятным в ближайшие 10–15 лет (восемь экспертов – инерционный, десять – смешанный).

Социально-политические, социально-экономические и институциональные составляющие совокупного социального потенциала ИРЭ оценены на низком уровне. Несколько лучше (на уровне ближе к среднему) оценивают-

ся социокультурный, научный и институциональный потенциалы ИРЭ. Интегральный индекс имеющегося социального потенциала ИРЭ заметно ниже среднего уровня и составляет всего 2,3 балла (по 5-балльной шкале). Еще ниже, по оценкам экспертов, степень использования этого потенциала.

Проведенный анализ показал, что реализация стратегии инновационного развития Украины во имя процветания страны и повышения благосостояния людей возможна только при условии реальной государственной поддержки ИРЭ, преодоления на этом пути «жестких» социальных барьеров и прихода к власти сил, действительно заинтересованных в реформировании общества, адекватном потребностям большинства населения, а не только олигархических кланов.

Литература

1. Шумпетер, Й. А. Теория экономического развития: Дослідження прибутків, капіталу, кредиту, відсотка та економічного циклу / Й. А. Шумпетер; пер. з англ. В. Старка. – Київ: Києво-Могилянська академія, 2011. – 242 с.
2. Петрушина, Т. Социальный потенциал инновационного экономического развития: анатомия определения понятий / Т. Петрушина // Соціальні виміри суспільства: зб. наук. праць. – Київ: Ін-т соціології НАН України, 2012. – Вип. 4 (15). – С. 168–180.
3. Активізація інноваційної діяльності: організаційно-правове та соціально-економічне забезпечення: монографія / О. І. Амоша [та ін.]; НАН України, Ін-т економіки пром-ті. – Донецьк, 2007. – 328 с.
4. Україна-2015: Національна стратегія розвитку. – Київ, 2008 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.semynozhenko.net/content/files/Ukraine-2015%20big.pdf>. – Дата доступу: 07.07.2013.
5. Статистичний щорічник України за 2011 рік. – Київ: Август Трейд. – 2012. – 560 с.
6. Соколик, М. П. Продуктивність і оплата праці за паритетом купівельної спроможності в Україні та інших країнах: порівняльний аналіз / М. П. Соколик // Економіка і прогнозування. – 2011. – № 1. – С. 85–103.
7. Наука в загоне // «МК» в Украине». – 2013. – 30 янв. – 5 февр. – С. 3.
8. The Global Competitiveness Report 2012–2013 World Economic Forum [Електронний ресурс]. – Режим доступу: [WEF_GlobalCompetitivenessReport_2012–13.pdf](http://www.weforum.org/pdf/globalcompetitiveness/07072013.pdf). – Дата доступу: 07.07.2013.
9. The Global Innovation Index 2013. The Local Dynamics of Innovation [Електронний ресурс]. – Режим доступу: [The_Global_Innovation_Index_2013_gii_2013.pdf](http://www.gii.org/pdf/The_Global_Innovation_Index_2013_gii_2013.pdf). – Дата доступу: 07.07.2013.
10. Knowledge Economy Index (KEI) 2012 Rankings [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://siteresources.worldbank.org/INTUNIKAM/Resources/2012.pdf>. – Дата доступу: 07.07.2013.
11. Малицкий, Б. А. Социальный капитал науки: оценка и пути наращивания / Б. А. Малицкий. – Киев: Феникс, 2013. – 80 с.

T. O. PETRUSHINA

SOCIAL POTENTIAL OF THE INNOVATIVE ECONOMIC DEVELOPMENT: UKRAINIAN REALITIES

Summary

There is a contradiction in the Ukrainian society between the officially declared course for the innovative development of the economy and the lack of real activities for development of the neces-

sary socio-political, socio-economic, institutional and socio-cultural backgrounds. On the basis of the expert surveys the author analyzed the components of the social potential for the innovative economic development, examined the basic constraints to this development, and showed the innovative features of different social groups.

Keywords: innovative development, the Ukrainian economy, social potential, social barriers, sociology of economics.

Поступила 09.09.2013 г.

А. МАЛЮК,

*кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Украины, г. Киев*

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КРИЗИСА СОВРЕМЕННОГО ГЛОБАЛЬНОГО КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА

Статья представляет собой опыт применения методологии исследования долгосрочной исторической конъюнктуры к анализу современного глобального финансово-экономического кризиса. Показано, что на рубеже 1970-х гг. капиталистическая система столкнулась со структурным кризисом. В качестве политического и экономического ответа на кризис транснациональные капиталистические элиты избрали неолиберальную трансформацию послевоенного режима накопления. Последняя оказалась неспособна преодолеть структурный кризис капитализма и способствовала обострению его противоречий. В результате капиталистическая система столкнулась с новым проявлением структурного кризиса.

Ключевые слова: глобальный кризис, капитализм, долгосрочная историческая конъюнктура, глобализация, неолиберализм, К. Маркс.

Начало новой исторической эпохи, возмещенной началом мирового финансово-экономического кризиса, ставит проблему осмысления ее характера и возможных последствий для развития как мировой капиталистической системы, так и человечества в целом. Одним из методологических средств осмысления специфики отдельных фаз капиталистического развития является взгляд на них сквозь призму конъюнктурного подхода. Ибо каждая такая фаза характеризуется уникальной комбинацией социальных, экономических, политических и идеологических черт, определяющей ее специфику. Эта историческая конъюнктура является следствием сочетания в данных конкретно-исторических условиях процессов различного масштаба и длительности, и как действующая причина определяет основные тенденции общественного развития в течение всей фазы [1; 2]. Историческая конъюнктура возникает на основе действия структурно-исторических тенденций развития капитализма, которые всякий раз действуют в новых исторических условиях. Последние опосредуют их действие, что порождает различные конкретно-исторические формы их проявления [3].

Особенность и специфика нынешнего состояния современного – неолиберального – мирового капиталистического порядка (МКП) заключается в том, что оно характеризуется наложением кризисных тенденций различного масштаба и длительности. Из указанных тенденций, которые будут определять ход процессов и событий в среднесрочной перспективе, следует выделить:

1) мировой финансово-экономический кризис (политэкономический аспект кризиса МКП);

2) кризис проекта неолиберального глобализма (политико-идеологический аспект кризиса МКП);

3) кризис гегемонии США и становление полицентричной геополитической системы (геополитический аспект кризиса МКП).

Эти три взаимосвязанных аспекта нынешнего глобального кризиса являются результатом противоречий, которые вызревали на протяжении тридцати лет существования и эволюции неолиберальной конфигурации МКП.

Что касается текущего мирового финансово-экономического кризиса, то он не является кратковременной, хотя и глубокой рецессией. Его сущность заключается в том, что он представляет собой распад основной несущей конструкции, на которой основывался неолиберальный МКП. Таковой выступал неолиберальный экономический режим, который может быть назван финансово-спекулятивным, поскольку основой процесса накопления капитала здесь выступает экспансия финансового капитала. Переход к этому финансово-спекулятивному режиму накопления привел к значительным структурным изменениям в мировом капитализме и породил ряд существенных диспропорций в мировой экономике. Одним из следствий финансово-спекулятивного режима накопления стал гипертрофированный рост финансового сектора по сравнению с так называемой реальной экономикой. Как отмечает американский марксист-экономист П. Суизи, если в 1970-х гг. сохранялась старая структура экономики, включавшая в себя производственную систему, обслуживаемую финансовым придатком, то к концу 1980-х гг. она уступила место новой структуре, в которой значительно разросшийся финансовый сектор достиг высокой степени независимости и «расселся сверху лежащей в его основе производственной системы» [4, р. 8].

Показателем этого процесса может служить рост прибылей, извлекаемых посредством финансовых операций. В начале 1980-х гг. в США на финансовый сектор приходилось 8 % суммарной корпоративной добавленной стоимости и 5 % прибылей корпораций (после вычета налогов). Но уже к 2007 г. доля финансовых корпораций в корпоративной добавленной стоимости удвоилась, составив 16 %, а доля в корпоративной прибыли возросла в восемь раз и достигла 41 % [5, р. 33].

Это было прямым результатом того, что накопление капитала оказалось связанным не столько с производительным сектором или предоставлением ему финансовых услуг, сколько с куплей-продажей активов, для чего в огромных количествах привлекался ссудный капитал. Постоянный приток дешевого кредита стал основным источником роста стоимости активов и объемов финансовых операций. Как отмечает профессор Лондонской школы экономики Роберт Уэйд, новая банковская система, возникшая в 1980-х гг., отличалась от прежней тем, что выдача займов предприятиям перестала быть ее главной задачей, а чистая прибыль (разница между процентами, выплаченными

вкладчикам, и процентами, полученными от заемщиков) перестала служить основным источником доходов; им стала торговля финансовыми активами. Банки все в большей степени ориентировались на предоставление кредитов для таких операций в финансовом секторе, как арбитражные сделки, представляющих собой получение прибылей из разницы цен между различными сегментами рынка [5, р. 32]. Экономическая роль государства также была преобразована в соответствии с требованиями финансовой экспансии – его задачей стало обеспечение ликвидности и предотвращение обвала рынков путем предоставления массивных и более дешевых кредитов, чем занимались Федеральная резервная система США и центральные банки других стран. Таким образом, возводилась гигантская финансовая пирамида, связанная с созданием серии мыльных пузырей бумажных активов, каждый из которых был больше предыдущего (торговля акциями, «новая экономика», спекуляции с недвижимостью). А вместе с экспансией кредитного рынка росли и долги. В результате совокупный долг США вырос с отметки 160 % ВВП в конце 1970-х гг. до 350 % ВВП в 2007 г. [6, р. 7, 9]. В апреле 2008 г. совокупный долг США составлял около 53 трлн долларов, что приблизительно равнялось мировому ВВП [7]. В то же самое время долги домохозяйств возросли с 50 % ВВП в 1980 г. до 67 % ВВП в 1997 г. и 100 % ВВП к 2007 г. [6, р. 8]. И, конечно, наиболее быстрыми темпами росли долги финансового сектора (с 22 % ВВП в 1981 г. до 117 % ВВП в 2008 г. [8]), поскольку долговой механизм использовался, прежде всего, для финансирования операций на самом финансовом рынке, а не для увеличения производительного капитала. Эти данные свидетельствуют о той решающей роли, которую финансовый капитал и долговая экономика стали играть в процессе накопления капитала в последние тридцать лет. И, конечно, следует напомнить, что дешевый кредит и рост долгов были основой потребительского бума в США в последние десятилетия. Как неоднократно отмечал Маркс, кредитная система – это то средство, с помощью которого капитал стремится преодолеть пределы, достигнутые его развитием. Она способствует ускорению развития материальных производительных сил и созданию мирового рынка, но в то же время интенсифицирует противоречия системы, делая их насильственный взрыв в форме кризисов более разрушительным.

Этот кризис-трансформация режима накопления охватил всю капиталистическую систему и породил целый ряд новых финансовых институтов и огромную массу новых финансовых инструментов. Данные, характеризующие колоссальное превышение стоимости торговли иностранной валютой над стоимостью мировой торговли товарами и услугами, гигантское накопление финансовых ресурсов в руках финансовых институтов типа хеджинговых, пенсионных и взаимных фондов, страховых компаний, инвестиционных банков, компаний финансового менеджмента, взрывной рост фондовых рынков весьма ярко характеризуют масштабы и роль стратегии увеличения капитала посредством чисто кредитно-денежных манипуляций и сделок. По данным

Р. Уэйда, страховые компании развитых стран обладали в 2006 г. финансовыми активами, составляющими около 14 трлн долларов, а активы пенсионных фондов оценивались в 13 трлн долларов. Для сравнения: сумма кредитов, выданных Всемирным банком за все время его существования, не достигает 1 трлн долларов [9, p. 117].

Размеры спекуляций всеми видами финансовых инструментов – акциями, фьючерсами, деривативами, валютой – потрясает воображение. Фондовые биржи и торговля валютой превратились в гигантские казино, в которых рост количества и стоимости сделок оставляет далеко позади транзакции, связанные с реальной экономикой. Например, в 1975 г. на нью-йоркской бирже ежедневно продавалось 19 млн акций. К 1985 г. их количество выросло до 109 млн, а в 2006 г. уже составляло 1600 млн акций стоимостью 60 млрд долларов. Ежедневная торговля на мировых валютных рынках, осуществляемая с целью получить прибыль из колебаний стоимости национальных валют, достигла за время неолиберальной глобализации фантастических масштабов. В 1977 г. она составляла 18 млрд долларов ежедневно, а в 2006 г. – 1,8 трлн долларов в день. Это означает, что каждые 24 дня объем торговли валютой в долларах достигал уровня всего мирового ВВП за год. В то же самое время годовая стоимость мирового экспорта товаров и услуг составила 6,6 трлн долларов, или 25 млрд долларов в день [6, p. 17]. В 2010 г. ежедневный оборот на мировых валютных рынках по данным Банка международных расчетов составлял около 4 трлн долларов [10, p. 6].

Масса деривативов (производных финансовых инструментов) к 2006 г. составила 283 трлн долларов, превышая шесть совокупных мировых ВВП [6, p. 19]. При этом деривативы составляли лишь часть спекулятивной горы, равной двенадцати совокупным мировым ВВП. Их рост лавинообразно продолжался в последующие годы, превысив к 2008 г. 600 трлн долларов (это сумма, уже в 10 раз превышающая мировое производство). Если к этому добавить остальные виды финансовой спекулятивной деятельности (торговля акциями, фьючерсами, валютой и т. д.), объем глобальной спекулятивной массы составит фантастическую сумму, превышающую 1 квадриллион долларов – почти двадцать мировых ВВП [11]. К середине 2008 г., когда по данным Банка международных расчетов объем деривативов достиг 684 трлн долларов [12], по некоторым оценкам, гипертрофия финансового рынка достигла точки насыщения. В этих условиях достаточно было начаться обрушению спекулятивного рынка недвижимости США, чтобы обрушить всю систему в целом.

Установление режима финансово-спекулятивного накопления привело к тому, что мировая капиталистическая экономика стала напоминать пирамиду, перевернутую основанием вверх. В ней масса фиктивного капитала, представляющего собой претензию на доход, источником которого в конечном итоге является прибавочная стоимость, многократно превосходящего возможности производительного капитала извлечь эту прибавочную стоимость из эксплуатации живого труда. Никогда ранее в истории капитализма не нака-

пливалась такая спекулятивная масса, будь то в абсолютных величинах или в отношении к мировому ВВП. В результате капитализм окончательно приобрел паразитический характер. И это является существенным качественным отличием неолиберального экономического режима от предшествовавших ему. Именно указанное несоответствие между огромной массой накопленного фиктивного капитала и реально производимой прибавочной стоимостью, необходимой для удовлетворения его претензий, является в настоящее время фундаментальной проблемой мировой экономики. Ее разрешение потребует разрушительной перестройки структуры мирового капитализма и демонтажа структур накопления и власти, на которых основывался неолиберальный финансово-олигархический капитализм. Следствием будет длительное депрессивное развитие капитализма, во многом аналогичное тому, которое он переживал в период 1914–1945 гг.

Следует отметить, что хотя кризис ударил в первую очередь по финансовой системе, жизненному центру неолиберального режима накопления, финансовые спекуляции – не столько причина, сколько проявление глубинных противоречий мировой капиталистической системы (МКС). Подлинные истоки современного финансово-экономического кризиса – в структурном кризисе послевоенной модели развития капитализма, выразившейся в фундаментальном кризисе перенакопления капитала, с которым капитализм столкнулся на рубеже 1970-х гг. Установление финансово-спекулятивного режима накопления, осуществленное правящими классами центра МКС под гегемонией финансовой олигархии США, преследовало цель преодолеть этот фундаментальный кризис капитализма и сохранить господствующее положение США. В течение тридцати лет строительство финансовой пирамиды приносило свои плоды. Но теперь отсрочка закончилась, и неразрешенные противоречия вновь стучатся в двери.

Неспособность обеспечить накопление капитала посредством расширенного воспроизводства на устойчивом базисе является причиной того, что неолиберализм основывается на модели, которую Д. Харви назвал изымающим, или обездоливающим, накоплением [13; 14]. В то время как накопление на основе расширенного воспроизводства происходит посредством присвоения вновь созданной стоимости, обездоливающее накопление строится на присвоении уже созданной стоимости, не только прибавочного, но и необходимого продукта, доходя до изъятия у непосредственных производителей необходимых средств существования. Посредством основанных на Вашингтонском консенсусе шоковой терапии и программ структурных адаптаций МВФ–ВБ подобное изъятие общественного продукта, экспроприация эксплуатируемых, было осуществлено атлантическими элитами в 1980-х гг. в Латинской Америке и государствах Африки. Следствием этого стало разрушение местных «средних классов» и погружение этих регионов в нищету, «потерянное десятилетие», как его называли в Латинской Америке. В 1990-х гг. то же произошло в Восточной Европе и на пространстве бывшего СССР, где изъятие

сопровождалось исторически беспрецедентным разрушением производительного капитала, деиндустриализацией и падением научно-технического потенциала, скатыванием региона на положение периферии МКС. Обездоливающее накопление строится главным образом на принуждении, с использованием множества техник, варьирующихся от манипуляций на фондовой бирже и организации долговых кризисов до превращения в объект купли-продажи всевозможных природных ресурсов и открытого вооруженного захвата целых территорий и стран. Финансиализация представляет собой один из способов накопления капитала путем его присвоения, а не создания прибавочной стоимости.

Финансиализация предполагает накачку спекулятивных биржевых пузырей, осуществляемую с помощью эмиссии ничем не обеспеченного доллара. Фактически это означает, что США, чьей национальной валютой являются доллары, обладая монополией на производство мировой валюты, занимая привилегированное положение в мировой финансовой системе, могут скупать реальные ресурсы, товары, услуги, производимые другими странами, за цветную бумагу. Взамен реального богатства, передаваемого этими странами в распоряжение транснационального финансового капитала, США экспортируют инфляцию. Благодаря этому инфляция в самих США удерживается на низком уровне, в то время как в странах, следующих монетаристским рецептам, она находится на высоком уровне. Но далее происходит то, что значительная часть валютной выручки указанных стран возвращается в США и вкладывается в облигации казначейства США. Таким образом, реальное богатство этих стран обменивается на долговые обязательства США, которые снимают фактически две шкуры с периферии мировой экономики. Вот что поддерживает спекулятивные рынки 1980–2000-х гг., спекулятивный рост богатства и уровень потребления в США и, одновременно, позволяет ликвидировать в периферийных странах «избыточные» производственные мощности, оказывающие давление на мировую прибыль, открывает доступ к природным ресурсам деиндустриализированных стран и закрепляет их периферийный статус. Ибо, по мнению многих специалистов, экспорт долларовой инфляции убивает стимулы к накоплению промышленного капитала, консервирует состояние деиндустриализации и индустриально-технической отсталости. Кроме того, неолиберальное изымающее накопление вносит существенный вклад в депопуляцию периферии МКС. Профессор социологии Сорбонны, вице-президент комитета советников Совета по правам человека ООН Жан Циглер заявил в интервью немецкой газете «Junge Welt» (16.11.2012), что неолиберальная экономика убивает людей гораздо эффективнее, нежели германский фашизм. По его словам, если германскому фашизму на уничтожение 56 миллионов человек потребовалось шесть лет, то неолиберальному экономическому порядку это с легкостью удастся чуть больше чем за год с помощью искусственно создаваемого голодомора. В своей книге, французское издание которой носит название «Массовое разрушение – геополитика голода», а немецкое – «Дадим

им поголодать. Массовое разрушение в третьем мире», он говорит о голоде как об «оружии массового поражения», которое используется доминирующими мировыми финансовыми центрами против народов третьего мира ради получения прибыли. В то время как планета с легкостью может обеспечить продовольствием 12 млрд человек, в мире каждый день от голода и отсутствия доступа к чистой воде умирает 37 тыс. человек. И это не вызывается какими-либо объективными причинами, если не считать таковыми организацию экономической системы. «Для народов Юга третья мировая война уже началась», – говорит профессор Циглер. Основными механизмами создания искусственного голодомора, оказывающими влияние на весь мир, он считает создание транснациональными монополиями, вступающими в картельный сговор, биржевого продовольственного спекулятивного пузыря, искусственно вздувающего цены на продовольствие, рост производства биотоплива, долговую удавку стран третьего мира и продвигаемую ВТО политику свободной торговли, разрушающей сельское хозяйство третьего мира [15; 16; 17].

Крах неолиберального режима накопления нанес сокрушительный удар по легитимности англо-американской модели экономического развития, воплотившейся в политике неолиберального глобализма. Это произошло спустя всего семнадцать лет после разрушения Советского Союза, распропагандированного как триумф и показатель жизненной силы глобального капитализма. Фактически мы наблюдаем идеологический крах неолиберального МКП, основанного на идее превосходства системы «свободного рынка» над другими типами хозяйственных систем. В настоящее время неолиберальная идеология уже неспособна убедить массы людей во всем мире в том, что капитализм – наилучший способ решения социальных проблем. Социальные и экономические катастрофы, вызванные движением по пути неолиберального глобализма, подрывают доверие к системе в целом. Это, безусловно, разрушает легитимность мирового капиталистического порядка и легитимность власти его имперского центра, включая институты глобального экономического правления (МВФ, ВБ, ВТО).

Что касается последнего, уникальность нынешней исторической конъюнктуры состоит в том, что мировая экономика достигает дна и вступает в депрессию именно в тот момент, когда гегемония США – имперского центра и главной движущей силы установления неолиберального МКП – сталкивается с наиболее серьезными вызовами за весь период после победы Запада в холодной войне.

Соединенные Штаты утрачивают гегемонию как в экономическом, финансовом, культурно-идеологическом, так и военно-политическом отношении.

Прежде всего, Соединенные Штаты утрачивают первенство как ведущая промышленная держава мира. В то время как в 1945 г. на США приходилось 50 % мирового промышленного производства, в настоящее время их доля в мировом промышленном производстве составляет 22 % и продолжает снижаться. Весьма показательным для этого процесса является банкротство

корпоративного гиганта «General Motors», а также плачевного финансового состояния крупнейшего индустриального центра, автомобильной столицы Соединенных Штатов, выступавшего символом их промышленной мощи – Детройта.

Собственно говоря, гегемония США в период неолиберального МКП, установление которого служило целям ее удержания, основывалась на их беспрецедентной военной мощи и на спекуляции мировой резервной валютой – долларе США. Именно то обстоятельство, что США являются держателем мировой валюты, позволяет им поддерживать дефицит платежного баланса и финансировать свой огромный долг.

Между тем ухудшение позиций американского капитализма в МКС подрывает способность США удерживать свое финансовое доминирование. Последнее все больше ставится под вопрос и все сильнее обозначается тенденция к образованию в мировой экономике протекционистских блоков закрытых валютных зон и перевод межгосударственной торговли на расчеты в национальных валютах.

С другой стороны, обозначилась тенденция «имперского перенапряжения сил» – кризис военно-политического аспекта гегемонии США. Политика строительства Американской империи, как показывают неудачи США в Ираке и Афганистане, а также противостояние США с левыми и национально-популистскими режимами Латинской Америки, терпит провал. При этом отсутствуют признаки того, что США собираются добровольно отказаться от реализации агрессивного глобально-имперского проекта, о чем свидетельствует агрессия НАТО против Ливии, а также спонсирование США салафитско-ваххабитского наступления против Сирии. Тем не менее, как показывает убийство посла США в Бенгази, терпит провал вся американская стратегия переформатирования «Большого Ближнего Востока» посредством использования международных салафитско-ваххабитских структур. «Перенапряжение сил» свидетельствует о фундаментальном разрыве между целями американского империализма и недостаточности для их достижения одного огромного военного потенциала, находящегося в его распоряжении. Кризис неолиберального МКП в данном случае проявляется в том, что американоцентристская геополитическая система трансформируется в полицентрическую. Ныне это открыто признается в докладе Национального разведывательного совета США «Глобальные тенденции до 2030 года: альтернативные миры». Учитывая ситуацию экономической депрессии, это означает, что нас ожидает весьма конвульсивный период исторического развития.

Суммируя все вышесказанное и используя термин А. Грамши, можно говорить об органическом кризисе неолиберального МКП. Это кризис, охватывающий основные политико-экономические и идеологические структуры данного порядка. Одновременно он предполагает глубокую перестройку господствующих институтов и идейных систем. Таким образом, органический кризис неолиберального МКП означает начало нового периода истории, со-

держанием которого будет процесс слома в ходе острой социально-политической борьбы старых экономических, политических, идеологических структур и способов мышления и выбор обществом нового пути развития.

Но и это еще не все. Органический кризис неолиберального капиталистического порядка взаимодействует с долгосрочными кризисными тенденциями капитализма (экологический, энергетический, продовольственный, урбанистический кризисы и кризис занятости), ведущими к резкому сокращению социальных, экономических и экологических резервов экспансии капитализма как исторической системы. Непосредственным результатом этого взаимодействия будет то, что долгосрочные кризисы будут сильно затруднять действие обычных механизмов вывода капитализма из экономической депрессии. В итоге наложение долгосрочных и среднесрочных кризисных тенденций исторического капитализма делает его нынешнюю фазу развития потенциально наиболее опасной фазой в истории человеческой цивилизации вообще.

Литература

1. *Callinicos, A.* Epoch and Conjuncture in Marxist Political Economy / A. Callinicos // *International Politics*. – 2005. – Vol. 42. – P. 353–363.
2. *Rosenberg, J.* Globalization Theory: A Post Mortem / J. Rosenberg // *International Politics*. – 2005. – Vol. 42. – P. 2–74.
3. *Малюк, А.* Теоретико-методологические проблемы исследования современного глобального кризиса / А. Малюк // *Социология: теория, методы, маркетинг*. – 2012. – № 4. – С. 22–50.
4. *Sweezy, P.* Economic Reminiscence / P. Sweezy // *Monthly Review*. – 1995. – May. – P. 1–11.
5. *Wade, R.* The First-World Debt Crisis of 2007–2010 in Global Perspective / R. Wade // *Challenge*. – 2008. – Vol. 51, N 4. – P. 23–54.
6. *Magdoff, F.* The Explosion of Debt and Speculation / F. Magdoff // *Monthly Review*. – 2006. – November. – P. 1–23.
7. *Beinstein, J.* The Collapse of the Center of the World [Электронный ресурс] / J. Beinstein. – Режим доступа: http://www.observatoriocrisis.org/readarticle_EN.php?article_id=43 (2009 a).
8. *Brooks, M.* The Economic Crisis and the Poor Countries [Электронный ресурс] / M. Brooks. – Режим доступа: – <http://www.marxist.com/economic-crisis-and-poor-countries.htm>. (2009).
9. *Wade, R.* Choking the South: World Finance and Underdevelopment / R. Wade // *New Left Review*. – 2006. – N 38. – P. 115–127.
10. Bank for International Settlements. Triennial Central Bank Survey. Report on global foreign exchange market activity in 2010 [Электронный ресурс] / Bank for International Settlements. – Режим доступа: <http://www.bis.org/publ/rpfx10t.pdf>. (2010).
11. *Beinstein, J.* Seven Faces of the Crisis [Электронный ресурс] / J. Beinstein. – Режим доступа: http://www.observatoriocrisis.org/readarticle_EN.php?article_id=56 (2009 b).
12. Bank for International Settlements. OTC Derivatives Market Activity in the first half of 2008 [Электронный ресурс] / Bank for International Settlements. – Режим доступа: <http://www.bis.org/press/p081113.htm9>. (2008).
13. *Harvey, D.* New Imperialism / D. Harvey. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 253 p.
14. *Harvey, D.* A Brief History of Neoliberalism / D. Harvey. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 247 p.
15. *O'Neill, S.* Hunger is a 'Weapon of Mass Destruction', says Jean Ziegler [Электронный ресурс] / S. O'Neill. – Режим доступа: axisoflogic.com/artman/publish/printer_64266.shtml. (2012).
16. *Ziegler, J.* 'We let them starve' [Электронный ресурс] / J. Ziegler. – Режим доступа: <http://www.guardian.co.uk/world/poverty-matters/2012/oct/05/jean-ziegler-africa-starve> (2012 a).

17. Ziegler, J. 'Für die Völker des Südens hat der dritte Weltkrieg längst begonnen' [Электронный ресурс] / J. Ziegler. – Режим доступа: <http://www.jungewelt.de/2012/11-16/053.php?sstr=Ziegler> (2012 b).

A. MALYUK

THE MAIN TENDENCIES OF THE CRISIS OF THE CONTEMPORARY GLOBAL CAPITALIST ORDER

Summary

This paper describes the experience of applying of the methodology of long-term historical conjuncture approach against the historical period of formation of conditions and preconditions in the contemporary global financial and economical crisis. It is argued that capitalist system faced structural crises at the turn of the 1970s. As a political and economic response to the crises transnational capitalist elites chose neoliberal transformation of postwar accumulation regime. The neoliberal transformation failed to overcome the structural crises of capitalism and it contributed to the sharpening of its contradictions. As a result the capitalist system faced a new manifestation of the structural crisis now.

Keywords: global crises, capitalism, long-term historical conjuncture, globalization, neoliberalism, K. Marx.

Поступила 27.06.2013 г.

В. А. БУТКАЛЮК,

кандидат социологических наук,

Институт журналистики и международных отношений

Киевского национального университета культуры и искусств, г. Киев

КРАХ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ «ГОСУДАРСТВА БЛАГОСОСТОЯНИЯ»

Статья посвящается исследованию теоретического обоснования и практического становления «государства благосостояния» на Западе. Особое внимание в ней уделяется анализу различных моделей и основных характеристик «государства благосостояния», показывается влияние неолиберальной глобализации и первого глобального финансово-экономического кризиса на социальную политику стран Запада.

Ключевые слова: уровень жизни, качество жизни, благосостояние, «государство благосостояния», глобальный финансово-экономический кризис.

Социальные стандарты, достигнутые «государствами благосостояния» на Западе после Второй мировой войны, часто приводятся властями на постсоветском пространстве в качестве образца для подражания. Обещания «европейского уровня и качества жизни» широко используются многими политиками для получения и удержания власти в Украине. Однако в последнее время в научном и политическом дискурсе все чаще появляются признания, свидетельствующие о том, что теория и практика «государства всеобщего благосостояния» терпят крах. Демонтаж последнего существенно ускорился под воздействием первого в истории человечества глобального финансово-экономического кризиса. Новая Великая рецессия 2008–2009 гг. до основания потрясла устои капиталистической экономики и вынудила европейские страны пойти на постепенное свертывание идей социально ориентированного государства и начать резкое сокращение или даже полное упразднение многих социальных программ и гарантий. В условиях нынешнего высокого уровня безработицы и роста «нестандартной занятости» такая социальная политика повлекла за собой снижение уровня жизни подавляющей части населения во всех странах Европейского союза (ЕС), в который так стремится войти Украина.

Чтобы дать объективную научную оценку положению дел в названной сфере социальной политики в странах ЕС, на наш взгляд, следует в первую очередь рассмотреть некоторые исторические аспекты формирования теории и становления практики «государства благосостояния».

Как известно, большинство современных интегративных оценок благосостояния человека было разработано в западных социальных науках в основном после Второй мировой войны в рамках популярных в то время теорий «социального благосостояния» и «государства благосостояния». В американском «Словаре социальной работы» *социальное благосостояние* определяется как национальная система программ, льгот и услуг, помогающих людям противостоять психологическим, социальным и экономическим критическим ситуациям, которые являются существенными для обеспечения благополучия индивидов и общества [1, р. 15]. В более широком смысле термин «социальное благосостояние» обозначает такие желательные для общества цели: полная занятость; система налогообложения, основанная на способности платить; перераспределение дохода с целью уменьшения неравенства в богатстве и доходе; чистая окружающая среда; рынок труда, предоставляющий возможность индивиду продвигаться по службе на основании системы заслуг; высокий уровень общественных услуг; благоприятные возможности учредить собственное предприятие и аккумулировать справедливую долю созданного богатства [2, р. 313]. Реализация этих программ должна способствовать повышению социального благосостояния человека и, в конечном итоге, улучшению качества жизни населения в «государстве благосостояния».

Благосостояние – это, по сути, обеспеченность людей материальными и духовными благами, необходимыми для жизни. Оно зависит от уровня развития производительных сил и характера производственных отношений, которые играют главную роль в формировании благосостояния населения. Поэтому следует подчеркнуть, что не всякий экономический бум, который зачастую сводится только к темпам роста, измеряемого в терминах реального душевого валового внутреннего продукта (ВВП), ведет к повышению и улучшению социального благосостояния людей.

Ибо благосостояние в мире капитала не столько зависит от величины «экономического пирога» (ВВП), созданного производительными силами, сколько от принципов его распределения в рамках капиталистических производственных отношений. В доказательство этого можно сослаться на то, что в настоящее время в США верхнему 1 % населения принадлежит 36 % национального богатства, что превышает совместное богатство нижних 95 % американцев. 400 самых богатых индивидов в США обладают большим богатством, чем нижних 150 млн американцев. В середине 1970-х гг. верхний 1 % в США получал 8 % всего национального дохода, к 2010 г. его доля в доходе страны выросла до 21 % [3].

Термин «государство благосостояния» был впервые введен в оборот лейбористским правительством Великобритании (1945–1950), а затем получил широкое распространение в западноевропейских и скандинавских странах. Понятие «государство благосостояния» обозначает политическую систему, принимающую на себя государственную ответственность за защиту и обеспечение социальной безопасности и благосостояния своих граждан на протя-

жении всей жизни [4, р. 905]. На основании обобщения исторического и эмпирического материала шведский экономист и социолог Г. Эспинг-Андерсен выделил три типа «государства благосостояния» [5, с. 316–318]: неолиберальный, социально-демократический и консервативно-корпоративистский. В рамках этой типологии представлены основные модели социальной политики в экономически развитых странах, а все три типа государств характеризуются уровнем де-коммодификации (широтой социальных прав); стратификацией общества (дифференциацией по доходам), государственным вмешательством (интервенцией).

Неолиберальный (или американский) тип «государства благосостояния» отличается низким уровнем де-коммодификации, высокой стратификацией общества и государственным вмешательством в форме регулирования рынков. *Социально-демократический (скандинавский)* тип характеризуется высоким уровнем де-коммодификации, низкой стратификацией общества и вмешательством государства в форме прямого предоставления финансового обеспечения. *Консервативно-корпоративистский (франко-германский)* тип – высоким уровнем де-коммодификации, высокой стратификацией общества и вмешательством государства в форме прямого предоставления финансового обеспечения и регулирования рынков [5, с. 316–318].

Во время анализа трех типов «государства благосостояния» Г. Эспинг-Андерсеном [6] в 1980-е гг. в Европейском союзе были представлены все три модели социальной политики, однако в нем превалировали консервативные и социально-демократические модели при ограниченном распространении либеральной модели. С тех пор в рамках ЕС произошли значительные социально-экономические изменения, которые поставили на повестку дня вопрос, «способны ли европейцы поддерживать их высокий уровень социальных расходов или они должны согласиться с радикальным демонтажем государства благосостояния, на который зачастую ссылаются как на “неолиберальный” путь, негативным примером которого обычно служат США» [7, р. 7–8]. Дрейф в сторону сокращения социальной защиты в ЕС в значительной мере обусловлен тем, что в настоящее время ВВП на душу населения, проживающего в наиболее богатых странах ЕС (исключая Люксембург), в три раза выше, чем ВВП на душу населения, обитающего в менее богатых странах ЕС. В этом контексте не приходится удивляться колоссальной разнице в расходах на социальную защиту в старых и новых членах ЕС. Так, например, расходы на социальную защиту в расчете на душу населения в Дании, Австрии, Нидерландах, Германии и Франции от 3 до 4 раз выше, чем в Венгрии и Словакии [7, р. 9–10]. Вполне понятно, что чем ниже государственные расходы на нужды социального обеспечения населения, тем ниже его уровень и качество жизни.

Заслуживает внимания также типологизация режимов «государства благосостояния» в соответствии с господствующими в разных западных странах политическими традициями, так как именно политические силы оказывают основное влияние на источники налогообложения, размер общественных рас-

ходов на образование, здравоохранение и благосостояние, а также на занятость в общественном секторе. Согласно названной классификации, «государства благосостояния» в развитых капиталистических странах подразделяются на следующие четыре основные группы: 1. *Страны с социал-демократическими традициями* (Австрия, Дания, Норвегия, Финляндия, Швеция); 2. *Страны с христианско-демократическими традициями или с консервативными традициями, опирающимися на христианские ценности* (Бельгия, Германия, Италия, Нидерланды, Франция, Швейцария); 3. *Страны с либеральными традициями* (Ирландия, Канада, Соединенное Королевство, Соединенные Штаты, Япония); 4. *Бывшие диктаторские консервативные южноевропейские страны* (Греция, Испания, Португалия [8, р. 28–31]. Особенности «государства благосостояния», и, следовательно, социальные стандарты в каждой из названных четырех групп стран обусловлены действующими в них «режимами капитализма всеобщего благосостояния».

Следует отметить, что становление «государств благосостояния» в западных странах было, с одной стороны, результатом упорной борьбы трудящихся за повышение жизненного уровня, а с другой – ответом правящих кругов Нового и Старого света на вызовы мировой социалистической системы, которая в первые десятилетия после Второй мировой войны демонстрировала высокие темпы экономического роста и повышения материального благосостояния народов. «Новый курс в Соединенных Штатах и послевоенных европейских государствах благосостояния были частично результатом объединения социальных сил, продвигающих введение новых ограничений на функционирование рынков и пересмотр отношений между индивидами и обществом» [9, р. 15], – отмечает британская исследовательница Рей Пейтел.

Тот достаточно высокий уровень благосостояния, который был достигнут странами Запада в рамках «государства благосостояния», – это не сентиментальное желание бизнеса и правящей элиты поделиться своими доходами с более бедными слоями населения, а всего лишь «компромисс между трудом и капиталом в специфической исторической ситуации» [10, р. 192], на который вынуждены были пойти правительства и бизнес под сильным давлением боевого массового рабочего движения.

В «славное послевоенное тридцатилетие» в капиталистическом мире (1945–1973), когда кейнсианство занимало центральное место в экономической политике США и других стран Запада, повышение социальных стандартов жизни было провозглашено одной из функций *социального государства* посредством формирования и претворения в жизнь социальной политики, направленной на удовлетворение потребностей населения. В этом контексте необходимо отметить, что смена кейнсианской парадигмы экономического роста на неолиберальную модель в 1980-е гг. и постепенное втягивание капиталистической экономики в глобальный финансово-экономический кризис в начале XXI в. повлекли за собой свертывание многих функций социального государства, в том числе в области повышения качества жизни. Как подчер-

кивается в Докладе Комиссии финансовых экспертов ООН за 2010 год, «неспособность финансовых рынков выполнять свои важнейшие функции привела к серьезному снижению уровня благосостояния и экономическому спаду» [11, с. 122].

Профессор социологии Калифорнийского университета в Беркли и исследователь Центра европейской социологии в Париже Л. Уэйкквант считает, что нынешний кризис «государства благосостояния» является прямым следствием неолиберальной экономической политики, получившей широкое распространение на Западе на исходе XX в. В отличие от преобладающих концепций неолиберализма, являющихся по существу экономическими, Л. Уэйкквант определяет неолиберализм как *транснациональный политический проект*, который «приводится в исполнение новым глобальным правящим классом, находящимся в процессе формирования и состоящим из глав и старших исполнительных лиц транснациональных фирм, высокопоставленных политиков, государственных менеджеров, высших официальных лиц международных организаций (ОЭСР, ВТО, МВФ, Всемирный банк, Европейский союз), а также работающих на них культурно-технических экспертов» [12].

В настоящее время страны ЕС вовлечены в процесс реформирования сложившихся в них после Второй мировой войны «государств благосостояния» и создания новой европейской модели, совмещающей «благосостояние с экономической эффективностью и приспособляемостью к новым вызовам» [13, р. 22]. В ходе названного реформирования в странах – членах ЕС происходит «переход от идеологии традиционного государства благосостояния к идеям так называемого государства социального инвестирования» [14, р. 681]. Эти идеи выдвинуты авторами «третьего пути» как альтернативы капитализму и коммунизму премьер-министром Великобритании Т. Блэром и федеральным канцлером Германии Г. Шредером в их совместной декларации 1998 г. Весомый вклад в разработку и популяризацию концепции «третьего пути» с учетом современных вызовов, связанных с глобализацией, индивидуализмом, новыми изменениями в технологической сфере и окружающей среде, трансформацией ценностей и образов жизни внес известный британский социолог Энтони Гидденс. «Таким образом, – как отмечает нидерландский политолог Г. Кеман, – подход «третьего пути» поддерживает смену традиционного благосостояния – или государства социальной безопасности – государством социального инвестирования» [14, р. 673].

На протяжении последних лет, особенно с началом втягивания экономик стран Европейского союза в первый глобальный финансово-экономический кризис, многие обязательства всех вышеописанных моделей государства социального благосостояния были или полностью ликвидированы, или существенно урезаны. Многие исследователи в своих публикациях отмечают наличие кризиса теории и практики «государства благосостояния» в современном мире [15; 16]. Так, Клаус Буш подчеркивает, что демонтаж европейских государств всеобщего благоденствия особенно четко виден, если анализировать

ситуацию за последние два десятилетия через призму нескольких составляющих элементов, в частности, демографических изменений, кризиса занятости, государственного долга. Анализ динамики социальных пособий, начиная с середины 1990-х гг., показывает, что во многих странах ЕС (Дании, Эстонии, Финляндии, Ирландии, Латвии, Литве, Нидерландах, Словакии, Испании, Швеции и Великобритании) демонтаж «государства благосостояния» уже обозначился в макроданных. Основной движущей силой этих преобразований являются реформы пенсионной системы и системы здравоохранения, на которые приходилось 70–80 % всех социальных расходов государства [15, р. 7]. На самом деле, в последние несколько лет по Европе прокатилась волна реформ в пенсионной и медицинской сферах. И, несмотря на достаточно массовые и даже радикальные протесты населения, правительствам удалось провалить принятие данных реформ, которые заключались в резком сокращении финансирования медицины, снижении размера пенсий и повышении пенсионного возраста. Так, за последние годы в наиболее кризисных странах Европы пенсии были сокращены до 15–20 %, уровень зарплаты в госсекторе сократился от 5 % (Испания) до более чем 40 % (в странах Балтийского региона) [10, р. 191–192].

Безусловно, глобальный кризис нанес сильный удар по экономике стран Европы и намного ускорил процесс демонтажа социальных программ в данных странах. Однако, как справедливо отмечается в вышедшей в 2012 г. монографии «Взлет и падение государства всеобщего благосостояния», деструктивный эффект от перехода к неолиберальной политике был намного большим, чем тот, который оказал кризис, начавшийся в 2007 г. Более того, не нужно забывать, что «кризисы – естественная часть системы капитализма, его природы» [17, р. 48].

Ситуация в странах Европы начала обостряться задолго до нынешнего глобального кризиса. С 1970-х гг. проблемы безработицы и социального обеспечения нарастали медленно, но они уверенно приближали все западное «общество изобилия» и «государства благоденствия» к неминуемому краху. Как отмечают аналитики Института мировой экономики и международных отношений РАН, устойчивая безработица превратилась в проблему в странах Европы, начиная с 70-х гг. XX в. А уже в 1994 г. безработица в 15 странах Евросоюза превышала 11 % [18, с. 133].

В последние годы правительства стран ЕС вводят меры жесткой экономики, пытаясь посредством «затягивания поясов» уменьшить дефицит государственных бюджетов и таким образом вытянуть свои страны из кризиса. Эти меры, ограничивающие роль государства в обеспечении благосостояния, сокращают государственные расходы и общественные услуги, приводят к снижению уровня потребления и, соответственно, к падению уровня жизни подавляющей части населения. Многие ученые достаточно скептически относятся к проводимым реформам правительств европейских стран и считают, что они не способны спасти экономики данных стран, а лишь усугубить по-

ложение. Так, эксперты ПРООН в своем последнем Докладе о человеческом развитии-2013 утверждают, что данные жесткие программы экономии стран Европы «не только становятся причиной многих затруднений для их собственных граждан, но к тому же подрывают перспективы человеческого развития миллионов других людей по всему миру» [19, с. 21]. Более того, в данном докладе отмечается, что продолжение данного курса приведет к еще большему росту безработицы, а в долгосрочной перспективе – к ухудшению состояния здоровья населения, качества рабочей силы, состояния научных исследований и инноваций. Опыт прошлого показывает, что наилучшее время для сокращения дефицита наступает после возобновления экономического роста. Дж. М. Кейнс почти 75 лет назад охарактеризовал это следующим образом: «Именно период бума, а не резкого спада, является лучшим временем для мер экономии» [19, с. 21].

Одной из самых больших проблем экономик сегодня является безработица. Международная организация труда (МОТ) в Докладе за 2013 г. отмечает, что проблемы на рынке труда продолжают носить острый характер, рост безработицы продолжается. Эксперты МОТ в 2012 г. зафиксировали уровень глобальной безработицы в 197 млн человек и прогнозируют его дальнейший рост. По данным МОТ, число безработных во всем мире вырастет на 5,1 млн в 2013 г. и составит более чем 202 млн, и еще на 3 млн в 2014 г. [20, р. 9].

Особенную тревогу вызывает высокий уровень безработицы среди молодежи. Являясь наиболее активной частью населения, молодежь фактически исключена из экономической жизни страны и лишена не только возможности работать сегодня, но и реализовать свой трудовой потенциал в будущем. Так, в Докладе МОТ отмечается, что проблема безработицы среди молодежи является очень болезненной в Европе. «Молодая» безработица здесь продолжает расти и уже достигла более чем 50 % в таких странах, как Греция и Испания и более 22 % в зоне евро в целом [20, р. 47].

Как видим, глобальный финансово-экономический кризис привел к огромным потерям на рынке труда и, как отмечают эксперты РАН, «за короткий срок похоронил многие достижения политики занятости за предшествующее десятилетие» [18, с. 134].

О непростом положении в странах Евросоюза свидетельствуют и результаты социологического опроса населения. Так, в январе 2013 г. 72 % опрошенных французов полагали, что этот год будет хуже предыдущего с точки зрения покупательной способности всего населения, 64 % – их личной покупательной способности, 69 % – в плане борьбы с безработицей [21, с. 96].

Достаточно показательны и результаты социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Украины в рамках общеевропейского мониторингового проекта «Европейское социальное исследование (ESS)», в котором принимают участие более 20 стран Европы. Так, согласно исследованию за 2011 г. при ответе на вопрос «Насколько Вы удовлетворены сегодняшним положением экономики в стране?» (0 – совсем не удовлетворен,

10 – полностью удовлетворен) были получены следующие результаты: Бельгия – 5,04, Болгария – 2,38, Англия – 3,49, Греция – 1,34, Дания – 5,4, Ирландия – 2,52, Испания – 2,74, Португалия – 2,38, Франция – 3,36, Хорватия – 2,55 [22, с. 37]. 27,7 % респондентов Греции отметили, что при их доходе они испытывают серьезные материальные трудности, такой же ответ был получен от 36,4 % респондентов в Болгарии, 15,9 % респондентов в Венгрии, 9,6 % – в Ирландии, 12 % – в Португалии [22, с. 41].

Сегодня уже является очевидным, что попытка западных стран построить «государства всеобщего благосостояния» в рамках капиталистической системы потерпела крах. В этом контексте авторы книги «Новые факторы глобального и регионального развития: обострение этносоциокультурных противоречий» отмечают: «Социальное государство, это порождение индустриальной эпохи, пыталось адаптироваться к новым условиям, выдвигались концепции “третьего пути”, социальной ответственности бизнеса. Но они больше остались лозунгами, чем реальностью. Не нашел решения вопрос финансового обеспечения политики социального государства» [21, с. 111]. Причиной отсутствия экономической основы для финансирования социальных программ является, в первую очередь, неравное распределение доходов в сфере общественного производства, обусловленное самой сущностью капиталистической системы и наличием частной собственности. И если, проводя политику кейнсианства, западные экономики могли осуществлять финансирование ряда социальных программ в рамках теории «государства благосостояния» и существенно повысить благосостояние своих граждан, то с переходом к неолиберальной экономической модели это стало невозможным и привело к демонтажу и краху «государства всеобщего благосостояния». На это обращают внимание зарубежные исследователи социальной политики стран Европы, говоря о том, что «проблема бедности не может быть решена в рамках неолиберализма» [17, p. 170].

В попытке найти выход из исторического тупика, к которому привела неолиберальная модель экономики, в 2010 г. в Евросоюзе был принят документ, определяющий дальнейшую политику этого объединения на ближайшие 10 лет, – «Европа-2020». Эта стратегия охватывает акции, направленные на повышение благосостояния в Европе. Анализ данного документа позволяет говорить о существенных проблемах в странах ЕС, которые существуют сейчас, согласно стратегии их попытаются устранить в ходе ближайшего десятилетия (что вызывает большой скепсис у многих экспертов), и которых не должно было бы быть, если бы теория «государства всеобщего благосостояния» на самом деле работала, как о том заявлялось ранее. В частности, в главных целях данной стратегии значатся: «достижение 75-процентной занятости для населения в возрасте от 20 до 64 лет», «сокращение на 20 млн числа лиц, находящихся на грани или за гранью нищеты и социальной отверженности», «снижение ниже 10 % числа школьников, покидающих школу с неполным средним образованием» [23]. Таким образом, сегодня Европа пыта-

ется решить такие проблемы (массовая безработица, безграмотность, нищета, отверженность и т. д.), которых априори в «государстве благоденствия» быть не должно, тем более сегодня, когда производительные силы общества находятся на достаточно высоком уровне, способном (при условии отсутствия поляризации доходов) обеспечить безбедное существование для всего населения.

Однозначного ответа на вопрос, когда и каким будет выход из кризиса, не существует. По этому поводу некоторые эксперты отмечают опасность возможного варианта перехода власти к правым авторитарным режимам, способным ввергнуть мир в новую мировую войну. В качестве аргументов возможности такого развития событий приводятся аналогии с периодом Великой депрессии 1930-х гг., завершением которого стала самая кровавая в истории человечества Вторая мировая война [21, с. 7]. Эксперты отмечают, что после начала глобального кризиса во многих странах Запада существенно усилились националистические, расистские и ксенофобские настроения. «Глобальный финансовый и экономический кризис 2008–2009 гг. не только существенно сократил экономические показатели развития, но и резко обострил многие этнические, социальные и культурные проблемы практически во всех регионах мира, что в целом способствовало значительному усилению этносоциокультурных конфликтов.... Так, во многих странах ЕС... усилились национализм и сепаратизм, возникли противоречия между странами Северной и Центральной Европы (Германия, Франция, Великобритания, скандинавские страны), с одной стороны, и странами Южной Европы (Греция, Португалия, Испания, Италия), с другой» [21, с. 11].

Демократическое разрешение нынешнего кризиса, по мнению ученых, возможно благодаря изменению баланса сил в обществе, что требует массовой мобилизации трудящихся. Это произойдет только в том случае, если классовые профсоюзы и другие прогрессивные социальные движения будут достаточно сильны, чтобы представлять угрозу для существующего экономического порядка, спекулянтов и их политических лидеров. Именно от этого зависит дальнейшее развитие событий: «или профсоюзам, рабочим и общественным движениям удастся защитить социальный прогресс, полученный в результате политики “государства всеобщего благосостояния”, или они рискуют остаться с правыми авторитарными сторонниками “жесткой руки” в социально деградированной Европе» [10, р. 193]. Вполне понятно, что развитие событий в соседней Европе в русле последнего мрачного сценария представляет собой прямую угрозу всем трем братским славянским народам на постсоветском пространстве.

Литература

1. *Macarov, D. Social Welfare: Structure and Practice* / David Macarov. – Thousand Oaks, California: Sage Publications, 1995. – 341 p.
2. *Crane, D. A Dictionary of Canadian Economics* / David Crane. – Edmonton, Alberta: Hurtig Publishers, 1980. – 372 p.

3. *Marshall, A. G.* Global Power Project, Part 1: Exposing the Transnational Capitalist Class / Andrew Gavin Marshall / August 03, 2013 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.zcommunications.org/global-power-project-part-1-exposing-the-transnational-capitalist-class-by-andrew-gavin-marshall>. – Date of access: 03.08.2013.
4. The Harper Dictionary of Modern Thought. New and Revised Edition / ed. by A. Bullock and S. Trombley; assisted by B. Eadie. – N. Y.: Harper and Row Publishers, 1977. – 917 p.
5. *Сидорина, Т. Ю.* История и теория социальной политики: учеб. пособие / Т. Ю. Сидорина. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2010. – 549 с.
6. *Esping-Andersen, G.* The Three World of Welfare Capitalism / G. Esping-Andersen. – Princeton: Princeton University Press, 1990. – 248 p.
7. *Werner, W.* The European Social Model: Cause of, or Solution to, the Present Crisis of the European Union? / W. Werner // *Intereconomics*. – 2006. – January/February. – P. 4–14.
8. *Navarro, V.* Is Globalization Undermining the Welfare State? The Evolution of the Welfare State in Developed Countries during the 1990s / Vicente Navarro, John Schmitt, Javier Astudillo // *Neoliberalism, Globalization, And Inequality: Consequences for Health and Quality of Life* / ed. by V. Navarro. – Amityville, N. Y.: Baywood Publishing Company, Inc., 2007. – 506 p.
9. *Patel, R.* The Value of Nothing: How to Reshape Market Society and to Redefine Democracy / Ray Patel. – London: Portobello Books Ltd., 2009. – 250 p.
10. *Wahl, A.* Austerity Policies in Europe: There Is No Alternative / Asbjørn Wahl // *Global Labour J.* – 2012. – Vol. 3, iss. 1. – P. 191–193.
11. Доклад Стиглица. О реформе международной валютно-финансовой системы: уроки глобального кризиса. Доклад Комиссии финансовых экспертов ООН. – М.: Междунар. отношения, 2010. – 328 с.
12. *Mandell, B. R.* The Crime of Poverty / Betty Reid Mandell // *New Politics* – Winter 2011 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://newpol.org/node/395>. – Date of access: 10.02.2011.
13. *Aiginger, K.* The Ability to Adapt: Why It Differs Between the Scandinavian and Continental European Models / Karl Aiginger, Alois Guger // *Intereconomics*. – 2006. – January/February. – P. 14–23.
14. *Keman, H.* Third Way and Social democracy: The Right Way to Go? / Hans Keman // *British J. of Political Science*. – 2011. – July. – P. 681–692.
15. *Busch, K.* World Economic Crisis and the Welfare State / Klaus Busch // *Friedrich-Ebert-Stiftung International Policy Analysis*. – Berlin, 2010.
16. *Batić, J.* Crisis of the Welfare State in the European Union. Megatrend Review / Jelena Batić // *Graduate School of International Economy, Megatrend University, Beograd*. – 2011. – Vol. 8 (2). – P. 141–168.
17. *Wahl, A.* The Rise and Fall of the Welfare State / Asbjørn Wahl; translated by J. Iron. – 2012 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://ru.scribd.com/doc/126144307/The-Rise-and-Fall-of-the-Welfare-State-pdf>. – Date of access: 21.06.2013.
18. *Стержнева, М. В.* Управление экономикой в Европейском союзе: институциональные и политические аспекты / М. В. Стержнева, И. Л. Прохоренко. – М.: ИМЭМО РАН, 2013. – 155 с.
19. Доклад о человеческом развитии 2013. Возвышение Юга: человеческий прогресс в многообразном мире. – ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://hdr.undp.org/en/media/HDR_2013_RU.pdf. – Дата доступа: 24.05.2013.
20. Global employment trends 2013: Recovering from a second jobs dip / International Labour Office. Geneva: ILO. [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_202326.pdf. – Date of access: 15.06.2013.
21. Новые факторы глобального и регионального развития: обострение этносоциокультурных противоречий / под ред. Е. Ш. Гонтмахера, Н. В. Загладина, И. С. Семененко. – М.: ИМЭМО РАН, 2013. – 119 с.

22. Головаха, Є. Тенденції соціальних змін в Україні та Європі: за результатами «Європейського соціального дослідження» 2005–2007–2009–2011 / Є. Головаха, А. Горбачик. – Київ: Ін-т соціології НАН України, 2012. – 119 с.

23. The 5 targets for the EU in 2020 [Electronic resource]. – Mode of access: http://ec.europa.eu/europe2020/europe-2020-in-a-nutshell/targets/index_en.htm. – Date of access: 21.01.2013.

V. A. BOOTKALYUK

THE COLLAPSE OF THE THEORY AND PRACTICE OF «WELFARE STATE»

Summary

The article is devoted to the research of theoretical justification and practical formation of «welfare state» in the West. The special attention is given to the analysis of various models and the basic characteristics of «welfare state» and the effect of neoliberal globalization and the first global financial and economic crisis on the social policy of Western countries is shown.

Keywords: standard of living, quality of life, well-being, «welfare state», global financial and economic crisis.

Поступила 09.09.2013 з.

Н. В. ТОЛСТЫХ,

*кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Украины, г. Киев*

СОЦИАЛЬНЫЕ ОРИЕНТИРЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

В статье рассматриваются основные тенденции развития современной экономики и социальный эффект от экономического роста. Главной целью роста экономики является создание условий для всестороннего развития человека. Для достижения этой цели необходим переход мира на новую модель развития, основанную на справедливом обеспечении достойных условий жизни для всего человечества.

Ключевые слова: экономический рост, социальная эффективность, Цели развития тысячелетия.

К началу третьего тысячелетия экономический рост и технический прогресс достигли невиданных ранее масштабов, что, однако, не смогло предотвратить глобальный экономический кризис, который имеет более глубокие причины, чем непосредственно вызвавшие его дисбалансы в финансовой сфере. Глобальный экономический кризис стал следствием неэффективности главенствующей сегодня в мире неолиберальной экономической модели, главной целью которой является увеличение финансовых показателей экономики стран и находящегося в частных руках богатства. Вне этой логики капиталистического накопления остаются проблемы реального обеспечения необходимых потребностей населения планеты, которые современная глобальная экономика, построенная на неолиберальных принципах, решить не смогла.

В настоящее время экономическая и социальная теория основывается на утверждении, что если экономика растет, то и общество движется в направлении благоденствия. С этим утверждением нельзя не согласиться, но ошибочно на нем останавливаться и не ставить вопрос о движущих силах экономического развития и распределении его результатов. Экономический рост не всегда сопровождается социальным прогрессом. Более того, он может иметь высокие социальные издержки, а его результаты – распределяться несправедливо. Именно такая ситуация сложилась накануне глобального экономического кризиса, когда при наличии всех необходимых ресурсов и возможностей большая часть населения планеты оставалась на обочине экономического, человеческого и социального развития.

Ограничения подхода, основанного на сведении социального прогресса к экономическому росту, можно увидеть в современной экономической тео-

рии, основанной на формальных допущениях там, где обществоведы обнаруживают узлы нерешенных социальных проблем. Например, потребление человека в экономической теории объясняется выбором или предпочтениями платежеспособных рыночных акторов, главная цель которых состоит в конечном итоге в увеличении индивидуальной полезности или выгоды. Культурные и моральные нормы, социальная безопасность, предполагающие доступ к источникам потребления не только наиболее платежеспособным потребителям, но и представителям социально незащищенных групп, находится за пределами неоллиберальной экономической теории. Частично данное противоречие снималось самой экономической теорией, чувствовавшей свою ограниченность, в концепции общественных благ, которая была попыткой выйти из тупика ограничений, диктуемых логикой максимизации индивидуальной выгоды. Но даже придание концепции общественных благ статуса составной части экономической теории не решало системной задачи выхода экономической науки на уровень анализа повышения благосостояния всего общества, не сводимого к сумме индивидуальных выигрышей отдельных его членов.

Схожим образом и методология измерения общественного прогресса как экономического роста обнаруживает свои недостатки. Экономический рост исчисляется как увеличение обобщающих стоимостных показателей, таких как национальный доход, валовой внутренний продукт и т. д. Суммируем их ограничения для анализа социальных явлений и процессов. Обобщающие стоимостные показатели не различают составляющие, которые способствуют социальному прогрессу или, наоборот, отражают деградацию и угрозу человеку и обществу. Так, средства, полученные от военных операций, могут засчитываться в актив, в то время как за ними стоят людские жертвы и страдания. С точки зрения обобщающих стоимостных показателей, даже вредное для здоровья потребление, например алкоголя, сигарет, ведет к улучшению экономики, так как увеличивает общий объем проданных товаров. В экономических показателях заложены долги, биржевые активы, оборот и рост которых не содержат никакой социальной полезности. Более того, они могут вести к росту нестабильности в экономике и обществе. Наглядным примером может служить глобальный финансово-экономический кризис, который демонстрирует опасность возрастания интенсивности финансовых операций и выхода их из-под контроля. Финансовые спекуляции, не имеющие ничего общего с реальной экономикой, учитываются в обобщающих стоимостных показателях как рост. Сегодня в глобальном масштабе спекулятивный сектор исчисляется триллионами долларов. Как результат, экономические показатели не могут отражать реального улучшения экономики, становятся абстрактной цифрой, ничего не дающей для знаний об обществе.

Обобщающие стоимостные показатели содержат в себе данные о видах экономической деятельности, которая учитывается дважды как прирост экономики, но устраняет одна другую или исчерпывает необходимые для социального развития ресурсы. Разрушение фондов и активов и последующее соз-

дание их заместителей одинаково учитываются как прирост экономики. При этом могут исчезать природные и социальные ресурсы, культура. Для того чтобы повысить экономические показатели, необходимо перевести в коммерческую сферу и калькулировать то, что для выживания общества должно выпадать из сферы бизнеса. Имеются в виду формы человеческого общежития, требующие коллективных действий и участия, – образование, взаимопомощь, общение. Для экономических показателей это незначимая величина, для общества – самая большая ценность. Повышение экономической эффективности требует коммерциализации сферы социальных отношений, что ведет к разрушению социальной ткани общества.

Экономические показатели не отражают уровень перераспределения экономических результатов и не учитывают последствия углубления социально-экономического неравенства. На фоне увеличения экономических показателей может наблюдаться застой или даже ухудшение условий жизни больших групп населения, накопление богатства и его концентрация происходят при увеличении численно и ухудшении качественно полюса обездоленности. Более того, потребление малообеспеченных групп дает меньший экономический эффект, чем потребление богатых, которые могут больше тратить. С точки зрения общества в целом, наоборот, наиболее важным является улучшение, даже незначительное, условий жизни наиболее бедных слоев населения, что ведет к улучшению криминогенной ситуации, снижению конфликтности в обществе. Растущее неравенство, которое достигло угрожающих размеров, делает невозможным не только экономический прогресс, но и ставит под угрозу выживание самого человечества.

Обращая внимание на ограниченность обобщающих стоимостных показателей для анализа социальных явлений, мы не ставим под сомнение их важность для управления экономикой стран и мира в целом. Но следует еще раз отметить инструментальный характер обобщающих стоимостных показателей для глубокого анализа современных тенденций развития человечества, выходящего за рамки экономической сферы. Экономический рост остается абстрактной величиной, если не оценивается его социальная эффективность, выражающаяся в увеличении реального потребления людей, ликвидации нищеты и расширении возможностей для человеческого развития.

Мировое сообщество неоднократно делало шаги к выработке концепций развития, в которых человеку и обществу, их процветанию отводилось ведущее место. Среди них можно назвать различные теории качества экономического роста, теории «государства всеобщего благосостояния», концепцию устойчивого развития. Однако они были скорее декларативными рекомендациями к стратегическому планированию развития человечества и отдельных стран, попытками связать воедино требования к социальному прогрессу в становящемся все более взаимосвязанным мире, вынужденным стремлением найти выход из кризисных ситуаций, к которым привело распространение капитализма в глобальном масштабе.

В 1990 г. экспертами ООН был предложен новый измеритель экономического и социального прогресса мира – Индекс человеческого развития (ИЧР), который совмещает в себе среднедушевой размер валового внутреннего продукта стран, а также показатели здоровья и образования населения. В основе данного концепта находится гипотеза о том, что сам по себе экономический рост не всегда сопровождается улучшением условий жизни людей и важным является использование его результатов. Исходя из этого, допускается, что при одних и тех же экономических возможностях страны могут добиваться различных социальных результатов.

Рассматривая человеческое развитие как главный критерий эффективности экономики, эксперты ООН выдвигали также критерии к качеству экономического роста, выполнение которых необходимо для того, чтобы сохранить и увеличить человеческий потенциал. В этой связи качественным экономическим ростом считается рост, который обеспечивает развитие человека во всех его аспектах, рост, который:

создает полную занятость и гарантирует наличие средств к существованию;

обеспечивает людям свободу и наделение полномочиями;

способствует справедливому распределению благ;

способствует социальному согласию и сотрудничеству;

обеспечивает охрану будущего развития человека [1, с. 56].

Двадцатилетние наблюдения за экономическим и социальным развитием мира дают основания говорить о том, что, несмотря на определенное улучшение показателей здоровья и образования населения, человечеству не удалось устранить глобальную бедность и сократить отставание развивающихся стран от экономически развитых западных стран. В мягкой или жесткой форме материальные лишения и социальную незащищенность можно обнаружить сегодня во всех странах. В развивающейся части мира, за исключением Китая, прогресс происходит крайне медленно, а нищета, эпидемии и безграмотность предопределяют дальнейшую их отсталость. Нет оснований говорить и об устойчивости достигнутых положительных результатов. Неолиберальные трансформации, происшедшие в этот период в постсоциалистических странах Центральной и Восточной Европы, сопровождались обвальным падением уровня жизни большинства населения. Но даже заплатив столь высокую социальную цену за либерализацию экономики, эти страны так и не достигли дореформенных показателей, что еще раз иллюстрирует не только социальную, но и экономическую неэффективность неолиберальной экономики. Конкуренция, находящаяся в основе экономической идеологии неолиберализма, не дает сложиться отношениям партнерства в глобальном масштабе, без которого человечество остается бессильным перед глобальными экономическими, экологическими и социальными вызовами.

В 2000 г. на Саммите Тысячелетия ООН все присутствовавшие на нем мировые лидеры приняли «Декларацию тысячелетия» [2], в которой среди опре-

деленных важнейших Целей развития человечества главное место занимало искоренение нищеты. Также ООН провозгласила целью сократить или ликвидировать наиболее острые формы человеческих лишений на всей планете до 2015 г. По данным Доклада о достижении Целей тысячелетия за 2012 год [3], доля населения, живущего менее чем на 1,25 долл. США в день, сокращалась во всех развивающихся регионах и снизилась с 47 % в 1990 г. до 24 % в 2008 г. В абсолютном выражении численность живущих в нищете людей сократилась с более чем 2 млрд до менее чем 1,4 млрд. Также сокращалась доля городского населения, живущего в трущобах, однако в абсолютном выражении она за рассматриваемый период увеличилась, поскольку рост городского населения в развивающихся странах опережал темпы улучшения санитарных условий. Согласно сделанным в Докладе прогнозам, в 2015 г., даже на фоне определенных успехов в борьбе с нищетой и неблагоприятными условиями жизни, почти один миллиард человек будет жить менее чем на 1,25 долл. США в день. По мнению его авторов, подрывает успех в сокращении нищеты и сдерживает прогресс в ключевых областях человеческого развития неравенство между странами и регионами, а также внутри самих этих стран.

Приведенные выше данные относятся к докризисному периоду. Вероятно, что достигнутые положительные сдвиги в социальной сфере могут быть потеряны в условиях обвала экономики. Разразившийся глобальный экономический кризис также повлек за собой ухудшение ситуации на рынке труда. По данным Международной организации труда, в 2012 г. безработными в мире были 197 млн человек, и, несмотря на некоторое оживление экономики, в 2013–2014 гг. ожидается увеличение численности безработных – на 5,1 млн в 2013 г. и еще на 3 млн в 2014 г. Сегодня около 397 млн работников живут в крайней бедности и еще 472 млн человек имеют заработок, который не позволяет им удовлетворять насущные потребности в полном объеме. Кроме того, как отмечают международные эксперты, под влиянием кризиса будет возрастать неформальная занятость, которая будет поглощать высвобождающуюся из формального сектора экономики рабочую силу [4]. В случае затяжного характера глобального экономического кризиса возможно дальнейшее увеличение численности безработных и ухудшение условий занятости, что может привести к росту и углублению массовой бедности в странах, где отсутствует эффективная система страхования от безработицы. Для преодоления кризиса и восстановления экономики необходим экономический рост, основанный на создании рабочих мест в реальном секторе экономики, который, с одной стороны, будет создавать реальные блага для численно возрастающего мирового населения, а с другой стороны – создавать рабочие места.

В докризисный период среди экономистов неolibерального направления господствовала так называемая теория «просачивания богатства» вниз по социальной лестнице, которая основывалась на тезисе, что улучшение жизни для всех людей обязательно наступит и уже происходит, но постепенно и медленно. Чем быстрее будет накапливаться богатство, чему способствует

его концентрация в руках наиболее оборотистых бизнесменов и капиталистическое накопление, тем вероятнее, что оно будет спускаться на нижние этажи социальной лестницы. Как видно теперь, ощутимого перераспределения и распространения богатства не произошло. Степень глобального неравенства накануне кризиса достигла небывалых размеров, что сделало наступление кризиса неизбежным. По данным международной статистики, в 2007 г. 20 % самого богатого населения мира получали 70 % глобального дохода, в то время как на долю находящихся на противоположном полюсе 20 % приходилось только 2 %. Международные эксперты также отмечают, что высокая степень неравенства ведет к еще большему неравенству, порождая замкнутые круги макроэкономической и социальной нестабильности [5]. Все большая часть населения в разных странах накануне кризиса, несмотря на экономический рост и либерализацию кредитной политики, не могла обеспечивать рост потребления из-за снижения производителями социальных расходов, что вело к сокращению зарплат, на которые потребители могли приобретать товары.

Для преодоления нищеты необходим поиск новых моделей социально-экономического развития мира. Концепции такого типа экономического роста, прежде всего учитывающие интересы бедных (*pro-poor growth*), условно делятся на две группы [6]. В первую группу входят теории, которые строятся вокруг улучшения условий жизни бедных людей безотносительно к степени экономического неравенства в обществе. Вторая группа объединяет концепции направленного на преодоление бедности экономического роста, включающие в себя требования сокращения неравенства. Согласно этим концепциям, экономический рост, не снижающий степени неравенства, нельзя считать социально эффективным, даже если он улучшает положение бедных слоев населения. В этом случае даже при улучшении условий жизни бедных людей причины, вызывающие бедность, остаются неизменными. Для того чтобы социальный эффект от экономического роста был необратимым и долгосрочным, согласно таким концепциям, необходимо, чтобы доходы бедных росли быстрее, чем доходы богатых, и создавались условия для доступа всех слоев населения к экономическим и социальным благам. Это будет возможно только в том случае, когда благосостояние бедных финансируется не по остаточному, а по приоритетному принципу и реализуется активная политика государства, направленная на снижение остроты бедности, сокращение неравенства и создание равных возможностей для всех граждан. Теории экономического роста, образующие вторую группу, получили дальнейшее развитие в концепции роста, основанного на участии (*inclusive growth*). Несмотря на то, что в настоящее время нет его единого определения, основной характеристикой основанного на участии роста в научной литературе принято считать обеспечение одновременно социальных и экономических условий для снижения численности обездоленных и широкое участие всех граждан в производстве и потреблении благ.

Концепция роста, основанного на участии, является продолжением более ранних теорий социально-экономического развития. Но она имеет ряд существенных особенностей и принципиально иначе ставит вопрос о роли человека в экономике и приоритетах развития. Ранее считалось, что социальный расцвет, благополучие человека наступают в результате экономического роста, но не предшествуют ему. Более того, на начальном этапе роста экономики социальное развитие может быть принесено в жертву экономическому росту, на который общество должно направлять все ресурсы. Некоторыми экспертами высказывались даже пожелание усилить на начальном этапе роста экономики социально-экономическое неравенство, которое, по их мнению, могло бы сыграть роль стимула и способствовать отбору наиболее сильных экономических акторов. Это сомнительное допущение не только представляется морально неприемлемым, но, будучи уже реализованным в неолиберальной модели развития, не оправдало себя экономически. Страны развивающегося мира, вынужденно поставленные в условия догоняющего развития, при котором в их обескровленных международной конкурентной борьбой бюджетах не хватало средств на улучшение жизни своих граждан, так и не смогли достичь высоких социальных стандартов. Экономический рост, не подкрепленный одновременным социальным развитием, быстро превращается в стагнацию. Для того чтобы избежать такой ситуации, для страны и мира в целом важно развиваться одновременно и экономически, и социально, так как улучшение положения населения может быть не только абстрактной целью, но и создавать платежеспособный спрос, насыщение которого приведет к более выгодным для экономики условиям воспроизводства и роста. Более того, экономический прогресс сегодня все более зависит от уровня образования населения и его творческого потенциала, которые являются результатом успешных долгосрочных программ повышения благосостояния населения. Поэтому сейчас справедливо говорить о том, что не только экономический рост является необходимым условием повышения благосостояния, но и сам он, в свою очередь, невозможен без высокого уровня развития человеческого потенциала. Это предполагает широкое участие всех граждан в экономике, реализацию их интересов в качестве источника развития.

Необходимость выхода из глобального экономического кризиса требует вновь обратиться к поиску альтернативной модели глобального социально-экономического развития. Главенство в качестве главной цели развития экономического роста, не предполагающего ответственности бизнеса за эксплуатацию природных и человеческих ресурсов и не учитывающего интересы большей части населения планеты, привело к глобальной экономической катастрофе, предотвратить которую может изменение системных принципов организации современного общества и экономики. Какой будет новая модель развития, сказать сейчас трудно, но определенно можно утверждать, что, отдавая приоритет социальным целям перед экономическими, она должна строиться вокруг гарантированного и реально обеспеченного права всех людей на достойную жизнь и всестороннее развитие.

Литература

1. Экономический рост и развитие человека. Доклад о развитии человека за 1996 год. – Нью-Йорк, Оксфорд: Оксфорд юниверсити пресс, 1996. – 230 с.
2. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml. – Дата доступа: 07.09.2013.
3. Цели развития тысячелетия: доклад за 2012 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/pdf/doklad_yunesko_2012_zeli_tisyacheletia.pdf. – Дата доступа: 07.09.2013.
4. Global Employment Trends 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_202215.pdf. – Дата доступа: 07.09.2013.
5. Breaking the cycle of exclusion and crisis [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/uxiiipb2012d5_en.pdf. – Дата доступа: 07.09.2013.
6. Raniery, R. Inclusive growth: building up a concept [Электронный ресурс] / R. Raniery, R. A. Ramos. – Режим доступа: <http://www.ipc-undp.org/pub/IPCWorkingPaper104.pdf>. – Дата доступа: 07.09.2013.

N. V. TOLSTYKH

SOCIAL REFERENCES OF THE CONTEMPORARY ECONOMY DEVELOPMENT

Summary

The article analyses the principal tendencies of the contemporary economy development and the social effect from economic growth. The main goal of economic growth is to create conditions for comprehensive human development. For the achievement of this goal the transition to the new development model based on decent living conditions provided fairly for the entire humanity is needed.

Keywords: economic growth, social effectiveness, Millennium Development Goals.

Поступила 09.09.2013 г.

Е. В. СИМОНЧУК,
*кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Украины, г. Киев*

КЛАССОВАЯ СТРУКТУРА УКРАИНЫ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ И ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВАХ

На национальных и международных данных статистики и социологических проектов доказано принципиальное подобие классовых структур Украины, России и ряда постсоциалистических стран и одновременно их отличие от развитых западных стран. Анализ динамики распределения классовых позиций с 1991 по 2009 г. свидетельствует о несомненном тренде постсоциалистических обществ к капиталистической классовой структуре.

Ключевые слова: социальный класс, классовая структура, классовые схемы, классовая самоидентификация.

Цель данной статьи – в общих чертах представить динамику классового распределения украинского общества в течение двадцати лет – от получения Украиной независимости в 1991 г. до нынешнего времени. Исследовательским фокусом является изучение трендов преемственности и изменчивости в классовой структуре занятого населения, как в объективном, так и в субъективном измерениях. Важным является дополнение данных относительно классовой динамики сравнительной перспективой, которая значительно обогащает наши представления относительно классового распределения украинского общества в сопоставлении с другими странами.

Эмпирическую базу анализа динамики классового распределения составили данные Государственного комитета статистики Украины с 1995 г. (времени перехода на систему международных показателей и классификаций) и Международной организации труда (МОТ). Сравнительная перспектива отображена на основе данных крупных международных социологических проектов, в частности Европейского социального исследования (European Social Survey – ESS) и Международной программы социальных исследований (International Social Survey Programme – ISSP), в которых Украина участвует с середины 2000-х гг.¹

Рассмотрим различные модели классовой структуры украинского общества в динамике и сравнении с разными странами.

¹ В массивах этих проектов применены новые методические инструменты для измерения переменных профессии и социального класса (классификатор профессий ISCO-88 и соответствующие синтаксисы для конструирования классовых схем, различных по теоретико-методологическим основаниям).

Классы согласно отношениям собственности на средства производства являются основой марксистского понимания классов и исходным критерием почти во всех классовых схемах. В начале истории независимой Украины социально-классовая структура была почти однородной по отношениям собственности на средства производства – она конституционно была закреплена как государственная и колхозно-кооперативная. Институциональные сдвиги, а именно появление и легализация частной собственности, создали условия для возникновения новых классов – капиталистов/работодателей (больших, средних и малых собственников), мелкой буржуазии (самозанятых и бесплатно работающих членов семей), которые противостоят наемным работникам. Динамику численности этих групп среди занятого населения можно проанализировать по данным относительно статуса занятости, которые отслеживаются Госкомстатом Украины с 1995 г. (табл. 1). Тренд в течение пятнадцати лет очевиден: постепенно уменьшался класс *наемных работников* – лиц, которые заключили письменный или устный трудовой контракт об условиях и оплате труда (с 89,6 % в 1995 г. до 81,5 % в 2009 г.), и увеличивался класс *самозанятых* – лиц, которые заняты индивидуальной/самостоятельной трудовой деятельностью, которую осуществляют без привлечения постоянных наемных работников (с 10,2 % до 17,1 % соответственно). Часть *работодателей* (лиц, которые работают на собственном предприятии с привлечением на постоянной основе наемных работников) закрепились на уровне 1 % занятого населения.

Таблица 1. Динамика занятого населения Украины по статусам занятости (%)¹

Статус занятости	1995	1997	1999	2001	2003	2005	2007	2009
Наемные работники	89,6	83,7	91,2	89,3	87,6	81,8	80,7	81,5
Работодатели	–	–	–	1,0	1,3	0,9	1,0	1,0
Самозанятые	10,2	16,0	7,8	8,5	9,6	16,8	17,9	17,1
Бесплатно работающие члены семьи	0,2	0,3	1,0	1,2	1,5	0,5	0,4	0,4
Всего, тыс. чел.	24 125	23 756	19 948	20 238	20 555	20 680	20 905	20 192

Сравнительный анализ распределения населения по статусам занятости в разных странах позволяет констатировать, что распределение в Украине наиболее подобно странам (как западным, так и постсоциалистическим) с большой долей сельскохозяйственного сектора экономики, который в наибольшей мере создает позиции мелкой буржуазии – самозанятых и бесплатно работающих членов семей (табл. 2). Среди этих стран – Польша, Канада, Италия, Испания, Турция. В то же время в большинстве названных стран доля работодателей (больших, средних и мелких собственников) значительно больше, чем в Украине.

¹ Источник: <http://laborsta.ilo.org/applv8/data/c9e.html>. С 1995 по 2000 г. данные относительно работодателей включены в категорию самозанятых. Согласно международной шкале относительно статуса занятости (4 категории) данные собираются и публикуются в Украине с 2001 г.

Таблица 2. Занятое население разных стран по статусам занятости (%)¹

Статус занятости	Украина	Россия	Франция	Германия	Норвегия	США	Канада	Великобритания	Испания	Италия	Турция	Польша
Наемные работники	82,0	92,7	89,5	88,4	92,2	93,0	84,6	86,7	82,4	76,1	61,0	77,1
Работодатели	1,0	1,5	4,6	—	2,1	—	—	—	5,8	1,2	5,9	4,1
Самозанятые	16,7	5,7	5,4	10,7	5,4	6,9	15,2	12,9	10,8	21,0	20,4	14,7
Бесплатно работающие члены семьи	0,3	0,1	0,5	0,9	0,3	0,2	1,3	0,4	1,0	1,8	12,7	4,1
Всего, млн чел.	21,0	71,0	26,0	39,0	2,5	145,4	17,1	29,5	20,5	23,0	21,2	15,8

Профессионально-классовая структура. Многие исследователи соглашаются, что в основе классового деления (особенно среди наемных работников) лежит профессиональная занятость. Для идентификации профессий/занятий разработан Международный стандартный классификатор занятий (ISCO–88), который группирует их согласно специализации и уровню квалификации в девять профессиональных групп. Эта классификация заложена в массивы международных социологических проектов и в статистику большинства европейских стран, в частности Украины.

Перманентная изменяемость является характерной чертой профессионального состава общества в течение последних четырнадцати лет (1996–2009) – периода эмпирического отслеживания Госкомстатом Украины распределения занятого населения по профессиональным группам, которые выделены согласно национальному Классификатору профессий (табл. 3)². В четырех из девяти профессиональных группах зафиксированы процессы значительного уменьшения доли занятых: почти на пятую часть среди *специалистов* (техники, медсестры, инспекторы, брокеры, социальные работники, спортивные тренеры и т. п.), почти наполовину – среди *клерков/технических служащих* (секретари, делопроизводители, работники, связанные с информацией, библиотекари, администраторы и т. п.), больше чем на четверть – среди *квалифицированных рабочих с инструментом* (сварщики, слесари, монтажники, электромеханики, печатники, швеи и т. п.) и в пять раз – среди *квалифицированных рабочих аграрного сектора* (животноводы, доярки, лесники, пчеловоды, садовники и др.). Тренды увеличения занятости наблюдались в трех группах – в 2,5 раза среди *работников сферы торговли и услуг* (продавцы, парикмахеры, охранники, повара, официанты, стюардессы, кондукторы и др.), в полтора раза среди *операторов и сборщиков оборудования* (водители грузового и легкового транспор-

¹ Источник: <http://laborsta.ilo.org/applv 8/data/c9e.html>.

² Данные относительно гендерной, возрастной, поселенческой дифференциации профессиональной структуры Украины см.: [1].

та, машинисты поездов, крановщики, бурильщики, сборщики мебели, рабочие автоматических сборных линий и т. п.), а также около десятой части среди *законодателей, высших госслужащих и руководителей*. Волнообразная динамика численности (от сокращения к постепенному возвращению к статус-кво) зафиксирована среди *профессионалов и занятых простейшими профессиями*. Объяснение упомянутым потокам восходящей и нисходящей мобильности в профессиональной сфере находим в институциональных и структурных сдвигах в экономической сфере, технологических и глобализационных изменениях и др. Внутри профессиональных групп в связи с ростом дифференциации по статусам занятости, секторам экономики и отраслевой принадлежности возрастало и неравенство относительно жизненных шансов, уровня заработной платы, социального самочувствия [1].

Таблица 3. Динамика занятого населения Украины по профессиональным группам, %¹

Профессиональные группы	1996	1998	2000	2002	2006	2009	2009 к 1996
Законодатели, высшие госслужащие, руководители, менеджеры	7,0	7,0	7,2	7,3	7,3	7,9	112,9
Профессионалы	13,4	13,3	12,9	12,7	12,2	13,6	101,5
Специалисты	13,5	14,2	15,0	13,6	12,0	11,9	88,1
Технические служащие	6,6	5,2	4,2	4,4	3,7	3,5	53,0
Работники сферы торговли и услуг	5,7	10,5	11,3	12,6	13,2	14,5	254,4
Квалифицированные рабочие сельского и лесного хозяйств, рыбозаводов и рыболовства	5,0	3,0	3,0	2,3	1,5	1,0	20,0
Квалифицированные рабочие с инструментом	17,0	8,2	13,3	13,5	12,0	12,1	71,2
Операторы и сборщики оборудования и машин	8,2	9,4	15,4	14,7	12,8	11,9	145,1
Простейшие профессии	23,7	24,3	17,7	18,7	25,3	23,6	99,6
Всего, тыс. чел.	24 114	22 998	20 420	20 401	20 731	20 192	83,7

Направление динамики профессионального профиля будет нагляднее, если девять профессиональных категорий условно сгруппировать согласно критерия занятости физическим и нефизическим трудом – в группу позиций «белых воротничков», или среднего класса (первые четыре категории в табл. 3), и группу «синих воротничков», или рабочего класса (следующие пять категорий). В 1996 г. это соотношение составляло соответственно 40 % : 60 %, а в 2009 г. – 37 % : 63 %. Очевидно, что направление динамики профессионально-классовой структуры в Украине не является постиндустриальным: средний класс не укрепляет свои позиции, а наоборот, их ослабляет. В то же время рабочий класс увеличился за счет работников сферы торговли

¹ Источники: Економічна активність населення України 2006: стат. зб. – Київ, 2007. – С. 87; Економічна активність населення України 2009: стат. зб. – Київ, 2010. – С. 78.

и услуг и операторов и сборщиков, а вот доля квалифицированных промышленных и сельскохозяйственных рабочих значительно уменьшилась.

В сравнительной перспективе относительно динамики профессионального состава населения Украины и ряда других стран зафиксировано значительное отличие в ее направлениях и интенсивности (табл. 4). Начну с того, что в течение последних четырнадцати лет фоном для профессиональной динамики в Украине было постепенное сокращение общей численности занятых, а во всех сравниваемых странах, напротив, – рост. Нисходящая мобильность в Украине была более интенсивной и распространенной по сферам труда, находя проявление среди квалифицированных работников как умственного, так и физического труда. А вот в других странах она касалась исключительно «синих воротничков» (квалифицированных рабочих с инструментом, операторов и сборщиков, простейших профессий), а среди «белых воротничков» (руководителей, профессионалов) и работников сферы торговли и услуг наблюдалась восходящая мобильность. Таким образом, в упомянутых странах фиксировался тренд постиндустриального развития, теоретически описанный западными социологами.

Т а б л и ц а 4. Динамика занятого населения по профессиональным группам в разных странах (1996–2008) (%)¹

Профессиональные группы	Украина		Россия		Польша		Испания		Франция	
	1996	2008	1997	2008	1996	2008	1996	2008	1996	2008
Законодатели, высшие госслужащие, руководители, менеджеры	7,0	7,5	6,4	7,0	6,2	6,3	8,4	7,7	2,9	8,3
Профессионалы	13,4	13,0	15,8	18,5	9,4	15,2	11,2	12,7	9,7	10,5
Специалисты	13,5	11,5	14,9	15,2	11,1	11,3	8,2	12,0	14,5	21,4
Технические служащие	6,6	3,5	3,2	2,9	7,2	7,0	10,2	9,1	13,6	11,7
Работники сферы торговли и услуг	5,7	14,1	10,7	13,8	9,5	11,7	13,8	16,2	16,0	11,5
Квалифицированные рабочие сельского и лесного хозяйств, рыбозаведения и рыболовства	5,0	1,1	2,8	4,1	20,6	12,7	6,2	2,4	4,1	2,2
Квалифицированные рабочие с инструментом	17,0	13,5	16,8	14,8	19,3	16,9	17,0	15,7	19,9	16,6

¹ Источник: сайт ILO <http://laborsta.ilo.org/applv8/data/c9e.html>.

Окончание табл. 4

Профессиональные группы	Украина		Россия		Польша		Испания		Франция	
	1996	2008	1997	2008	1996	2008	1996	2008	1996	2008
Простейшие профессии	23,7	23,2	15,0	11,2	8,1	7,8	14,0	14,4	9,4	9,5
Всего, тыс. чел.	24 114	20 972	60 021	70 965	14 969	15 800	12 872	20 258	20 000	23 100

Социально-классовая структура. В современной исследовательской практике отечественные социологи применяют разнородные концептуальные подходы к социальному классу (марксистские, веберианские, конструктивистские, волюнтаристские¹ и др.) и соответствующие методические инструменты выделения классов [2–5]². Из-за того, что исследователи определяют и операционализируют класс различным образом, значительно отличаются и наборы основных классов, и их доли в эмпирических исследованиях.

В данной статье для примера проанализируем особенности классовых структур среди разных стран (Украины, ряда постсоциалистических и развитых капиталистических стран) на основании EGP-схемы, в основу которой положена теоретическая модель Джона Голдторпа, базирующаяся на отношениях занятости (ее детальное обоснование см. [2, с. 36–49]). Классовые позиции в ней дифференцированы по двум основаниям: согласно владению средствами производства (работодатели, самозанятые и наемные работники); а среди последних – согласно характеру их отношений с работодателем (позиции, регулируемые трудовым контрактом и служебными отношениями). Для объяснения связи разных профессиональных группировок наемных работников с формой регуляции их занятости Голдторп выделил два важнейших измерения, которые дифференцируют работу и потенциально создают контрактные риски с точки зрения работодателей, – сложность контроля и специфика ценных квалификационных качеств. В зависимости от комбинации измерений выделяют 11 классов, которые в конкретных исследованиях обычно агрегируют в укрупненные классы.

EGP-классы сгруппированы мной, согласно теории контрактов, в четыре класса – служебный, промежуточный, рабочий и мелкая буржуазия (табл. 5). Сравнительный анализ демонстрирует, что наиболее развитые страны Западной Европы (Германия, Франция, Великобритания, Швейцария, Нидерланды, Финляндия, Дания, Норвегия, Швеция) имеют все основания называться «об-

¹ Чаще всего используется комбинирование ряда переменных (уровень образования, вид занятости, доход, самоидентификация), однако без всякой концептуализации социального класса.

² В предыдущих публикациях автором статьи проанализированы особенности концептуальных положений и методологии трех популярных в западной социологии классовых схем (Дж. Голдторпа, Е. О. Райта, Г. Эспинг-Андерсена), а далее на основании каждой из них подробно рассмотрены классовое деление населения Украины в сравнении с различными странами по данным Европейского социального исследования (ESS) [2].

Т а б л и ц а 5. Классовая структура занятого населения в сравниваемых странах, согласно схеме Эриксона-Голдтора-Портокаро (°)*

Классы	Украина	Россия	Польша	Болгария	Словакия	Венгрия	Испания	Португалия	Германия	Франция	Бельгия	Швейцария	Нидерланды	Финляндия	Дания	Норвегия	Швеция	
Служебный класс, в том числе:	38,7	34,9	35,0	29,6	36,3	29,3	24,4	22,1	20,4	47,4	48,1	46,7	48,3	58,5	45,1	48,9	48,2	51,6
I Профессионалы, госслужащие, менеджеры более высокого уровня	18,3	17,6	15,3	12,2	16,6	9,3	11,7	9,3	8,1	19,3	16,3	20,9	16,4	24,2	21,4	21,5	19,7	19,0
II Профессионалы, госслужащие, менеджеры более низкого уровня	20,4	17,3	19,8	17,4	19,7	19,9	12,7	12,8	12,3	28,1	31,8	25,8	31,9	34,3	23,7	27,4	28,5	32,6
Промежуточный класс, в том числе:	11,6	11,4	8,5	6,1	13,7	9,9	11,8	10,5	9,2	14,8	13,5	10,6	15,5	12,1	7,4	13,8	16,0	10,1
IIIa Работники, занятые конторским нефизическим трудом	9,4	9,2	6,6	5,0	11,3	8,2	10,0	8,7	7,6	11,1	9,9	7,3	10,9	9,5	5,7	9,8	11,4	8,0
V Супервайзеры в сфере физического труда и техники более низкого уровня	2,2	2,2	1,9	1,1	2,4	1,7	1,8	1,8	1,6	3,7	3,6	3,3	4,6	2,6	1,7	4,0	4,6	2,1
Мелкая буржуазия, в том числе:	8,7	6,9	19,9	11,1	11,8	8,5	17,3	16,1	32,1	8,5	7,3	11,2	10,7	8,9	12,2	6,6	6,8	6,9
IVa Самозанятые с наемными работниками	3,9	3,4	4,2	4,3	5,4	1,7	6,1	5,0	8,4	3,4	1,9	3,1	3,7	3,7	3,9	3,1	2,5	1,8
IVb Самозанятые без наемных работников	3,8	2,5	5,1	4,2	5,9	5,1	8,8	9,9	16,7	3,8	2,5	6,6	4,6	3,1	4,4	0,9	2,3	3,3
IVc Фермеры и др.	1,0	1,0	10,6	2,6	0,5	1,7	2,4	1,2	7,0	1,3	2,9	1,5	2,4	2,1	3,9	2,6	2,0	1,8
Рабочий класс, в том числе:	41,2	46,9	36,5	53,2	37,1	52,2	46,5	51,4	38,4	29,3	31,1	31,6	25,5	20,7	35,5	30,7	29,0	31,5
IIIb Работники, занятые конторским нефизическим трудом более низкого уровня	9,1	10,2	7,4	13,1	8,1	10,1	11,5	13,1	17,8	8,3	9,0	12,4	6,8	9,2	11,1	10,4	10,8	11,7
VI Квалифицированные рабочие физического труда	13,1	14,8	12,4	11,0	11,6	17,5	9,0	13,3	7,0	8,3	6,9	4,6	6,4	3,9	10,0	8,0	7,5	9,0
VIIa Полу- и неквалифицированные рабочие физического труда	18,1	20,4	16,1	27,3	17,4	21,8	22,3	23,5	12,4	12,0	14,7	14,4	11,8	7,3	13,2	11,6	10,6	10,4
VIIb Сельскохозяйственные рабочие	0,9	1,5	0,6	1,8	1,2	2,8	3,7	1,5	1,2	0,7	0,5	0,2	0,5	0,3	1,2	0,7	0,1	0,4
Количество респондентов	926	1366	784	1086	915	633	1358	1017	1202	1510	1078	1308	1065	1089	1185	895	1041	1117

* Источник: Данные ESS 2008 г., взвешенные с учетом дизайн-эффекта выборки.

ществами среднего класса», поскольку этот класс составляет в целом две трети занятого населения: около 50 % представляет служебный класс (как высший средний) и 15 % – промежуточный (как низший средний). В то же время около 30 % составляет рабочий класс и не больше 8 % – мелкая буржуазия.

Согласно схеме ЕGP, классовое распределение всех постсоциалистических стран (Украина, Россия, Польша, Венгрия, Болгария, Словакия) является принципиально подобным. Рабочий класс у них оказался самой многочисленной (40–50 % занятого населения) социальной категорией в классовой структуре, в частности квалифицированные и малоквалифицированные промышленные рабочие составляют около трети занятых; работники нефизического труда низшего уровня (преимущественно это рабочие сферы торговли) – около десятой части; сельскохозяйственные рабочие немногочисленны. Служебный (или высший средний) класс представляет около трети занятых, а промежуточный (или низший средний) класс – в пределах 10 %. Следовательно, в целом средний класс численно подобен рабочему классу (приблизительно по 45 %), а доля предпринимателей-собственников составляет около 10 %. Таким образом, в социоэкономическом смысле постсоциалистические страны все еще близки к определению «обществ рабочего класса» (причем в наибольшей мере это касается России, Болгарии и Венгрии). Однако этот вывод является справедливым и для ряда западных стран (Испания, Португалия, Греция), где доля рабочего класса такая же, а среднего класса даже ниже, чем в постсоциалистических странах.

Представления населения о классовой структуре. Важны не только аналитические типологии классов, которые конструируют по своему усмотрению исследователи, но и естественные типологии, которыми пользуются сами люди для классовой идентификации себя и других. Актуально время от времени исследовать, как изменяется не только в экспертном, но и в публичном пространстве набор классовых категорий и признаки отнесения к ним. Так, начиная с 1990-х гг., в массовом сознании появились и распространялись новые классовые категории, которые являются типами различения окружающих и категориями для самоидентификации, – капиталисты, олигархи, самозанятые, политический класс, чиновники, средний класс, менеджеры, андеркласс, безработные, др. [6; 7, с. 135–178]. В то же время вышли из употребления или сузили его такие категории, как крестьяне, рабочий класс, интеллигенция, номенклатура, военные. Данные интервью с представителями среднего и рабочего класса свидетельствуют о значительных изменениях в представлениях людей относительно социально-классовой структуры [7].

Классы согласно самоидентификации являются популярным подходом классового анализа, который в эмпирических исследованиях обычно применяют с использованием разных шкал. Один из популярных методических приемов – тест интегральной самооценки социального статуса по десятибалльной шкале. Респонденту предлагают определить свое место на «лестнице» социальных статусов, где 10 – самое высокое положение, а 1 – самое низкое.

Для анализа теста принята группировка статусных позиций, согласно которой три верхних позиции (с 10 по 8) соответствуют «верхнему среднему классу», 7–5 – собственно «среднему», 4–3 – «нижнему среднему», а две нижних статусных позиции (2 и 1) – «низшему классу».

Согласно описанной группировке, верхний средний класс в группе развитых западных стран в 2009 г. составлял 10 % населения, средний – 66 %, нижний средний – около 20 %, низший – 3 % (см. итоговые цифры табл. 6-А). Эти данные, представленные на рис. 1 в виде зеркально отображенных графиков, демонстрируют «среднеарифметический профиль» социальной структуры благополучных западных стран и его динамику в течение десятилетия (с 1999 по 2009 г.). Как видим, «верхи» и «низы» общества немногочисленны, а наиболее распространенные «средние статусные позиции» легко узнаются на рисунке по широким «крыльям», которые придают модели социальной структуры западных обществ ромбовидную форму. Начиная с Питирима Сорокина, положившего начало традиции изучения высоты и профиля социальной стратификации в обществах разного типа, и завершая современными исследователями социальноструктурного направления, ромбовидная форма профиля социальной стратификации признается типичной и нормативной для экономически развитых социумов, отображая более-менее равномерное и справедливое распределение в них материальных богатств, властных полномочий и престижа. Кстати, в течение десяти последних лет зафиксирована незначительная, но позитивная по направлению динамика.

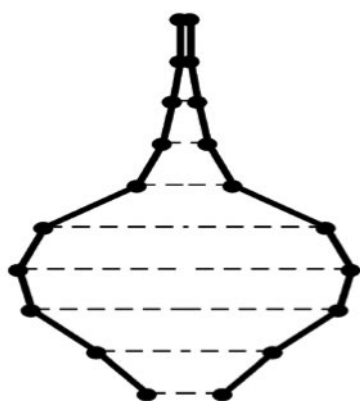
Субъективный профиль занятого населения ряда постсоциалистических стран отображает более скромные социальные самооценки, чем в западных странах, однако он все же значительно лучше, чем в Украине. «Базовым классом» украинского общества все еще остается нижний средний класс, хотя в течение восьми лет (2002–2009) наблюдалась важная позитивная динамика, а именно: доля субъективного среднего класса росла, доли же нижнего среднего и низшего класса, напротив, снижались. Этот позитивный тренд можно интерпретировать как свидетельство и постепенной стабилизации экономической системы, и продуктивной субъективной адаптации населения к новым социально-экономическим условиям. И хотя графическое изображение профиля социальной стратификации Украины наглядно демонстрирует тренд постепенного приближения к западной ромбовидной модели, однако «архитектура социального строения» (П. Сорокин) в Украине все еще значительно отличается от ее западного аналога, в первую очередь из-за наличия слишком большой доли социальных «низов» и недостаточности слоев средних.

Сопоставление социальных самооценок украинцев и населения других стран возможно и на основании других шкал. Так, в международных проектах используется шкала, которая содержит шесть категорий: высший класс, верхний средний, средний, нижний средний, рабочий, низший. Данные табл. 6-Б свидетельствуют о принципиальном подобии субъективных моделей социально-классовой структуры в Украине и ряде привлеченных для сравнения

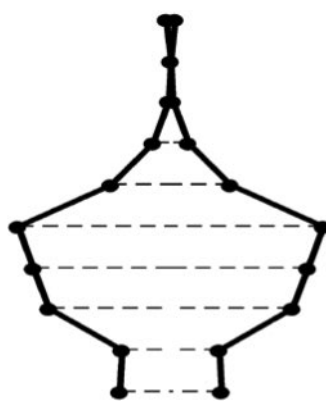
Таблица 6. Динамика социальной самоидентификации занятого населения в разных странах (1999–2009) (%)*

Статусные позиции	Украина		Постсоциалистические страны				В том числе:						Капиталистические страны				В том числе:			
			Латвия		Польша		Болгария		Швеция		Норвегия		Япония		1999		1999		1999	
	2002	2009	1999	2009	1999	2009	1999	2009	1999	2009	1999	2009	1999	2009	1999	2009	1999	2009	1999	2009
А. Самоидентификация с 10-ступенчатой лестницей социального положения																				
Верхний средний класс, в том числе:	3,2	1,5	4,2	5,5	2,5	5,2	6,5	11,1	2,4	2,1	7,9	10,2	11,1	14,0	14,8	17,9	3,8	2,5	3,8	2,5
10-я позиция	0,7	0,9	0,3	0,5	0,1	0,0	0,9	1,2	0,2	0,0	0,4	0,6	0,7	1,3	0,5	0,2	0,6	0,3	0,6	0,3
9-я позиция	0,7	0,1	0,6	0,9	0,4	0,8	1,1	1,5	0,7	0,0	1,0	1,4	0,6	1,4	2,2	2,2	0,4	0,1	0,4	0,1
8-я позиция	1,8	0,5	3,3	4,1	2,0	4,4	4,5	8,4	1,5	2,1	6,5	8,2	9,8	11,3	12,1	14,5	2,8	2,1	2,8	2,1
Средний класс, в том числе:	31,1	38,5	51,5	59,1	36,6	48,6	56,6	77,4	39,9	51,0	65,3	66,3	72,9	73,2	75,8	71,4	52,6	55,7	52,6	55,7
7-я позиция	3,3	2,9	8,5	10,2	4,8	8,1	10,3	25,5	7,0	4,8	15,5	17,5	23,8	24,1	25,2	25,9	7,3	9,6	7,3	9,6
6-я позиция	6,9	9,9	23,9	18,7	15,9	15,3	25,6	26,1	15,9	13,8	33,7	25,9	36,4	30,2	37,8	37,3	27,5	15,3	27,5	15,3
5-я позиция	20,9	25,7	19,1	30,2	15,9	25,2	20,7	25,8	17,0	32,4	16,1	22,9	12,7	18,9	12,8	8,2	17,8	30,8	17,8	30,8
Нижний средний класс, в том числе:	47,1	43,6	34,0	29,6	43,8	35,6	26,8	18,7	37,8	34,7	22,3	19,9	14,2	11,3	8,3	9,8	32,1	33,8	32,1	33,8
4-я позиция	24,6	23,1	19,1	18,8	23,3	22,8	13,4	12,5	20,6	21,5	13,7	12,1	8,9	7,4	4,9	7,9	19,5	17,9	19,5	17,9
3-я позиция	22,5	20,5	14,9	10,8	20,5	12,8	13,4	6,2	17,2	13,2	8,6	7,1	5,3	3,9	3,4	1,9	12,6	15,9	12,6	15,9
Нижний класс, в том числе:	18,5	16,4	10,2	5,7	17,0	8,0	10,1	2,7	18,9	8,5	4,7	3,2	1,9	1,2	0,9	0,7	11,5	7,2	11,5	7,2
2-я позиция	12,9	8,0	7,0	4,2	12,4	6,2	6,9	2,1	10,7	6,6	2,9	2,4	1,2	0,6	0,7	0,5	6,5	4,3	6,5	4,3
1-я позиция	5,6	8,4	3,2	1,5	4,6	1,8	3,2	0,6	8,2	1,9	1,8	0,9	0,7	0,6	0,2	0,2	5,0	2,9	5,0	2,9
Кол-во респондентов	549	981	4342	4061	703	615	536	679	441	516	4710	7399	723	771	812	993	796	732	796	732
Б. Самоидентификация с шестью классовыми категориями																				
Высший класс	0,7	0,2	0,9	0,7	0,4	0,2	1,1	1,9	0,2	0,0	0,7	0,5	0,3	1,1	0,5	0,5	0,1	0,3	0,1	0,3
Верхний средний	–	2,8	6,2	6,7	4,9	5,4	7,6	6,6	3,3	5,1	11,1	12,6	18,0	14,7	19,4	18,4	0,5	8,7	0,5	8,7
Средний	33,6	36,9	39,5	37,8	35,5	42,8	49,4	34,7	34,0	29,9	46,3	47,7	47,4	49,9	50,5	50,4	11,5	33,1	11,5	33,1
Нижний средний	–	20,5	16,1	22,3	19,4	21,0	–	17,1	7,9	21,3	18,8	15,8	0,0	10,7	8,5	8,5	48,5	31,9	48,5	31,9
Рабочий	53,7	35,8	32,8	30,0	32,7	28,0	36,1	35,5	43,8	38,5	21,2	21,8	33,5	22,9	21,1	17,5	32,5	19,7	32,5	19,7
Низший	12,0	3,9	4,6	2,5	7,1	1,0	5,7	2,4	10,8	5,3	2,0	1,7	0,7	0,8	0,0	0,2	6,9	6,4	6,9	6,4
Кол-во респондентов	553	979	4327	4041	691	615	540	678	418	512	4142	5165	704	760	790	976	806	722	806	722

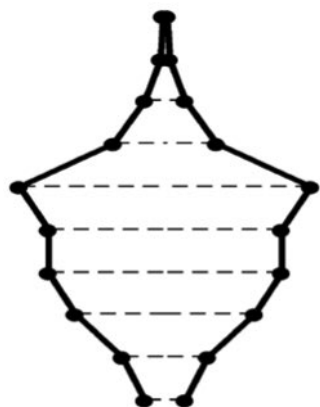
*Источник: Данные проекта ISSP, взвешенные с учетом дизайн-эффекта выборки. Данные 2002 г. по Украине из Омнибуса-2002. Данные разных стран сгруппированы таким образом: постсоциалистические (Польша, Болгария, Чешская республика, Венгрия, Словакия, Словения, Латвия), развитые капиталистические (Австрия, Швейцария, Франция, Великобритания, Испания, Дания, Норвегия, Швеция).

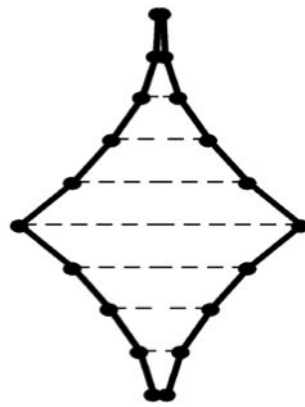
Украина, 2002 г.

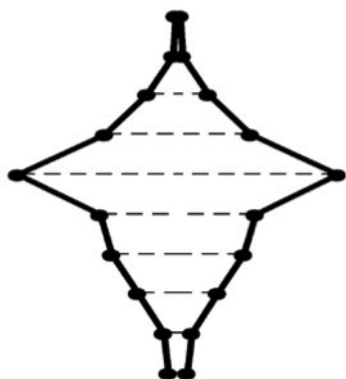
Украина, 2009 г.

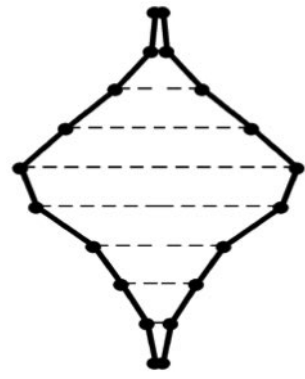
Постсоциалистические страны, 1999 г.

Постсоциалистические страны, 2009 г.

Развитые капиталистические страны,
1999 г.

Развитые капиталистические страны,
2009 г.

Рис. 1. Динамика социальной самоидентификации занятого населения в разных странах (1999–2009)

постсоциалистических стран, и, одновременно, об отличии их от экономически благополучных западных стран, где доля занятого населения, которая относит себя к «социальным низам», является минимальной; доля тех, кто идентифицирует себя с рабочим классом, является значительно меньшей, чем в постсоциалистическом пространстве (22 % против 30 % соответственно), а доля считающих себя верхним средним и средним классом является существенно большей (в целом 60 % против 44 %). Таким образом, распределение самооценок классового положения и данных объективных классов (табл. 5) является достаточно близким, особенно относительно рабочего и среднего классов. Кстати, за десять лет в западных странах существенной динамики социальных самооценок не зафиксировано. К сожалению, невозможно сделать корректные выводы относительно динамики распределения субъективных классов в Украине из-за проблемы сопоставимости шкал (поскольку набор категорий для самоидентификации был неодинаков); можно лишь констатировать, что в период с 2002 по 2009 г. значительно сократилась часть низшего класса (с 12,0 % до 3,9 %).

Выводы. Эмпирический анализ классового распределения занятого населения во временном и сравнительном аспектах доказывает, что, во-первых, классовая структура стала значительно разнороднее, как в работах исследователей, так и в представлениях рядовых украинцев; во-вторых, тенденции изменчивости в классовых отношениях преобладали над тенденциями преемственности. Наиболее ярко изменчивость классовой структуры занятого населения в течение двадцати лет воплотилась в появлении и постепенном росте классов собственников/работодателей и мелкой буржуазии (самозанятых). Существенной была динамика и среди наемных работников: рабочий класс сократился численно и изменился структурно (нисходящие процессы среди индустриальных и сельскохозяйственных рабочих, в то же время увеличение доли рабочих рутинного нефизического труда, главным образом сферы услуг и торговли); средний класс (занятые высококвалифицированным умственным трудом) трансформировался по отраслевым, профессиональным, секторальным характеристикам¹.

Классовое распределение занятого населения капиталистических стран демонстрирует классическую модель социальной структуры «обществ среднего класса» (по объективным признакам и самоидентификации этот класс представляет две трети занятых респондентов). Украина же и другие постсоциалистические страны сейчас балансируют на грани – они уже не являются «обществами рабочего класса» (доли среднего и рабочего классов в них являются подобными – по 45 %, а доля предпринимателей-собственников составляет около 10 %), в то же время они еще не достигли постиндустриального стандарта экономически развитых стран, где ведущими выступают позиции представителей среднего класса. Бесспорно, пока наблюдается принципиаль-

¹ Подробнее о динамике численности и структуры различных классов см.: [7; 8].

ное отличие распределения классовых позиций по объективным и субъективным моделям в развитых западных странах и постсоциалистических, в то же время принципиальное подобие классовых структур Украины, России и постсоциалистических стран. Тем не менее тренд имеет несомненное направление (хотя он очень медленный по темпам) к классовой структуре капиталистических стран.

Литература

1. Симончук, Е. Профессиональная структура современной Украины / Е. Симончук // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2009. – № 3. – С. 62–99.
2. Симончук, Е. Классовые структуры в сравнительной перспективе / Е. Симончук // Украинское общество в европейском пространстве / под ред. Е. Головахи и С. Макеева. – Киев : Ин-т социологии НАН Украины, 2007. – С. 33–104.
3. Кон, М. Социальная структура и личность в процессе радикальных социальных изменений: анализ Украины в период трансформаций / М. Кон [и др.] // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2005. – № 3. – С. 24–64.
4. Куценко, О. Социальные классы и политическая мобилизация (сравнительный анализ европейских стран сквозь призму трех типов классовых расколов) / О. Куценко // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2012. – № 3. – С. 3–27.
5. Оксамитная, С. Н. Концепция классов Дж. Голдторпа: опыт применения в Украине / С. Н. Оксамитная // Классовое общество. Теория и эмпирические реалии / под ред. С. Макеева. – Киев: Ин-т социологии НАН Украины, 2003. – С. 82–115.
6. Макеев, С. О. Тенденції становлення середнього класу / С. О. Макеев, С. М. Оксамитна // Українське суспільство: десять років незалежності / за ред. В. М. Ворони, М. О. Шульги. – Київ : Ін-т соціології НАНУ, 2001. – С. 278–285.
7. Симончук, Е. В. Средний класс: люди и статусы / Е. В. Симончук. – Киев: Ин-т социологии НАН Украины, 2003. – 464 с.
8. Симончук, Е. Рабочий класс в Украине: хроника потерь / Е. Симончук // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2005. – № 4. – С. 5–25.

E. V. SIMONCHUK

CLASS STRUCTURE OF UKRAINE IN COMPARATIVE AND TEMPORAL PERSPECTIVES

Summary

The data from national and international statistics and sociological projects proved the fundamental similarity of the class structures of Ukraine, Russia and other post-socialist countries, and at the same time, their difference from the developed Western countries. The analysis of the distributional dynamics of class positions in post-socialist societies from 1991 to 2009 shows an undeniable trend to the capitalist class structuration.

Keywords: social class, class structure, class schemes, class identity.

Поступила 27.06.2013 г.

Е. Б. ПАЛХОВСКАЯ,
*кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск*

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ РАБОТНИКОВ НА ВНУТРЕННЕМ РЫНКЕ ТРУДА БЕЛАРУСИ

В статье изучены основные социально-экономические показатели Республики Беларусь, доходы и расходы домохозяйств, охарактеризовано экономическое поведение и социальное самочувствие работников на внутреннем рынке труда. В процессе анализа использованы данные официальной статистики, материалы международных аналитических агентств и республиканского социологического мониторинга. В результате обосновано, что успех структурного реформирования и повышения конкурентоспособности экономики во многом обусловлен активностью экономического поведения работников и наличием достаточных возможностей для профессиональной реализации.

Ключевые слова: экономическое поведение, социальное самочувствие, рынок труда, реальные денежные доходы, потребительские расходы.

Реализация «Плана совместных действий Совета Министров Республики Беларусь и Национального банка по структурному реформированию и повышению конкурентоспособности экономики Республики Беларусь» предусматривает осуществление комплекса социальных и технологических инноваций для перевода национальной экономики на инновационный путь динамичного конкурентоспособного развития, реформирование системы оплаты труда работников.

Согласно заявленным программам, конечной целью развития должен выступать не сам по себе экономический рост, темпы и размеры накопления, а человек, активно включенный в социально-экономические преобразования. Осуществляемая структурная перестройка экономики еще не является основой для социальных изменений, она лишь предоставляет для этого возможности и инструменты. Как они будут использованы – зависит как от социальной политики государства, так и от активности экономического поведения основных хозяйствующих субъектов.

Позитивные социальные изменения и устойчивое экономическое, политическое и культурное развитие белорусского общества зависят от множества разнообразных обстоятельств и условий, среди которых главное значение имеет «человеческий фактор» – социальная деятельность и активность личности. Тем не менее жизнь в условиях социально ориентированной экономики породила в массовом сознании белорусов ощущение спокойной, устойчивой,

без катаклизмов жизни, сделала это чувство (чувство безопасности) одной из главных жизненных ценностей. В настоящее время, в период кризиса и нестабильности, социальная реальность требует изменения социальных стереотипов и переориентации на активное экономическое поведение. Насколько быстро население республики приспосабливается к происходящим социально-экономическим переменам? Успешно ли реализует свой трудовой потенциал? Ответу на эти вопросы посвящена данная статья.

Экономическое поведение – это использование ограниченных ресурсов для достижения определенной цели, связанной с обеспечением жизнедеятельности [1, с. 21]. В исследовании экономического поведения как социального феномена важно учитывать следующие положения. Во-первых, экономическое поведение представляет собой форму социального поведения, процесс взаимодействия хозяйствующих субъектов, связанных между собой системой взаимных ожиданий относительно результатов деятельности [2, с. 59]. Во-вторых, экономическое поведение социально обусловлено, поскольку внедрено в систему социальных отношений [2]. В-третьих, экономическое поведение, как правило, ориентировано на максимизацию выгоды и минимизацию издержек [3, с. 245]. В-четвертых, процессы формирования экономического поведения хозяйствующего субъекта основываются на сочетании объективных предпосылок, таких как социально-экономическое положение страны, региона, ситуационное окружение социальных субъектов, наличие необходимых ресурсов; и субъективных предпосылок: уровень потребностей, интересы, мотивы, ценностные ориентации [4].

Взвешивая выгоды и издержки различных вариантов хозяйственной активности (связанной с добыванием, распределением, обменом различных благ или способом их потребления), оценивая свои потенциальные и реальные возможности, индивид совершает свой экономический выбор. Выявление содержательно близких образцов поведения, которые различные субъекты используют при решении аналогичных экономических задач, позволяет говорить о сформированном типе экономического поведения, а его реализаторов рассматривать как группу носителей данного типа экономического поведения. В зависимости от степени активности/интенсивности поведения можно выделить активное, адаптивное и пассивное экономическое поведение.

Характер современных рыночных преобразований оказывает противоречивое влияние на экономическое поведение жителей Беларуси. С одной стороны, у людей развиваются такие черты, как самостоятельность, инициатива, предприимчивость, способность действовать в условиях конкуренции. Граждане страны через опыт, порой негативный, все более осваиваются с рыночными структурами. В обществе становятся востребованными свобода выбора, возможность заниматься предпринимательством, работать за границей. На первый план в системе ценностей выдвигаются деловые качества, умение зарабатывать, которые позволяют адаптироваться к новым экономическим условиям. С другой стороны, население республики испытывает трудности

с решением экономических проблем и эффективной интеграцией в рыночную экономику.

Если анализировать основные социально-экономические показатели республики, то можно отметить, что страна является достаточно привлекательной для внешних инвесторов. За 2000–2013 гг. происходил рост не только ВВП Республики Беларусь, но и реальной денежной заработной платы работников и реальных денежных доходов населения (табл. 1) [5]. Розничный товарооборот показывает положительную динамику, что характеризует потребительскую активность населения. За последнее десятилетие в республике удалось достичь позитивной тенденции снижения численности малообеспеченного населения: численность населения с доходами ниже бюджета прожиточного минимума (БПМ) снизилась с 41,9 % в 2000 г. до 4,6 % в 2012 г. Однако в целом, учитывая невысокий размер БПМ, для обеспечения роста уровня жизни населения и увеличения экономического благосостояния основных социально-демографических слоев необходимо дальнейшее изменение социальной структуры общества в направлении увеличения доли средних и верхних социальных страт.

Таблица 1. Основные социально-экономические показатели Республики Беларусь за 2000–2013 годы

Показатели	2000 г. к 1999 г.	I квартал 2013 г. к I кварталу 2012 г.
ВВП, в % к соответствующему периоду предыдущего года	105,8	103,5
Реальные денежные доходы населения, в % к соответствующему периоду предыдущего года	114,1	121,8
Реальная начисленная среднемесячная заработная плата работников, в % к соответствующему периоду предыдущего года	112,0	123,2
Индекс потребительских цен на товары и услуги	268,6	122,9
Цена на жилищно-коммунальные услуги, в % к соответствующему периоду предыдущего года	101,2	131,5
Платные услуги населению, в % к соответствующему периоду предыдущего года	104,9	145,0

Международная исследовательская компания «Standard & Poor's» пересмотрела прогноз по рейтингам Беларуси со «стабильного» на «позитивный», отмечая продолжающуюся стабилизацию экономики, снижение инфляции и ослабление давления на валютный курс [6].

Таким образом, предпринимаемые социально-экономические меры позволили обеспечить некоторое соответствие уровня инфляции и динамики роста реальных денежных доходов населения. Однако эти меры не позволяют делать накопления и активно сберегать, а для большинства социальных групп обеспечивать свои потребительские запросы и удовлетворять базовые потребности.

Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата по республике в целом в 2013 г. составила 4952,5 тыс. рублей. Наибольшие ее показатели

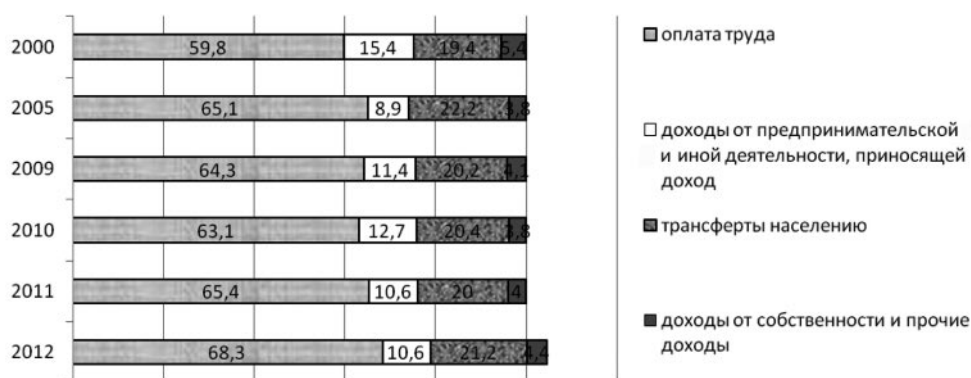

Рис. 1. Структура денежных доходов населения (в процентах к итогу)

зафиксированы в г. Минске и Минской области; наименьшие – в Гродненской и Брестской областях [5]. Однако для более глубокого изучения уровня жизни населения обратимся к анализу структуры доходов населения, дифференциации заработной платы по отраслям экономики, распределению населения по уровню среднедушевых располагаемых ресурсов. Структура доходов населения Беларуси по данным статистики представлена следующими статьями: оплата труда (68,3 %), трансферты населению (21,2 %), доходы от предпринимательской деятельности (10,6 %), доходы от собственности и прочие доходы (4,4 %) (рис. 1) [5].

Социальные трансферты (пенсии, пособия, стипендии) занимают значительное место в доходах населения (1/5 часть), при этом их объем более чем за 10 лет практически не изменился. Это связано с сохранением (наряду с переходом на принцип субсидиарности) социального патернализма. Так, пенсии являются вторым по значимости источником доходов населения. За последнее десятилетие на треть снизились доходы от предпринимательской деятельности (с 15,4 % до 10,6 %), что говорит об ухудшении бизнес-климата в республике.

Анализ уровня оплаты труда по отраслям экономики свидетельствует о повышении уровня заработной платы в непроеизводственных отраслях экономики (таких как торговля и общественное питание, здравоохранение, образование, культура, искусство и др.). Однако уровень оплаты труда здесь ниже, чем средний по республике, и составляет 70 % от общереспубликанского (рис. 2) [5]. Такая дифференциация оплаты труда и низкие показатели заработной платы в социально значимых отраслях отрицательно сказываются на мотивации трудовой деятельности работников в сферах, где требуется квалифицированный труд.

Статистические данные по доходам работников необходимо дополнить анализом расходов населения республики. В 2012 г. потребительские расходы в расчете на домашнее хозяйство составили 3,6 млн рублей в месяц, что в реальном выражении на 11 % выше уровня 2011 г. В общем объеме потребитель-

Рис. 2. Номинальная начисленная средняя заработная плата работников Республики Беларусь по отдельным видам экономической деятельности в феврале 2013 г. (тыс. рублей)

ских расходов домашних хозяйств доля расходов на питание составила 43 %, на покупку непродовольственных товаров – 37,7 %, на оплату услуг – 16,7 %. Структура потребительских расходов населения изменяется в зависимости от состава домашних хозяйств (рис. 3) [5].

По сравнению с 2000 г. потребительские расходы на продукты питания несколько снизились, соответственно произошло повышение расходов на здравоохранение, образование, культуру и отдых. Однако, основываясь на данных статистических организаций различных стран Европы, эксперты Центра экономического анализа «РИА-Аналитика» составили рейтинг европейских го-

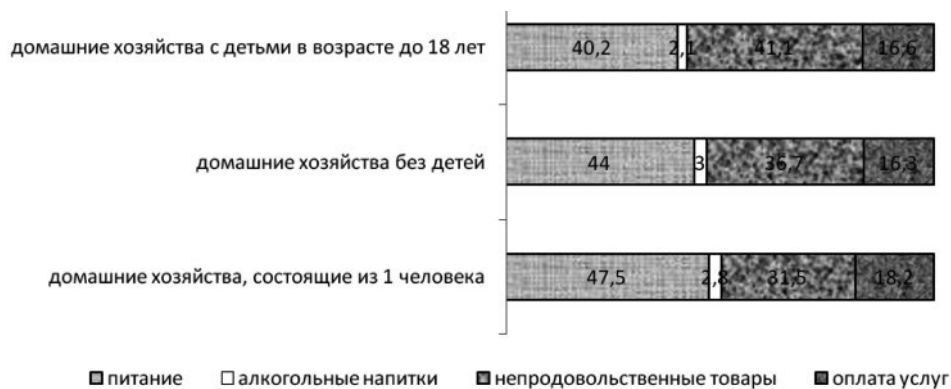

Рис. 3. Структура потребительских расходов домашних хозяйств с различным составом в 2012 г. (в процентах к итогу)

Таблица 2. Оценка материального положения своей семьи, 2012 г., в %

Как Вы оцениваете материальное положение Вашей семьи?	В целом по выборке
Нет ответа	0,5
Хорошее	3,7
Скорее хорошее	8,4
Среднее	60,7
Скорее плохое	14,6
Плохое	9,3
Затрудняюсь ответить	2,8

сударств по доле расходов на продукты питания в структуре потребительских расходов. Беларусь в этом рейтинге занимает третье место с конца из 38 европейских стран, уступая лишь Украине и Молдове, жители которых тратят половину своих потребительских расходов на еду [7].

Международная аналитическая компания GFK опубликовала рейтинг самых бедных государств Европы. В него вошли Беларусь и Украина, в которых покупательная способность населения составляет менее 3,2 тысяч евро в год. Всего компания проанализировала возможные расходы в 42 европейских странах. В среднем, как сообщают аналитики, каждый гражданин государств Европы в текущем году на оплату товаров и услуг потратит примерно 12,8 тысяч евро, а вот жители Беларуси, Украины и еще восьми стран могут рассчитывать на куда более скромную сумму – примерно 25 % от вышеупомянутого числа [7].

Анализ статистических данных может быть дополнен результатами социологических исследований, позволяющими узнать экономические ожидания, экономическое поведение и социальные настроения населения. С этой целью изучены результаты республиканских социологических мониторингов, проведенных Институтом социологии НАН Беларуси в 2002–2012 гг.

Так, при оценке материального положения своей семьи 1/4 часть респондентов (24 %) оценили его как плохое и скорее плохое и лишь 12,1 % как хорошее и скорее хорошее (табл. 2). Необходимо отметить, что 2/3 респондентов отмечают ухудшение материального положения их семьи по сравнению с прошлым годом.

Самоидентификация белорусов с различными слоями общества представлена в табл. 3. Согласно данным мониторинга, чуть больше половины респон-

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос: «Кем Вы себя считаете?», 2012 г., в %

Вариант ответа	В целом по выборке
Нет ответа	0,5
Богатым человеком	0,1
Обеспеченным человеком	3,7
Человеком со средним достатком	55,0
Бедным человеком	27,6
Нищим человеком	3,4
Затрудняюсь ответить	9,8

дентов относят себя к людям среднего достатка, 1/3 респондентов считают себя бедными, около 3,4 % – нищими, еще 3,7 % могут назвать себя обеспеченными.

Однако оценка материального положения является субъективной оценкой и зависит от того социального стандарта, который респондент рассматривает как средний показатель. Поэтому в качестве дополнения к описанию материального положения респондентов с разным уровнем образования проанализируем возможность доступа индивида к социальным возможностям в различных сферах жизни, прежде всего – в потреблении, отдыхе, образовании (табл. 4).

Таблица 4. Распределение положительных ответов на вопрос: «Хватает ли Вам средств на оплату следующих видов товаров и услуг?», 2012 г., в % к числу опрошенных данной группы

Да, хватает на:	В целом по выборке
Продукты питания	70,8
Квартплата, оплата коммунальных услуг	79,6
Товары текущего пользования	54,4
Оплата лечения и медикаментов	46,8
Одежда, обувь	35,6
Оплата бытовых услуг	42,6
Товары долговременного пользования	9,0
Платное образование	9,4
Отдых, путешествия	5,2
Строительство дома, квартиры	2,6

Согласно данным мониторинга, более половины респондентов могут позволить себе товары текущего пользования; менее половины опрошенных – оплату лечения и медикаментов, оплату бытовых услуг; 1/3 отметили, что им хватает средств на необходимую одежду и обувь; товары долговременного пользования и платное образование доступно менее чем для 10 %; путешествия и отдых – 5,2 %.

Рассмотрев потребительские возможности респондентов, проанализируем социальное самочувствие населения Беларуси. Необходимо отметить, что около половины опрошенных при характеристике своей теперешней жизненной ситуации отметили позицию «жить трудно, но терпеть можно», еще 1/3 опрошенных отметили, что «все не так плохо, и можно жить», 10,4 % чувствуют, что их положение бедственное, и «терпеть уже невозможно». Ситуацию как «нормальную» характеризуют 5,2 % опрошенных (рис. 4).

При анализе уровня социального оптимизма респондентов отметим, что 1/4 часть опрошенных считают, что в их жизни произойдут изменения к лучшему, еще столько же – считают, что все останется без изменений, 12,4 % – прогнозируют ухудшение ситуации, довольно значительное число респондентов затруднились давать какие-либо прогнозы в ситуации экономической и финансовой неопределенности (табл. 5).

Рис. 4. Оценка жизненной ситуации респондентами, %

Таблица 5. Прогноз респондентов по изменению их жизненной ситуации, 2012 г., в %

Как, по Вашему мнению, изменится Ваша жизнь в ближайшем будущем?	В целом по выборке
Нет ответа	0,6
Изменится к лучшему	24,6
Останется без изменений	24,1
Изменится к худшему	12,4
Затрудняюсь ответить	38,2

Что касается оценки социально-экономического положения в республике, 16 % респондентов характеризуют его как «плохое», 20,5 % – как «скорее плохое» (табл. 6).

Таблица 6. Как Вы оцениваете социально-экономическое положение в стране?, в %

Вариант ответа	В целом по выборке
Нет ответа	0,8
Хорошее	1,1
Скорее хорошее	5,8
Среднее	40,8
Скорее плохое	20,5
Плохое	16,0
Затрудняюсь ответить	15,0

На основе данных республиканского социологического мониторинга выявлены тенденции (2002–2011) в изменении экономического поведения, от которого зависят масштабы и интенсивность экономических преобразований. Доля респондентов, реализующих активный тип экономического поведения (повышающих свой доход всеми возможными способами) снизилась в численности занятого населения с 48,4 % в 2002 г. до 31,5 % в 2009 г. С 2002 по 2011 г.

значительно возросла доля респондентов, реализующих адаптивный тип экономического поведения (с 18,3 до 41,3 %), позволяющий поддерживать достигнутый уровень жизни. Несколько уменьшилась (с 33,3 до 27,2 %) доля респондентов, реализующих пассивный тип экономического поведения, снижающих уровень своих запросов, потребностей и не предпринимающих никаких усилий (табл. 7).

Т а б л и ц а 7. Типология экономического поведения занятого населения, в %

Какого подхода Вы придерживаетесь в решении материальных проблем?	2002	2006	2011
Повышаю свой доход всеми возможными способами	48,4	20,5	31,5
Стараюсь жить по средствам	18,3	56,8	41,3
Снижаю уровень своих запросов, потребностей	33,3	22,7	27,2

Таким образом, в сложившейся ситуации особую актуальность приобретает разработка социальной политики и мер по поддержанию уровня жизни населения в условиях мирового финансово-экономического кризиса, вызывающего значительные социально-экономические изменения в республике. Перебои в работе белорусских предприятий обусловили рост уровня неполной занятости и вынужденных отпусков населения. В I квартале 2013 г. численность работавших неполное рабочее время составила 4,8 тыс. человек (увеличилась на 9,2 % по сравнению с предыдущим месяцем), отправленных в отпуска без сохранения или с частичным сохранением заработной платы – 16,3 тыс. человек [8]. Увеличение объемов неполной занятости, снижение денежных доходов и уровня жизни населения – потенциальная база для роста безработицы и социальной напряженности в обществе. В силу социальной ориентации белорусской экономики антикризисные меры направлены на недопущение роста безработицы и поддержание уровня жизни населения. В результате уровень официальной регистрируемой безработицы составил в 2013 г. 0,5 %. Однако уровень нерегистрируемой безработицы по оценкам экспертов в 7–10 раз превышает официальные показатели.

В целом по данным статистики уровень жизни в республике повысился, доля работников с активным типом экономического поведения также возросла. Однако более глубокий анализ уровня жизни населения, основанный на материалах статистики и данных республиканского социологического мониторинга, выявил следующие социально-экономические проблемы: недостаточный уровень развития высокотехнологичных услуг, значительная отраслевая дифференциация в уровне оплаты труда, высокая доля домохозяйств с детьми в структуре малообеспеченных домохозяйств, невысокие оценки населением материального положения своей семьи, низкие оценки потребительских возможностей населения, ухудшения делового климата и др. Между тем, как пишет профессор Г. Н. Соколова, «коридор экономических и социальных возможностей предоставляется каждым новым этапом модернизации, однако

то, насколько они будут использованы, определяется готовностью и способностью общества не только внедрять новые научно-технические достижения, но и модернизировать социальную структуру: воспроизводить необходимые социально-профессиональные слои, адаптировать систему социальных ценностей и институциональную среду, нивелировать социальные риски и потрясения» [9, с. 33]. Следовательно, для структурного реформирования и повышения конкурентоспособности экономики Республики Беларусь необходимо расширять коридор экономических и социальных возможностей, способствовать дальнейшему увеличению благосостояния всех слоев населения, усилению трудовой мотивации и развитию активного экономического поведения работников.

Литература

1. Радаев, В. В. Что такое «экономическое действие»? / В. В. Радаев // Экон. социология. – 2002. – № 5. – С. 18–26.
2. Granovetter, M. The Sociology of Economic Life / M. Granovetter, R. Svedberg. – NY: Westview Press, 1992. – 399 p.
3. Ingram, N. Some Recent Changes in the Relationship between Economics and Sociology / N. Ingram // Cambridge J. of Economics. – 1996. – Vol. 20. – P. 243–250.
4. Кобяк, О. В. Экономический человек: закономерности формирования мышления и механизмы управления поведением / О. В. Кобяк. – Минск: Право и экономика, 2006. – 214 с.
5. Официальная статистика / Оперативные данные [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/main1.php>. – Дата доступа: 16.04.2013.
6. S&P констатировал стабилизацию экономики Беларуси: прогноз «позитивный» / Новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.tut.by/economics/344530.html>. – Дата доступа: 17.04.2013.
7. Беларусь по покупательной способности вошла в список бедных стран Европы / Новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://myfin.by/stati/view/1134belarus-po-pokupatelnoj-sposobnosti-voshla-v-spisok-bednyh-stran-evropy>. – Дата доступа: 14.01.2013.
8. Занятость населения и безработица / Годовые данные [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/doclad/2013_2/14.pdf. – Дата доступа: 16.04.2013.
9. Соколова, Г. Н. Модернизация как технологический и социальный феномен: Беларусь – Россия / Г. Н. Соколова // Наука и инновации. – 2013. – № 7. – С. 33–35.

К. В. PALKHOUSKAYA

ECONOMIC BEHAVIOR OF WORKERS AT THE INTERNAL LABOUR MARKET IN BELARUS

Summary

In the article the main socio-economic indicators of the Republic of Belarus, income and expenses of families are studied, as well as economic behavior and social mood of workers in the internal labor market are characterized. The official statistical data, materials of international analytical agencies and republic monitoring were used in the analysis. As a result we concluded that the success of socio-economic reforms depends on the activity of workers' economic behavior and their possibilities for professional realization.

Keywords: economic behavior, social mood, labor market, incomes, expenses.

Поступила 16.11.2013 г.

А. А. БОБА,

кандидат социологических наук,

Государственный научно-исследовательский институт МВД Украины, г. Киев

ФАКТОРЫ НАПРЯЖЕННОСТИ ДОХОДНЫХ ПРИТЯЗАНИЙ НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ, ГРУЗИИ, ПОЛЬШИ И ВЕНГРИИ

На основе эмпирических данных изучения общественного мнения, выполненного по проекту ИНТАС № 04–79–7323, дается характеристика различий доходных притязаний в основных социально-демографических группах населения четырех европейских стран, приводится в общем виде методика построения различных социологических индексов (напряженности доходных притязаний, накопленного имущества, удовлетворенностью жизнью и психологического стресса), анализируются матрицы коэффициентов корреляции интегральных социологических индексов с возрастом, полом, количеством детей в семье, полученным образованием, размером дохода, местом жительства, а также самооценкой материального статуса.

Ключевые слова: доходы, субъективно-нормальные доходы, удовлетворенность жизнью, психологический стресс, обратно-пропорциональный индекс имущества.

С начала 1990-х гг. мониторинговые исследования общественного мнения в России, Украине и Венгрии стали включать вопросы относительно представлений респондентов о среднемесечном доходе, который позволял бы семье жить нормально, а также величине дохода бедных и богатых семей. Вопросы о базовых и реальных жизненных стратегиях людей, связанных с их финансовыми возможностями, притязаниями, мотивами потребления в последнее время активно разрабатываются в маркетинговых исследованиях, а индексы потребительских настроений становятся важными макроэкономическими показателями. Интегральный индекс, отражающий разрыв между реальными и субъективно-нормальными доходами, наряду с другими, традиционными индексами (удовлетворенности жизнью, оптимизма, психологического стресса, материального благополучия, эффективности деятельности институтов), должен играть большее значение при формировании стратегии развития посткоммунистических государств.

Владимир Магун детально изучил различные жизненные стратегии молодежи, констатируя при этом «революцию притязаний в молодежной среде – ожидание лучших, по сравнению с семьей респондента, условий жизнедеятельности, должности, образования и дохода, достаточного для нормальной жизни» [1, с. 315]. В работах российских социологов были проанализированы соответствующие данные, характеризующие потребительские настроения россиян, а также выявлены определенные закономерности в соотношении

действительного среднедушевого дохода и субъективно-нормального душевого дохода. Последний выступает, по мнению Татьяны Черкашиной, «показателем объективной (реальные денежные поступления) и субъективной (сознание респондента) оценки того, какие ежемесячно получаемые средства могут обеспечить домохозяйству нормальную жизнь», и отражает удовлетворение потребностей массового потребителя, возможные расходы денежных средств на текущие нужды. Отношение желаемого («нормального», по мнению опрошенных) дохода к действительному говорит о степени напряженности между задаваемыми обществом образцами потребления, образом жизни и имеющимися у человека ресурсами [2].

Исходя из анализа результатов российских мониторинговых и панельных социологических исследований, можно сделать такие содержательные выводы.

«Выбор величины субъективно нормального дохода ограничен действительным материальным положением: какой высокой ни была бы относительная разница между желаемым и действительным доходами, место семьи в субъективной иерархии по доходу в большинстве случаев близко к месту в объективной иерархии.

Действительный доход задает рамки ограничения субъективно нормального дохода, но внутри этих рамок последний предстает относительно самостоятельной величиной: он теснее связан с представлениями о нормальном доходе в другие годы, чем с действительным доходом в этом же году и практически не зависит от динамики реального дохода.

При масштабных изменениях реальных доходов населения в целом меняются притязания, связанные с нормальной жизнью, слабо завися от изменения индивидуальных доходов.

Отсутствует дифференциация представлений о нормальном доходе среди малообеспеченных слоев населения: хотя доходы у всех разные (в известных пределах), мнения об уровнях приличествующей жизни одинаковы. Бедность уравнивает во мнениях людей с разным образованием, занятиями и разного возраста» [3, с. 131].

Результаты исследований показали, что коэффициент напряженности зависит от получаемого дохода, типа населенного пункта, статуса занятости, возраста, образования и соотносится с оценкой положения в городе, стране, страхами (наступление тяжелых времен, ксенофобия, желание сильной руки), стилями жизни и партийными симпатиями. При этом лица, больше зарабатывающие, указывали более высокую величину нормального для жизни дохода. Сравнение коэффициента напряженности в различных социально-демографических группах показало, что уровень притязаний по отношению к реально получаемым доходам заметно выше у молодежи, жителей сельской местности, лиц с неполным средним и средним образованием, безработных [4–6].

Украинские социологи также неоднократно обращались к тематике субъективно-нормальных доходов. Соответствующие вопросы включались в исследования общественного мнения Института социологии НАН Украины, Государственной службы статистики Украины, Украинского института социальных исследований им. А. Яременко, Киевского международного института социологии [7]. Стоит отметить, что социологи дают порой диаметрально противоположную интерпретацию, основываясь на соотношении действительных и субъективно-нормальных доходов. Одни считают, что уровень жизни населения и его материальных запросов является низким, другие отмечают тенденцию роста благосостояния и притязаний граждан Украины, склонность людей приbedняться.

Так, Наталья Харченко отмечает, что представление о субъективно-нормальном доходе является идеалом, который трудно достичь. В середине 1990-х гг. при неизменности объективного уровня жизни материальные проблемы стали ощущаться острее [8, с. 48]. На основе сопоставления общего объема среднемесячных доходов, доходов на питание, а также доходов, достаточных для нормальной жизни, Юрий Саенко делает вывод о том, что население Украины живет по меркам минимальной модели выживания: «даже в своем представлении о “нормальной жизни” украинский социум мыслит категориями бедной общности, отводя расходам на питание семьи 54 % – больше половины семейного бюджета, а это по международным нормам – признак бедного общества» [9, с. 71–72].

Анализ представлений о субъективных стандартах жизни в денежной форме на основе мониторинга Института социологии НАН Украины (2005) осуществила Наталья Толстых. Количественные значения ответов относительно представлений о нищенской, бедной, нормальной, зажиточной и богатой семье были разбиты на интервалы по прожиточному минимуму, его двойному и тройному значению. 93 % и 72 % респондентов при определении черты нищеты и бедности назвали доход, не превышающий прожиточный минимум. Субъективный прожиточный минимум, по мнению половины населения, должен составлять сумму от одного до двух величин официально установленного государством прожиточного минимума [10, с. 88–89].

Ольга Балакирева на основании анализа данных опроса молодежи делает следующие выводы. Наибольшие притязания имеют студенты и учащаяся молодежь. С возрастом уровень притязаний уменьшается. Запросы мужчин несколько выше, чем женщин. Молодежь областных центров называет более высокую величину зарплаты, чем жители городов и сел. Как и в других социологических исследованиях, было установлено, что величина нормальной зарплаты растет с увеличением доходов семьи [11, с. 90–92].

Исходя из результатов эмпирических исследований, Элла Либанова отмечает, что за последнее время выросла черта субъективной бедности – раньше она более-менее соответствовала той, которую определяло правительство, а сейчас примерно половина населения определяет ее на уровне средней

заработной платы, а около 20 % – на уровне двух с половиной средних зарплат. Ответственность за такое положение (увеличение запросов населения на фоне роста благосостояния) возлагается на политическую и экономическую элиту, которая всячески демонстрирует свое благосостояние и увеличивает социальные трансферты (выплаты) населению (цит. по: [12]).

Эмпирической базой нашего исследования послужили результаты опросов общественного мнения, проведенных в октябре–декабре 2005 г. при поддержке ИНТАС (проект 04–79–7323) по общенациональным вероятностным выборкам центрами изучения общественного мнения: в Украине ($N = 1200$) – СОЦИС, в Польше ($N = 1027$) – ЦБОС, Венгрии ($N = 1012$) – ТАРКИ, Грузии ($N = 1300$) – ГОРБИ. При вычислении *коэффициента напряженности доходных притязаний* (Kt) как отношения субъективно-нормального дохода к действительному доходу выборка в каждой стране уменьшилась, поскольку часть респондентов не ответила на вопрос относительно своих доходов. Кроме того, респонденты с резко выделяющимися значениями были исключены из анализа (около 5–7 % объектов). Среднее значение коэффициента напряженности доходных притязаний для Украины ($N = 773$) составило 3,8, для Польши ($N = 573$) – 2,4, Венгрии ($N = 721$) – 2,3, Грузии ($N = 981$) – 20,9 [13, с. 161].

Для характеристики напряженности доходных притязаний проведен дисперсионный анализ, где коэффициент напряженности выступал зависимой переменной, и рассчитаны корреляционные матрицы (табл. 1 и 2) между такими переменными.

Действительный доход на одного члена семьи (Ind). Все ответы относительно вопросов о размерах дохода были приведены в доллары США по официальному курсу в странах на момент исследования.

Доход, при котором, по мнению респондента, семья может себе позволить жить нормально (Norm).

Доход, при котором, по мнению респондента, семья считается бедной (Poor).

Обратно-пропорциональный индекс имущества (IPIW) показывает имущественный статус индивида на основании наличия/отсутствия у него 16 предметов семейной собственности (рассчитывается с учетом процента людей, которые обладают той или иной собственностью, – автомобилем, телевизором, компьютером, мобильным телефоном и т. п.). В качестве промежуточных вычислений каждому респонденту был приписан вес, отражающий пропорцию встречаемости тех или иных вещей у населения. Поскольку меньшая встречаемость в выборке какого-либо предмета собственности говорит о его ценности, каждому респонденту был приписан индекс, где от единицы отнималась соответствующая доля признака. Начальное значение индекса было умножено на сто. Индекс изменяется от 0 (наименьшее количество личной собственности) до 100 (наибольшее количество). В социологическом исследовании подобные индексы [14] являются важными показателями, поскольку величина дохода может занижаться (а в отдельных случаях – завышаться) респондентом.

Самооценка материального статуса семьи (SEMS) изменяется по шкале субъективной оценки от 0 до 10 баллов (чем выше балл, тем выше самооценка).

Индекс психологического стресса (Stress) вычисляется на основе ответов на 9 вопросов о самочувствии респондента и принимает значение от 4 до 1 (чем меньше балл, тем меньше человек подвержен стрессу).

Обратно-пропорциональный индекс удовлетворенности (IPILS) отражает субъективное благополучие человека, удовлетворенность различными сторонами жизнедеятельности (доходом, работой, условиями жизни, местом проживания, социальным статусом, перспективами на будущее, здоровьем, отношением со стороны властей). Изменяется от 0 до 100 баллов (чем выше балл, тем выше удовлетворенность).

Возраст респондента (Age) выражен в годах.

Пол (Gender) имел альтернативы: 1 – «мужской» и 2 – «женский».

Количество детей в семье (Children).

Образование (Education) было унифицировано по странам исследования к категориям: от 1 – «базовое» до 3 – «высшее».

Место проживания респондента (Settlement) ранжировалось от 1 – «столица» до 6 – «сельская местность».

Заметим, что не всегда можно однозначно определить направление влияния между переменными. Табличная форма подачи материала позволяет сместить исследовательский ракурс и на другие интегральные индексы, в частности, удовлетворенность жизнью и психологический стресс. Напомним, что коэффициент корреляции, возведенный в квадрат, показывает величину совместной изменчивости переменных.

Статистический анализ выявил такие наиболее существенные факторы, обуславливающие изменения коэффициента напряженности доходных притязаний.

Прежде всего, уровень среднедушевых доходов семьи обуславливает повышение границ, необходимых для нормальной или бедной жизни, и способствует уменьшению напряженности доходных притязаний. Во всех странах с ростом доходов величина субъективно-нормальных доходов сближается с реальными, увеличивается удовлетворенность различными сторонами жизни, а в Грузии, Польше и Венгрии – дополнительно еще и уменьшается стрессированность населения. В трех указанных странах индивидуальные доходы связаны с предполагаемой для нормальной жизни величиной доходов и доходов, необходимых для жизни бедной семьи, а также с накопленным имуществом и с самооценкой материального уровня семьи.

В целом, люди с большим количеством имущества в собственности отмечают размеры как больших индивидуальных доходов (кроме Украины), так и субъективных нормальных доходов. У жителей указанной категории Грузии и Польши оказывается меньше коэффициент напряженности. Более зажи-

точное население в меньшей степени подвержено психологическому стрессу и в большей степени удовлетворено жизнью.

В молодом возрасте присутствуют большие материальные ожидания как следствие «революции притязаний». Во всех странах возрастная группа от 18 до 24 лет отличается высокими показателями напряженности доходных притязаний. В Венгрии и Польше, в отличие от Грузии, индивидуальные доходы растут с возрастом человека. Если молодые люди, как правило, располагали меньшим индивидуальным доходом, то в Грузии индивидуальные доходы молодежи достаточно велики по сравнению с остальным населением. В Украине (и, в определенной мере, в Польше) снижение среднедушевых доходов и, соответственно, повышение напряженности доходных притязаний приходится на возрастную группу 30–39 лет. Возможно, в это время семья испытывает повышенную нагрузку на бюджет. Жители Украины, Польши и Венгрии в возрасте после 70 лет имеют, как правило, сравнительно неплохие доходы и не претендуют на значительное улучшение жизни.

Во всех четырех странах мужчины имеют больший коэффициент напряженности доходных притязаний, чем женщины. В Украине, Польше и Венгрии выделяется группа неженатых мужчин (незамужних женщин) с высоким коэффициентом напряженности доходных притязаний. Но если в Украине, Венгрии и Грузии доход неженатых (незамужних) сравнительно высок, то в Польше он минимален.

Во всех странах при увеличении количества детей ожидаемо отмечается снижение индивидуальных доходов. Согласно статистическим данным по Украине, в 2006 г. доля домохозяйств с одним ребенком и расходами в месяц ниже прожиточного минимума (472 гривны, или 84 доллара) составила 25,7 %, с двумя детьми – 36,6 %, тремя – 47,1 %, четырьмя – 60,6 %, пятью и больше – 72,4 % [15, с. 405].

Местность проживания играет существенную роль в дифференциации получаемых доходов (в денежной форме), а также в величине коэффициента. Рост индивидуальных доходов в Грузии, Польше и Венгрии ассоциируется с местом проживания в крупном населенном пункте и увеличением образовательного уровня. Во всех четырех странах коэффициент напряженности высок в сельской местности, что может объясняться безработицей, невозможностью получить крупный доход в сельском хозяйстве. В трех странах, за исключением Грузии, высокие притязания возникают у жителей столиц и крупных городов с населением 500 тыс. и более человек (в Венгрии соответственно от 100 до 499 тыс.). В крупных городах выше заработок и, соответственно, меньше напряженность доходных притязаний.

Статус занятости отчасти детерминирован возрастными характеристиками респондента (это относится прежде всего к студентам и пенсионерам) и семейным положением (домохозяйка, отпуск по уходу за ребенком). Наибольшие значения коэффициента напряженности доходных притязаний выявились в четырех странах у домохозяек. В Украине, Польше, Венгрии

Таблица 1. Матрица коэффициентов корреляции переменных в Украине и Грузии

	Грузия												
	Ind	Norm	Poor	Kt	IPhw	SEMS	Stress	IPILS	Age	Gender	Children	Education	Settlement
Ind	1	,247**	,171**	-,276**	,435**	,307**	-,262**	,344**	-,170**	-,030	-,085**	,246**	-,294**
Norm	,035	1	,285**	,413**	,111**	,062*	-,068*	,101	-,112**	-,108**	,015	,060*	-,011
Poor	,043	,383**	1	,023	,116**	,101**	-,085**	-,094	-,167**	,010	,108**	,067*	-,167**
Kt	-,153**	,523**	,141**	1	-,132**	-,107**	,082**	-,232**	-,070*	-,039	,175**	-,088**	,164**
IPhw	,050	,173**	,136**	-,002	1	,380**	-,266**	,372**	-,186**	,018	,088**	,346**	-,415**
SEMS	,051	,120**	,079**	-,104**	,396**	1	-,396**	,269**	-,280**	,045	,130**	,234**	-,105**
Stress	-,067	-,087**	-,107**	,062	-,311**	-,423**	1	-,493**	,291**	,047	-,040	-,257**	,081**
IPILS	,095*	,083*	,094*	-,177**	,352**	,436**	-,492**	1	-,174**	-,042	-,104	,199**	-,106
Age	,040	-,182**	-,075*	-,219**	-,374**	-,247**	,247**	-,104**	1	-,017	-,139**	-,294**	,175**
Gender	-,005	-,079**	-,089**	-,013	-,118**	-,094**	,175**	-,093*	,105**	1	,047	,048	-,078**
Children	-,102**	,008	-,082**	,414**	,147**	,036	-,060*	-,029	-,307**	,049	1	,015	,029
Education	-,006	,140**	,127**	,042	,352**	,181**	-,225**	,208**	-,310**	-,064*	,101**	1	-,377**
Settlement	-,031	-,232**	-,162**	,022	-,221**	-,163**	,192**	-,146**	,110**	,010	,071*	-,207**	1

Украина

Таблица 2. Матрица коэффициентов корреляции переменных в Венгрии и Польше

Венгрия													
	Ind	Norm	Poor	Kt	IPhw	SEMS	Stress	IPILS	Age	Gender	Children	Education	Settlement
Ind	1	,454**	,593**	-,366**	,298**	,350**	-,183**	,290**	,095**	-,059	-,273**	,364**	-,339**
Norm	,339**	1	,537**	,370**	,251**	,182**	-,103**	,147**	-,020	-,123**	-,182**	,278**	-,216**
Poor	,225**	,293**	1	-,086*	,248**	,216**	-,090*	,191**	,092**	-,072*	-,251**	,262**	-,248**
Kt	-,401**	,194**	-,005	1	,005	-,161**	,051	-,129*	-,138**	-,087*	,091*	-,070	,098**
IPhw	,257**	,154**	,108**	-,134**	1	,427**	-,264**	,357**	-,320**	-,108**	,138**	,438**	-,199**
SEMS	,306**	,074*	,046	-,186**	,376**	1	-,358**	,469**	-,173**	-,110**	,053	,312**	-,126**
Stress	-,192**	-,102**	-,034	,097*	-,310**	-,328**	1	-,388**	,124**	,084**	-,067*	-,209**	,029
IPILS	,241**	,145**	,071	-,095	,341**	,391**	-,551**	1	-,006	,024	,021	,272**	-,041
Age	,096*	,066*	,106**	-,087*	-,437**	-,253**	,190**	-,220**	1	,104**	-,381**	-,243**	,004
Gender	-,023	-,076*	-,044	-,063	-,060	-,003	,076*	,036	,076*	1	,003	-,136**	-,023
Children	-,269**	-,171**	-,178**	,121**	,137**	-,014	,010	-,021	-,212**	,071*	1	,038	,107**
Education	,342**	,177**	,134**	-,219**	,428**	,252**	-,177**	,223**	-,273**	-,035	,064*	1	-,234**
Settlement	-,285**	-,134**	-,219**	,180**	-,189**	-,120**	,002	-,080	,038	-,006	,146**	-,230**	1

Примечания

Коэффициент корреляции статистически значим на уровне статистической значимости:

** - $\alpha = 0,05$, * - $\alpha = 0,05$.

Для каждой пары переменных выборка была разного размера, ноль перед запятой в ячейках таблицы не приводится.

материальные запросы по сравнению с среднедушевым доходом велики у безработных. Наличие собственного бизнеса у респондента позволяет снизить разрыв между желаемым для нормальной жизни и действительным доходом в Украине и Венгрии. Следует заметить, что эта категория респондентов весьма малочисленна и разнородна и включает собственников крупных и средних компаний, представителей малого бизнеса, частных специалистов, фермеров.

На момент исследования в Украине наибольший разрыв между представлениями о доходе, обеспечивающем нормальную жизнь, и среднедушевым доходом фиксировался у разнорабочих, «синих воротничков», рабочих, занятых в сельском хозяйстве, квалифицированных специалистов. В Польше наибольшее значение напряженности доходных притязаний наблюдалось у разнорабочих и фермеров и «синих воротничков». «Синие воротнички», по-видимому, ориентируются на более высокие уровни жизни, чем профессиональные группы, получающие такие же или меньшие доходы. В Венгрии высокий коэффициент напряженности доходных притязаний был у квалифицированных рабочих, обладающих одним из самых низких среднедушевых доходов, ниже только у фермеров. В Грузии также низкодходные группы – фермеры и разнорабочие занимают высокие значения по коэффициенту напряженности доходных притязаний.

Респонденты с высоким уровнем образования отмечают большие размеры субъективных доходов, выше себя идентифицируют по шкале материальной самооценки, меньше подвержены стрессу и, соответственно, больше удовлетворены жизнью. В Польше, Венгрии и Грузии люди с высшим образованием имеют меньший коэффициент напряженности доходных притязаний.

Результаты корреляционного анализа показали, что страны имеют больше общего, чем различий. Предоставляя свои оценки, респондент стартует уже с каких-либо позиций (это было показано в ряде исследований и подтверждено собственным анализом). В целом, можно говорить о следующих основных, выявленных в ходе анализа, закономерностях:

1. Положительная связь материального статуса респондента, его дохода и самооценки с удовлетворенностью жизнью, уровнем образования и отрицательная – с напряженностью доходных притязаний и психологической напряженностью;

2. Положительная связь величины субъективных доходов для нормальной жизни и жизни бедной семьи с напряженностью доходных притязаний, отрицательная – с величиной населенного пункта и женским полом респондента;

3. Положительная связь напряженности доходных притязаний с количеством детей в семье и отрицательная – с возрастом респондента.

По показателям связи индивидуальных доходов с субъективными доходами Украина отличается от других стран проекта исследования, что может объясняться в том числе и тем, что люди не отвечают всегда правдиво на вопрос о величине собственных доходов в силу разных причин (возможно как завышение, так и занижение размера дохода) или вообще отказываются от ответа

(как это произошло в Польше). Поэтому целесообразно вводить в опросники индикаторы, не являющиеся «чувствительными» для респондента, фиксировать имущественный статус. Включение в методологию исследования вопросов относительно желаемых потребительских расходов позволило адекватнее и точнее анализировать потребности семей, показатели бедности и среднего уровня жизни в стране, предоставлять научно обоснованные результаты для формирования социальной политики. Большое значение имеют также ценностные ориентации и стратегии адаптации населения к напряженности доходных притязаний.

Литература

1. Магун, В. С. Революция притязаний и изменения жизненных стратегий молодежи в столицах и провинции: от 1985 к 1995 г. / В. С. Магун // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства / под общ. ред. Т. И. Заславской. – М.: Аспект Пресс, 1996. – Вып. 3. – С. 306–317.
2. Черкашина, Т. Ю. Субъективно нормальный доход: факторы дифференциации / Т. Ю. Черкашина // Российское общество на рубеже веков: штрихи к портрету / отв. ред. И. А. Бутенко. – М.: МОНФ, 2000. – С. 32–60.
3. Черкашина, Т. Ю. О субъективно нормальном доходе / Т. Ю. Черкашина // Социол. исследования. – 2000. – № 9. – С. 126–132.
4. Левада, Ю. «Человек ограниченный»: потолки притязаний [Электронный ресурс] / Ю. Левада. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2000/5/levada.html>. – Дата доступа: 12.10.2013.
5. Гудков, Л. Д. Показатели статусной неудовлетворенности и их динамика / Л. Д. Гудков // Экон. и соц. перемены: мониторинг обществ. мнения. – 1996. – № 6. – С. 45–50.
6. Бондаренко, Н. Анализ субъективных оценок нормального дохода и прожиточного минимума / Н. Бондаренко // Экон. и соц. перемены: мониторинг обществ. мнения. – 2001. – № 1. – С. 46–50.
7. Бова, А. Динамика представлений населения Украины о субъективно-нормальном доходе // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2009. – № 4. – С. 138–144.
8. Харченко, Н. Різноманітність аспектів бідності: спроба соціологічного аналізу / Н. Харченко // Наук. записки / Нац. ун-т «Киево-Могилянська академія». – Київ, 1999. – Т. 7: Політологія, соціологія. – С. 39–49.
9. Саєнко, Ю. Середній клас у соціологічних вимірах / Ю. Саєнко // Україна – 2002. Моніторинг соціальних змін / за ред. В. Ворони, М. Шульги. – Київ: Ін-т соціології НАН України, 2002. – С. 60–79.
10. Толстых, Н. Соціальні стандарти життя в Україні / Н. Толстых // Укр. соціум. – 2005. – № 5/6. – С. 87–91.
11. Балакірева, О. Матеріальне становище молоді: об'єктивні та суб'єктивні показники / О. Балакірева // Молодь України у дзеркалі соціології / за заг. ред. О. Балакіревої і О. Яременка. – Київ: УІСД, 2001. – 211 с.
12. Яценко, Н. Отчего жемчуг мелкий? О стремительно богатеей стране сплошной бедности / Н. Яценко // Зеркало недели. – 2007. – № 37. – 6–12 окт. – С. 7, 27.
13. Бова, А. Доходы и притязания: сравнительное исследование в четырех европейских странах / А. Бова // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2009. – № 1. – С. 158–168.
14. Zagórski, K. Life Cycle, Objective and Subjective Living Standards and Life Satisfaction. A new indexes building and life satisfaction. / K. Zagórski; in ed. by D. S. Fellows «Excellence in International Research 2005». – Amsterdam: ESOMAR, 2005. – P. 197–220.
15. Статистичний щорічник України за 2006 рік / за ред. О. Г. Осауленка. – Київ: Консультант, 2007. – 552 с.

*A. A. BOVA***INCOME'S ASPIRATION TENSION FACTORS OF THE POPULATION OF UKRAINE,
GEORGIA, POLAND AND HUNGARY****Summary**

The differences of income's aspiration in the main social and demographic groups of four European countries based on empirical data for Public Opinion Research, performed by INTAS № 04-79-7323 have been described. In general outline the methods of construction of diverse sociological indexes (income's aspiration, life satisfaction and psychological stress) are given. The matrixes of coefficients correlation of integrated sociological indexes with age, gender, number of children in the family, education, the income size, settlement type, and also self-assessment of material status are analyzed.

Keywords: income, subjective-normal income, life satisfaction, psychological stress, inversely proportional index of wealth.

Поступила 26.07.2013 г.

Ю. С. ЧАБАН,

аспирантка Института социологии НАН Украины, г. Киев

СОЦИАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ И ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЕВРОПЕ: ПРИЕМЛЕМЫ ЛИ ДЛЯ УКРАИНЫ ЕВРОПЕЙСКИЕ МОДЕЛИ

В статье рассматриваются социально-экономические и нормативно-правовые аспекты развития модели социального диалога в рамках европейской системы трудовых отношений. Исследуются тенденции и перспективы ведения коллективных переговоров на различных уровнях. В контексте проблем функционирования социального диалога проанализирована текущая ситуация в сфере регулирования трудовых отношений в Европейском союзе, что важно для становления и совершенствования украинской системы диалоговых отношений.

Ключевые слова: социальный диалог, трипартизм, Европейский союз, трудовые отношения.

В условиях рыночных реформ и реструктуризации экономики Украины меняется система трудовых отношений. На одних предприятиях используются собственные модели, на других – западные, на третьих – и те и другие. В контексте этого автора интересует выбор наиболее эффективной и органичной для украинских реалий модели социального диалога в системе трудовых отношений. Действующая система трудовых отношений отражает, прежде всего, сложный комплекс законодательных актов, административно-правовых норм и непосредственных действий исполнительных органов власти. Как подчеркивал профессор Манитобского университета К. Пентлэнд, «важной составной частью системы индустриальных отношений (в данном случае системы трудовых отношений. – Ю. Ч.) является именно правовая система» (цит. по: [1, с. 6–7]). Еще одним не менее важным элементом системы трудовых отношений являются коллективно-договорные отношения, которые сводятся к заключению и имплементации трудового соглашения между работодателями и профсоюзами, призванными выражать интересы наемных работников. Наряду с правовыми и коллективно-договорными составляющими важную роль в регулировании трудовых отношений играют неформальные институты (обычаи, ценностные ориентации), упорядочивающие поведение всех взаимодействующих социальных партнеров (работодателей, профсоюзов и государства в лице органов исполнительной власти). Если экономическое развитие страны в целом задает параметры и возможности тех или иных условий труда, его продолжительности и оплаты, то процедуры и практики социального диалога непосредственно определяют уровень заработной платы, рабочее время и условия труда работников, что в свою очередь влияет на дальнейшее экономическое развитие общества.

Вопросам роли социального диалога в регулировании трудовых отношений посвящены работы А. Арсеевко, С. Бакуменко, Д. Богини, А. Колота, Э. Либановой, Г. Осового, Ю. Привалова, В. Соболева, А. Андриющенко, И. Дубровского и др. Исследованием институциональных преобразований трудовых отношений занимались российские социологи и экономисты С. Белозеров, Б. Генкин, Г. Капелюшников. Среди украинских социологов проблемы социального диалога как социального взаимодействия изучали А. Андриющенко, Н. Балабанова, И. Дубровский, В. Жуков, В. Пилипенко.

Особенности механизмов стабилизации трудовых отношений в условиях трансформации современного общества отражены в исследованиях А. Дмитриева, Т. Заславской, В. Радаева, Р. Рывкиной, В. Ядова и других российских ученых. Среди украинских исследователей этой проблематикой занимались С. Мельник, Б. Нагорный, И. Попова, С. Приходько, Л. Хижняк, Е. Якуба.

Несмотря на большое количество уже имеющихся научных работ, исследовательское поле данной проблематики обширно. Вопросы становления и совершенствования института социального диалога в условиях социальной трансформации экономики Украины еще не достаточно разработаны. Поэтому целью данной статьи является формирование общего представления об институте социального диалога в Европейском союзе (ЕС) и анализ функционирующих сегодня в ЕС систем трудовых отношений, что исключительно важно для развития и совершенствования украинской модели социального диалога.

Все модели социального диалога, которые действуют в европейских государствах, являются многоуровневыми, но значимость различных уровней в разных моделях неодинакова. Автор разделяет точку зрения российских исследователей Академии труда и социальных отношений (Курганский филиал) Н. Горина и В. Роговой, а также А. Нецадина (НБФ «Экспертный институт»), которые данные модели условно подразделяют на три группы [2, с. 20–21]:

1) модели с доминирующим межотраслевым уровнем: наиболее значимым является общенациональный уровень переговоров и соглашений; характерны для небольших государств с относительно простой отраслевой структурой (Бельгия, Финляндия, Словения);

2) модели с доминирующим отраслевым уровнем: основную роль играют отраслевые тарифные соглашения, которые в значительной мере распространяются на всю или большую часть предприятий отрасли; представлены в развитых государствах со сложной отраслевой структурой (Австрия, Германия, Греция, Италия, Голландия, Португалия, Испания, Словакия, Швеция);

3) модели с доминирующим уровнем компаний: центр диалога, при наличии определенного регулирующего влияния отраслевых и общенациональных соглашений, приходится на предприятия (Чехия, Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Мальта).

Анализ моделей по таким параметрам, как гибкость рынка труда, уровень бедности и безработица показывает, что наиболее конкурентоспособными в условиях глобализации являются модели с доминирующим отраслевым

и межотраслевыми уровнями. Эти модели отличаются высоким уровнем социальной защиты населения и колдоговорной политики, фискальной нагрузкой на рынок труда, который в ряде европейских стран характеризуется слабостью профсоюзов, довольно сильной дифференциацией зарплаты и значительной долей работников, получающих низкую зарплату. Система социальной помощи направлена на поощрение активности наемного работника в поисках работы. Длительная безработица, особенно характерная для стран Западной Европы, приводит к обесцениванию человеческого капитала и тем самым сокращает возможности нового трудоустройства для тех, кто прошел через нее. А следовательно, чем выше, длительнее безработица, тем меньшее влияние она оказывает на изменение ситуации с занятостью в лучшую сторону. В странах, где фиксируется наиболее высокий уровень безработицы, уже в течение длительного времени наблюдается сокращение доли членов профсоюзов в общем числе работающих. Этому также способствуют изменения структуры производства в пользу отраслей, где представительство профсоюзов было традиционно низким. Как отмечают специалисты Института мировой экономики и международных отношений Ф. Бурджалов и Е. Гонтмахер, «негативное влияние подобной системы проявляется особенно резко в странах, где условия коллективных договоров распространяются на не членов профсоюза, как, например, во Франции, где доля членов профсоюза среди всех занятых не превышает 10 %, в то время как коллективными договорами охвачено более 90 % работающих» (цит. по: [3, с. 105]).

Большое внимание в странах ЕС уделяется реформированию системы страхования по безработице. К примеру, в Германии [3, с. 106] размер пособия по безработице зависит не от прежней заработной платы, а от степени нуждаемости безработного и его семьи. Поскольку в этой системе допускается частичная занятость без существенной потери в размере пособия, безработные получают стимул к новому трудоустройству, что, по мнению автора, может служить хорошим примером и для Украины.

Страны ЕС находятся в разных условиях с точки зрения узаконенной продолжительности рабочей недели, возможностей использования существующих форм найма (гибкого рабочего времени, временной занятости, работы по контрактам). Так, продолжительность рабочей недели в ЕС даже в настоящее время колеблется от 35 часов (во Франции) до 48 часов (в Германии). При этом если в Германии временная занятость разрешена, то в Италии, наоборот, на нее наложен запрет. Большие различия между странами наблюдаются и в оплате труда: разница с низкими и высокими издержками на рабочую силу в ЕС соотносится как 1 (Португалия) к 5 (Германия), а индексация заработной платы проводится только в семи странах (Бельгия, Дания, Франция, Греция, Италия, Люксембург, Нидерланды) [4].

За последние двадцать лет система трудовых отношений в этих странах претерпела радикальные изменения. На всех уровнях ведения социального диалога (национальном, отраслевом, уровне предприятия) начал действовать

ряд институтов, консультативных механизмов и процессов социального диалога. На национальном уровне был создан специальный орган для трехсторонних консультаций и переговоров между правительством, представителями работодателей и профсоюзами по социальным и трудовым вопросам. Кроме того, для лучшего функционирования социального диалога была создана соответствующая законодательная база (как и в Украине).

Что касается охвата коллективными договорами, то в странах ЕС он сильно варьируется, хотя в целом является высоким. В сложившейся системе установления заработной платы работодателей не устраивает действующая во многих странах (Бельгии, Франции, Португалии и Испании, отчасти в Нидерландах и Греции) так называемая «практика дальнейшего распространения» (распространение условий коллективного договора, подписанного объединениями работодателей и профсоюзами, на компании, которые не принимали непосредственного участия в колдоговорном процессе). По сравнению с США и Японией, где под действие коллективных договоров подпадает лишь пятая часть всех занятых, в Европе этот показатель составляет свыше 70 % [3, с. 7–8].

В исторической ретроспективе в Украине существовали отдельные элементы социального диалога на микроуровне (коллективные договоры, организации профсоюзов). В радикально изменившихся социально-экономических условиях возникла потребность в формировании адекватной институциональной модели урегулирования взаимоотношений между новыми субъектами хозяйствования (на региональном, отраслевом и национальном уровнях).

С формальной стороны для формирования эффективного института социального диалога в Украине существуют все необходимые условия: есть профсоюзы как организации, которые должны представлять и защищать интересы наемных работников; сформировались организации работодателей, которые должны обеспечивать наемных работников достойной заработной платой за выполненный труд; государство заявило о своей готовности выступать в качестве посредника в отношениях между наемными работниками и работодателями; существует необходимая нормативно-правовая база для развития социального диалога, сформированы базовые институты и механизмы проведения коллективных переговоров. Несмотря на это, говорить о том, что в украинском обществе эффективно действуют нормы и принципы социального диалога, пока рано.

Исследователи трудовых отношений, как и их участники, продолжают отмечать неэффективность существующей модели социального диалога, формальность и невыполнение положений коллективных договоров, низкую регулятивную силу имеющихся соглашений. На сегодняшний день этот важный институт капиталистической формы организации хозяйствования имеет больше недостатков, чем достоинств (табл. 1).

С одной стороны, действительно, существует весомая нормативно-правовая база, значительная часть предприятий и наемных работников охвачены

Таблица 1. Достоинства и недостатки социального диалога в Украине

Достоинства	Недостатки
Заложен фундамент законодательной базы социального диалога. Теоретические основы, положенные в основу системы социального диалога, основаны на национальном опыте. Сформирована вертикаль органов социального диалога. В каждой административно-территориальной единице существует трехсторонний орган социального диалога.	Отсутствуют механизмы реализации решений органов социального диалога и контроля за их выполнением. Решения органов социального диалога носят рекомендательный характер. Каждая из сторон социального диалога старается больше отстаивать свои собственные интересы, чем общие. Существует слабая связь между НСЕТР и областными советами социального партнерства. Институт социального диалога в регионах развивается неравномерно. Отсутствует опыт социально-партнерской деятельности. Коллективные договоры охватывают преимущественно государственный сектор и крупные предприятия. Отсутствует подготовка специалистов по социально-партнерской деятельности.

коллективными договорами и соглашениями¹. С другой стороны, многочисленны случаи нарушений условий колдоговоров и соглашений (несвоевременная выплата заработной платы; нарушения во время принятия и увольнения с работы; применение непредвиденных законодательством штрафных санкций; введение рабочего режима, нарушающего нормы трудового права, и т. д.).

Согласно данным Всемирного банка, почти 5 млн украинцев трудоспособного возраста работают без официального оформления трудовых отношений, что ставит Украину на одно из первых мест в мире по объемам теневой экономики [5, с. 8].

По данным украинской статистики, охват коллективными договорами наемных работников достаточно высок (то есть процент работников, оплата и условия труда которых определяются, по крайней мере в некоторой степени, коллективными соглашениями). Однако, если в период с 1995 по 2004 г. наблюдалась устойчивая тенденция к повышению этого показателя (от 60,7 % в 1995 г. до 83,1 % в 2004 г. и 83,9 % в 2009 г.), то в последние годы эта тенденция не сохраняется (табл. 2). Охват коллективными договорами автор статьи считает фактором, оказывающим сильное влияние на процедуры и практику определения заработной платы, рабочего времени, условий труда, а следовательно, и на социальный диалог в целом.

Ставя цель выбора для Украины наиболее оптимальной, экономически и социально эффективной модели социального диалога, целесообразно обра-

¹ В 2012 г. коллективно-договорным регулированием охвачено почти 8,9 млн чел., что составляет 80,4 % учетной численности штатных работников [5, с. 7].

Таблица 2. Динамика заключения коллективных договоров в Украине за 1995–2012 гг.¹

Показатели	Годы													
	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Количество заключенных колдоговоров (единиц)	39 421	72 089	75 669	77 020	80 934	82 844	82 923	89 979	95 781	95 656	94 964	105 014	98 514	101 766
Количество наемных работников, охваченных колдоговорами (тыс. чел.)	9324,7	10 361,4	10 139,7	9829,5	9662,3	9531,0	9517,2	9532,8	9596,1	9429,3	9038,3	8967,6	8766,5	8881,5
Процент к общей численности наемных работников	60,7	75,6	78,7	80,3	82,0	83,1	81,8	81,1	82,4	83,4	83,9	81,6	81,6	80,4

¹ Официальные статистические данные по состоянию на 31.03.2012 г. – Режим доступа: http://www.ilo.org.ua/DocLib/%D0%9F%D1%83%D0%BB%D1%96%D0%BA%D0%B0%D1%86%D1%96%D1%97/Analytical%20Report_UKR.pdf.

тяться к опыту стран ЕС. Но может ли европейский опыт быть использован в качестве образца для развития и совершенствования системы трудовых отношений в Украине? Ведь принципы, на которых основаны модели социального диалога в ЕС, – неоспоримы. И закладывались они в условиях, отличных от сегодняшних украинских реалий (обусловленных, прежде всего, иным уровнем экономического развития).

Для сравнения украинской модели социального диалога с европейскими аналогами необходимо четко определить параметры, по которым это сравнение будет проводиться. В качестве таковых автор предлагает рассматривать законодательную базу, институциональную базу и механизмы контроля над принятием решений.

Согласно первому параметру трудовое законодательство Украины соответствует распространенной среди стран ЕС практике: общие принципы и нормы содержатся в КЗоТ (проекте Трудового кодекса), а механизм их реализации отражен в отдельных законах. Отсюда следует дублирование многих положений КЗоТ в действующем законодательстве.

В 2010–2011 гг. специалистами ГУ НИИ СТО Минсоцполитики Украины (с участием автора статьи) был проведен анализ соответствия законодательства Украины законодательству ЕС в сфере трудовых отношений, позволивший сделать следующие выводы:

1. Законодательство Украины в сфере занятости на 40 % соответствует нормам ЕС, что говорит о необходимости большего внимания к таким вопросам, как государственное регулирование занятости в депрессивных регионах, миграция трудового населения и занятость без заключения трудового договора.

2. Нормативно-правовая база Украины по вопросам, касающимся условий труда, социальной защиты и развития человеческих ресурсов, почти на 80 % соответствует правовым нормам ЕС.

3. Соответствие норм национального законодательства законодательству ЕС в части коллективно-договорного регулирования трудовых отношений составляет около 70 % [6].

Что касается второго параметра, институциональной базы, необходимо отметить, что в Украине она развита достаточно хорошо, но формально. Отсутствует эффективное взаимодействие между социальными партнерами. Отношения между ними не регламентируются нормативно-правовыми документами, а основываются на добровольных началах по обмену информацией. По мнению автора, в Украине в отношениях между работодателями и наемными работниками преобладают не общие интересы, а корпоративные либо личные.

Поскольку украинский опыт функционирования социального диалога насчитывает всего 22 года, существует проблема с кадровым обеспечением в этой сфере. В Украине практически отсутствуют учебные заведения, в которых бы могли получить необходимое образование будущие социальные партнеры, поэтому эти знания приобретаются только на практике.

Но наибольшим камнем преткновения на пути становления эффективного социального диалога является отсутствие действенного механизма контроля над выполнением решений органов социального диалога различных уровней. Поэтому необходимо (на определенный срок) законодательно закрепить обязательность выполнения решений этих органов.

Опыт ЕС свидетельствует о необходимости выработки научно обоснованной стратегии социальной политики, обеспечивающей как поступательное развитие общества, так и предотвращение конфликтов в сфере трудовых отношений. В силу фактически отсутствия в Украине института социального диалога, налаживание функционально конструктивных взаимоотношений между представителями наемных работников, работодателями и органами государственной власти становится приоритетной задачей на пути становления реального института социального диалога. При этом правильно распределить полномочия и финансовые ресурсы между социальными партнерами, избежать излишней иерархичности в принятии решений позволит, как показывает европейский опыт, принцип субсидиарности.

Литература

1. *Арсеенко, А. Г.* Социально-экономический механизм регулирования трудовых отношений (на примере США, Канады, Великобритании) / А. Г. Арсеенко. – Киев: Наук. книга, 1995. – 182 с.
2. *Нещадин, А.* Какая модель социального партнерства нужна россиянам? / А. Нещадин, Н. Горин, В. Роговая // Человек и труд. – 2007. – № 2. – С. 17–21.
3. *Вишневская, Н.* Рынок труда в режиме рецессии / Н. Вишневская // Мировая экономика и междунар. отношения. – 2013. – № 5. – С. 101–109.
4. *Бонвичини, Р.* Социальное партнерство и трудовые отношения в Европе / Роберто Бонвичини. – М.: Права человека, 2005. – 196 с.
5. Розробка пропозицій до проекту Закону України «Про колективні договори і угоди» із врахуванням положень Закону України «Про соціальний діалог в Україні» та конвенцій Міжнародної організації праці: звіт про НДР. – № держреєстрації 0112U004239. – Луганськ: ДУ НДІ СТБ, 2012. – 89 с.
6. Пропозиції щодо адаптації законодавства України у сфері соціального діалогу до законодавства Європейського Союзу: звіт про НДР / ДУ НДІ СТБ № ДР 0111U004473. – Луганськ, 2011. – 67 с.

J. S. CHABAN

SOCIAL DIALOGUE AND INDUSTRIAL RELATIONS IN EUROPE: ARE EUROPEAN MODELS ACCEPTABLE FOR UKRAINE

Summary

The article examines the socio-economic and legal aspects of the social dialogue model development within the European system of labor relations. The trends and prospects of collective bargaining at various levels were studied. In the context of the problems in the functioning of social dialogue the current situation in the field of labor relations in the European Union, which is important for the formation and improvement of the Ukrainian system of dialogue relations was analyzed.

Keywords: social dialogue and tripartism, the European Union, labor relations.

Поступила 09.09.2013 г.

Н. Ю. ЛИНЦОВА,

аспирантка Института социологии НАН Украины, г. Киев

МОДЕЛИ СТИЛЕЙ ПОТРЕБЛЕНИЯ В ТРАНСФОРМИРУЮЩИХСЯ ОБЩЕСТВАХ

Анализируются социокультурные особенности потребления на постсоветском пространстве. Обсуждаются возможности воспроизводства базовых моделей классического потребления и их модификаций в обществах с высокой долей малообеспеченного населения. Актуализируются вопросы адаптации существующих моделей потребления западных стран к социокультурным и экономическим реалиям стран СНГ.

Ключевые слова: стиль потребления, модель потребления, классическое и творческое потребление.

Заемствование культурных образцов западных стран обрело на постсоветском пространстве прежде всего форму наследования образцов потребления. Образ потребления, воплощаясь в образе жизни, отражает характер мировоззрения, а стиль потребления становится инструментом смены ценностей и выстраивания новых идентичностей. В обществах, которые трансформируются, подобные процессы носят достаточно стихийный характер. Сегодня постсоветский потребитель наблюдает множественные стили жизни и выбирает варианты часто кардинально отличные от тех, которые были привычными для поколения его родителей.

Стремительная адаптация и подражание образцам потребления развитых стран приводят, по словам Д. Лернера, к «революции возрастающих фрустраций», в процессе которой значительно возрастают потребительские притязания и происходит необратимый разрыв с существующими ценностями и нормами. В результате культуру трансформирующегося общества характеризует не только ситуация массово возросших потребительских притязаний, но и ситуации массового разочарования от нереализованных надежд и кризис идентичности [1, р. 233–241].

В современной науке немало теорий потребительских революций. Общие результаты наблюдений за процессами модернизации показывают, что потребительские революции в той или иной мере происходят во всех трансформирующихся странах, независимо от географии, культурных и даже политических факторов. Нарастающая фрагментация в системах ценностей и образах жизни приводит к изменениям даже таких фундаментальных основ обществ, как гендерная дифференциация и модели семейной жизни. Благодаря этому

исследователям не сложно находить много общего в культурах трансформирующихся стран, а также делать вывод, что буквально везде «потребительский этос» прививается быстрее и глобальнее, чем, к примеру, трудовой этос, предпринимательские правила честной игры, либо же этос гражданского сообщества, верховенство права и пр. [2].

Постсоветские страны занимают особое место по скорости заимствования образцов потребления. Само по себе стремление населения (не только элит, но и широких слоев) максимально следовать западным потребительским образцам свидетельствует о глубокой ценностной трансформации социума. Вместе с тем ключевой особенностью потребления на постсоветском пространстве является ограниченный доступ к ресурсам, обеспечивающим свободное потребление. Ресурсы, цели и скорость заимствования образцов потребления неоднородны, что в результате формирует у большинства населения ощущения недопотребления, приводит к поляризации общества и усилению социального неравенства.

Современные подходы к исследованию стилей потребления разворачиваются в плоскостях самых различных парадигм. В середине 1990-х гг. потребление начало рассматриваться как арена индивидуального выбора, как проявления идентичности и стиля жизни. Наряду с этим потребление можно рассматривать как дискурс, как чрезвычайно переменчивую социальную практику, как комплексный (экономический, социальный и культурный) феномен, как систему символов и знаков, как осознанную деятельность по конструированию собственной идентичности, как процесс выбора, покупки и утилизации товаров и пр. Общей же характеристикой всех современных подходов к концептуализации потребления являются устойчивый интерес к переосмыслению самого феномена, привлечение новых моделей и инструментов для его познания.

Для социальных исследователей связь между уровнем дохода и стилем потребления давно не однозначна. Потребители отличаются в зависимости от социально-демографических, статусных, экономических показателей, стиля жизни, поведенческих и психологических характеристик, гендера.

В практике исследований базовыми и независимыми критериями, на основании которых выстраивается типологизация потребителей, выступают доход, род деятельности и образование. Доход традиционно используется как индикатор покупательской способности, это, безусловно, важнейший фактор для поддержания стиля жизни. Зачастую люди в одной сфере занятости имеют схожий уровень знаний, схожий доступ к средствам формирования жизненного стиля и проведения досуга. Образование также влияет на вкусы, ценности, способ анализа информации и др.

Однако ни доход, ни род деятельности и профессия, ни образование в полной мере не определяют стиль. И если качество, уровень, образ жизни связаны с объективными условиями жизни человека, тогда и смена образа жизни и образа потребления зачастую связаны с динамикой доходов либо сменой

места проживания. Однако когда при сопоставимых доходах, образовании и профессии индивиды, проживающие по соседству, выбирают различные услуги, товары, места отдыха и стили проведения досуга – это и есть пример выбора различных стилей потребления.

Одна из наиболее заметных тенденций в изменениях моделей потребления связана с трансформациями в гендерной дифференциации. Первые переменные в гендерных стилях потребления проявились в стиле унисекс, возникшем в 1960-х гг. Сегодня в крупных городах постсоветского пространства можно встретить метросексуалов, ретросексуалов, техносексуалов, трансляторов стиля ЛГБТ и т. д. – это примеры практик стилового разнообразия в гендерном потреблении.

Вместе с тем важно понимать, что стиловое разнообразие в потреблении возникает на фоне достаточных ресурсов для его поддержки, поэтому у большинства постсоветских потребителей стилового репертуар не так широк и гендерная стилистика потребления не является доминирующей потребностью.

В контексте моделей потребления стиль можно определить как результат взаимного влияния экономических, социальных факторов (культура, ценности, субкультура, референтные группы, семья, демография) и индивидуальных характеристик личности (эмоции, мотивы, локус контроля и т. д.). Так, в обобщающей модели Ф. Котлера потребление рассматривается сквозь призму социальных и культурных детерминант, где факторы культурного уровня оказывают самое большое влияние на поведение потребителя. Культура, субкультура и социальная позиция покупателя выступают первопричинами, определяющими потребности, мотивы и ценностные ориентации в потреблении. Потребитель, будучи членом множества социальных групп и исполнителем разных социальных ролей, часто выбирает товары и услуги, которые свидетельствуют о его статусе в обществе. Факторы социального порядка, такие как референтные группы (семья, друзья, соседи, коллеги), вторичные коллективы и желательные референтные группы, к которым индивид не принадлежит, но к которым стремится, также оказывают влияние на стиль потребления, по крайней мере, тремя способами. Во-первых, индивид сталкивается с новыми образами и стилями жизни; во-вторых, референты влияют на представление индивида о самом себе; в-третьих, группа подталкивает индивида к конформистскому поведению и заимствованию стилей.

Важной особенностью потребления постсоветских стран является ограниченный доступ к практикам массового потребления наряду с высокой ценностью таких практик. В большинстве своем население обладает малыми ресурсами, поэтому борьба за поддержание уровня жизни и попытки наследовать западные потребительские образцы формируют функциональные и фрагментарные практики, потребления, практики, в которых социальные мотивы часто не соответствуют экономическим возможностям потребителя и его ресурсной базе. Примерами функциональных и адаптивных практик, которые нацелены на обеспечение потребления в условиях нехватки ресур-

сов, могут служить покупки в секонд-хенд, ведение личного подсобного хозяйства жителями крупных городов и др. В фрагментарных практиках зачастую нарушается здравый экономический смысл, принимается решение в пользу покупок таких предметов и услуг, которые не могут быть удовлетворены в рамках существующих ресурсов, например, покупка последней модели мобильного телефона, которая существенно повлияет на структуру расходов всего домохозяйства.

Анализируя стили потребления населения Украины, социолог Н. Шульга обращает внимание на то, что сегодня наследование стилей потребления проявляется скорее в механизмах адаптации, нежели заимствования. Высокие уровни образованности и притязаний у нашего населения сопоставимы с ситуацией в западных странах, однако не подкреплены возможностями для массового потребления [3, с. 346–363].

В этих условиях важным регулятором потребления выступает габитус. Габитусное потребление возникает в результате продолжительного нахождения в социальной позиции, что позволяет сохранять привычное потребление, следовать давно принятым вкусам в одежде, в выборе продуктов питания, в способах отдыха и в структуре расходов. Примеры габитусного потребления чаще всего можно встретить в сельских сообществах. Тут ограничения, которые накладывает сельский образ жизни, его зависимость от сельскохозяйственных циклов, малый бюджет свободного времени, а также низкий доступ к пространству потребления и малый репертуар стилей позволяют следовать габитусу. Сельские жители, по сравнению с горожанами, воссоздают габитусы из прошлой социальной позиции в своем новом стиле потребления особенно долго.

Рассматривая российский опыт перехода к рыночной экономике, С. Цирель выделяет всего три стиля потребления, которые можно определить как габитусные. Это минимизированное потребление у бедных, накопительный стиль у населения со средним доходом и стиль престижного потребления элит [4, с. 46].

В то же время западные образцы потребления, которые и становятся предметом заимствования, определяя стиль потребления населения стран СНГ, хотя и привязаны к социальным позициям, не определяются ими столь жестко, поскольку отражают специфику общества массового потребления. Резкое возрастание конвейерного производства, происшедшее еще в 1950-х гг., создало условия для получения «ненасытным потребителем» возможностей для подражания тем, кто «живет достойно», например соседям, которые заменили старую мебель, бытовую технику либо автомобиль на новые модели. При этом речь шла о заимствовании новых массовых практик потребления, а не о следовании образцам потребления элит. Подобный доступ к пространству массового потребления население постсоветских стран получило только в начале 2000-х гг., когда рынки товаров и услуг стали соразмерны расходам не только новых богатых, но и ресурсам формирующегося среднего класса, что

стимулировало отказ от традиционного и габитусного потребления и нарастание стилового разнообразия в потребительских практиках.

В самом общем виде социальные практики потребления могут быть описаны через различные модели и типологии. Следует отметить, что такая модель потребления, как упрощенное представление реальности, включает в себя те элементы потребления, которые важны для исследователя, прочие же элементы могут исключаться. Для нас значимым измерением выступает стиль потребления и его трансформация, в связи с чем предлагаем рассматривать в качестве базовых модели классического потребления, а в качестве их модификаций – модели творческого потребления.

Демонстративная и пуританская модели классического потребления. Модели классического потребления рассматривают потребление как инструментальную деятельность по оптимизации структуры расходов и отражают начальный этап в дифференциации стилей потребления, когда покупка товаров является для индивида способом самореализации, позволяющим чувствовать себя причастным к более статусной группе через воспроизводство элементов ее образа жизни.

Широко известная благодаря работе Т. Веблена «Теория праздного класса» *модель демонстративного (престижного) потребления* сегодня может быть применима только для описания демонстративного потребления (а также демонстративной бездеятельности и отказа от моральной ценности труда) в рамках четкой социальной иерархии тех малых групп, которые уже занимают высокое положение, либо стремятся его заимствовать и обладают при этом ресурсом. В отечественной истории примеры реализации такой модели можно найти в потреблении класса дворян времен Российской империи и групп партийной номенклатуры времен СССР.

В качестве современной модификации демонстративной модели можно рассматривать модель *гедонистического потребления*, сформулированную Э. Хиршман и М. Холбруком в 1980-х гг. Проявление такой модели в практиках потребления связано с развитием четвертого типа экономических обменов (наряду с товарами, услугами и ресурсами) – обменов впечатлениями. Российская исследовательница теории роскоши А. Андреева, ссылаясь на авторов теории гедонистического потребления, приводит следующее определение: «Гедонистическое потребление обозначает те стороны потребительского поведения, которые относятся к мультисенсорным, фантазийным и эмоциональным аспектам переживаний, вызванных товаром» [5]. Модель характеризуется доминированием эмоциональных желаний над утилитарными мотивами при выборе товара, насыщением товара смыслами и значениями, которые заменяют в сознании потребителя его физические свойства. Потребитель-гедонист не видит отличий между потребностями и желаниями и совершает покупки не ради потребности в товаре или услуге, а ради самого процесса шопинга. Как правило, такие покупки совершаются импульсивно, однако под формирующим влиянием маркетинговых технологий стимулирования продаж.

В рамках гедонистической модели легко объяснимы такие формы потребительского поведения, как *гиперпотребление* и *терапевтическая покупка*. Гиперпотребление возникает, когда количество приобретаемых товаров и услуг далеко превышают реально необходимые потребности. Терапевтическая покупка основана на компенсаторном поведении потребителя, который верит, что приобретение определенного товара или услуги способно снять стресс, улучшить самочувствие и компенсировать неудачи в жизни. Актуализация этой модели на постсоветском пространстве в начале 2000-х гг. связана с доступом к дешевым потребительским кредитам и общему росту номинальных доходов. Первичное «насыщение» новыми товарами и услугами наряду с экономическим кризисом конца 2000-х гг. несколько охладили постсоветского «ненасытного потребителя». Сегодня модель обладает потенциалом для практического объяснения поведения той части населения, которые могут быть отнесены в сегмент гедонистов. Анализируя гедонизм как проявление стиля жизни населения, украинский социолог М. Паращевин [3, с. 315] использовал данные мониторингового исследования Института социологии НАН Украины за 2006 и 2007 гг. Он выявил, что гедонизм, как определяющая ценностная ориентация, свойствен 8–10 % населения Украины.

Модель пуританского потребления. Модель пуританского потребления, ставшая традиционной для западной социологии, сегодня привлекает особый интерес в контексте исследований реакций на экономическую нестабильность и кризис 2008–2011 гг.

Основания для описания пуританских практик потребления заложены в работе М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма». Пуритане критически относятся к чрезмерному потреблению и демонстрируют добровольное самоограничение, при этом такой стиль не связан с нехваткой ресурсов. Пуританская модель также реализовывается в этике «морального потребления», поэтому к современным пуританам можно отнести так называемых «зеленых потребителей» – тех, кто мотивирован утилизировать отходы потребления, заботиться об экологии.

В отечественной практике социологических исследований образа жизни нет данных по специфике поведения современных пуритан, однако часто адаптации данной модели можно встретить в исследованиях потребления поколения беби-бумеров (1943–1963 гг. рождения). Даже при достижении уровня благополучия такие потребители зачастую отказывают себе в приобретении сиюминутных удовольствий и впечатлений, для них больше характерны накопления на «черный день» и покупка дорогостоящих товаров длительного потребления [6, р. 138]. В маркетинговых исследованиях можно встретить выводы, что потребители с подобной мотивацией и в данном возрастном диапазоне составляют порядка 20–25 % платежеспособного населения Украины.

В настоящее время в западной социологии активно разрабатывается *модель дауншифтинга*, которая описывает такие трансформации и новые стили в организации рабочего и свободного времени, устройстве быта, ценностных

предпочтениях, вкусах современных западных потребителей, которые проявляются в практиках потребительского минимализма и ретризма, движениях «no-logo», в тренде «анти-роскошь» [7].

В общем виде модель характеризует осознанный отказ от общепринятых образцов потребления, смену стиля жизни, осознанный переход на низкую служебную позицию или даже изменение вида деятельности ради освобождения времени для личной и семейной жизни. Мотивация обосновывается желанием реализовать свою мечту, жить ради себя. Снижение дохода тут рассматривается как приемлемая плата за свободное время. В странах Западной Европы доля escape-people (escape – от англ. «бегство») среди трудоспособных граждан возросла до 30 %, среди американцев и австралийцев – до 20–25 % жителей [7]. В социокультурных и экономических реалиях трансформирующегося общества модель имеет ограниченное применение, хотя и может быть проиллюстрирована уже существующими сообществами «экопоселенцев» на постсоветском пространстве [8, с. 186].

Новый этап в развития стилей потребления находит отражение в *моделях контркультурного и просьюмерского потребления*, которые обобщенно можно назвать моделями творческого (креативного) потребления.

Формирование данных моделей связано с рядом предпосылок, одна из них – изменения в организации производства, переход от конвейерного производства к более гибким технологиям, которые создают возможность поддерживать потребление в условиях перепроизводства. Вкусы потребителя все более диверсифицируются, возрастают уровни образования потребителей и желание творчески реализовывать свои способности в практиках потребления товаров и услуг (отметим, что потребление услуг возрастает особенно стремительно).

Модель просьюмерского потребления разработана Э. Тоффлером и характеризует современного активного потребителя – просьюмера (prosumer), который объединяет в себе функции потребителя (consumer) и производителя (producer). После того как стандартные товары и услуги перестанут удовлетворять потребительский спрос, дальнейшее наращивание оборотов перепроизводства станет возможным благодаря кастомизации (customization) – подгонке товаров и услуг под нужды конкретных потребителей. Примером кастомизации служат товары категории DIY (doityourself), которые предполагают активное участие потребителя в создании конечного продукта, например выполнение потребителем функций рабочего при сборке мебели IKEA.

Креативное потребление проявляет себя не только в эстетизации повседневности при обустройстве жилищ, но и в процессах социального конструирования тела, кулинарном творчестве, фото- и видеосъемке, индивидуальном пошиве одежды [9, с. 52–54].

Исследователи рынка называют просьюмерами порядка 20–30 % проактивных потребителей, которые уделяют много времени выбору товаров и услуг и могут влиять на мнение других. Очевидно, что действие модели на

постсоветском пространстве ограничено экономическими факторами и проявляется у той части населения, которая обладает не только материальным, но и временным и информационным ресурсами для реализации практик творческого потребления.

Современная адаптация модели просьюмерского потребления получила свое продолжение в анализе *аффилиативных практик потребления*. Аффилиативный мотив потребления возникает благодаря рекомендации лидера референтного сообщества (часто знаменитости, актеры и т. п.). Изначально такой стиль потребления возник как альтернатива массовому потреблению, но сегодня он активно практикуется для манипуляций потребительским поведением, примеры чему часто можно встретить в различных социальных сетях.

Контркультурное потребление – это демонстрация противостояния массовому потреблению посредством приобретения эксклюзивных товаров и услуг. Образ и стиль потребления новых яппи, богемных буржуа (bobos – авторский термин, сокращение от bohemian bourgeois) детально описан в монографии и многочисленных публикациях Д. Брукса [10; 11]. В наших реалиях современное контркультурное потребление доступно крайне малому числу людей, однако схожие стилистические механизмы противостояния проявляются в различных молодежных субкультурах.

Выводы. Современность характеризуется все большим разнообразием стилей жизни, усилением фрагментации системы ценностей и образа жизни, что приводит к параллельному возникновению и функционированию различных моделей потребления. В рамках изменчивых социальных систем и множественных стилей жизни моделирование каждый раз должно учитывать контекст социальных трансформаций, предлагать гибкие и комбинированные подходы в исследованиях стилей потребления.

Большинство рассмотренных моделей разработаны в контексте устойчивых систем потребления западных стран, поэтому их использование для анализа потребления в трансформирующихся обществах потребовало переосмысления с учетом социокультурной и экономической реальности стран СНГ. В предложенном виде модели могут быть использованы при описании некоторых нарастающих тенденций потребления, прояснения стиливых трансформаций социума.

Адаптация рассмотренных моделей требует дальнейших конкретно-прикладных социологических исследований. Последние, в свою очередь, станут основанием для создания новых, специфических для трансформирующихся обществ моделей стилей потребления.

Литература

1. Campbell, C. The Romantic Ethic and the Spirit of Modern Consumerism / C. Campbell. – Oxford: Basil Blackwell, 1987. – 301 p.
2. Магун, В. С. Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодежи: 1985–1995 годы / В. С. Магун // Интернет-издание: Ин-т социологии РАН. – М.: Изд-во Ин-та

социологии РАН, 1998. – Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/524/700/1219/1_Prityazania_VVEDENIE.pdf. – Дата доступа: 23.06.2013.

3. Стилї життя: панорама змін / за ред. М. О. Шульги. – Київ: Ін-т соціології НАН України, 2008. – 416 с.

4. Цирель, С. В. Рыночная экономика и типы потребления / С. В. Цирель // Экон. вестн. Ростовского гос. ун-та. – 2004. – Т. 2, № 1. – С. 45–58.

5. Андреева, А. А. Гедонистическое потребление: некоторые понятийные рамки [Электронный ресурс] / А. А. Андреева. – Режим доступа: <http://luxurytheory.ru/2011/10/gedonisticheskoe-potreblenie>. – Дата доступа: 23.06.2013.

6. Grzeszczyk, E. Amerykańskie wzory konsumpcyjne / E. Grzeszczyk // Kultura i Społeczeństwo. – 2004. – N 4. – S. 125–146.

7. Липсиц, И. Трансформация культуры и изменения в моделях потребительского поведения / И. Липсиц // Вопр. экономики. – 2012. – № 8. – С. 64–79.

8. Яковлева, А. А. Потребительский ретретизм: альтернативный стиль жизни в обществе потребления / А. А. Яковлева // Журн. социологии и соц. антропологии. – 2011. – Т. 14, № 5 (58). – С. 182–192.

9. Ильин, В. И. Креативный консюмеризм как тренд современного общества потребления / В. И. Ильин // Журн. социологии и соц. антропологии. – 2011. – Т. 14, № 5 (58). – С. 41–55.

10. Brooks, D. Are you a BOurgeois BOhemian? / D. Brooks // Observer 28 May 2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.guardian.co.uk/theobserver/2000/may/28/focus.news1>. – Дата доступа: 23.06.2013.

11. Brooks, D. Bobos in Paradise: The New Upper Class and How They Got There / D. Brooks. – New York [etc.]: Simon and Schuster, 2000. – 284 p.

N. Y. LINTSOVA

MODELS AND STYLES OF CONSUMPTION IN TRANSFORMED SOCIETIES

Summary

In the article socio-cultural peculiarities of the consumption in post-soviet countries are analyzed. The possibilities of classic consumption basic models and their modifications which are typical for societies with a high proportion of poor population are described. There were actualized the important issues of existing consumption patterns adaptation in western countries to socio-cultural and economic realities of the CIS countries.

Keywords: style of consumption, consumption patterns, models of classic and creative consumption.

Поступила 11.07.2013 г.

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

УДК 316.1/316.7

В. Л. АБУШЕНКО,

*кандидат философских наук, доцент,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск*

ПРЕСУППОЗИЦИИ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В КЛАССИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Классическая социология не полагала отдельным предметом своего изучения личность. Как субдисциплина социология личности возникла только в постклассической социологии. Тем не менее само понятие личности изначально не только присутствовало, но и являлось одним из центральных при формировании основных социологических дискурсов. Именно в классической социологии «по умолчанию» были приняты основания социологического видения личностной проблематики, во многом определяющие ее трактовки вплоть до возникновения альтернативных исследовательских стратегий в постнеклассической социологии. Ключ к пониманию многих современных дилемм в социологии личности лежит в критическом «преодолении» presuppositions классической социологии.

Ключевые слова: личность; индивид; социальное; классическая, постклассическая, неоклассическая, постнеклассическая социология; presupposition; социальный порядок; социальное взаимодействие.

Проблемы изучения человека, социума и культуры являются конституирующими для социогуманитарного познания. Ни одна из социальных дисциплин не может обойти их вниманием. Другое дело, что каждая из них, формируя свои предметные и тематические области, по-разному расставляет исследовательские приоритеты. Так, социология исходно центрировалась на изучении разных аспектов социальной жизни – социальных порядков, стратификационной и институционально-организационной систем, социальных действий, взаимодействий, социокультурных практик и т. д. При этом вопросы, например, исследования культурной жизни общества долгое время оставались вне фокуса ее внимания. Установки же на исследование проблем человека, изначально редуцируемого к изучению его социального бытия (бытия социумом), во многом предопределили суть самого социологического дисциплинарного проекта, а предложенные внутри него решения прямым образом влияли на становление различных социологических парадигматик.

Становление и изменение подходов к изучению личности достаточно четко совпадают с изменением эпистемологического статуса самой социологии, сменой ее методологических установок. В данном тексте принимается выделение в истории становления данной научной дисциплины трех наследующих друг другу периодов – классической, постклассической (включая неоклассическую) и постнеклассической социологий. Понятно, что любое членение не

является бесспорным и не может установить четкие временные границы между выделяемыми периодами, но, тем не менее, его можно принять в качестве идеально-типической конструкции, позволяющей расставить определенные акценты в сложной и противоречивой трактовке проблематики – в нашем случае проследить становление и переломные точки изменения социологического дискурса личности.

Современная (постнеклассическая) социология занимает весьма проблемное место в кругу современных социогуманитарных дисциплин. Она заметно утратила свои некогда лидирующие позиции в эпистемологическом поле исследования общественной проблематики. Об этом явным образом свидетельствуют непрекращающиеся уже несколько десятилетий дискуссии о различного рода дисциплинарных империализмах (эпистемологических интервенциях) и статусе социального знания в современной социокультурной жизни в глобально изменяющемся мире. Представляется, что многие решения для социологии лежат именно (хотя и не только) в области пересмотра принципов построения социологического дискурса личности, а чтобы плодотворно двигаться в этом направлении, необходимо критически отнестись к самим этим принципам и порождаемым ими следствиям.

Собственно социология личности как субдисциплина сложилась только в постклассической, прежде всего – неоклассической, социологии (примерно конец 1910-х – конец 1960-х гг.) и презентирована в основном различными статусно-ролевыми концепциями. Именно с ними в первую очередь и связывалось в дальнейшем оформление основных противоречий, возникших внутри социологического видения личностной проблематики, именно они в последующем стали основным предметом критики и «преодоления», как выражающие саму суть модели «человека социологического». Представляется, однако, что рефлексивного отнесения требуют сами основания (пресуппозиции) социологических дискурсов личности, которые вполне эксплицитно могут быть зафиксированы уже в период становления социологической классики.

* * *

Социология никогда не ставила своей задачей исследование человека как такового, т. е. не брала его в целостности, а исходно полагала предметом исследования только его социальное бытие (бытие социумом). Само это «бытие социумом» полагалось универсальной, тотальной характеристикой человека. Сам термин «человек», если и употреблялся в социологических дискурсах, то только как отсылка к более объемлющим контекстам социогуманитарного знания и конкретным содержанием не наполнялся. (Хотя часто при этом оговаривалось, что «человек» обладает и иными содержаниями, как правило, с указанием на то, что они также испытывают неизбежное воздействие социальной составляющей.)

Вместо категории «человек» в триаде социум (общество) – культура – человек стала использоваться категория «личность». Концепт «личность» исход-

но вырабатывался как редукция всего возможного содержания к социальному. Последнее, в свою очередь, редуцировалось, как правило, к индивидуально (типическому) выражению совокупности социальных отношений, социальных связей и взаимозависимостей. Тем самым вопрос о том, где производится социальное – институциональными структурами или во взаимодействии конкретных агентов, столь существенный для различения различных социологических парадигматик, – является в данном контексте вторичным.

Единичным носителем социального, т. е. личностного измерения человека, признавался «индивид» как представитель «человеческого рода», общества (социума), общности, группы, институции. При этом он понимался как лишенный индивидуальных черт, несущественных для социологического анализа (философы предпочитают употреблять в этом случае термин «индивидуум», отсылающий к индивидуально схватыванию и проявлению универсального). Индивид, скорее, – формальная счетная единица, схватывающая параметр отдельности. Показательно в этом отношении употребление в прикладной социологии термина «респондент» для выражения счетной единицы – носителя интересующей исследователя социальной информации.

Тем самым акцент в социологии исходно делался на типическом, общем для той или иной категории социальных агентов, на том, что их объединяет и выливается в сходные способы поведения, действия и взаимодействия, отличные от возможных других, носителями которых являются социальные агенты с иным набором объединяющих их характеристик. «Индивидуальное» как индивидуально-специфическое, уникальное, характеризующее только эту и только эту экзemplярность, изначально выводилось за рамки подлежащего схватыванию – описанию и анализу. «Индивидуальное» применяется в классической социологии не как фиксация «единичного», а как обозначение видового различия (группы социальных агентов) на фоне родового общего (более объемного сообщества агентов).

Отсюда доминирующая в социологии антипсихологическая установка, так как практическая ориентированность традиционной психологии подразумевала, в конечном итоге, объяснение специфики поведения данного конкретного человека, во многом возводимой именно к уникальной неповторимости сочетания определенных черт именно у данного человека. В последующем (с переходом к постклассической социологии) было найдено компромиссное решение в парадигматике так называемого «социологического психологизма» и в дисциплинарности социальной психологии. Классическая же социология оперировала аргументами «от социума», а не «от личности».

Социология и психология на единой секулярной основе, но исходя из разных дисциплинарных установок, наследовали комплекс представлений о личности, выработанных во времена европейского Средневековья и Реформации в христианской теологии. При этом если психология не могла игнорировать представления об индивидуальной неповторимости личностного начала, то социология сделала акцент на самостоянии индивида, способного воспроиз-

водить «на своем месте» некие сущностные черты целого (= социума), к которому он принадлежит, вынося обсуждение проблем «уникальности» за рамку своего интереса. Тем самым именно в социологии произошло принципиальное переформулирование содержания, вкладываемого до этого в понятие личности в европейской традиции.

Наследование христианско-теологического комплекса идей для социологии было опосредовано усвоением разработанного в философии Нового времени секуляризированного представления об автономной, относительно самостоятельной в своих представлениях личности, способной совершать выбор возможной стратегии своего поведения на основе разумности-рациональности и нести ответственность за последствия своего выбора. При этом важной оказалась акцентировка внимания на оценке имеющегося в распоряжении индивида сложившегося на данный момент баланса социальных (включая политические) сил и социальных (включая экономические) ресурсов.

Таким образом, имплицитно в комплекс социологических представлений о личности так или иначе оказались встроены (как предпосылочные) представления о гражданском обществе и разумном политическом устройстве, с одной стороны, и о рыночном типе хозяйства и разумном экономическом устройстве – с другой. Тем самым концепт личности в социальной науке изначально был связан с идеалом человека, репрезентирующего вполне определенный исторически и культурно человеческий тип – «социального человека» Нового времени, т. е. собственно «личность».

При этом историческая конкретность и культурная обусловленность данного человеческого типа была осознана гораздо позже оформления концепта «личность», приобретшего универсальный характер усилиями социальных философов, но прежде всего – социологов (частично – социальных психологов). Универсализация научных дискурсов экономических и политических наук во второй половине XX в. обнаружила не менее универсализированные абстракции человека экономического и человека политического, но одновременно и их неразрывную взаимосвязь с человеком социальным (= социологическим).

Итак, можно констатировать, что концепт личности оказывается базовым для европейских социальных дискурсов на протяжении минимум нескольких веков. Развитие антропологического, культурологического и исторического знания показало, с одной стороны, его историческую и культурную обусловленность, т. е. неуниверсальность и в этом смысле ограниченность, а с другой – лишь подтвердило, что этот концепт – «несущая конструкция» европейского современного миропонимания, и в этом отношении он давно вышел за пределы социологического и иных научных дискурсов.

В этом отношении показательно и то, что периодические «кризисы» социальных дисциплин в XX в. не в последнюю очередь маркируются стремлением к переинтерпретации понятийного ряда, связанного с концептом личности. Это проявилось двояко. С одной стороны, был предпринят ряд попыток

расширить дисциплинарные представления о подлежащих исследованию в рамках социальных дисциплин аспектах человеческого бытия; в более радикальной «редакции» был поставлен вопрос о создании комплексного, целостного, трансдисциплинарного знания о человеке. Один из наиболее эксплицированных примеров тому – усилия по созданию философской антропологии. С другой стороны, было предпринято несколько попыток дезавуировать и деконструировать используемый понятийный ряд и заменить его другим (пример – постструктуралистские и конструктивистские версии анализа проблематики).

Современная социология оказалась в эпицентре противостояния всех этих старых и новых эпистемологических стратегий. Во-первых, именно ей, и не без оснований, приписывается редукция понятия «личность» к сугубо социальной составляющей, к тому же подвергнутой существенной переинтерпретации и переакцентировке по ходу развития дисциплины. В фокус внимания социологов все больше попадали проблемы адаптации и вписывания в сложившиеся институциональные порядки, рационально-прагматического включения в них, технологии достижения социального успеха и т. д. И все больше «в тень» (на периферию исследовательского интереса) перемещались проблемы самоорганизации, инициативного гражданского действия и т. д. Во-вторых, разработанные социологические модели оказались малоэффективными при анализе новых социокультурных реалий постиндустриального (позднемодернового, постмодернового) общества. Показательно избегание «личностной» терминологии в современных дискурсах – целый ряд направлений социологического анализа обходится понятиями типа «актор», «агент», «актер» и т. д.

В связи со сказанным встает вопрос об отнесении к проблематике исследования личности в социологии (репрезентирующей, в конечном счете, проблематику исследования человека в социологии). Это отнесение может быть эвристично в нескольких отношениях. Во-первых, можно показать «прорывные» вектора в такого рода исследованиях. Так до конституирования социологии «не делалось», а «сделанное» в социологии вышло далеко за рамку ее дисциплинарных границ. Во-вторых, именно социологический дискурс, в силу жесткости его редукций, эксплицитно показал «тупики» дисциплинарных видений проблематики личности (шире – человека). В-третьих, «личностная» проблематика оказалась взрывоопасной для самих основ классически и неоклассически понимаемой социологии и стала одной из основ для поиска ее современных постнеклассических переинтерпретаций.

* * *

Для классической социологии, как уже отмечалось, проблемы личности как самостоятельной исследовательской задачи не существовало. Одна из ее основных имплицитных установок как раз и состояла в том, чтобы уйти от персоналогического понимания исторического процесса и оснований социокультурной жизни. Несколько огрубляя, можно сказать, что задача во многом

сводилась к необходимости обоснования вписанности индивидуального бытия в социальные (латентно – социокультурные) контексты, его обусловленности социальным (социокультурным), сохраняя, так или иначе, представление об автономности «бытия личностью», без чего трудно было бы провести тезис о возможности разумного (рационального) обустройства общественной жизни.

Отсюда и в позитивной (доминирующей) версии социологии, берущей начало в работах О. Конта, и в критической версии социологии, восходящей к работам К. Маркса, акцентировалась социальная природа сущности человека. Человек как личность рассматривался как субъект социокультурной жизни только тогда, когда его интересы, способности, устремления, самосознание и т. д. описывались как исторически сформированные и обусловленные, самораскрывающиеся в контекстах социальных отношений, предметной деятельности и общения. Тем самым отдельный индивид принципиально трактовался как репрезентирующий те или иные социальные силы (группы, общности, организации, институции).

Человек, схваченный через концепт личности, понимался прежде всего как воплощение, выражение и продуцирование социально значимых черт, связей и отношений конкретного общества и входящих в него образований. Социальность человека означает, что он не может поддерживать свою жизнь, удовлетворять свои потребности и реализовывать свои интересы иначе, чем в определенной общественной структуре, адаптироваться к среде иначе, чем создавая и изменяя эту структуру, находить свое место в жизни и реализовывать себя иначе, чем в общении и взаимодействии с себе подобными в интересусубъективном пространстве сложившихся и регулируемых социальными институтами социальных связей и отношений.

Понятие личности как раз и выражает в этом случае целостность устойчивых свойств и качеств индивида, хотя и сформированных на основе его биопсихологических задатков, но вырастающих: а) из системы связей и отношений групп, общностей, организаций и институций, в которые он был включен, и тех, в функционировании которых он в данный момент участвует, б) из его воспитания и социализированности в определенной культуре, в) из его субъектной активности в определенных макро- и микросоциокультурных средах и ситуациях жизнедеятельности.

При этом основной вектор развития классической социологии шел от признания роли в развитии индивидов природных, генетических и психофизиологических факторов в сложившихся моделях индивидуального и коллективного поведения к постепенной их элиминации, усиливающейся редукции сущности человека к тем частичным функциям, которые он выполняет в системе социальных институтов и организаций, общностей и групп, социальных связей, отношений и взаимодействий в целом. Одновременно усиливалось внимание к способности индивида к встраиванию в существующие (разумные) социальные порядки и ослабевало внимание к проблематике автономности, самостоятельности, самоорганизации социальных индивидов.

Мерой человека оказывалась, прежде всего, мера усвоенного социально-типического в индивиде, характеризующая сложившиеся, нормированные, легитимные и санкционированные особенности групп, общностей, организаций и институций, общества в целом, а не мера его индивидуальности. С этой точки зрения понятие личности оказывалось универсально применимо к каждому человеку в любом социуме и культуре, коль скоро он индивидуально проявляет их значимые черты, а его образ действий и поведение выступают как одобряемые, поощряемые и ожидаемые. Проблема же виделась в мере воплощения социального в индивидуальном.

Однако оставалась проблема персонификации осуществления социальных функций. Она решалась двояко. С одной стороны, через принадлежность того или иного индивида к определенной социальной общности, встроенной в стратификационную структуру общества (в пределе – классовая, сословная, социально-групповая принадлежность как детерминанта социального поведения). С другой – через процессы социализации, их успешность и эффективность. Личность – всегда социализированный индивид. И лишь затем рассматривалась способность индивидов выполнять однотипные действия с учетом специфики конкретных социальных и жизненных ситуаций и с учетом свойств самого индивида (прежде всего способности продуцировать творческие вставки в стандартизированные схемы деятельности).

Таким образом, личность рассматривалась прежде всего как «продукт» того или иного общества, т. е. индивид, в большей или меньшей степени усвоивший социокультурные нормы и образцы поведения и стереотипы сознания своей социокультурной среды и действующий сообразно им в соответствии с ожиданиями окружающих его индивидов и требованиями социальных институций. Социализированный индивид всегда остается самотождественным самому себе в социальных взаимодействиях и характеризуется набором усвоенных характеристик, необходимых для осуществления социальной жизни: сформированностью «Я», вмняемостью, рациональностью, компетентностью и т. д.

Как образцовую презентацию классической социологии и ее понимания личности можно рассматривать проект Э. Дюркгейма. «Становой хребет» проекта – принцип социологизма с его требованием объяснения социального только через социальное. Принцип социологизма «автоматически» включал антипсихологическую и антииндивидуалистическую установки в социальном познании. Социальная реальность провозглашалась внеположенной индивиду и его сознанию и принудительной по отношению к ним организованностью социальных фактов. Социальными фактами являются любые образы действия индивидов с учетом существующих условий (морфологические факты) на основе разделяемых «коллективных представлений» (факты коллективного сознания). Возможности индивида в обществе задаются его местом внутри сложившегося общественного разделения труда и типом социальной солидарности, складывающимся на основе разделяемых коллективных представлений.

Возможную альтернативную интерпретацию как понимания самой социологии, так и ее трактовки личности предъявил проект М. Вебера. Индивид живет в социуме, формируемом, в конечном счете, исторически медленно изменяющейся системой ценностей; он протраивает свои возможные действия с учетом возможных действий других индивидов на основе интернализированных смыслов определенной ценностной системы. Все социальные действия обладают известной (зависимой от вкладываемых в них смыслов) степенью рациональности (опять же соотносимой с той или иной ценностной системой). Знание меры рациональности позволяет выделить различные стратегии социального действия, т. е. дать их типологию (у Вебера их четыре). Определенные конфигурации индивидуальных стратегий формируют целостные личностные типы, различимые средствами социологического анализа (методом идеальных типов).

Дюркгеймовская и веберовская исследовательские стратегии надолго предопределили две взаимодополнительные, но и альтернативные, что обнаружилось последующее развитие социологии, линии в разворачивании социологических дискурсов личности. У Дюркгейма акцент делается на следовании внешнему, институционально оформляемому и поддерживаемому образцу, социальной норме. Отклонение от нормы в действиях конкретных индивидов и их объединений ведет к возникновению аномии и нарушению социальной стабильности. У Вебера в основание организованной социальной жизни положены социальные действия индивидов, наделенные смыслом и ориентированные на других. Социальная стабильность обеспечивается, в конечном счете, совместимостью избираемых стратегий действия индивидов в рамках определенной ценностной системы. Тем самым у Вебера сохраняется определенная автономность (субъектность) личности. Однако и у одного, и у другого автора принципиален акцент не столько на самой личности, сколько на механизмах ее действия в рамках так или иначе организуемой социальной (социокультурной) жизни.

* * *

Таким образом, классическая социология, не делая личность предметом специального исследования, породила, тем не менее, универсальный социальный дискурс, характерными чертами которого являются: а) выведение целостного изучения человека за скобку научного социального анализа, его замену «аспектными» исследованиями в рамках различных дисциплин; б) предложение, обоснование и разработка концепта личности, предполагающего сведение сути человека к его социальным характеристикам; в) разведение социологического понимания личности и религиозной ее трактовки; г) подготовка смещения социологического изучения личности с исследования деятельности свободного автономного индивида в рамках структур гражданского общества к исследованию различного рода социальных порядков, в которых социализируется и в которые встраивается человек индустриального общества.

*V. L. ABUSHENKO***PRESUPPOSITIONS OF THE STUDY OF PERSONALITY IN CLASSICAL SOCIOLOGY****Summary**

Personality was not supposed to be a separate subject of classical sociology study. As a subdiscipline sociology of personality has been originated only in the post-classical sociology. Nevertheless, the notion of personality was not only presented initially, but was one of the key in the formation of the major sociological discourses. It is in classical sociology where the base sociological vision of personality matters, which largely determine its interpretation up to the emergence of alternative research strategies in postnonclassical sociology were adopted «by default». The key to understanding of most modern dilemmas in sociology of personality lies in the critical «overcoming» of the presuppositions of classical sociology.

Keywords: personality, individual, social, classical, post-classical, neoclassical, postnonclassical sociology, presupposition, social order, social interaction.

Поступила 19.12.2013 г.

И. В. ЛАШУК,

*кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск*

ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОВЕДЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ГРУПП БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

В статье представлен концептуальный анализ жизненных стратегий социокультурного поведения, которые являются своего рода «маркерами» социокультурного развития современного общества. На базе предложенных концептуальных основ проведен эмпирический замер, в результате чего разработана модель жизненных стратегий социокультурного поведения социально-демографических и территориальных групп белорусского общества.

Ключевые слова: жизненные стратегии, социокультурное поведение, культура, базовые ценности, инструментальные ценности.

Жизненные стратегии социокультурного поведения социально-демографических и территориальных групп белорусского общества

Стратегия социокультурного развития Республики Беларусь связана с формированием целостной национальной и государственной политики, затрагивающей коренные вопросы жизни всего белорусского общества, составляющих его социальных групп и общностей. Без осмысленных стратегических решений, рассчитанных на длительную перспективу, невозможно говорить о единстве и целостности белорусского народа. Отсюда вытекает, что в фокусе внимания и исследовательского интереса должно находиться отслеживание параметров основных социокультурных изменений и процессов, касающихся формирования новых социокультурных стратегий поведения, от чего зависит успешность проводимых в стране реформ, актуализации различных пластов культурной и исторической памяти и преодоления негативных последствий разрыва традиций в нашем обществе. Социологическим показателем, позволяющим отслеживать тенденции социокультурного развития современного общества, являются, по нашему мнению, жизненные стратегии социокультурного поведения. В данной работе мы попытались разработать собственное концептуальное определение понятия «жизненные стратегии социокультурного поведения» на базе следующих теоретико-методологических оснований.

1. Культурсоциологический подход. В основе данной работы лежат теоретические положения, которые разрабатываются сегодня в рамках культурсоциологического направления, основателем которого признан Дж. Александер

[1, с. 27]. На фоне целого ряда подходов, разворачивающих социологическое рассуждение «о культуре», этот исследовательский проект выделяется тем, что рассматривает культуру не как один из объектов социологического анализа, а как наиболее важную характеристику социального, определяющую базовый модус социологического рассуждения. Иными словами, культура, указывая на определенное видение социальной реальности, предстает в качестве организующего принципа, формирующего теоретическую оптику социологического исследования, а подход в целом обретает статус общей социологической теории, в противоположность концепциям, которые более корректно рассматривать как версии социологической субдисциплины «социологии культуры».

Не вдаваясь подробно в историю и предпосылки возникновения данного дискурса в социальной теории (это предмет отдельной работы), отметим, что существуют принципиальные различия между традиционно понимаемой социологией культуры и культурсоциологией. Главное отличие последней заключается в том, что культура уже не рассматривается как предмет специальной социологической теории (как это делается в социологии культуры), речь идет об изучении культуры на метатеоретическом уровне. Тем самым культурсоциология претендует на статус фундаментального знания об обществе, где само социальное трактуется и интерпретируется в терминах культурного, социум понимается как «производный» от культуры.

Белорусский социолог В. Л. Абушенко отмечает, что в современном знании культурсоциология обозначает «...определенный тип постнеклассического “социологизирования”, “метатеоретический социологический подход” в анализе культуры, чем являет собой некую дисциплинарную и/или парадигмальную целостность, несмотря на неоднократно предпринимавшиеся попытки ее институционализации как социологической школы (тем же Ф. Х. Тенбруком) и/или особой социологической теории». Внутри рамки культурсоциологии возможны различные версии оформления в зависимости от методологических и концептуальных оснований. Так, культуры в культурсоциологии можно рассматривать в предметной, ценностной, символической, текстовой, деятельностиной, технологической, игровой, коммуникационной, субъектной и организационной перспективах. При этом ни одна из обозначенных концептуализаций не может претендовать на универсальное видение культуры, но каждая является универсальной в смысле анализа среза культуры [2, с. 344].

Итак, главное отличие культурсоциологии от традиционной социологии культуры заключается в том, что культура уже не рассматривается как предмет специальной социологической теории (как это делается в социологии культуры), речь идет об изучении культуры на метатеоретическом уровне. Тем самым культурсоциология претендует на статус фундаментального знания об обществе, где само социальное трактуется и интерпретируется в терминах культурного, социум понимается как «производный» от культуры.

2. Социоанализ П. Бурдьё. Для нашего анализа важными являются два основных тезиса социоанализа П. Бурдьё:

1) социальная реальность рассматривается как многомерное пространство, включающее различные поля (политическое, экономическое, социальное, культурное и т. д.) – социальная топология пространства;

2) различие между *эмпирическим индивидом* (наблюдаемым в обыденном опыте) и *эпистемическим индивидом* (сконструированным исследователем в целях анализа) [3].

3. Типологический подход к культуре (В. Л. Абушенко). Следуя культуросоциологической методологии, социолог В. Л. Абушенко выделяет 10 основных концептуализаций феномена «культура» в современном социогуманитарном знании: *предметный, деятельностный, ценностный (аксиологический), технологический, символический, игровой, текстовый, коммуникативный, субъектный и организационно-диалоговый подходы* [4, с. 133].

Среди выделенных автором перспектив концептуализации феномена «культура» фокус нашего внимания сосредоточен на аксиологическом и деятельностном понимании феномена «современная культура». Суть нашей концептуализации заключается в следующем: *в основании различного рода культурных выборов индивидов и групп лежат ценностные приоритеты. Однако существуют они не сами по себе, а в связке с деятельностным компонентом в том смысле, что реализуются в реальной практической деятельности людей и закрепляются в повторяющихся моделях поведения.* Не претендуя на универсальность, данный подход является одной из возможных концептуализаций культуры в конкретном научном проекте.

Итак, концепт «жизненные стратегии социокультурного поведения» в рамках представленных методологических оснований базируется на следующих положениях:

1. Мы берем в основу веберовское представление о социальном действии и его осмысленности действующим субъектом, с одной стороны, с другой – используем метод построения «идеальных» типов стратегий поведения, отражающих не «объективную» реальность, а основные тенденции социума, в котором живут и действуют осмысливающие субъекты.

2. Мы концептуализируем социальное пространство в терминах П. Бурдьё, предполагая, что оно состоит из различных полей, в каждом из которых «играют» свои козыри в форме капиталов. Капиталы могут выступать в объективированной и инкорпорированной формах.

3. Каждое поле является в той или иной степени социокультурным.

4. Вслед за феноменологами мы предполагаем, что люди взаимодействуют в конкретных именно для них жизненных ситуациях, в которых они и делают свой выбор.

Жизненные стратегии социокультурного поведения в современном обществе представляют собой «чистые» (*идеальные*) типы стратегий поведения «агентов», имеющих различные капиталы и делающих свой выбор в жизненных ситуациях конкретного поля, являющегося в той или иной степени социокультурным. Иными словами, стратегии поведения формируются и проявляются в жизненных ситуациях в различных полях – экономическом,

политическом и др., каждое из которых является в той или иной степени социокультурным.

В рамках предложенных концептуальных оснований жизненные стратегии социокультурного поведения имеют в первую очередь аксиологическую природу. В рамках данного исследовательского проекта предполагается деление ценностей на базовые (предельные) и инструментальные ценности.

Так, базовые ценности представляют собой ядро личности, являются основным мотивом социальной активности, обеспечивают ее целостность и определяют программы и стратегии жизнедеятельности. Базовые ценности можно определить как предельные мотиваторы социальной активности агента. Предельные, поскольку они представляют собой наивысший уровень регуляции поведения личности, и за ними уже ничего другого поставить нельзя; мотиваторы – поскольку эти ценности требуют реализации в социальных практиках и побуждают к этому; социальной активности – поскольку эта активность необходимо должна быть направлена на другого.

Инструментальные ценности понимаются как социально значимые ресурсы, которые используются индивидами в социальных практиках. В отличие от базовых ценностей, характеризующих то, что движет людьми, инструментальные ценности относятся к средствам, которые люди используют для достижения собственных целей.

«Закрепление», формирование, воспроизводство ценностных иерархий происходит в повседневном взаимодействии людей или в повседневном мире. Оказывается, что ценностная позиция проявляется в действиях индивидов и групп в возникающих проблемных жизненных ситуациях. Проблемная жизненная ситуация возникает тогда, когда нарушается упорядоченность привычного течения жизни. Необходимость решать ту или иную проблему (или несколько проблем одновременно) требует от человека повышенной целенаправленной активности, выработки жизненно важных решений и, наконец, выбора той или иной стратегии деятельности, а также средств и способов достижения нужного результата. С другой стороны, тип проблем, стоящих перед человеком, несет на себе печать политического, экономического и культурного контекста, в котором они возникают, а также социального окружения. В таком случае значимость инструментальных ценностей определяется степенью «включения» в решение проблемных жизненных ситуаций.

Инструментальные ценности, или ценности-средства, интерпретируются нами одновременно и как «включенные» в повседневную практику капиталы. То есть, не каждый из имеющихся у человека ресурсов помогает ему в различного рода проблемных жизненных ситуациях, в этом случае он является капиталом «на бумаге» или формальным ресурсом. Реальным он станет только в том случае, когда «включится» и закрепится в повседневных моделях поведения.

Итак, жизненные стратегии социокультурного поведения определяются, во-первых, базовыми ценностными ориентирами. С другой стороны, в повседневной жизни, сталкиваясь с различного рода проблемными жизненными ситуациями, индивид актуализирует имеющийся в его распоряжении за-

пас капиталов (образовательный, сетевой, административный и др.), которые в той или иной степени помогают ему справиться с возникающими повседневными сложностями. В таком случае степень востребованности капитала в повседневности и определяет инструментальную значимость конкретной ценности (капитала).

Поскольку базовые ценности определяют смысл жизни человека, их можно сгруппировать на основе определения «Ради чего я живу»:

1. Ради своего дела (группа ценностей самореализации);
2. Ради себя (группа ценностей благополучия человека);
3. Ради близких (группа ценностей «людей малого круга»);
4. Ради других (группа ценностей «чужого мнения») (табл. 1).

Таблица 1. Операционализация базовых ценностей «Ради чего я живу»

Базовые ценности «Ради чего я живу»	Содержание	Индикаторы
Ради своего дела	Работа и профессионализм	Интересная работа Профессионализм в своем деле Общественная польза моего труда
Ради себя	Личное благополучие (физическое, душевное и социальное благополучие)	Душевный покой и комфорт Здоровье Физическая красота Материально обеспеченная жизнь Досуг и хобби
Ради близких	Малый круг	Дети Родители Супруг(а), любимый человек Друзья
Ради других	Положение в глазах других	Репутация в глазах значимых для Вас людей Власть, возможность влиять на других людей Карьера Высокое положение в обществе

Перечень инструментальных ценностей разрабатывался с учетом форм капиталов, выделенных П. Бурдьё: каждому капиталу соответствует определенный набор инструментальных ценностей (табл. 2).

Итак, в соответствии с разработанными концептуальной и операциональной схемами исследования жизненные стратегии социокультурного поведения мы изучаем через два основных компонента – базовые и инструментальные ценностные стратегии. Рассмотрим их подробнее¹.

¹ В данной работе представлены результаты социологического исследования, проведенного сектором культурных инноваций Института социологии НАН Беларуси по республиканской выборке в 2013 г. (выборочная совокупность составила 1545 респондентов). Согласно поставленным целям исследования, полученная выборочная совокупность является репрезентативной по 7 регионам республики (6 областей и г. Минск), типу населенного пункта (город, село), а также по величине населенного пункта (5 зон: I – областной центр (население свыше 250 тыс.), II – крупный город (от 100 до 250 тыс.), III – большой город (от 50 до 100 тыс.), IV – районный центр (от 10 до 50 тыс.) и V – малые города и поселки городского типа (до 10 тыс. населения).

Т а б л и ц а 2. Операционализация инструментальных ценностей

Капиталы	Индикаторы
Экономический (материально-вещественный)	Деньги
	Наличие собственности (жилье, машина и т. п.)
Символический (авторитет)	Авторитет Ваших знаний и опыта
	Ваше положение в обществе
Социальный («коллективный капитал» + «репутация»)	Семья, родственники, близкие друзья
	Наличие связей среди профессионалов различных областей
	Наличие связей с людьми с высоким положением в обществе
Культурный (институционализированное подтверждение + «диспозиции ума и тела» + «культурные товары») – это товары, производимые человеком и имеющие значимость в культуре	Образованность и профессиональная компетентность
	Знания, жизненный опыт
	Личностные качества (терпимость, духовность и т. п.);
	Деловые качества
	Здоровье Хорошая внешность

Базовые жизненные стратегии социокультурного поведения

Проведение многомерного факторного анализа позволило выделить четыре фактора (главных компонент):

1. Вектор, связанный с высокой значимостью *ценностей физического благополучия и положения в глазах других*:

физическая красота, привлекательность;
досуг и хобби;
друзья;
репутация в глазах значимых для Вас людей;
власть, возможность влиять на других людей;
карьера;
высокое положение в обществе.

2. Второй вектор ориентирован на *работу и профессионализм*:

интересная работа;
профессионализм в своем деле;
общественная польза моего труда.

3. Третий вектор сфокусирован на *душевном и социальном благополучии*:

душевный покой и комфорт;
здоровье;
материально обеспеченная жизнь.

4. Четвертый из выделенных векторов – «*семейный*», ориентирован на малые референтные группы:

дети;
родители;
супруг(а), любимый человек (табл. 3).

Рассмотрим далее проявления каждого из выделенных векторов в различных социально-демографических и территориальных группах. Для этого не-

Таблица 3. Матрица факторных нагрузок значимости базовых ценностей
(суммарная объясняющая дисперсия – 63,9 %)¹

Базовые ценности	Компонента			
	1	2	3	4
Интересная работа	,341	,817	,140	,085
Профессионализм в своем деле	,274	,857	,164	,109
Общественная польза моего труда	,310	,747	,194	,133
Душевный покой и комфорт	,094	,205	,652	,128
Здоровье	-,028	,065	,735	,197
Физическая красота, привлекательность	,484	,280	,433	-,106
Материально обеспеченная жизнь	,318	,085	,695	,068
Досуг и хобби	,530	,122	,432	,073
Дети	-,017	,220	,119	,580
Родители	,050	-,090	,204	,736
Супруг(а), любимый человек	,206	,120	,009	,813
Друзья	,614	,129	,233	,173
Репутация в глазах значимых для Вас людей	,669	,264	,281	,094
Власть, возможность влиять на других людей	,861	,198	,054	,051
Карьера	,858	,251	,009	,064
Высокое положение в обществе	,864	,243	,012	,038

обходимо произвести преобразование полученных в ходе факторного анализа данных. В данном случае использовалось разбиение факторных значений на четыре группы процентилей, в результате чего по каждому из выделенных факторов создано четыре группы с примерно равномерной частотой и с разной выраженностью ценностного фактора (1 – отсутствует значимость; 2 – выражена слабо; 3 – сильная значимость; 4 – очень сильная значимость). Далее проведем более подробный анализ по каждому из выделенных векторов.

Итак, первый из выделенных факторов условно назван нами «*ценности физического благополучия и положения в глазах других*». Статистический анализ полученных в ходе исследования данных позволил выявить значимые различия² в проявлениях данного вектора по следующим характеристикам: пол, возраст, семейное положение и регион проживания.

В зависимости от гендерной принадлежности зафиксировано, что у мужчин данный ценностный блок выражен в значительно большей степени, чем у женщин (табл. 4).

Зафиксированы также значимые различия в зависимости от семейного положения респондентов. Так, в сильной степени выражен данный ценностный блок среди холостых/незамужних и состоящих в гражданском/незарегистрированном браке (табл. 5).

¹ Метод выделения: анализ методом главных компонент. Метод вращения: Варимакс с нормализацией Кайзера. Вращение сошло за 6 итераций.

² При определении статистически значимых различий использовался критерий Хи-квадрат.

Итак, вектор «ценности физического благополучия и положения в глазах других» проявляется в разной степени в различных социально-демографических и территориальных группах. Выявлены следующие особенности:

- 1) в зависимости от гендерной принадлежности зафиксировано, что у мужчин данный ценностный блок выражен в значительно большей степени, чем у женщин;
- 2) в сильной степени выражен данный ценностный блок среди холостых/незамужних и состоящих в гражданском/незарегистрированном браке;
- 3) чем старше респондент, тем в меньшей степени для него значимы ценности физического благополучия и положения в глазах других;
- 4) существуют региональные особенности в оценках значимости блока ценностей физического благополучия и положения в глазах других.

Вектор «*работа и профессионализм*». По данному ценностному блоку обнаружены статистически значимые различия по уровню образованию и социальному положению. Данные проведенного социологического исследования свидетельствуют о том, что для респондентов, имеющих профессиональное образование, в большей степени важны ценности работы и профессионализма. Следует также отметить, что чем выше уровень профессионального образования, тем больше значимость данного ценностного вектора (табл. 7).

Таблица 7. Значимость фактора «*работа и профессионализм*» в зависимости от уровня образования, %

Работа и профессионализм	Уровень образования				
	начальное, среднее неполное (до 9 (8) кл.)	общее среднее (11 (10) кл.)	профессионально-техническое (ПТУ)	среднее специальное (техникум, профессиональный колледж)	высшее, незаконченное высшее
Отсутствует значимость	35,0	28,4	31,3	22,8	14,8
Слабая	18,0	25,4	27,7	27,6	23,7
Сильная	17,0	25,4	16,3	25,7	33,4
Очень сильная	30,0	20,8	24,7	23,9	28,1
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

В зависимости от социального статуса зафиксировано: у работающих и пенсионеров ценностный блок «*работа и профессионализм*» выражен в значительно большей степени, чем у безработных (табл. 8).

Таблица 8. Значимость фактора «*работа и профессионализм*» в зависимости от социального положения, %

Работа и профессионализм	Социальное положение				
	учащийся, студент	работающий	пенсионер	домохозяйка(ин)	безработный
Отсутствует значимость	21,9	19,8	35,9	27,3	47,4
Слабая	22,6	29,0	18,3	16,7	22,8
Сильная	32,9	27,8	15,0	30,3	14,0
Очень сильная	22,6	23,5	30,8	25,8	15,8
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

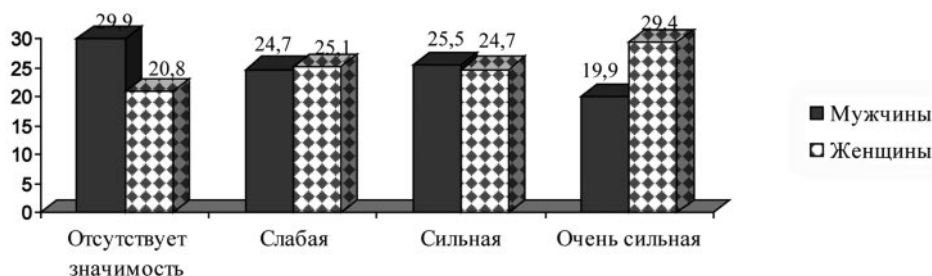

Рис. 1. Значимость фактора «душевное и социальное благополучие» в зависимости от гендерной принадлежности, в %

По остальным социально-демографическим и территориальным характеристикам статистически значимых различий по ценностному вектору «работа и профессионализм» не выявлено.

Ценностный блок «*душевное и социальное благополучие*» значимо дифференцируется в зависимости от пола и семейного положения. Так, женщины в значительно большей степени ценят душевное и социальное благополучие (рис. 1).

В зависимости от семейного положения зафиксировано: разведенные в большей степени по сравнению с остальными группами ценят душевное и социальное благополучие, в наименьшей степени данный ценностный блок важен для вдов и вдовцов.

Значимость «*семейного*» вектора достоверно различается в зависимости от типа населенного пункта и возраста. Так, сельчане в большей степени осознают значимость этого блока по сравнению с горожанами (рис. 2). Это может быть связано с локальностью проживания, что дает возможность жителям сельского населенного пункта больше общаться между собой.

По возрасту зафиксировано: для демографической группы 55 лет и старше данный блок ценностей является наиболее значимым (табл. 9).

Итак, статистико-социологический анализ полученных в ходе исследования данных позволил нам выделить четыре фактора, которые представляют собой базовые жизненные стратегии социокультурного поведения:

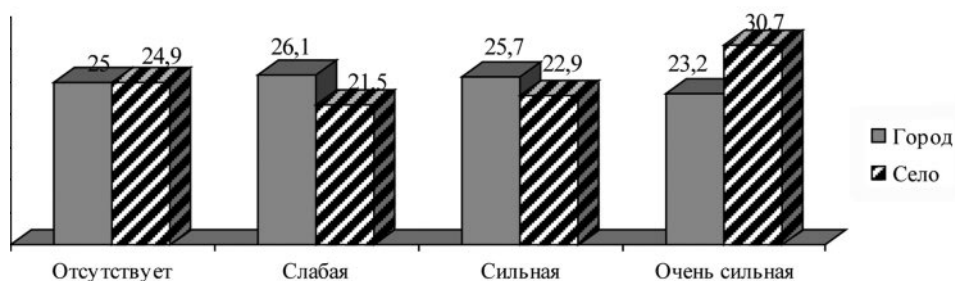

Рис. 2. Значимость «семейного» фактора в зависимости от типа населенного пункта, в %

Таблица 9. Значимость «семейного» фактора в зависимости от возраста, %

«Семейный» фактор	Возраст			
	до 24 лет	25–39 лет	40–54 года	55 и старше
Отсутствует значимость	29,6	25,6	23,6	22,8
Слабая	27,7	31,0	25,5	17,1
Сильная	22,3	29,7	28,0	19,5
Очень сильная	20,4	13,7	22,9	40,6
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

1. Стратегия, ориентированная на *физическое благополучие и положение в глазах других*;

2. Второй вектор ориентирован на *работу и профессионализм*;

3. Третья стратегия сфокусирована на *душевное и социальное благополучие*;

4. Четвертый из выделенных векторов – «*семейный*».

По каждой из выделенных стратегий мы выявили статистически значимые социально-демографические и территориальные особенности. Проведем аналогичную работу и по инструментальным жизненным стратегиям социокультурного поведения.

Инструментальные жизненные стратегии социокультурного поведения

Применение факторного анализа полученных в ходе исследования данных позволило выделить четыре инструментальные стратегии (главные компоненты):

1. Первый вектор, условно названный нами «*репутация и социально-профессиональные сети*», включает в себя следующие инструментальные ценности:

личный авторитет, известность, репутация;

положение в обществе;

наличие связей среди профессионалов различных областей;

наличие связей с людьми с высоким положением в обществе;

образованность и профессиональная компетентность;

знания, жизненный опыт, информированность.

2. Второй фактор («*личностный*») включает в себя следующие ценности:

привлекательная внешность;

личностные качества;

деловые качества.

3. Третий вектор («*экономический*») ориентирован на:

деньги;

наличие собственности.

4. Четвертый фактор («*семейное благополучие и здоровье*») – это:

семья, родственники, близкие друзья;

здоровье (табл. 10).

Рассмотрим далее социально-демографические и территориальные особенности первой инструментальной жизненной стратегии социокультурного поведения – «*репутация и социально-профессиональные сети*». Зафиксирова-

Т а б л и ц а 10. Матрица факторных нагрузок значимости инструментальных ценностей (суммарная объясняющая дисперсия – 71,6 %)¹

Инструментальные ценности	Компонента			
	1	2	3	4
Деньги	,090	,165	,831	,159
Наличие собственности (жилье, машина и т. п.)	,218	,146	,814	,150
Личный авторитет, известность, репутация	,580	,289	,553	,061
Ваше положение в обществе	,546	,331	,487	,116
Семья, родственники, близкие друзья	,152	,050	,187	,868
Наличие связей среди профессионалов различных областей	,846	,186	,210	,156
Наличие связей с людьми с высоким положением в обществе	,830	,220	,200	,048
Образованность и профессиональная компетентность	,737	,364	,067	,198
Знания, жизненный опыт, информированность	,574	,405	,098	,339
Здоровье	,164	,424	,141	,572
Привлекательная внешность	,240	,713	,149	,113
Личностные качества (терпимость, духовность и т. п.)	,243	,797	,211	,135
Деловые качества	,372	,751	,198	,111

ны статистически значимые различия в зависимости от пола, уровня образования и региона проживания.

Полученные данные свидетельствуют о том, что для мужчин блок ценностей, связанный с репутацией и социально-профессиональными сетями, является значительно более значимым, чем для женщин. В зависимости от уровня образования отмечается, что респонденты, имеющие профессиональное образование, в большей степени ориентированы на стратегию «репутация и социально-профессиональные сети» (табл. 11).

В региональном разрезе также зафиксированы статистически значимые различия. Так, жизненная стратегия, ориентированная на репутацию и социально-профессиональные сети, свойственна в большей степени жителям Витебской и Гомельской областей, соответственно в наименьшей степени – минчанам и представителям Минской области (табл. 12).

Инструментальная жизненная стратегия социокультурного поведения, условно названная нами «личностной», статистически значимо различается в зависимости от пола, возраста и уровня образования. Так, у женщин данный вектор выражен намного сильнее, чем у мужчин. По возрасту зафиксировано: молодые респонденты в большей степени ориентированы на проявление сво-

¹ Метод выделения: анализ методом главных компонент. Метод вращения: Варимакс с нормализацией Кайзера. Вращение сошло за 6 итераций.

Таблица 11. Значимость ценностей «репутация и социально-профессиональные сети» в зависимости от уровня образования, %

Репутация и социально-профессиональные сети	Уровень образования				
	начальное, среднее неполное (до 9 (8) кл.)	общее среднее (11 (10) кл.)	профессионально-техническое (ПТУ)	среднее специальное (техникум, профессиональный колледж)	высшее, незаконченное высшее
Отсутствует значимость	34,8	28,0	29,2	21,7	17,4
Слабая	16,7	29,1	24,0	26,7	24,2
Сильная	19,0	23,7	19,9	28,4	28,6
Очень сильная	29,4	19,1	26,9	23,2	29,8
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 12. Значимость ценностей «репутация и социально-профессиональные сети» в зависимости от региона проживания, %

Репутация и социально-профессиональные сети	Область						
	Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	Минск	Минская	Могилевская
Отсутствует значимость	21,1	22,4	14,4	26,0	34,1	35,1	15,5
Слабая	24,6	19,5	22,1	22,7	33,8	25,1	23,0
Сильная	33,8	20,0	27,7	22,1	21,8	19,7	32,1
Очень сильная	20,6	38,1	35,9	29,3	10,2	20,1	29,4
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

их личностных качеств, чем более старшие возрастные группы. Так, средний возраст тех, у кого проявления данного вектора отсутствуют, составляет 50 лет, соответственно у тех респондентов, у которых наиболее сильно проявилась данная инструментальная жизненная стратегия – 41,6 года (рис. 3).

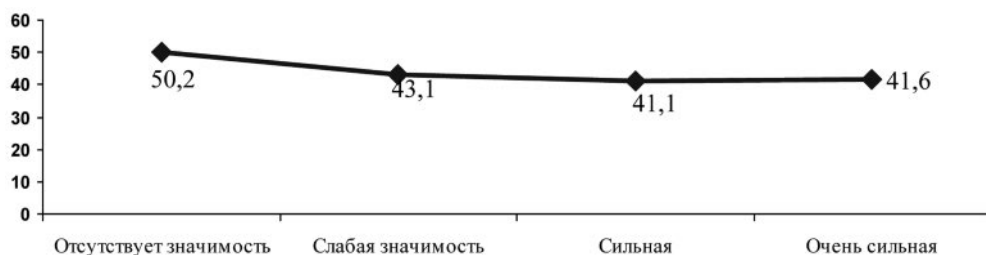

Рис. 3. Значимость «личностной» ценностной стратегии в зависимости от возраста, средний возраст

По уровню образования обнаружено: чем выше уровень, тем в большей степени выражен «личностный» фактор.

«Экономическая» жизненная стратегия социокультурного поведения статистически значимо различается в зависимости от пола и возраста. Так, для мужчин экономические ценности являются более значимыми, чем для женщин. По возрастному критерию – чем старше респондент, тем в большей степени выражена «экономическая» стратегия поведения (табл. 13).

Т а б л и ц а 13. Значимость «экономических» ценностей в зависимости от возраста, %

«Экономические» ценности	Возраст			
	до 24 лет	25–39 лет	40–54 года	55 и старше
Отсутствует значимость	35,9	22,0	23,3	22,9
Слабая	22,1	25,5	27,1	24,2
Сильная	22,5	27,8	25,0	26,6
Очень сильная	19,5	24,7	24,5	26,4
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

По ценностной стратегии «*семейное благополучие и здоровье*» обнаружены статистически значимые различия только по одному признаку – региону проживания. В наибольшей степени данный блок проявляется у жителей (в порядке убывания) Брестской, Минской и Витебской областей (табл. 14).

Т а б л и ц а 14. Значимость ценностного блока «семейное благополучие и здоровье» в зависимости от региона проживания, %

Семейное благополучие и здоровье	Область						
	Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	Минск	Минская	Могилевская
Отсутствует значимость	15,4	21,4	26,2	29,8	25,6	24,7	34,2
Слабая	20,6	13,8	29,7	27,6	34,1	18,0	21,9
Сильная	22,8	41,0	23,6	19,9	21,2	29,7	24,6
Очень сильная	41,2	23,8	20,5	22,7	19,1	27,6	19,3
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Итак, в ходе анализа данных проведенного социологического исследования проанализированы жизненные стратегии социокультурного поведения различных социально-демографических и территориальных групп белорусского общества. В рамках нашего концептуально-операционального определения жизненные стратегии делятся на базовые и инструментальные ценностные стратегии.

Статистический анализ эмпирического социологического замера позволил выделить четыре базовые жизненные стратегии, каждая из которых имеет

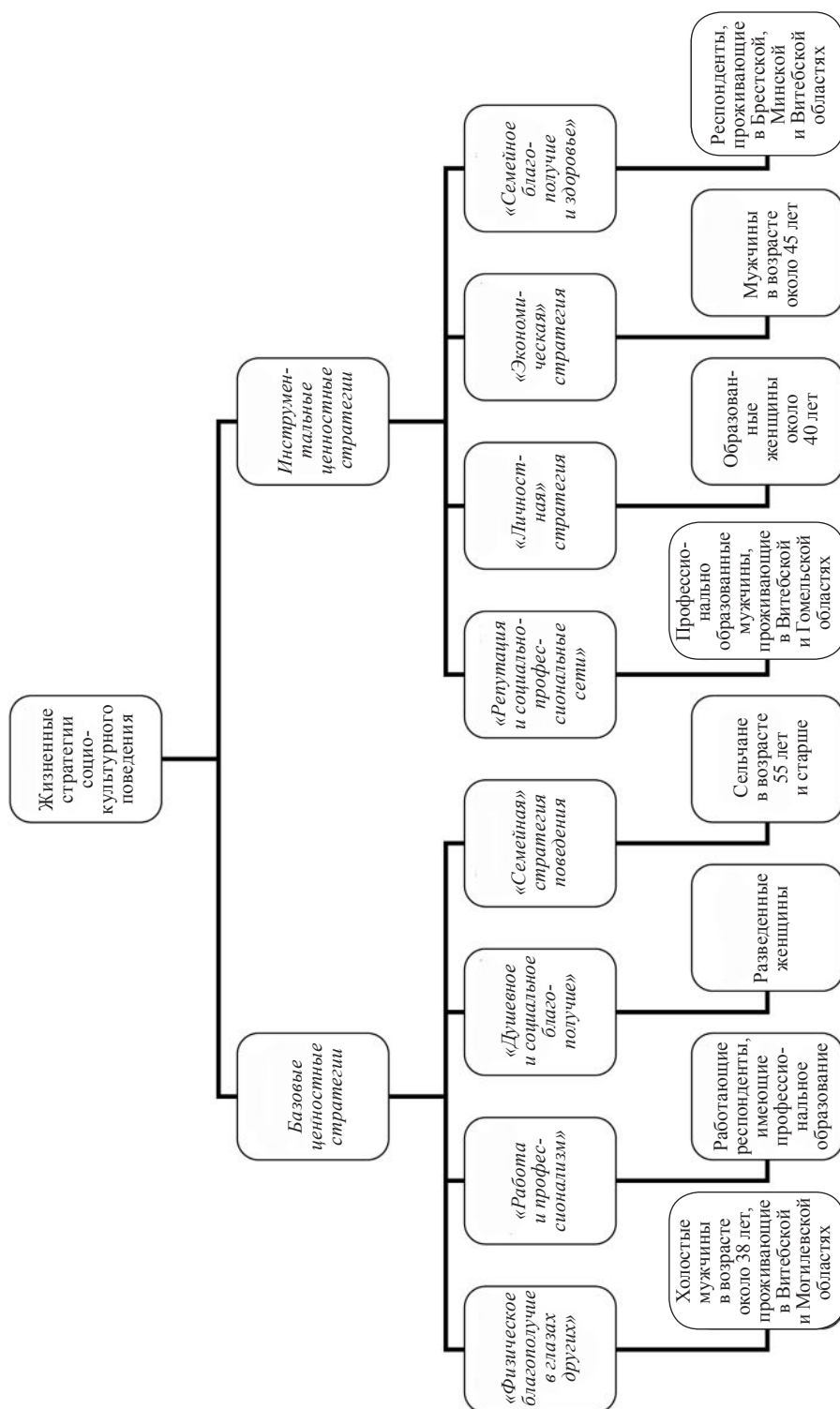

Рис. 4. Модель жизненных стратегий социокультурного поведения социально-демографических и территориальных групп белорусского общества

свой статистически значимый социально-демографический и территориальный профиль:

1. Вектор, связанный с высокой значимостью *ценностей физического благополучия и положения в глазах других*:

физическая красота, привлекательность; досуг и хобби; друзья; репутация в глазах значимых для Вас людей; власть, возможность влиять на других людей; карьера; высокое положение в обществе.

2. Второй вектор ориентирован на *работу и профессионализм*:

интересная работа; профессионализм в своем деле; общественная польза моего труда.

3. Третий вектор сфокусирован на *душевном и социальном благополучии*:

душевный покой и комфорт; здоровье; материально обеспеченная жизнь.

4. Четвертый из выделенных векторов – *«семейный»* – ориентирован на малые референтные группы: дети; родители; супруг(а); любимый человек.

В результате анализа данных создана также типология инструментальных жизненных стратегий социокультурного поведения, имеющая социально-демографическую и территориальную специфику:

1. Первый вектор, условно названный нами *«репутация и социально-профессиональные сети»*, включает в себя следующие инструментальные ценности: личный авторитет, известность, репутация; положение в обществе; наличие связей среди профессионалов различных областей; наличие связей с людьми с высоким положением в обществе; образованность и профессиональная компетентность; знания, жизненный опыт, информированность.

2. Второй фактор (*«личностный»*) включает в себя следующие ценности: привлекательная внешность; личностные качества; деловые качества.

3. Третий вектор (*«экономический»*): деньги; наличие собственности.

4. Четвертый фактор (*«семейное благополучие и здоровье»*): семья; родственники; близкие друзья; здоровье.

Разработанная по результатам проведенного исследования модель жизненных стратегий социокультурного поведения различных социально-демографических и территориальных групп белорусского общества представлена на рис. 4.

Литература

1. Александер, Дж. Аналитические дебаты: понимание относительной автономии культуры / Дж. Александер // Социол. обозрение. – 2007. – Т. 6, № 1. – С. 17–37.
2. Абушенко, В. Л. «Культурсоциология»: возможность иного взгляда на социальную теорию / В. Л. Абушенко // Вопр. соц. теории. – 2008. – Т. 2, № 1 (2). – С. 329–344.
3. Бурдьё, П. Начала / П. Бурдьё; пер. с франц. Н. А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1994. – 288 с.
4. Абушенко, В. Л. Типологический подход к исследованию культуры в культурсоциологии / В. Л. Абушенко // Социол. альм. – № 3. – С. 124–140.

I. V. LASHUK

**LIFE STRATEGIES OF SOCIOCULTURAL BEHAVIOUR OF SOCIAL-DEMOGRAPHIC
AND TERRITORIAL GROUPS OF THE BELARUSIAN SOCIETY**

Summary

The conceptual analysis of life strategies of sociocultural behavior which are some kind of «markers» of sociocultural development of modern society is presented in the article. On the basis of the offered conceptual bases empirical measurement was developed and whereby the model of life strategies of sociocultural behavior of social-demographic and territorial groups of the Belarusian society was carried out.

Keywords: life strategies, sociocultural behavior, culture, basic values, tool values.

Поступила 25.11.2013 г.

Л. Г. СКОКОВА,

*кандидат социологических наук, доцент,
Институт социологии НАН Украины, г. Киев*

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ

В статье анализируются современные подходы в эмпирической социологии культуры к исследованию культурных практик и культурного потребления. Подчеркивается важность тестирования концепта П. Бурдьё о гомологии систем культурной и социальной стратификации в современных обществах, проверки концепта «всеядности» Р. Петерсона в рамках национальных и сравнительных исследований, необходимость использования комбинированных (количественных и качественных) подходов для изучения структуры культурных практик, подвижек, которые происходят в полях культурного потребления.

Ключевые слова: культурные иерархии, культурные практики, динамика культурного потребления, гомология культурных практик и социального класса, всеядность.

Актуальность проблемы. Культурные практики в полях досуга, медиа, культурного потребления являются все более значимыми в современном обществе с его постиндустриальными, информационными, глобализационными трендами. Часто именно на основе культурных практик происходит самоидентификация индивидов, формирование стиля жизни, спецификация поведения в частном и публичном пространствах – собственно, репродукция культуры в повседневном существовании различных социальных групп. В изучении динамики культурных практик важным направлением современной социологии культуры является изучение связей между классом, социальным статусом и моделями культурного потребления. Эти поиски, связанные, в том числе, и с отработкой методологических и технологических аспектов, недостаточно актуализированы в отечественной социологии, требуя их дополнительного освещения и анализа, что и является целью данной статьи.

Гомология социальной и культурной стратификации. Для эмпирико-социологических исследований в области культурных практик и культурного потребления важной вехой стали работы П. Бурдьё, в частности «Различение. Социальная критика суждения вкуса» (1979) [1]. В предложенном им подходе взаимосвязаны габитус, объемы капиталов, вкусы, культурные практики, которые результируются в целостном стиле жизни, соответствующем определенной позиции в системе социальной стратификации. Вкусы и практики культурного потребления играют важную роль в динамике социальной и культурной репродукции, поддерживая и воспроизводя классовую струк-

туру и культурные неравенства [2]. Бурдьё предложил принцип гомологии систем социальной и культурной стратификации: «... практики, или блага, ассоциируемые с различными классами в различных областях практики, в соответствии со структурами оппозиций, совершенно гомологичными между собой, вследствие того, что все они гомологичны пространству объективных оппозиций между условиями существования классов» [3, с. 30]. Особенности культурного потребления соотносятся с местом, которое занимает индивид в классовой структуре Франции того времени. Картографирование социального пространства было построено по критериям общего объема капиталов, определяющих класс, и выделения подклассов по структуре активов, то есть распределения совокупного капитала между отдельными его видами. «Таким образом, – отмечает Бурдьё, – имеем два множества гомологичных позиций: подклассы, воспроизведение которых зависит от экономического капитала, противопоставляются группам, имеющим относительно меньший объем экономического капитала, и воспроизводящимся за счет культурного капитала» [3, с. 26].

Эта схема предполагает существование в обществе культурных иерархий по принципу: высокая культура vs. массовая культура. Бурдьё выделяет оппозицию между благородными в силу своей редкости видами культурного потребления, характерными для групп с высокими объемами экономического и культурного капиталов, и вульгарными – в силу их доступности и распространенности, характерными для групп с низкими объемами капиталов. Промежуточное положение занимают практики, которые воспринимаются как претенциозные вследствие несоответствия между амбициями и возможностями [3, с. 30]. В англоязычной литературе чаще используются следующие определения: «*highbrow*» – буквально «высоколобая» культура, т. е. элитные культурные продукты, понятные интеллектуалам, снобам, которых также касается название «*highbrow*»; «*middlebrow*» – среднего уровня культурные продукты, которые ценят обыватели, средний класс; «*lowbrow*» – культурные продукты низкого качества, которые нравятся представителям низших слоев населения. Бурдьё описывает различие между «вкусами роскоши», свойственным высшим слоям, крупной буржуазии и к которым тяготеет мелкая буржуазия, и «вкусами необходимости», которыми ограничивается существование низших, подчиненных классов – рабочих физического труда. Модель потребления каждого класса является гомологичной также изнутри благодаря унифицирующему действию габитуса, т. е. вкусы, культурные практики подобны в различных полях (литературы, искусства, спорта, питания).

Дискуссии относительно противопоставлений «элитарное–массовое», «классическое–популярное» имеют свою длительную историю [4; 5]. Период острого противопоставления этих модусов культуры постепенно изменялся на понимание их взаимосвязи и взаимодополнительности как двух форм общественной жизни. Появилось понятие «*pobrow*» как признак современной культуры, существующей вне традиционных иерархий вкуса [6]. После

постструктуралистских, постмодернистских исследований с их развенчанием устоявшихся иерархий, акцентированием изменчивости, текучести, полистилистичности социокультурной реальности, индивидуализации жизненных стилей (Ж. Бодрийяр, З. Бауман, Л. Ионин) стало трудно говорить о четких соответствиях социальной позиции и стиля культурного потребления. Размыванию устоявшихся иерархий способствуют и бурное развитие медиа-технологий, глобальная циркуляция различных образов и текстов, что облегчает доступ к разнообразным культурным продуктам. Бурдьё предлагает отличать высокую культуру по степени легитимности [7], т. е. в какой мере она принята и одобрена специальными институтами, решающими, каким образом нужно оценивать тот или иной культурный продукт. Такие процессы, как канонизация культуры/авторов, приписывание литературных/музыкальных/художественных произведений к разряду «классики», происходят не естественным образом, а с помощью специальных усилий, мероприятий. Это конструктивистское видение сейчас подтверждают и многочисленные исследования в русле cultural studies, благодаря которым размежевания высокой и низкой культуры трактуются скорее в политическом контексте, а не эстетическом [8]. Тем не менее переход от метатеоретизирования относительно этих социокультурных изменений до уровня их предметной фиксации, необходимость анализа динамики культурной репродукции порождают настоятельную необходимость в социологии поиска эмпирических доказательств, в частности, о наличии или отсутствии гомологии систем социальной и культурной стратификации, о текущих изменениях в моделях культурного потребления различных статусных групп.

Концепт культурно-всеядного индивида. В социологии новым импульсом для проверки роли культурного капитала в воспроизводстве социальной структуры стал концепт культурной всеядности («omnivorousness») американского исследователя Ричарда Петерсона. В 1990-е гг. на основе анализа данных эмпирических исследований он выделил новую тенденцию: представители высшего среднего класса отдают предпочтение не только образцам высокой культуры, как следовало бы ожидать, но и продуктам популярной культуры, от которой должны были бы дистанцироваться [9; 10]. Идея социальной и культурной гомологии была поставлена под сомнение. Социологи разных стран начинают на своем материале анализировать базы данных различных опросов, пытаясь проверить тезис всеядности, и находят ему эмпирическое подтверждение: образованные, состоятельные группы часто имеют разнообразные вкусы и практики, которые выходят за пределы высокой/легитимной культуры [11].

Сложнее было найти объяснение этого феномена. Как указывают британские исследователи, сегодня существуют определения всеядности по объему/диапазону занятий и по своей композиции/содержанию [12]. Первое определение нейтральное и означает, что по данным опросов выделяются группы респондентов с более широким набором культурных предпочтений и практик

по сравнению с другими группами. Тогда разносторонности, разнообразию культурного потребления противостоит односторонность, однообразие: *модель «omnivorous» vs. модель «univorous»*.

Но с самого начала Р. Петерсон отмечал, что всеядность является новой качественной характеристикой высших классов – менеджеров, бизнес-элиты. Композиция всеядности, т. е. содержательное ее наполнение, базируется на миксе продуктов элитарной и популярной культуры и может означать разные вещи. Всеядность не является, по мнению автора концепта, бездумным, неразборчивым поглощением любых продуктов культуры. Скорее, это лучшая осведомленность, ориентация профессионалов, специалистов в различных полях культуры и досуга, характерная для них как членов постиндустриального, информационного общества. Также возможно, что потребление популярной культуры интеллектуалами в обществе постмодерна означает и ироническое отношение к ней (например, идея «кемпа» С. Зонтаг). Иной аспект, подтвержденный исследованиями: всеядность – это новые способы конструирования высшими средними классами социального престижа, источник репутации [13; 14]. Инструментальное направление в пояснениях всеядности акцентирует ее полезность в качестве культурных знаний, компетентности для улучшения коммуникации на рабочем месте, организации труда между руководителями и персоналом [14].

Несколько другое направление объяснений – всеядность может означать отказ от снобизма, эксклюзивности вкусов в пользу их «инклюзивности»/включения, а следовательно, демократичности, культурной открытости, толерантности. Петерсон указывает на всеядность как эталон хорошего вкуса, имея в виду предпочтения, которые вышли за пределы классовых, возрастных, этнических, гендерных, расовых границ [11; 12]. Это направление социальной значимости всеядности подтверждают исследования, в которых доказывается, что всеядные выражают более либеральные взгляды по расовым и политическим вопросам, чаще проявляют мультикультурную компетентность и толерантность.

Р. Петерсон в своем обзоре прослеживает эволюцию исследований всеядности: 1) среди интеллектуалов (*highbrow*) выделяются снобы и всеядные, им противопоставляются «односторонние» низкостатусные группы (*lowbrow* «*slobs*»); 2) учитываются элементы широты диапазона занятий, предусматривается возможность существования всеядных среди различных, а не только высокостатусных групп; 3) среди всеядных низших статусных групп выделяются свои подтипы, например эксклюзивные и инклюзивные всеядные [11]. Так, американская исследовательница Б. Брайсон обнаружила, что музыкальная эксклюзивность/исключительность уменьшается с ростом уровня образования [15]. Политическая толерантность, как правило, совпадает с музыкальной толерантностью, и наоборот. Таким образом, люди могут использовать культурные вкусы для установления символических границ между собой и теми категориями людей, которые им не нравятся.

Мобильность в сфере культурного потребления. Австралийский исследователь Майкл Эммисон предложил для интеграции различных трактовок изменений, происходящих в современном поле культурного потребления, применять понятие «культурная мобильность» [16]. Речь идет о возможности свободного выбора индивидами тех или иных культурных благ, движения в дивергентных сегментах культурных сфер, связанных с высокой/популярной культурой. Сами эти деления не нивелируются, они продолжают сосуществовать, тогда как уходит в прошлое обреченность потреблять только те культурные продукты, которые являются распространенными, престижными в социальной страте, к которой принадлежит индивид. Для отдельных социальных групп, прежде всего, представителей высшего среднего класса востребованными становятся такие социальные качества, как открытость, толерантность, приспособляемость к ситуации. Эти качества являются важными элементами культурной компетентности в условиях социальной мобильности [16]. Структурные влияния остаются важными, речь не идет о возможности для представителя любой страты совершенно свободно двигаться в пространстве культурных форм. Как показывают данные эмпирических исследований в австралийском обществе, значительная часть населения демонстрирует «культурно-иммобильный» паттерн потребления, соответствующие классовому положению культурные практики. Низкостатусные группы, например работники физического труда, значительно реже оказываются в рядах «всеядных» и гораздо чаще – в рядах сторонников устоявшихся, односторонних вкусов, характерных для модели «univorous» [16, p. 219].

Британские исследования социальной стратификации и культурного потребления. Концепт всеядности использует известный исследователь социальной стратификации Джон Голдторп. Вместе с коллегой Так Вин Чаном он руководил исследовательским проектом «Социальный статус, жизненный стиль и культурное потребление» (2004–2007) в рамках «Cultures of Consumption Programme» (2002–2007). Этот проект позиционируют как макросоциологическое сравнительное исследование культурного потребления в семи странах: Великобритании, Чили, Франции, Венгрии, Израиле, Нидерландах и США. Международная команда ученых, основываясь на анализе данных национальных опросов, изучала социальные основы культурного потребления. В выводах по результатам проекта, представленных в отчетах, статьях и книге «Социальный статус и культурное потребление» (2010) [17; 18; 19] подчеркивается, что социальный статус и социальный класс взаимосвязаны, но это не одно и то же; статусный порядок, в веберовском понимании, продолжает играть значимую роль в британском обществе. Именно социальный статус и образование, а не социальный класс позволяют объяснить стиль жизни и культурное потребление. Культурное потребление является социально стратифицированным, но не по линии «элита–масса». Вместо этого существует дифференциация между культурно всеядными и культурно односторонними (univores). Cultural omnivores потребляют как «высокую» культуру, так и «популярную» культуру,

в то время как культурное потребление cultural univores ограничивается одной формой. Указывается, что соответствующие сопоставимые результаты были получены в других странах, участвовавших в проекте.

Принадлежность к тому или иному типу культурного потребления достаточно четко структурирована. Женщины в целом гораздо чаще, чем мужчины, имеют шансы быть культурно всеядными, пожилые люди – по сравнению с молодыми людьми. Отмечается, что в терминах социальной стратификации образование, доход и статус, а не социальный класс обуславливают культурное потребление [19, р. 241]. Результаты проекта интересны в сравнительном аспекте и показывают, какую важную роль в современной эмпирической социологии играет анализ культурных практик и культурного потребления для понимания социальной и культурной стратификации общества и их динамики.

Результаты другого проекта британских социологов «Cultural Capital and Social Exclusion» (2003–2004) были изложены в монографии 2009 г. «Культура, класс, различия» [20]. Уже название книги указывает, что важным импульсом для анализа стала возможность проверки классических идей Бурдьё о связях между культурными вкусами/практиками и классовыми позициями в современном британском обществе. В выводах, которые завершают детальное освещение проблемы на основе использования количественных и качественных техник, авторы указывают, в частности, что в современной Великобритании легитимная культура продолжает иметь значение, но в меньшей степени, чем во Франции 1960-х и, вероятно, в Великобритании 1960-х гг. Оппозиция высокой/обывательской культуры, основанная на нормативности легитимной культуры, сохраняет свое ценностное преимущество для старшего поколения и узких кругов элиты [20, р. 251]. Легитимная культура продолжает оставаться важной для элиты в основном как средство конвертации культурного капитала в социальный. Оперирование категориями легитимной культуры не характерно для всего среднего класса, следовательно, она не образует механизм различения между ним и рабочим классом. Культура последнего тоже не является специфической только для него. Авторы характеризуют культуру рабочего класса как «невидимую», такую, что не создает оснований для четкой самоидентификации. Культурные различия и неравенства авторы связывают не только с классовой принадлежностью, но и с возрастом, полом и этничностью, которые в сумме перекрещиваются и накладываются. Так что нельзя все различия объяснить только действием классового габитуса, как это делал Бурдьё. Его пример составления перечня культурных практик, способных формировать культурный капитал и приносить прибыль его владельцам, не удалось повторить на примере современной Великобритании [20, р. 259].

Всеядность авторы трактуют как потенциал для накопления и конвертации и культурного капитала благодаря гибкости и возможности действовать в разных культурных полях. Открытость к иному, новому стала добродетелью в британском обществе, тогда как «фиксированные», традиционные вкусы все чаще воспринимаются как ограниченность и соотносятся со стилем жизни

рабочего класса. Но подобная толерантность имеет свои рамки, в основном ограничиваясь ареалом англоязычных, британских и американских культурных форм, тогда как к этнической культуре других народов (в том числе сограждан – представителей этнических меньшинств) наблюдается определенное дистанцирование. Тем не менее, подчеркивают авторы [20, p. 257], этос всеядности с его либеральной и эгалитарной окраской стал ключевым для британского среднего класса, подчеркивая отказ от снобизма и санкционируя доступ к популярным, консьюмеристским, гедонистическим развлечениям.

Исследование всеядности на американской почве. Кроме исследований пионера этого подхода Р. Петерсона и его коллег, можно вспомнить и проекты 2000-х гг. других исследователей. Так, для анализа динамики приобщения к искусству американского населения П. Димаджо и Т. Мухтар использовали данные репрезентативных опросов за период 1982–2002 гг. [21]. В целом за годы наблюдения потребление продуктов высокой культуры среди населения США снижается, особенно посещение концертов классической музыки, балета и театра. Авторы ставят вопрос: означает ли это, что статус высокой культуры, элитного искусства как элемента культурного капитала падает? Доказательством этого «сценария кризиса» – дефляции ценности искусства как культурного капитала – служило бы снижение участия в высокой культуре прежде всего среди лиц с высоким уровнем образования, женщин, женщин с высоким уровнем образования (именно для них роль этих занятий как элемента культурного капитала для поддержания статуса важнее). Но темпы падения среди этих групп не отличаются по сравнению с другими, т. е. пояснительная схема снижения роли высокой культуры в репродукции статуса этих групп не работает. Снижается уровень посещения и «менее престижных» учреждений и мероприятий культуры и досуга (выставки изделий традиционной культуры, музыкальный театр, экскурсии). Объяснение, по мнению авторов, можно найти в увеличении конкуренции между домашними и публичными культурными практиками, когда выбор часто делается в пользу первых, а также в изменениях моделей семьи (увеличение доли неполных семей с детьми), в увеличении уровня занятости среди женщин. Подтверждением теории всеядности они считают увеличение за это время посещений художественных музеев и джазовых концертов среди групп высокого статуса [21, p. 189–191].

Само наличие четкой культурной иерархии в США («высокая – массовая культура») считается проблематичным. Исторически развитие сфер культуры и искусства отличалось от европейской традиции, и роль высокой культуры в поддержании статуса высших слоев населения была не так значима. Среди американской элиты много бизнесменов, профессионалов с высшим техническим образованием, от которых никто не ожидает близкого знакомства с продуктами высокой культуры, что требует специальных усилий и затрат времени. Исследователи подчеркивают, что в качестве высокой культуры чаще функционирует так называемая средняя (middlebrow) культура, определенные элементы которой способны приобрести высокий статус благодаря усилиям

медийных «культурных посредников» (например, передача «Книжный клуб» Опры Уинфри на телевидении) [22].

Другой проект – изучения динамики музыкальных предпочтений американского населения за 1982–2002 гг. – позволил его авторам выдвинуть тезис о гетерологии (а не гомологии в смысле Бурдьё) социальной структуры и культурного потребления [23]. Этим тезисом исследователи, надо думать, хотели подчеркнуть неоднозначность трактовки всеядности и необходимость четко различать два измерения: диапазон вкусов и уровень вкуса (высокая/низкая культура). Вследствие анализа изменений образца всеядности во времени и когортных сдвигов выделены четыре модели: 1) всеядные интеллектуалы (высокая культура, широкий диапазон вкусов); 2) эксклюзивные интеллектуалы/снобы (высокая культура, узкий диапазон); 3) всеядные с низким уровнем образования (низкая культура, широкий диапазон); 4) низкообразованные пассивные (низкая культура, узкий диапазон) [23, р. 437]. Подчеркивается, что в случае первой группы структурные ограничения практически не наблюдаются, тогда как остальные три модели структурированы по следующим показателям: принадлежность к возрастной когорте, социальный класс, гендер, расовая принадлежность. Уточняется тезис о высшей доле женщин среди всеядных: среди высших социальных страт нет в среднем различий между мужчинами и женщинами, тогда как в непривилегированных классах наблюдаются гендерные различия в моделях культурного потребления. Следовательно, отмечают авторы, надо учитывать сложные взаимосвязи между социальным классом и гендером. В целом, как и в предыдущих исследованиях, акцентируется необходимость построения многомерных конфигураций культурной и социальной стратификации.

Подходы к изучению культурной стратификации: количественный/качественный. Исследования динамики культурных практик проводятся в основном на основе данных репрезентативных опросов с применением различных форм анализа: кластерного, регрессионного, анализа соответствий и т. п. Это позволяет строить типологии культурного потребления, картографировать социокультурное пространство. Собственно, разработку количественных методик анализа с фокусом на проблеме стратификации социального и культурного пространства в кросс-культурной перспективе можно считать одним из важных результатов данного направления эмпирических исследований. Это сказывается и на институционализации: произошло оформление Сети исследований культурных различий и социальной дифференциации (Network for the Studies of Cultural Distinctions and Social Differentiation – SCUD), состоящей из исследователей разных стран Европы [24]. В ее рамках изучаются темы культурной легитимности и классовой доминации, измерений культурного капитала, стилей жизни и культурного потребления, а также методологические вопросы применения многомерного анализа соответствий (multiple correspondence analysis). Сеть объединяет исследователей, которые проверяют концепцию Бурдьё путем сопоставления с другими социологическими теори-

ями (например, концептом индивидуализации – Д. Белл, З. Бауман), а также используют межстрановой анализ и качественные методы.

К использованию качественных методов исследователей подталкивает неоднозначность, а зачастую и противоречивость получаемых моделей культурной и социальной стратификации. Собственно, сам Бурдьё в «Различении...» дал пример такого комбинированного подхода, используя методы многомерного анализа, а также свободные интервью и проективные методики. Широко известной стала работа французского ученого Бернара Лаира [25], который на основе данных глубинных интервью доказывает гетерологию культурных вкусов и практик среди различных групп населения, подчеркивая такие факторы, как особенности культурной социализации, контекстуальность развертывания культурных практик, наличие в семье детей, влияние вкусов партнера и т. д. Дизайн эмпирического проекта «Культура, класс, различия», о котором говорилось выше, предусматривал комбинирование методов: опроса, репрезентативного для населения Великобритании (с учетом этнических общностей), а также серий фокус-групп и глубинных интервью с теми респондентами, которые по данным количественного опроса были определены как «всеядные» [20, р. 261].

Ограничения количественного подхода к изучению музыкальных вкусов демонстрирует Марк Риммер [26], который показывает, что в современном поле музыки все время происходят сдвиги: определенные жанры становятся популярными, другие – маргинализуются, происходит гибридизация жанров, их институционализация, продвижение или уход в небытие, а также диверсификация, выделение все новых разновидностей. Важно учитывать процессы дигитализации музыки, ее доступности благодаря новым способам распространения и прослушивания. Загрузка музыкальных файлов из интернета, покупка дисков через интернет-магазины, как правило, сопровождаются возможностью ознакомиться с рейтингами самых популярных музыкальных продуктов, увидеть широкий диапазон предложений, получить рекомендации, вроде «вместе с этим товаром покупают/скачивают...». Новейшие музыкальные устройства позволяют размещать большой объем музыкальных записей и прослушивать их в случайном порядке (эта опция встроена) или создавать персонализированные подборки. Современная ситуация меняет культурные практики прослушивания музыки и характер выбора записей, стимулируя изменение вкусовых режимов. В этом контексте продолжать говорить об устоявшихся иерархиях жанров лишь на основе количественных опросов и приписывать смыслы определенным практикам прослушивания становится не так легко. Например, качественные исследования выявили, что декларации о предпочтении классической музыки часто делали те, кто понимал ее весьма ограниченно, например, как популяризированные произведения классики, которые часто можно услышать на FM-радио [27]. Необходимость понимания того, какое значение слушатели отводят роли музыки в их жизни, какое место занимает музыка в контексте социального взаимодействия и социокультур-

ной репродукции, требует обращения к более чувствительным способам получения и анализа информации.

* * *

Изучение культурной стратификации с использованием концепта всеядности стало одним из важных подходов в современной социологии культуры и культуральной социологии. Результаты количественных и качественных исследований, их комбинирование помогают лучше понять те сдвиги, которые происходят в социальном и культурном пространствах современных обществ. Для отечественной социологии культуры, социологии культурного потребления подобный опыт создает интересный сравнительный контекст, позволяющий лучше понять динамику культурных практик и ее связь с системой социальной стратификации. Исследования в этом направлении проводятся, в частности, на основе данных мониторинга Института социологии НАНУ «Украинское общество» и других репрезентативных опросов [28; 29; 30] с применением методов многомерной статистики [31; 32] и качественных подходов [33]. Результаты анализа подтверждают, что размывание культурных иерархий, сосуществование форм высокой легитимной культуры и популярной массовой культуры, появление новых, инновационных культурных форм и режимов потребления, тем не менее не отменяют структурированности пространства культуры.

Литература

1. *Bourdieu, P. Distinction: A social critique of the judgment of taste* / P. Bourdieu. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984.
2. *Куценко, О. Статус культурных неравенств в современной социологии* / О. Куценко // Новые социальные неравенства / под ред. С. Макеева. – Киев: Ин-т социологии НАНУ, 2006. – С. 43–72.
3. *Бурдьё, П. Различение. Социальная критика суждения* / П. Бурдьё // Экон. социология. – 2005. – Т. 6, № 3. – С. 25–48.
4. *Массовая культура: современные западные исследования* / пер. с англ., отв. ред. и предисл. В. В. Зверевой; послесл. В. А. Подороги. – М.: Фонд науч. исследований «Прагматика культуры», 2005.
5. *Лютий, Т. Культура масова і популярна: теорії та практики* / Т. Лютий, О. Ярош. – Київ: Ін-т філософії НАН України, 2007. – 124 с.
6. *Сибрук, Дж. Nobrow. Культура маркетинга. Маркетинг культуры* / Джон Сибрук. – М.: Ад Маргинем, 2005. – 304 с.
7. *Бурдьё, П. О производстве и воспроизводстве легитимного языка* / П. Бурдьё // Отечественные записки [Электронный ресурс]. – 2005. – № 2. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/o-proizvodstve-i-vosproizvodstve-legitimnogo-yazyka>.
8. *Мукерджи, Ч. Новый взгляд на поп-культуру* / Ч. Мукерджи, М. Шадсон // Полигнозис [Электронный ресурс]. – 2000. – № 3. – Режим доступа: http://art.photo-element.ru/analysis/popular_culture/popular_culture.html.
9. *Peterson, R. A. How musical tastes mark occupational status groups* / R. A. Peterson, A. Simkus // M. Lamont, M. Fournier (eds.) *Cultivating Differences: Symbolic Boundaries and the Making of Inequality*. – Chicago : University of Chicago Press, 1992. – P. 152–186.

10. *Peterson, R. A.* Changing highbrow taste: From snob to omnivore / R. A. Peterson, R. M. Kern // *American Sociological Review*. – 1996. – N 61 (5). – P. 900–907.
11. *Peterson, R.* Problems in comparative research: the example of omnivorousness / R. Peterson // *Poetics*. – 2005. – N 33. – P. 257–282.
12. *Warde, A.* Understanding cultural omnivorousness or the myth of the cultural omnivore / A. Warde, D. Wright, M. Gayo-Cal // *Cultural Sociology*. – 2007. – N 1 (2). – P. 143–164.
13. *Warde, A.* Consumption and the problem of variety: cultural omnivorousness, social distinction, and dining out / A. Warde, L. Martens, W. Olsen // *Sociology*. – 1999. – N 33 (1). – P. 105–127.
14. *Erickson, B. H.* Culture, class, and connections / B. H. Erickson // *American J. of Sociology*. – 1996. – N 102 (1). – P. 117–151.
15. *Bryson, B.* Anything but heavy metal: Symbolic exclusion and musical dislikes / B. Bryson // *American Sociological Review*. – 1996. – Vol. 61. – P. 884–899.
16. *Emmison, M.* Social Class and Cultural Mobility: Reconfiguring the Cultural Omnivore Thesis / M. Emmison // *J. of Sociology*. – 2003. – N 39 (3). – P. 211–230.
17. *Chan, T. W.* Social Stratification and Cultural Consumption: Music in England / T. W. Chan, J. H. Goldthorpe // *European Sociological Review*. – 2007. – N 23 (1). – P. 1–19.
18. *Chan, T.W.* The Social Stratification of Theatre, Dance and Cinema Attendance / T. W. Chan, J. H. Goldthorpe // *Cultural Trends*. – 2005. – N 14 (3). – P. 193–212.
19. *Social Status and Cultural Consumption* / ed. Tak Wing Chan. – New York: Cambridge University Press, 2010. – 290 p.
20. *Bennett, T.* Culture, Class, Distinction / Tony Bennett [et al.]. – London, New York: Routledge, 2009. – 311 p.
21. *DiMaggi, O. P.* Arts participation as cultural capital in the United States, 1982–2002: Do trends in participation augur decline? / P. DiMaggio, T. Mukhtar // *Poetics*. – 2004. – N 32. – P. 169–194.
22. *Johnston, J.* Democracy versus Distinction: A Study of Omnivorousness in Gourmet Food Writing / J. Johnston, S. Baumann // *AJS*. – 2007. – Vol. 113, N 1. – P. 165–204.
23. *García-Álvarez, E.* Deconstructing Cultural Omnivorousness 1982–2002: Heterology in Americans' Musical Preferences / E. García-Álvarez, T. Katz-Gerro, J. López-Sintas // *Social Forces*. – 2007. – N 86 (2). – P. 417–443.
24. Institut for Sociologi og Socialt Arbejde [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.soc.aau.dk/forskning/scrud/about-the-network>.
25. *Lahire, B.* La culture des individus: dissonances culturelles et distinctions de soi / B. Lahire. – Paris: Editions la Decouverte, 2004. – 777 p.
26. *Rimmer, M.* Beyond Omnivores and Univores: The Promise of a Concept of Musical Habitus / Mark Rimmer // *Cultural Sociology*. – 2012. – N 6 (3). – P. 299–318.
27. *Savage, M.* Against the omnivore: assemblages of contemporary musical taste in the United Kingdom / M. Savage, M. Gayo-Cal // *Working Paper*. – 2009. – N 72.
28. Новые социальные неравенства / под ред. С. Макеева. – Киев: Ин-т социологии НАНУ, 2006. – 355 с.
29. Медіа. Демократія. Культура / за ред. Н. Костенко, А. Ручки. – Київ: Ін-т соціології НАН України, 2008. – 356 с.
30. Субкультурна варіативність українського соціуму / за ред. Н. Костенко, А. Ручки. – Київ: Ін-т соціології НАН України, 2010. – 287 с.
31. *Костенко, Н.* Медиа-классы или коды неравенства // *Социология: теория, методы, маркетинг*. – 2003. – № 2. – С. 16–32.
32. *Костенко, Н.* Пристрасті телевізійних аудиторій: поточні зміни / Н. Костенко // *Українське суспільство 1992–2009. Динаміка соціальних змін* / за ред. В. Ворони, М. Шульги. – Київ: Ін-т соціології НАН України, 2009. – С. 300–311.
33. Смилова морфологія соціуму / за ред. Н. В. Костенко. – Київ: Ін-т соціології НАН України, 2012. – 422 с.

L. G. SKOKOVA

**CONTEMPORARY STUDIES OF CULTURAL PRACTICES
IN THE CONTEXT OF SOCIAL AND CULTURAL STRATIFICATION**

Summary

The article is devoted to analysis of the current approaches in the empirical sociology to the study of cultural practices and cultural consumption. The author emphasizes the importance of testing Bourdieu's concept of homology of cultural and social stratification systems in the present-day societies, verification of the R.Peterson's concept of «omnivorousness» in national and comparative studies, the need to use of mixed (quantitative and qualitative) approaches to study the structure of cultural practices and shifts taking place in the fields of cultural consumption.

Keywords: cultural hierarchies, cultural practices, the dynamics of cultural consumption, homology of cultural practices and social class, omnivorousness.

Поступила 09.09.2013 г.

А. ШУЛЬГА,

*кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Украины, г. Киев*

К ВОПРОСУ О СИМВОЛИЧЕСКИХ УНИВЕРСУМАХ

Статья посвящена смене символических универсумов в Украине. Автор представляет этот процесс как смену мета-смысловых целостностей, длящийся последние два десятилетия. В статье выделены различные инструменты и приемы смены символических универсумов и индикаторы, которые позволяют говорить о полной или частичной замене одного символического универсума другим.

Ключевые слова: символический универсум, десимволизация, коллокация, пресуппозиция, Вторая мировая война, система ценностей.

Понятие «символический универсум» имеет высокий эвристический потенциал для гуманитарных наук в целом и для социологии в частности. Это понятие демонстрирует свои широкие познавательные возможности, в особенности, когда речь идет об обществах, переживших смену общественного строя, коренную перестройку всей системы социальных отношений, что в полной мере справедливо для Украины.

Что же мы подразумеваем под «символическим универсумом»? Как известно, данное понятие предложили в своей классической работе «Социальное конструирование реальности» П. Бергер и Т. Лукман. В данной статье мы будем понимать под символическим универсумом мета-смысловой комплекс, который выступает матрицей видения и интерпретации объективных (природных), intersubъективных (социальных) и субъективных процессов и феноменов. Только один символический универсум может выполнять роль доминирующего и таким образом удовлетворять стремление социальной системы к стабильности и предлагать индивиду интерпретативную схему, которая унифицирует и организует для него социальную реальность.

Новый символический универсум, замещая старый, с необходимостью приводит к новой социальной структуре и перераспределению власти, финансов, престижа и информации. Именно такие процессы происходят последние двадцать лет в постсоветских странах, в том числе и в Украине.

Процесс замены одного универсума в качестве доминирующего на другой может растягиваться на несколько десятилетий. В результате общества переживают смену символических универсумов, оказываются на длительный период расколотыми по целому ряду важнейших вопросов как настоящего, так

и прошлого, и будущего. Это проявляется и в политическом расколе страны, и в разных векторах геополитических предпочтений населения, и в диаметрально противоположном видении одних и тех же исторических событий, и т. д.

Каждый из символических универсумов осуществляет смысловую агрессию по отношению к другому (или другим) универсуму. Основными инструментами этой борьбы является система образования – государственного (в случае доминирующего универсума) и альтернативного (в случае универсумов-конкурентов), а также вся система масс-медиа. Первая формирует у нового поколения соответствующие системы интерпретации, а вторая тиражирует и поддерживает эти смыслы. Тем не менее в обществе всегда существуют универсумы-конкуренты, и доминирующий универсум с необходимостью вступает с ними в борьбу.

В качестве приемов такой борьбы можно выделить несколько, особо актуальных для украинской действительности. Первый из них назовем «продуцированием пресуппозиций». Под пресуппозицией мы понимаем высказывание, которое, по мнению его автора, является общеизвестным и общепризнанным (или представляется им как таковое). В основном авторы пресуппозиционных утверждений ссылаются на то, что они, дескать, и так всем известны, поэтому в обосновании не нуждаются. Те же, кто претендует на большую основательность, в качестве подтверждения приводят такие же абстрактные тексты, которые в свою очередь отсылают к другим текстам и т. д. В результате носители одного символического универсума продуцируют пресуппозиции негативного характера в отношении универсума-конкурента.

Второй прием назовем «образованием коллокаций». В современных украинских медиа это явление особенно широко представлено. Образование коллокаций заключается в постоянном упоминании какой-то категории в связи с другими категориями. Поэтому они образуют целый смысловой комплекс, становятся ее фоном. В итоге категория может присутствовать в дискурсе уже без сопровождающих ее категорий, однако фон (обрамление), которые они создавали, остается. Например, если мы говорим о «демократии», то вместе с ней чаще всего упоминаются «свобода», «прогресс» и т. д. В более общем виде можно сказать, что контекст (фон) применения данной категории почти всегда является положительным. И наоборот, когда мы говорим о старом символическом универсуме, то смысловой фон почти всегда является негативным.

Третьим и одним из самых действенных приемов борьбы символических универсумов являются «десимволизация» и переинтерпретация. Под этим подразумевается то, что интеллигенция доминирующего символического универсума осуществляет переинтерпретацию базовых смыслов теперь уже альтернативного универсума и представляет их как анахронизмы, порождает мифы и проводит смысловую агрессию относительно его основных символов. Особенно эффективной в этой связи является сатира, поскольку в силу своей трансцендирующей природы она ломает фоновые ожидания индивидов и та-

ким образом выводит из ранга само собой разумеющихся базовых смыслов универсума-конкурента, представляет их как нечто нелепое.

С целью иллюстрации смены символических универсумов в Украине в данной статье мы рассмотрим два важнейших индикатора этого процесса: разное видение отечественной истории, а точнее, интерпретацию событий Второй мировой войны, а также смену ценностных матриц. Начнем со смены видения событий Второй мировой войны, в процессе которой были использованы и до сих пор используются описанные выше приемы.

Тема Великой Отечественной войны, ее символизм, «святость» этой войны, победа в ней красной нитью проходили через «советский» универсум. Подрыв этого символизма, а точнее «десимволизация», является покушением на подрыв всего «советского» универсума. Как показывают данные нашего исследования, этот подрыв был достаточно глубоким¹. Полная ревизия системы преподавания и толкования истории, которая существовала семьдесят лет, новые учебники по истории для школьников и студентов, отразившие совсем другую интерпретацию, новый дискурс в средствах массовой информации, включая многочисленные документальные фильмы, передачи, расследования, новые художественные фильмы о Второй мировой войне, роли в ней СССР, а также в целом новый дискурс, сложившийся в новейшей Украине, привели к новому видению Второй мировой войны в целом и отдельных ее процессов в частности.

Для подтверждения сказанного выше сравним между собой ответы на вопросы, касающиеся Второй мировой войны: то, как отвечали на них представители разных поколений. Мы выделяем две возрастные группы – те, кто родился в уже независимой Украине (их возраст составляет 18–21 год), и те, кто родился и большую часть жизни провел в советское время (их возраст составляет 50 лет и больше). Таким образом, мы сравним между собой восприятие этой войны, ее причин между украинскими гражданами, которые социализировались в двух совершенно разных символических универсумах.

Ответы на вопросы между выделенными группами довольно заметно отличаются. Так, когда представителям разных поколений было предложено определить, кто был виноват в развязывании Второй мировой войны, то среди молодежи фашистскую Германию называли около сорока девяти процентов, тогда как среди представителей старшего поколения таких было около шестидесяти (табл. 1). Также отметим, что среди молодежи значительно больше тех, кто не определился по этому вопросу – таких около трети. И это объясняется не только тем, что их не интересует данный вопрос, но и тем, что они сталкиваются с разными смыслами относительно данных событий, часто даже противоположными. Ведь замена смысловых универсумов – довольно долгий процесс и требует смены нескольких поколений для своего полного утверждения, при условии отсутствия каких-либо существенных общественных изменений.

¹ По данным Мониторинга Института социологии НАН Украины за 2012 г.

Таблица 1. Кто виноват в начале Второй мировой войны?

Страна	В целом по Украине		Рожденные в независи- мой Украине (возраст: 18–21 год)		Рожденные в СССР (воз- раст: 50 лет и более)	
	частота	%	частота	%	частота	%
Фашистская Германия	1058	58,9	52	48,6	1006	59,6
СССР	30	1,7	2	1,9	28	1,7
Обе страны: и Герма- ния, и СССР	301	16,8	18	16,8	283	16,8
Другое	14	0,8	2	1,9	12	0,7
Трудно сказать	392	21,8	33	30,8	358	21,2
В целом	1795	100,0	107	100,0	1687	100,0

Еще один важный сегодня вопрос, имевший в советское время однозначный ответ, – на чьей стороне воевала ОУН–УПА. Как видим, представления молодежи, которая социализировалась в новых условиях, и старшего поколения заметно отличаются (табл. 2). Особенно если сравнить среди разных поколений доли тех, кто считает, что ОУН–УПА воевала на стороне фашистов. Конечно, количество респондентов, относящихся к упомянутой группе молодежи, не позволяет говорить о надлежащей наполняемости, однако тенденция хорошо заметна. Следует также отметить, что среди рожденных в независимой Украине заметно больше тех, кто не может определиться по данному вопросу. Ведь, как мы уже отметили, если в СССР ответ на этот вопрос был однозначным, то в новых условиях, когда «старый» универсум еще не вытеснен окончательно, молодежь встречает различные смыслы, нередко являющиеся противоположными между собой, и поэтому часто не может определиться со своим отношением.

Таблица 2. На чьей стороне воевала ОУН–УПА во время Второй мировой войны?

Вариант ответа	В целом по Украине		Рожденные в независимой Украине (возраст: 18–21 год)		Рожденные в СССР (возраст: 50 лет и более)	
	частота	%	частота	%	частота	%
На стороне фашистской Германии	548	30,6	22	20,8	526	31,2
Воевала и против СССР, и против фашистской Германии	621	34,7	30	28,3	591	35,1
Другое	14	0,8	–	–	14	0,8
Трудно сказать	608	33,9	54	50,9	553	32,7
В целом	1791	100,0	106	100,0	1684	100,0

Так же отличаются ответы на вопрос, можно ли оправдать сотрудничество с фашистскими войсками борьбой за независимость Украины (табл. 3). Среди представителей старшего поколения несогласных с этим утверждением – большинство, тогда как среди молодежи таких меньше половины. Кроме того,

среди молодежи несколько больше и тех, кто согласен с этим аргументом. И снова доля тех, кто не может определиться по этому вопросу, выше среди молодежи.

Таблица 3. **Согласны ли Вы, что сотрудничество с фашистскими войсками может быть оправдано борьбой за независимость Украины?**

Вариант ответа	В целом по Украине		Рожденные в независимой Украине (возраст: 18–21 год)		Рожденные в СССР (возраст: 50 лет и более)	
	частота	%	частота	%	частота	%
Полностью не согласен	731	40,7	27	25,2	704	41,7
Не согласен	283	15,8	20	18,7	262	15,5
Трудно сказать	629	35,0	47	43,9	582	34,5
Согласен	95	5,3	10	9,3	85	5,0
Полностью согласен	58	3,2	3	2,8	55	3,3
В целом	1796	100,0	107	100,0	1688	100,0

Продолжим анализ тем, что выделим в отдельные две группы тех украинцев, кто полностью или скорее согласен с утверждением о возможности сотрудничества с фашистскими войсками для борьбы за независимость страны, и тех, кто полностью или скорее не согласен (табл. 4). После этого рассмотрим их представителей по разным социально-демографическим характеристикам. Представителей первой группы насчитывается 8,5 %, что значительно меньше, чем количество тех, кто не согласен с подобным утверждением – их 56,5 %. Следовательно, наполняемость первой группы по различным характеристикам позволит нам говорить лишь о тенденциях.

В качестве социально-демографических характеристик для сравнения двух выделенных групп мы возьмем возраст, образование, регион проживания, тип поселения, вероисповедание и язык.

Что касается возрастных различий, то можно констатировать, что среди первой группы несколько больше молодежи и среднего поколения, тогда как среди противников такого сотрудничества заметно больше представителей старшего поколения.

Образовательные различия не являются существенными. Можно лишь отметить, что среди первой группы несколько больше людей с образованием не выше среднего школьного, а среди второй – тех, кто получил профессионально-техническое образование.

Все другие характеристики для сравнения демонстрируют довольно яркие различия между представителями обеих групп. Особенно четко прослеживаются региональные особенности. Различные регионы страны явно по-разному относятся к данному вопросу. Особенно заметные различия демонстрирует Запад по сравнению с Востоком, Югом страны и Крымом, где концентрация сторонников и противников сотрудничества с фашистскими войсками является почти прямо противоположной. На Западе сторонников сотрудничества почти в четыре раза больше по сравнению с остальными указанными регио-

Таблица 4. Сравнение приверженцев и противников сотрудничества с фашистскими войсками ради борьбы за независимость Украины

Социально-демографические характеристики	Согласны		Не согласны	
	частота	%	частота	%
Возрастная группа				
Молодежь (до 30 лет)	30	19,6	168	16,6
Средний возраст (30–55 лет)	85	55,6	530	52,3
Старшее поколение (от 55 лет)	38	24,8	315	31,1
Уровень образования				
Среднее школьное	93	61,2	581	57,8
Профессионально-техническое	33	21,7	258	25,6
Полное/неполное высшее	26	17,1	167	16,6
Регион				
Запад	59	38,7	109	10,8
Центр	22	14,4	131	12,9
Восток	25	16,2	268	26,5
Южный Восток	12	7,8	134	13,2
Север	12	7,8	129	12,7
Юг	4	2,6	129	12,7
Киев	16	10,5	35	3,5
Крым	2	1,3	77	7,6
Тип поселения				
Большой город (от 501 тыс.)	36	23,7	199	19,7
Средний город (51–500 тыс.)	38	24,9	297	29,4
Малый город (до 50 тыс.) и ПГТ	23	15,2	222	21,9
Село	55	36,2	294	29,1
Вероисповедание				
Не религиозный	19	12,4	103	10,2
Православие	99	64,7	852	84
Католицизм	1	0,7	11	1,1
Греко-католицизм	31	20,3	33	3,3
Протестантизм	1	0,7	4	0,4
Другое	2	1,3	11	1,1
Язык				
Украинский	125	82	599	59,1
Русский	28	18	394	38,9
Другой	–	–	17	1,7

нами, тогда как в восточных областях и в Крыму противников коллаборационизма гораздо больше.

Теперь рассмотрим различия в поселенческих группах. Удельный вес сторонников и противников сотрудничества с фашистскими войсками среди селян и горожан можно объяснить очерченными выше региональными особенностями этих двух групп: преобладание сельского населения объясняется тем, что представители первой группы значительно чаще проживают в запад-

ных областях, которые в свою очередь имеют гораздо большую долю сельского населения по сравнению с восточными и южными областями.

Наиболее интересными и знаковыми являются различия обеих групп по таким характеристикам, как вероисповедание и язык. Что касается первой характеристики, то необходимо выделить две особенности: хотя православные составляют большинство и среди сторонников, и среди противников коллаборационизма ради борьбы за независимость, тем не менее, среди первых его доля заметно меньше. Зато доля представителей греко-католицизма во много раз выше. Такую особенность можно, в частности, объяснить уже описанными выше региональными особенностями этой группы, поскольку основная масса греко-католиков проживает на Западе страны. И еще более заметными являются различия между группами по языковому признаку. Пропорции использования украинского и русского языков представителями выделенных групп показывают, что среди противников коллаборационизма гораздо большая часть отдает предпочтение именно русскому языку. Можно констатировать, что различия в восприятии отдельных сторон Второй мировой войны довольно тесно переплетены с языковой и религиозной самоидентификацией.

Таким образом, мы рассмотрели различия между разными поколениями в отношении такой глубинной проблемы, как восприятие Второй мировой войны и тех, кто в ней воевал. Кроме того, мы специально выделили сторонников и противников сотрудничества с фашистскими войсками ради независимости, чтобы сравнить их по разным социально-демографическим характеристикам. Блок вопросов восприятия Второй мировой войны был выбран нами не случайно, ведь, как мы отмечали в начале, тема этой войны была одним из краеугольных камней «старого» универсума. Все эти годы «новый» универсум с необходимостью пытается различными способами, в том числе благодаря системе образования и созданию соответствующего дискурса в средствах массовой информации, осуществить переформатирование и замену смысловых комплексов, касающихся Второй мировой войны. Симптоматично, что социализированная в новых условиях молодежь явно иначе смотрит на те же проблемы, чем старшее поколение. И еще более симптоматично, что среди молодежи намного больше доля тех, кто не определился. Ведь они живут в условиях изменения универсумов и поэтому испытывают на себе борьбу их смыслов каждый день, смотря телевизор, читая новости в Интернете или просто в процессе повседневного общения.

Вторым индикатором смены символических универсумов в украинском обществе является смена ценностных матриц. Рассмотрим, как население воспринимает старые и новые ценности, которые пропагандируются в современном украинском обществе, насколько актуальны советские ценности и другие ценности, предлагаемые украинским гражданам сегодня. Анализируя ответы на указанные вопросы, мы рассмотрим возможные различия в отношении к этим вопросам со стороны различных поколений и социальных групп. Начнем с того, насколько действенно, по мнению украинцев, влияние советских

ценностей в современном украинском обществе. Для этого респондентам был задан вопрос: «Как Вы считаете, действуют ли сегодня ценности, которые пропагандировались в Советском Союзе?» Большинство населения согласно с тем, что те ценности, которые пропагандировались в Советском Союзе (коллективизм, равенство, государственная поддержка и т. д.), сейчас уже утратили свою актуальность. Такого мнения придерживается три четверти населения страны¹.

При этом, если сравнить между собой ответы на данный вопрос представителей старшего поколения (50 лет и более), которое социализировалось при доминировании вышеназванных ценностей, а также молодежи до 21 года, родившейся в новых условиях, то можно выделить две особенности. Первая заключается в том, что старшее поколение чаще молодежи указывает на потерю актуальности старых ценностей. Это можно объяснить тем, что старшее поколение может сравнивать старые и новые времена. В свою очередь, новое поколение имеет гораздо большую долю тех, кто не может определиться по этому вопросу. Отсутствие четкого ответа у трети молодежи можно связать как с тем, что молодым людям не с чем сравнивать, так и с низкой релевантностью этого вопроса для них.

Среди региональных особенностей отношения к указанному вопросу следует выделить то, что жители восточных и южных областей больше ощущают потерю актуальности советских ценностей, чем жители Запада и Центра.

Если конкретизировать вопрос и предложить респондентам оценить, что именно изменилось в современной Украине по сравнению с советскими временами, то наиболее частыми ответами будут: изменение отношения государства к человеку, отношения людей друг к другу и изменение самих людей.

Сравнение ответов молодого поколения, которое социализировалось в новейших условиях, и старшего поколения существенным образом отличаются. Для пожилых людей более очевидно, что изменились главные жизненные ценности людей, моральные координаты того, что хорошо, а что плохо, и т. д. Зато молодое поколение демонстрирует явно большие сложности в ответе на этот вопрос (каждый пятый не может определиться), что вполне логично, учитывая невозможность сравнивать старые и новые времена.

Как свидетельствуют результаты исследования 2013 г., процесс замещения старого символического универсума новым универсумом еще не завершен. Половина населения на вопрос «Воспринимаете ли Вы в качестве своей ту систему ценностей, которая сложилась за годы независимости?» отвечает отрицательно. При этом к положительному ответу склоняется лишь четверть опрошенных и еще четверть населения вообще не может дать ответа. Таким образом, несмотря на потерю старой системой ценностей доминирующего положения, новая ценностная матрица не получила преимущества в обществе. Ни одна из систем ценностей временно не имеет доминирующего положения,

¹ По данным Омнибуса Института социологии НАН Украины за 2013 г.

поскольку старая его уже потеряла, а новая только добивается распространения среди большинства общества. В первую очередь это проявляется среди нового поколения, которое встречает эту систему ценностей с самого начала.

Особенно четко видны различия между поколением, которое социализировалось в Советском Союзе, и поколением уже независимой Украины. Фактически ответы представителей обеих групп являются прямо противоположными: среди молодежи вдвое меньше тех, кто не воспринимает новую систему ценностей, и одновременно вдвое больше тех, кто ее воспринимает. Такие ответы представителей нового поколения можно объяснить, учитывая, что они с детства интернализировали предлагаемые смыслы нового универсума. Ответы старшего поколения, в свою очередь, свидетельствуют о том, что его представители преимущественно не смогли ресоциализироваться и испытывают дискомфорт от новой системы моральных регуляторов и социальных отношений в целом.

Изменение восприятия Второй мировой войны и смена ценностных матриц являются двумя явными, но далеко не единственными индикаторами процессов, которые можно назвать сменой символических универсумов в Украине. На сегодняшний день этот процесс не завершен и, более того, находится в активной фазе.

A. SHULGA

CONCERNING SYMBOLIC UNIVERSES

Summary

An article is devoted to the change of symbolic universes in Ukraine. An author presents this process as a long-drawn change of meta-meanings complexes which have been lasting for 2 decades. There were marked out different means and methods of the change of symbolic universes, as well as indicators which allow to insist on the whole or partial replacement of symbolic universes.

Keywords: symbolic universe, de-symbolisation, collocation, presupposition, World War Two, value system.

Поступила 09.09.2013 г.

Л. А. ЛЯПИНА,

кандидат политических наук, доцент,

Черноморский государственный университет имени Петра Могилы, Украина, г. Николаев

ЭВОЛЮЦИЯ ЛИБЕРАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

В статье освещается эволюция либеральной концепции мультикультурализма, которая обусловлена «идентификационными волнами» 2-й половины XX в. На примере концепций социальных теоретиков У. Кимлики и Ч. Кукатаса анализируются две основные дискурсивные стратегии: «мягкий» и «жесткий» мультикультурализм. А также раскрывается сущность концепции интегративного либерального мультикультурализма французского социолога М. Вевьерки.

Ключевые слова: либерализм, идентификационные волны, мультикультурализм, «мягкий» мультикультурализм, «жесткий» мультикультурализм, интегративный либеральный мультикультурализм.

Интенсификация межкультурных контактов, рост миграционных потоков, появление новых субкультур, потеря культурного единства обществ приводят к исчезновению монокультурных государств и усилению культурного многообразия. Реальность формирования поликультурного состояния общества требует своего теоретического осмысления. Сообразно происходящим общественным изменениям формируются новые теоретические концепции, позволяющие приблизиться к пониманию новой социальной ситуации.

Одной из таких концепций является развивающаяся парадигма мультикультурализма, предлагающая принятие нового мультикультурного состояния социума и теоретически обосновывающая практику не номинального, а фактического уравнивания всех существующих в обществе культур.

Теоретические основы мультикультурализма были заложены либеральной традицией. Как отмечает британский профессор Чандрэн Кукатас, либерализм – это доктрина, по определению сочувственно относящаяся к культурному многообразию, поскольку она делает акцент на праве индивида жить по собственному разумению, даже если этот образ жизни не одобряется большей частью общества [3].

Известный канадский ученый Уилл Кимлика выделяет три стадии дискурса, в рамках которых происходили изменения в понимании теории и практики мультикультурализма [8, с. 18–19]. А подготовлены и спровоцированы эти изменения были, по определению Ронана Ле Коадика, «идентификационными волнами», связанными с требованиями разных групп признать их культурные особенности [4].

Так, первая стадия – дискуссии 1970-х гг. – были вызваны первой «идентификационной волной», которую Энтони Смит называет подъемом этнонационализма [9].

На данном этапе превалировала идея приоритета индивидуальной свободы. Либералы настаивали на том, что индивиды свободны в выборе их собственной концепции блага и приветствовали освобождение индивида от любого приписанного или унаследованного статуса, т. е. представители либеральной концепции мультикультурализма считали, что индивид является первичным по отношению к сообществу.

Вторая стадия эволюции либеральной концепции мультикультурализма – дискуссии 1980-х гг. – период второй «идентификационной волны», когда новый экономический кризис охватил прежде всего иммигрантское население. Здесь главным вопросом дискуссии стало следующее: каков возможный масштаб мультикультурализма в рамках либеральной теории? Нуждаются ли меньшинства, которые разделяют базовые либеральные ценности, в правах меньшинств [2, с. 428–429]?

Ответы на эти вопросы сформировали две основные теоретические альтернативы. Сторонники первой настаивали на «безразличии» или «нейтральности» по отношению к культурному разнообразию. Их ключевой тезис заключался в том, что не существует никаких прав человека так называемого третьего поколения ни в виде коллективных прав культурных групп, ни в виде индивидуальных прав граждан без сохранения культурной идентичности [5, с. 218]. А сохранение сообщества является делом самих его членов и становится более-менее успешным в зависимости от способности аккумулировать способы и координировать усилия.

Авторы другой теоретической альтернативы считали, что те, кто желает вести способ жизни, свойственный их родной культуре, в условиях правовой системы, которая отражает специфику другой культуры (культуры большинства), могут не рассчитывать на обязательную помощь со стороны общества в целом. Их трудности носят субъективный характер, поэтому они должны «заплатить» за преданность традициям, а не ждать поддержки извне.

Таким образом, детали теоретиков этого «либерального мультикультурализма» различаются, но, как утверждает У. Кимлика, «каждый из нас по-своему доказывает, что есть жизненно важные интересы, связанные с культурой и идентичностью, которые полностью совместимы с либеральными принципами свободы и равенства и которые оправдывают предоставление меньшинству особых прав» [2, с. 429–431].

Третья стадия эволюции теории мультикультурализма является ответом на нациестроительство и «идентификационную волну» 1990-х гг. Ее суть заключается в утверждении, наперекор тенденции глобализации общества, явных различий и требовании их публичного признания. В этот период ученые активно дискутируют по поводу известной «этнокультурной нейтральности» демократических государств и происходит замена модели «нарочитого невни-

мания» «более точной моделью, которая признает ключевую роль нациестроительства в либеральных демократиях... И теперь вопрос состоит не в том, как объяснить отход от нормы, нарочитого невнимания, а в том, создают ли усилия большинства по поводу нациестроительства несправедливость для меньшинства? И если да, то могут ли права меньшинства помочь защитить их от этих несправедливостей?» [2, с. 439–440].

На этот вопрос французским ученым Мишелем Вевьеркой было предложено три ответа: политика ассимиляции, толерантность, признание и культурные права для меньшинства, при условии, что последние не бросают вызов общим ценностям, правам и разуму. Ученый относит мультикультурализм к третьему варианту, который в узком смысле слова понимается им как публичная политика, определенная часть институтов, правовых и государственных (или местных) действий по обеспечению культурным различиям (в крайнем случае некоторым) признания в общественной сфере [1, с. 21–22].

В то же время в процессе эволюции либеральной теории мультикультурализма сформировалось несколько дискурсивных стратегий, таких как «жесткий», «мягкий» и интегративный мультикультурализм. Рассмотрим их более детально.

Известным сторонником «жесткого» мультикультурализма является Уилл Кимлика. Фундаментом его теории выступает либеральный тезис о равенстве прав и возможностей, а суть заключается в следующем: он утверждает, что в современном обществе необходимо развивать теорию прав меньшинств, которая будет подробно исследовать, как существующие методы взаимодействия с либерально-демократическими принципами, и которая идентифицирует основания и ограничения требований прав меньшинств [6].

У. Кимлика полагает, что жизненно важные интересы, связанные с культурой и идентичностью и полностью совместимые с либеральными ценностями свободы и равенства, оправдывают наделение меньшинств особыми правами. Либеральное государство должно создать нетитульным этнокультурным группам условия, компенсирующие необходимость интеграции, пусть даже частичной, в более широкое национально-культурное целое на основе проведения специальной политики поддержания базисных ценностей культур этих меньшинств. Наделение этнических меньшинств дополнительными правами должно быть призвано лишь уравнивать условия социального бытия групп благодаря уменьшению уязвимости меньшей группы по отношению к большей и не расходиться с установками и ценностями либерализма [7, с. 13–14].

Центральная идея теории мультикультурного гражданства У. Кимлики состоит в следующем: наличие у индивидов неравных долей социальных благ считается справедливым, если они заслужили эти неравенства, т. е. если эти неравенства являются результатом выбора и индивидуальных действий. Неравенство в природных способностях и социальном положении является незаслуженным. Ученый справедливо полагает, что нашей заслугой в том, что мы принадлежим к какой-либо расе, полу, классу, обладаем от рождения фи-

зическими особенностями, нет. Он обращается к анализу классических либеральных принципов и находит в их содержании следующее. Классические либеральные принципы наиболее симпатизируют требованиям внешней защиты, которая уменьшает незащищенность меньшинства перед решениями большинства в обществе. Также классическая либеральная справедливость не может принять прав, которые позволили бы одной группе эксплуатировать или притеснять другие группы, как это происходит при апартеиде. Внешняя защита легитимна, только если она поддерживает равенство между группами и признает отсутствие преимуществ или незащищенности, которыми обладает конкретная группа.

Таким образом, в классических либеральных теориях выдвигаются требования наличия свободы внутри группы меньшинства и равенства между большинством и меньшинством [7, с. 40].

В своей работе «Политика на родном языке: Национализм, мультикультурализм и гражданство» У. Кимлика обращает внимание на то, что государство не может отстраниться от этнических проблем и этничности в целом. Он признает, что требования ряда этнических и религиозных групп на предоставление публичной финансовой поддержки ряда культурных мероприятий являются справедливыми. Здесь он имеет в виду поддержку этнических ассоциаций, журналов, фестивалей, того, что работает на поддержку и утверждение богатства и разнообразия культурных ресурсов. Это, на его взгляд, повышает стабильность в обществе и элиминирует неравенство между этническими и религиозными группами. У. Кимлика выступает за утверждение либеральных ценностей посредством образования, убеждения и финансовой поддержки. Ни за пределами государства, ни внутри государства невозможно развитие либерализма посредством насилия. Отношение между национальными меньшинствами и государством должно определяться диалогом.

Таким образом, отстаивая «жесткий» вариант мультикультурализма, Уилл Кимлика утверждает, что мультикультурное государство должно придерживаться групповой дифференциации прав и обеспечивать культурным меньшинствам особую защиту. По его мнению, либеральное государство должно предпринимать активные шаги для обеспечения таким группам необходимых средств, позволяющих поддерживать их образ жизни.

В то же время государство должно позаботиться и о том, чтобы культурные группы соблюдали основополагающие гражданские права, которые либеральная система обеспечивает всем индивидам, т. е. Уилл Кимлика рекомендует более жесткие меры, гарантирующие меньшинствам сохранение культурной самостоятельности, а политику «мягкого» либерализма считает синонимом «благожелательного равнодушия»; такой подход, утверждает он, не в состоянии решить важнейшие проблемы, с которыми сталкивается государство в условиях культурного многообразия [7, с. 30].

Предпочтение «мягкому» мультикультурализму отдает профессор Чандран Кукатас. Ученый считает, что «разница между мягким и жестким ва-

риантами мультикультурализма заключается в степени. Оба они уходят корнями в либеральную политическую теорию: жесткий мультикультурализм отражает идеи современного либерализма, а мягкий – классического» [3].

Мультикультуральность рассматривается ученым в аспекте усиления миграционных процессов, а миграция определяется как ключевой фактор поликультурности. Всплеск миграционной активности провоцирует титульные культуры к осмыслению национальных паттернов и собственной идентичности. В круг актуальных аспектов входят вопросы о том, какие сферы жизни человека могут контролироваться государством, а какие должны остаться прерогативой личности и группы.

Чандрен Кукатас выделяет пять вариантов реакции государственной политики на проблему столкновения культурных парадигм: изоляционизм, ассимиляторство, «мягкий» мультикультурализм, «жесткий» мультикультурализм и апартеид.

Изоляционизм отражает стремление государственной политики сохранить существующую социальную структуру и привилегии. Ассимиляторство рассматривается ученым как альтернатива изоляционизму, сменяющая стратегию запрета иммиграции политикой культурного патронажа, при которой мигрантам предъявляется требование влиться в культурное пространство государства и принять существующую систему его ценностей. Апартеид направлен на искусственную дифференциацию этнических общностей и препятствует межкультурному и межэтническому смешению. «Жесткий» мультикультурализм рассматривается как альтернатива изоляционизму, ассимиляторству и позиционирует всестороннюю поддержку и укрепление культуры меньшинств. А «мягкий» мультикультурализм предполагает поддержку общего культурного поля, проповедует ровное и равное отношение к этническим культурам, которые хотят сохранить локальное своеобразие.

Согласно Ч. Кукатасу, «там, где мягкий мультикультурализм является нормой социальной жизни, свобода ассоциации порождает открытое общество, членами которого легко могут стать представители других культур – за счет объединения с теми, кто к нему уже принадлежит. Аналогичным образом, те, кто входит в это общество, могут без помех жить в соответствии с собственными традициями либо как часть космополитического целого, либо как представители культурных меньшинств, связанных с остальными лишь в минимальной степени. Присутствие иных культур и традиций воспринимается толерантно, даже если эти традиции не согласуются с либерализмом и либеральными ценностями» [3].

В своих исследованиях Ч. Кукатас доказывает, что «мягкая» модель отличается тем, что степень ассимиляции определяется желанием и способностью каждого отдельного индивида разделять или не разделять образ жизни большинства, при этом принимающая сторона спокойно относится к тому, что меньшинства остаются неинтегрированными. Одна из характеристик «мягкой» мультикультуралистской политики заключается в том, что в ее рамках

возможна ассимиляция людей не столько потому, что они сами этого хотят, сколько потому, что у них нет особого выбора. В результате представители культурных меньшинств в обществе либо не способны поддерживать свою особую идентичность потому, что это связано с чрезмерными издержками, либо не могут полностью участвовать в жизни общества из-за своих культурных представлений и традиций. В то же время «жесткая» модель мультикультурализма, уходя корнями в идеи современного либерализма, заключается в том, что общество должно принимать активные меры для обеспечения таким людям не только полноценного участия в жизни общества, но и максимальных возможностей для сохранения особой идентичности и традиций.

Таким образом, согласно точке зрения Ч. Кукатаса, к разнообразию следует не просто относиться толерантно – его нужно укреплять, поощрять и поддерживать как финансовыми средствами (при необходимости), так и путем предоставления культурным меньшинствам особых прав [3].

Один из представителей интегративного мультикультурализма французской социологии Мишель Вевьерка считает, что две предыдущие модели являются «двумя отклонениями», «двумя крайностями», «двумя границами», за которыми «обществу грозят серьезные опасности». В своей работе «Формирование различий» ученый отмечает, что нет единого ответа на вопросы, поставленные культурными различиями. И первое отклонение состоит в том, что «различие замыкается на себя, лишая членов их автономии и свободы, запрещая им конструировать себя как субъектов и быстро создавая риск распространения на остальное общество в формах сектантства и, возможно, насилия. Второе отклонение прямо противоположно. Это искажение абстрактного универсализма. Здесь идеалом выступает публичная сфера с желательным охватом только индивидов, конкретные идентичности сводятся до меньшинств, подлежащих уничтожению, ассимиляции или противостоянию» [1, с. 21–22].

Фундаменты, где действует или отрицание индивидов, или коллективных идентичностей, неустойчивы. Поэтому Мишель Вевьерка считает, что надо научиться перестать противопоставлять общее особенному и начать, напротив, выражать их. Ученый, в свою очередь, предлагает интегративный мультикультурализм, который сочетает в себе требование культурного признания с борьбой против социального неравенства.

«Эта политика, – как отмечает французский исследователь, – признает материнские языки, историю, традиции некоторых меньшинств, выделяет специальные средства их членам, чтобы помочь обеспечить им реальный доступ к возможности избежать бедности, социальной эксклюзии» [1, с. 21–22].

Интегративный мультикультурализм преследует цель усиления страны посредством признания культурного разнообразия и борьбы против социальной несправедливости в контексте единства страны, что является поощрением широкой солидарности и отрицанием сегрегации.

Таким образом, подытоживая все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что дискурс мультикультурализма противоречив. Размытость опреде-

ления этого феномена породила множество его трактовок, что привело к формированию общей концепции мультикультурализма.

Изначально данная теория развивалась в рамках дискуссии либерализма, и постоянные уточнения в ходе дебатов позволили оформиться таким дискурсивным стратегиям, как «жесткий», «мягкий» и интегративный мультикультурализм. В то же время следует отметить, что сама концепция мультикультурализма не статична и однородна. Она находится в постоянном развитии, объединяя противоположные точки зрения на культурное разнообразие современного общества. Однако соединяет все эти разнообразные теории в единую концепцию то, что каждая из них не отрицает «наработок» и достижений теорий предыдущего этапа, а уточняет их содержание в соответствии с наиболее актуальными вопросами современного этапа.

Литература

1. Вевьерка, М. Формирование различий / М. Вавьерка // Социс. – 2005. – № 8. – С. 13–24.
2. Кимлика, У. Современная политическая философия: введение / У. Кимлика. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 592 с.
3. Кукатас, Ч. Теоретические основы мультикультурализма [Электронный ресурс] / Ч. Кукатас. – Режим доступа: <http://www.cato.ru/pages/69?idcat>. – Дата доступа: 12.05.2013.
4. Ле Коадик, Р. Мультикультурализм [Электронный ресурс] / Ронан Ле Коадик. – Режим доступа: <http://www.etnograf.ru/node/178>. – Дата доступа: 12.05.2013.
5. Прокофьев, А. В. Справедливость и ответственность: социально-этические проблемы в философии морали / А. В. Прокофьев. – Тула : Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2006. – 277 с.
6. Kymlicka, W. Immigration, Multiculturalism, and the Welfare State / W. Kymlicka, K. Banting // Ethics and International Affairs. – 2006. – Vol. 20, iss. 3. – P. 281–304.
7. Kymlicka, W. Multicultural Odysseys. Navigating the New International Politics of Diversity / W. Kymlicka. – Oxford : Oxford University Press, 2007. – 374 p.
8. Kymlicka, W. Politics in the Vernacular: Nationalism, Multiculturalism and Citizenship / W. Kymlicka. – Oxford : Oxford University Press, 2001. – 400 p.
9. Smith A. D. The Ethnic Revival in the Modern World / Anthony D. Smith. – Cambridge: Cambridge University Press, 1981. – 240 p.

L. A. LYAPINA

EVOLUTION OF THE LIBERAL CONCEPT OF MULTICULTURALISM

Summary

The article highlights the evolution of the liberal conception of multiculturalism, which is caused by «identification waves» of the second half of the twentieth century. On the examples of the concepts of social theorists W. Kymlicka and Ch. Kukathas two main discursive strategies: «soft» and «hard» multiculturalism are analyzed. And the essence of the integrative liberal multiculturalism concept of French sociologist M. Veverka.

Keywords: liberalism, identification waves, multiculturalism, «soft» multiculturalism, «hard» multiculturalism, integrative liberal multiculturalism

Поступила 26.07.2013 г.

В. И. РУСЕЦКАЯ,

*доктор социологических наук, профессор,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск*

ОСОБЕННОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БЕЛОРУСОВ

Анализируются проблемы формирования социокультурной идентичности белорусов в условиях пограничья славянских культур, трансформации социокультурной реальности в контексте глобализационных процессов: ускорения социокультурной динамики, быстрой смены культурных образцов, детрадиционализации.

Ключевые слова: социокультурная идентичность, язык общения, межпоколенческая трансляция культурных ценностей, детрадиционализация, мультикультурализм.

Социокультурная идентичность – это мера отождествления и позитивного принятия субъектом той или иной культуры, той или иной социальной группы, тех или иных ценностей. Проблема социокультурной идентичности тесно связана с проблемой этнической и национальной идентичности как базовых факторов, формирующих среду, в которой индивид оказывается самым фактом своего рождения.

Социокультурная идентичность, выражающаяся в процессе самоотождествления индивида с какими-либо идеями, ценностями, социальными группами и культурами, связана со многими видами этнической, поколенческой, групповой, профессиональной идентичности, поскольку в итоге позволяет личности осознать свою социально-ценностную и эмоционально-психологическую значимость как члена определенной общности. П. А. Сорокин под «социокультурным» понимал все то, что «люди получают от других людей благодаря непрерывающемуся взаимодействию с культурой как носителем надорганических ценностей» [1, с. 17].

Важным основанием определения социокультурной идентичности белорусов является их географическое положение и языковая палитра. Также одним из важнейших факторов, определяющих социокультурную идентичность, выступает межпоколенческая трансляция социокультурных ценностей и традиций. Некоторые исследователи называют этот процесс межпоколенческой идентификацией.

Следует отметить, что белорусский язык, вследствие географического положения белорусской нации на пограничье различных славянских культур, несет в себе значительное количество заимствований из польского,

украинского и русского языков. Кроме того, по данным многих исследований владение белорусским языком не является одним из основных условий причисления белорусами себя к белорусскому этносу. Несомненно, это определяет особенности социокультурного развития белорусов, которые выражаются в культурном, религиозном, психологическом взаимодействии различных социокультурных образцов.

В мониторинговых исследованиях, ежегодно проводимых Институтом социологии НАН Беларуси, наряду с вопросами, касающимися различных сторон социально-экономического и социального положения жителей республики, изучаются также вопросы существования и распространения языков, на которых говорят жители Беларуси. Свою национальность респонденты определили следующим образом: к белорусам себя отнесли 83,9 %, к русским – 8,2 %, к полякам – 4,5 %, к иным – 2,0 %. Полученные социологические данные соответствуют данным статистики. В ответах на вопросы, на каком языке белорусы разговаривают: дома с родными, с близкими друзьями, с соседями, с земляками, с коллегами по работе, с незнакомыми людьми в общественных местах (на улице, в транспорте), ответы распределились следующим образом (табл. 1):

Таблица 1. Предпочитаемый белорусами язык общения, в %

Сфера общения	Русский	Белорусский	«Местный»	Иной
Дома с родными	64,6	2,8	31,5	0,2
С близкими друзьями	65,5	2,4	29,5	0,2
С соседями	65,3	1,9	30,0	0,1
С земляками	60,6	3,6	32,2	0,4
С коллегами по работе	65,8	2,2	22,4	0,1
С незнакомыми людьми на улице, в транспорте	71,6	1,6	22,8	0,1

Что имеется в виду под словом «местный» язык? Это смесь белорусского, русского и частично польского. Исходя из вышеприведенных данных, можно заключить, что литературный белорусский язык имеет очень небольшой ареал распространения (от 1,6 % до 3,6 %). «Местным», т. е. смесью белорусского, русского и польского языков, пользуется от 22,4 % до 32,2 % в зависимости от сферы общения. Дома, с друзьями, с соседями, земляками и даже с коллегами по работе респонденты общаются в основном на русском языке (60–66 %), с незнакомыми людьми так же, только процент уже возрастает почти до 72. Чуть более трети опрошенных дома, с друзьями, соседями и земляками общаются на «местном» языке (т. е. на смеси русского, белорусского и польского). С коллегами по работе и с незнакомыми людьми на «местном» языке общается несколько меньше людей – от 22,4 до 29 %.

В исследовании, проведенном в июне 2013 г. Институтом социологии НАН Беларуси при поддержке БРФФИ (Договор № Г 12Р – 007 от 15.04.2012 г.), по общереспубликанской выборке были выявлены факторы, в наибольшей сте-

пени объединяющие жителей Беларуси. Фактором, наиболее объединяющим жителей Беларуси, названо гражданство (91,3 %), свидетельствующее о факте принадлежности человека к той или иной социальной общности – государству. Значимость культуры, традиций отметили 86 % респондентов. Они оцениваются населением выше, чем национальность, происхождение (84,3 %), патриотизм (81,1 %), общая история (85,8 %), религия (78 %), менталитет (78,2 %), язык (76,8 %).

Язык, как одно из условий идентификации себя с белорусским этносом, не является определяющим фактором. Об этом свидетельствуют также данные исследований белорусского ученого Л. И. Науменко, которой среди наиболее значимых факторов белорусской идентичности выделены гражданская принадлежность, любовь к Беларуси, знание и уважение белорусской культуры. Знание и использование белорусского языка, как идентифицирующий фактор, по данным исследователя отмечают менее 9 % опрошенных.

Исследование российских ученых показывает, что факторы социокультурной идентификации россиян близки белорусам, однако несколько отличаются. Значимость родного языка как идентифицирующего фактора у россиян значительно выше. Она, по данным исследования, располагается на первом месте и составляет 95,4 %. Следующую позицию, как и у белорусов, занимает «культура и традиции» (89,1 %), далее «менталитет» (87,1 %), «национальность» (85,5 %), «патриотизм» (84,3 %), «общая история» (83,7 %) и только на седьмой позиции – «гражданство» (77,1 %). Следует отметить, что феномен общей культуры и традиций, объединяющих людей, и у белорусов, и у россиян занимает одно из ведущих мест в идентификационной структуре.

Наиболее значимым фактором, объединяющим белорусов и россиян, является, как свидетельствуют многие исследователи, общая история. Данные сравнительного исследования, проведенного в Беларуси и России летом 2013 г., также подтверждают это наблюдение (табл. 2).

Таблица 2. Наиболее значимые факторы, объединяющие белорусов и русских, в %

Страна	Черты характера, менталитет	Историческое прошлое	Культура (традиции, обычаи, обряды)	Язык	Религия, вероисповедание	Национальные интересы	Ничто не объединяет	Другое
Беларусь	27,7	56,3	29,4	35,7	19,3	29,5	2,4	1,4
Россия	30,5	57,5	40,7	8,1	16,8	6,9	6	1,9

Историческое прошлое как объединяющий фактор отметили более половины белорусов и россиян. Как следствие этого, важным объединяющим моментом названы культурные традиции, обычаи, обряды. Язык, в данном случае, отмечен в большей степени белорусами, ведь это они говорят на русском языке, для русских этот фактор не столь значим, так как он очевиден.

Важным обстоятельством, определяющим особенности социокультурной идентичности белорусов, является система традиций народа, которая непременно включает в себя обряды и обычаи, отражающие представления

о мире, связанные с календарным годом, местом проживания и способами организации быта (хозяйства, кухни, костюма и т. п.). В условиях существования на перекрестке нескольких близких славянских культур Беларусь испытывает культурное влияние традиций не только белорусского этноса, но также и других – русского, польского, украинского. Это проявляется в традициях, обрядах и обычаях, определяющих характер взаимоотношений человека и социальной общности, обеспечивающих переходы индивида из одного социального качества в другое, формирующих те его качества, которые помогают успешно самоосуществляться, в условиях совместного существования способствуют взаимопроникновению, многообразию поведенческого проявления этих традиций и обрядов. Например, традиции костюма, кухни, религиозные праздники, обряды.

Трансляция традиционных ценностей из поколения в поколение всегда осуществлялась как посредством семейного воспитания, так и в процессе непосредственного строго регламентированного и расширяющегося с возрастом участия человека в обрядовой деятельности общины, результатом чего становилось формирование определенного типа ментальности и совокупности типических отношений к окружающей действительности и собственной жизнедеятельности. Целостный процесс воздействия на формирование личности обеспечивал трансляцию как национальной компоненты, так и общечеловеческой сущности традиционной системы ценностей. Социальные качества людей, принадлежащих одной и той же социально-территориальной общности, живущих в едином культурном и информационном пространстве, могут, очевидно, транслироваться от поколения к поколению только под воздействием формирующего влияния семьи. Так, на вопрос о том, кто должен заботиться о духовно-нравственном развитии общества, 72,9 % опрошенных ответили, что семья; 47,5 % – учреждения образования и культуры; 30,1 % – церковь; 26 % – органы государственной власти и управления; 21,1 % – СМИ. Как видим, на семью возлагается основная ответственность о духовно-нравственном развитии общества. Однако здесь ощущается влияние различий в структуре межпоколенческой идентификации. Например, в регионах пограничья, в частности белорусско-польского, где более заметен плюрализм мнений, культур, идеологий, новые поколения в меньшей степени, чем представители старших поколений, стремятся к сохранению традиционной культуры: «традиционалистское» влияние родителей особо сильно в польской среде, что более способствует сохранению национального жизненного уклада. Обращает на себя внимание тот факт, что более чем в четверти семей опрошенных поляков родители сами соблюдают обычаи, но уже не требуют этого от детей. Очевидно, и здесь возникла тенденция разрыва межпоколенческих этнических связей, которая в большей степени выражена в семьях белорусов и русских.

Социокультурная трансформация, как следствие процессов глобализации, сущностно изменила свойства социальной реальности, усложнила формирование идентичности современного человека. В условиях быстро меняющихся

социальных, политических, экономических и иных реалий общества сложно говорить об устоявшейся социальной идентичности личности. Современные исследователи пришли к выводу о «кризисе идентичности». Как отмечает З. Бауман, характерная черта современного сознания – приход новой «краткосрочной» ментальности на смену «долгосрочной» [2, с. 129]. Возрастает социальная мобильность, становятся изменчивыми межличностные отношения, и пластичность личностной и социальной идентичности становится закономерным фактором.

«Социокультурная идентичность есть элемент самосознания, проявляющийся в процедурах ощущения, осмысления и реализации субъектом своей определенности и непрерывности в процессах принятия, интериоризации и интраиоризации культурных моделей, транслируемых значимыми с его точки зрения социальными институтами, общностями, группами, отдельными субъектами», – пишет М. В. Шакурова [3, с. 5]. При широком распространении мультикультурных образцов в современных обществах она формируется в широком поле множества различных культур и должна бы только способствовать культурному обогащению общества и личности. Однако не случайно сама проблема идентичности остро встала именно в XX в. при нарастании процессов обретения суверенитетов различными странами, политического противостояния Запада и Востока, распространении процесса глобализации, при котором происходит ослабление регулирующей функции культуры. Цивилизационное развитие оказывает сильное воздействие на культуру: оно изменяет и подвергает девальвации традиции, устоявшиеся модели поведения и образы жизни. Культурное воздействие глобализации как феномена цивилизации проявляет себя «в распространении универсальных символов, образцов и способов потребления, независимо от специфики локальной культурной основы» [4, с. 11].

Это приводит к ослаблению регулирующей функции культуры: как совокупность значений и смыслов, как система ссылок и образцов культура утрачивает для индивида эту свою регулирующую роль. Ослабление влияния культуры является важнейшей особенностью современной культурной ситуации, которую характеризуют изменчивость, текучесть, бесформенность, и в которой одни нормы и ценности исчезают, а другие появляются. Множественность систем ценностей, подходов, типов культурного поведения, расширяя сферу социально и культурно значимого, порождает у человека экзистенциальное напряжение, обусловленное прежде всего необходимостью совершения выбора, сознанием неопределенности и даже распадом «существующих форм социальной жизни, их некомплементарностью, а также необходимостью пребывания во все более расширяющемся поле неартикулированной реальности» [5, с. 28].

Феномен глобализации оказывает неоднозначное воздействие на процессы идентификации вообще и на процесс социокультурной идентификации личности и группы. Личность есть носитель некоего базового набора идентично-

стей – по этническому, по национальному, по гражданственному, по профессиональному и другим признакам, которые образуют основание и вектор ее социокультурного самоопределения. Определенный набор ценностей, норм, ориентиров передается из поколения в поколение, и без этой преемственности поколений общество не может существовать. Однако в современных реалиях, по образному выражению З. Баумана, «пришли в движение не одни только люди, но также и финишные линии дорожек, по которым они бегут, да и сами беговые дорожки... быть в пути стало постоянным образом жизни индивидов, не имеющих... устойчивого положения в обществе» [2, с. 129]. Как это сказывается на формировании социокультурной идентичности? С одной стороны, появившееся культурное многообразие, возможность знакомства с огромным количеством различных культур и культурных образцов, пребывания (даже виртуального) в различных культурных средах, усвоение и появление иных норм, традиций, идей и т. п. несомненно является благом и неоспоримой ценностью как для личности, так и для общества. В то же время многие исследователи отмечают, что происходит разрушение традиций, или процесс детрадиционализации [6, с. 8]. Особенно негативно действует разрушение ценностно-нормативного аспекта традиций, что приводит к релятивизму или отрицанию вообще каких-либо норм человеческого общежития. Еще одной особенностью является «быстрая сменяемость социокультурных образцов, сокращение срока их действия и, как следствие, ускорение социокультурной динамики» [6, с. 6].

Происходит также ослабление межпоколенческих связей, поскольку при существующем ускорении смены социокультурных образцов старшие поколения просто не успевают за глобальными изменениями в современной культуре. В условиях глобального взаимозависимого мира выбор социокультурной идентичности становится определяемым очень широким спектром факторов. Возникают новые социокультурные образования – от различных сообществ по профессиональным и иным интересам до новых субкультур. Социокультурная идентичность как выражение освоения человеком множества различных культур, традиций и таким образом обогащения индивидуальной жизни в многокультурных сообществах, демократично воспринимаемая и приветствуемая в частности в Европе середины XX в., в наши дни подвергается сомнению не только коренными жителями, политиками разного уровня, но и учеными. Появившееся множество исследований по проблемам мультикультурализма отмечает тот факт, что в многокультурном европейском обществе появились новые вызовы и угрозы. Лица иной культуры и веры, приехавшие на постоянное место жительства в Европу, селившиеся обособленными диаспорами, с трудом ассимилируются в общество, как правило, сталкиваются с проблемами безработицы, более низкого уровня жизни, и, как следствие, вместо того, чтобы обогащать ценностями иной культуры население Европы, усугубляют криминальную обстановку. Ученые говорят о том, что мультикультурализм воспринимался как уже реально существующий в практике

некоторых стран, и дискурсы вокруг мультикультурности чаще всего охватывали цивилизационные различия, гораздо реже – культурные. Менее всего была исследована специфика миграционных процессов в контексте их социокультурной идентификации [7, с. 14]. Глобализация, усиливая нивелирование национальных и культурных основ, создает новые причудливые образцы массовой культуры во всех сферах человеческой жизнедеятельности.

Воздействие глобализированных СМИ на процесс социокультурной идентификации также неоднозначно. Современные СМИ, в силу своей способности мгновенно распространяться на все континенты и охватывать своим воздействием огромные массы людей различных культур и вероисповеданий, создают огромные возможности приобщения людей к различным культурам. Распространяя и ставя во главу угла ценности общества потребления, современные СМИ превратились в мощный инструмент манипулирования общественным мнением, назначая и ниспровергая «идолов» толпы.

Средства массовой информации, особенно телевидение, играют огромную роль в современных обществах. Они, в своем роде, посредники между различными культурными группами или сообществами – этническими, национальными, политическими, социальными, социокультурными, профессиональными и т. п. Поэтому современные СМИ могли бы служить развитию межкультурного диалога. В современных многокультурных обществах народам недостает компетентности в формировании межнациональных отношений. Обычно на бытовом уровне все начинается с бытового национализма – неприятия чужих, их культуры, традиций, обычаев. Однако в современном мире очень мало осталось цивилизованных стран с монокультурным составом жителей. Поэтому необходимо учиться сосуществовать, развивать культуру международных коммуникаций. В связи с этим огромная роль в развитии межкультурного диалога различных национальных и этнических групп принадлежит средствам массовой информации. Знакомство с другими культурами, избегание восприятия их через сложившиеся стереотипы и предвзятые суждения, открытость и стремление к взаимопониманию не только дают возможность мирного сосуществования различных наций и народностей в государстве, но и обогащают их культуры. Поскольку СМИ являются четвертой властью в государствах, они способны, репрезентируя различные политические взгляды и организуя открытые дискуссии по различным вопросам политического, экономического, социокультурного характера, создавать позитивный настрой в обществе, призывая к толерантности в отношении этнических, национальных, мультикультурных сообществ.

Литература

1. Сорокин, П. А. Структурная социология / П. А. Сорокин // Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин; под. ред. А. Ю. Согомонова. – М.: Политиздат, 1992. – С. 156–190.
2. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман; пер. с англ.; под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2002. – 390 с.

3. *Шакурова, М. В.* Педагогическое сопровождение становления и развития социокультурной идентичности школьников: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01 / М. В. Шакурова. – М., 2007. – 361 л.
4. *Мартинковский, М.* Здоровье и здоровый образ жизни в ценностных ориентациях молодежи / М. Мартинковский. – Минск: Технопринт, 2003. – 276 с.
5. *Korpowicz, L.* Osobowość i komunikacja w społeczeństwie transformacji / L. Korpowicz. – Warszawa: In-t Kultury, 1996. – 192 s.
6. *Гуляев, С. Б.* Влияние СМИ на социокультурную динамику в современном российском обществе: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06 / С. Б. Гуляев. – М., 2009. – 169 с.
7. *Sadowski, A.* Od eksplozji do realnych zagrożeń idei i praktyki wielokulturowości / A. Sadowski // Społeczeństwo wielokulturowe – nowe wyzwania i zagrożenia / A. Sadowski [et. al.]; pod red. M. Biernacka [et al.]. – Białystok, 2012. – 292 s.

V. I. RUSETSKAYA

PECULIARITIES OF SOCIO-CULTURAL IDENTITY OF BELARUSIANS

Summary

The problems of the Belarusians' socio-cultural identity formation under the conditions of Slavic borderlands as well as transformation of socio-cultural reality in the context of globalization processes are analyzed. These processes are the following: acceleration of socio-cultural dynamics, fast change of cultural patterns, de-traditionalization.

Keywords: socio-cultural identity, language of communication, inter-generational transmission of cultural values, socio-cultural dynamics, de-traditionalization.

Поступила 17.12.2013 г.

Е. С. БАБОСОВА,

*кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск*

СПЕЦИФИКА ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье охарактеризованы такие понятия, как «этнонациональная идентичность», «этнонациональная идентификация». Проанализированы различные теоретико-методологические подходы к их рассмотрению. Определены основные критерии к их определению. Выделены некоторые основополагающие концепции, касающиеся белорусской этнической идентичности. Охарактеризованы основные особенности и тенденции развития белорусской этнонациональной идентичности.

Ключевые слова: этнонациональная идентичность, этнонациональная идентификация, социальная идентичность, белорусская идентичность.

В такой многонациональной стране, какой является Республика Беларусь, траектория устойчивого социально-экономического, политического и социокультурного развития во многом предопределяется отношениями и взаимодействиями проживающих на ее территории этнонациональных групп. Очень существенное значение здесь приобретает наличие гармоничности либо дисгармоничности этнонациональной идентификации и идентичности, а иначе создаются предпосылки для возникновения этнонациональных конфликтов. Особо важными в таких условиях становятся поиски средств и механизмов формирования позитивной этнонациональной идентичности, способствующей толерантному межэтническому взаимодействию людей. «Если мы не поймем менталитета граждан исторически сложившегося государства с полиэтническим составом, мы рискуем не понять ни сущности двух разновекторных мировых тенденций – глобализации и индивидуализации, ни тенденций смещения этничности из сферы материальной в сферу духовной культуры и далее – в сферу политики и права, ни, наконец, огромной значимости того или иного баланса идентичностей в самопознании, самовыражении и самоопределении отдельного человека и целых народов», – отмечает российский этнолог М. Н. Губогло [1, с. 198].

Этническая идентичность состоит в качестве базисного элемента в структуре социальной идентичности наряду с другими (национально-гражданская, социокультурная, национальная и др.). Базисные идентичности чаще всего представляют те социальные группы, принадлежность к которым имеет ту

или иную ценность для общества – гендерная идентичность, этническая, профессиональная и т. д. Место тех или иных идентичностей в этой структуре меняется в зависимости от ситуации, поэтому базисными могут становиться то одни, то другие идентичности. *Этническая идентичность* рассматривается нами как центральный конструкт и системообразующее основание той или иной этнической группы и определяется как осознание индивидом принадлежности к конкретной этнокультурной общности, не только самоотождествление, но и представление о своем народе, его языке, культуре, территории, интересах, а также их эмоциональную оценку и восприятие. В ее структуре обычно выделяют два основных компонента – когнитивный (знания, представления об особенностях собственной группы и осознание себя как ее члена на основе определенных характеристик) и аффективный (оценка качеств собственной группы, отношение к членству в ней, значимость этого членства). Известный исследователь С. Хантингтон отмечает, что в современном мире «культурные идентичности (этнические, национальные, религиозные) занимают центральное место, а союзы, государственная политика складываются с учетом культурной близости и культурных различий» [2, с. 142–143].

Среди *основных критериев этнической идентичности* можно выделить такие, как родной язык, общность происхождения, культура, традиции, религия, общее историческое прошлое, чувство привязанности к родной земле, к своей Родине, общая территория проживания и многие другие. Это связано с тем, что в разные исторические периоды у разных народов доминирующая роль ведущих критериев этнической идентичности может изменяться.

Этническая идентификация представляет собой процесс принятия, осознания и усвоения личностью или группой своей тождественности с определенным этносом и их реальной включенности в усвоение идеалов, ценностей и норм определенной этнической, а в дальнейшем и национальной, культуры. В процессе *этнической идентификации* транслируются и усваиваются эталоны и этнические стереотипы поведения, нормы и ценности, традиции и образы, характерные для того или иного народа, осуществляется становление этнически обусловленного мировосприятия. Этническая группа функционирует в качестве социальной общности людей, обладающей общей этнической идентичностью, воплощающей в себе такие элементы групповой общности, как единство территории, языка, религии, культуры, обычаев, традиций, осознание общности происхождения и исторической судьбы. Каждый из названных маркеров (определителей) исследуемого феномена выполняет свою специфическую роль в формировании и функционировании этничности, но первостепенное значение в ее существовании принадлежит своеобразному культурному комплексу. Ведь каждая этническая общность отличается от любой другой своим языково-культурным своеобразием. Поэтому следует согласиться с данным В. А. Тишковым определением «этнической группы как общности на основе культурной самоидентификации по отношению к другим общностям» [3, с. 115].

В процессе своего складывания, развития и жизнедеятельности эта группа как этническая целостность обретает черты и особенности социальной организации, которая получает свою специфику и особенности функционирования под воздействием сложного комплекса исторических, культурных, психологических, экономических и политических обстоятельств. В ряду обстоятельств, воздействующих на этническую идентификацию, решающую роль выполняет осознание индивидами своей культурно-языковой самобытности, отграничивающей данную социальную общность от других и объединяющую их в группу, в которой каждый член находит духовную опору и поддержку. Именно восприятие и осознание социокультурной самобытности как высокой жизненной ценности людьми этой социальной общности («наш язык», «наш народ», «наша культура» и т. д.) приводит к достижению общей и разделяемой всеми этнической идентичности.

Можно выделить некоторые основополагающие концепции, касающиеся белорусской этнической идентичности. Прежде всего, это так называемая этнокультурная концепция нации, в основании которой находится комплекс идей о белорусской этнической общности. Белорусский народ представляет собой этническую группу с соответствующими признаками: общее происхождение, язык, совместная история и культура (Л. М. Лыч, В. М. Конон).

Еще одну концепцию можно обозначить как культурно-политическую. Под политическим понимается связь с политическими институтами, в частности с институтом гражданства; культурное подразумевает наличие общих культурных символов, практик, понимания прошлого. Нация представляет сообщество граждан Беларуси, однако подчеркивается, что граждане формируют культурную общность, а национальная культура есть интегрированная часть нации (Я. С. Яскевич).

Государственно-политическая концепция идентичности подразумевает, что основными политическими институтами являются государство, советская культурная и политическая преемственность этнографической специфики Беларуси. Нация, как совокупность граждан одного государства, есть полиэтническое политическое сообщество. В ее состав входит несколько (их число всегда неопределенное) разной численности и степени интегрированности этнических общностей или групп. Правомерность анализа тех или иных этнических групп вытекает из факта полиэтнического состава нации как совокупности всех граждан одного государства (В. А. Мельник).

Еще одной популярной концепцией этнической идентичности является русоцентризм, или русский национализм. В его основе находится идея о рассмотрении белорусов как неотъемлемой части русского народа. Русский народ понимается как суперэтнос, объединяющий великорусов, малороссов и белорусов, для которого характерно единство языка и культуры, общность ценностей и менталитета (А. Л. Ластовский, А. Н. Казакевич, Л. Е. Криштапович, Я. И. Трещенок).

В большинстве работ, посвященных проблеме белорусской идентичности, она рассматривается с точки зрения становления белорусской нации как кол-

лективного социального субъекта, ее самоопределения в качестве социальной общности, говорит Т. В. Водолажская, анализируя содержание «белорусской идентичности». Такого рода исследования обращены, прежде всего, к историческим материалам, среди которых рассматриваются:

1. История идей и проектов, имеющих конституирующее влияние на процесс нациогенеза и содержание белорусской идентичности;

2. «Непосредственная» история становления белорусской нации и ее нынешнее состояние, в которых отслеживаются этапы и факторы формирования тех или иных элементов национальной идентичности – язык, государственность, культура и т. д. [4, с. 252].

Среди первого типа выделяются работы И. Бобкова, посвященные генеалогии белорусской идеи и «пограничью», как месту, где формируется белорусская субъективность и белорусская субъектность. На фрагментарность белорусского культурного пространства указывает В. Акудович. Описывая культурно-лингвистическое единство белорусов в форме архипелага, он констатирует невозможность для Беларуси формирования национальной идентичности по «традиционной» языковой модели. П. Рудковский, рассматривая попытки концептуализации белорусской идентичности, также констатирует фрагментарность, недоочерченность белорусской национальной культуры и отсутствие консенсуса по поводу оснований идентичности. Со своей стороны, он предлагает решить эту проблему через определение белорусской идентичности как формы различий (в противоположность единству). При этом он видит проблему в неадекватности категории «идентичность» для понимания характера белорусского сообщества и предлагает использовать понятие «сборность». Противоположная позиция находит отражение в работах В. Булгакова и А. Н. Казакевича. Эта противоположность состоит не столько в отстаивании культурно-лингвистической версии национальной идентичности, сколько в признании возможности ее осуществления в современной Беларуси.

Примером исследований второго типа – непосредственного анализа содержания белорусской идентичности – является работа Ю. Лихтаровича и В. Иванова. Они рассматривают белорусскую идентичность с точки зрения представленности в ней необходимых компонентов национальной идентичности: языкового, территориального, конфессионального и т. д. Набор этих компонентов исходит из классических теорий нации, которые используются в качестве универсальных моделей. В итоге авторы отмечают незавершенность в формировании национальной идентичности и указывают на обстоятельства и факторы этой незавершенности.

Анализ белорусской идентичности через сравнение с классической моделью национальной идентичности проводит И. Бугрова. Хотя здесь используется другая – государственно-политическая – модель. Автор обращается к поиску идентичности Беларуси и белорусского народа через реконструкцию политической культуры, восстанавливая исторические условия и факторы ее формирования. В итоге определяется тип политической культуры («консен-

сусный»), которая задает границы и возможности формирования белорусской идентичности, а также степень и характер ее несоответствия (специфику) относительно универсальных образцов.

Выделяется также несколько работ, в которых белорусская идентичность рассматривается через выявление белорусской самобытности и уникальности, которую следует обнаруживать и развивать. Предлагается восстановление диалога белорусской и европейской культуры (А. Екадумов), возрождение белорусской культурной традиции через исследование «подлинного этнического субстрата» (С. Санько); обращение к «тутэйшасці» как к основанию этно-культурного самоопределения (А. Насута).

Следует уделить особое внимание подходу к изучению этнической идентичности, который был разработан Л. И. Науменко. Он предполагает исследование психологических проблем становления и изменений базового феномена этнического сознания – этнической идентичности, ее взаимосвязи с чувством Родины и гражданской принадлежности, сравнительные исследования особенностей межэтнического восприятия (на примере этнических установок, стереотипов, предубеждений, этнокультурной дистанции), психологическую диагностику состояния межэтнических отношений.

Еще один исследователь белорусской идентичности, социолог Л. Г. Титаренко, изучает основные типы национальной идентичности населения Беларуси на современном этапе, их трансформацию в постсоветский период, анализирует их перспективы, выделяет оптимальную модель с точки зрения развития в Беларуси гражданского общества. Она определяет следующие закономерности развития белорусской национальной идентичности:

1. Диалектическая взаимосвязь и взаимовлияние внешних и внутренних факторов, которые имеют место в процессе формирования и поддержания на соответствующем уровне развития национальной идентичности. Так, при усилении воздействия глобальных тенденций снижается влияние внутренних факторов, а общее направление развития национальной идентичности приобретает больше универсализма, нежели сохраняет специфику. В обратном случае, когда на первый план выходят внутренние факторы (внутренняя мобилизация населения, сильная национальная идеология либо политическая изоляция страны), националистические элементы могут приобретать большее развитие в рамках тех или иных форм и типов национальной идентичности. Хотя эта закономерность выявлена на данных Беларуси, она имеет общенаучное значение. Например, она прослеживается на изменениях польской идентичности: после вступления страны в Евросоюз и культивирования общеевропейских ценностей там имеет место рост европейской идентичности.

2. Рост гражданской идентичности как приоритетного (но далеко не единственного) паттерна, на который в последующем могут ориентироваться другие постсоветские страны. На сегодня гражданскую идентичность как важную выбирает часто только одна треть населения, однако этот процент из года в год растет.

3. Замедление уровня самоопределения населения по европейскому критерию.

4. Относительно медленный темп изменения типов идентичности населения. Эта закономерность проявляется в сохранении территориального и локального типов наравне с этнонациональным, что связано с устойчивыми стереотипами сознания [5, с. 183].

Все вышепредставленные концепции свидетельствуют о такой существенной характеристике дискурса вокруг проблемы идентичности, в частности этнической, как ее размытость и слабая структурированность. Данный феномен рассматривается на междисциплинарном уровне, однако целостного представления о специфике этнической идентичности достичь так и не удалось. Чаще всего исследователи пишут по поводу этничности и этнической идентичности, нежели чем о самой сущности этого феномена. Существенный, как видно выше, разброс мнений относительно подходов к определению идентичности, с одной стороны, отражает сложную, изменчивую природу изучаемого феномена, а с другой – свидетельствует об ограниченных возможностях применяемой методологии.

Белорусская этнонациональная идентичность не может быть неизменной, статичной, поскольку она представляет собой специфический способ нисхождения базисного, вечного в культурно-исторической динамике своего народа. Она укоренена не только в сознании и целевых установках, но и в эмоциональной сфере белорусов. Этнонациональная идентичность выступает как качественная характеристика отдельной личности, социальной группы и общности, и именно поэтому ее порой трудно квантифицировать.

Несмотря на это, проводимые социологические исследования позволяют выявить некоторые особенности и тенденции развития белорусской этнонациональной идентичности. Очевидно, что в ней индивидуальное «Я» (личностная идентификация) синтезируется воедино с социокультурным идентификационным интегратором «Мы». Это находит свое реальное проявление в существующем соотношении различных идентификационных групп.

Одной из наиболее распространенных групп, согласно социологическому исследованию, проведенному в 2013 г., является та, вхождение в которую определяет отождествление себя с людьми своей национальности. Так, на вопрос «Что больше всего объединяет Вас с жителями Беларуси?» 52,4 % респондентов ответили, что это национальность и происхождение. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что в современном белорусском обществе при всей значимости этнонациональной идентичности чуть более важной для респондентов оказывается гражданская идентичность. Отвечая на вопрос о том, что больше всего объединяет респондентов с жителями Беларуси, 66,9 % опрошенных отметили, что это гражданство и проживание на одной территории.

Интересным представляется сравнение полученных данных с результатами российских исследований. Согласно им, 44,1 % респондентов утверждают,

что с жителями России их объединяет национальность и происхождение. Следует обратить внимание на тот факт, что для россиян, как и для белорусов, гражданская идентичность является первостепенной по сравнению с этнонациональной идентичностью: 48,9 % респондентов ответили, что с жителями России их объединяет гражданство или единое государство.

Необходимо отметить, что формирование гражданской идентичности личности тесно связано с процессом усвоения личностью различных элементов национального сознания, поведения, традиций, культуры, языка, т. е. с этнонациональной идентичностью. Однако когнитивное наполнение гражданской идентичности не во всем совпадает с этнонациональной. Этническая идентичность базируется на языке, культуре, национальности родителей, историческом прошлом, общности территории. Гражданская идентичность основывается на политической и правовой культуре, гражданской активности, на формировании и функционировании институтов гражданского общества. Она более динамична, чем этническая, выбор которой вовсе не исключает гражданской идентичности. Содержание и смысловое наполнение той и другой идентичности способно дополнять друг друга. Это дает основание говорить о совместимости таких идентичностей.

Кроме национальности и гражданства в структуре национальной идентичности можно выделить и иные факторы, оказывающие влияние на объединение жителей Беларуси. Если выстроить их в порядке убывания значимости, то 56,3 % респондентов считают, что их объединяет с жителями Беларуси общая история, 52,5 % – культура и традиции, 46,8 % – любовь к Родине и патриотизм, 45,3 % – язык, 41,6 % – религия и вероисповедание, черты национального характера и менталитет – 40,7 % опрошенных. Что касается россиян, то 74,3 % респондентов отмечают, что их объединяет с жителями России язык, 50,5 % – культура и традиции, 48,3 % – общая история, 41,6 % – любовь к Родине и патриотизм, 31,6 % – менталитет и черты характера, 31,0 % – религия и вероисповедание, внешность – 16,9 % опрошенных.

Как уже отмечалось, этнонациональная идентификация представляет собой процесс восприятия и осознания личностью или группой своей тождественности с определенным этносом или нацией. Респондентам был задан вопрос «В какой степени Вы ощущаете единство со следующими группами и общностями людей?». Проведенное в Беларуси социологическое исследование свидетельствует о том, что 46,7 % опрошенных жителей ощущают в определенной степени единство с людьми своей национальности, еще 32,7 % осознают это в полной мере, 6,9 % – не ощущают, 11,9 % – затруднились ответить. Что касается гражданской идентичности, то 44,2 % респондентов осознают в полной мере единство с жителями Беларуси, еще 39,8 % осознают это в определенной степени, 6,7 % – не ощущают, 8,6 % – затруднились ответить.

Большой интерес представляет также сравнение белорусской идентичности с российской этнонациональной, региональной, локальной идентичностью, поскольку она отражает процессы интеграции в стране. Идентификация по национальности до самого последнего времени была не просто конкуриру-

ющей, но преобладающей у жителей России в сравнении с гражданской идентичностью. О таком положении вещей свидетельствуют и результаты российского социологического исследования. Так, 58,2 % опрошенных россиян в полной мере ощущают единство с жителями России, 33,6 % ощущают его в определенной степени, 5,0 % – не ощущают, 3,2 % – затруднились ответить. Что касается национальной идентичности, то были получены следующие результаты. В полной мере осознают свое единство с людьми своей национальности 53,5 % респондентов, осознают его в определенной степени 34,8 %, не осознают – 7,5 %, а 4,2 % респондентов затруднились ответить на этот вопрос. Таким образом, гражданские характеристики идентичности преобладают над этнонациональными. Тем не менее важным моментом является возможность совмещения гражданской и этнонациональной идентичностей.

Каждый индивид формирует свою идентичность как самоидентичность, или самотождественность. Понимание человеком себя «как такового», как личности предполагает установление им как своего отличия от других людей, так и своего сходства с ними в соответствии с признаками, характеризующими его идентичность, что, в свою очередь, является совершенно необходимым условием для того, чтобы он оставался «самим собой» в изменяющемся мире. Главным фактором этнонациональной самоидентификации на эмпирическом уровне является набор тех признаков, которые воспринимаются как главные при определении национальности человека. В связи с этим интересным представляется анализ ответов респондентов на вопрос «Кем Вы себя осознаете прежде всего?». Проведенное социологическое исследование свидетельствует о том, что идентифицируют себя с людьми белорусской национальности в полной мере 36,0 % респондентов, 36,8 % – осознают это в определенной степени, 12,1 % – не осознают такой принадлежности, 13,1 % – затруднились ответить на данный вопрос. Кроме того, респондентам был задан вопрос об осознании своей принадлежности не только к белорусской национальности, а к своей, в том числе и небелорусской. В результате было выявлено, что 40,6 % опрошенных жителей отождествляют себя со своей национальностью в полной мере, 34,7 % – в определенной степени, 9,4 % – не осознают такой принадлежности, 12,9 % – затруднились ответить на данный вопрос. Постигание значимости нации возникает у человека первоначально как ощущение и чувство личной принадлежности к ней, а затем как все более крепнущее осознанное признание неотрывности от нее. Так происходит понимание индивидом своей родовой сущности, утверждение осознанности своей принадлежности к своему народу.

Россияне в настоящее время живут в государстве, образ которого для большинства из них несколько десятилетий назад был совсем иным. С тех пор изменились не только его территориальные очертания, но и этнический состав населения, государственное устройство. В настоящее время, определяя свою идентичность и отвечая на вопрос о том, кем себя осознают в первую очередь, 74,5 % респондентов в стране идентифицировали себя как «граждане России».

Судя по результатам опроса, это наиболее сильная, уверенная идентичность среди других наиболее значимых идентичностей. На втором месте в иерархии идентичностей находится этнонациональная идентичность – 61,8 % опрошенных жителей ощущают в полной мере единство с людьми русской национальности, еще 24,4 % осознают это в определенной степени, 10,9 % – не осознают, 2,8 % – затруднились ответить. Примерно такими же являются результаты, полученные при ответе на вопрос об осознании своей принадлежности не только к русской национальности, а к своей. В результате было выявлено, что 60,7 % опрошенных жителей отождествляют себя со своей национальностью в полной мере, 26,9 % – в определенной степени, 7,2 % – не осознают такой принадлежности, 5,2 % – затруднились ответить на данный вопрос.

Важным является создание благоприятных экономических, социальных, политических, социокультурных условий и предпосылок для сближения этнонациональных и вероисповедных сообществ, их консолидации в процессе решения общей для всех этнических групп задачи – формирования белорусской гражданской идентичности, объединяющей всех граждан независимо от их этнической и конфессиональной принадлежности. Тот факт, что гражданами Беларуси осознают себя в полной мере 67,5 % и в определенной степени 22,7 % населения, в состав которого входят этнические белорусы, и русские, и украинцы, и поляки, и евреи, и татары, и представители других этнических групп, свидетельствует о достаточно эффективной работе по формированию белорусской гражданской идентичности.

Согласно результатам проведенного социологического исследования, в Беларуси в полной мере реализуются права и свободы людей различных национальностей и вероисповеданий, а также отсутствуют притеснения и конфликты на основе этнонациональной принадлежности. Так, практически половине респондентов (48,6 %) неизвестны факты дискриминации граждан в Беларуси по национальному признаку, 18,2 % – скорее неизвестны, 10,0 % – скорее известны, 8,5 % – известны, 13,2 % – затруднились ответить на данный вопрос.

По прагматическим, политическим и экономическим причинам преференции в использовании отдаются тому языку, который является родным для большинства населения. Иногда такая ситуация приводит к постановке вопроса о языковой дискриминации лиц, для которых официальный язык родным не является. Большинство населения уверено, что в Беларуси нет дискриминации по языковому признаку. Так, результаты социологического исследования свидетельствуют о том, что более, чем половине респондентов (51,6 %) неизвестны факты дискриминации граждан в Беларуси по языковому признаку, 17,8 % – скорее неизвестны, 10,0 % – скорее известны, 6,1 % – известны, 13,2 % – затруднились ответить на данный вопрос.

Таким образом, большинство населения проявляет высокий уровень толерантности и уверено, что в Беларуси отсутствует дискриминация по национальному и языковому признаку. Продуманная, хорошо аргументированная и последовательно осуществляемая этнонациональная политика пре-

пятствует появлению в стране таких трагических потрясений, как острые межнациональные конфликты, вооруженные столкновения.

Характеризуя ситуацию, связанную с положением национальных меньшинств в Беларуси, необходимо отметить ее стабильность и уникальность, что выражается в отсутствии каких-либо столкновений и конфликтов на этнической, расовой основе, в единстве этнических составляющих белорусского общества, равенстве различных национальных групп.

Согласно материалам проведенного социологического исследования, для подавляющего большинства граждан национальная принадлежность не имеет значения при выборе приятелей и друзей, соседей, при выборе супруга, на работе и в иных случаях повседневного взаимодействия с другими людьми. Анализ полученных результатов свидетельствует о том, что 13,2 % респондентов не согласны видеть представителей другой национальности в качестве близких родственников, 5,6 % – приятелей и друзей, соседей – 7,7 %, коллег по работе – 7,1 %, жителей своего города или поселка – 6,9 %, граждан своей страны – 5,2 % опрошенных. Только 9,2 % респондентов отметили, что не хотели бы ни в каком качестве видеть представителей другой национальности в своей стране.

Межнациональное согласие в белорусском обществе объясняется менталитетом граждан страны, историческими традициями межэтнического сосуществования, давними и прочными связями между этническими группами, проживающими на территории Беларуси. Одним из самых важных факторов межнациональной стабильности является четкая и последовательная политика государства в данной сфере общественной жизни. В Беларуси созданы довольно комфортные условия для сохранения и развития культуры и языка национальных меньшинств, деятельности их организаций и учреждений культуры и образования, что подтверждается мнением большинства их лидеров, а также авторитетных зарубежных экспертов.

Что касается России, то в ходе социологического исследования выявлено, что большинство граждан достаточно толерантно относятся к представителям других национальностей. Полученные результаты дают возможность определить состояние межнациональных отношений в обществе, а также выявить некоторые особенности межэтнического сосуществования. Так, 25,7 % респондентов не согласны видеть представителей другой национальности в качестве близких родственников, 7,1 % – приятелей и друзей, соседей – 9,0 %, коллег по работе – 6,9 %, жителей своего города или поселка – 8,2 %, граждан своей страны – 11,3 % опрошенных. Лишь 12,6 % респондентов отметили, что не хотели бы ни в каком качестве видеть представителей другой национальности в своей стране.

Приведенные выше данные свидетельствуют о терпимом отношении респондентов к межнациональным бракам, к наличию представителей других национальностей среди своих друзей и знакомых, коллег по работе, соседей. Тем не менее задача воспитания культуры межнационального общения и со-

существования по-прежнему является достаточно актуальной для российского общества.

Результаты социологического эмпирического исследования, проведенного в 2013 г., свидетельствуют об общем росте значимости этнонациональной идентичности. Так, количество респондентов, отождествляющих себя с лицами своей национальности, с 2007 по 2013 г. возросло с 23,5 до 79,4 % от общего числа опрошенных. Точно также ситуация обстоит и со значимостью гражданской идентичности – количество идентифицирующих себя с гражданами Беларуси увеличилось с 37,3 до 84,0 % от общего количества опрошенных. Таким образом, различные типы социальной идентичности находятся не в противостоянии, а в сосуществовании друг с другом (например, этнонациональная и гражданская идентичность), а также могут быть дополнены новыми типами (такими как европейская, глобальная идентичность).

Литература

1. Губогло, М. Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки / М. Н. Губогло. – М.: Наука, 2003. – 764 с.
2. Идентичность и толерантность: сб. статей / ред. Н. М. Лебедева. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. – 416 с.
3. Тишков, В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии / В. А. Тишков. – М.: Наука, 2003. – 544 с.
4. Водолажская, Т. В. К постановке проблемы белорусской идентичности / Т. В. Водолажская // Социальные проблемы развития белорусского общества в условиях глобализации: сб. ст. / НАН Беларуси, Ин-т социологии. – Минск: А. Н. Вараксин, 2006. – С. 250–256.
5. Титаренко, Л. Г. Развитие национальной идентичности населения Беларуси в условиях современных глобализационных и интеграционных процессов / Л. Г. Титаренко // Взаимодействие устойчивости и инновационности в развитии белорусского общества: сб. науч. трудов. – Минск: Беларус. навука, 2009.

E. S. BABOSOVA

SPECIFIC OF ETHNO-NATIONAL IDENTITY IN CONTEMPORARY BELARUS

Summary

The concept of «ethno-national identity» and «ethno-national identification» are described in the article. The various theoretical and methodological approaches to their consideration are discussed. The main criteria for their definition are defined. Some of the basic concepts relating to the Belarusian ethnic identity are highlighted. The main features and trends of development of the Belarusian ethno-national identity are characterized.

Keywords: ethno-national identity, social identity, Belarusian identity.

Поступила 12.12.2013 г.

М. А. ПАРАЩЕВИН,
*кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Украины, г. Киев*

СОЦИАЛЬНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕЛИГИИ В ПОСТСОВЕТСКИХ СЛАВЯНСКИХ СТРАНАХ

Аннотация: восстановление в постсоветский период массовой религиозной самоидентификации предположительно говорит о восстановлении доминирующим христианством своей социальной роли. Однако анализ способности этой наиболее распространенной религии выполнять характерные для религии социальные функции позволяет предположить, что эта роль остается далеко не такой, как это постулируют церковные иерархи и как это подается политиками.

Ключевые слова: социальные функции религии, значимость религии в обществе, секуляризация, индивидуализация религии.

В течение XX в. религия в славянских странах (бывших частью сначала Российской империи, а позднее Советского Союза) сталкивалась с радикальными вызовами. Эти вызовы были как локальными, внутренними (связанными с активной борьбой советской власти с «религиозными пережитками» и попыткой построения общества, не нуждающегося в религии), так и глобальными, внешними (связанными с общими секуляризационными процессами, порождаемыми модернизацией обществ, ориентирующихся на западный тип развития). В 1970–1980-х гг. казалось, что как минимум в тех частях СССР, где преобладало христианство, стал преобладать атеизм. Однако последовавшее за гибелью советской системы массовое «религиозное возрождение» опровергло такие оценки. Сегодня в постсоветских славянских странах религия не только продолжает оставаться элементом сознания личности, но и как будто вернулась в широкую социальную сферу, почти восстановив охват населения, имевшийся до социально-политических революций начала XX в. У религиозных деятелей это возбуждает ожидания возвращения старых времен, восстановления того состояния в религиозной сфере, которое имело место до революционных пертурбаций. Однако известно, что нельзя войти в одну реку дважды, и масштабные изменения в общественном сознании и условиях жизни невозможно «отменить». Религиозное «возрождение» оказывается скорее не столько возрождением, сколько формированием чего-то нового. И именно в ключе поиска этого нового, его взаимодействия со старым и должен происходить социологический анализ современной религиозной ситуации. Ведь с социологической точки зрения значимым является не

распространенность таких верований, не собственно охват ими того или иного количества людей, а воздействие этих верований на социум (то ли в виде воздействия на повседневное поведение верующего, то ли в виде институционального воздействия на протекание социальных процессов). Соответственно, мы выходим на вопрос современной специфики реализации религией ее социальных функций, на вопрос об имевших место изменениях в этих функциях (которые, вероятно, состояли в уменьшении такой функциональности религии), и о том, имеет ли место восстановление этих функций в связи с возвратом религии в социальное поле в последнее двадцатилетие.

Что касается перечня социальных функций религии, то такового, признанного всеми исследователями, нет. Например, В. Гараджа говорит о четырех таких функциях: 1) функция значения, или смыслополагания; 2) функция принадлежности, или идентификации; 3) функция социальной интеграции и стабильности; 4) функция сакрализации культурных ценностей [1, с. 196–199]. В одном из украинских учебников религиоведения говорится о таких функциях, как: 1) мировоззренческая; 2) компенсаторная; 3) культурологическая; 4) функция легитимации [2, с. 28–29]. И. Яблоков выделяет мировоззренческую, компенсаторную, коммуникативную, регулятивную, интегрирующе-дезинтегрирующую, культуротранслирующую и легитимирующе-разлегиимирующую функции [3, с. 299–304].

Как видно из этих примеров, единство имеется только относительно мировоззренческой функции и функции поддержки и передачи культурных образцов. Такие функции, как интегративная, компенсаторная и легитимационная, выделены в двух из трех указанных источников, тогда как о функциях идентификации, коммуникации и регуляции говорится только в одном источнике.

Такие отличия могут быть связаны как с личными предпочтениями авторов (в частности, кто-то может считать, что выделение компенсаторной функции, как такой, на которой делался акцент в марксистском религиоведении и социологии религии, является идеологическим штампом), так и с некоторой пересеканностью этих функций. Скажем, функция регуляции может рассматриваться как некая мегафункция, которая реализуется через все остальные функции. Ведь несомненно, как любой другой социальный институт, религия тем или иным образом регулирует (или, по крайней мере, пытается это делать) жизнедеятельность как тех людей, которые разделяют ее вероучение, так и систему взаимодействия со всеми остальными группами и институтами. И осуществляется такая регуляция через формирование и поддержание определенного мировоззрения, через интегрирование в единое целое верующих одной религии, через предложения основ для самоидентификации, транслируя определенные культурные образцы, нормы и традиции, выступая основой или вспомогательным инструментом легитимации существующего порядка. Единственная из перечисленных выше функций, которая не «накрывается» функцией регуляции, это компенсаторная функция.

Поэтому попытка выделить полный, так сказать, классификационный, перечень социальных функций религии, скорее всего, будет безуспешной, и при анализе можно использовать разный их набор, в зависимости от глубины и широты анализа. Для каких-то целей можно выделить три-четыре основные функции, для других можно сделать их более дробными.

В нашем анализе мы обратимся практически ко всем (кроме коммуникативной) перечисленным выше функциям: мировоззренческой, компенсаторной, регулятивной, легитимационной, интегративной, функции трансляции культурных образцов и функции идентификации, и попробуем оценить, в какой мере эти функции выполняются религией (в случае с постсоветскими славянскими странами речь идет главным образом о христианстве как традиционной религии большинства славянского населения). На наш взгляд, именно эти функции описывают значимость религии на макро- и мезоуровнях (хотя если опускаться на микроуровень, то их можно выделить и больше).

Можно предположить, что из всех перечисленных функций *компенсаторная* является единственной, неподвластной всяческому социальному пертурбациям. Необходимость в утешении, моральной или материальной поддержке существовала всегда и ненадолго уменьшилась даже в современном мире. Ситуации неопределенности, кризиса (связанного как с внешними по отношению к человеку событиями, так и с его внутренним миром) являются неотъемлемой частью человеческой жизни, и поиск возможности каким-то образом компенсировать эти трудности будет вечным. Например, в опросе населения Украины 2008 г. в рамках международного сравнительного проекта «Европейское исследование ценностей» (European Value Study)¹, отвечая на вопрос «Является ли для Вас религия источником воодушевления и утешения?», абсолютное большинство верующих (около 88 %) ответило утвердительно. Еще в одном национальном репрезентативном опросе, организованном в 2009 г. Институтом социологии НАН Украины, где ставился вопрос, какую поддержку от своих религиозных общин получают верующие, 61 % членов таких общин отметили, что они получают именно духовную поддержку.

Хотя сегодня и в этой сфере религия сталкивается с конкуренцией; если во времена господства религии в духовной жизни в сложных жизненных ситуациях люди обращались преимущественно к божествам и их земным служителям, то теперь чаще обращаются к психологам, друзьям, научной литературе и публицистике, делая самостоятельный выбор, как выходить из этих ситуаций.

Мировоззренческая функция естественно вытекает из того факта, что религия предлагает (или, при возможности, навязывает) целостный, комплексный взгляд на мир, как на мир физический (как он устроен и почему в нем все

¹ Полевой этап в Украине проводился Киевским международным институтом социологии (КМИС) 12.07–09.10.2008 г. По случайной общенациональной выборке опрошено 1507 человек старше 18 лет; выборка является репрезентативной по параметрам пола, возраста и образования.

происходит так, а не иначе), так и на мир социальный (как должны строиться взаимоотношения между людьми) и личностный (каким должен быть сам человек). Соответственно, как таковая эта функция будет иметь место, пока существует сама религия. В то же время можно видеть, что возможности реализации этой функции на протяжении столетий постепенно уменьшались, по мере развития науки и образования. Сегодня в современных странах (в частности, и постсоветских) действующие религии уже не пытаются пояснять физический мир, отдав это полностью на откуп естественным наукам. Подавляющее большинство верующих при формировании представлений о физическом мире и физических законах обращается главным образом к достижениям науки. И доверие к этим достижениям достаточно высокое. Например, в опросе украинского населения 2008 г., осуществленном в рамках международного сравнительного проекта ISSP¹, ставился вопрос *«Насколько Вы согласны или не согласны с утверждением, что мы слишком сильно доверяем науке и слишком мало доверяем религиозным верованиям?»*, с пятибалльной шкалой от полного согласия до полного несогласия. В результате среди верующих респондентов с таким утверждением согласились около 24 %, тогда как остальные либо не согласились, либо не смогли четко определиться.

Причем такой уклон массового сознания подсознательно проявляется и у самих верующих, которые, споря с атеистами, ищут *рациональные* аргументы, обращаясь к достижениям той же науки, только предлагая другую трактовку полученных наукой данных. Для убеждения неверующих в правдивости библейских сюжетов ссылаются на данные археологических раскопок и новые открытия физики и химии. Точно так же сегодня даже священники в своей массе говорят о необходимости символического, а не буквального прочтения священных текстов в той их составляющей, где говорится о сотворении и устройстве физического мира. И имевшее место «религиозное возрождение» ничего здесь не изменило.

Несколько большей должна оставаться социальная и личностная составляющая мировоззрения, поскольку она связана с такими вопросами, на которые нет и не будет однозначного ответа, с вопросами, связанными с этикой и моралью. Однако и здесь большинство населения, скорее всего, будет связывать эти аспекты своего мировоззрения не с отсылкой к священным текстам, а к простой воспитанности, правилам хорошего тона и т. д. Если в Средние века тексты Писания постоянно и массово использовали для обоснования правильности или неправильности поведения и убеждений человека, то сегодня подобная апелляция малозаметна.

Регулятивная функция однозначно существенно сократилась. В принципе выполнение этой функции обуславливалось прямой светской властью рели-

¹ Опрос проводился Киевским международным институтом социологии (КМИС) 11–20 октября 2008 г.; по случайной выборке опрошено 2036 человек, которые по демографическим, образовательным и региональным параметрам репрезентируют взрослое население от 18 лет и старше, постоянно проживающее на территории Украины.

гиозных организаций и мировоззренческо-идеологической монополией религии. Ни первого ни второго уже нет. Произошло перераспределение регулятивной функции между религией и другими социальными институтами, в частности, регулятивные составляющие религии перешли к институтам государства, права и образования. Кроме того, сокращение регулятивных возможностей религии связано с общим уменьшением такой регуляции. Уже нет мелочной регламентации повседневного поведения; доминирующий сегодня индивидуализм заставил общество считаться со стремлениями отдельных людей, меньше обращаться к их личной жизни. Например, согласно многолетним замерам общественного мнения российских ВЦИОМ и Левада-Центр, с 1994 г. практически не изменилась доля респондентов, которые считают, что церковь мало влияет на повседневную жизнь и нравы людей (в 1994 г. эта доля составила 51 %, в 2003 г. – 54 %, в 2012 г. – 52 %), хотя и несколько выросла доля тех, кто не согласился с таким утверждением (с 19 % в 1994 г. до 29 % в 2012 г.) [4]. Похожая ситуация имеет место и в Беларуси: согласно опросу в рамках международного сравнительного проекта, осуществлявшегося Исследовательской организацией Гэллапа в 2006 г., только 27 % опрошенных белорусов отметили, что религия является важной частью их повседневной жизни [5].

В то же время необходимо отметить, что регулятивная сила будет характерна для религии до тех пор, пока будут существовать люди, разделяющие ее вероучение. В религии всегда будет наличествовать некая внутренняя (косвенная) регулятивная сила, поскольку в ее учении всегда имеются указания, что можно, а что нельзя делать. Причем в отличие от подобных императивов, имеющих светский характер, религиозные императивы обосновываются волей высших сил. Поэтому пусть и в небольшой мере, но данная функция будет сохраняться.

Достаточно слабо в наших обществах реализуется и *функция легитимации*. Обращение к религии как средству легитимирования определенных политических действий или всей политической структуры, безусловно, сохраняется, и это нередко отображается СМИ. Но это в основном делается по инерции, так сказать, «на всякий случай». Сейчас уже практически отсутствует апелляция к «Божьей воле» при обосновании политического господства. Главным легитиматором современных политических систем являются общая воля (проявляемая во время политических выборов) и «общее благо» (система является легитимной настолько, насколько она способна это благо обеспечивать).

Интегративная функция, особо подчеркиваемая исследователями примитивных религий (Э. Дюркгейм, Б. Малиновский), в современных славянских постсоветских странах также реализуется в достаточно слабой мере. Ведь хотя эта функция заложена в самой природе религии (религиозная общность способствует созданию и удержанию вместе отдельных людей и социальных групп), однако ее реализация зависит от целого ряда факторов. Это и массовый охват членов той или иной общности какой-то одной религией (теоретики социальной интегративности религии делали свои выводы именно на таких обществах), и глубокая интериоризация религиозных ве-

рований большинством членов общности (а не поверхностное, часто чисто ритуализированное отношение к религии), и наличие в религиозных (или легитимизируемых религией) учениях составляющих, направленных на поддержку существующего порядка (в противном случае религия становится уже дезинтегрирующей силой, способствующей конфликтам), и отсутствие антагонизма между религиозными организациями и другими социальными институтами. В современных условиях религиозного плюрализма, индивидуализма, слабой интериоризации (и даже знания) религиозных идей, уменьшения легитимационной значимости религии, ее интегративный потенциал становится достаточно сомнительным. Например, в упоминавшемся опросе Института социологии НАН Украины «Омнибус-2009», отвечая на вопрос *«По Вашему мнению, что сегодня объединяет людей в украинском обществе?»*, только 20 % религиозных респондентов отметили вариант *«религия (вероисповедание)»*. Так что на сегодня интегративная функция выполняется преимущественно государством, правом, светскими идеологиями, институтами гражданского общества.

За последние два столетия в наших странах, как и в христианской Европе, практически сошла на нет *идентификационная функция* религии. Если в древних обществах принадлежность к этим обществам практически совпадала с исповеданием соответствующей религии, а в Средние века религиозная идентификация нередко преобладала над территориально-государственной (существовало представление об общем христианском братстве), то для современных христиан ответ на вопрос *«Кто вы?»* в первую очередь связывается с национальной принадлежностью, а религия воспринимается скорее как личное дело. Например, в репрезентативном опросе населения Украины «Омнибус-2009», проведенном Институтом социологии НАН Украины, отвечая на вопрос *«Как бы Вы пояснили для себя слово “наши”?»*, только 10,6 % выбрали вариант *«люди с одинаковым со мной отношением к религии»*. Точно так же по данным сравнительного исследования *«Львов–Донецк»* среди опрошенных в 1994, 1999, 2004 гг. львовян идентификация себя как греко-католиков находилась на четвертом месте (после идентичностей украинца, львовянина и мужчины/женщины), а среди донеччан идентификация себя как православных в 1999 г. была на четвертом месте (уступив таким идентичностям, как донеччанин, мужчина/женщина, украинец), а в 2004 г. – на шестом месте [6, с. 75].

Белорусский социолог Л. Науменко, анализируя результаты социологических исследований Института социологии Национальной академии наук Беларуси 2000, 2002, 2004 гг., отмечал, что в основе белорусской идентичности лежит чувство этнической принадлежности и происхождения, а также Родины, родной земли и своей страны, тогда как наименее представленной в ответах оказывалась категория религии [7, с. 126].

В одном из опросов общественного мнения населения России середины 2005 г., отвечая на вопрос *«Что в первую очередь связывается у Вас с мыслью о нашей стране, нашем народе?»*, лишь 12 % респондентов выбрали вариант

«вера, религия моего народа» [8, с. 30]. Так что если, например, для жителей Ближнего Востока идентификация себя как мусульман и сегодня остается чрезвычайно актуальной, то среди славянского населения эта идентификация отошла на далекий задний план.

Функция трансляции культурных образцов (норм и ценностей) на протяжении столетий выполнялась религией в связи с тем, что она сама была частью (нередко основной) такого культурного наследия, и с концентрацией образованных людей именно в религиозных организациях. В современном мире реализация этой функции существенно сократилась, что связано как с потерей монополии на такую трансляцию, так и с общим изменением отношения к традиции как таковой. С одной стороны, сейчас трансляция культуры происходит преимущественно через семьи (где религиозный воспитательный элемент достаточно слаб) и образовательные учреждения (которые являются светскими по духу и характеру). С другой стороны, современные общества больше нацелены на достижение чего-то нового, а не на сохранение традиций. Лейтмотивом сегодняшней жизни являются постоянные изменения, заимствования элементов разных культур.

Таким образом, можно утверждать, что происшедшие изменения социальной функциональности преобладающей в постсоветских славянских странах религии (христианства), состоящие в существенном сокращении этой функциональности, за последние двадцать лет, которые оценивают как «религиозное возрождение», практически не изменили ни своего вектора, ни своего характера. Увеличение количественного состава паствы не привело к существенным качественным изменениям места религии в обществе (именно в обществе, а не в жизни отдельных людей). Однозначно имеет место существенная индивидуализация религиозной веры, т. е. превращение веры в личный выбор каждого, когда верующий самостоятельно определяет, что из транслируемого религиозными организациями (или в семье) принимать, а что нет, как понимать основные постулаты своей веры. В немалой степени постсоветская религиозность является реакцией на образование после падения коммунистической системы идеологического вакуума, и как таковая нередко оказывается поверхностной, демонстративной, конформистской. Результатом всего этого становится сокращение социальной роли и функций религии. Безусловно, религия продолжает в принципе сохранять все свои социальные функции, однако большая часть из них выполняется в значительно сокращенном объеме, поскольку, с одной стороны, их выполнение перешло к другим социальным институтам, а с другой – религия по объективным причинам уже не способна их выполнять. И в этом постсоветские славянские страны идут в направлении развитых европейских стран, хотя нельзя сказать, что это движение является необратимым. Процессы секуляризации общества обуславливались конкретными социальными процессами, и в случае изменения самих этих обуславливающих процессов не исключено определенное движение назад, к повышению социальной функциональности религии.

Литература

1. *Гараджа, В. И.* Социология религии: учеб. пособие для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей / В. И. Гараджа. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 348 с.
2. Релігієзнавство: навчальний посібник / за ред. Л. І. Мозгового, О. В. Бучми. – 2-ге вид. – Київ: Центр учбової літератури, 2008. – 264 с.
3. *Яблоков, И. Н.* Религиоведение: учеб. пособие / И. Н. Яблоков. – М.: Гардарики, 2004. – 317 с.
4. Россияне о религии и церкви [Электронный ресурс]. – М., 2012. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/11-10-2012/rossiyane-o-religii-i-tserkvi>. – Дата доступа: 07.08.2013.
5. What Alabamians and Iranians Have in Common [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://www.gallup.com/poll/114211/Alabamians-Iranians-Common.aspx>. – Дата доступа: 07.08.2013.
6. *Черниш, Н.* Динаміка ідентичностей мешканців Львова і Донецька: компаративний аналіз (1994–2004 рр.) / Н. Черниш, О. Маланчук // Львів–Донецьк: соціальні ідентичності в сучасній Україні / за ред. Я. Грицака, А. Портнова і В. Сусака. – Київ; Львів: Критика, 2007. – С. 61–92.
7. *Науменко, Л. И.* Этническая идентичность белорусов: содержание, динамика, региональная и социально-демографическая специфика / Л. И. Науменко // Беларусь и Россия: социальная сфера и социокультурная динамика: сб. науч. трудов / под общ. ред. О. В. Пролесковского, Г. В. Осипова. – Минск: ИАЦ, 2008. – С. 111–133.
8. *Седова, Н. Н.* Национально-государственная идентичность россиян и отношение к государственной символике / Н. Н. Седова // Мониторинг обществ. мнения: экон. и соц. перемены. – 2005. – № 3 [75]. – С. 29–35.

М. А. PARASHCHEVIN

FUNCTIONAL CHARACTERISTICS OF RELIGION IN POST-SOVIET SLAVIC COUNTRIES

Summary

The reestablishment of mass religious identification probably points to renewal of dominating Christianity social role. But the analysis of this most spread religion capacity to fulfill attached to religion social functions allow to assume that this role isn't quite those as religious hierarchs postulate and politicians present.

Keywords: Social functions of religion, significance of religion in society, secularization, individualization of religion.

Поступила 09.09.2013 г.

Ю. Д. АНДРИЕВСКАЯ,

аспирантка Института социологии НАН Украины, г. Киев

ИНТИМНОСТЬ КАК СВОЙСТВО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА ПРИВАТНОСТИ

В статье рассматривается вопрос интимности как одной из сущностных характеристик социокультурного феномена приватности. Приводятся семантические значения понятия интимности, анализируются структура (субъект, объект, действие) и формы интимности. Автор рассматривает интимность в контексте социальных трансформаций, роль интимности и деинтимизации в сфере приватного и публичного, значение и роль интимности для индивида и межиндивидуального взаимодействия.

Ключевые слова: интимность, деинтимизация, сфера интимности, приватность, индивид как субъект интимности («Я-интимность», «Мы-интимность»), межиндивидуальные отношения, любовь.

Приватность как социокультурный феномен представлен в научном теоретизировании значительно скромнее, нежели противоположный ему феномен публичности, который в силу своей открытости и объективности присутствия, как зона социальной коммуникации, чаще становится предметом научного интереса в различных социогуманитарных науках. В то же время приватность в большей или меньшей степени анализируется в работах таких авторов, как Ю. Хабермас, Р. Сеннет, Э. Гидденс, Х. Арендт, Н. Элиас, Ф. Арьес, И. Гофман, Дж. Дьюи, Г. Маркузе, Г. Спенсер, М. Фуко, М. Хоркхаймер, Э. Ноэль-Нойман, Ж. Бодрийяр, П. Бурдьё, Н. Луман, Ж. Ф. Лиотар, А. Этциони. Углубление социологического осмысления приватности, расширение ракурсов и способов концептуализации феномена предполагают необходимость выделения и описания элементов приватности. В данной статье будет охарактеризована одна из ключевых составляющих феномена приватности – интимность.

Понятие «интимность» происходит от латинского *intimus*, что переводится как личный, внутренний, сокровенный, задушевный, близкий (если речь идет об отношениях людей, и в первую очередь людей разного пола) [1]. Так же это слово употребляется, если речь касается отдельного лица, его личной жизни и отношений с близкими людьми. Интимность охватывает еще и область чувств: глубокие личные и сокровенные переживания. При использовании этого слова для обозначения отношений дружеских или близких (с сексуальным контекстом или без такового) подразумевается отсутствие сухости и строгой официальности, присутствие откровенности и искренности [2]. Это

понятие, кроме дружеских отношений, описывает и отношения с романтическим оттенком, близость, задушевность, доверие, а также любовь.

Таким образом, лингвистические исследования понятия «интимности» обнаруживают ключевые узлы, с которыми связано семантическое значение слова. Это, во-первых, позитивные эмоциональные взаимоотношения между субъектом и объектом, которые возникают на основе мотивационно-ценностных установок сближения между индивидами; и, во-вторых, трансформация взаимоотношений между субъектом и объектом с нейтральных или выражено-но негативных на позитивные [3; 1].

Можно говорить о том, что интимность в своей сущности содержит обмен чувствами, мыслями и сокровенной информацией при условии доверия к противоположной стороне. Интимность не всегда предполагает романтические или сексуальные отношения, иллюстрацией чего может служить ситуативная интимность и посвящение незнакомого человека в личные чувства и информацию. Сексуальные же отношения не обязательно сопряжены с обменом и раскрытием другому интимных сторон личной жизни. Интимность тесно связана с понятием тайны, секретности, конфиденциальности.

Интимность в некоторых случаях рассматривается как синоним приватности. Но с нашей точки зрения, понятие приватности шире, чем понятие интимности, и покрывает более широкую зону социокультурного пространства. Оно образует континуум с понятием публичности, что позволяет разделить формы социального взаимодействия условно на две части, в зависимости от уровня открытости/закрытости информации и социальных практик от общественного обсуждения. Понятие «приватность» используется, когда речь идет о чем-то конфиденциальном, тайном, секретном, глубоко личностном или принадлежащем личности, сокровенном, скрытом от публичного обсуждения.

Приватность легитимируется на уровне законодательства как право и форма проявления свободы человека и гражданина демократического государства. Пространство приватности включает не только телесно-душевные компоненты, но и типизированные персонификации. Его частью является, например, частная собственность – феномен, в типизации которого содержится отсылка к личному, но не к внутренним или душевным переживаниям человека, а к тому личному, что принадлежит ему, находится на виду, тому, что потенциально может быть передано еще кому-либо.

Интимность тоже подпадает под нормативно-правовую регуляцию, но в контексте приватности, с целью защиты последней от вторжения, как физического, так и психологического. Интимность, в отличие от некоторых других форм реализации приватности, неразрывно связана с субъектом и не может быть передана другому ни физически, ни как право на владение. Однако информация о ней может быть приватной либо публичной, что в свою очередь выводит понятие интимности в зону публичного в процессе деинтимизации, о чем речь пойдет дальше.

Интимность можно отнести к естественным правам человека. Свою интимность человек в процессе социализации познает и формирует через интим-

ность Другого: с детства агенты социализации очерчивают границы своего и чужого, сокровенного и тайного, отмечая, какие объекты и темы социального пространства находятся в общем обсуждении, а какие закрыты, и их обсуждение является социально предосудительным, неприличным. Проявление интимности как компонента приватности можно наблюдать в поведении, направленном на то, чтобы укрыть от чужих глаз то, что сугубо лично для человека и является частью его внутреннего мира. В этом ракурсе можно говорить о том, что личность сознательно накладывает приватность на те аспекты жизни, которые для нее являются интимными.

В философско-психологическом ракурсе интимное ассоциируется с движением внутрь, к глубинной сущности, к имманентному, сакральному, а противоположными понятиями выступают все, связанные с движением наружу, от индивида к социальной группе: чужое, враждебное, далекое, безразличное, формальное. Если в случае интимного роли субъектов описываются местоимениями «я», «ты», «мы», то в случае с противоположной позицией субъектов их обозначают местоимениями «они», «он», «она», «оно». Это своего рода лингвистическое маркирование социальной близости: своего и чужого [4].

Интимность может проявляться как в форме индивидуальной, когда речь идет о внутреннем мире личности, так и в интимности двух и более людей, связанных общими личными, позитивными и неформальными отношениями, которая направлена на формирование общности, где индивидуальное уступает общему, коллективному. Эти две формы могут существовать одновременно: у каждого члена «Мы-интимности», существует собственная «Я-интимность», которая, с одной стороны, вступает во взаимодействие с другими, а с другой – остается закрытой от других. В социологическом дискурсе обсуждаются обе названные формы.

Интимность является отличительной чертой целого ряда социальных отношений. Не случайно немецкий социолог Г. Зиммель специально выделяет личные, интимные формы социации (дружбу, любовь), которые ближе всего к потоку жизни. По мнению Г. Зиммеля, основой формирования интимности является не ценность другого, а внутренняя потребность и наличие некой тайны, которую личность считает своим важным достоянием. На ранних этапах развития общества у индивида практически не было возможности развивать и проявлять собственное Я, он имел мало своего, связанный с общиной потребностями выживания. Потребность к самораскрытию, согласно Зиммелю, впервые находит свое воплощение в интимной дружбе в период античности. Растущая дифференциация и индивидуализм западного общества осложняют самораскрытие человека, в связи с тем, что современный человек вынужден больше скрывать, чем искренно делиться сокровенным. Это, в свою очередь, не способствует интимности, построенной на дружбе, как в античности [5]. Но индивиды выходят из этого усложнения таким образом, что не раскрываются полностью кому-то одному, а формируют мини-интимности с разными людьми, для которых раскрывают только одну сторону своей личности: так, с од-

ними человека связывают общие хобби и интересы, с другим – симпатия или любовь, с третьим – общность трудовых будней, с четвертым – доверительная ситуация. Зиммель подчеркивает, что именно благодаря рыночным отношениям человеческие отношения освобождаются своей вещной оболочки, становясь более индивидуализированными и интимными.

Своеобразным воплощением «Мы-интимности» является «Gemeinschaft» Ф. Тенниса, в которой членов коллектива связывают кровно-родственные связи и рабочее соседство. Члены этой группы объединены общей волей и стремлением к поддержанию и продолжению рода, а также поддерживают культ предков, не разрывая с ними связи [6]. «Gemeinschaft» характеризует общину, которая основана на эмоциональной близости, а противоположный термин «Gesellschaft» – общество, которое основано на рациональном расчете и разделении труда. Родство и соседство Теннис обозначает как вынужденную, внешнюю и принудительную интимность. Высшим же воплощением общинности является интимность, основанная на дружбе, т. е. не имеющая заданных извне корней.

Интимность можно рассматривать не только как характеристику социального отношения. Р. Сеннет трактует интимность как форму локализации человеческого опыта, когда все, что является близким к условиям жизни, приобретает первоочередное значение. Чем ближе эта локализация, тем активнее субъекты «Мы-интимности» ищут средства влияния друг на друга с целью достичь наибольшей искренности и взаимной открытости. Близкие и тесные отношения между людьми нацелены на ликвидацию барьеров ради достижения более сильного интимного контакта. Чем ближе становятся люди, тем меньше, по мнению Сеннета, в них остается дружелюбности, тем больше в них опасности противоборства. Ученый вводит понятие «тирания интимности», которая проявляется в том, что близкие отношения разрушают ожидания от интимных связей, те шаблонные восприятия, которые заложены публичностью, т. е. реальная интимность не оправдывает надежды, приписываемые ей.

Р. Сеннет отмечает, что природа человека в своей сущности противоречива, а в ходе близких и интенсивных отношений открываются черты и особенности характеров, которые в ходе публичного взаимодействия традиционно остаются в тени, что приводит в ходе интимизации к расслоению, сепаратизации, автономизации, а в крайних случаях – к разрушению общества как целостности и стабильной системы. С целью минимизации этих эффектов в обществе функционируют механизмы контроля и нейтрализации негативного влияния интимной жизни на публичную. Примером может служить цензура и юридические последствия опубликования (запрет порнографии в общем доступе по национальным телеканалам) [7].

В то же время Ю. Хабермас отмечает, что, независимо от форм и трансформаций социальной системы, интимно-приватная сфера всегда остается второстепенной, заслоненной официально-публичным дискурсом. Перспективу развития общества он видит в интегрировании голоса индивида из зоны интимности в общую социальную коммуникацию [8].

Э. Гидденс также обращается к теме трансформации интимности, показывая, что она в целом может осуществлять разрушительное воздействие на современные институты общества. Эмоциональная самореализация личности становится осью социального мира. Изменения в интимной сфере отражают изменение внешних условий, но развиваясь, и сами диктуют курсы изменений социальной системе.

Гидденс подчеркивает, что интимность переживает процесс социологизации, т. е. происходит рефлексия через призму социологии проблем секса и половых отношений, семейных и брачных отношений, эротических переживаний и сексуальной культуры, что провоцирует пересмотр отношения к этим явлениям, их роли и степени важности в жизни человека, способствует корректировке социального поведения в соответствии с новым восприятием интимности [9].

Процесс этот неоднозначный, с одной стороны, как подчеркивает З. Бауман, секс, как компонент интимности, с точки зрения трансформации претерпевает наименьшее количество изменений. Этот компонент интимности всегда одинаков, «ведь гораздо больше прогресса в кулинарии, чем в сексе». Меняются только формы и русла сублимации сексуальной энергии, замещения, представления, идеалы, стереотипы, фантазирование вокруг него и институты, которые выстраиваются вокруг него (институт семьи, брака, институт власти, институт любви). Так же трансформируется и дискурс о сексе, не меняя самого феномена: эта тема попадает то в открытый дискурс, то уходит в закрытое от публичного обсуждения пространство [10].

С другой стороны, Гидденс отмечает эффект демократизации интимности, последовавшей за сексуальной революцией, которая содержит в себе угрозы для любви. Этот процесс побуждает людей к просмотру ценностных и морально-этических основ межличностных отношений, выяснению внутреннего содержательного наполнения понятий «ответственность», «забота», «чувство», «интерес», «отношения», «любовь». Неопределенность создает пространство вариантов, альтернатив и возможностей, среди которых личность может выбрать подходящие для себя и своей жизненной ситуации, осознать свои цели, к которым она стремится и в которых она сможет раскрыть себя и самореализоваться [9].

Итак, социокультурная среда разворачивания интимности может рассматриваться как на уровне индивидуального жизненного пространства и времени «Я-приватности», так и в межиндивидуальном жизненном времени и пространстве общего, «нашего». Формой проявления и ключевым условием развития интимности является действие: как индивидуальное, так и общее. Сфера интимности отличается от всех других частотой и насыщенностью проявлений субъектности поведения (как индивидуального, так и группового) и свободы волеизъявления. Действие интегрирует разные уровни и способы активности «Я-интимности» и «Мы-интимности», является площадкой развертывания их взаимодействия и взаимовлияния. Структура интимности

представляет собой взаимодействие субъектов (Я и Мы), сред и времен (Моего и Нашего), действий (индивидуальных и межиндивидуальных) [11].

В социальных взаимодействиях одновременно происходит как интимизация, когда субъекты индивидуализируются, выделяются из массы, разусредняются, становятся не просто безымянными членами социума, а превращаются в равноценных производителей информации, становятся не такими, как другие, так и объектизация, усреднение, когда индивидуальность, уникальность и интимность преобразуются в социальную типичность. Таким образом, пока другой не будет воспринят субъектом как важный и ценный партнер для социального взаимодействия, механизм интимизации и формирование интимных, личных отношений не имеют места [12].

Итак, даже короткое знакомство с развитием темы интимности дает возможность констатировать, что «Я-интимность» формируется под влиянием «Мы-интимности», значимых агентов социализации, а в процессе своего развития формирует новые и новые отношения интимности, «Мы-интимности» с людьми, которые по субъективным оценкам важны для личности. Для формирования «Мы-интимности» вне границ семьи и близкого круга необходим ряд условий, которые описывает в своей концепции стадий развития Э. Эрикссон. Он считает, что интимность находит свое выражение в желании и готовности человека к зрелым отношениям, которые занимают центральное место на стадии молодости. Человек должен сформировать сильное чувство идентичности, чтобы быть способным соединить свою идентичность с идентичностью других людей. Страх потерять свое Я, избегание тесных отношений с другими могут приводить к социальной изоляции [13]. Но в то же время, по мнению Х. Арендт, в интимном результируется протест против социальности, становясь его базисом. Она считает, что существование интимности возможно при условии расслоения социального пространства на приватное и публичное [14].

Интимное, внутреннее не находится в постоянном противодействии с внешним, а является его продолжением, интериоризированным внешним, что фиксируют социологические и психологические концепции социализации личности: человек в процессе вхождения в социальное пространство переводит внешние правила и нормы во внутренний мир с целью регуляции собственного поведения в границах социального. Публичное «приватизируется» субъектом, а в процессе социального взаимодействия внешнее начинает меняться и преобразовываться под воздействием внутреннего. Таким образом, внешнее, публичное меняется под воздействием внешнего же, но прошедшего через психосоциальные процессы личности. Человек в процессе социализации берет из внешнего только актуальное и необходимое, поэтому интериоризированное внешнее – это те компоненты последнего, которые соответствуют вызовам и потребностям времени. Когда внутреннее и внешнее начинают взаимодействовать и формировать восприятие повседневной действительности, то используются те конструкты внешнего, которые, по мнению его субъектов,

наилучшим образом соответствуют условиям. Интимность, таким образом, выступает не только сферой индивидуального творчества и личных переживаний, а сферой, где преобразуется внешнее, публичное.

Персональное, интимное бытие, с одной стороны, пребывает в полностью закрытой зоне приватности, а с другой стороны – оно видимо другим и зависимо от других, как отмечает А. Лэнгле [15]. Для сферы интимного, для интимных мыслей и чувств внешнее таит в себе опасность в контексте разглашения, опубликования, развенчания сакрального такими врагами интимности, как слухи или сплетни. Интимное страдает от насильственного и несанкционированного субъектом вторжения в его сферу других посредством «дружеских» советов, подглядывания, обсуждения его в ходе общих собраний, что практиковалось в советский период.

Для обозначения такого рода вынесения интимного на всеобщее обозрение можно предложить использовать семантический конструкт – **деинтимизация**, сформированный по аналогии с понятием деанонимизации (раскрытия анонимности)¹. Мы понимаем под деинтимизацией процесс, при котором информация, которая является интимной для индивида и также маркируется как интимная в общественном мнении, выносится (случайно, добровольно, злонамеренно) на публичное обозрение.

Деинтимизация не является синонимом публичности. В ходе деинтимизации лишь некоторые темы, информация или элементы сугубо интимной сферы переносятся в публичную, в то время как переход индивида из приватной сферы в публичную предполагает оперирование в каждой из них теми инструментами и конструктами, которые им соответствуют. Таким образом, процесс деинтимизации является противоположностью интимизации, но не совпадает с публичностью. В публичном существуют общепринятые и общепризнанные темы обсуждения, например вопросы гражданского и демократического общества. Деинтимизированное же касается тем интимных, которые в необезличенном виде становятся достоянием публики: обсуждение личной жизни отдельных граждан. Так, публичность зачастую носит обезличенный характер, а субъекты являются носителями и глашатаями общих идей, которые высказываются от лица определенных групп. Деинтимизированное же персонифицировано и связано с именами тех, кому принадлежит опубличенная интимность, т. е. несет в себе ссылку на субъекта, это не типизированная, не усредненная информация. Позитивная связь интимного и деинтимизированного проявляется в ситуациях сознательного раскрытия личной информации (например, сообщение о желании создать семью), а негативная проявляется в случае, когда против воли субъектов интимности раскрываются стороны их личной жизни.

Интересными с точки зрения научного рассмотрения сферы приватности может быть подход к процессу интимизации как к процессу интеграции,

¹ Приставка «де» при добавлении к глаголам образует глаголы со значением совершать действие, противоположное тому, что названо.

объединению и формированию целостных образований. В свою очередь, деинтимизация направлена на разъединение целостности, ее деиндивидуализацию, преобразование уникального, неповторимого, единичного в типичное, шаблонное, усредненное, общее, публичное. Деинтимизированное, таким образом, занимает промежуточную позицию между приватным и публичным. Следуя этой логике, интимное как одно из ключевых свойств включено в приватное. Деинтимизация сугубо личных тем на первых порах носит индивидуализированный характер и связана с конкретным субъектом, но в ходе социокультурных процессов массивизируется, типизируется, становится шаблоном, примером, моделью поведения. На основе деинтимизации строится понимание интимности членов общества в целом в данный исторический период (пока эти темы и модели поведения не интегрировались в публичность), а типизированные портреты обывателя «оседают» как усредненные в социокультурном контексте публичности и становятся примерами типичного члена общества. Так, личность взаимодействует с публичностью двумя путями: проявляя свою активность «легальными» средствами публичной активности либо вынося на всеобщее обозрение (или подвергаясь опубличиванию) скрытые и личные стороны своей жизни. Одной из иллюстраций интимизации может служить заключение брака и формирование семьи как отдельного социального актора. А развод и разрушение целостности образования, вынесение интимных отношений, обнародование и официальное заключение соответствующего решения являются иллюстрацией процесса деинтимизации – вынесения внутреннего на обозрение общественности.

На основе сказанного можно сделать вывод о существовании естественного механизма и диалектической связи между интимным и деинтимизированным, что проявляется в стремлении первого перейти в форму второго. В то же время существует и обратный процесс, когда деинтимизированное становится компонентом публичного, оно может восприниматься отдельными индивидами как элемент модели поведения в интимной сфере. Мировая теле- и киноиндустрия, а до них, например, художественная литература и изобразительное искусство отчасти развиваются благодаря эксплуатации тем, связанных с личной сферой. Эта популяризация деинтимизации, с одной стороны, является позитивной для социализирующихся членов общества в связи с тем, что у них появляется более широкий доступ к шаблонам поведения в личной сфере, не ограниченных членами их круга ближайшего общения и семьи. С другой стороны, глобальная деинтимизация может приводить и к негативным последствиям, которые выливаются в неспособность отдельных членов общества, воспитанных на тотальной всеоткрытости, различать, ценить и развивать свои личные отношения с другим человеком, переживать родственные, близкие и дружеские чувства, создавать и оберегать общность, «Мы-приватность» от внешних разрушительных влияний. Негативным проявлением может стать переживание приватности с теле- и киногогероями с одновременным избеганием построения собственных отношений или формирование приватности на

виду – интимности в интернете (в блогах, соцсетях, ЖЖ и т. п.). Таким образом, деинтимизированное обобщает случаи целенаправленного и случайного, добровольного и злонамеренного опубликования того, что является интимным.

Итак, исследование интимности, как одного из ключевых свойств приватности, дает возможность углубить концептуализацию феномена приватности. Существование противоречий между интимизацией и деинтимизацией являются основой развития как сферы приватного, так и публичного. В этом противоречии и взаимодействии лежит огромный пласт малоизученных вопросов, интересных для социологического теоретизирования и эмпирического измерения: изучение интимности в онтогенезе и трансформация ее в филогенезе (в форме социокультурных норм, правил и обычаев), изучение последствий и предпосылок смещения границ интимного, внутреннего и внешнего, деинтимизированного, изучение проявления интимности в зоне публичности (при деинтимизации), изучение сопряженных с интимностью понятия тайны, сокровенности, доверия, любви, нежности, анализ интимности в гендерно-возрастном разрезе, выявление межиндивидуальной интимности, а также рассмотрение случаев и форм пересечения интимности с приватностью и публичностью.

Литература

1. *Комлев, Н. Г.* Словарь новых иностранных слов / Н. Г. Комлев. – М.: ЭКСМО, 2006. – 672 с.
2. *Малый академический словарь: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой.* – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1981–1984.
3. *Татенко, В. О.* Интимно-особистісна сфера людських стосунків як предмет соціально-психологічного дослідження / В. О. Татенко // Наукові студії із соціальної психології: зб. ст. – Київ, 2010. – Вип. № 24 (27). – С. 3–19.
4. *Татенко, В. О.* Світ інтимного життя як предмет психологічного дослідження / В. О. Татенко // Психологія особистості: зб. ст. – Київ, 2012. – Вип. № 1. – С. 54–78.
5. *Зиммель, Г.* Общение. Пример чистой, или формальной, социологии / Георг Зиммель // Избранное. – М.: Юрист, 1996. – Т. 2: Созерцание жизни. – С. 486–500.
6. *Теннис, Ф.* Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / Фердинанд Теннис; пер. с нем Д. В. Складнева. – СПб.: Владимир Даль, 2002. – 452 с.
7. *Сеннет, Р.* Тирании интимности [Электронный ресурс] / Sennett R. // Les Tyrannies de l'intimité / Traduit par Antoine Berman et Rebecca Folkman. – Paris: Ed. duSeuil, 1979. – Режим доступа: <http://community.livejournal.com/culturology/304708.html>. – Дата доступа: 02.06.2013.
8. *Хабермас, Ю.* Философский дискурс о модерне / Юрген Хабермас; пер. с нем. – М.: Весь мир, 2003. – 416 с.
9. *Гидденс, Э.* Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах / Энтони Гидденс; пер. с англ. В. Анурина. – СПб.: Питер, 2004. – 208 с.
10. *Бауман, З.* Индивидуализированное общество / З. Бауман; пер. с англ.; под ред. В. Иноземцева. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
11. *Татенко, В. О.* До питання про структуру і типологію інтимного життя дослідження / В. О. Татенко // Психологія особистості: зб. ст. – Київ, 2011. – Вип № 1 (2). – С. 164–169.
12. *Шифрин, Б.* Интимизация в культуре / Б. Шифрин // Даугава. – 1989. – № 8. – С. 88–94.

13. Эриксон, Э. Детство и общество / Эрик Г. Эриксон: пер. с англ. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Ленато [и др.], 1996. – 592 с.
14. Арендт, Х. Становище людини / Х. Арендт. – Львів: Літопис, 1999. – 256 с.
15. Лэнгле, А. Person. Экзистенциально-аналитическая теория личности: сб. статей // Альфред Лэнгле: пер. с нем.; вступ. ст. С. В. Кривцовой. – М.: Генезис, 2005. – 159 с.

J. D. ANDRIEVSKAYA

INTIMACY AS A FEATURE OF SOCIOCULTURAL PHENOMENON OF PRIVACY

Summary

In the article the question of intimacy is handled as one of the essential characteristics of the sociocultural phenomenon of privacy. The semantic meanings of the conception of intimacy are given and the structure (subject, object, action/act) and the forms of intimacy are analyzed. The author examines the intimacy in the context of social transformations, in connection with the role of intimacy and examines in the sphere of private and public, analyzes importance and the role of intimacy for the individual and inter-individual interaction.

Keywords: intimacy, deintimacy, sphere of intimacy, privacy, individual as a subject of intimacy («i-intimacy»), «we-intimacy» inter-individual relationships, love.

Поступила 11.07.2013 г.

Т. А. КАБАНЕЦ,

аспирантка Института социологии НАН Украины, г. Киев

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ МОДЕЛИ ЛЮБВИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

В статье рассматриваются закономерности трансформации феномена любви в историко-культурном развитии и отражение этих процессов в искусстве. Определяются две основные социокультурные модели любви. Анализируются изменения относительно границ воплощения любовных отношений в современной художественной культуре. Показана взаимосвязь социальных условий (преимущественно особенности брачно-семейного уклада) эпохи и характерных для нее моделей любви.

Ключевые слова: модель любви, художественная рефлексия, духовная любовь, сексуальная любовь, романтическая любовь, брачно-семейные отношения.

Любовь является важной составляющей внутреннего мира личности, особым типом социальных взаимоотношений. Наличие любви влияет на удовлетворенность жизнью, что в свою очередь определяет качество участия человека в социальных взаимоотношениях и процессах. Однако глубинные трансформации, которые происходят во всех отраслях общественной жизни, существенно влияют и на изменения в сфере любовных отношений. Так, в частности, достаточно очевидным является то, что традиционные нормы и ценности уже не являются общераспространенными регуляторами и ориентирами поведения. Многие исследователи отмечают плюралистичность и амбивалентность в нормативно-нравственной сфере, что может повлечь за собой и переосмысление концепта любви. В то же время фиксируется кризис брачно-семейных отношений, с которыми в наше время феномен любви представляется непосредственно связанным. Ведь от понимания сущности любви человеком, места этого феномена в его ценностной иерархии зависит выбор партнера, мотивация к заключению брака и его продолжительность. Поэтому концепт любви является важным не только для личного постижения человеком, но и актуальной проблематикой научного социологического исследования.

Известны многочисленные примеры философского осмысления этого феномена, традиция которого зарождается еще в Античности. Мыслители разных эпох рассматривали в русле своих концепций и феномен любви (Платон, Августин Блаженный, Ф. Бэкон, Р. Декарт, И. Кант, Г. Гегель), определяя его в частности как социальный феномен, существующий для удовлетворения экзистенциальной потребности человека в единении с другим и со всем обществом в целом на основе духовного родства, утверждение индивидуально-

сти друг друга, открытости, поддержки и взаимного развития. Определенное внимание этому явлению было уделено классиками и современными представителями социологической мысли (Г. Зиммель, П. Сорокин, Э. Фромм, З. Бауман, Э. Гидденс), кроме того, западными учеными осуществляются исследования любви на эмпирическом уровне. Обращались к этой тематике и ученые-социологи советского и постсоветского пространства: И. С. Кон, С. И. Голод, Р. Г. Апресян, С. В. Климова, В. П. Лисовский, Я. У. Астафьев, Л. В. Сохань, В. В. Танчер, В. И. Жулай. Особенностью социологического исследования феномена любви является не столько выделение его идеального типа или определения экзистенциальных основ, сколько анализ реального состояния этого феномена в обществе, его социальных функций и взаимодействий с различными социальными институтами. Однако, на наш взгляд, состояние изучения феномена любви в социологии на сегодняшний день свидетельствует о том, что до исчерпывающих ответов предстоит долгий путь.

Хотя понятие любви широко используется в общекультурном дискурсе, единственной общепринятой дефиниции его не существует. В то же время без преувеличения можно утверждать, что у каждого человека есть свое представление о данном феномене – определенная модель, которая включает представления о надлежащих любви чувствах, образцах поведения, мотивах и целях, все то, что отличает ее от других типов социального взаимодействия. По нашему мнению, такие модели любви не являются сугубо индивидуальными конструктами. Конечно, переживание любви у каждого индивида уникально, но общество посредством культурных норм и ценностей задает определенные модели, образцы и представления, которые влияют на то, что человек считает идеалом, какое поведение представляется целесообразным, общественно одобренным, что нужно принимать, а что осуждать, т. е. представляется возможным существование обобщенных представлений о любви, характерных для определенного времени и общества, а именно социокультурных моделей любви.

Представление о функционировании определенных социокультурных моделей любви в обществе можно получить путем анализа их репрезентаций в художественной культуре. Известно, что художественная культура и ее важная составляющая – искусство является существенным историко-культурным источником, фиксирующим мировоззрение, мироощущение определенного социального времени. Как утверждает автор работы о сущности моделирования в искусстве А. Н. Синицкий: «искусство повторяет мир, удваивает его в художественных образах» [1, с. 138], и любовь в этом повторении занимает одно из ведущих мест. Исследователи также акцентируют внимание на способности искусства целостно отражать действительность, рассматривают его как средство хранения и передачи рационального и эмоционального опыта человечества. Кроме того, отмечается влияние продуктов художественной культуры на мировоззрение личности, поскольку они воплощают социально одобренный опыт восприятия мира [2; 3; 4]. Целью данной работы является

изучение процессов формирования, развития и трансформации социокультурных моделей любви по их рефлексии в художественной культуре.

В доисторические времена по интересующей нас проблеме корректно говорить о сексуальном инстинкте с целью продолжения рода, который осуществлялся достаточно стихийно. Однако в процессе развития человечества, для упорядочивания социальных связей, производства благополучного потомства, поддержания элементарной социальной стратификации сексуальная сфера жизни человека стала предаваться регулированию (нормы и ценности) и контролю (запреты и санкции). Вместе с зарождением прототипа современной нуклеарной семьи в архаичной культуре началось отделение страстного, плотского желания, которое в нашем исследовании далее обозначим как модель сексуальной любви, от семейно-брачных упорядоченных отношений. Сформировалось понимание того, что полноценное функционирование, воспроизводство и развитие общества напрямую зависят от стабильности института семьи, и потому в течение длительного времени брачно-семейные отношения были под существенным влиянием других институтов. Однако, как известно, в каждом обществе для успешного подчинения социальным нормам должны существовать фундаментальные ценности, которые определяют содержание как общественной, так и личной жизни. Поэтому в культуре вырабатывались и совершенствовались механизмы, обеспечивающие направления человеческой сексуальности в конструктивное и контролируемое русло, в частности внедрялись ценности любви, которую в нашем исследовании обозначим как «романтическая». Такая модель любви постулирует не прямое удовлетворение физической страсти, а инициирует выработку поведенческих стратегий, ориентированных на построение стабильных моногамных отношений на основе взаимной симпатии, заинтересованности и утверждения индивидуальности партнера. При этом романтическая модель любви не исключает половую близость, а постулирует гармонический синтез первоочередного духовного единения и сексуальности.

Известные социологи (П. Сорокин, Э. Гидденс, З. Бауман) определяют разъединение любви на физиологическую и духовную составляющие, или на любовь, эротику и секс, и называют подобную тенденцию характерной чертой середины XX – начала XXI в. Однако, согласно нашему исследованию, такая разветвленность этого феномена воплощается в художественном творчестве практически с самого зарождения человеческой цивилизации. К примеру, в одном из самых ранних документальных источников – шумеро-аккадском эпосе существовало противопоставление оргиастического культа богини плодородия, плотской страсти Инанны – Иштар и строгих норм добрачных и брачных отношений. Как в мифологическом наследии, так и в философской рефлексии периода Античности фигурирует разделение любви на плотскую, страстную (Афродита Пандемос) и духовную, возвышенную (Афродита Урания), которую мыслители рассматривали как фактор развития, обретение целостности личности, благополучия семьи и общества.

Эротизм (как секс, имеющий целью репродукцию) был отделен от семейных уз и являлся самоценным в течение длительной истории человечества, но ассоциировался только с определенными группами населения (жрецы, аристократия) или с определенным периодом времени (оргастические обряды). На протяжении истории человечества осуществлялись многочисленные попытки нивелировать модель сексуальной любви со стороны государства, церкви, общественной морали, и тогда ее проявления находились в оппозиции к одобренным моделям, однако не исчезали. В то же время любовь страстная, ослепляющая, изменяющая судьбы находила многочисленные красочные воплощения в художественной культуре, особенно стран Западной Европы.

Разделение и даже противопоставление сексуальной страсти и семейного очага складывались исторически на протяжении многих веков из-за прагматической мотивации заключения браков. Как известно, в значительной мере брачно-семейные отношения создавались не на основе взаимной симпатии, а преследовали, прежде всего, экономические, порой политические интересы. Поэтому эмоционально-чувственные стремления реализовывались чаще во внебрачных отношениях. Куртуазная любовь, которая хотя и воспевалась трубадурами как возвышенная и одухотворенная, все же подразумевала адюльтер, так как возлюбленная рыцарем Прекрасная Дама чаще всего уже имела законного мужа. Зародившаяся в Средневековье и возпетая в искусстве, модель такой любви стала широко известной (включая и наше время). В XVIII в. манеры, культивируемые куртуазной любовью, были популярны среди людей благородного происхождения, но духовный компонент в этой модели был вовсе нивелирован, осталась лишь изысканная форма – галантная любовь. «Любовь в придворных и аристократических кругах, – как отмечает И. С. Нарский, – превращалась в изощренное искусство флирта, бездушное, бессердечное, холодное. Собственно любовь и верность в любви сделались чем-то старомодным, их заменило переменчивое и беспринципное мимолетное увлечение, которое стало главным предметом внимания уже в “Опасных связях” Шодерло де Лакло и которое с улыбкой схватывает на своих полотнах Фрагонар и с грустью – Ватто» [5, с. 118]. Именно в это время очень популярным становится любовный роман как жанр литературы с апофеозом галантных отношений в образе Дона Жуана, который, по мнению А. Камю, является воплощением разочарованности века в идее вечной любви. Однако нет особой надобности останавливаться на том, что куртуазная и галантная любовь не могли быть и не были востребованы низшими сословиями, у которых не оставалось времени на культивирование изысканных отношений между полами. В данном случае мы имеем дело с примерами художественной культуры, которая презентовала жизненные стили и модели поведения высших слоев населения. В то же время эти модели стали частью культурной истории, которые продолжают свою жизнь благодаря произведениям искусства и участвуют в развитии современных моделей любви.

В художественной традиции славянских народов тема любви не представлена широко. Существует мнение, что такая ситуация связана со специ-

фической ментальностью, подразумевающей, что любовь относится только к интимной, закрытой сфере, которая не подлежит общественному вниманию. Кроме того, особенностью славянского понимания любви была исконная неразделимая связь этого феномена с институтом семьи, традиция чего зарождается еще в языческих мифах. Богиня весны и любви Лада, Великая мать Мокошь, богиня жизни Жива синтезировали в себе идею плодородия и нравственные понятия любви и брака, одновременно воплощали девственное целомудрие и материнство. Такое понимание любви укрепилось с распространением православия, которое содержит схожие морально-этические воззрения на взаимоотношения мужчины и женщины. Христианские ценности внесли в данную модель больше духовности и возвышенности, что позже породило традицию рассмотрения любви в русле именно религиозной философии (Н. Бердяев, С. Соловьев, С. Булгаков). Исследователь данной проблематики В. Шестаков отмечает, что глубокое освещение феномена любви русская художественная культура дала в XIX в. в творчестве Пушкина и Лермонтова, Гончарова и Тургенева, Тютчева и Некрасова, Толстого и Достоевского. Примечательно, что для русского эроса характерен некий трагизм отношений любви, особенно касательно героев, которые предали брачную или внебрачную страсти («Идиот» Ф. Достоевского, «Гроза» А. Островского, «Анна Каренина» Л. Толстого).

Аутентичные модели любви прослеживаем во время существования Советского Союза. Проанализировать их, по нашему мнению, целесообразней всего на примере кинематографа, который с момента возникновения стал наиболее востребованным у публики из всех видов искусства.

Модели любви, которые воспроизводились в советском киноискусстве, формировались в русле кардинальных политических, экономических, социально-культурных преобразований, происходивших в стране, особенно в первые десятилетия. Пожалуй, впервые в истории искусство рассматривалось на государственном уровне, прежде всего как действенный механизм воспроизводства и воплощение мировоззренческих ценностей, необходимых для построения общества нового типа. Потому, естественно, любовь на экране во многом воспроизводилась с точки зрения соответствия новым мировоззренческим установкам.

Для советской эпохи была присуща репрезентация именно романтической модели любви. Развитие таких отношений часто сочеталось с трудовой и творческой реализацией личности (ленты Г. Александрова «Веселые ребята», 1934, «Волга-Волга», 1938; И. Пырьева «Богатая невеста», 1937, «Свинарка и пастух», 1941), духовным самосовершенствованием («Весна на Заречной улице» М. Хуциева, 1956; «Высота» А. Зархи, 1957; «Девчата» Ю. Чулюкина, 1961), типичной была институционализация таких отношений в браке с перспективой счастливого будущего. Особое значение любовь приобрела в фильмах 1940-х гг., тематику которых определила война. Во времена бесчеловечных испытаний любовь спасала от отчаяния и безнадежности, становилась источником веры

в победу, в жизнь, побуждала к борьбе: «Два бойца» Л. Лукова (1943), «Жди меня» А. Столпера и Б. Иванова (1943), «В шесть часов вечера после войны» И. Пырьева (1945). Верность, преданность и готовность пронести свои чувства сквозь расстояние и время определяли содержательную и эмоциональную окраску модели любви в сороковые годы.

Визуализация отношений любви в кинематографе СССР является очень сдержанной (единственным эротическим моментом в фильме может быть только достаточно целомудренный поцелуй), акцент делается на душевной близости. Лишь с середины 1950-х гг. в фильмах постепенно начинает очерчиваться физический аспект любви как результат глубокой и искренней симпатии персонажей. Проявления интимной близости визуализируются на экране лишь намеком, достаточно понятным взрослому зрителю. Для моделей любви советского кинематографа была свойственна моногамность и преданность, установка на выбор единственного спутника жизни. Однако если герои фильмов и прибегают к адюльтерам или разводам, то не ради новых ощущений или сексуального разнообразия, это скорее поиск человека, который действительно может быть «второй половиной» («Повторная свадьба» Г. Натансона, 1975; «Женщина, которая поет» А. Орлова, 1978; «Будьте моим мужем» А. Суриковой, 1981; «Любовь и голуби» В. Меньшова, 1984).

Модель любви с превалированием сексуального аспекта появляется эпизодически только во времена перестройки и сопровождается более открытым изображением эротических сцен, что было определенным элементом в «сексуальной революции», которая совершилась в СССР в середине 1980-х гг. (наиболее иллюстративным в этом плане является фильм «Маленькая Вера» В. Пичула, 1988). В этот период в кинофильмах, наряду с более традиционными для советского кино типами отношений, воплощаются модели прагматической любви, супружеских измен, которые, однако, не имеют счастливо-го завершения («Зимняя вишня» И. Масленникова, 1985; «Забытая мелодия для флейты» Э. Рязанова, 1987; «Интердевочка» П. Тодоровского, 1989). Следует отметить, что в отношениях любви герои эпохи перестройки не имеют определенной ценностно-нормативной базы. Ее отсутствие, с одной стороны, определяется сознательным отрицанием типично советских моделей отношений как устаревших, с другой – попыткой апробации искаженных, гиперболизированных моделей любви западного типа, в которых сексуальный компонент был выражен достаточно явно.

После распада Советского Союза художественное пространство постсоветских республик активно наполняется фильмами западных стран, в первую очередь американскими, которые и на нынешний момент являются более конкурентоспособными, чем отечественная кинопродукция.

Для конца XX – начала XXI в. характерна полифония социокультурных моделей любви, которые в равной степени представляются в кинематографе. Наиболее примечательной чертой новых социокультурных моделей является не только их содержание, но и способ презентации зрителю. Речь идет о бо-

лее свободных отображениях как актов физической любви, так и обнаженного тела в целом. Выделяется и отдельная отрасль – порноиндустрия, которую социолог культуры Л. Г. Ионин определил как прямой результат отделения духовной составляющей и телесной близости: «любовно-семейное, т. е. доверие, безопасность, важность, – и сексуальное, т. е. страсть, похоть, – живут отдельно и не могут соединиться друг с другом» [6].

Модель любви, которая стремительно вспыхивает сексуальным вожделением, и реализация которой достаточно прямолинейно изображается на экране, широко представлена и в общераспространенных фильмах. Примером тому является такой популярный, особенно в 1990-е гг., жанр эротического триллера («Основной инстинкт» П. Верховена, США, 1992; «Щепка» Ф. Нойса, США, 1993; «Цвет ночи» Р. Раша, США, 1994). Типичным киноприемом является и введение любовной линии как второстепенной в различные детективы и боевики (ряд фильмов о непобедимом агенте Джеймсе Бонде, Великобритания, с 1962; «Отчаянный» Р. Родригеса, США, 1995; «Брат» А. Балабанова, Россия, 1997; «Девушка с татуировкой дракона» Д. Финчера, США, 2011 и др.). Степень эротичности изображаемых отношений может отличаться от фильма к фильму, однако содержание такой модели любви остается неизменным. Как и в эротических триллерах, интимная близость происходит между фактически незнакомыми людьми, которых объединяет некое неожиданное приключение, а не душевные качества. Причем эмоциональной составляющей, какой-то личностной мотивации сексуальных отношений в фильме внимание не уделяется, просто героев в определенный момент объединяет взаимная страсть. Именно такая модель сексуальной любви является довольно типичной для всех фильмов, так сказать, «мужских жанров» (боевик, триллер, вестерн, приключения).

Достаточно популярными в наше время являются фильмы о супергероях, альтруистических борцах с несправедливостью. Любовь супергероя обычно романтическая – она утверждает уникальность своего объекта, является длительной и имеет духовную основу. Для того чтобы получить любовь избранной женщины, мужчина должен совершить подвиг, и не просто отстояв собственные интересы, а во имя добра и справедливости (Супермен; более 10 экранизаций с этим персонажем, первая из которых состоялась в 1948 г., США); «Человек-паук» С. Рэйми, США, 2002; «Хеллбой: Герой из пекла» Г. дель Торо, США, 2004; «Железный человек» Дж. Фавро, США, 2008; «Черная молния» А. Войтинского и Д. Киселева, Россия, 2009).

Уже известная из советского кинематографа модель любви, которая предусматривает переосмысление героем (типично молодым, успешным, но порой излишне самоуверенным, а то и циничным парнем) собственной жизни, преодоление эмоциональной незрелости именно под влиянием романтической любви присутствует и в кинофильмах конца XX – начала XXI в. («Это все она» Р. Искоува, США, 1998; «Жестокие игры» Р. Камбла, США, 1999; «Каникулы строгого режима» И. Зайцева, Россия, 2009; «Три метра над уровнем моря»

Ф. Г. Молины, Испания, 2010). Художественно воплощается и модель любви, где уже женщина должна утвердиться в жизни, причем сделать это самостоятельно, собственными силами, а уже потом строить отношения с мужчиной. Обычно речь идет не о нравственном становлении, а о нахождении своего места в мире, выборе ценностей и приоритетов. Причем это может быть как профессиональное утверждение, обретение уверенности в себе как самодостаточной личности («Блондинка в законе» Р. Лукетича, США, 2001; «Бурлеск» С. Энтина, США, 2010), так и наоборот – постижение того, что сами по себе карьера, богатство, престиж – не самое главное для счастья («Дьявол носит Prada» Д. Фрэнкела, США, 2006; «Предложение» Э. Флетчер, США, 2009).

Отдельно следует рассмотреть схемы взаимоотношений, присутствующие в так называемых молодежных фильмах, главными героями которых являются соответственно молодые люди – чаще всего подростки, студенты колледжа («Детки» Л. Кларка, США, 1995; «Американский пирог» братьев П. и К. Вайц, США, 1999; «Все умрут, а я останусь» В. Гай Германики, Россия, 2008; «Пикап: съём без правил» Ф. Герчикова, Россия, 2009; «Хорошо быть тихоней» С. Чбоски, США, 2012). Модель любви молодежных фильмов не является однозначной. Совершенно нормальной, без оттенка осуждения презентуется ситуация, когда интимная близость у молодых людей происходит на первом же свидании или вообще без него, а как продолжение веселой вечеринки. Изображаются ситуации интимной близости с целью прочувствовать самому или доказать сверстникам свою принадлежность к миру взрослых. Соответственно, воспроизводится модель любви, основой которой является сексуальное желание, без эмоциональной вовлеченности, без переживания ценности другого. Однако, в то же время, иные герои фильма могут быть ориентированы на обнаружение своей «второй» половинки или в поисках эротических переживаний в результате обретать глубокое душевное чувство, присущее романтической модели любви.

Необходимо отметить распространение в социокультурном пространстве конце XX – начала XXI в., и в частности в кинематографе, моделей любви, которые и не мыслились для художественной рефлексии в советское время, а именно однополых отношений. И хотя доля изображений гомосексуальной любви меньше, чем любви традиционной, однако она без каких-либо ограничений транслируется наравне с другими кинофильмами («Покажи мне любовь» Л. Мудиссона, Швеция, 1998; «Вас не догонят» Л. Пул, Канада, 2001; «Я люблю тебя» О. Столповской, Д. Троицкого, Россия, 2004; «Горбатая гора» Э. Ли, США, 2005; «Дневник лесбиянки» Х. Гарая, Испания, 2009). Как и гетеросексуальная, однополая любовь может быть разной, иметь различные мотивы и разное художественное воплощение.

Анализ социокультурных моделей любви в художественной культуре не возможен без исследования современного телеэфира, в частности такого его сегмента, как сериалы, которые пользуются безусловной популярностью в постсоветском пространстве. На сегодняшний день сериалы стран СНГ

(прежде всего российские) заполнили отечественный телеэфир, почти полностью вытеснив зарубежную продукцию. Из жанровой структуры телесериалов наиболее репрезентативными для нас являются мелодрамы, которые в свою очередь являются достаточно востребованными зрителем и типично ассоциируются с женской аудиторией («Бедная Настя», «Кармелита», «Однолюб», «Ключи от счастья» и т. д.). По сути, сюжеты таких фильмов развиваются вокруг ценностей романтической любви, которую героини стремятся закрепить законным браком и почувствовать радость семейной жизни. Как правило, влюбленности предшествует длительный период общения, в процессе которого героини оценивают в первую очередь духовные качества друг друга. Любовь же обычно имеет моногамный характер, подчеркивается исключительность избранника, направленность на длительные стабильные отношения. Эротические моменты в сериале почти отсутствуют, физический аспект любви обычно изображается только поцелуем или намеком на близость. Таким образом, можно констатировать, что мелодраматические сериалы транслируют ценности и поведенческие стратегии более традиционного типа. Представленная модель любви утверждает первоочередность духовного единения, физическую сдержанность и тесно связывается с институтом семьи. Отметим, что данная продукция существенно отличается от западной того же жанра. Для сравнения, популярные женские сериалы производства США («Секс в большом городе», «Отчаянные домохозяйки», «Город хищниц») представляют гораздо более раскованные, эротизированные взаимоотношения, не обязательно подразумевающие духовно-эмоциональную основу и дальнейшую институализацию в браке. Еще более это утверждение касается сериалов других жанров, например «Декстер», «Реальная кровь», «Блудливая Калифорния», в которых любовь и сексуальные отношения (их откровенность порой зашкаливает) могут быть совершенно разделенными и самоценными.

Даже краткий экскурс в процесс репрезентации феномена любви в художественной культуре дает основание на выделение двух его основных моделей по мере превалирования в них физического или духовного аспекта, которые мы обозначаем как сексуальная и романтическая любовь. На протяжении веков каждая из выделенных социокультурных моделей имела специфическое воплощение, как в социальных, так и в художественных реалиях. Характерно, что модель любви с акцентуацией на телесности, физической страсти в процессе исторического развития общества, как правило, подвергалась морально-цензурному контролю на бытовом и институциональном уровне. Особенностью нашего времени является включение сексуальной модели любви в массовую культуру, ее позиционирование как типичной. Все большее распространение в современном кино и сериалах получает изображение отношений, как гетеро-, так и гомосексуальных, которые базируются на сексуальном влечении и являются актуальными только в текущий момент времени, не сулят эксклюзивности и не связываются с институтом брака и семьи. Однако мы можем заметить, что в художественной рефлексии такой тип отношений не является превалирующим, а лишь одним из альтернативных вариантов.

Для отечественной художественной культуры, как уже отмечалось, традиционно не характерен открытый дискурс любви и тем более сексуальных, эротических отношений. Интимные отношения мужчины и женщины развивались главным образом в таинстве брака, любовь, начиная от славянских истоков, была неотъемлема от семьи и материнства. Нарушения таких норм имели крайне негативные последствия для участников любовных коллизий, которые проявлялись в осуждении и даже отвержении социумом, примерами чего богата художественная культура. Однако и в отечественной кинопродукции все больше места занимают модели сексуальной любви (в основном в фильмах «мужских жанров»), и все же пока визуализация таких отношений является более сдержанной и традиционной. Репрезентация же типичной романтической модели любви наиболее присуща отечественным «мыльным операм», целевой аудиторией которых преимущественно являются женщины. В то же время зарубежная продукция такого типа в XXI в. изображает гораздо более свободный сексуальный дискурс, который тем не менее все еще продолжает быть связанным с институтом семьи. Также заметим, что как для зарубежного, так и отечественного кинематографа присуще изображение сексуальной модели любви в значительной части молодежных фильмов, что характеризует трансформационные сдвиги в отношениях полов, ассоциируемых с молодым поколением.

На сегодняшний день различные социокультурные модели любви одновременно присутствуют в глобальном культурном пространстве. Доминирование той или иной модели в сюжете зачастую определяется жанром произведения или же целевой аудитории, к которой по замыслу создателей продукта он адресуется. По результатам нашего краткого исследования, отмечаем их национальную, гендерную и возрастную специфику, но в то же время тенденцию к конвергенции. Следует отметить, что открытое воплощение сексуальной модели любви в массовой культуре, эротичность ее визуализации вызывает существенную критику, как общественности, так и специалистов. В то же время особенности функционирования такой модели любви, ее взаимосвязь с социальными процессами постсоветского пространства не являются достаточно изученными, что дает основания для дальнейшего исследования данной проблематики.

Литература

1. *Синицький, А. М.* Мистецтво та моделювання / А. М. Синицький. – Київ: Мистецтво, 1973. – 258 с.
2. *Ионин, Л. Г.* Социология культуры: учеб. пособие / Л. Г. Ионин. – М.: Логос, 1996. – 278 с.
3. *Дуков, Е. В.* Введение в социологию искусства: учеб. пособие для гуманитарных вузов / Е. В. Дуков [и др.]. – СПб.: Алетейя, 2001. – 256 с.
4. *Фохт-Бабушкин, Ю. У.* Человек в мире художественной культуры: Приобщение к искусству: процесс и управление / Ю. У. Фохт-Бабушкин [и др.]. – М.: Наука, 1982. – 336 с.

5. Нарский, И. С. Тема любви в философской культуре нового времени / И. С. Нарский // Философия любви / под общ. ред. Д. П. Горского; сост. А. А. Ивин. – М.: Политиздат, 1990. – Ч. 1. – 510 с.

6. Ионин, Л. Г. Укрошенная эротика / Л. Г. Ионин // Человек [Электронный ресурс]. – 1992. – № 3. – Режим доступа: <http://www.aquarun.ru/psih/psex/ps8.html>. – Дата доступа: 25.04.2013.

T. A. KABANETS

THE SOCIOCULTURAL PATTERNS OF LOVE IN THE ART REPRESENTATION

Summary

The article discusses the transformation laws of love phenomenon in the historical and cultural development, and the reflection of these processes in art. Two main sociocultural model of love are determined. The changes in the embodiment of love relationships in contemporary art culture are analyzed. The relationship between overall ideological paradigm, social conditions (mainly marital life) of epoch and its models of love are considered.

Keywords: model of love, artistic reflection of the phenomenon of love, spiritual love, sexual love, romantic love, marriage and family relationships.

Поступила 26.07.2013 г.

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 316.334.2(476)

М. И. АРТЮХИН,

*кандидат философских наук, доцент,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск*

НАУЧНАЯ ЭЛИТА: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА

В статье представлены сведения о текущем состоянии научной элиты Беларуси, ее количественном и качественном составе. Особое внимание уделено отраслевой структуре докторов и кандидатов наук в контексте ее соответствия стадии перехода к инновационному обществу. Рассмотрены проблемы воспроизводства научной элиты и ее омоложения. Предложены меры по совершенствованию кадровой политики в научной сфере и системы воспроизводства научной элиты в условиях Беларуси.

Ключевые слова: научная элита, идентификация элиты, отраслевая структура кадров, возрастная структура, аспирантура, докторантура, кадровая политика.

Республика Беларусь вступила в качественно новый этап социально-экономического развития, отличительной чертой которого является становление и развитие экономики инновационного типа. Сегодня стоит задача преодолеть инерционность научного потенциала Беларуси, разрыв между фундаментальной наукой, прикладными исследованиями и реальной экономикой, ускорить освоение в производстве научных разработок и отработать эффективный механизм создания отечественных высоких технологий и их реализации. Предусматривается оптимизировать структуру научной сферы и ее кадровый потенциал, сконцентрировать госбюджетное финансирование на прорывных научных направлениях и ускорить процесс интеграции академического, вузовского и отраслевого секторов науки с реальным сектором экономики с учетом реализации приоритетов инновационного развития белорусского общества.

Как известно, наука – это не просто система знаний, но и деятельность по получению новых знаний, что предполагает существование особой группы людей, специализирующейся на этом. В этой группе людей, нацеленных на получение новых знаний, выделяются генераторы идей – «творцы новых понятий, теорий, методов, новых парадигм». С известной долей допущения можно признать, что креативная часть научного сообщества – это и есть научная элита. Все остальные элитные группы в науке – это элита научной инфраструктуры (административно-управленческая, инновационные менеджеры высокого и среднего уровня и т. д.).

Исследователи с учеными степенями кандидатов и докторов наук формируют научную элиту, от результатов деятельности которой в решающей

степени зависят состояние и развитие сектора научных исследований и разработок.

На начало 2013 г. численность докторов наук в составе работников, выполнявших научные исследования и разработки, составляла 720 чел. (2,4 %), кандидатов наук – 3099 чел. (10,2 %) и исследователей без ученой степени – 15 496 чел. (80,2 %). Причем в г. Минске сосредоточено 607 докторов наук, выполнявших научные исследования и разработки, или 84,3 % от их общей численности в республике, и 81,3 % кандидатов наук (2520 чел.).

Основная часть научных работников высшей квалификации, занятых выполнением научных исследований и разработок, сконцентрирована в НАН Беларуси. В 2012 г. численность докторов наук в НАН Беларуси составляла 459 чел., или 63,7 % от общей численности докторов наук, занятых выполнением научных исследований и разработок, а также 1707 кандидатов наук, или 55,1 % от общей численности кандидатов наук, занятых научными исследованиями и разработками. В организациях Министерства здравоохранения наукой занимались 85 докторов наук, или 11,8 %, и 416 кандидатов наук, или 13,4 %; в Министерстве образования – 80 докторов наук, или 11,1 %; в Министерстве промышленности – 9 докторов наук, или 1,2 %, и 54 кандидата наук, или 1,8 %; в Государственном военно-промышленном комитете – 4 доктора наук, или 0,6 %, и 47 кандидатов наук, или 1,5 %; в организациях концерна «Белнефтехим» – 3 доктора наук, или 0,4 %, и 34 кандидата наук, или 1,1 % от общей численности кандидатов наук, занятых выполнением научных исследований и разработок.

Отраслевая структура научных кадров высшей квалификации

По состоянию на начало 2013 г. в области естественных наук численность докторов наук в 2012 г. составляла 279 чел., или 38,8 % от их общей численности (в 2011 г. – 273 доктора наук, или 36,8 %). В области технических наук было занято 162 доктора наук, или 22,5 % от их общей численности (в 2011 г. – 192 чел., или 25,9 %) (рис. 1).

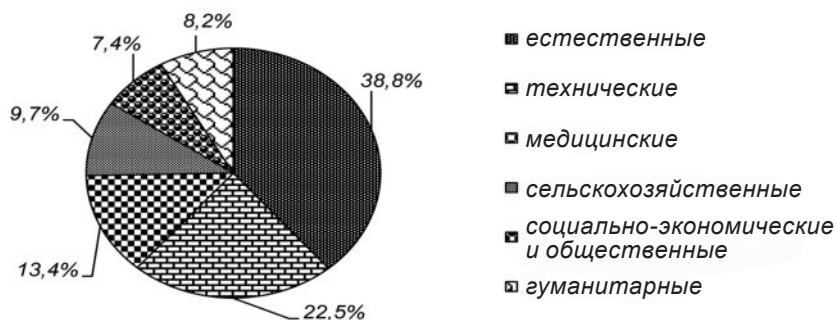

Рис. 1. Структура докторов наук по отраслям науки в 2012 г.

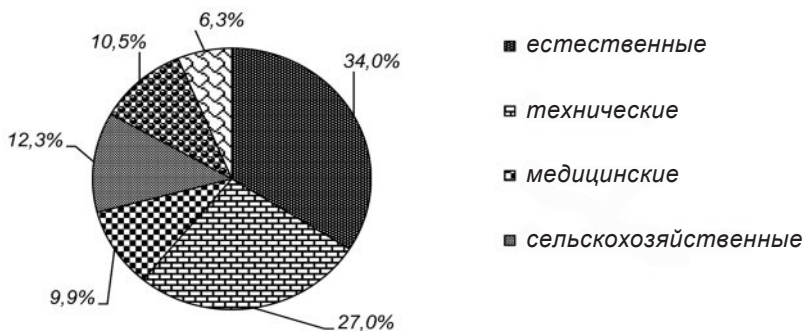

Рис. 2. Структура кандидатов наук по отраслям науки в 2012 г.

По состоянию на начало 2013 г. в области естественных наук численность кандидатов наук в 2012 г. составляла 1044 чел., или 34,0 % от их общей численности (в 2011 г. – 1054 кандидата наук, или 33,4 %). В области технических наук было занято 829 кандидатов наук, или 27,0 % от их общей численности (в 2011 г. – 887 кандидатов наук, или 28,2 %) (рис. 2).

Анализ динамики численности научных работников высшей квалификации, выполнявших научные исследования и разработки, показывает, что идет процесс уменьшения их численности. Так, за период 1991–2012 гг. их общая численность уменьшилась в 1,6 раза.

Динамика сокращения научных кадров высшей квалификации по областям науки за период 2005–2012 гг. представлена в табл. 1.

Как видим, наиболее значительное уменьшение численности докторов и кандидатов наук за период 2005–2012 гг. наблюдается в области естественных и технических наук, определяющих развитие высокотехнологичных производств и технологическую безопасность страны.

Особенно тревожит тот факт, что в последние годы эта негативная тенденция усиливается. Так, в 2012 г. по сравнению с 2011 г. численность докторов наук уменьшилась на 24 чел. (3,2 %), кандидатов наук – на 78 чел. (2,5 %).

Таблица 1. Динамика сокращения научных кадров высшей квалификации по областям науки за период 2005–2012 гг.

Области науки	Доктора наук			Кандидаты наук		
	2005 г.	2012 г.	%	2005 г.	2012 г.	%
Естественные	305	279	-8,5	1220	1044	-14,4
Технические	196	162	-17,3	923	829	-10,2
Медицинские	91	96	+5,5	275	304	+10,5
Сельскохозяйственные	74	70	-5,4	392	379	-3,3
Социально-экономические и общественные	41	53	+29,3	219	321	+46,6
Гуманитарные	73	59	-19,2	203	194	-4,4
Всего	780	719	-7,8	3232	3071	-5,0

Отметим, что сокращение численности докторов наук в белорусской науке в 2012 г. произошло за счет НАН Беларуси, где численность докторов наук уменьшилась на 20 чел.

Одной из важных характеристик кадрового потенциала науки является его квалификационная структура – удельный вес докторов и кандидатов наук в общей численности работников, выполнявших научные исследования и разработки. На начало 2013 г. удельный вес научных кадров высшей квалификации в общей численности работников, выполнявших научные исследования и разработки, в целом по республике составлял 12,6 %, из них докторов наук – 2,4 %, кандидатов наук – 10,2 % (табл. 2).

Таблица 2. Удельный вес научных кадров высшей квалификации в общей численности работников, выполнявших научные исследования и разработки¹

Республиканские органы государственного управления и иные государственные организации	Работники, выполнявшие научные исследования и разработки, чел.	в том числе			
		доктора наук, чел.		кандидаты наук, чел.	
		чел.	уд. вес, %	чел.	уд. вес, %
Республика Беларусь	30 437	720	2,4	3099	10,2
<i>в том числе:</i>					
НАН Беларуси	9033	459	5,1	1707	18,9
Министерство промышленности	7905	9	0,1	54	0,6
Государственный военно-промышленный комитет	3144	4	0,1	47	1,5
Министерство образования	2256	80	3,5	416	18,4
Министерство здравоохранения	1355	85	6,2	282	20,8
Концерн «Белнефтехим»	564	3	0,5	34	6,0

По областям науки удельный вес научных кадров высшей квалификации в общей численности исследователей распределен следующим образом. Доктора наук: в области естественных наук – 7,6 %, медицинских – 9,7 %, сельскохозяйственных – 6,2 % и гуманитарных наук – 12,6 %. Наименьший удельный вес численности докторов наук в общей численности исследователей отмечен в области технических наук – 1,4 %. Кандидаты наук: в области естественных наук – 28,5 %, медицинских – 30,6 %, сельскохозяйственных – 33,3 % и гуманитарных наук – 41,5 %. Наименьший удельный вес кандидатов наук в общей численности исследователей отмечен в области технических наук – 7,1 % (рис. 3).

Приведенные данные свидетельствуют о наличии явной диспропорции в распределении удельного веса докторов и кандидатов наук в общей числен-

¹ Рассчитано по: О выполнении научных исследований и разработок в 2011 году: стат. сб. – Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2012. – С. 12–14; О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2012 году: стат. сб. – Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2013. – С. 19–21.

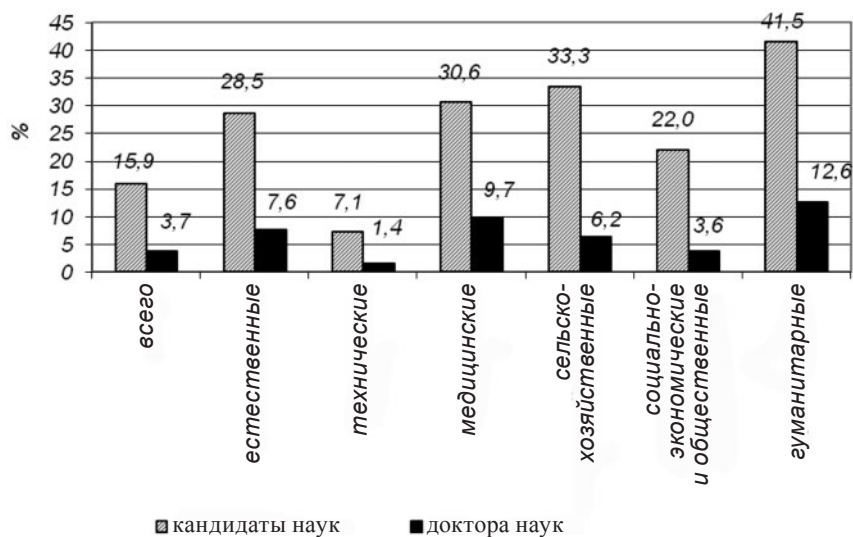

Рис. 3. Удельный вес научных кадров высшей квалификации в общей численности исследователей

ности исследователей по областям науки. Так, если на 100 исследователей по состоянию на 1 января 2013 г. в области естественных наук приходилось 8 докторов и 29 кандидатов наук, в области медицинских наук – 9 докторов и 32 кандидата наук, то в области технических наук – всего 2 доктора и 7 кандидатов наук. Последнее противоречит основной задаче науки в Беларуси – обеспечению ускоренного развития наукоемких производств.

Возрастная структура научных кадров высшей квалификации

В последние годы в Беларуси оптимизация возрастной структуры научных кадров входит в число приоритетных задач государственного уровня. Внимание к данному вопросу не случайно: статистические данные свидетельствуют о нарастающей тенденции старения кадров в сфере науки.

В настоящее время средний возраст исследователей в Беларуси составляет 49 лет, кандидатов наук – 53 года, докторов наук – 61 год. Если сегодняшняя тенденция старения научных кадров сохранится, то к 2015 г. средний возраст белорусских докторов наук составит 70 лет, а кандидатов наук – 56 лет.

Возрастная структура исследователей, докторов и кандидатов наук, сложившаяся к концу 2012 г., представлена на рис. 4.

Возрастная структура исследователей на начало 2013 г. была следующей: в возрасте до 29 лет – 4,7 тыс. чел., или 24,1 % от общей численности исследователей; в возрасте 30–39 лет – 4,0 тыс. чел. (20,6 %), 40–49 лет – 2,8 тыс. чел. (14,3 %), 50–59 лет – 4,6 тыс. чел. (23,0 %), 60–69 лет – 2,5 тыс. чел. (12,9 %), 70 лет и старше – 0,8 тыс. чел. (4,2 %).

Особо критично выглядит возрастная структура докторов наук, среди которых доля исследователей до 40 лет составляет всего 0,6 %. И напротив, 71,2 % докторов наук имеют возраст 60 лет и старше, т. е. являются пенсионерами, а 35,2 % из них находятся в возрасте 70 лет и старше.

Не меньшую тревогу вызывает и динамика возрастной структуры кандидатов наук. При увеличении удельного веса численности кандидатов наук в возрасте до 29 лет в их общей численности за 2000–2012 гг. с 2,0 % до 2,9 % (на 0,9 п. п.) и в возрасте 30–39 лет с 12,2 % до 20,5 % (на 8,7 п. п.), их удельный вес в возрасте 40–49 лет за этот же период снизился с 31,6 % до 16,8 % (на 15,8 п. п.), а в возрасте 50–59 лет – с 33,8 % до 25,9 % (на 8,9 п. п.). Одновременно удельный вес численности кандидатов наук в возрасте старше 60 лет увеличился с 20,4 % до 33,9 % (на 13,5 п. п.) (рис. 4).

Уменьшение численности исследователей высшей квалификации средних возрастов при одновременном увеличении численности исследователей пенсионного возраста ведет к ухудшению структурных характеристик кадрового потенциала белорусской науки, нарушает механизм воспроизводства научных кадров и ведет к разрыву научных поколений в науке. При этом наиболее неблагоприятная «демографическая» ситуация сложилась в тех секторах науки, которые принесли мировое признание белорусской науке: естественнонаучных и технических отраслях научного знания.

Сложившаяся в Беларуси ситуация в области возрастной структуры научных кадров показывает, что реализуемый комплекс государственных мер по привлечению и закреплению молодых научных кадров является недостаточным и не оказывает решающего влияния на позитивное изменение ситуации. Все это в конечном счете может в совсем недалеком будущем значительно осложнить нормальное функционирование национальной научной системы, создать реальную угрозу утраты преемственности между поколениями белорусских ученых и привести к разрушению ведущих научных школ. Следует признать, что сегодня притоку молодых перспективных кадров в науку пре-

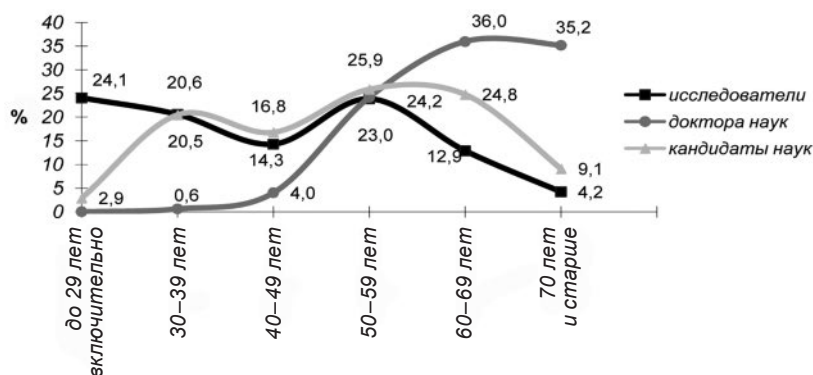

Рис. 4. Возрастная структура исследователей, докторов и кандидатов наук в Республике Беларусь в 2012 г.

пятствует общая атмосфера нестабильности, неуверенности в завтрашнем дне отдельных организаций и научной сферы в целом. Наблюдается низкая престижность профессии исследователя, научного работника в стране, главной причиной которой является низкий по мировым меркам уровень финансирования науки и оплаты труда ученых. В результате внутри самой научно-образовательной сферы республики фундаментальная наука теряет конкурентоспособность на рынке рабочих мест в сравнении с образовательными и другими организациями. Продолжает существовать достаточно высокий уровень внешней миграции научных работников, особенно перспективных молодых исследователей. Это обусловлено прежде всего резким различием уровня заработной платы научных работников от зарубежных стандартов, а также целенаправленной политикой ряда иностранных государств и компаний, которая стимулирует эмиграцию высококвалифицированных ученых и специалистов из Беларуси.

Состояние системы воспроизводства научных кадров высшей квалификации

В условиях ухудшения качественных характеристик занятого в науке персонала, интенсивного оттока лиц средних возрастов, сокращения интеллектуальной базы воспроизводства научно-исследовательских кадров особую актуальность приобретают задачи формирования их оптимальной возрастной, квалификационной и отраслевой структуры. Важная роль здесь принадлежит основным формам воспроизводства научных кадров высшей квалификации – аспирантуре и докторантуре.

На 1 января 2013 г. в целом по республике численность лиц, осваивающих содержание образовательной программы аспирантуры, составила 5456 чел. Здесь следует отметить, что с 2011 г. в соответствии с Кодексом Республики Беларусь об образовании численность обучающихся, принятых и выпущенных из аспирантуры, ведется с учетом данных о лицах, получающих образование в форме соискательства.

Основные показатели деятельности республиканской аспирантуры в 2012 г. представлены в табл. 3.

Анализ отраслевой структуры республиканской аспирантуры и докторантуры показывает, что диспропорции, сформировавшиеся в начале первого десятилетия нового века, когда подготовка научных кадров велась без учета прогнозных показателей реальной потребности в научных кадрах той или иной специальности и специализации, остаются непреодоленными. Это привело к деформации спектра подготавливаемых специалистов по отраслям наук – снижению доли аспирантов и докторантов, специализирующихся в области точных, естественных и технических наук, за счет преимущественного роста численности аспирантов по специальностям общественных и гуманитарных наук. Особо эти диспропорции проявились в отраслевой структуре аспирантуры, где наблюдается значительное преобладание доли аспирантов

Таблица 3. Основные показатели деятельности аспирантуры в 2012 г., чел.¹

Показатели	Республика Беларусь	Научные организации	Учреждения образования
Число учреждений образования, организаций, реализующих образовательную программу аспирантуры	121	71	50
Численность лиц, обучающихся в аспирантуре, чел.	5456	992	4464
Прием в аспирантуру, чел.	1361	225	1136
Выпуск из аспирантуры, чел., в том числе с защитой диссертации	1075 54	206 12	869 42

в области общественных и гуманитарных наук над всеми остальными отраслями наук (рис. 5).

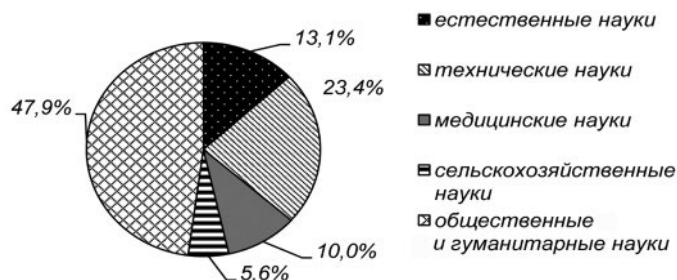

Рис. 5. Отраслевая структура республиканской аспирантуры на конец 2012 г.

Причем этот показатель продолжает расти: в 2011 г. доля аспирантов в области общественных и гуманитарных наук в общей их численности составила 46,8 %, в 2012 г. – 47,9 %. И наоборот, наблюдается отрицательная динамика уменьшения численности аспирантов по важнейшим для обеспечения инновационного развития экономики страны отраслям науки. Так, за период 2011–2012 гг. численность аспирантов в области технических наук уменьшилась на 1,4 % (16 чел.), естественных – на 10,1 % (на 80 чел.), медицинских – на 10,9 % (67 чел.), сельскохозяйственных – на 15,1 % (на 54 чел.).

Анализ отраслевой структуры республиканской докторантуры показывает, что она не в полной мере отвечает задачам инновационного развития экономики. Так, доля докторантов, проходящих подготовку в области общественных и гуманитарных наук, в 2012 г. составила 41,3 % (в 2011 г. – 39,1 %) от общей численности докторантов; в области естественных наук – 11,5 %

¹ В данной таблице в соответствии с Кодексом Республики Беларусь об образовании численность обучающихся, принятых и выпущенных из аспирантуры, приведена с учетом данных о лицах, получающих образование в форме соискательства.

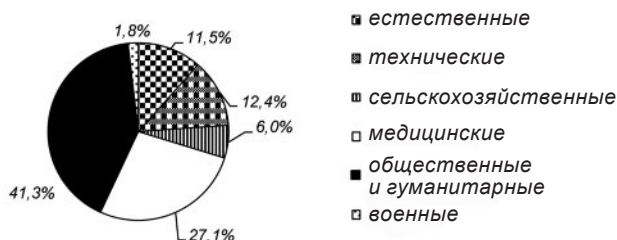

Рис. 6. Структура республиканской докторантуры по отраслям науки на конец 2012 г.

(в 2011 г. – 11,4 %); технических – 12,4 % (в 2011 г. – 12,3 %); медицинских – 27,1 % (в 2011 г. – 29,1 %); сельскохозяйственных – 6,0 % (в 2011 г. – 5,9 %) (рис. 6).

Не менее серьезным является вопрос об эффективности деятельности аспирантуры и докторантуры. Результативность аспирантуры и докторантуры крайне низка. Так, в 2012 г. в области технических наук только 6 человек из 190 выпускников-аспирантов, или 3,2 %, окончили аспирантуру с защитой диссертации в срок обучения. Это же можно сказать и по таким отраслям наук, как физико-математические науки (4,8 %), сельскохозяйственные науки (4,0 %). Об эффективности деятельности докторантуры говорят следующие цифры: из 65 ее выпускников в 2012 г. только 4 человека защитились в срок.

Особую озабоченность вызывает также возрастной состав докторантов, среди которых каждый четвертый старше 50 лет, т. е. является лицом предпенсионного или пенсионного возраста. При этом в возрасте до 29 лет только 5 докторантов. Отметим здесь, что средний возраст соискателей, которым в 2012 г. была присуждена ученая степень доктора наук, составил 51 год.

О кризисе воспроизводственной системы научной элиты говорит и тот факт, что в последние годы ВАК ежегодно утверждает в среднем только 50 докторских и около 520 кандидатских диссертаций. Динамика присуждения ученых степеней доктора и кандидата наук за период 2005–2012 гг. представлена на рис. 7.

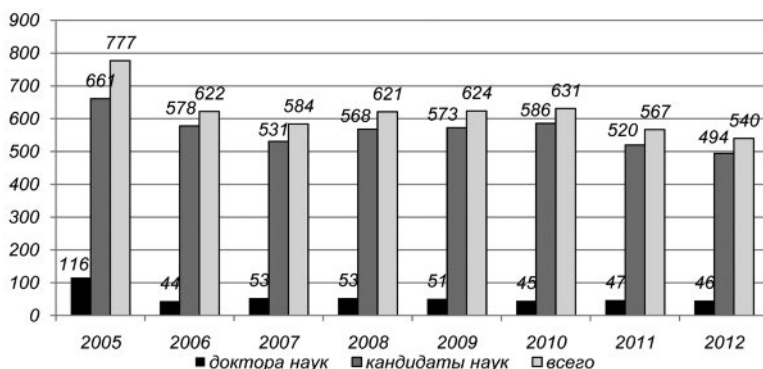

Рис. 7. Динамика присуждения ученых степеней доктора и кандидата наук за период 2005–2012 гг.

Здесь следует заметить, что за счет именно этого количества ежегодно утверждаемых новых докторов и кандидатов наук идет восполнение элитного слоя специалистов как в научной сфере, так и в системе высшего образования. При таком объеме подготавливаемых докторов и кандидатов наук не следует рассчитывать в ближайшей перспективе на качественное обновление и резкое омоложение белорусской научной элиты. Наоборот, учитывая тот факт, что сегодня средний возраст белорусских докторов наук 61 год, а также то обстоятельство, что Беларуси рассчитывать на масштабный приток иностранных мозгов не приходится, можно прогнозировать дальнейшее сокращение численности национальной научной элиты и критическое постарение докторского корпуса. Особенно это относится к элитному кадровому ядру естественных и технических наук.

Для решения указанных проблем воспроизводства научной элиты в Беларуси следует поставить вопрос о разработке и реализации целевой государственной программы «Научные и научно-педагогические кадры Республики Беларусь» на 2015–2020 гг. Цель данной целевой государственной программы – создание условий для эффективного воспроизводства научных и научно-педагогических кадров и закрепления молодежи в сфере науки, образования и высоких технологий, сохранения преемственности поколений в науке и образовании.

К основным задачам, решаемым этой целевой государственной программой, могут быть отнесены:

- модернизация системы финансирования фундаментальных научных исследований путем резкого увеличения абсолютного и относительного объема распределяемого на конкурсной основе грантового финансирования и повышения прозрачности конкурсных процедур;

- формирование прогрессивной квалификационной, отраслевой, возрастной и региональной структуры научных и научно-педагогических кадров в соответствии с приоритетами государственной научно-технической, образовательной и экономической политики в условиях инновационного развития национальной экономики на базе новейшей техники и высоких технологий;

- оптимизация на основе прогнозных показателей качественного состава и численности научных кадров в соответствии с приоритетными направлениями научно-технологического и инновационного развития важнейших отраслей экономики;

- создание реально конкурсной кадровой системы в сфере науки и образования, сделав ее гибкой и адаптированной к привлечению молодежи;

- обоснование траектории модернизации системы послевузовского образования и путей его интеграции в мировое образовательное пространство;

- создание исследовательского университета в системе НАН Беларуси;

- создание новых государственных и отраслевых научных фондов и грантовых программ; за счет грантовых механизмов способствовать притоку молодежи в первую очередь в сильные, работающие на мировом уровне научные коллективы;

создание обновленных организационных и правовых условий по проведению молодыми учеными научных исследований по приоритетным направлениям науки, образования и высоких технологий, по модернизации системы научно-исследовательской и учебно-исследовательской работы аспирантов и студентов в ведущих научных и образовательных центрах республики;

принятие мер к увеличению мобильности научных кадров путем развития системы стажировок молодых ученых в крупных научно-образовательных центрах, включая зарубежные;

развитие системы ведущих научных школ как среды генерации знаний и подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации;

разработка и внедрение системы среднесрочного и долгосрочного прогнозирования потребности в научных кадрах высшей квалификации в разрезе отдельных областей науки, приоритетных научных направлений, обеспечивающих ускоренное развитие высокотехнологичных производств;

ведение мониторинга развития кадрового потенциала науки Беларуси и его соответствия стратегическим приоритетам национальной экономики, включая мониторинг возрастного и квалификационного состава научных кадров высшей квалификации с целью его своевременного обновления.

M. I. ARTYUKHIN

SCIENTIFIC ELITE: CONDITION AND REPRODUCTION PROBLEMS

Summary

Data on current state of scientific elite of Belarus, its quantitative and qualitative structure are presented in the article. The special attention is paid to a branch structure of doctors and candidates of science in a context of its compliance of a stage of transition to innovative society. Problems of reproduction of scientific elite and its rejuvenation are considered. Measures for improvement of personnel policy in the scientific sphere and systems of reproduction of scientific elite in the conditions of Belarus are offered.

Keywords: scientific elite, elite identification, branch structure of staff, age structure, postgraduate study, doctoral studies, personnel policy.

Поступила 21.12.2013 г.

С. Н. КРОЙТОР,

*кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск*

НЕПРЕРЫВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ: СУЩНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ

В статье проведен анализ основных понятий, которые используются в современной науке для изучения непрерывного образования. Проведено исследование непрерывного образования как социального явления, рассмотрены его основные социальные функции, а также социальные институты, посредством которых оно реализуется.

Ключевые слова: образование, непрерывное образование, образование в течение всей жизни.

Основой эффективного функционирования современных экономик является быстрое развитие производственных технологий и наукоемких отраслей, а также оперативное внедрение инновационных разработок на производстве. Усиление динамики экономических процессов, в свою очередь, приводит к существенным изменениям на рынке труда. Рынок рабочей силы становится менее устойчивым и прогнозируемым, число традиционных рабочих мест сокращается, все большее распространение получают альтернативные формы занятости, появляется множество новых профессий и специальностей, изменяются требования к уже существующим профессиям. В этих условиях непрерывное образование становится важнейшим инструментом приведения трудовых ресурсов в соответствие с потребностями рынка труда, поскольку оно позволяет своевременно преодолевать разрыв в профессиональных навыках и умениях работников и способствует предотвращению роста структурной безработицы, что в конечном итоге обеспечивает эффективное развитие экономики и общества.

Кроме того, в последние десятилетия многие государства сталкиваются с проблемой уменьшения численности трудоспособного населения и увеличения среднего возраста работников, что является следствием деформации возрастной структуры населения в результате его естественной убыли и старения [3]. Эти процессы негативно отражаются на состоянии рынка труда, способствуют снижению качества трудовых ресурсов, приводят к увеличению нагрузки на работающих граждан. Наша страна не является исключением, и для Беларуси эта проблема стоит достаточно остро. Так, численность населения трудоспособного возраста в Республике Беларусь с 2006 по 2011 г.

снизилась с 5934 до 5749 тыс. чел., в то время как численность пенсионеров за тот же период увеличилась с 2586 до 2631 тыс. чел. [12, с. 32–33]. По прогнозам специалистов, в ближайшие десятилетия ожидается дальнейшее сокращение трудового потенциала страны и старение ее рабочей силы [1]. Это является серьезным вызовом для экономики нашего государства и порождает необходимость поиска мер, направленных на оптимизацию использования имеющихся в стране трудовых ресурсов, в частности, за счет обеспечения более эффективного участия людей старших возрастов в производственных процессах. В сложившейся ситуации этого можно добиться, прежде всего, за счет использования возможностей систем образования и здравоохранения, что, в свою очередь, будет способствовать раскрытию интеллектуального и творческого потенциала работников, а также сохранению их здоровья и работоспособности на протяжении длительного времени. Такая стратегия уже реализуется в ряде государств, например в Скандинавских странах [7]. На наш взгляд, она является перспективной и для Беларуси. Итак, проблема непрерывного образования является весьма актуальной в современных условиях, когда потребность в оперативном обновлении профессиональных знаний и навыков столь высока, а численность населения трудоспособного возраста устойчиво снижается. В чем заключается природа и социальная сущность непрерывного образования? Каковы его роль и функции в современном социуме? Каким образом и через какие социальные институты оно реализуется? На эти вопросы мы и попытаемся ответить в рамках данной статьи.

Однако, прежде чем приступить к анализу непрерывного образования как социального феномена, попытаемся выяснить, что представляет собой непрерывное образование как объект научного исследования и с помощью каких понятий оно изучается в современной науке. В настоящее время проблематика непрерывного образования разрабатывается в рамках нескольких наук социогуманитарного цикла, включая социологию, педагогику, культурологию, психологию, философию и др. И поскольку само непрерывное образование является относительно новым общественным явлением (развитие системы непрерывного образования в западных странах началось во второй половине XX в.), то и научные исследования, направленные на его изучение, до настоящего времени носили скорее поисковый, несистематический, точечный характер. Зачастую публикации, посвященные данной теме, отличались декларативностью, представляли собой скорее констатацию фактов, чем научные разработки. По этим причинам система категорий, которые используются для анализа непрерывного образования, на данный момент является недостаточно устоявшейся, понятия довольно «размыты», смысловые границы между ними не всегда четко определены, в ряде случаев категории «пересекаются» и даже противоречат друг другу.

При анализе проблематики непрерывного образования используется множество категорий. К ним относятся «образование в течение всей жизни» («пожизненное образование»), «непрерывное образование», «образование

взрослых», «возобновляющееся образование» и ряд других [2; 4; 9]. Прежде всего, попытаемся разобраться в том, как перечисленные категории соотносятся между собой. Начнем с того, что все они являются достаточно близкими в концептуальном плане, поскольку конструируются, исходя из общей идеи о том, что образование в современном контексте представляет собой процесс постоянного становления и развития личности и специалиста, не имеющий какого-либо конечного результата. По мнению теоретиков данного направления, обучение современного человека и специалиста не должно ограничиваться получением основного образования, а предполагает постоянную активность, направленную на совершенствование знаний и навыков (как профессиональных, так и напрямую не связанных с профессией), их расширение и оптимизацию, приобретение новых компетенций, саморазвитие и самосовершенствование. Все вышеупомянутые понятия каким-то образом конкретизируют именно эту идею, раскрывая ее под разными углами, т. е. один и тот же набор категорий служит для построения различных подходов к изучению непрерывного образования.

Так, понятие «образование в течение жизни» (life-long learning) акцентирует внимание на том, что образовательная деятельность современного человека реализуется от его рождения до смерти и не имеет четко выраженного начала и конца. В рамках понятия непрерывного образования (continuing education) акцент смещается на процессуальную сторону образования. Специалисты, работающие с этим понятием, как правило, рассматривают процесс получения индивидом образования как некий континуум, подчеркивая, что индивид постоянно, в каждый момент времени вовлечен в различные виды образовательных практик [8; 10]. «Возобновляющееся образование» (resurgent education) подразумевает чередование образования с другими видами социальной деятельности. Это понятие раскрывается, прежде всего, через идею о том, что индивиду необходимо периодически прерывать свою трудовую деятельность, чтобы привести свой образовательный уровень в соответствие с изменяющимися потребностями рынка труда. В основе понятия «образование взрослых» (adult education) лежит идея о том, что осуществлять образовательную деятельность необходимо независимо от возраста. Сторонники этого подхода подчеркивают, что образовательная деятельность сегодня особенно важна для людей старшего поколения, поскольку для них образование является условием не только успешного включения в трудовые практики, но и способом адаптации к стремительно меняющимся реалиям общества (возникновение и распространение новейших средств коммуникации, появление нового оборудования, потребность во владении иностранными языками и т. д.).

В ходе представленного нами краткого разбора содержание понятий сознательно несколько упрощено. Это было сделано для того, чтобы добиться некой однозначности и стройности терминологии, упростить задачу оперирования категориями для анализа исследуемого социального явления в рамках данной публикации. Кроме того, это упрощение не мешает нам увидеть

главное: независимо от того, какая из категорий считается первостепенной при анализе феномена непрерывного образования, сама непрерывность всегда рассматривается в двух аспектах. С одной стороны, непрерывное образование предстает как инструмент достижения соответствия уровня квалификации работников потребностям экономики и общества. С другой стороны, оно воспринимается как важнейшее средство и условие поддержания конкурентоспособности отдельного индивида на рынке труда, расширения его возможностей в других сферах жизни, повышения качества жизни, как наиболее успешная форма социальной адаптации и мобильности [5; 13].

Каковы же основные характеристики непрерывного образования, отражающие его природу и сущность? Во-первых, это *«продолженность» образования во времени*. Сама идея непрерывного образования опирается на то, что если раньше образование получали на всю жизнь, и образовательная деятельность, завершившись в определенный момент жизни индивида, уступала место трудовой, то в современном контексте образовательные практики реализуются в течение всей жизни человека, т. е. образовательная траектория по своей протяженности совпадает с жизненной.

Во-вторых, сущностной чертой непрерывного образования является *континуальность образовательной активности* человека. Эта континуальность подразумевает «пронизанность» образовательной деятельностью каждого момента жизни индивида, сочетание образования с другими видами социальной активности, в частности, с трудовой, досуговой и другими видами деятельности. В этой связи содержание самого понятия образования в современной науке несколько видоизменяется и расширяется [5; 6; 14]. Под ним все чаще начинают понимать не только и не столько деятельность по формированию и совершенствованию профессиональных компетенций, осуществляемую в рамках традиционных образовательных учреждений, сколько любую познавательную активность человека, направленную на получение новой информации самого разного характера и осуществляемую посредством как формальных образовательных структур, так и в ходе участия в практиках неформального образования, а также реализации практик самообразования.

В-третьих, важнейшей чертой непрерывного образования как системы является *преемственность* образовательных практик, плавные, сглаженные переходы от низших ступеней образования к высшим. Эта плавность достигается за счет того, что образовательный путь человека не ограничивается рамками традиционной школы, он принимает участие в различных видах образовательной деятельности, и знания, полученные в рамках каждого из них, дополняют и уточняют друг друга.

Какие именно образовательные структуры обеспечивают современному человеку возможность получения непрерывного образования? Разумеется, в условиях, когда динамика экономических и социальных процессов чрезвычайно высока, традиционных образовательных институтов (школа, техникум, вуз) оказывается недостаточно для решения актуальных задач как общества

(в первую очередь, эффективное функционирование производственных систем), так и отдельного индивида (конкурентоспособность на рынке труда). В этой связи возникает множество новых типов образовательных структур, растет разнообразие форм и видов образовательной деятельности [11]. Традиционные образовательные учреждения, хотя и продолжают оставаться основными опорными элементами системы образования, существенно расширяют свои функции и зачастую транслируют знания посредством новых организационных форм. Поскольку сегодня усиливается потребность в постоянном повышении квалификации и переподготовке специалистов, в рамках традиционных учреждений образования создаются соответствующие образовательные возможности. Кроме того, в последние десятилетия мы становимся свидетелями все более широкого распространения институтов неформального образования – обучающих семинаров, лекториев, кружков по самым разным темам и направлениям, которые реализуются через множество каналов, включая Интернет, средства массовой информации и др. Важнейшим звеном в системе непрерывного образования являются также практики самообразования и самообучения.

Однако принципиально важной особенностью образовательных практик в условиях реализации концепции непрерывного образования является не стремительно возрастающее количество образовательных институтов и даже не растущее разнообразие форм и видов образовательной деятельности. Главное – это то, что не образовательное учреждение, а индивид становится тем импульсом, который задает определенное направление получения образования, формирует собственную образовательную траекторию и конструирует персональную образовательную программу, выбирая и осваивая те знания, которые нужны именно ему [14]. Поэтому четвертой сущностной чертой непрерывного образования является то, что оно *невозможно без активной роли индивида*, который сознательно и целенаправленно овладевает новыми знаниями.

Далее переходим к анализу основных функций непрерывного образования в обществе. Прежде всего, к ним относится *оптимизирующая* функция, которая сводится к обеспечению соответствия качественного и количественного состава трудовых ресурсов потребностям рынка труда. Непрерывное образование выполняет также *познавательную* функцию. Она заключается в том, что в ходе образовательной деятельности индивид получает некую информацию, знания. *Адаптационная* функция означает, что непрерывное образование помогает индивиду приспособиться к многочисленным изменениям, составляющим неотъемлемую часть образа жизни современного индивида и работника. Эти изменения могут быть вызваны, например, необходимостью повышения или расширения профессиональной квалификации, потребностью в смене профессии или специальности либо необходимостью приспособления к меняющимся условиям жизни. *Развивающая* функция подразумевает, что в ходе участия в практиках непрерывного образования индивид не только получает какую-либо информацию, совершенствует свои профессиональ-

ные знания и навыки, но и удовлетворяет свои интеллектуальные, творческие, эмоциональные, культурные потребности. *Социализирующая* функция связана с тем, что непрерывное образование позволяет индивиду осваивать нормы и правила социальной деятельности и социального взаимодействия, т. е. становиться активным участником жизни социума, успешно реализовывать различные виды социальных практик (трудовые, коммуникативные, досуговые и др.). Социализирующая функция тесно связана с аксиологической. *Аксиологическая* функция заключается в том, что в ходе образовательной деятельности индивид усваивает определенные ценности, которые принимаются им в качестве базовых ориентиров своей социальной деятельности и в соответствии с которыми он выстраивает свое социальное поведение.

Итак, в рамках данной статьи мы рассмотрели основные функции непрерывного образования, проанализировали его сущностные черты, проследили, какие понятия используются в научной литературе для исследования непрерывного образования. Автор планирует продолжать анализ феномена непрерывного образования в своих дальнейших публикациях, в частности, больше внимания уделить анализу состояния и перспектив реализации концепции непрерывного образования в современной Беларуси.

Литература

1. World Population Prospects, the 2012 Revision / United Nations, department of economic and social affairs // Population division, population estimates and projections sector [Electronic resource]. – Mode of access: http://esa.un.org/unpd/wpp/unpp/panel_indicators.htm. – Date of access: 15.06.2013.
2. Веремейчик, Г. Народные высшие школы в Швеции: вчера, сегодня, завтра / Г. Веремейчик, М. Малинина // Адукатар. – 2011. – № 1 (11). – С. 38–46.
3. Вторая Всемирная ассамблея по вопросам старения (Мадрид, Испания, 12 апреля 2012 года) // Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/conferen/ageing/facts.htm>. – Дата доступа: 19.06.2013.
4. Зайцева, О. В. Непрерывное образование: основные понятия и определения / О. В. Зайцева // Вестн. ТГПУ. – 2009. – Вып. 7 (85). – С. 106–109.
5. Иноземцев, В. Л. Специфические особенности европейской социальной модели: к оценке роли неэкономических факторов в развитии современных европейских обществ / В. Л. Иноземцев // Современная Европа. – 2004. – № 1. – С. 87–99.
6. Ищенко, Н. С. Тенденции развития дополнительного образования взрослых за рубежом / Н. С. Ищенко // Инновации и подготовка научных кадров высшей квалификации в Республике Беларусь и за рубежом: материалы междунар. науч.-практ. конф.; под ред. И. В. Войтова. – Минск: БелИСА, 2008. – 316 с.
7. Кому в Беларуси не дают учиться // Open.by [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.open.by/country/31056>. – Дата доступа: 20.06.2013.
8. Липкина, И. Н. Система образования взрослых в Германии: учеб.-метод. пособие / И. Н. Липкина, В. П. Тарантей. – Гродно: ГрГУ, 2001. – 104 с.
9. Меморандум непрерывного образования Европейского Союза (Брюссель, 2000) // Адукатар. – 2006. – № 2 (8). – С. 24–27.
10. Непрерывное образование в контексте образовательных реформ в Украине: монография / В. И. Астахова [и др.]; под общ. ред. В. И. Астаховой. – Харьков: НУА, 2006. – 300 с.

11. Непрерывное образование: гибкость и рост / Элитариум: Центр дистанционного образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.elitarium.ru/2010/09/29/nerpreryvnoe_obrazovanie.html. – Дата доступа: 19.06.2013.

12. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2012: стат. сб. / Минстат Респ. Беларусь. – Минск, 2012. – 712 с.

13. Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы / пер. с англ. – М.: Весь Мир, 2003. – 232 с.

14. Глобализация образования: Тенденции и перспективы: Интервью Лины Клебановой с Петром Щедровицким [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://futureisrael.h1.ru/Vesti/Kleb3.htm>. – Дата доступа: 11.10.2011.

S. N. KROITOR

LIFE-LONG EDUCATION IN THE CONTEMPORARY CONTEXT: NATURE AND MAIN FUNCTIONS

Summary

The analysis of main notions used in the contemporary science for life-long learning was held. The study of life-learn education as a social phenomenon was conducted and its main social functions and social institutions by means of which it is realized are analyzed in the article.

Keywords: education, continuing education, long-life learning.

Поступила 21.12.2013 г.

С. В. КОСТЮКЕВИЧ,

*кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск*

ФЕНОМЕН УНИВЕРСИТЕТСКИХ РЕЙТИНГОВ: В ПОИСКАХ УНИВЕРСИТЕТА МИРОВОГО КЛАССА

На основе зарубежных публикаций в статье анализируются мировые рейтинговые системы: ARWU, QSWUR и THEWUR. Автор показывает, что создание рейтинговых систем детерминировано проблемой поиска лидерства и конкурентоспособности на глобальном уровне.

Ключевые слова: рейтинговая система, лидерство, элитное образование.

Введение: озабоченность стать лидером. В современном высококонкурентном мире многие страны озабочены созданием университетов мирового уровня. В сущности, из-за этой озабоченности и возник такой недавний социальный феномен, как «рейтинги университетов». Soh Kay Cheng из Nanyang Technological University (Сингапур) в статье «Зеркало, зеркало на стене: пристальный взгляд на десятку первых университетов в мировых рейтингах», опубликованной в журнале «European Journal of Higher Education» в 2011 г., считает, что «в настоящее время есть три основные международные системы определения рейтинга университетов, а именно: академический рейтинг университетов мира (ARWU), QSWUR и самый последний THEWUR» [1, с. 78]. Отметив, что ARWU стартовал в 2003 г. в the Shanghai Jiao Tong University в Shanghai (Шанхай), China (Китай), он сравнивает 1200 высших учебных заведений по всему миру ежегодно. Первоначальная цель этой системы (т. е. ARWU) заключалась в том, чтобы выявить параметры, делающие университеты университетами мирового класса (Liu and Cheng 2005; Liu, Cheng, and Liu 2005). Она реализовывалась через качественное описание факторов лучших университетов по всему миру, их ранжирование. Однако первоначальная цель отошла на второй план, а ранжирование (рейтинг) стало главным интересом университетов [1, с. 78].

Итак, желание Китая определить, что представляет собой «университет мирового класса» с тем, чтобы затем создать подобного рода университеты в Китае, привело к тому, что собранная информация о ведущих университетах мира была представлена в ранжированном виде. Так не целенаправленно, а в качестве побочного эффекта устремленности к лидерству возник феномен «рейтинг университетов», который, таким образом, напрямую связан с характеристиками «лучший университет», «университет мирового класса». В этой

связи рейтинги интересны тем, что их методологическая база расшифровывает представление создателей рейтинговых систем о том, что представляет собой «лучший университет».

Очевидно, что феномен рейтингов – это результат глобализации мира, международной конкуренции и стремления к лидерству. Кэтрин Мохрмен пишет: «Руководство Китая стремится создать систему высшего образования, обладающую высоким международным авторитетом и обеспечивающую образование высшего качества для будущих лидеров нации. В 1998 г. президент страны поставил цель создать в Китае университеты мирового класса» [2, с. 38]. Закономерно задать вопрос «Что представляет собой университет мирового уровня?» Уже цитировавшаяся Кэтрин Мохрмен отвечает на этот вопрос так: «Пока не существует однозначного представления об университетах мирового уровня. По мнению китайских экспертов, определяющим критерием является наибольшее число публикаций в международных журналах, прежде всего естественнонаучных. Другие же критерии перекликаются с аналогичными американскими – большие деньги и большие площади, известная профессура и современное лабораторное оборудование» [2, с. 38].

Согласуясь с подобным представлением, рейтинговая система ARWU, стартовавшая в Шанхайском университете, берет в качестве показателей (характеристик, индикаторов) «мирового уровня университета», главным образом, сугубо академические показатели. Приведем табл. 1 из статьи Soh Kay Cheng «Зеркало, зеркало на стене: пристальный взгляд на десятку первых университетов в мировых рейтингах» [1, с. 79].

Как можно видеть из табл. 1, указанные рейтинговые системы имеют разные акценты. Как пишут авторы статьи «Рейтинги мировых университетов как инструмент управления качеством образования», выделяя акцент каждого из рейтингов, ARWU считает, «что главной деятельностью вуза является научно-инновационная результативность» [3, с. 14]. И иронично добавляют: «Это напоминает синдром нарциссизма – любованье собой. Напрашивается вопрос: “А где же высшее образование в вузе?”» [3, с. 14]. Ирония относится к тому, что рейтинговая система ARWU концентрируется на подсчете результатов прежде всего научно-исследовательской деятельности вуза (количество нобелевских лауреатов, количество высокоцитируемых исследователей, работающих в вузе, количество статей, опубликованных сотрудниками вуза в журналах Nature и Science и т. д.), оставляя в тени собственно преподавательскую (учебную) сторону деятельности вуза. Впрочем, ирония у авторов статьи вызывает и рейтинговая система QSWUR. Они пишут: «Большинство исходных данных рейтинга были получены через субъективные оценки выпускников либо работодателей... Если вновь перейти на образы, то можно сказать, что мнения соседей о вас – главный показатель качества вашей жизни, выступающий важнее условий квартиры, в которой вы живете» [3, с. 15].

Ирония авторов в отношении QSWUR оправдана тем, что, действительно, первые две позиции (табл. 1) представляют собой результат, хотя и эксперт-

Таблица 1. Индикаторы трех университетских рейтинговых систем

ARWU	QSWUR	THEWUR
Выпускники университета, получившие Нобелевскую премию и медаль Филдса (по математике) (10 %)	Academic peer review (40 %) Оценка равными друг друга (40 %) или академическая экспертная оценка	Преподавание (30 %)
Персонал университета, получивший Нобелевскую премию и медаль Филдса (20 %)	Employer/recruiter review (10 %) Оценка работодателя/рекрутера (10 %)	Исследования (30 %)
Высокоцитируемые исследователи (20 %)	Индекс цитирования на одного члена профессорско-преподавательского состава (20 %)	Цитирование (32,5 %)
Статьи, опубликованные в журналах Nature and Science (20 %)	Соотношение «студенты-преподаватели» (20 %)	Доходы от промышленности (2,5 %)
Индекс цитирования в естественных науках и Индекс цитирования в социальных науках (20 %)	Число иностранных студентов (5 %)	Международный состав (иностранные студенты и преподаватели) (5 %)
Академические показатели, указанные выше, в расчете на число академического персонала на полной ставке (10 %)	Число иностранных преподавателей (5 %)	

Источник: Soh (n.d.).

ной, но, все же, субъективной оценки. Academic peer review (оценка равными друг друга или академическая экспертная оценка), как пишут авторы статьи «Рейтинги мировых университетов как инструмент управления качеством образования», основывается на том, что «составители рейтинга проводят собственный экспертный опрос академических деятелей всего мира. Каждый респондент называет не более 30 лучших университетов в его области. После этого ответы респондентов суммируются» [3, с. 16]. Employer/recruiter review (оценка работодателя/рекрутера) основывается на том, что «составители рейтинга проводят собственный экспертный опрос профессиональных рекрутеров всего мира. Каждый респондент называет вузы мира, из которых они хотели бы набрать сотрудников. После этого ответы респондентов суммируются» [3, с. 16].

Возможно, цитата из статьи Soh Kay Cheng «Зеркало, зеркало на стене: пристальный взгляд на десятку первых университетов в мировых рейтингах» прояснит, почему рейтинговая система QSWUR так широко использует экспертные оценки. «В 2004 году QSWUR был задуман независимо от ARWU. QSWUR ранжирует 500 лучших университетов мирового уровня и делает это ежегодно с тех пор. Результаты этого рейтинга публикуются в сотрудничестве с Times Higher Education. Потребность в международном рейтинге универ-

ситетов была акцентирована в 2003 г. в обзоре о сотрудничестве университетов и индустрии в Великобритании и для того, чтобы помочь Великобритании оценить глобальную репутацию своих университетов. Вот явное желание ранжировать, и определение рейтинга стало основной целью» [1, с. 78].

Итак, в отличие от авторов ARWU, которые руководствовались не созданием рейтинга, а желанием понять, что представляет собой университет мирового уровня с тем, чтобы создавать подобный тип университета в Китае, авторы QSWUR целенаправленно создавали именно рейтинговую систему, которая должна была определить не «лучший университет» (как стремились авторы ARWU), а степень сотрудничества университетов и индустрии в Великобритании и помочь Великобритании оценить глобальную репутацию своих университетов. Глобальная репутация университетов интересовала Великобританию не просто так, а потому, что эта страна делает ставку на экспорт образовательных услуг. QSWUR, таким образом, интересовало не количество Нобелевских лауреатов и число статей в лучших научных журналах, а такие вещи, как «репутация университета» и «сотрудничество университета и профессионального рынка труда». Согласитесь, что подсчитать эти вещи не просто, и без помощи экспертных оценок, в данном случае, не обойтись.

Если ARWU концентрируется на научно-исследовательской деятельности вуза, то QSWUR оценивает, прежде всего, преподавательскую (учебную) работу вуза в контексте его социальной функции и коммерческих результатов.

Итак, стремление Китая создать университеты мирового класса и стремление Великобритании наращивать экспорт образовательных услуг содействовали и появлению рейтинговых систем, и их широкой популярности, поскольку очень многие страны в современном высококонкурентном и глобализирующемся мире заинтересованы и в том, чтобы иметь университеты мирового уровня, и в том, чтобы наращивать экспорт образовательных услуг. Soh Kay Cheng пишет: «Образование (особенно высшее образование) рассматривается как главное средство для конкурентоспособности, поэтому совсем не удивительно, что так много внимания уделяется университетским рейтингам» [1, с. 78].

Продолжая анализ рейтинговых систем, перейдем к THEWUR (табл. 1) и прочтем, что пишет об этой системе Soh Kay Cheng: «Позже, в 2009 г., Times Higher Education объявила, что она будет производить ее собственный рейтинг, используя новый набор индикаторов, это дало рождение THEWUR, ее первая публикация результатов рейтинга была в 2010. Потребность в новой рейтинговой системе была продиктована тем, что систему QSWUR критиковали университеты принципиально по методологическим позициям, таким как “предвзятое отношение к гуманитарным наукам” и “благосклонность в пользу естественных наук” (QS World University Rankings 2011)» [1, с. 78].

THEWUR является попыткой сбалансировать преподавание, научные исследования и публикации – эти три важнейшие функции университета,

THEWUR также принимает во внимание глобализацию высшего образования (вот почему подсчитываются доходы от промышленности и количество иностранных студентов и преподавателей) (табл. 1).

Российские вузы в мировых рейтингах: интегрироваться или создавать собственные рейтинговые системы? Российские авторы пишут: «В качестве относительно слабых мест образования в России международные статистические исследования констатируют в последние годы две позиции: недостаточную функциональную грамотность школьников (на фоне США) и низкий академический рейтинг российских университетов» [4, с. 26]. Причину низких рейтингов российских университетов президент МГТУ им. Н. Э. Баумана, академик РАН И. Б. Федоров объясняет отсутствием интегрированности академического сообщества России в мировое сообщество. В интервью главному редактору журнала «Alma mater» (Вестник высшей школы) Л. Г. Тюриной он сказал: «Для нас система выдвижения нобелевских лауреатов пока еще остается закрытой. Дело в том, что в стране имеются научные достижения, которые признаются на Западе. Однако мы все равно выпадаем из этого процесса, потому что до сих пор связи с западными коллегами у нас не очень развиты. А зарубежные ученые друг друга хорошо знают, они постоянно контактируют, знают, кто чем занимается. Поэтому когда идет выдвижение претендентов на премию, фамилии российских ученых называются реже, чем иностранных, даже если они одного уровня» [5]. На уточняющий вопрос Л. Г. Тюриной: «Это связано с тем, что российская наука пока существует обособленно и не является частью мирового пространства научных исследований?» – академик И. Б. Федоров ответил: «Да, в какой-то степени в этом. По крайней мере, за рубежом российскую науку знают меньше, чем свою собственную. А как следствие, у нас нобелевских лауреатов меньше, чем могло быть. А в международных рейтингах это очень важный критерий» [5].

Помимо слабой интеграции с мировым сообществом, И. Б. Федоров также указывает на еще одно препятствие, мешающее российским вузам добиваться высоких рейтингов: речь идет о связи науки, образования и бизнеса, которая является сильной на Западе и слабой в России. Академик И. Б. Федоров указывает на так называемый Endowed Funds¹ и говорит, что этот Фонд направлен «на поддержку вузов коммерческими структурами. На Западе это очень развито, а у нас это практически отсутствует. Большинство из олигархов не вкладывает деньги в образование. Так что по этому важному критерию мы «пролетаем»» [5]. Итак, мировое научное сообщество плохо знает российских ученых, что сказывается на показателе рейтингов «количество нобелевских лауреатов» и, во-вторых, российский бизнес финансово не поддерживает науку и образование в России, тем самым показатель по Endowed Funds для российских вузов является низким.

¹ Endowed Funds – фонд пожертвований (благотворительный фонд); специально открытый в банке счет, доход с которого используется в определенных целях.

Учитывая стремление России стать одним из лидеров на рынке образовательных услуг, что диктует необходимость повышения репутации и, в целом, известности российских вузов, ректор МГУ В. А. Садовничий предложил разработать российскую рейтинговую систему, поскольку западные рейтинговые системы не учитывают сильные стороны российского образования [5]. Собственные рейтинги позволяют России делать акцент на тех показателях, которые выгодно отличают российское высшее образование.

Прочтем выдержку из статьи «МГУ в рейтингах» в Википедии: «МГУ занимает устойчивое первое место среди вузов России в российских рейтингах и в выборке российских вузов из международных рейтингов. МГУ – единственный вуз России, представленный практически во всех мировых рейтинговых системах. По состоянию на 2012 год занимает 80-е место в «шанхайском» академическом рейтинге университетов мира... В рейтинге *QS World University Rankings* по состоянию на 2011 год МГУ занимал 112-е место... в 2012 опустился на 116-е. Однако в международном рейтинге *High Impact Universities по индексу успешной исследовательской деятельности за 2010 год МГУ занимает лишь 415-е место*. В 2012 году МГУ не удалось войти в репутационный рейтинг *Times Higher Education World University Rankings* ^{ru}_{en} 100 ведущих университетов мира. В 2011 г. МГУ занимал 33-ю строчку этого рейтинга. В 2013 году МГУ вновь вошел в сотню лучших мировых вузов и занял 50-е место... Среди возможных причин низкого рейтинга российских вузов – невысокая цитируемость научных текстов на русском языке и бюрократия» [6].

Следует заметить, что сосредоточенность на разработке российских рейтингов, а сейчас будет создаваться и рейтинговое агентство для стран ЕврАзЭС [7], отвлекает внимание и силы от другого, очень важного, вопроса: элитного образования. Поскольку именно элитные вузы занимают лидирующие позиции в уже имеющихся мировых рейтингах, есть необходимость сосредоточиться не только на создании рейтинговых систем, но и на развитии элитного образования.

Мировые рейтинги и элитное образование. Следует обратить внимание на то, что в мировых рейтинговых системах – ARWU, QSWUR, THEWUR лидируют университеты, которые могут быть названы элитными вузами. Сравнивая десять первых университетов в мировых рейтингах, Soh Kay Cheng в статье «Зеркало, зеркало на стене: пристальный взгляд на десятку первых университетов в мировых рейтингах» пишет: «...только 6 университетов появляются во всех трех рейтинговых системах в их списках 10 лучших университетов. Это Кембридж, Гарвард, MIT (Массачусетский технологический институт), Оксфорд, Калифорнийский технологический институт и Принстон. Из них два – британских университета и четыре – американских» [1, с. 82]. И далее в Soh Kay Cheng показывает позиции данных университетов в мировых рейтинговых системах: ARWU, QSWUR и THEWUR (табл. 2).

Таблица 2. Топ-6 университетов в трех рейтинговых системах

	QSWUR	THEWUR	ARWU
Cambridge	1	2	2
Harvard	2	1	1
MIT	3	1	2
Oxford	3	2	4
California IT	3	1	3
Princeton	4	2	3

Итак, можно видеть, что в табл. 2 представлены элитные вузы Великобритании (Оксфорд и Кембридж) и элитные вузы США (Гарвардский университет, Массачусетский технологический институт, Калифорнийский технологический институт и Принстонский университет).

Не предполагая в данной статье дискуссию о том, что такое элитные вузы и могут ли 6 указанных вузов подпадать под определение «элитный вуз» согласно теоретическим представлениям, примем во внимание тот факт, что в общественном мнении эти вузы ассоциируются с представлением о лучшем образовании в мире.

Итак, можно предположить, что именно элитные вузы могут обеспечить стране возможность быть представленной в топ-десятке в мировых рейтингах. Вузы статусом ниже элитного такой возможности не дают. Возможно поэтому следует сосредоточиться на развитии элитного образования как фактора, который обеспечивает стране высокую репутацию и широкую известность ее высшего образования. Таким образом, создавая репутацию, элитное образование помогает стране продвигать свои интересы на рынке образовательных услуг.

Не следует забывать, что Советский Союз имел опыт создания элитных вузов (например, МФТИ – Московский физико-технический институт), которые прославили советскую высшую школу, обеспечив лидерство СССР в области военных и космических технологий. Всем хорошо известно, что репутация советского высшего образования была очень высокой (советское образование считалось одним из лучших в мире). При этом, однако, следует трезво осознавать, что высокая репутация советского высшего образования была заработана не рядовыми вузами, а элитными техническими вузами и теми классическими университетами, в которых существовала сильная наука.

Элитное образование: в СССР и в современной России. После Второй мировой войны «потребность в создании и производстве атомного и термоядерного оружия, развитии реактивной авиации и ракетной техники, строительстве атомного подводного флота привела советское руководство к выводу о необходимости ускоренного развития науки и военной промышленности, чтобы выиграть соперничество с коалицией Западных стран. Реализовать эти планы можно было только при наличии ученых и инженеров очень высокого уровня» [8, с. 46]. Вот почему в Советском Союзе была взята установка на создание элитных вузов (здесь следует упомянуть знаменитый Физтех –

Московский физико-технический институт, который стал флагманом научно-технического образования в стране). В статье «Станет ли Россия высокотехнологичной страной?» Е. Смирнов пишет: «Выдающимся социальным изобретением послевоенного советского периода стало создание образовательной системы физтеха (МФТИ), оставившей исторический след в развитии не только военно-промышленного комплекса, для подготовки специалистов которого она первоначально и создавалась, но и всей системы образования, науки, промышленности...» [9, с. 34].

Подчеркнем: развитие элитного технического образования было частью советской стратегии по обеспечению инновационного лидерства в области военных и космических технологий. Однако элитные вузы внесли значительный вклад не только в развитие военно-промышленного комплекса, но и в инновационное развитие общества в целом. Так, например, общеизвестно, что МФТИ, разрабатывая передовые технологии и готовя научные и педагогические кадры для других вузов, подтягивал профессиональную подготовку в других технических вузах СССР до уровня, который позволял их выпускникам работать с этими технологиями. Более того, как пишут представители МФТИ Н. Карлов и Н. Кудрявцев: «Не будет большим преувеличением сказать, что вся научно-исследовательская часть наукоемкой составляющей всех новых отраслей народного хозяйства была делом выпускников Физтеха» [10, с. 18]. Что еще важно подчеркнуть? Выпускники Физтеха внесли огромный вклад в создание высокой репутации советского высшего образования.

Когда интересы оборонной и космической промышленности перестали быть в центре внимания российского (постсоветского) правительства, МФТИ, а также другие элитарные вузы России стали приходить в упадок, их выпускники вынуждены были искать работу на Западе. Это подтверждает следующая цитата представителей МФТИ Н. Карлова и Н. Кудрявцева: «...мы бедствуем финансово и организационно» [10, с. 20]. Это было сказано в 2004 г. Итак, можно предположить, что один из пунктов советской образовательной политики – акцент на культивировании элитного научно-технического образования – не имеет преемственности в современной России.

Что ожидает элитарные вузы в постсоветской России? Н. Карлов и Н. Кудрявцев пишут: «И перед нами, создавшими в свое время уникальную, лучшую в мире систему подготовки элитных кадров для обеспечения научно-технического прогресса, снова вопрос: а каковы задачи Физтеха сегодня?» [10, с. 18]. Вопрос задан, но ответ пока не известен. Впрочем, авторы статьи предполагают: «Похоже, Россия в настоящее время вступает в фазу возрождения своей государственности. Геополитические соображения перестают быть в небрежении. Если это верно, то недалеко то время, когда начнет возрождаться оборонная промышленность. А как показали 50 лет нашей истории, с 40-х до 90-х гг. прошлого века, система Физтеха была и остается наиболее подходящей для обеспечения этой работы квалифицированными кадрами» [10, с. 20]. Как видим, свое будущее МФТИ связывает, главным образом, с оборонной промышленностью.

Итак, советские элитные вузы обеспечивали развитие науки и технического прогресса, в частности, они внесли огромный вклад в то, что СССР стал одним из лидеров в области военных и космических технологий, и в силу этого содействовали высокой репутации советского образования. Современная Россия, судя по заявлениям представителей МФТИ, не делает акцента на развитии научно-технического прогресса. Судя по заявленной политике, современные лидеры России сосредоточены главным образом на завоевании мировых рынков. Однако по-прежнему эксплуатируется такой фактор, как «элитное образование». Прочтем об этом в статье Марии Осиповой «Эксперт: Евросоюз войну с “Газпромом” уже практически проиграл», которая пишет о том, что лидирующие позиции на энергетическом рынке Европы Россия завоевала во многом благодаря созданию в конце 1990-х гг. специального элитного учебного заведения, так называемого Международного института энергетической политики и дипломатии (МИЭП). Осипова пишет: «... есть в России еще один институт, роль которого в успехе энергетической политики и дипломатии России за рубежом столь велика, что о нем хотелось бы поговорить отдельно. Речь идет о созданном в конце 90-х годов Международном институте энергетической политики и дипломатии, который в свое время создал внутри себя пять совместных НИИ с Италией, Исландией, Норвегией, Францией и, разумеется, с Германией. Руководители ведущих мировых энергетических компаний (не только российских) читают в нем лекции. Студенты проходят практику в этих компаниях, а некоторые – даже остаются там работать» [11].

Как видим, Советскому Союзу удалось создать элитный научно-технический вуз в лице МФТИ, который предлагал «уникальную, лучшую в мире систему подготовки элитных кадров для обеспечения научно-технического прогресса». В итоге это помогло Советскому Союзу выйти в разработку военных и космических технологий на мировой уровень. Современной России удалось создать элитный энергетический вуз в лице МИЭП, который готовит элитные кадры для энергетической отрасли России. Это помогло России выйти в мировые лидеры на энергетическом рынке. Таким образом, дважды элитное образование было использовано как фактор инновационного прорыва, и дважды это имело успех.

Помимо советского МФТИ и постсоветского МИЭП, сегодня в России создается еще один уникальный элитный вуз: речь идет о Сколковском институте науки и технологий (Сколтех), который уже начал набор студентов по некоторым программам. Сколтех создается по аналогии и при помощи Массачусетского технологического института (MIT, США). Данный вуз будет готовить новое поколение исследователей и предпринимателей и создавать новые технологии, делая акцент на предпринимательской и инновационной деятельности. Создание Сколтеха указывает на новый вектор в российской политике: осознание того, что завоевание глобальных рынков тесно связано с развитием инновационных технологий в стране. Как сказал Олег Алексеев, вице-прези-

дент Сколково, «чтобы контролировать рынки, нужно контролировать технологии» (выступление в передаче Learning world по каналу Euronews).

Сколтех призван помочь России создать сильную экономику с большим сегментом high tech. И, возможно, со временем этот вуз сможет занять высокую позицию в мировых рейтингах, как его американский аналог: в рейтинговой системе ARWU Массачусетский технологический институт занимает 2-ю позицию, в рейтинге QSWUR – 3-ю и в THEWUR – 1-ю.

Ставка на элитное образование, зарекомендовавшая себя и в истории советского высшего образования, и в современном российском образовании, должна помочь России создать университеты мирового класса. Именно эти университеты, со временем, помогут исправить ситуацию с низкими академическими рейтингами российских вузов.

Следует обратить внимание на тот факт, что смена политического курса не должна влиять на судьбу университетов мирового класса, как это случилось в случае с МФТИ, который претерпел резкое ухудшение своего положения (финансового, кадрового и т. д.). Университеты мирового класса – это достоинство страны и ее национальная гордость, и их благополучие должно быть сохранено при любых сменах политического режима или политического курса.

Университеты мирового уровня являются условием лидерства страны в мировых рейтинговых системах. С учетом того, что рейтинги стали важным элементом в современном высококонкурентном мире, и они влияют на репутацию страны в сфере высшего образования, наличие элитных вузов (вузов мирового уровня) является гарантией того, что страна (в лице своих университетов) может рассчитывать быть представленной в сотне или даже десятке лучших вузов мира.

Заключение. Еще раз обратимся к цитате Кэтрин Мохрмен: «Руководство Китая стремится создать систему высшего образования, обладающую высоким международным авторитетом и обеспечивающую образование высшего качества для будущих лидеров нации. В 1998 г. президент страны поставил цель создать в Китае университеты мирового класса» [2, с. 38]. Стремление Китая создать университеты мирового уровня способствовало появлению феномена мировых рейтингов и, в свою очередь, мировые рейтинги актуализировали дискуссию о том, что можно считать лучшим университетом (университетом мирового уровня).

Дух конкуренции (и состязательности), который был внесен в мировое академическое сообщество феноменом рейтингов, содействует стремлению вузов стать лучше: предлагать более качественное образование и проводить более значительные исследования. Благодаря этому вузы могут рассчитывать на увеличение экспорта образовательных услуг. Таким образом, рейтинговые системы выполняют полезную роль в обществе, хотя их методологические основания все еще вызывают острые дискуссии.

Литература

1. *Soh Kay Cheng*. Mirror, mirror on the wall: a closer look at the top ten in university rankings / *Soh Kay Cheng* // *European J. of Higher Education*. – 2011. – Vol. 1, No. 1. – P. 77–83.
2. Мохрмен, К. Университеты мирового класса и китайское высшее образование / К. Мохрмен // *Alma mater*. – 2005. – № 6. – С. 38–39.
3. Кружалин, В. И. Рейтинги мировых университетов как инструмент управления качеством образования / В. И. Кружалин [и др.] // *Alma mater*. – 2010. – № 6. – С. 9–18.
4. Глинский, А. В. Статистика против мифологии в сфере образования / А. В. Глинский, О. А. Донских, Е. В. Макаридина // *Alma mater*. – 2011. – № 6. – С. 25–31.
5. Инженерное образование сегодня: проблемы и тенденции. Интервью президента МГТУ им. Н. Э. Баумана, академика РАН И. Б. Федорова главному редактору журнала «Alma mater» (Вестник высшей школы) Л. Г. Тюриной [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.almavest.ru/ru/favorite/2012/04/26/299/>. – Дата доступа: 26.04.2012.
6. МГУ в рейтингах // Московский государственный университет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Московский_государственный_университет. – Дата доступа: Последнее изменение этой страницы: 29.11.2013.
7. Страны ЕвразЭС создают рейтинговое агентство для оценки университетов региона [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.tut.by/society/376683.html>. – Дата доступа: 28.11.2013.
8. Стражев, В. И. Образование и наука в современном обществе / В. И. Стражев. – Минск: БГУ, 2004.
9. Смирнов, Е. Станет ли Россия высокотехнологичной страной? / Е. Смирнов // *Alma mater*. – 2003. – № 1. – С. 34–36.
10. Карлов, Н. Народное хозяйство России и Московский физтех / Н. Карлов, Н. Кудрявцев // *Alma mater*. – 2004. – № 5. – С. 17–20.
11. Осипова, М. Эксперт: Евросоюз войну с «Газпромом» уже практически проиграл [Электронный ресурс] / М. Осипова. – Режим доступа: <http://news.tut.by/economics/285502.html>. – Дата доступа: 20.04.2012.

S. V. KOSTJUKEVICH

PHENOMENON OF UNIVERSITY RATINGS: LOOKING FOR A WORLD CLASS UNIVERSITY

Summary

On the basis of analysis of some foreign publications, the paper shows how global university rating systems such as ARWU, QSWUR and THEWUR were created and why these university ratings were established. The author shows that the emergence of rating systems was determined by search for leadership and global competitiveness.

Keywords: ranking system, leadership, elite education.

Поступила 03.12.2013 г.

В. В. СМАКОТА,

*кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Украины, г. Киев*

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ В УКРАИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Осуществляется анализ системы образования современного украинского общества, проводится сравнительная оценка основных показателей развития последнего в международных исследованиях и в данных, полученных в результате социологических мониторингов Института социологии. Изучаются основные социальные и экономические проблемы функционирования системы образования в Украине.

Ключевые слова: образование, интеллектуальный потенциал, уровень образования, социально-экономическое развитие.

Развитие постиндустриальной экономики влечет за собой изменения во многих сферах жизни общества, но прежде всего перемены затрагивают систему образования, от которой требуется соответствие новому экономическому укладу, а значит, как минимум, – наличие соответствующих специалистов, как максимум – готовность всей системы к быстрому реагированию на новые потребности рынка труда, а в перспективе – к осуществлению главной стратегии «общества знаний» – непрерывного обучения в течение жизни.

Признание важности образования, его исключительной роли не только в культурном, но и в экономическом развитии заставляет по-новому оценить роль этого общественного института в современном мире. Такая переоценка выражается, в первую очередь, в увеличении объема средств, вкладываемых государствами в образовательную систему (объемы государственного финансирования которой в развитых странах мира в XXI в. составляют более 5 % ВВП). Постепенно становится очевидным тот факт, что изменения в системе образования должны не определяться экономическими процессами, а по крайней мере идти с ними в одном темпе, а в лучшем случае – опережать их, потому развитие системы образования становится основной задачей государства, претендующего на роль лидера в современном мире.

Так исторически сложилось, что население Украины, как и СССР, благодаря высокой степени урбанизации и концентрации производства, особенно в восточных регионах, отличалось достаточно высоким образовательным уровнем. Не случайно Советская Украина в середине 1960-х гг. по коэффициенту интеллектуальности молодежи и населения в целом занимала 2-е и 3-е место в мире [1, с. 103], а Украина сегодняшняя по относительному количеству лиц

с высшим образованием входит в первую десятку развитых стран мира [2, с. 72]. До обретения независимого статуса Украина имела достаточно мощный потенциал как среднего, так и высшего образования, собственные научные школы, разрабатывающие и внедряющие новые технологии, а также наукоемкие производства, способные использовать данный образовательный потенциал.

В СССР образованию уделялось пристальное внимание на всех уровнях: от дошкольного до высшего, и одним из его проявлений являлся статистический рост количества учебных заведений. Например, с 1940 по 1989 г. – в период, включающий в себя и Великую Отечественную войну, и послевоенное строительство – количество дошкольных учреждений в УССР увеличилось более чем в три раза – с 6904 до 23 341, количество средних школ (городских и сельских) в тот же период увеличилось в два с лишним раза (с 4435 до 9543); также в два с лишним раза выросло число учителей (с 251 тыс. чел. до 513 тыс. чел.). При этом количество учащихся практически не изменилось (6687 тыс. чел. и 6886 тыс. чел. соответственно), и это говорит о постепенном уменьшении количества учеников, приходящихся на одного учителя, характерном для наиболее благополучных стран, и в целом о прогрессивном развитии системы образования. Кроме того, именно в УССР среди учителей был зафиксирован самый высокий уровень образованности: к 1988–1989 гг. 83,3 % из них имели диплом о высшем образовании (в городских поселениях – 85,4 %, в сельских – 80,6 %), и это максимальный показатель по сравнению с другими союзными республиками. В эти же годы УССР занимала второе место после РСФСР по количеству пединститутов (в 29 из них училось 146,7 тыс. студентов). Всего же в эти годы в республике насчитывалось 146 вузов, в которых обучалось 854,0 тыс. студентов. Выпуск специалистов вузами в Украинской ССР совпадал с общесоюзным и составлял в 1988 г. 27 человек на 10 000 человек населения (больше – только в РСФСР и в Белорусской ССР, где этот показатель составлял 30 человек на 10 000 человек населения). Численность профессорско-преподавательского состава вузов (на начало 1988/89 учебного года) в УССР составляла 63,5 тыс. чел. (из них 5,2 % – доктора наук, 52,4 % – кандидаты наук) [3].

С начала 1990-х гг. в Украине происходит небывалый рост количества учебных заведений высшего (III–IV) уровня аккредитации: с 1990 по 2012 г. – более чем в 2 раза (со 149 до 345), и соответствующее увеличение числа студентов – от 881,3 тыс. до 1954,8 тыс. чел. Также выросло количество аспирантов (в 2,6 раза) и докторантов (почти в 3 раза) [4, с. 5]. Потребность в образовании высокого уровня, готовность инвестировать в него немалые средства – а цена обучения может приближаться к 6–8 тыс. долларов за год – остается актуальной в Украине как в постсоветские годы, так и во времена мирового экономического кризиса, начавшегося в 2008 г. При этом ценность образования и ценность приобретаемого знания в массовом сознании различаются: скорее ценятся диплом и престижность учебного заведения, чем реально приобретенные знания и умения. На вопрос, поставленный в мониторинговом исследовании

довании в 2013 г. «В какой из перечисленных областей Вы хотели бы получить для себя дополнительные знания?», 39,5 % респондентов затруднились ответить, не выбрав для себя ни одну из 13 областей знаний (15,6 % респондентов указали инженерно-техническую сферу, в т. ч. компьютерные технологии, 13,8 % – иностранные языки, 12,2 % – юриспруденцию, 11,1 % – нетрадиционную медицину). Труднее всего ответить на этот вопрос было респондентам старшего возраста (59,5 % опрошенных) и имеющим минимальный уровень образования (59,6 %), но и среди более младших по возрасту затруднившихся с ответом довольно много (среди респондентов 30–54 лет таких 33,9 %, среди молодежи до 30 лет – 21,9 %). С другой стороны, более трети опрошенных (36,9 %) в том же исследовании признаются, что им не хватает современных научно-технических знаний (хотя вдвое меньшее количество, как видим, *хотели бы* такие знания получить), и также более трети опрошенных по всем возрастным и образовательным категориям испытывают такую нехватку. При этом 22,6 % участников опроса в целом по массиву ответили, что этот вопрос их не интересует (наиболее часто данную альтернативу выбирали респонденты с низким образовательным уровнем).

Практически половина опрошенных в том же исследовании (49,8 %) убеждены, что для современного человека высшее образование (ВО) необходимо в любом случае, а вообще ненужным его считают 12,4 % опрошенных, «необходимым для достижения успеха в жизни» (т. е. прагматическая цель получения ВО) – 37,8 % опрошенных. Безусловная необходимость высшего образования признается в большинстве случаев как жителями сел (50,3 %), так и Киева (67,3 %), и почти на том же уровне – представителями всех возрастных групп. Закономерно, что респондентам с высшим образованием свойственно более положительное отношение к ценности последнего (69,2 % опрошенных), но и респонденты с минимальным уровнем образования почти в половине случаев склонны придавать высшему образованию безусловную ценность (47,2 % опрошенных).

Кроме того, почти половина опрошенных считают, что большинству украинских граждан присуща (и скорее присуща) «потребность в постоянном росте своего образовательно-квалификационного уровня» (45,3 %), «заинтересованность в содержательной, интересной работе с элементами творчества» (47,3 %), «способность к нестандартным решениям в сложных ситуациях, творческое отношение к работе» (44,4 %). Именно такое отношение к образованию и работе соответствует современной стратегии «образование на протяжении жизни», на которую ориентируются все развитые страны мира.

Тем не менее осуществление данной стратегии в Украине наталкивается на серьезные препятствия, в первую очередь экономические. Несмотря на увеличение бюджетных расходов на образование в целом (с 4,2 % ВВП в 2000 г. до 7 % ВВП в 2007 г.), эффективность использования этих средств остается крайне низкой, ведь основные статьи расходов бюджета направлены не на повышение качества образования, а на выплату зарплаты и коммунальные платежи

(более 70 % всего финансирования). Уровнем своего образования, по данным мониторинга 2013 г., полностью удовлетворены только 10,5 % респондентов в целом по стране. В то же время, на фоне наиболее низкой удовлетворенности уровнем своего образования в сельской местности, количество сельских школ сокращается, и «наличие вследствие неблагоприятной демографической ситуации большого количества малокомплектных школ в сельской местности» признается одной из «основных проблем украинского образования» [5].

Очевидная недоступность высшего образования для сельского населения подтверждается данными Всеукраинской переписи населения: в то время как удельный вес лиц с ВО среди городского населения составляет 46,2 %, среди сельского он – 20,7 %. Доля тех, кто не имеет даже полного среднего образования, среди городского населения составляет 18,9 %, сельского – 41,8 % [6, с. 184]. Максимальное количество вузов сконцентрировано в наиболее густонаселенных регионах страны: Киеве, Харьковской, Донецкой, Львовской, Днепропетровской, Одесской областях; минимальны данные цифры в Черновицкой, Волынской, Житомирской областях. Наиболее высокий уровень образования соответственно имеют жители Киева, Севастополя и Днепропетровской области, наиболее низкие показатели – у жителей Закарпатской, Ивано-Франковской, Ровенской, Черновицкой и Житомирской областей [6, с. 193], т. е. областей с преобладанием сельского населения.

Уровнем образования определяется удовлетворенность своим положением в обществе, оценка материального состояния семьи, степень приспособленности к нынешней жизненной ситуации. При этом повышение удовлетворенности своим образованием пропорционально повышению уровня последнего: среди респондентов с высшим (и первой степенью высшего) образования количество полностью и скорее удовлетворенных им достигает трех четвертей опрошенных (78,5 % в 2012 г.); среди имеющих начальное или неполное среднее таких в несколько раз меньше (23,1 % опрошенных).

Понимание важности повышения образовательного уровня (интеллектуального развития) также заметно растет вместе с повышением уровня образования (с 16,9 % у имеющих начальное образование до 39,3 % у обладателей высшего образования в оценке «очень важно» и с 33,6 % до 41,5 % соответственно в оценке «скорее важно»).

В Европейском социальном исследовании оценка населением состояния украинской системы образования в стране в целом за последнее время ухудшилась: с 4,10 баллов (по 10-балльной шкале) в 2005 г. до 3,90 баллов в 2011 г., хотя по уровню образования взрослого населения (старше 15 лет) Украина поднялась с 55-го места в 1995 г. до 7-го в 2010 г. (при этом в показателях ВВП находясь на 94-м и 89-м местах в эти годы) [4, с. 4]. К 2011 г., согласно тем же данным, увеличивается общее количество лет обучения украинского населения – до 12,71 – и по нему Украина находится в десятке европейских стран с наиболее длительным сроком получения образования.

По индексу образования наша страна поднялась с 53-го места в 1995 г. на 21-е в 2010 г., и по данному показателю оказалась выше Великобритании,

Франции, Польши, Италии, Беларуси и России, а также выше среднего индекса образования в мире в целом. На 1000 чел. в возрасте 25 лет и старше приходится 377 чел. с высшим образованием. Уровень образования населения, занятого экономической деятельностью, в сроках продолжительности обучения на момент последней переписи составлял 11,5 года [6, с. 183–184].

Определяющую роль в развитии украинской системы образования продолжает играть сосредоточение большого количества высокообразованных кадров в данной сфере: «на конец 2009 г. высшее (неполное, базовое, полное) образование имели 70,7 % штатных работников системы образования, тогда как в целом по Украине эта цифра составляет 55,5 % работников... К 2009 г. работники образования составляли в общей структуре занятых в Украине 15,5 %, тогда как в Германии – 5,9 %, в Великобритании – 9,1 %, во Франции – 6,4 %, в США – 9,1 %, в России – 9,7 %» [4, с. 4].

Высокий образовательный индекс, наличие собственных научных школ и высококвалифицированных специалистов, способных работать в условиях инновационной экономики, подтверждается в нескольких экспертных исследованиях, проведенных в 2013 г. отделом экономической социологии Института социологии. Так, абсолютное большинство экспертов первого опроса отмечают наличие в нашей стране научных коллективов с высоким исследовательским потенциалом; половина экспертов оценивает уровень интеллектуального потенциала современного украинского общества как средний, треть – как высокий. Значительная часть (60 %) экспертов второй волны опроса отметили «достаточную» обеспеченность нашего государства человеческими ресурсами для эффективного социально-экономического развития общества; 53,8 % оценили уровень образования населения как «высокий». Но при этом материальные возможности работников по повышению образовательно-квалификационного уровня 57,7 % украинских экспертов оценили как «низкие».

Именно ограничение материальных возможностей большинства жителей Украины (а за весь период независимости он не превышал 4 баллов по 11-балльной шкале, где 0 – низший материальный уровень жизни семьи, а 10 – высший; в текущем году данный показатель составил 3,4 балла) становится основной негативной тенденцией, приводящей к постепенной элитизации образования, причем на всех уровнях, начиная с дошкольного. По данным мониторинга Института социологии, возможности дать детям полноценное образование не хватает половине опрошенных в течение последних 10 лет (55,3 % в 2012 г.), но их количество уменьшается с ростом материального благосостояния. При этом на важности создания в обществе равных возможностей для всех настаивают 77,8 % опрошенных. Вопрос обеспечения детей возможностью получить полноценное образование одинаково актуален как для сельского, так и городского жителя. Почти половина (45,8 %) опрошенных жителей Киева и более половины жителей других городов (причем как больших, так и маленьких), а также жители сел (в целом от 54,9 % до 56,2 % опрошенных) отмечают нехватку для себя такой возможности.

Вместе с тем в мониторинге 2012 г. наиболее важными факторами для достижения высокого социального положения в нашей стране респонденты называли не приобретенные, а полученные при рождении качества. В первую очередь респонденты с начальным образованием упоминали «влиятельных родственников» (40,2 % опрошенных); во-вторых – «состоятельных родителей» (34,7 %) и в-третьих – «происхождение из семьи с высоким социальным положением» (33,7 %). Обладание полным высшим, также как и средним специальным образованием, не изменяет такого мнения: влиятельные родственники упоминаются в более чем половине случаев.

Ситуацию неравенства доступа к высшему образованию в мировой практике решают «ранним вмешательством в детство», т. е. практикой обязательного дошкольного обучения, выравнивая таким образом шансы детей на успешное усвоение школьной программы (ведь к моменту поступления в первый класс ребенок имеет определенный приобретенный человеческий капитал, размер которого в большой степени коррелирует с доходами семьи). Как показывают исследования, подобное вмешательство государства оправдано не только с точки зрения экономической выгоды от увеличения количества получивших полное среднее образование, но и социально – для уменьшения девиантности поведения в подростковом возрасте [7] – повышение уровня образования является достаточно надежным рецептом и в этом случае. Неоспоримым является тот факт, что при условии раннего привлечения детей в процесс обучения и воспитания повышается общий уровень школьного образования, а упущенное в раннем возрасте трудно или невозможно наверстать в дальнейшем [7], поэтому качественное дошкольное образование становится все более актуальным и востребованным.

В Украине, начиная с текущего года, дошкольное образование становится обязательным, хотя при этом количество дошкольных учебных заведений в стране в 2011 г. сократилось по сравнению с 1990 г. в 1,5 раза (с 24,5 тыс. до 16,1 тыс.). В городских поселениях 67 % детей посещают дошкольные учебные заведения, при этом повсеместно наблюдается превышение количества детей в расчете на 100 мест (от минимума в 114 чел. в Киеве до максимума в 147 чел. в городах Закарпатья). Лишь треть детей, проживающих в сельской местности, такими заведениями обеспечены (36,6 % детей соответствующего возраста; при этом пять лет назад эта цифра составляла всего 18 %). В сельской местности перегружены дошкольные учебные заведения Закарпатья, Волыни, Львовской, Черновицкой, Ивано-Франковской, Житомирской, Ровенской областей (где насчитывается от 108 до 138 чел. на 100 мест). Наименьшее количество детей включено в систему дошкольного образования в Ивано-Франковской области (треть от численности детей соответствующего возраста); менее половины – во Львовской, Ровенской, Волынской и Тернопольской – областях с наиболее высоким уровнем рождаемости (согласно статистическим данным за последние пять лет). Таким образом, проблемы дошкольного образования в данных регионах, по всей видимости, будут усугубляться.

К тому же системе дошкольного и школьного образования население дает среднюю оценку: на вопрос «Как Вы считаете, способствует ли существующая в Украине система дошкольного и школьного образования формированию интеллектуально развитых, творческих личностей?» 38,1 % опрошенных ответили, что «скорее» и «очень способствует», 35 % – что «скорее» и «совершенно не способствует». Чаще отрицательные ответы дают респонденты с высшим образованием (43,9 % против 32,7 % респондентов с начальным и неполным средним образованием). Качество школьного образования не устраивает и большинство учителей (исследование проводилось совместно Институтом педагогики АПН Украины и Институтом социологии НАН Украины): 65,3 % из них считают, что программа основного учебного предмета, который они преподают, «требует модернизации в соответствии с запросами и требованиями современного общества».

Однако, когда в рамках того же исследования одиннадцатиклассникам было предложено определить наиболее приемлемый способ потратить большую сумму денег, образование заняло третье место (40,8 % опрошенных) после вложения в бизнес (63,8 %) и покупки дома и машины (58,2 %). Ценность качественного образования признается молодежью страны. Но, безусловно, высокий уровень образования дает максимальный экономический эффект только в случае применения в соответствующей сфере производства; если же выпускник учебного заведения не работает по своей специальности, то усилия и средства, потраченные на обучение, были использованы неэффективно. К сожалению, в Украине подобный сценарий является достаточно распространенным: значительная часть безработных в Украине имеет высшее образование (в 2009 г. 46 тыс. выпускников вузов и 27 тыс. выпускников ПТУ находились на учете в центрах занятости), а среди занятого населения специалисты с ВО далеко не всегда работают в соответствии с квалификацией и уровнем подготовки. Согласно данным мониторинга Института социологии, в 2013 г. характер работы и профессионально-образовательный уровень в наибольшей степени совпадали у жителей Киева (42,3 % респондентов отметили это), в то время как в селе этот показатель минимален и равен 21,7 %. Только чуть более четверти опрошенных в целом по массиву отмечают соответствие своей нынешней работы профессионально-образовательному уровню. Хотя это соответствие возрастает с повышением уровня образования (почти в пять раз), и все же 27,2 % респондентов, имеющих высшее образование, заявили о несоответствии образования характеру их работы. Более четверти опрошенной молодежи до 30 лет и треть респондентов от 30 до 54 лет отмечают, что характер их нынешней работы не соответствует профессионально-образовательному уровню. Как показывают современные исследования, эта проблема имеет не только негативные экономические последствия: доказано, что несоответствие уровня образования социальному положению приводит к увеличению суицидального риска [8, с. 47]. Степень использования как образовательного, так и научного потенциала Украины «малая» (так считают 56 % экспертов упоминавшегося выше экспертного опроса) и «очень малая» (12 % экспертов).

Из-за нарастания диспропорций между подготовкой специалистов и спросом на них на рынке труда неизбежной украинской перспективой становится «утечка мозгов»: наиболее подготовленные кадры находят применение своим знаниям за пределами страны. При том, что в Глобальном индексе конкурентоспособности в 2012–2013 гг. наша страна занимает 73-ю позицию (среди 144 стран), а высшее образование и профессиональная подготовка находятся на 47-м месте – наиболее высоком из всех социальных институтов, серьезной проблемой является невозможность применения образовательного потенциала в украинской экономике. Высокие показатели образованности населения существуют в условиях малого развития тех секторов экономики, которые способны использовать последние научные разработки и обеспечивать тем самым инновационное развитие (лишь 3 % производств в экономике Украины составляют производства 5-го и 6-го технологических укладов, в которых высококвалифицированные специалисты наиболее востребованы и могут работать в соответствии со специализацией). Кроме того, «за последние 22 года в Украине в 3,3 раза уменьшилось количество работников в инновационной сфере (в США и Западной Европе за это время их количество увеличилось в 2 раза, в Северо-Восточной Азии – в 4 раза); в 5,5 раза (с 60 % до 11,2 %) снизилась доля инновационно-активных промышленных предприятий (в России их доля составляет 10 %, в Польше – 16 %, в ЕС – в среднем 60 %)» [9].

В массовом опросе на вопрос «Как Вы считаете, представители государственной власти способны или не способны развивать экономику Украины на основе внедрения новой техники и технологий?» 36,3 % респондентов ответили, что способна меньшая часть, еще 28,2 % считают, что никто не способен. В экспертном опросе уровень способности руководящих работников госаппарата разрабатывать программы инновационного развития экономики как «очень низкий» оценили 32 % экспертов, как «низкий» – 56 %, стимулирование и поддержку государством инновационной активности на низком уровне отметили 57,7 % экспертов, на очень низком – 42,3 %. Тем не менее ежегодно в Украине осуществляется более 60 тыс. научно-технических разработок [10], и немалая их часть признается на международном уровне [9].

Можно сказать, что научная деятельность, как и вся инновационная отрасль, способны стать основной детерминантой социально-экономического и инновационного развития страны, если закладываемый ими потенциал будет иметь пути реализации. Высокий уровень образования, признание ценности и необходимости последнего признается большинством в украинском обществе. Но вместе с тем качество отечественной системы образования оценивается довольно низко населением страны (при том, что как украинские эксперты, так и международные рейтинги дают гораздо более высокие оценки). Можем предположить, что именно неиспользование знаний и умений, полученных в образовательных учреждениях, заставляет признавать низкое качество образования. Между тем главной проблемой является неадекватная современным вызовам структура экономики, и вызванные этим безработица

и несоответствие профессионального уровня занятых реальным условиям труда. Выходом из этой ситуации должно стать развитие новых отраслей промышленности. К сожалению, в реальном развитии такого сценария сомневаются не только основная масса населения, но и эксперты.

Литература

1. Пилипенко, В. Є. Вища освіта в Україні: історія та пострадянські реалії (соціологічний аналіз): монографія / В. Є. Пилипенко, Е. Г. Позднякова-Кирбят'єва. – Запоріжжя: Запорізький нац. ун-т, 2012. – 152 с.
2. Данилишин, Б. Інтелектуальні ресурси в економічному зростанні: шляхи поліпшення та їх використання / Б. Данилишин, В. Куценко // Економіка України. – 2006. – № 1. – С. 71–72.
3. Народное образование [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://istmat.info/files/uploads/26588/obraz_ssr_1989_obrazovanie.pdf. – Дата доступа: 07.09.2013.
4. Витренко, Ю. Образование как вид экономической деятельности в Украине / Ю. Витренко // Экономика Украины. – 2011. – № 10 (591). – С. 4–15.
5. Программа экономических реформ на 2010–2014 // Комитет по экономическим реформам при Президенте Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mon.gov.ua/ua/activity/education/education-reform/refosv-20102014/>). – Дата доступа: 07.09.2013.
6. Людський розвиток регіонів України: аналіз та прогноз: колективна монографія / за ред. Е. М. Лібанової. – Київ: Ін-т демографії та соціальних досліджень НАН України, 2007. – 328 с.
7. Conti, G. The Economics of Child Well-Being / Gabriella Conti, James J. Heckman // Discussion Paper No. 6930. – October 2012.
8. Гилинский, Я. И. Самоубийство как социальный феномен / Я. И. Гилинский // Социол. журн. – 2011. – № 2. – С. 40–47.
9. Мазур, А. А. Технологічні парки України: цифри, факти, проблеми / А. А. Мазур, С. В. Пустовойт // Наук.-практ. журн. [Электронный ресурс]. – 2013. – № 3. – Режим доступа: <http://www.nas.gov.ua>. – Дата доступа: 07.09.2013.
10. Инвестгазета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://in.ukrproject.gov.ua/index.php?lang=ru&get=141&id=1905>. – Дата доступа: 07.09.2013.

V. V. SMAKOTA

THE EDUCATION SYSTEM: SOCIO-ECONOMIC ASPECTS OF DEVELOPMENT IN THE UKRAINIAN SOCIETY

Summary

The article provides a sociological analysis of the education system in modern Ukrainian society, evaluation of the main indicators of the development of education system in international studies and in monitoring of the Institute of Sociology. Social and economic problems in the functioning of the education system in Ukraine are studied.

Keywords: education, educational potential, level of education, socio-economic development.

Поступила 09.09.2013 г.

И. Н. ШАРЫЙ,

*кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск*

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА НАУКИ ПРИ ПЕРЕХОДЕ К РАЗВИТИЮ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

В статье рассмотрены особенности динамики возрастной и квалификационной структуры научных кадров в Республике Беларусь, выявлены проблемы и тенденции развития кадрового потенциала, проблемы оптимизации воспроизводственной структуры научных кадров при переходе к высокотехнологичной инновационной экономике. Обосновано положение о повышении роли кадрового потенциала академического сектора науки в формировании V и VI технологических укладов экономики.

Ключевые слова: научные кадры, воспроизводство научных кадров высшей квалификации, возрастная и квалификационная структура кадров, аспиранты, инновационная экономика.

В Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2011–2015 гг., направленной на обеспечение модернизации экономики, определены приоритетные направления модернизации. Одним из приоритетов программы является формирование нового сегмента национальной экономики – высокотехнологичных наукоемких предприятий и производств, соответствующих V и VI технологическим укладам. В соответствии с Программой развития промышленного комплекса республики на период до 2020 г. формирование инновационного сектора экономики будет осуществляться по трем направлениям: модернизация традиционных секторов промышленности; развитие топливно-энергетического комплекса; создание высокотехнологичных и наукоемких производств. Для реализации такого направления, как создание высокотехнологичных и наукоемких производств, особое значение имеет развитие кадрового потенциала науки.

Перспективы развития кадрового потенциала белорусской науки определяются задачами развития в соответствии с современными мировыми тенденциями, потребностями повышения конкурентоспособности экономики на базе высокотехнологичных производств, в то же время среди актуальных задач необходимо отметить имеющиеся проблемы, в частности, проблемы воспроизводства кадрового потенциала науки. Некоторые из этих проблем отражены в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь. Среди внутренних угроз в Концепции отмечается неблагоприятная возраст-

ная структура и недостаточный уровень подготовки научных кадров [1, с. 20]. Также обращается внимание на «снижение научно-технологического и образовательного уровня, не способного обеспечить инновационное развитие» [1, с. 16]. К внешним источникам угроз отнесено ограничение доступа белорусских исследователей к новейшим технологиям, результатам исследований и разработок мирового уровня, а также политика зарубежных стран и компаний по стимулированию эмиграции высококвалифицированных ученых и специалистов.

Следует отметить, что влияние некоторых неблагоприятных для развития кадрового потенциала науки факторов будет усиливаться в ближайшие годы. Так, в связи с демографическими причинами сокращается число выпускников школы, поступивших в вузы. В 2013 г. на первые курсы белорусских вузов было зачислено 61,5 тыс. студентов, что на 30 % меньше, чем в предыдущем году [2]. В ближайшие годы в Республике Беларусь количество зачисленных на первые курсы вузов будет еще меньше. По прогнозам Министерства образования Республики Беларусь, учитывая, что с 2014 по 2018 г. из-за неблагоприятных демографических тенденций число выпускников школ будет минимальным, в вузы республики смогут поступить 50–55 тыс. белорусов [2].

Эта неблагоприятная тенденция сокращения лиц, поступающих в вузы, негативно отразится на численности выпускников вузов и таким образом негативно скажется на показателях притока молодежи в сферу науки. Уже в текущей пятилетке предусмотрено снижение численности лиц, принятых в аспирантуру. По данным, представленным в Государственной программе инновационного развития на 2011–2015 гг., в системе послевузовского образования ежегодно планируется принимать около 1300 человек. Это существенно меньше, чем в предшествующие годы, например, в 2009 г. в аспирантуру было принято 1516 человек, в 2010 г. – 1469 человек.

В республике с 1990 по 1995 г. численность работников, выполнявших научные исследования и разработки, сократилась в 2,7 раза. С 1995 по 2000 г. темпы сокращения численности работников, выполнявших научные исследования и разработки, замедлились, в последующем их численность в целом стабилизировалась. Сокращение пришлось на наиболее сложный период социально-политических и экономических трансформаций в стране, когда регулирующее воздействие государства на происходящие изменения ослабло. В сложный период изменений возможности для целенаправленного воздействия государства на научную сферу оказались ограниченными. Тогда ситуация рассматривалась прежде всего в контексте концепции выживания и сохранения, а не развития кадрового потенциала науки. В первой половине 90-х гг. прошлого века прежде всего наименее защищенные категории научных работников, главным образом в возрасте до 39 лет, покидали научную сферу. Сокращалась численность не только научных работников без ученой степени, но и кандидатов наук. Только за период с 1993 по 1996 г. доля кандидатов наук в возрасте до 39 лет сократилась на 4,8 п. п. Таким образом, за относитель-

Таблица 1. Динамика возрастной структуры исследователей с 1993 по 2012 г., %

Возраст исследователей	Возрастная структура исследователей					
	1993 г.	1996 г.	2000 г.	2004 г.	2008 г.	2012 г.
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
до 29 лет	17	13,5	16,8	20,0	24,6	24,1
30–39 лет	32,3	27,5	18,6	15,9	17,6	20,6
40–49 лет	31,2	35,1	30,8	25,2	17,7	14,3
50–59 лет	16,9	18,4	23,0	26,6	25,3	23,8
60 лет и старше	2,6	5,5	10,8	12,2	14,8	17,2
Доктора наук	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
до 29 лет	–	0,1	0,2	–	–	–
30–39 лет	3,5	1,5	1,3	1,4	0,4	0,6
40–49 лет	20,6	22,4	16,8	9,7	7,3	4,0
50–59 лет	41,4	36,8	30,8	37,4	30,2	24,2
60 и старше	34,5	39,2	50,8	51,5	62,1	71,2
Кандидаты наук	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
до 29 лет	1,5	1,5	2,1	3,4	3,9	2,9
30–39 лет	20,9	16,1	12,2	11,8	16,8	20,5
40–49 лет	42,1	40,1	31,2	24,6	17,5	16,8
50–59 лет	30,2	31,7	33,7	37,0	31,7	25,9
60 и старше	5,3	10,6	20,8	23,2	30,1	33,9

но небольшой промежуток времени произошло серьезное нарушение баланса возрастного состава научных работников вследствие резкого сокращения доли работников молодого и среднего возраста.

В табл. 1 представлены данные об изменении возрастной структуры исследователей в Республике Беларусь за период с 1993 по 2012 г. Как следует из представленных данных, за рассматриваемый временной период в наибольшей мере уменьшилась доля исследователей в возрастной категории от 40 до 49 лет – более чем в 2 раза (с 31,2 % в 1993 г. до 14,3 % в 2012 г.). Существенно уменьшилась доля исследователей возрастной категории 30–39 лет – с 32,3 % в 1993 г. до 20,6 % в 2012 г. Доля других возрастных категорий выросла. Доля исследователей в возрасте 60 лет и старше выросла с 2,6 % в 1993 г. до 17,2 % в 2012 г. Доля исследователей в возрасте от 50 до 59 лет выросла с 16,9 % до 23,8 %, а доля исследователей в возрасте до 29 лет выросла с 17 % до 24,1 %.

Структурные изменения на отдельных этапах рассматриваемого периода имели свою специфику. Как следует из представленных данных, с 1993 по 2000 г. доля исследователей в возрасте до 39 лет резко сократилась, тогда как доля исследователей в возрасте старше 40 лет выросла. На этом временном этапе доля исследователей в возрасте 40–49 лет почти не изменилась (31,2 % в 1993 г. и 30,8 % в 2000 г.), доля исследователей в возрасте 50–59 лет выросла с 16,9 % до 23 %, доля исследователей в возрасте старше 60 лет – с 2,6 % до 10,8 %.

С 2000 по 2012 г. направленность изменений носила качественно иной характер. Росла доля всех рассматриваемых возрастных категорий исследова-

телей, кроме доли исследователей в возрасте от 40 до 49 лет. На этом этапе доля исследователей в возрастной категории 40–49 лет сократилась в 2 раза (с 30,8 % до 14,3 %). Доля исследователей в возрастной категории до 29 лет выросла с 16,8 % до 24,1 %, доля исследователей в возрасте от 30 до 39 лет – с 18,6 % до 20,6 %, доля исследователей в возрасте от 50 до 59 лет – с 23 % до 23,8 %, а доля исследователей в возрасте старше 60 лет – с 10,8 % до 17,2 %. Таким образом, с 2000 по 2012 г. наиболее контрастные изменения произошли в младшей возрастной категории (до 29 лет), старшей возрастной категории (старше 60 лет) и средней возрастной категории (40–49 лет). С 2000 по 2012 г. изменения в возрастных категориях исследователей 30–39 лет и 50–59 лет были не столь значительны.

Для комплексной оценки направленности и динамики воспроизводственных процессов в научной сфере необходимо рассмотреть особенности изменения численности докторов наук из числа исследователей за период с 1996 по 2012 г. по возрастным категориям (рис. 1). Необходимо отметить, что за рассматриваемый временной период общая численность докторов наук из числа исследователей почти не изменилась. В 1996 г. в научной сфере республики численность докторов наук составляла 742 человека, а в 2012 г. – 719 человек. При этом следует отметить, что с 1996 по 2000 г. численность докторов наук из числа исследователей росла. Сокращение численности докторов наук произошло за период с 2000 г., когда в научной сфере республики было занято 819 докторов наук, до 2012 г., когда численность докторов наук составила 719 человек. Наиболее существенными были изменения в возрастной структуре докторов наук. На рис. 1 представлена динамика численности докторов наук различных возрастных категорий. За рассматриваемый период в возрастной категории 60 лет и старше численность докторов наук выросла в 1,7 раза. В возрастной категории 50–59 лет численность докторов наук сократилась на 36,3 %. В возрастной категории до 49 лет численность докторов наук сократи-

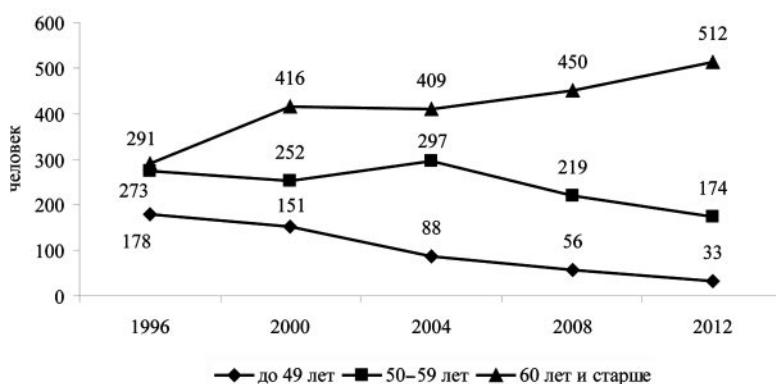

Рис. 1. Динамика численности докторов наук из числа исследователей в Республике Беларусь с 1996 по 2012 г.

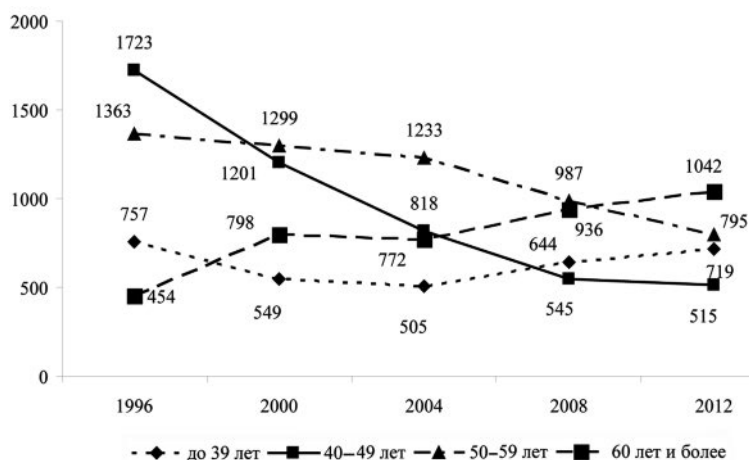

Рис. 2. Динамика численности кандидатов наук из числа исследователей в Республике Беларусь с 1996 по 2012 г.

лась в 5,4 раза. Таким образом, в рассматриваемой квалификационно-возрастной категории исследователей омоложения состава не произошло.

Диспропорции в возрастной структуре докторов наук в последние годы еще более усилились. Если в 2004 г. численность докторов наук в возрастной категории 60 лет и старше в 4,6 раза превышала численность докторов наук в возрастной категории до 49 лет, то в 2008 г. – в 8 раз, а в 2012 г. – в 15,5 раза. До 2004 г. численность докторов наук в возрасте от 50 до 59 лет оставалась стабильной и даже несколько выросла, но в последующие годы отмечается сокращение докторов наук и в этой возрастной категории исследователей.

За период с 1996 по 2012 г. численность кандидатов наук в республике сократилась на 28,3 %. На рис. 2 представлена динамика численности кандидатов наук из числа исследователей по возрастным категориям. Эти данные позволяют рассмотреть динамику численности кандидатов наук на различных этапах изменений, в том числе на этапе стабилизации их численности с 2008 по 2012 г. Из представленных на рисунке данных следует, что на каждом из выделенных этапов изменения возрастной структуры кандидатов наук носили качественный характер. Эти изменения определялись факторами внутреннего и внешнего характера. К факторам изменений внутреннего характера относятся естественные возрастные изменения работников и, в силу этого, переход кандидатов наук из одной возрастной категории в другую, естественная убыль работников. К внутренним факторам также причисляется повышение квалификации работников: так, в результате защиты диссертации и присвоения ученой степени работники переходят в другую квалификационную категорию. К внешним факторам относится воздействие социально-политических, экономических, организационных и других процессов на развитие кадрового состава науки.

Обвальное сокращение численности работников научной сферы сопровождалось качественным изменением возрастной структуры. Как следует из данных, представленных на рис. 2, с 1996 по 2000 г. изменения в возрастной структуре кандидатов наук характеризовались разнонаправленными тенденциями – сокращением численности работников в возрасте до 60 лет и ростом численности работников в возрасте старше 60 лет. Если в 1996 г. численность кандидатов наук в возрасте до 60 лет была самой малочисленной (454 человека), то в 2000 г. самой малочисленной категорией кандидатов наук стали работники в возрасте до 39 лет (549 человек). За этот же временной период численность работников в возрастной категории от 40 до 49 лет, которая была наиболее многочисленной, сократилась, и самой многочисленной стала категория работников в возрасте от 50 до 59 лет.

С 2000 по 2004 г. в возрастных категориях кандидатов наук до 39 лет и старше 50 лет наметилась тенденция стабилизации численности. Как следует из данных, представленных на рисунке, темпы сокращения численности кандидатов наук в возрасте до 39 лет существенно сократились, рост численности работников в возрасте старше 60 лет резко замедлился, а сокращение численности работников в возрасте от 50 до 59 лет оставалось относительно небольшим, как и на предшествующем этапе изменений. В то же время, на этом временном этапе сокращение численности кандидатов наук в возрасте от 40 до 49 лет носило обвальный характер, как и на предшествующем этапе изменений.

С 2004 по 2008 г. впервые отмечается рост численности кандидатов наук в возрасте до 39 лет (на 27,5 %). На этом этапе, в отличие от предыдущего этапа, существенно выросла численность кандидатов наук в возрасте старше 60 лет (на 21,2 %). В то же время на этом этапе впервые существенно выросли темпы сокращения численности кандидатов наук в возрастной категории 50–59 лет. Численность кандидатов наук этой возрастной категории сократилась почти на 20 %, тогда как на предшествующих этапах изменений сокращение не превышало 5 %. Наиболее существенным изменением на этом этапе было то, что в результате продолжающегося сокращения численности кандидатов наук в возрастной категории от 40 до 49 лет их численность впервые стала меньше, чем численность кандидатов наук других возрастных категорий.

С 2008 по 2012 г. тенденции, сложившиеся на предшествующем этапе изменений, получили дальнейшее развитие. На этом этапе впервые самой многочисленной категорией кандидатов наук стали работники в возрастной категории старше 60 лет. В результате роста численности кандидатов наук в возрасте до 39 лет их численность приблизилась к уровню 1996 г. Динамика численности исследователей с ученой степенью кандидата наук в возрастных категориях от 50 до 59 лет и до 39 лет имеют разнонаправленные тенденции, что уже в ближайшей перспективе может привести к тому, что численность кандидатов наук в возрасте до 39 лет станет больше, чем численность кандидатов наук в возрасте от 50 до 59 лет. Численность кандидатов наук в воз-

растной категории 40–49 лет остается наименьшей, при этом разрыв между численностью кандидатов наук этой возрастной категории и численностью кандидатов наук в возрасте до 39 лет увеличился. Среди положительных тенденций следует отметить то, что темпы сокращения численности кандидатов наук в возрастной категории от 40 до 49 лет существенно замедлились, что позволяет говорить о стабилизации численности этой возрастной категории работников.

Для такого направления модернизации, как формирование нового сегмента национальной экономики особое значение приобретает система подготовки научных кадров высшей квалификации, прежде всего подготовка аспирантов по специальностям, обеспечивающим развитие высокотехнологичных производств, основанных на V и VI технологических укладах экономики. Наибольший потенциал для подготовки научных кадров высшей квалификации по приоритетным специальностям имеют Министерство образования Республики Беларусь, НАН Беларуси и Министерство здравоохранения Республики Беларусь. В научных организациях академического сектора науки проводятся исследования и ведется подготовка аспирантов по нескольким отраслям наук, которые имеют определяющее значение для развития приоритетных высокотехнологичных производств (физико-математические, химические, биологические, технические, медицинские науки). В НАН Беларуси доля отмеченных выше отраслей наук, ориентированных на развитие высокотехнологичных производств, составляет подавляющее большинство. Важным является то, что в академическом секторе науки в большей мере развита материально-техническая база исследований.

В 2013 г. проведен анализ анкетного опроса аспирантов очной формы обучения и руководителей структурных научных подразделений академического сектора науки. В результате сплошного анкетного опроса получены ответы 262 аспирантов дневной формы обучения научных организаций НАН Беларуси, расположенных в г. Минске. Из числа респондентов 25,2 % были аспирантами первого года обучения, 34,7 % – второго года обучения, 39,3 % – третьего года обучения. Почти 70 % респондентов, до того как поступить в аспирантуру, обучались в магистратуре. 86,6 % из общего количества респондентов обучались в вузе за счет бюджетных средств, а 11,5 % оплачивали обучение в вузе. В целом, как показал анализ, обучающиеся имели достаточно высокий уровень подготовки, так, почти 30 % из них закончили вуз с отличием, 74 % от общего количества аспирантов занимались научно-исследовательской работой в период обучения в вузе, 78,6 % имели научные публикации до того, как поступили в аспирантуру. В то же время, как показало проведенное исследование, процесс профессиональной адаптации респондентов проходит достаточно сложно. Только 42 % из числа респондентов отметили, что полностью реализуют свой творческий потенциал, работая над диссертацией, несколько больше (43,1 %) доля тех, кто наполовину используют свой творческий потенциал, а 11,8 % считают, что используют свой творческий потенциал в минимальной степени.

Стремление к наиболее полной творческой самореализации в сфере науки во многом связано с мотивами поступления в аспирантуру. Как показал анализ, подавляющее большинство респондентов (76,3 %) среди основных мотивирующих факторов поступления в аспирантуру отметили «возможность повысить свою квалификацию – защитить кандидатскую диссертацию, получить ученую степень кандидата наук».

Поскольку одной из основных задач аспирантов является проведение научных исследований и подготовка кандидатской диссертации, им был задан вопрос «Что именно Вас привлекает в научной деятельности?». Полученные ответы показали, что в первую очередь интерес к научной деятельности обусловлен стремлением к новому, приобретению новых знаний (63,0 %), желанием реализовать свои творческие способности в полной мере (47,7 %), интересом к науке (46,2 %). На прагматические интересы при ответе на вопрос о привлекательности научной деятельности указало небольшое число респондентов, при этом возможность карьерного роста отметили 13,4 %, а возможность зарабатывать деньги – только 6,5 % респондентов. Анализ ответов респондентов на вопрос о престиже научного труда в нашей стране показал, что доминируют пессимистические оценки – всего 12,2 % респондентов отметили, что профессия научного работника является престижной в Беларуси. Доля тех, кто не считает престижной профессию научного работника в нашей стране, более чем в 5 раз больше – 66,4 %. В то же время подавляющее большинство респондентов считает, что профессия научного работника является престижной в странах дальнего зарубежья (80,2 %).

С точки зрения обеспечения воспроизводственных потребностей науки важно определить то, насколько респонденты ориентированы на реализацию своих профессиональных устремлений в научной сфере. Анализ ответов респондентов показал, что только 12,2 % из них ответили «да» на вопрос «Считаете ли Вы науку своим окончательным профессиональным выбором в жизни?». Значительно больше – почти 36 % при ответе на этот вопрос выбрали ответ «скорее да». В то же время 15,3 % от общего числа респондентов выбрали ответ «скорее нет», а 11,1 % выбрали ответ «нет». Почти каждый четвертый при ответе на этот вопрос выбрал ответ «пока не определился». Только 26,7 % респондентов при ответе на вопрос «Где бы Вы предпочли работать после окончания аспирантуры, если бы у Вас был выбор?» отметили, что хотели бы работать в научной организации НАН Беларуси. 17,9 % от общего числа респондентов отметили, что хотели бы открыть свое дело, 13,4 % хотели бы работать в вузе, 6,9 % выбрали ответ «в органах государственного управления». Кроме этого, респонденты отмечали, что хотели бы уехать за границу по контракту (10,3 %), уехать за границу навсегда (6,5 %). Полученные данные показывают, что стремление повысить свою квалификацию и защитить кандидатскую диссертацию, на что указало большинство из респондентов (75 %), еще не означает, что такое же большинство ориентировано на научную карьеру, на работу в научных организациях НАН Беларуси. Для оптимизации воспроизводства кадрового состава науки это является существенной проблемой.

В рамках проведенного исследования изучены особенности мнений и оценок респондентов, которые проходили обучение в аспирантуре по приоритетным специальностям. В качестве критериев отнесения специальностей к приоритетным использовался утвержденный в 2012 г. ГКНТ перечень приоритетных специальностей научных работников высшей квалификации, необходимых для развития высокотехнологичных производств, относящихся к V и VI укладам экономики. Как показал анализ, 26 % аспирантов обучались по приоритетным для инновационного развития специальностям. Наибольшая доля респондентов, обучающихся по приоритетным специальностям, работала в области естественных (54 %) и технических (17,7 %) наук. Среди сравниваемых двух групп аспирантов (первая – приоритетные специальности, и вторая – остальные) почти нет различий в мотивирующих факторах поступления в аспирантуру, кроме того, что среди аспирантов первой группы существенно меньше, чем среди аспирантов второй, доля тех, кто среди мотивирующих факторов выбрал ответ «желание стать преподавателем вуза» (11,8 % и 18 %). В общей численности аспирантов первой группы более чем в два раза выше доля тех, у кого научный руководитель аспирантуры в прошлом был руководителем дипломной (магистерской) работы или руководителем практики (67,6 % и 31,9 % соответственно). У аспирантов первой группы значительно чаще мнение руководителя было определяющим при выборе темы диссертации (28 % и 19 %). Потребность в помощи научного руководителя также выражена сильнее у аспирантов первой группы. Из них 62 % отметили, что наиболее важной была помощь руководителя при выборе темы диссертационного исследования, тогда как у второй группы аспирантов этот показатель – 43,3 %. Для респондентов первой группы значительно важнее для получения информации при работе над диссертацией общение с научным руководителем, чем для респондентов второй группы (ответ «очень важно» 66,2 % и 48,4 % соответственно).

Среди респондентов первой группы несколько выше доля тех, кто считает науку своим окончательным профессиональным выбором в жизни – 51 % (ответ «да» и «скорее да»), чем у респондентов второй группы (47 %). Однозначно не считают науку своим профессиональным выбором только 4,4 % респондентов первой группы, тогда как во второй группе – 13,4 %. У респондентов первой группы существенно ниже карьерные устремления, чем у респондентов второй группы (6 % и 16 %), но более сильно выражен интерес к науке (57,4 % и 42,3 %), и, особенно, стремление к новому знанию (75 % и 58,8 %). Различий в оценке престижности научной деятельности в республике почти нет – 67,6 % респондентов первой группы и 66 % второй отметили, что профессия научного работника не является престижной в Республике Беларусь. Среди респондентов первой группы оказалось больше тех, кто получал стипендию Президента Республики Беларусь (13,2 % и 8,8 %), чаще участвовал в выполнении проекта БРФФИ (почти 40 % и 28,5 %). Среди условий, необходимых для успешного обучения в аспирантуре, респонденты первой группы

в два раза чаще выбирали ответ «уровень технической оснащенности» (64,7 % и 31,9 %).

Как показал анализ, при ответе на вопрос «Где бы Вы предпочли работать после окончания аспирантуры, если бы у Вас был выбор?» доля ответов «в научной организации НАН Беларуси» почти совпадает (26,5 % и 26,8 %). В то же время среди респондентов первой группы, по сравнению со второй, больше тех, кто выбрал ответ «хотел бы открыть свое дело» (22 % и 16,5 % соответственно), больше среди респондентов первой группы тех, кто хотел бы уехать за границу для работы по контракту (14,7 % и 8,8 %). В двух группах высока доля тех, кто хотел бы уехать за границу навсегда (7,4 % и 6,2 %).

Как показал опрос экспертов (опрошено 132 эксперта), подавляющее большинство из них (87,9 %) считают, что структурные подразделения, в которых они работают, испытывают дополнительную потребность в кадрах. На вопрос о потребности в конкретных категориях работников большинство респондентов выбрало ответ «молодые специалисты» (62,9 %). На втором месте по значимости оказалась потребность в кандидатах наук (52,1 %), на третьем – потребность во вспомогательном персонале (25 %). Существенно меньше оказалась доля респондентов, которые отметили, что имеется потребность в докторрах наук (17,3 %), в руководителях проектов (13,7 %), в специалистах в области инновационного менеджмента (5,2 %). Высокая потребность в молодых специалистах может объясняться имеющимся разрывом поколений в научных подразделениях, когда в структуре научных кадров недостаточно представлено среднее поколение работников. Наличие существенных проблем в возрастной структуре кадров подтверждается ответами экспертов. На вопрос «Как Вы считаете, имеет ли место разрыв поколений в Вашей научной организации?» подавляющее большинство экспертов (68,5 %) ответило утвердительно, тогда как ответ «нет» выбрали 23,8 % от общего числа экспертов. Тот же вопрос, но в отношении структурных научных подразделений, которые возглавляют эксперты, показал, что 56,2 % из них признают наличие разрыва поколений научных работников, а 40 % считают, что его нет.

Важность проблемы притока молодежи в науку, на которую указывают эксперты, становится более понятной при анализе ответов на вопрос о динамике численности аспирантов дневной формы обучения на ближайшие три года. Как показал анализ, 48,8 % экспертов отметили, что численность аспирантов дневной формы обучения будет сокращаться, и только 6,1 % от общей численности экспертов отметили, что она будет увеличиваться, а 34,4 % экспертов считают, что их численность не изменится в ближайшие три года.

Экспертам был задан вопрос о динамике защит кандидатских диссертаций в краткосрочной перспективе (2–3 года), что позволяет оценить имеющиеся возможности для пополнения численности кандидатов наук за счет молодежи. Как показал анализ экспертных оценок, только 10 % от общего числа экспертов отметили, что число защит кандидатских диссертаций будет увеличиваться. Доля экспертов, считающих, что число защит кандидатских дис-

сертаций останется на прежнем уровне, и доля экспертов, ответивших, что число защит кандидатских диссертаций будет сокращаться, оказалась почти одинаковой (37,7 % и 38,5 %). В целом доля экспертов, которые ответили, что численность защит кандидатских диссертаций увеличится или останется на прежнем уровне (47,7 %), больше, чем доля экспертов, считающих, что динамика защит кандидатских диссертаций будет отрицательной (38,5 %). Следует однако отметить, что в целом эксперты не ожидают увеличения численности защит кандидатских диссертаций, а это отражает неблагоприятную тенденцию для обеспечения воспроизводства кандидатов наук. В связи с отмеченной тенденцией преодоление сложившейся деформации в возрастной структуре кандидатов наук («провал» численности кандидатов наук в возрасте 40–49 лет) оказывается проблематичным. Более того, можно ожидать дальнейшего сокращения численности кандидатов наук в возрастной категории 30–39 лет, что уже началось с 2012 г. В целом результаты экспертного опроса показывают, что негативные тенденции в развитии кадрового потенциала науки не будут преодолены в ближайшей перспективе. Дальнейшее сокращение численности научных кадров высшей квалификации продолжится. Об этом свидетельствуют оценки экспертами динамики защит кандидатских диссертаций и динамики численности аспирантов дневной формы обучения. Можно сделать вывод, что проблема воспроизводства кадрового потенциала науки станет более острой уже в ближайшие годы. Если до последнего времени проблемы с воспроизводством научных кадров носили относительно латентный характер из-за стабилизации общей численности исследователей, то в ближайшие годы она обострится и станет более явной на фоне сокращения общей численности научных кадров.

Поскольку по мере развития высокотехнологичной инновационной экономики инновации и высококвалифицированные кадры во все большей мере будут определять перспективы экономического роста, существенно повысится роль воспроизводственной стратегии для эффективной долгосрочной кадровой политики в сфере науки и кадрового обеспечения перехода к высокотехнологичной инновационной экономике. В то же время выявленные тенденции показывают, что имеющиеся меры по оптимизации воспроизводства научных кадров высшей квалификации недостаточны, поэтому необходима реализация дополнительных мер, направленных на преодоление негативных тенденций и обеспечение позитивных изменений.

Литература

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: утв. Указом Президента Респ. Беларусь № 575 от 9 нояб. 2010 г. – Минск: Беларус. дом печати, 2011. – 48 с.
2. В Беларуси число поступающих в вузы в 2014–2018 годах снизится примерно на 5–10 тыс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.mail.ru/inworld/belorussia/society/15943616/?frommail=1>. – Дата доступа: 07.12.2013.

I. N. SHARY

**PECULIARITIES AND PROBLEMS OF REPRODUCTION OF PERSONNEL
SCIENCE POTENTIAL IN THE TRANSITION PROCESS TO THE DEVELOPMENT
OF HIGH-TECH INNOVATIVE ECONOMY**

Summary

The article examines the dynamics of age and qualification structure of the scientific personnel in the Republic of Belarus, identifies the problems and trends of personnel development potential as well as the problem of optimizing the reproductive structure of scientific personnel during the transition to high-tech economy. A statement on enhancing the role of personnel potential of the academic sector of science in the formation of V and VI technological modes of the economy.

Keywords: scientific personnel, the reproduction of scientific personnel of higher qualification, age and qualification structure of staff, graduate students, innovative economy.

Поступила 09.12.2013 г.

Н. Л. БОЙКО,

*кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Украины, г. Киев*

МОЛОДЕЖЬ ЭПОХИ ИНТЕРНЕТ НА ПОРОГЕ ВЗРОСЛОЙ ЖИЗНИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье исследуется влияние современных информационно-коммуникационных технологий на жизнь современной молодежи. Анализируется включенность молодежи в информационное общество. Рассматриваются возможности влияния Интернета на формирование жизненных установок выпускников школ на пороге взрослой жизни.

Ключевые слова: информатизация, Интернет, социализация, выпускники школ.

Наиболее характерной чертой нашего времени можно назвать революционное развитие информационных технологий, которые незаметно интегрировались во все сферы современного общества, став неотъемлемым атрибутом современной жизни. Развитие информационного общества, современных информационно-коммуникационных технологий кардинально меняет мир, открывает новые возможности в жизни современного человека. Изучение вопросов вхождения в новый информационный мир является актуальной, но все еще малоизученной проблемой современного научного дискурса. На сегодняшний день еще остаются малоизученными закономерности освоения интернет-технологий, обусловленные и возрастной, и поселенческой, и образовательной спецификой. Заметим, что 1 декабря 2012 г. исполнилось 20 лет с момента официального делегирования Украине домена UA. А это значит, что в стране уже выросло целое цифровое поколение, которое не представляет жизнь без компьютера, мобильного телефона, Интернета.

Для анализа включенности молодежи в информационное общество мы выделили группу выпускников школ. Такой выбор был обусловлен тем, что, с одной стороны, они в силу своего возраста (16–17 лет) уже несомненно принадлежат к цифровому поколению, а с другой – важностью данного возрастного периода для становления личности, учитывая возрастной период ее активной социализации. Именно взаимосвязь данных важнейших характеристик группы выпускников школ и обусловила наш научный интерес и цель данного исследования – изучение особенностей вхождения данной молодежной группы в новую социальную реальность и рассмотрение возможности влияния современных информационно-коммуникационных технологий на важнейшие жизненные приоритеты современных выпускников школ на пороге взрослой жизни.

Теоретико-методологической основой данного исследования выступили основные положения классических работ Л. Выготского, Т. Парсонса, К. Мангейма, М. Мид, Р. Мертон, а также работ отечественных социологов Н. Головатого, И. Мартынюка, Н. Перепелицы о молодежи как особой социально-возрастной группе, имеющей транзитивный социальный статус и находящейся на стадии активной социализации и социальной интеграции в общество. Вопросы становления нового поколения в условиях глобальных изменений XXI в. в своих работах поднимают Е. Баткаева, Н. Бойко, И. Ильинский, В. Лисовский, Б. Малинковский, О. Фаблинова и др.

Кроме того, базовыми для исследования выступают и работы классических теоретиков информационного общества З. Баумана, Д. Белла, М. Кастельса, М. Маклюэна, Г. Рейнгольда, Э. Тоффлера. Их идеи нашли свое дальнейшее развитие в работах наших современных социологов Н. Бойко, С. Бондаренко, Е. Горошко, Д. Иванова, И. Мальковской, Н. Хозяевой, А. Чугунова, В. Щербины а также психологов О. Арестовой, Л. Бабанина, А. Войсунского, Е. Журавлевой, Г. Солдатовой и др.

Как справедливо утверждает М. Кастельс, сегодня можно смело говорить о наступлении информационно-технологической эры, причем информационно-технологическая революция спровоцировала возникновение информатизма как материальной основы нового общества [1]. При этом производство благ, осуществление власти, создание культурных кодов, формирование норм и ценностей становятся зависимыми от технологических возможностей общества с информационной технологией в качестве их базисного основания. Происходит становление и развитие электронных сетей как динамичной, саморазвивающейся формы организации человеческой активности, трансформирующей все области общественной и экономической жизни. Реально Интернет сегодня выступает условием, инструментом современной жизни, влияющим на все стороны жизнедеятельности общества, и этого нельзя недооценивать. Так, Э. Тоффлер, характеризуя новые тенденции в современном обществе, отмечает, что «новая цивилизация несет с собой новые семейные отношения, иные способы работать, любить и жить... Миллионы людей уже настраивают свою жизнь в соответствии с ритмами завтрашнего дня» [2, с. 31]. Заметим, что свою книгу «Третья волна» Э. Тоффлер написал более десяти лет назад, и описанные «ритмы завтрашнего дня» уже стали реальностью дня сегодняшнего. Анализируя основные характеристики постиндустриального общества, Д. Белл акцентирует внимание на освобождении технологии от своего «императивного» характера, отмечая, что современные технологии открывают множество альтернативных путей для достижения уникальных и вместе с тем разнообразных результатов [3]. А З. Бауман, рассматривая особенности активного «вторжения» информационных технологий в современную жизнь, отмечает освобождение от институциональных, традиционных групповых рамок, вызванное данными процессами [4]. Такие кардинальные изменения в социальном устройстве современного общества приносят значительные из-

менения и в процесс социализации, формирования жизненных установок наших современников, трансформируя и сам процесс, и активных агентов социального влияния.

Данные особенности и тенденции развития современного общества заставляют задуматься о том, какое место занимают новейшие информационно-коммуникационные технологии в жизни молодежи. Актуальность данного понимания возрастает в молодежной группе выпускников школ, учитывая значимость данного возрастного этапа для личностного становления человека: молодость – это время активного социально-культурного формирования человека. Так, Н. Перепелица, например, рассматривая основные этапы становления молодой личности, отмечает такие главные периоды в жизни молодежи: период поиска, когда человек активно формирует свое представление о том, кем и каким он хочет быть; период интеграции в общество, когда человек активно ищет свою социальную нишу, начинает свою трудовую и общественно-полезную деятельность; период начала интенсивной творческой самореализации в социуме, который завершает процесс социализации молодого человека [5].

Сегодня важнейшие периоды становления молодой личности проходят в новом информационном обществе, ведущим инструментальным компонентом и атрибутом которого для современной молодежи становится новое информационно-коммуникационное пространство – Интернет. Он открывает молодежи огромные возможности для приобретения знаний и социальных навыков, а высокая обучаемость, гибкость и социальный динамизм, характерные для данной возрастной группы [6], позволяют им гораздо быстрее, чем взрослым, осваивать новые технологии, обретая новый социальный статус – цифрового поколения. Информационное общество несет кардинальные изменения в социально-культурной среде современного человека – возникают новые социальные отношения, новые социальные и культурные приоритеты и предпочтения. Все это актуализирует необходимость и более глубокого социологического анализа влияния Интернета на молодежь. Готова ли она к восприятию данного атрибута современной жизни как позитивного инструмента повышения своего образовательного, интеллектуального, коммуникативного уровня, как инструмента оптимизации саморазвития, самореализации и интеграции в общество?

Наш анализ базируется на результатах всеукраинского социологического исследования, проведенного под руководством Е. Злобиной отделом социальной психологии Института социологии НАН Украины совместно с Институтом педагогики НАПН Украины. Опрос проводился в сентябре–октябре 2011 г. Были опрошены выпускники гимназий, колледжей, лицеев, специализированных и общеобразовательных школ Украины с различной общей успеваемостью учеников во всех регионах и типах поселения (большие города, малые города и село). Генеральная совокупность включала учеников, которые продолжали обучение в 11 выпускном классе школы в 2011/12 учебном году

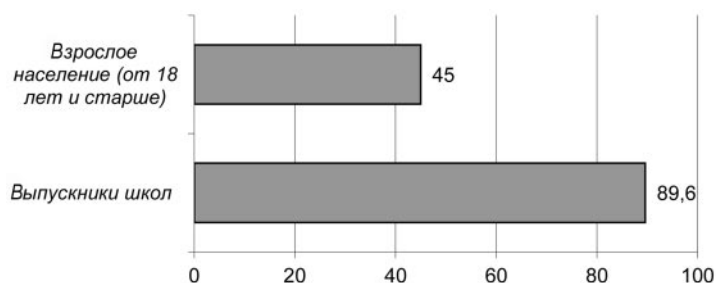

Рис. 1. Пользователи Интернета среди выпускников школ и взрослого населения Украины (2011 и 2012 гг. соответственно), %

на территории Украины. Выборка квотная, двухступенчатая (регион, тип поселения) составила 1013 учеников выпускных классов школ. Погрешность выборки составляет 3,2 %. Данное исследование позволило нам получить социологический портрет молодого поколения на пороге взрослой жизни, а также исследовать место Интернета в их жизни, обозначить особенности вхождения данной молодежной группы в современный глобальный информационный мир. Необходимо отметить, что в нашем социологическом анализе кроме результатов опроса выпускников школ используются также результаты всеукраинского социологического мониторинга «Украинское общество», который проводится Институтом социологии НАН Украины с 1992 г. Динамика развития информационного общества в Украине изучается нами, начиная с 2002 г. [7].

Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что современные выпускники школ являются активными пользователями Интернета. Почти 90 % выпускников школ отметили, что пользуются Интернетом, тогда как по результатам мониторинга НАНУ среди взрослого населения страны (от 18 лет и старше) в 2012 г. пользователями Интернета назвали себя 45 % респондентов (рис. 1).

Несложно заметить, что количество пользователей Интернета среди выпускников школ почти вдвое превышает количество «взрослых» пользователей сети. Действительно, Интернет открывает подросткам огромные возможности, а учитывая их тягу к новому и высокую инновационную обучаемость, освоение новейших технологий происходит намного быстрее и эффективней, чем у взрослого населения страны. Наш анализ показал, что пользование Интернетом среди выпускников намного меньше зависит от их места проживания, чем среди взрослого населения страны. Так, по результатам исследования среди выпускников школ разрыв между количеством пользователей в больших городах и сельской местности намного меньше, особенно если сравнивать эти показатели среди школьников с тенденциями среди взрослого населения страны. В больших городах пользуются Интернетом 94,8 % школьников выпускных классов, в малых городах – 92,8 %, в сельской местности – 79,7 %. Среди взрослого населения страны в 2012 г. Интернетом пользовались 58 % жителей больших городов, 47,5 % жителей малых городов и 25,3 % сельских

жителей. И это несмотря на то, что Интернет в Украине сегодня уже перестает быть атрибутом жизни исключительно больших городов – происходит постепенное стирание территориальных границ его доступности. Школьники малых городов и сел получают сегодня больше возможностей для активного использования Интернета. Однако необходимо заметить, что данная проблема пока не решена полностью, и в первую очередь это ощущается в молодежной группе. Так, среди сельских школьников наибольший процент «потенциальных пользователей» Интернета, т. е. тех респондентов, которые отмечают, что «имеют потребность, но не имеют возможности пользоваться Интернетом» – 16,9 % против 4,4 % среди школьников выпускных классов в больших городах (среди взрослого населения «потенциальных пользователей» – 10,3 % среди жителей сел и 6,6 % среди жителей больших городов).

Выявлены и определенные различия пользователей Интернета среди выпускников школ, связанные с типом учебного заведения, в котором учатся школьники выпускных классов, а также успеваемостью учеников. Так, по результатам исследования больше всего пользователей Интернета среди учеников гимназий (94,2 %), лицеев (94,8 %), специализированных школ (96,2 %), тогда как среди учеников выпускных классов средних школ – 86,4 %. Успеваемость школьников также оказалась тем фактором, который продемонстрировал определенные различия по данному показателю. Необходимо уточнить, что в Украине действует 12-балльная шкала оценивания знаний школьников, где 10–12 баллов соответствуют «5» по прежним стандартам, 7–9 баллов соответствуют «4» и 5–6 баллов – это «3». Оказалось, что пользователей Интернета больше среди более успевающих учеников: 91,9 % среди учеников, чья общая успеваемость колеблется между 10–12 баллами, и 80,2 % среди учеников, чей средний общий уровень успеваемости составляет 5–6 баллов. Что может свидетельствовать и о том, что Интернет не является тем фактором, который отвлекает школьников от учебы.

Одним из важнейших показателей темпов и качества построения информационного общества является интернет-активность пользователей. И в значительной степени этот показатель определяется доступностью и интенсивностью использования сети. Заметим, что по результатам исследования выпускники школ, имеющие доступ к сети, являются постоянными пользователями Интернета, т. е. практически все респонденты данной группы отметили, что пользовались Интернетом в течение последних 30 дней. Однако существуют довольно значительные различия среди выпускников школ, связанные с местом пользования Интернетом.

Отметим, что место пользования Интернетом в значительной степени определяет и качество его использования. Беспрепятственный доступ к сети расширяет возможности пользователя, позволяя более качественно, регулярно и пролонгированно пользоваться возможностями Интернет-сети с учетом его индивидуальных интересов и потребностей. Домашний доступ минимизирует ограничения и препятствия, которые возникают, например, при пользо-

вании Интернетом в учебном учреждении или интернет-кафе – ограничение времени пользования, ограничения руководителя (учителя) в использовании теми или иными ресурсами и т. д. Имея домашний Интернет, мы получаем гораздо больший уровень свободы его использования, который не ограничивается ни временными, ни административными, ни денежными рамками. Какова же ситуация с доступом к Интернету среди учеников выпускных классов, можно увидеть из табл. 1.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «Пользуетесь ли Вы Интернетом?», %

Варианты ответов	Выпускники школ
Не имею потребности и никогда не пользуюсь	1,9
Имею потребность, но не имею возможностей пользоваться	8,5
Пользуюсь дома	80,5
Пользуюсь в компьютерном классе учебного заведения	21,9
Пользуюсь в интернет-кафе, компьютерном клубе и т. п.	14,2
Пользуюсь с помощью мобильного телефона в любом месте	36,1
Пользуюсь в доме друзей, знакомых, родственников	24,8
Другое	0,8

Можно отметить, что подавляющее большинство учеников выпускных классов пользуются Интернетом дома. Причем домашний Интернет является приоритетным местом пользования для всех опрошенных выпускников школ. Однако следует отметить определенную специфику мест использования Интернета, обусловленную местом проживания школьников (тип поселения).

Результаты исследования показывают, что обеспечение домашним Интернетом среди выпускников школ, отметивших, что они являются пользователями сети, выше среди школьников малых и больших городов по сравнению с сельской молодежью. Более низкая обеспеченность домашними компьютерами, подключенными к Интернету, «заставляет» сельских школьников активно искать другие каналы использования Интернета. Это наглядно демонстрируют полученные результаты анализа, представленные на рис. 2.

Пользователи Интернета, проживающие в сельской местности, чаще выходят в сеть с помощью мобильных телефонов, в компьютерных классах учебных заведений, в интернет-кафе, компьютерных клубах, а также у друзей и знакомых. Конечно, такие тенденции не могут не отразиться и на качестве использования Интернета, на тех задачах, которые могут себе позволить решать школьники с помощью сети, пользуясь тем или иным каналом подключения.

Анализ целевой активности пользователей Интернета свидетельствует о высокой активности молодежи в сети, разностороннем и разноплановом ее использовании. Причем необходимо заметить, что сетевая активность выпускников школ связана не только с использованием Интернета для развлечений, как стереотипно могут полагать их родители и представители старшего поколения. Современные школьники активно используют все возможности сети, например: информационные возможности Интернета – 74,5 % респондентов

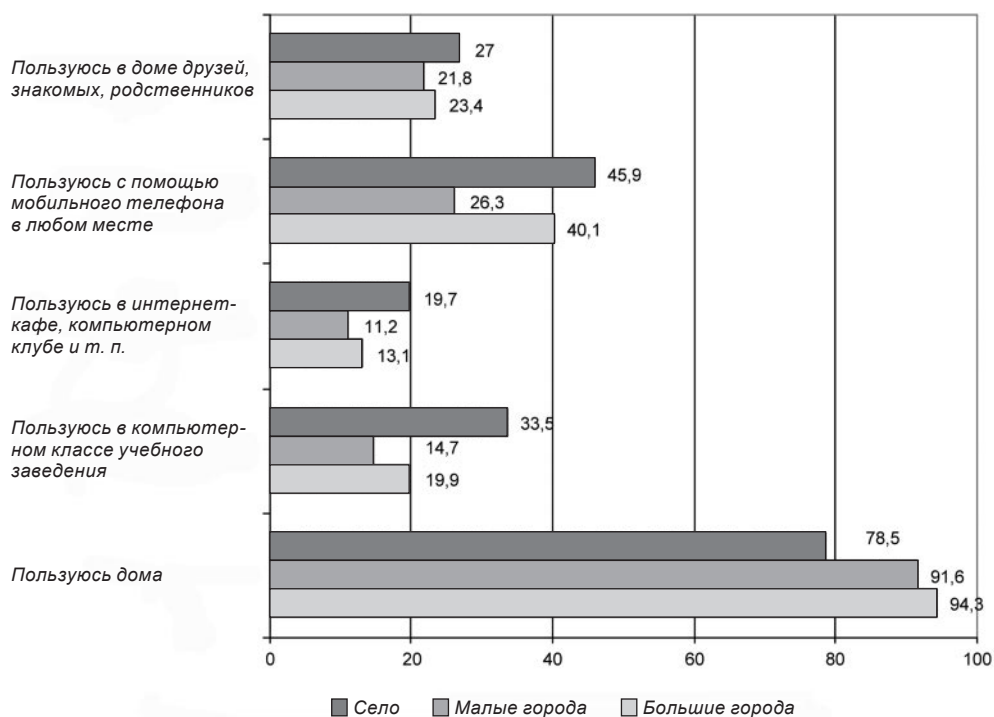

Рис. 2. Места использования Интернета среди выпускников школ в зависимости от типа поселения, %

ищут в сети информацию для учебы/повышения квалификации, 62,2 % ищут информацию на интересующие темы, 57,7 % знакомятся с последними новостями, текущей информацией; коммуникационные возможности – 76,3 % общаются в чатах, социальных сетях, 47,7 % общаются при помощи специальных программ (Скайп и т. п.); развлекательные возможности – 69,3 % находят и слушают/переписывают музыку, фильмы, 20,1 % играют в компьютерные игры онлайн. Также используют Интернет для активизации своей социальной активности: 10,4 % ищут единомышленников, партнеров для реализации новых идей, проектов, инициатив, 17,6 % ищут информацию о вакансиях, возможностях трудоустройства, 9,6 % обращаются через Интернет в официальные (государственные, общественные, международные) структуры.

Современные украинцы все чаще выбирают Интернет как неотъемлемого спутника своей жизни. Так, отвечая в 2011 г. на вопрос «Без каких вещей Вы лично не можете обойтись сегодня в повседневной жизни?», 26 % украинцев отметили, что не могут обходиться без Интернета, а 25,7 % – без компьютера и ноутбука.

Сегодня Интернет становится ресурсом, обуславливающим и профессиональный выбор молодежи, и выбор важнейших жизненных приоритетов молодого поколения. Так, среди выпускников школ при ответе на вопрос «На-

сколько на ваш профессиональный выбор влияет... Интернет?» 45,9 % учеников выпускных классов отметили, что влияет очень или в значительной степени. Заметим, что по результатам исследования выпускников школ Интернет по влиятельности на их профессиональное самоопределение существенно опережает такие каналы влияния, как профориентационные центры (38,6 %), печатные СМИ (33,8 %), рекомендации друзей (32,7 %), телевидение и радио (28,7 %). Больше и значительно чаще, чем к «интернет-советам», современные выпускники прислушиваются к советам родителей и родственников (82,2 %) и, заметим, ненамного чаще – к консультациям и наставлениям учителей (51,8 %). Доступность интернет-ресурсов и возможность их целенаправленного использования для решения конкретных задач, которые возникают перед выпускником с учетом его интересов и запросов, делает его незаменимым помощником и советчиком при профессиональном самоопределении для 40,1 % выпускников-пользователей, проживающих в больших городах, 56,2 % выпускников, пользующихся Интернетом в малых городах, и 42,4 % в сельской местности. Также, по результатам исследования, около 30 % выпускников школ отмечают, что, сталкиваясь впервые с важной жизненной проблемой, они в первую очередь ищут способ ее разрешения в Интернете (на тематических сайтах, интернет-форумах и т. п.). Для современной молодежи Интернет становится одним из ведущих источников получения информации, нового знания, т. е. выступает фактором, во многом определяющим зону ближайшего развития цифрового поколения. И эти тенденции качественно отличают современное молодое поколение от поколения их родителей.

Как свидетельствуют наши исследования, включенность молодежи в новую социально-информационную среду сегодня максимальна. Сегодня Интернет активно осваивается молодежью и начинает выступать одним из основных агентов социализации нового поколения. Конечно, по результатам анализа, главным институтом социализации подростков и сегодня остается семейно-родственное окружение. Но изменения, происходящие в современном информационном мире, влияют на процесс и социализации, и самоопределения подрастающего поколения. Происходит постепенная трансформация основных агентов социализации – появляется новый активный агент социального влияния. Меняются формы общения и получения информации, трансформируются механизмы получения социального опыта и способы его ретрансляции в современном мире. Интернет становится той социальной средой, которая выступает активным агентом социального влияния на жизненные приоритеты и установки молодежи, расширяя пространство свободного самоопределения.

Литература

1. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс: пер. с англ.; под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
2. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2004. – 781 с.

3. Белл, Д. Социальные рамки информационного общества / Д. Белл // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 330–342.
4. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман: пер. с англ.; под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
5. Перепелиця, М. П. Державна молодіжна політика в Україні (регіональний аспект) / М. П. Перепелиця. – Київ: Укр. ін-т соц. дослід., Укр. центр політ. менеджменту, 2001. – 242 с.
6. Головатий, М. Ф. Соціологія молоді: курс лекцій / М. Ф. Головатий – Київ: МАУП, 2006. – 304 с.
7. Стан та динаміка змін. Соціологічний моніторинг / За ред. В. Ворони, М. Шульги. – Київ: Ін-т соціології НАН України, 2012. – 660 с.

N. L. BOIKO

YOUNG PEOPLE OF THE INTERNET-EPOCH ON THE THRESHOLD OF ADULT LIFE: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Summary

The influence of informatively-communication technologies on life of modern youth is investigated in the given article. The inclusion of young people in informative society is analyzed. Possibilities of the Internet impact on the formation of life attitudes of graduate school students on the threshold of adult life are examined.

Keywords: informatization, Internet, socialization, graduate school students.

Поступила 16.10.2013 з.

Т. П. ТИТОВА,

*кандидат политических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск*

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПОДХОДЫ К РЕГУЛИРОВАНИЮ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Анализируется значимость интеллектуального потенциала Республики Беларусь с точки зрения национальной безопасности и влияние на него эмиграции научных кадров. Обосновывается усиление роли управления процессами интеллектуальной миграции, рассматриваются основные направления политики в данном контексте.

Ключевые слова: интеллектуальный потенциал, национальная безопасность, интеллектуальная миграция, научные кадры.

Экономика знаний выдвигает новые правила и требования к экономическим игрокам в динамично меняющемся мировом пространстве. Завоевание и удержание позиций на мировых рынках высокотехнологичной продукции достигается в жесткой конкурентной борьбе. Отставание в распространении и использовании высоких технологий означает не просто снижение международной конкурентоспособности, но и угрозу остаться на периферии нового информационного общества и «новой экономики», утратить научно-технологическую и экономическую самодостаточность. В процессе становления общества знания наука и образование интенсивно интегрируются в транснациональные и глобальные контексты. При этом перед мировым сообществом возникают новые проблемы в связи с увеличением разрыва между странами с высоким уровнем образования и науки, «догоняющими» странами и странами «третьего мира».

Поскольку возможности современного экономического роста определяются степенью развития человеческого капитала, и в первую очередь его образовательного фактора, сегодня те страны, которые достигли более высокого уровня образования, профессиональной подготовки кадров, оказываются в выигрышном положении по сравнению с теми, где этот уровень относительно ниже. Разворачивающееся вокруг интеллектуальных ресурсов соперничество, борьба за достижение и удержание превосходства в этой сфере занимают все более значимое место в общей геополитической конкуренции развитых стран мира. Именно поэтому во многих странах (США, Японии, странах, входящих в Европейский союз (ЕС) и Организацию экономического сотруд-

ничества и развития (ОЭСР)) решающая роль науки и образования в экономическом и социальном развитии признана в качестве главного приоритета обеспечения конкурентоспособности и национальной безопасности.

Значимость интеллектуального потенциала страны с точки зрения национальной безопасности получила правовое закрепление и в Беларуси. В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь (Указ Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575) ряд положений непосредственно касается вопросов обеспечения безопасности в этой сфере. Основными индикаторами состояния национальной безопасности являются уровень инновационной активности промышленных предприятий, внутренние затраты на научные исследования и разработки, индекс развития человеческого потенциала. Формирование экономики, основанной на знаниях, обеспечение развития науки и технологий как базы устойчивого инновационного развития относятся к основным национальным интересам в научно-технологической сфере. Определены внутренние и внешние источники угроз. В качестве внутренних рассматриваются:

- наукоемкость ВВП ниже критического уровня, необходимого для воспроизводства научно-технологического потенциала;

- низкая инновационная активность и восприимчивость белорусской экономики;

- неэффективность национальной инновационной системы, в том числе законодательства, инфраструктуры трансфера технологий из науки в производство, материально-технической базы научных учреждений, системы финансирования, отраслевой науки;

- неблагоприятная возрастная структура и недостаточный уровень подготовки научных кадров.

Основными внешними источниками угроз в научно-технологической сфере являются:

- ограничение доступа белорусских исследователей и субъектов хозяйствования к новейшим технологиям, результатам исследований и разработок мирового уровня;

- целенаправленная политика иностранных государств и компаний, стимулирующая эмиграцию высококвалифицированных ученых и специалистов из Республики Беларусь.

Активизация эмиграционных процессов, снижение научно-технологического и образовательного потенциала до уровня, не способного обеспечить инновационное развитие, рассматриваются в качестве основных потенциальных либо реально существующих угроз национальной безопасности.

Возрастающая роль человеческого потенциала в целом и интеллектуального потенциала как его важнейшей составляющей находит отражение и в концептуализации новых парадигм национальной безопасности. Так, интеллектуальная безопасность рядом исследователей выделяется как отдельный вид национальной безопасности, а отток научных кадров за границу – интеллектуальная

миграция – рассматривается в качестве одной из угроз, поскольку параметры кадрового потенциала науки и образования определяющим образом влияют на темпы социально-экономического развития [1, с. 435–442; 2, с. 25–27].

Существуют различные трактовки понятия «интеллектуальная миграция». Ее расширенное понимание включает миграцию не только научно-технических специалистов, но и творческой интеллигенции, а наиболее широкая трактовка подразумевает весь комплекс миграционных потоков квалифицированных кадров, более одного года работающих за рубежом.

Развитие экономики знаний способствовало формированию особого сегмента мирового рынка труда – интеллектуального. Глобализация превращает научный мир в единое международное сообщество, которому присуща повышенная мобильность. В настоящее время мобильность интеллектуальной элиты достигла таких масштабов, что ее вклад в развитие знаний человечества вполне сопоставим с деятельностью в национально-государственных рамках.

Растущие потребности развитых и развивающихся стран в притоке мигрантов интеллектуальных профессий и ограниченность мировых интеллектуальных ресурсов породили острую конкурентную борьбу на современных мировых рынках интеллектуального труда. Это обстоятельство усиливает роль управления процессами миграции в целом и интеллектуальной миграцией как ее наиболее значимым сегментом. В качестве основных направлений регулирования можно выделить: постоянное увеличение доли расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР) и образование в национальных ВВП; поощрение международной мобильности исследователей; селективную миграционную политику.

Выбор стран и регионов в Докладе ЮНЕСКО по науке за 2010 г. четко отражает неоднородность деятельности в области науки и техники во всем мире, начиная от высокоразвитых стран ОЭСР до четырех крупных стран БРИК¹ с формирующейся экономикой и большого числа развивающихся стран, которые играют все большую роль в глобальных исследовательских усилиях [3]. Беларусь относится к числу стран с высоким уровнем научного потенциала. В списке стран по индексу развития человеческого потенциала, включающего, в частности, индекс образования, республика занимает 50-е место среди 187 стран. Расходы на образование в стране составляют 9,3 % ВВП и являются значительными даже по меркам развитых стран. По данным Института Всемирного банка, по индексу знаний (способность генерировать, воспринимать и распространять научные знания) в рейтинге 142 стран мира Беларусь находится на 45-м месте, уступая из стран СНГ только России. Согласно отчету Всемирной организации интеллектуальной собственности за 2006 г., по числу поданных заявок в расчете на 1 млрд долларов США ВВП Беларуси занимает 4-е место в мире. В целом, за 2002–2006 гг. число полученных патентов возросло в 5,5 раза.

¹ С 2011 г. БРИКС, 5 стран.

На начало 2012 г. кадровый потенциал научной сферы Республики Беларусь характеризовался следующими показателями: численность работников, выполнявших научные исследования и разработки, составила 31,2 тыс. человек, из них 63,4 % – исследователи, 7,1 % – техники, 29,5 % – вспомогательный персонал. Число исследователей на 1 млн жителей в Беларуси в два раза превышает среднемировой уровень. Однако это относительные величины. Когда речь идет об экономике знаний, в качестве ориентира необходимо рассматривать параметры развитых стран (табл. 1).

Таблица 1. Потенциал научно-технологического развития: Беларусь и страны мира (2007)

	Число исследователей (тыс. чел)	Исследователи на млн населения	Расходы на исследования и разработки, в % к ВВП	Расходы на исследования и разработки (по ППС) в долл. США на 1 жителя страны	Расходы на исследования и разработки (по ППС) в тыс. долл. США на 1 исследователя
Мир в целом	7209,7	1080,8	1,7	171,7	158,9
Развитые страны	4478,3	3655,7	2,3	712,8	195,0
Развивающиеся страны	2696,7	580,3	0,8	58,3	100,5
Беларусь (2009)	19,8	2097	0,65	81,3	40,0

Примечание: развитые страны – страны Северной Америки, Европы, Японии, Австралия, Новая Зеландия; развивающиеся страны – страны Африки, Латинской Америки, Азии (исключая Японию), Океании (без Австралии и Новой Зеландии).

Основными проблемами науки Беларуси являются продолжающееся уменьшение численности работников, выполняющих научные исследования и разработки (на 1,6 % в 2011 г.), преобладание в их составе лиц без ученой степени, а также снижение доли сектора высшего образования во внутренних затратах на исследования и разработки (с 17 % в 2005 г. до 9,6 % в 2011 г.) [4, с. 63]. Такая динамика прямо противоположна существующей в странах, ориентированных на инновационное развитие экономики.

Разрыв между потенциалом страны и реальным состоянием НИОКР свидетельствует о недостаточно эффективном использовании человеческого и интеллектуального капитала. Беларусь продолжает находиться на отстающих позициях по уровню бюджетного финансирования исследований и разработок. Научоемкость ВВП в последние годы составляет около 0,7 %. Концепцией национальной безопасности на 2011–2015 гг., Программой социально-экономического развития на 2011–2015 гг. и Государственной программой инновационного развития на 2011–2015 гг. предусмотрено достижение данного показателя в 1,2–1,4 % в 2011 г. и 2,5–2,9 % к 2015 г. Однако фактические расходы республиканского бюджета на НИОКР в 2011 г. составили 0,76 %, что на 0,21 % меньше по сравнению с 2007 г. Представляется закономерным в этой связи сравнительно невысокий уровень инновационных показателей Беларуси

в контексте международных индикаторов (78-е место из 141 в глобальном индексе инноваций) [5].

В мировой практике сложились стандартные значения основных параметров научно-технического потенциала, которые отвечают условиям его эффективного функционирования. Минимальное значение кадровой наукоемкости должно составлять около 0,4 % научных работников от общей численности занятых в экономике, или 30 научных работников на 10 тыс. населения. Еще более отчетливо эффективность научно-технического потенциала реагирует на текущий уровень затрат на НИОКР. Так, при уровне затратной наукоемкости ВВП до 0,4 % научный потенциал способен реализовать лишь свою социокультурную функцию. При уровне до 0,9 % – познавательную. И только лишь после повышения доли затрат на науку в ВВП появляется возможность реализации экономической функции науки, получения экономической отдачи от инвестиций в эту отрасль. Эффективное финансирование инновационной сферы имеет решающее значение не только и не столько для выживания самой науки, а прежде всего, определяет единственную возможность выйти на путь экономического роста [6, с. 137].

Действующая в Беларуси система оплаты труда обеспечивает более высокий уровень оплаты труда работников науки и научного обслуживания по сравнению с другими отраслями бюджетной сферы республики. В 2010–2011 гг. среднемесячная заработная плата была здесь на 37 % выше, чем в целом по стране. Но когда речь идет об интеллектуальной миграции, следует учитывать относительность национальных показателей, поскольку ситуация всегда рассматривается в контексте международного рынка интеллектуального труда.

На постсоветском пространстве сложилась собственная евразийская миграционная система со своими странами-донорами и реципиентами. Для Беларуси страной-реципиентом выступает Россия. Миграционное законодательство Российской Федерации содержит нормы, облегчающие въезд в страну высококвалифицированных специалистов (ВКС). В соответствии с Федеральным законом № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан», они относятся к наиболее преференциальной категории иностранцев, осуществляющих трудовую деятельность. Высококвалифицированным признается иностранный гражданин, имеющий опыт работы, навыки или достижения в конкретной области деятельности, если условия привлечения его к трудовой деятельности предполагают получение им заработной платы (вознаграждения) в соответствующем размере: 1) не менее 1 миллиона рублей из расчета за один год – для ВКС, являющихся научными работниками или преподавателями, в случае их приглашения для занятия научно-исследовательской или педагогической деятельностью по имеющим государственную аккредитацию образовательным программам образовательными организациями высшего образования, государственными академиями наук или их региональными отделениями, национальными исследовательскими центрами либо государствен-

ными научными центрами; 2) в размере не менее чем семьсот тысяч рублей из расчета за один год – для иностранных граждан, привлеченных к трудовой деятельности резидентами технико-внедренческой особой экономической зоны; 3) без учета требования к размеру заработной платы – для иностранных граждан, участвующих в реализации проекта «Сколково».

Согласно Концепции миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г., одним из приоритетных ее направлений является совершенствование системы привлечения временных трудовых мигрантов. Профильные ведомства проводят работу по разработке соответствующих изменений в законодательстве, в т. ч. направленных на привлечение в страну высококвалифицированных специалистов, а также квалифицированных работников по профессиям, дефицитным и востребованным на российском рынке труда. Отметим, что в соответствии с Договором между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 25 декабря 1998 г. «О равных правах граждан», гражданам России и Беларуси обеспечиваются равные права на трудоустройство, оплату труда и предоставление других социально-правовых гарантий на территориях двух стран.

В последние годы Российская Федерация проводит активную научно-технологическую и инновационную политику, в целях ее реализации приняты специальные государственные программы. Планируется, что динамика финансирования научных исследований и разработок будет опережать прирост макроэкономических показателей и к 2020 г. составит около 3 % ВВП. Удельный вес нового оборудования в организациях, выполняющих научные исследования и разработки, должен достичь 70 %, а средняя зарплата научных работников в два раза превысит среднюю зарплату в регионе.

Социологические исследования в качестве одного из главных мотивов интеллектуальной эмиграции традиционно выделяют разницу в оплате и условиях труда. Учитывая вышеуказанные факторы, угроза утечки умов для Беларуси представляется вполне реальной. Тем более что в случае эмиграции в Россию отсутствуют характерные для стран Запада барьеры – политические, правовые, социокультурные.

Эмиграция научных кадров способна оказать существенное влияние на снижение интеллектуального потенциала страны. И хотя она не достигает масштабов, которые были характерны для 1990-х гг., однако по-прежнему является значимым фактором для инновационного развития Беларуси. Нужно учитывать и тот факт, что количественные показатели не дают полной картины изменений в научной среде, поскольку в сфере интеллектуального, и особенно научного, труда количество работников далеко не всегда коррелирует с реальной величиной человеческого капитала.

Роль интеллектуальной составляющей в развитии экономики знаний подчеркивается Президентом и Правительством Республики Беларусь, стратегия и тактика инновационного развития сформулированы в целом ряде нормативных документов. Концептуальные положения, предусматривающие страте-

гические цели инновационного развития и пути их реализации, определены в Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2011–2015 гг. В соответствии с Программой, к 2015 г. доли производимых в Беларуси наукоемких и традиционных продуктов должны быть сопоставимыми. И в качестве одного из главных условий достижения поставленных целей определено развитие материальной базы национальной науки и подготовка высококвалифицированного персонала в сфере инновационной деятельности.

Миграционная проблематика, в т. ч. вопросы безопасности и интеллектуальной миграции, отнесены белорусским законодателем к сфере демографии. Так, оптимизация миграционных процессов, создание условий для уменьшения эмиграции, сохранения интеллектуального и трудового потенциала республики, а также привлечения высококвалифицированных кадров из-за рубежа рассматриваются Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь как одно из направлений нейтрализации внутренних источников угроз и защиты от внешних угроз национальной безопасности в демографической сфере.

Следует отметить, что до недавнего времени в Беларуси применялся иной подход к регулированию миграционных процессов. В период с 1998 по 2010 г. в стране были разработаны и реализованы три специальные государственные миграционные программы. В Государственной миграционной программе на 2006–2010 гг. вопросам интеллектуальной миграции отводилось особое место. В документе указывалось, что серьезной проблемой для республики остается эмиграция высококвалифицированных специалистов и перспективных научных работников, которая наносит значительный ущерб интеллектуальному потенциалу страны. В данном контексте одним из приоритетных направлений регулирования миграционных процессов было признано создание условий для снижения эмиграционного оттока научно-технических и творческих кадров, а также молодых специалистов из страны.

С целью создания условий для возврата в страну высококвалифицированных специалистов и перспективных научных работников, а также привлечения иммигрантов, находящихся в репродуктивном возрасте и имеющих высокий уровень квалификации, признавалось необходимым провести исследование проблем государственного регулирования этого потока мигрантов. Ставилась задача на основании результатов исследования разработать комплекс мер по возвращению в Беларусь высококвалифицированных специалистов и перспективных научных работников, длительное время работающих за границей по контракту. В Программе также отмечалась необходимость создания единой статистики по вопросам миграции с целью изучения конкретных миграционных потоков, их характерных особенностей.

Однако эти положения не были реализованы на практике. Одной из причин является отсутствие на международном уровне единой методологии учета трудовых мигрантов. Кроме того, в случае миграционного обмена с Российской Федерацией соглашениями, заключенными в рамках Союзного государ-

ства, предусмотрен облегченный порядок въезда и трудоустройства граждан обоих государств. Беларусь испытывает значительные сложности при учете трудовой эмиграции, и недоучет может в несколько раз превышать реальные потоки [7].

Таким образом, значимость проблемы интеллектуальной миграции и необходимость ее политического и правового регулирования законодательно закреплены в Республике Беларусь. Однако включение миграционной политики в сферу демографии вряд ли можно признать эффективным подходом к решению проблемы. В современном мире наблюдается иная тенденция – усиление роли политического управления процессами миграции в целом и интеллектуальной миграцией как ее наиболее значимым сегментом. Представляется целесообразным вернуться к существовавшей в Беларуси практике принятия специальных государственных программ в области миграции, обеспечив при этом селективный подход к трудовой миграции и определив интеллектуальную миграцию в качестве отдельной и приоритетной сферы миграционной политики.

Еще одним действенным инструментом регулирования интеллектуальной миграции является развитие международной мобильности исследователей. Она рассматривается многими странами-донорами как механизм, существенно снижающий потери от утечки умов. Большинство стран с развитыми научными комплексами реализуют различные инициативы по стимулированию мобильности научных кадров и возвращению на родину уехавших ученых-соотечественников.

При этом в сфере межгосударственного научно-технического сотрудничества наблюдается тенденция к регионализации, т. е. сотрудничеству государств по географическому признаку. Особый интерес представляет опыт международных региональных организаций, в частности Европейского союза. Как свидетельствует практика, формирование единого научного и инновационного пространства в его рамках является наиболее эффективной формой научно-технического сотрудничества, взаимовыгодного для всех участников.

Мобильность в различных вариантах, включая международную, изначально рассматривалась как важнейший механизм реализации этого масштабного проекта. Ее развитие способствует решению целого комплекса задач:

- созданию механизмов противодействия утечке умов;
- стимулированию научной карьеры;
- повышению привлекательности научных исследований для молодежи;
- повышению практической ориентации научных исследований;
- консолидации исследователей разных стран с целью формирования международной научно-исследовательской сети для решения наиболее актуальных научных проблем международного масштаба.

Сотрудничество в области инноваций сегодня становится ключевым направлением интеграции на пространстве СНГ. Задача создания общего научного пространства государств – участников Содружества была обозначена

еще в 1995 г. в Соглашении о создании общего научно-технологического пространства государств – участников Содружества Независимых Государств. Были приняты и другие документы, касающиеся сотрудничества в этой сфере. Однако в большинстве своем они не получили практического наполнения. В последние годы, с принятием в 2011 г. Межгосударственной программы инновационного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2020 года, ситуация меняется.

Межгосударственная программа и Комплексный план сотрудничества в инновационной сфере государств – участников СНГ предусматривают разработку комплекса мер институционального характера, нацеленных на создание необходимых элементов национальных инновационных систем, способствующих интеграции в единое инновационное пространство. Особое внимание в ходе реализации Программы предполагается уделить формированию механизмов эффективной мобильности научных, инженерно-технических кадров, а также молодых исследователей. В этих целях разработана специальная Подпрограмма «Кадры». Она должна послужить основой для интеграции инновационного пространства СНГ, создания конкурентного рынка труда, повышения квалификации специалистов, занятых в инновационной сфере, распространения передового опыта в сфере менеджмента инноваций и создания профессионального сообщества инноваторов СНГ как части международного сообщества.

В данном контексте, учитывая научный и кадровый потенциал России и Беларуси, сформировавшиеся кооперационные связи и опыт реализации десятков совместных программ, закономерным представляется рассматривать как приоритет создание единого научно-инновационного пространства Союзного государства. Реализация такого уровня проектов предполагает разработку соответствующих институциональных моделей, и мобильность научных кадров, учитывая опыт ЕС, могла бы стать одним из ведущих элементов такой системы. Однако сложившийся в Союзном государстве формат сотрудничества не включает межстрановую мобильность исследователей в качестве важного инструмента развития кооперации в научно-технической сфере.

Между тем, рост масштабов и разнообразия форм международной мобильности исследователей сегодня является одним из трендов мирового развития науки. Разработка механизмов межстрановой мобильности научных кадров и принятие на государственном уровне соответствующих программ способствовали бы предотвращению утечки умов, формированию эффективной системы обмена научными кадрами, консолидации исследователей двух стран с целью формирования единого научного и инновационного пространства Союзного государства.

Подход к инновационной экономике как к глобальной, сложной, динамической и нелинейной системе позволяет сформировать новые направления политики, способствующие инновационному прорыву. Инвестиции в человеческий и особенно в интеллектуальный капитал – основа любой национальной инновационной системы. В качестве важнейших видятся следующие направ-

ления политики, способные позитивно повлиять на процессы интеллектуальной миграции в Беларуси:

постоянный рост доли расходов на НИОКР и образование в национальном ВВП;

повышение социального статуса научных и высококвалифицированных кадров;

развитие академической мобильности, обеспечение участия белорусских научных и научно-образовательных организаций в международных технологических и исследовательских проектах;

активное участие в формировании единого научного пространства в рамках региональных союзов;

селективная миграционная политика по привлечению в страну научных кадров и высококвалифицированных специалистов;

эффективное взаимодействие с зарубежными учеными-соотечественниками.

Обеспечение национальной безопасности в современном мире требует сосредоточения усилий на развитии науки и образования как приоритетах устойчивого развития.

Литература

1. Основы обеспечения национальной безопасности: курс лекций /В. В. Пузиков [и др.]; под ред. В. В. Пузикова. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2013. – 512 с.
2. Дубровин, И. Р. Интеллектуальная безопасность / И. Р. Дубровин, Е. Р. Дубровин // МОСТ. – 2004. – № 57. – С. 25–27.
3. Доклад ЮНЕСКО по науке за 2010 г. Современное состояние науки в мире //ЮНЕСКО [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://unesdoc.unesco.org/images/0018/001898/189883R.pdf>. – Дата доступа: 27.09.2013.
4. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь: стат. сб. / Нац. стат. ком.; редкол.: В. А. Богуш [и др.]. – Минск, 2012. – 157 с.
5. The Global Innovation Index 2013. The local dynamics of innovation [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://www.globalinnovationindex.org/content.aspx?page=past-reports>. – Дата доступа: 03.08.2013.
6. Маліцький, Б. А. Прикладне наукознавство / Б. А. Маліцький. – Київ: Фенікс, 2007. – 464 с.
7. Статистика трудовой миграции странах сети МИРПАЛ // Группа всемирного банка [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://siteresources.worldbank.org>. – Дата доступа: 03.09.2013.

T. P. TITOVA

INTELLECTUAL MIGRATION IN THE CONTEXT OF NATIONAL SECURITY: APPROACHES TO THE REGULATION IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Summary

The importance of the intellectual potential of the Republic of Belarus from the standpoint of national security and the impact of intellectual migration on it is investigated. The strengthening of the role of management in intellectual migration is substantiated and the main policy directions in this context are examined.

Keywords: intellectual potential, national security, intellectual migration, scientific staff.

Поступила 11.12.2013 г.

Е. И. СУИМЕНКО,
доктор философских наук, профессор,
Институт социологии НАН Украины

ИНТЕРЕС КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ И ЕГО НОВЕЙШИЕ МОДИФИКАЦИИ

Интерес отражает прежде всего наиболее существенные потребности человека в воссоздании его жизни. В современных условиях мир претерпел заметные изменения. С достижением высокого уровня интеграции (глобализации), взаимосвязи стран и народов современная ситуация в мире характеризуется реструктуризацией, переранжировкой мировых и национальных приоритетов социально-экономической и политической их жизнедеятельности. Если в период классического либерализма первоочередную роль в обществе играли классовые, социально-групповые интересы людей, то в современный период капиталистической глобализации эту роль начинают играть общечеловеческие интересы (демилитаризация экономики, решение проблем мирового экономического кризиса, предупреждение массовых заболеваний и деградации *homo sapiens*). Таковы императивы истории.

Ключевые слова: личные интересы, социально-групповые интересы, общечеловеческие интересы, основные угрозы существованию человечества, милитаризация экономики, мировой экологический кризис, деградация *homo sapiens*, новые императивы истории.

Проблема социальных интересов людей изучена вдоль и поперек. И прежде чем говорить о новейших ее модификациях, необходимо хотя бы в сжатом виде повторить основные характеристики этого явления. Интерес прежде всего отражает насущные потребности людей в создании и воссоздании их жизни как объективной материальной данности. Как и сама потребность в таком создании и воссоздании, интерес характеризуется прежде всего двумя признаками: первый – это определенная избирательная *направленность* деятельности и поведения людей на обеспечение своей многогранной жизни; второй – внутренняя движущая *активность*, благодаря которой осуществляется человеческая деятельность в определенном направлении. Возникший на основе потребностей интерес не сводится к этим последним. Речь об интересах заходит лишь тогда, когда потребности переносятся в *социальный контекст* человеческого бытия. Во-первых, в отличие от потребности интерес характеризуется определенной мерой его осознания (высшим уровнем которого является политическая программа или политическая идеология). Во-вторых, кроме осознания потребности интерес предусматривает социальные условия, способы и средства ее удовлетворения. В-третьих, интересы людей имеют уровневый характер в зависимости от их субъектов-носителей: это интересы отдельного человека (индивидуальные, личные интересы); социально-

групповые (классовые, национальные, государственные) интересы и, наконец, общечеловеческие интересы. Разноуровневый характер интересов и сложное по своему общению и взаимодействию социальное пространство, в котором циркулируют интересы людей, создают общее и различное, тождественное и противоположное в этих интересах. Но поскольку человечество или нация (государство) способны существовать и нормально развиваться лишь как единая целостная система, возникает необходимость социального регулирования различных по своей направленности и содержанию интересов, правил и норм, чтобы избежать постоянных междоусобиц. Таким образом, создается нормотворческая (правотворческая) система регулирования человеческих интересов *как социальных интересов*.

В условиях частнособственнических отношений, когда расхождение социальных интересов людей объективным образом перерастает в конкурентную вражду и социальный антагонизм, процесс урегулирования взаимоотношений этих интересов, с одной стороны, усложняется, а с другой – становится неотложным и крайне важным. В подобных условиях речь должна идти не столько о ликвидации, устранении противоположных интересов или принципиальных социально-экономических (политических) расхождений между интересами различных слоев населения, сколько о сбалансировании этих интересов со стороны государства, их урегулировании путем правовой практики и жестких санкций, а также путем взаимных уступок, компромиссов, договоренностей.

Современная ситуация в мире, достигшая высокого уровня интеграции (глобализации), взаимосвязи стран и народов, характеризуется реструктуризацией, переранжировкой мировых и национальных приоритетов социально-экономической и политической их жизнедеятельности. Если в период классического либерализма первоочередную роль в обществе играли *классовые, социально-групповые интересы* людей, то в современный период капиталистической глобализации (как исторической формы общественной интеграции) *первоочередную роль все более начинают играть общечеловеческие интересы* (демилитаризация экономики; решение проблемы мирового экологического кризиса; отпор повсеместному национал-фашизму как реакции на мировой интеграционный процесс; предупреждение массовых заболеваний людей; проблемы деградации homo sapiens). Нетрудно заметить, что *смещение социальных интересов людей с классово-групповых на общечеловеческие происходит вследствие интенсивного характера интеграционных процессов в обществе*. При этом реструктуризация интересов не означает «перестановки» интересов различного уровня в их изначальном, «классическом» виде. Она включает в себя кардинальные изменения на всех уровнях социального интереса как такового, поскольку приоритетная роль общечеловеческого фактора существенно влияет как на сугубо личные, так и на социально-групповые интересы, которые сегодня «вынуждены» подчиняться императивам общечеловеческого уровня.

Рассмотрим кратко, как происходят основные модификации социальных интересов в современном человеческом мире под влиянием его изменений.

Демилитаризация экономики. В разоружении экономики, в изъятии из хозяйственного процесса изготовления ядерного оружия заинтересованы сегодня все, в том числе правительства тех стран, которые способны изготавливать его. Похоже на то, что враждующие между собой державы ограничиваются *возможностью* изготовления ядерного оружия, но не фактом его *наращивания*. Объяснять пагубные воздействия ядерного оружия на жизнь планеты не приходится. Отсюда вывод о том, что *возможность* ядерной войны так и остается *возможностью* в интересах жизни на Земле. Там, где не срабатывает здравый смысл, срабатывает инстинкт самосохранения собственной жизни, жизни своих детей и внуков, срабатывает *общечеловеческий* интерес.

Эсхатология мирового экологического кризиса. Вплоть до конца XX в. материальное производство не порождало проблемы мирового экологического кризиса. Но, начиная с последней четверти этого столетия, планетарный кризис стал очевиден. Между эскалацией капиталистического производства, его непрерывным развитием *вглубь* и *вширь* и *экологией* планеты – прямая связь. Сегодня человечество усиливает «преобразование природы» во всех составляющих ее сферах – на суше, в воде и в воздухе. Это все чувствуют, знают, понимают. Чем бы и как бы ни объяснять причины экологического кризиса, неизменным остается то обстоятельство, что каждый из людей, к какому бы классу, к какому бы государству он не принадлежал, заинтересован в сохранении природной среды обитания. И лишь последние «троглодиты», обуянные страстным желанием обогатиться на бедах природы, способны не интересоваться собственной гибелью и гибелью своих детей. Подобного рода «троглодиты» обитают и в современном украинском обществе. Не лишне будет сказать, что возникшая недавно в Украине необуржуазия менее всего обращает внимание на экологический фактор при хищническом выколачивании из природы денег и своего престижа. За восемь лет (2002–2010) количество автомобилей – этих «пожирателей» кислорода из воздушных масс – увеличилось в Украине с 18,8 % до 28,8 %. Более того: этот кислород не только не восстанавливается, но и идет на убыль, так как параллельно с увеличением числа автомобилей, этих «пожирателей» кислорода, происходит уничтожение лесов и парков – частично ради дешевого использования древесины в химическом и строительном производстве, частично – ради внедрения собственного роскошного жилья в парковую зону городов.

Экологический кризис очевиден. Впервые о нем заговорили Римский клуб и его первый президент Аурелио Печчеи в своей знаменитой книге «Человеческие качества». Затем вопрос был поднят на всемирной конференции в Рио-де-Жанейро в 1992 г., на которой ее Генеральный секретарь Морис Стронг сказал: «Модель развития, используемая богатыми странами, исчерпала себя, и ее повторение может привести нашу цивилизацию к краху». И, наконец, – в Бангкоке на международной конференции (в присутствии Межправитель-

ственной группы экспертов по изменению климата (англ. IPCC)) в мае 2007 г. На последней конференции специалистами и учеными рассматривался вопрос о потеплении атмосферы Земли как следствии вмешательства человека в естественные климатические циклы и был сделан неутешительный прогноз: если человечество к 2030 г. не остановит рост объемов вредоносных выбросов в атмосферу, то все спасательные меры будут уже напрасными. По прогнозам IPCC средняя температура на планете возрастет к концу столетия на 1,8–2,4 градуса. Однако ряд климатологов не исключают как минимального повышения на 1,1 градуса, так и максимального всплеска до 6,4 градуса [1]. Большие претензии к нарушению природных циклов в атмосфере были высказаны на этой конференции в адрес США, цитадели мирового капитализма.

Естественно, дело не ограничивается фактором потепления атмосферы и его пагубными последствиями для всего живущего на Земле. На наших глазах происходят еще и иные события, связанные с экологическим кризисом: изменение температуры Гольфстрима; загрязнение вод морей и океанов; загрязнение и истощение почвы, плодородных земель; учащение наводнений, бурь, метелей, цунами и смерчей; появление оползней вследствие массовой вырубке лесов; неожиданные скачки в температуре воздуха; увеличение электростатичности воздушного пространства и т. д., и т. п. Но самое страшное для человека то, что получило название «*нарушение внутренней экологии*». Ведь что мы едим, что мы пьем и чем мы дышим? А едим мы загустители, растворители, смесители, уплотнители, эмульгаторы, консерванты, заменители, красители, ароматизаторы, белковые добавки; пьем воду, в которой размещается вся таблица Менделеева и в которую входят все рукотворные и нерукотворные вещества; наконец, дышим выхлопными газами и непонятно чем, только не воздухом, и при этом стреляем друг в друга электрическими разрядами.

Отсюда и такое явление, как *массовые заболевания людей*, лечение которых все более становится заботой всего человеческого общества. От нарушений земной экологии не отгородишься высоким забором и бдительной стражей, а значит, не отгородишься и от сопряженных с ними болезней. Если в костях пингвинов Антарктиды биологи находят пестицид ДДТ, то что уж говорить о заболеваемости человеческого организма – они распространяются на все ареалы, на все человечество, и борьба с ними носит общечеловеческий характер.

Не только экологическое состояние планеты нивелирует первостепенные интересы людей. Процесс глобализации (интеграции) человечества как закономерное явление в последние годы все чаще сталкивается со своей противоположностью – с противодействием ему национализма, который в условиях товарно-денежных отношений (капитализма) нередко выступает в форме озверевшего фашизма. И поскольку он *античеловечен*, в интересах всего общества – борьба с ним. Все основные классы, социальные слои общества заинтересованы в противодействии фашизму как *патологии* человеческого общества, как социально-этнического его рудимента. К сожалению, прихо-

дится констатировать, что далеко не все страны, не все их правительства осознают это.

Наконец, хотя это и небесспорно, в обществе наблюдаются такие отклонения в биологии человека в связи с вышеотмеченными и другими факторами, которые заставляют думать о его вырождении (или о переходе в «новое качество»?). Под другими факторами следует понимать прежде всего рост профессиональной гиподинамии, обострение общественных противоречий в условиях повышения интеллектуального уровня людей, сдерживающего простую (физическую) активность, что негативно сказывается на их психике и здоровье. Признаками нарушения нормального биоритма человека, кроме этого, являются: снижение половой активности у мужчин, а значит, и рождаемости детей, вынуждающее граждан «развитых» стран прибегать к участвовавшему усыновлению (удочерению) детей из других стран (неслучайно в человеческой речи последнего времени появились такие понятия, как «социальные родители», «социальные папа и мама» в отличие от «биологических родителей!»); в результате изменений внешней и внутренней экологии человека наблюдаются соматические изменения человеческого организма – активными темпами развиваются даунизм (особенно в Шотландии!), ожирение, увеличивается количество онкозаболеваний; прогрессирует гомосексуализм в такой степени, что в ряде цивилизованных государств встал вопрос о придании этой человеческой патологии юридической законности (при всем при том, что *однополые браки* не только не воспроизводят потомства, но и уменьшают его!).

Эти и другие негативные явления безусловно влияют на то, что основному интересу – интересу выживания всего рода человеческого – подчиняются все остальные интересы – личные, групповые, частные, частичные и т. д. Сказанное отнюдь не означает, что общечеловеческий интерес оттесняет на обочину все прочее – частные, групповые, индивидуальные интересы людей. Последние остаются, вернее, должны оставаться, лишь будучи связанными с основными, главными общечеловеческими интересами.

В современных условиях, в условиях свершающегося НТП субординация между человеческими интересами стала иной, нежели была ранее. Не в столь далекие времена мы, как попугаи, повторяли слова одного из героев И. С. Тургенева: «Природа – не храм, а мастерская, и человек в ней работник». Сегодня под воздействием экологического фактора мы готовы отказаться от этих слов. Правильней было бы сказать: «Природа – это и храм, и мастерская». А вот чего больше, это уже зависит от нас самих. Тургеневский Базаров олицетворял собой пришествие в Россию капитализма, когда превращение природы в «мастерскую» было исторической необходимостью. Сегодня капитализм эту свою миссию выполнил сполна. Возвращение нас к «храму» становится сейчас исторической необходимостью, как и возвращение к эстетически-художественному восприятию мира, от чего человечество в недалеком прошлом «шарахнулось» в сторону денежного мешка и грубого «материализма». Дальнейшее непослушание полуразрушенному нами «храму» грозит гибелью людей и опусто-

шению планеты. Вот почему *частные* интересы господствующих классов по необходимости должны стать *общенародными* интересами человека – иначе гибель всего живого. Если до экологической угрозы товарно-денежным интересам капиталистических собственников угрожала «революция» в лице «пролетариата», с которым можно было бороться, которого можно было побеждать, с которым можно было договориться и которого, в конце концов, можно было обмануть, то такой враг, как бездушная и всесильная природа, как безликий экологический фактор, непобедим.

До последнего времени человеческое общество развивалось стихийно и фрагментарно: одни страны и государства представляли собой развитой капитализм, другие только входили в него или оставались феодальными, третьи жили в условиях общинного строя и т. д. Сейчас положение изменилось. Мы живем в век *планетарной глобализации*, когда весь мир превращается в *систему* взаимосвязанных государств. До определенного предела капиталисты способны были «договариваться» с природой, но лишь до того предела, когда *системный* характер человеческого общества не превратил природу, как *систему*, в объект тотальной эксплуатации. И тогда природа в планетарном, системном ее масштабе восстала против человечества. И именно системный характер экологического кризиса, столь очевидный в 2013 г., угрожает всему живому на Земле. Таким образом, на передний край социальных интересов людей выходит *общечеловеческий* интерес.

В настоящее время в обществе сложилась своеобразная цепочка социальных интересов: *интересы неимущих трудящихся классов – интересы государства (государственных служащих) – интересы имущих классов, частнособственников*. Между этими интересами существуют *борьба, равновесие* и единство. Традиционно и объективно непримиримыми были интересы борющихся классов в обществе. Их противоположные интересы порождали классовую борьбу. Примирение этих интересов было невозможным, даже если речь заходила о нежелании смерти людей. Развитие общества (прежде всего его определяющей сферы – экономики) привело к тому, что усиление государственной организации взяло на себя миссию «умерения» конфликтов между классами, к удержанию равновесия сил. На какой-то период времени это равновесие ослабляло столкновение противоборствующих классов за счет юридической игры и незначительных уступок трудящимся. И пока государство играло роль уравнивающего буфера, развитие производительных сил общества, НТП достигли такого уровня, что интеграция стран и народов под их эгидой привели к катастрофическому состоянию планеты. Перед капиталистической системой встал неразрешимый для нее вопрос: или существенно умерить «пережевывание» планеты, умерить свои волчьи аппетиты, или погибнуть вместе со всем человечеством. На государственном уровне этот роковой и неизбежный вопрос решается в пользу первого исхода дилеммы. Из безоглядного защитника капитализма государство постепенно превращается в нейтрала, чтобы затем превратиться в противника капиталистического способа производства. Это обуслов-

лено как тем обстоятельством, что государственные деятели *непосредственно* не связаны с капиталистическим производством (или связаны с ним в меньшей степени), так и тем, что государство, призванное прежде всего защищать интересы крупного капитала, *не способно* защитить их от такого врага, как природа: она – не одушевленный субъект, ее не укротишь никакими «государственными законами», водометами и резиновыми пулями. Более того, парадоксальность складывающейся ситуации состоит в том, что государства призваны защищать капиталистов от... самих капиталистов, не ведающих, что творят! Капиталисты держатся на том, что этот парадокс еще не осмыслен ими до конца, еще не разгадан. Враг природы – крупный капитал, крупная частная собственность – все еще остается *анонимным* врагом человечества. Но надолго ли? Природа – от Бога! А «с божией стихией царям не совладать» (А. С. Пушкин).

Производство ненужных вещей не может быть бесконечным, как не может быть бесконечным их «совершенствование». Оно должно иметь свой разумный предел. Отсюда следуют и иные выводы: во-первых, «союзниками» природы выступают все те, кто противостоит капиталистическому лжепроизводству (один *second-hand* чего стоит!); во-вторых, «врагами» являются все те, кто во имя наживы готов продолжать и умножать подобное лжепроизводство. Настроение первых вписывается в *общечеловеческий интерес*, настроение вторых – нет.

Литература

1. В Бангкоке стартовала конференция по проблеме изменения климата / REGNUM [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/821108.html>. – Дата доступа: 10.10.2013.

E. I. SUIMENKO

INTEREST AS THE SOCIAL PHENOMENON AND ITS LATEST MODIFICATION

Summary

First of all interest reflects the most essential needs of a person for his life regeneration. In the modern conditions the world has undergone the noticeable changes. After the achievement of high level of integration (globalization) the modern situation in the world is characterized by restructuring of global and national priorities in social, economic and political vital activity of the countries and people. If in the classical liberalism period the main role in the society played class interests of people, so during the modern period of capitalist globalization the priority is given to universal interests (demilitarization of economy, the decision of world economic crisis problems, the prevention of mass diseases and degradation of *homo sapiens*). These are imperatives of the history.

Keywords: personal interests, social-group interests, universal interests, basic threats to mankind existence, militarization of economy, world ecological crisis, degradation of *homo sapiens*, new imperatives of the history.

Поступила 11.07.2013 г.

Р. А. СМЕРНОВА,

*доктор философских наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск*

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ АГРОСФЕРЫ БЕЛАРУСИ

Аннотация: анализируются факторы, влияющие на процессы профессионального становления молодых специалистов сельского хозяйства на макро- и микроуровне; предлагается социологическое определение понятия экономического поведения; раскрываются особенности ценностных ориентаций специалистов, связывающих свою жизнь с агросферой, и тех, кто хочет сменить профессию и уехать из села.

Ключевые слова: воспроизводство кадров, трудовая занятость, экономическое поведение, профессиональное самоопределение, референтная группа, маргинальность.

Трансформация традиционных нормативно-ценностных установок, индивидуализация жизненного пространства в трудовой, культурной и повседневной сферах, выдвижение на первый план ценностей успеха и высокого материального благосостояния при минимуме усилий и ответственности в сочетании с недооценкой в общественном мнении населения страны сельского образа жизни и важности труда аграриев приводят к ухудшению кадрового потенциала аграрной сферы как в количественном, так и в качественном отношении. Так, с каждым годом все меньше сельских жителей ориентируют своих детей на жизнь в селе и работу в сфере сельского хозяйства (только 5 %), снизилось число абитуриентов в аграрные вузы, поступающих в них по внутреннему побуждению и преданности профессии (всего 15 %), увеличилось число выпускников вузов, не связывающих свою дальнейшую жизнь с приобретенной профессией и сельской жизнью в целом (42 %), усилилась текучесть молодых специалистов и квалифицированных рабочих. Объясняя данные процессы, 40,7 % опрошенной молодежи – выпускников аграрных учебных заведений назвали в качестве причин физически тяжелый труд, а 30,5 % – низкую оплату труда¹. На мой взгляд, не менее важным, усугубляющим этот процесс, фактором является существующая в сознании молодежи ценностная неопределенность, раздвоенность норм и идеалов, потеря нормативных образцов социальных практик, разрыв с привычными референтными

¹ По данным социологического опроса, проведенного отделом социологии регионального развития Института социологии НАН Беларуси в 2013 г. Всего было опрошено 594 респондента: 129 руководителей и специалистов и 465 учащихся последних курсов аграрных вузов и колледжей.

группами, приводящими зачастую жителей села почти всех стран постсоветского пространства, и особенно молодежь, к состоянию маргинальности, неукорененности в привычных сферах социальных практик, к профессиональному выбору, связанному с уходом из агросферы, а соответственно, легкости миграционного поведения, изменению экономического поведения в целом.

Данный фактор (нормативно-ценностная неопределенность) связан, прежде всего, со становлением новой трудовой этики, которая не способствует формированию отношения к сельхозпроизводству как к сфере реализации статусных предпочтений индивида, характеризуется распадом нормативных для сельских жителей образцов жизни и труда, поиском референтных групп, далеких от сельской жизни и производственной деятельности. Появившаяся впервые на Западе и описанная в теориях «конца труда» тенденция отказа молодежи от профессий, связанных с производственной и сельскохозяйственной деятельностью как непрестижных, тяжелых и во многом ограничивающих личную свободу, требующих высокой ответственности и квалификации, получила широкое распространение и на постсоветском пространстве. Не желая брать на себя ответственность и довольно тяжелый труд, молодое поколение сельских жителей в большинстве своем ориентируются в своей дальнейшей жизни на профессии, далекие от сельского хозяйства, но чрезвычайно престижные для их референтной группы и довольно неплохо оплачиваемые: менеджер на фирме, собственный бизнес (как правило, в сфере торговли или финансов), работа в частной кампании, на крупном успешном заводе и др. К тому же сельский образ жизни и бытовые условия пока не сравнимы по комфорту и благоустроенности с городскими или, так называемыми, «образцовыми», высокие стандарты которых постоянно демонстрируются в современных СМИ.

Однако изменения в ментальной и ценностно-культурной сферах привели и приводят к возникновению новых структур и способов взаимоотношений между людьми в обществе. Становится очевидным, что судьба некоторых сообществ, и в частности сельских, а также социальных групп, индивидов и даже территориальных образований прямо начинает зависеть от системы воспроизводственных процессов, происходящих в них. В первую очередь она проявляется в демографических проблемах села: высокая мужская смертность, старение сельского населения, низкая рождаемость. Не менее значимым является воспроизводство сельского образа жизни и трудовой этики селян в смысле социализации, включения новых поколений в традиционный для села социокультурный процесс, приобщения молодежи к нормам и ценностям, принятым в сельском сообществе, определяющую роль в которых играет семейное крестьянское воспитание, образование, включенность молодежи в сферу сельскохозяйственной деятельности.

Это позволяют предположить, что такой социальный процесс, как профессиональный выбор сельской молодежи, зависит от изменений, происходящих на двух уровнях: макро- и микроуровнях. На макроуровне решение о дальнейшем профессиональном пути обусловлено состоянием всей системы социаль-

ного воспроизводства в целом, зависящим от социально-экономического состояния страны, ее позиций в глобальном мире, доступности различных ресурсов, уровня развития потребностей, сложившихся норм преобладающей в обществе трудовой этики, системы ценностей, форм взаимоотношений, традиций и менталитета. На микроуровне, т. е. с точки зрения конкретного молодого человека, наряду с личностно-психологическими предпочтениями, его экономическое поведение в целом и профессиональное самоопределение в частности также обуславливаются данной системой социального воспроизводства, однако уже сфокусированной в личностной биографии и отношениях с окружающими его людьми. С этой точки зрения профессиональный выбор молодого человека как форму экономического поведения можно представить в виде совокупности действий по достижению одного из статусов (в данном случае – социального и материального), входящих в нормативный образ, формирующийся под воздействием принципов трудовой этики, принятой в обществе или референтной группе, в которую он включен, а также всей системы социального воспроизводства, отражающей экономические и социально-культурные процессы в стране. В данном определении профессионального выбора как формы экономического поведения подчеркивается мысль, что экономическая и социокультурная, ценностная составляющие поведения взаимосвязаны и взаимообусловлены. Можно согласиться с К. Поланьи, который утверждал, что экономическая деятельность человека полностью подчинена системе его социальных связей, стремлению не только получить экономическую выгоду, а приобрести определенный социальный статус, легитимизировать свое место в социальной структуре. Данный подход позволяет понять, что профессиональный выбор необходимо рассматривать во взаимосвязи воспроизводства социальной системы как целого и воспроизводства индивида, который, с одной стороны, воспринимает и реализует социальные нормы, а с другой, благодаря новым ценностным образцам изменяет социальные структуры и взаимоотношения, выступая субъектом их развития и изменения.

Совершенно очевидно, что проблема профессионального выбора сельской молодежи настолько сложна, что требует для своего решения комплексного подхода. Социологи и экономисты чаще всего сводят ее решение к двум факторам: уровню зарплаты и условиям труда. И в целом они правы, так как зарплата есть отражение справедливости общественных отношений и, в частности, выражение стоимостного отношения к сельскохозяйственному труду и степени его значимости в обществе. В последние годы в Беларуси, несмотря на то, что уровень заработной платы работников агросферы ниже средней по другим отраслям, зарплата квалифицированных рабочих и специалистов повысилась, а на успешных сельхозпредприятиях – значительно. Однако современные молодые специалисты, выпускники сельскохозяйственных лицеев, колледжей и вузов по-прежнему не спешат на работу в село, стараясь любыми средствами закрепиться в городе. Что удивительно, молодым сельчанам, стоящим перед выбором жизненного пути, присущи любовь и привязанность к родным

местам, к своему селу. По данным социологического опроса, 23 % опрошенных молодых людей, живущих в деревне, «рады, что живут в ней», еще 51,6 % «в целом довольны, хотя многое их не устраивает». На вопрос «Хотели бы Вы переехать в другой населенный пункт?» около трети молодых респондентов ответили отрицательно. Однако 34,5 % хотели бы уехать в другой населенный пункт: в другое село – 2 %, в райцентр – 7 %, в город – 14 %, в Минск или другой областной центр – 10,5 %, из Беларуси – 1 %. К тому же, несмотря на любовь к родным местам, высокую оценку своего села или агрогородка, уровня развития социальной инфраструктуры в них, системы здравоохранения и образования, большинство респондентов – родителей молодых людей (67,5 %) не хотели бы, чтобы их дети жили и работали в селе. Еще 10 лет назад, по данным социологических опросов, такие настроения насчет будущего своих детей были у 47 % респондентов. т. е. деревня, сельский труд и жизнь в ней сегодня не представляет для современных сельчан ценности, что усиленно транслируется молодому поколению в желании родителей городской жизни и соответствующей профессии в будущем. В результате данных настроений ценность городской жизни и городских профессий привела к нежеланию большинства молодых сельчан жить и работать в селе, к нерегулируемой миграции в города, поиску любой работы, но городской, жизни в худших условиях (съемное жилье, общежитие и др.), но городских, иногда решению личных жизненно важных проблем (например, вступление в брак) по расчету или путем противоправного поведения. Все это свидетельствует о сломе устойчивой системы ценностей, раздвоенности и противоречивости поведенческих стратегий и сознания, а по существу – о маргинализации личности.

Особенно четко проявляется эта тенденция в профессиональном выборе выпускников последних курсов аграрных учебных заведений. Так, только 22 % опрошенных в 2013 г. студентов последних курсов аграрных вузов и колледжей признались, что они собираются связать свою судьбу с сельским хозяйством, 42 % – не собираются этого делать, а 36 % – еще не решили. Важную роль в профессиональном самоопределении нынешних выпускников аграрных учебных заведений сыграли такие факторы, как родительское воспитание, призвание (любовь к профессии агрария), а также факторы, обусловленные желанием приобрести социальный капитал с помощью диплома о высшем образовании. В той группе выпускников, которые связывают свое будущее с сельским хозяйством, мотивационные приоритеты выглядят следующим образом: по советам родителей выбрали аграрный вуз 24,5 % респондентов, по призванию – 40,2 % и 31,4 % поступили в вуз потому, что некуда было больше поступить или в него было проще поступить, чем в любой другой. А вот выпускники, которые не хотят связывать свою судьбу с сельским хозяйством, руководствовались при выборе профессии совсем другими приоритетами: 45 % признались, что поступили в аграрный вуз, потому что легче было поступить, 16,4 % – некуда было больше поступить и 24,1 % – по совету родителей.

Анализ факторов, определивших профессиональный выбор студентов аграрных учебных заведений, в целом по выборке показал, что по призванию, самостоятельно и осмысленно поступили учиться только 15 % респондентов. На вопрос, нравится ли им их будущая специальность, 68,8 % респондентов по всей выборке ответили положительно. При этом среди тех, кто связывает свою судьбу с сельским хозяйством, таких 85,3 %. А вот среди тех, кто не связывает себя с аграрной сферой, только половине нравится их будущая специальность. Парадокс заключается в том, что из тех, кто связывает свою судьбу с сельским хозяйством и им нравится их будущая специальность (а их, как отмечалось выше, 85,3 %), планируют работать по ней в ближайшие 10 лет только 60,8 % респондентов. В качестве причин нежелания работать по специальности остальные респонденты указали «низкие заработки при высокой ответственности» (22,5 %), «нежелание» (5 %), отсутствие в сельской местности условий, подобных городским (3 %), отсутствие перспектив карьерного роста (7 %), непрестижность труда в сельском хозяйстве (1 %). Последняя из перечисленных причин в целом по выборке составила 7,3 % и оказалась не такой безобидной, как кажется. В общественном сознании все агрессивнее набирает силу установка, связанная с разделением общества на большие группы людей, можно сказать, на классы, различающиеся не социально-профессиональными признаками, не степенью обладания собственностью, не образованием, а отношением и местом в системе разделения труда, связанным с трудом творческим и рутинным, свободным и несвободным, куда постепенно стали относить любой производительный труд, будь то в промышленности или в сельском хозяйстве. Сегодня быть востребованным инженером с хорошей зарплатой и перспективой карьерного роста на заводе стало менее престижно, чем рядовым менеджером или бизнесменом – держателем торговых точек.

Тем не менее та треть респондентов, которая собирается в ближайшие годы работать по специальности, имеет амбициозные планы и соответствующие мотивации: 36,3 % из них мотивированы возможностью реализовать себя в качестве руководителя, 29,4 % – перспективами карьерного роста, 26,5 % – возможностью получить благоустроенное жилье, 18,6 % – иметь интересную работу, 24,5 % – жить ближе к природе. Однако и в этом случае для них важен материальный фактор, связанный с необходимостью повышения зарплаты и жизненного уровня работников аграрной сферы. Если говорить о желаемой заработной плате, то она колеблется в основном от 5 до 10 миллионов рублей, в зависимости от претензий молодого специалиста – выпускника учебного заведения. Однако по мнению большинства (70,8 %), зарплата должна быть не единственным источником дохода и мотивом к работе; необходимы также такие мотивации, как обладание акциями и участие в прибылях предприятия. По мнению респондентов, это может стать одной из мер для удержания молодых специалистов и квалифицированных рабочих в сельском хозяйстве.

Объясняя причины нежелания жить и работать в сельской местности, респонденты отмечают такие факторы, как наличие в городах больших воз-

возможностей для работы, отдыха и общения. Это действительно так. В городе можно иметь профессию инженера, а работать и хорошо зарабатывать в должности агента по недвижимости (или продажам), менеджера, предпринимателя и т. п. В сельской же местности, кем бы человек ни работал, он почти всегда остается селянином: по образу жизни, менталитету, отношению к себе, сельскому сообществу и природе (даже учитель и врач), а тем более специалист сельского хозяйства, который всегда будет работать по специальности в широком смысле слова. Сейчас село предоставляет широкие возможности для этого: можно заняться фермерством, крестьянским хозяйством, организовать кооператив, агроусадьбу, перерабатывающее предприятие, а можно сделать карьеру в сельскохозяйственном предприятии. И выпускники аграрных учебных заведений не исключают таких возможностей: 15,7 % респондентов хотели бы заняться предпринимательской деятельностью, связанной с сельским хозяйством, 17,4 % – агротуризмом, 7,7 % – фермерством, 25,8 % – работать в сельхозпредприятии в качестве руководителя или специалиста. Однако больше всего респондентов (42,6 %) желают заняться предпринимательской деятельностью, не связанной с сельским хозяйством. Интересно то, что из числа тех, кто связывает свою судьбу с сельским хозяйством, половина намерены работать в сельхозпредприятии, четверть – заняться предпринимательской деятельностью, связанной с сельским хозяйством, 21,6 % – фермерством и 9,8 % – крестьянским хозяйством. А те, кто не собирается работать в агросфере, напротив, в основном предполагают заниматься предпринимательской деятельностью, не связанной с сельским хозяйством (52 %), и только 8,7 % не исключают работу в АПК. Из данных опроса видно, что среди тех выпускников аграрных учебных заведений, кто не связывает свою дальнейшую жизнь с сельским хозяйством, настроения более неуверенны, нежели в группе желающих работать по специальности, так как они понимают, что их будущее связано с большим риском и неопределенностью: в первой группе неуверенных в своем будущем 32,8 %, а во второй – 23,5 %.

Данные опроса свидетельствуют о том, что в обществе наблюдается процесс изменения системы ценностей, в определенном смысле – поляризация ценностных ориентаций, отражающих жизненные целевые установки, общую направленность поведения и основные сферы самореализации человека. На первый взгляд наблюдается некоторое единство ценностей у анализируемых двух групп. Да иначе и быть не может, так как обе они относятся к студенческой молодежи. Как и для любого молодого человека, а тем более выпускника учебного заведения, для них важны любовь, здоровье, дружба, семья, материально обеспеченная жизнь, интересная работа, карьера, самореализация и др. Однако респонденты двух групп (тех, кто связывает свою судьбу с сельским хозяйством, и тех, кто не делает этого) отличаются разным весом ценностных ориентаций духовно-нравственного характера. Как уже отмечалось, представители этих групп прошли разный биографический путь: одни воспитывались в современной сельской семье, другие жили в городских условиях и не

знакомы с крестьянским образом жизни, одни выбрали вуз по призванию, другие либо по настоянию родителей, либо по расчету (лишь бы получить диплом о высшем образовании), одни усиленно учились, чтобы в сельхозпредприятии сделать карьеру, другие строили планы о собственном бизнесе в городской среде. Соответственно их образ жизни сказался на жизненных приоритетах. В ответах на вопрос «Ради чего Вы живете?» проявляется разница в таких базовых ценностях, как дети (в группе связывающих свое будущее с агросферой в качестве жизненной ценности ее назвали 74,5 % респондентов, а во 2-й – 60 %), благополучие страны (в 1-й – 21,6 %, во 2-й, не желающей работать по специальности, – 12,8 %), ценность знания, познания (соответственно – 28,4 и 17,9 %), помощь людям (24,5 и 13,3 %), самоуважение (24,5 и 16,4 %), вера (20 и 7,7 %). В отличие от особенностей в приоритетах терминальных ценностей, инструментальные ценности у выпускников аграрных учебных заведений (знание, познание, интересная работа, карьера, власть и др.) как будто существенно не отличаются. Однако в ответах на контрольный вопрос об отношении респондента к предложенным в анкете суждениям можно заметить существенные отличия в мировоззрении, способах поведения и представлениях о допустимых средствах достижения жизненно важных целей у представителей двух анализируемых нами групп. В частности, респонденты из группы не желающих связывать свою судьбу с сельским хозяйством и работать по полученной в вузе специальности проявляют (по крайней мере вербально) большую активность, инициативность и самостоятельность, нежели представители 1-й группы, что нашло отражение в оценках в виде согласия/несогласия со следующими суждениями (табл. 1).

Т а б л и ц а 1. Распределение ответов выпускников разных групп (в %)

Суждения	1-я группа	2-я группа
О своем благополучии люди должны заботиться сами	69,6	75,4
В обществе не должно быть расслоения на богатых и бедных	73,5	66,2
Было бы лучше, если бы нынешних рыночных реформ не было	13,7	8,2
Сельскохозяйственная земля не должна быть предметом купли и продажи	38,2	24,6
Лучше иметь небольшой, но гарантированный заработок, чем стремиться к высоким доходам с риском для себя	39,2	23,1
Реформы лишили возможности хорошо зарабатывать	33,3	28,2

Приведенные данные показывают большую инерционность и осторожность в понимании и реализации рыночных установок у представителей 1-й группы и рыночный оптимизм – у представителей 2-й группы. Можно, конечно, объяснять данные отличия, как это сейчас принято, рыночной продвинутостью, инновационностью, инициативностью и индивидуализацией человеческого поведения в современных условиях. На мой взгляд, подобный рыночный оптимизм в большей степени обусловлен незнанием специфики сельскохозяйственного производства и особенностей крестьянского труда, отсутствием взвешенного отношения к сложностям сельской экономики,

природообусловленного образа жизни и деятельности на земле. Подобный оптимизм молодежи очень напоминает тот рыночный энтузиазм, с которым в 1990-х гг. почти все население бывшего СССР ринулось в так называемый бизнес: торговля в Польше, товары из Турции, России, ларьки мелких торговцев, существующие и поныне (правда, правительство приукрасило их жалкое существование с помощью громадных и дорогостоящих торговых центров). На самом деле с ценностью интересной работы и профессиональной карьеры пришлось расстаться очень многим молодым специалистам. Поэтому героизация и мифологизация способности респондента рисковать для повышения собственного благосостояния, квалифицировать эту способность как инновационное, прогрессивное, рыночное поведение и сознание, на мой взгляд, по меньшей мере утопично, а по большому счету – разрушительно, так как не без помощи подобных внушений две трети молодежи, и в частности выпускников аграрных вузов, потакая мифам общественного сознания и следуя призывам большинства политиков, экономистов и других обществоведов, уходят из профессии и выбирают путь свободного плавания в сфере мелкого бизнеса, связанного преимущественно с торгово-обменными операциями.

В качестве вывода можно отметить следующее: так как в современном обществе происходят сложные процессы переналадки социальной структуры, сопровождающиеся появлением новых форм самоидентификации в сферах социальной, гражданской, профессиональной и культурной жизни личности, то профессиональное самоопределение выступает результатом взаимоперекрещивающихся объективных процессов в обществе и изменений в жизни конкретного человека, его биографии. В этом смысле экономическое поведение человека, направленное на выбор и профессиональную самореализацию, выступает в виде совокупности действий по достижению социального и материального статусов, входящих в нормативный образ личности, сформированный под воздействием социального окружения, семейного воспитания, самостоятельной трудовой деятельности, а также той референтной группы, в которую включен (реально или виртуально) индивид, в условиях всей системы социального воспроизводства, отражающей экономические и социально-культурные изменения в стране. В этом плане целесообразно руководству сельхозпредприятий, управленцам АПК в решении кадровых проблем ориентироваться на тех абитуриентов, студентов, выпускников и молодых специалистов, которые изначально намерены связать свою дальнейшую судьбу с сельским хозяйством (независимо от форм собственности и организации), а также на тех, кто еще колеблется с выбором, но однозначно не отвергает такой возможности. Для этого существует широкий спектр мотивов и стимулов, включающих как материальные (участие в прибылях, обладание акциями и другой собственностью хозяйства) и нормативно-ценностные (формирование системы ценностей нормативного образа будущего, связанного с престижем, карьерой, властью, творчеством, самореализацией в сфере сельскохозяйственного труда), так и коммуникативные (общение, социальные сети, наличие соответствующей референтной группы и др.).

*R. A. SMIRNOVA***THE VALUE BASICS OF YOUNG SPECIALISTS OCCUPATIONAL CHOICE
OF AGRICULTURE OF BELARUS****Summary**

The factors influencing the process of professional formation of young agricultural specialists at the macro and micro level are analyzed and a sociological definition of economic behavior is offered. In the article the peculiarities of value orientations of professionals linking their lives with Agribusiness, and those who want to change their profession and leave the village are revealed.

Keywords: reproduction of personnel, employment, economic behavior, professional self-determination, reference group, marginality.

Поступила 04.12.2013 г.

Н. А. ДМИТРУК,

Институт социологии НАН Украины, г. Киев

О. Ю. БРИЦЫНА,

кандидат филологических наук,

Институт социологии НАН Украины, г. Киев

Р. А. ОМЕЛЯШКО,

Институт социологии НАН Украины, г. Киев

М. Ю. САДОВАЯ,

Институт социологии НАН Украины, г. Киев

Ю. И. САЕНКО,

доктор экономических наук, профессор,

Институт социологии НАН Украины, г. Киев

СОХРАНЕНИЕ И ВОЗРОЖДЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО СЕКТОРА ПОЛЕССКОГО РЕГИОНА УКРАИНЫ И БЕЛАРУСИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье представлены результаты социологического исследования, проведенного в 2012 г. НГО «Интеллектуальная перспектива» (Украина) при содействии белорусских организаций. Это исследование является частью проекта «Устойчивое развитие местных сообществ через актуализацию культурного наследия» Программы Восточного партнерства «Культура» при финансовой поддержке ЕС. Основные компоненты исследования включали опрос мнения населения, экспертные и фокус-групповые интервью, а также контент-анализ СМИ Украины и Беларуси. Проведен сравнительный анализ культурной сферы Полесья Украины и Беларуси, основные результаты которого и изложены в статье.

Ключевые слова: исследование, культура Полесья, традиции.

Традиционная культура Полесья: современное состояние и глубина исторической памяти. Полесье – одна из самых давних колыбелей формирования культуры Украины и, одновременно, один из интереснейших регионов для научных этнографических поисков. Значение источников Полесья для изучения современного состояния культуры и истории важно и для всего славянского мира в целом. «Не зря эту территорию многие исследователи относят к основному ареалу праславянского языка» [3, с. 38–46].

Однако, отмечая историческую и научную ценности полесских источников, важно понимать, что для национального бытия важнее ее реальное функционирование. В этой ситуации закономерно возникает вопрос о динамике изменений в традиционной культуре и ее современное состояние.

Уже первый беспристрастный взгляд на состояние устной традиционной культуры показывает, что культурная ситуация и динамика ее изменений значительно сложнее [1, с. 231].

Жизнь традиции неразрывно связана с экономическими, политическими, социальными, демографическими процессами, которые, хотя и не имеют непосредственного и прямого влияния на спонтанное развитие устной традиции (этим она, по сути, отличается от профессиональной культуры писаного типа, которая подвержена запретам, указам и т. д.), однако непременно отражаются на ее состоянии. Даже, казалось бы, несущественные изменения быта способны достаточно решительно повлиять на духовную сферу жизни, в то же время такие кардинальные изменения, как миграционные процессы, изменение государственных границ могут не так сильно, как ожидалось, отразиться на течении изменений в традиции.

Своеобразная инертность традиции сопровождается ее необычайной пластичностью (К. Чистов) и способностью к приспособлению в новых условиях, являясь таким образом источником ее преемственности и жизнеспособности. Устная культура имеет не только активную, но и пассивную составляющую. Активно функционируют те явления, которые в конкретный момент соответствуют интересам и потребностям носителей, пассивная же составляющая представляет собой, так сказать, резерв традиции, который может уйти в небытие в том случае, если несколько поколений носителей не обращаются к нему.

Достояние современной традиционной устной культуры передается контактным способом, т. е. без участия письменного медиатора – посредника, который обеспечивает сохранение явлений профессиональной культуры. Единственным источником сохранения в этом случае является коллективная память носителей. Поэтому фольклор иногда несколько упрощенно называют искусством памяти. Он сохраняет как традиционные представления и стереотипы, пронизывающие всю традиционную сферу, так и служит регулятором в процессе функционирования. Существенную роль в этом играет трансмиссия между поколениями, т. е. наследование традиционных знаний и навыков от одного поколения носителей к другому. Именно этот процесс подвергается ныне существенным деформациям на Полесье не только по причине общих тенденций, присущих функционированию традиционной устной культуры на территории всей страны, но и в результате сокрушительных изменений, вызванных Чернобыльской катастрофой. Но и в этом случае процессы изменений оказались совсем не так последовательно направленными только на разрушение, как, казалось бы, должно было произойти. Осознание безвозвратной потери коренной родительской среды активизировало интерес к ее глубокому познанию, как среди переселенных жителей, так и среди многих представителей старшего и младшего поколения, которые до аварии на ЧАЭС контактировали с этой средой попутно или формировались мировоззренчески уже за ее пределами. Такие примеры неоднократно фиксировались нами в историко-этнографических экспедициях к переселенцам из зоны Чернобыльской катастрофы.

Традиционная культура современного Полесья весьма разнообразна. Она охватывает материальную и нематериальную сферы. Культурным достоянием является не только словесный и музыкальный фольклор – лирическая и обрядовая напевность, баллады, хореография, инструментальная музыка (исполняемая скрипачами, гармонистами), сказки, легенды, предания, рассказы, устная история, пословицы и поговорки, детский фольклор, пожелания и проклятия, словесные обереги, календарные и семейные обряды, но и традиционные способы строительства, приготовление пищи, изготовление одежды, традиционные занятия и связанные с ними мировоззренческие представления и верования, образцы народного искусства (ткачество, вышивка, ковроделие, народные картины, резьба), лозоплетение, кузнечное, гончарное ремесла, традиционное земледелие, животноводство, рыболовство, охота, бортничество, народная медицина и др. [2, с. 24–40]. Состояние и активность функционирования этих сфер культуры неодинаковы. Они отражают общие культурные процессы, присущие современному глобализированному миру, и не имеют существенных региональных измерений. В частности, некоторые участки традиционной материальной культуры и отдельные жанры все быстрее выходят из активного бытования повсеместно. Профессиональная культура вытесняет целые пласты культуры народной. Однако эти явления происходят неравномерно.

Существенные изменения произошли сегодня по отношению к традиции народного пения. Большинство респондентов старшего возраста жалуются на то, что за последние годы песенная традиция пришла в упадок. На затухание традиции коллективного пения часто жалуются и переселенцы.

Так же быстро происходит процесс выхода из активного репертуара колыбельных песен, детских игр и потешек, которые в течение веков служили не только средством воспитания, но и помогали развлечь ребенка, успокоить его, найти интересное занятие. Это тем более неожиданно, поскольку традиционно многодетные семьи полешуков не только не потеряли в последние годы этой черты, но и увеличились за счет новорожденных малышей. При этом арсенал народной педагогики так и остался неиспользованным, и в этом смысле Полесье не представляет исключения среди других регионов Украины: изменения его устной традиции лишь отражают общие тенденции.

В сфере народной прозы почти полностью утрачена традиция рассказывания длинных фантастических сказок, интерес слушателей к ним, как и к сказкам о животных, все чаще удовлетворяется книгами и средствами массовой информации. Лишь отдельные респонденты старшего возраста (более 80 лет) могут вспомнить общение с исполнителями, которые имели богатый репертуар сказок и при случае охотно и мастерски их рассказывали. Зато достаточно прочной оказалась легендарная традиция, тексты «Народной Библии», имеющие преимущественно обучающий характер. В той или иной степени они известны практически всем носителям старшего возраста, однако относятся не только к активному, но и к пассивному репертуару, поэтому воспроизводятся фрагментарно, а порой просто вспоминаются в основных сюжетных чертах.

Во многом оживили свое функционирование и мифологические легенды о необычных явлениях, о ведьмах, о лесных страхах, возвращении мертвых, «плохих» местах, о сакральной географии и т. д. (после упадка ряда фольклорных форм, присущего временам советской власти, когда такие тексты однозначно считались признаком предрассудков, суеверия и невежества). Этот процесс происходит одновременно с мировоззренческими изменениями. Его течение в существенной степени зависит от многих факторов. На него влияют массовая культура, усиленно добывающая пищу для размышления читателя из арсенала традиционных суеверных представлений и «низшей» мифологии, церковь и многочисленные, особенно на Полесье, религиозные движения, которые активно агитируют население и привлекают к «дому молитвы».

Распространенными на Полесье также являются топонимические легенды и предания, основная тема которых – происхождение местных названий. Рассказы о различных особенностях местного ландшафта имеют типичные сюжеты, однако они каждый раз связываются с появлением определенного озера, камня, урочища и т. д. Отдельные исследователи видят в этом специфическую региональную черту прозаической традиции [4, с. 235].

Изменения в мировоззрении современных носителей актуализируют интерес, а в определенной степени и доверие, к мифологическим практикам и «нетрадиционным» способам лечения, к предсказанию судьбы и поиску ответов на вопросы, связанные, например, с трагическими потерями. Этот интерес наблюдается повсеместно, поэтому большинство респондентов свидетельствуют, что по разным причинам обращались к услугам знахарей и гадалок. Нежелание многих респондентов вести разговор о домовых, возвращении мертвых и других традиционных представлениях и сюжетах, которые с ними связаны, и даже рассказывать истории об этом, свидетельствует об актуальности этих представлений. Избегание упоминаний об этом в разговоре отчетливо отражает словесная формула-оберег «не в доме вспоминая». Поэтому отсутствие фиксаций соответствующих нарративов или ответов на вопросы собирателей не может быть однозначно истолковано лишь как разрушение традиции, об этом свидетельствует, по крайней мере, реакция респондентов на расспросы. Можно отметить и определенную активизацию функционирования традиционной обрядности, связанную с возрождением церковного и народного календарей среди отдельных групп населения, а также восстановлением престижности празднования традиционных народных праздников в среде носителей (влияние СМИ, фольклорных фестивалей и т. п.).

Семейная обрядность также ныне претерпевает существенные изменения, однако по наблюдениям исследователей (Н. Гаврилюк), «традиции погребально-поминального комплекса являются относительно более прочными во времени, чем обычаи и обряды родильного цикла». Наибольшую сохранность, не только формально, но и мировоззренчески, обнаруживает обряд похорон, ему присущ ряд традиционных представлений и ритуалов. В живом функционировании также сохранился поминальный обычай «деды». О его актуальности

свидетельствуют многочисленные записи рассказов о снах, в которых умершие упрекают живых родственников, не соблюдающих обычаев, в пренебрежении обрядовым поминанием.

Современные формы свадьбы потеряли много традиционных компонентов, однако происходит и определенная актуализация архаических по происхождению, но вполне современных по трактовке, смеховых (нескромных) элементов свадьбы. Традиционный свадебный разгул по своей мифологической сути имел глубинную связь с магией плодородия, однако сейчас он сохраняет лишь формальные признаки, его носители не осознают архаических мотивировок свадебного веселья, интерпретируют их в современных категориях, часто оценивая отрицательно как пьяный кутеж и хулиганство.

Полесская родильная обрядность менялась во времени под влиянием изменений реальной жизни, в частности, характера медицинской помощи при родах, однако они не привели к окончательному разрушению родильной обрядности, а спровоцировали ее видоизменение.

Достаточно активно на Полесье продолжают функционировать «малые» жанры – традиционные паремии, поговорки и пословицы, прибаутки. Живая речь многих респондентов просто усыпана ими.

Полесье всегда было регионом развитого льноводства, поэтому в декоративно-прикладной художественной традиции полешуков изделия ткачества и вышивка (полотенца, традиционные комплексы одежды) были украшением повседневного быта и праздников, а также обрядовой жизни. У многих мастеров, которые еще до середины XX в. пряли и ткали дома, до сих пор сохранились станки и прочая утварь, кое-кто до сих пор занимается ткачеством, вышиванием. Традиционно полотенцами-«завесками», украшенными растительным орнаментом, «красными» полотенцами украшались иконы; полотенца и наволочки, вышитые с применением техник «крестик», «гладь» и «пруткування», тканые настольники, ковры, вышитые иконы и картины, салфетки украшали дом.

Своеобразной была и отделка дома. Техника и материал для изготовления таких украшений разнообразны. Н. Обарчук отмечает, что традиционные декоративные домашние украшения были весьма скромными и чаще привязывались к крупнейшим праздникам. Это и Троицкое «кличання», и рождественские соломенные «пауки». Исследовательница пишет, что характерными для полесской традиции являются украшенные свадебные сундуки и сундуки, заменившие традиционные бодно, в которых одежда хранилась ранее. Больше декорировались крышка и передняя стенка. В послевоенный период сундуки и ящики были вытеснены из обихода местных крестьян шкафами, но и сейчас их не только продолжают сохранять, но и кое-где использовать в быту.

Неравномерность сохранения отдельных явлений материальной культуры и фольклора сопровождается появлением нового, которое порой получает неоднозначную оценку, однако обнаруживает ряд черт, которые, безусловно, роднят с устной традицией. Потребность творческого самовыражения и от-

делки зданий и обустройства усадьбы, источником удовлетворения которой столетиями была культурная традиция, не исчезает. Меняются, однако, ее источники, формы проявления и материалы, которыми пользуются мастера. Нередко источником таких художественных идей является, например, Интернет (который, кстати, имеет много общих черт функционирования устной традиции), что обеспечивает свободный обмен между профессиональной культурой разной этнической принадлежности и культурой устной, однако такие формы художественного самовыражения имеют выразительную общность устной традиции, поскольку передаются непосредственно от одного носителя другим и поэтому нередко имеют отчетливое региональное распространение.

Изменения, происшедшие в результате переселения целых ячеек традиционной культуры полешуков в новые, порой отличающиеся по природным условиям, места обитания, имеют свою специфику и одновременно отражают общеукраинские тенденции. Постепенные изменения в быту и традиционных занятиях полешуков, происходившие в местах их постоянного проживания до аварии на ЧАЭС, ускорились из-за изменения условий жизни. В новом месте поселения традиционные деревянные срубы с печами заменили обычные кирпичные дома с газовым отоплением и плитами, а традиционное собирание (грибов и ягод) в лесистой и болотистой местности стало в новых условиях практически невозможным или существенно видоизменилось.

Существенные изменения в обстоятельствах жизни и быту переселенцев не могли не отразиться и в их культурной жизни. Однако, возможно, именно поэтому усилилось субъективное стремление сохранить память о малой родине. Недаром, несмотря на строгие ограничения, переселенцы уносили с собой на новые места традиционные бодно и «кухри», плетеные из соснового шпона «коробки», привозили даже лодки. Многие предметы традиционного быта использовались в повседневной жизни, другие же оставались источником воспоминаний о прошлом.

Переселение обусловило ускоренную потерю ряда навыков и практик, связанных с особенностями традиционных занятий и быта (бортничество, традиционное строительство, гончарство). Их упадок наблюдается повсеместно, в зонах переселения он особенно ощутим и непоправим, поскольку определяется не только отсутствием потребности в тех или других традиционных бытовых артефактах, но и нехваткой соответствующих материалов (глина, корни сосны и др.) или изменениями условий обитания. Так, в частности, современные респонденты-переселенцы помнят, однако ни один из опрошенных не знаком с особенностями «пчеловодного» промысла. По всем селам до переселения были колодные улы, которые к тому же еще и размещались на деревьях.

Так же, как и на «материковой» территории Полесья и повсеместно в Украине, происходит забывание ряда явлений словесного и музыкального фольклора, о которых говорилось выше, однако эти процессы ускоряются активным разрывом между поколениями из-за переселения, – процесса, когда

разные поколения одной семьи по тем или иным причинам выбрали для проживания другие населенные пункты в других регионах Украины.

Реальная жизнь традиции невозможна без искусных исполнителей, значительного количества рядовых носителей, которые являются залогом прочности традиции, и без аудитории слушателей, которые могут при определенных условиях становиться исполнителями и наоборот. Потеря любого звена в этом процессе приводит, в конце концов, к упадку традиции. Обычно наибольшую тревогу вызывает уменьшение количества носителей и мастеров-исполнителей, однако не меньшую угрозу для существования традиции несет и потеря слушательской аудитории, уменьшение интереса слушателей к определенным темам, сюжетам, жанрам. Ведь исполнитель «работает» на аудиторию, удовлетворяет ее потребности и интересы. Лишенный такого «заказа», он не может найти применения своим знаниям и умениям, и это становится непреодолимым препятствием на пути движения традиции к будущему. Прерывание цепочки исполнитель–слушатель обычно становится роковым моментом в жизни традиции. Именно этот фактор играет сейчас важную деструктивную роль в жизни традиции, условия же переселения полешуков и их интеграции в новую среду ускоряют разрыв между поколениями связей и наследования традиций и навыков, особенно по сравнению с предыдущими годами и даже столетиями, когда несколько поколений одной семьи жили рядом в одной ячейке и процесс обмена культурной информацией происходил естественно.

Ностальгия по родным местам порождает не только потери: в устной прозе переселенцев появляются и новые произведения, отражающие трагические черныбыльские события. Это, например, поговорка: «И не стрелял, и с домов повыгонял», своеобразные утопические рассказы о потерянной навсегда малой родине. Для них характерно строение по принципу противопоставления «здесь» и «там», а рассказ о прошлом всегда имеет идеализированный характер. Несмотря на выразительную индивидуализированность, они имеют много общего и показательного для понимания народного мировоззрения, нарративных стратегий и коммуникативных тактик. Разрушение старых ячеек и формирование новых связей, с одной стороны, деформирует естественное течение процессов, с другой – повышает статус традиции в оценке носителей, для которых достижения прошлого становятся знаковыми для сохранения идентичности.

При переселении активно угасает календарная традиция, которая, по наблюдениям исследователей, была еще жива накануне аварии на ЧАЭС, поскольку, как отмечает Н. А. Ковальчук, «еще до середины 80-х гг. XX в. существовали такие архаические явления календарного года: обряд “Проводы русалок” на Троицу, обряды “Исповедь дежи” и “Проводы Бога” на Пасху, новогоднее представление “Коза” в рождественско-новогоднем цикле. Хорошо известны жителям этих сел и обряды на полях в праздник “Юрия”, обкатки яичками могил и ритуальная трапеза на “Радуницу” (“Проводы”, “Гробки”). Архаические черты фиксируются и в уборке урожая (ритуальные действия

над последней долей зерна, которая здесь носит название “дед”, иногда – “бо-рода”), ритуал “Андрея” (девичьи гадания на Судьбу, обряд “Калита”), и в обрядности рождественско-новогоднего цикла (специфические варианты “звать Мороза” на кутью), магические обряды обвязки и запугивания плодовых деревьев с целью влияния на урожай и т. п.».

Традиционная культура Полесья, прошедшая сквозь века, и сейчас сохраняет ряд архаичных черт семантики и структуры отдельных явлений. Этим определяется ценность региональной традиции как научного источника, однако для самих носителей культуры она важна прежде всего потому, что позволяет каждому не только приобщиться к многовековым ценностям национальной традиции, но и творчески самореализоваться в повседневной жизни. Ведь профессиональная культура в значительной степени направлена на созерцание, на пассивное восприятие, устная же традиционная культура – на творческое самовыражение каждого не на сцене, а в повседневной жизни. Вместе с тем она является важным источником этнической самоидентификации и национальной гордости. Поэтому не только вопрос сохранения, но и активизации бытования явлений устной культуры становятся существенными, особенно в условиях кардинальных изменений функционирования традиционной культуры в современном глобализованном мире, где ее спонтанное развитие и естественная для устной культуры трансмиссия испытывают разрушительное воздействие, в том числе и из-за последствий Чернобыльской катастрофы.

В этих условиях невозможно полагаться только на жизненную силу традиции, присущую ей и проявленную уже столетиями способность к «сопротивлению» деструктивным процессам. Поиски адекватных ответов на вопрос о том, какой должна быть роль государства, учреждений культуры и массовой информации в активизации культурной жизни в целом, в пробуждении интереса носителей к достижениям традиционной культуры, в нахождении путей активизации ее функционирования в повседневной жизни каждого носителя, продолжаются. Именно решение таких задач является окончательной целью процесса культурного возрождения. Поэтому эта тема привлекает внимание ученых различных специальностей, не только культурологов, искусствоведов, филологов, историков, но и социологов.

Руководствуясь всем вышеизложенным, в рамках проекта «Устойчивое развитие местных сообществ через актуализацию культурного наследия» Программы Восточного партнерства «Культура», финансируемой ЕС, Благотворительный Фонд «Интеллектуальная перспектива» реализовал всестороннее социологическое исследование современного состояния культурной сферы Полесья Украины и Беларуси. Цель исследования: анализ культурной сферы Полесья, развития и распространения этнокультурных образцов этого региона среди его коренных представителей. Задачи, которые были реализованы в ходе исследования: оценка знания и отношение населения Полесья к культуре страны и региона; оценка уровня распространенности этнокульту-

ры Полесья среди жителей этого региона; определение уровня включенности и заинтересованности жителей Полесья культурой своего региона; выявление различий между украинским и белорусским Полесьем в рамках темы исследования; оценка дальнейших перспектив эффективного развития и популяризации этнокультуры Полесья. Исследование выполнено на территории Украины и Беларуси, что позволило провести сравнительный анализ между странами. К исследованию были привлечены территории, наиболее пострадавшие в результате аварии на Чернобыльской АЭС, поскольку именно это событие очень сильно повлияло на развитие всех сфер жизни Полесья, в частности, культуру. В исследовании использовались следующие методы сбора информации: 1) качественные методы: интервью с экспертами, фокус-групповые дискуссии, 2) количественные методы: опрос населения (анкетирование), контент-анализ печатных СМИ. Итак, в результате получен многоаспектный анализ поставленной проблематики.

Опрос населения: социально-демографические характеристики респондентов. Цель опроса населения – это оценочное исследование знания, заинтересованности и включенности населения Полесского региона в культурную жизнь Украины (Беларуси) в целом и Полесского региона в частности. В исследовании приняли участие 800 респондентов – по 400 человек в обеих странах. В каждой стране были выбраны 4 района, в которых опрошено по 100 человек. В каждом из определенных районов респонденты отбирались по квотам городского и сельского населения. В Украине сельское и городское население исследовалось в Олевском, Коростенском, Народицком районах Житомирской области и Иванковском районе Киевской области. В Беларуси опрос населения проводился в Добрушском, Лельчицком, Лоевском и Калинковичском районах Гомельской области.

Экспертный опрос: характеристики экспертов. В группу из 60 экспертов были привлечены представители местных общин, которые выполняют ведущую роль в формировании и развитии культурной жизни отдельных населенных пунктов, региона и страны в целом: 1) представители культурных центров, учреждений культуры, 2) представители образовательных учреждений, 3) представители органов местного самоуправления, 4) представители НГО, деятельность которых связана с культурой и образованием.

Фокус-групповые дискуссии: характеристики участников. Цель фокус-групповых дискуссий – это качественная (описательная) информация по вопросам исследования, полученная в атмосфере свободного непосредственного обсуждения с участниками целевых групп, куда приглашались жители Полесского региона в Украине и в Беларуси. Фокус-групповые дискуссии проводились среди двух категорий респондентов: 1) тех, кто выселен из своих населенных пунктов после Чернобыльской аварии (жители населенных пунктов, относящихся к Зоне обязательного отселения) и 2) тех, кто остался жить в своем населенном пункте (поселения, которые не входят в Зону обязательного отселения).

Применение количественных оценок

Индексы, которые использовались для анализа полученных социологических данных, рассчитываются по следующим формулам:

$$i = \frac{\sum \alpha p}{100};$$

где α – коэффициент значимости определенного фактора $0 \leq \alpha \leq 10$; p – процент тех, кто выбрал этот фактор; $\sum p = 100$ %.

Коэффициент тождества 2 распределений:

$$T = 1 - \frac{\sum |x - y|}{200};$$

где x – процент выборов вариантов ответов первым субъектом, $\sum x = 100$ %; y – вторым субъектом, $\sum y = 100$ %.

$$T = \begin{cases} -1, & \text{если распределения } x \text{ и } y \text{ совершенно противоположные;} \\ +1, & \text{если распределения } x \text{ и } y \text{ абсолютно совпадают.} \end{cases}$$

Состояние и развитие этнической культуры Полесья. *Современная роль культуры.* По индексу роли культуры Украина (5,7 балла) и Беларусь (6,1 балла) почти не отличаются между собой и находятся на существенном уровне понимания этой роли (табл. 1). По индексу тождества эти страны также существенно тождественны (0,74 балла).

Таблица 1. Оценка респондентами роли культуры в современном украинском обществе, %

Роль культуры	Шкала оценки, баллы	Распределение респондентов, %		x – y
		Украина (x)	Беларусь (y)	
Культура – ключевая основа общества	10	31	28	3
Культура важна на уровне с другими сферами общества	6	36	49	13
Культура играет малозаметную роль в обществе	3	20	13	7
Существование общества возможно и без культуры	0	3	1	2
Трудно сказать	0	10	9	1
Всего	–	100	100	26
Индекс роли культуры (0 ÷ 10)		5,7	6,1	–
Индекс тождества между двумя странами (по шкале от –1 до +1)				0,74

Определение «культура важна на уровне с другими сферами общества» имеет весомый рейтинг как в Беларуси (49 %), так и в Украине (36 %). Правда, 31 % полешуков Украины и 28 % Беларуси признают за культурой ключевую роль в обществе.

Состояние культуры в стране и регионе проживания. Индексы состояния культуры в обеих странах и регионах оценены на слабом уровне (от 3,3 до 4,5 балла) и тождество между странами в целом (0,28) и между регионами этих стран (0,32) находится на низком уровне. Если рейтинги оценки «в расцвете и развитии» в целом по странам почти равны (13 и 10 %), то по альтернативам «ни развивается, ни в упадке» (в состоянии стагнации) в Беларуси в 2,1 раза выше, чем в Украине – 62 % против 30 %, а показатель «культура в упадке и деградирует» выше в Украине, чем в Беларуси – 52 % против 19 %.

Наличие учреждений культуры. Уровни наличия учреждений культуры в среднем (38,1 и 39,8 %) почти одинаковы в обеих странах. Зато музеев больше в населенных пунктах Украины – 50 % против 37 %; домов и клубов почти поровну – 90 % против 95 %; библиотек также – 96 % против 93 %. В Беларуси больше, чем в Украине, казино, ресторанов, ночных клубов, художественных студий, кружков и т. д. (31 % против 24 %). Огромная разница наблюдается в показателях по количеству кинотеатров: Украина – 1 %, а Беларусь – 28 %. И обратная разница по интернет-кафе: Украина – 16 %, а Беларусь – 1 %. Почти отсутствуют концертные залы: Украина – 4 %, а Беларусь – 2 %. Основную базу учреждений культурной сферы составляет традиционное советское наследие – библиотеки, дома культуры/клубы, музеи, учреждения самодеятельности. И, как мы отметили, в Украине почти полностью исчезли кинотеатры, зато стремительно развивается новейшая форма – интернет-кафе, а в Беларуси она почти полностью «заглушена» – 1 %.

Изменения в формах этнической культуры Полесья. Чернобыльская катастрофа (ЧК) повлияла и продолжает негативно влиять на социально-экономическую и социально-культурную ситуацию Украины и Беларуси как в целом, так и на каждый регион этих стран, каждую социальную группу, каждого гражданина. В Украине последствия катастрофы для всех форм культуры имели менее разрушительное влияние, чем в Беларуси (табл. 2). Ощутимо ЧК ударила по белорусским «народным танцам» – ухудшение 57 % против 8 % в Украине; «народным песням, музыке» – 56 % против 10 %. Далее идут

Таблица 2. Профильное сравнение изменений в формах этнической культуры Полесья вследствие Чернобыльской катастрофы, %

Формы культуры	Изменения					
	Украина			Беларусь		
	улучшение	ухудшение	изменение	улучшение	ухудшение	изменение
Народные песни, музыка	16	26	– 10	0	56	– 56
Народные танцы	15	23	– 8	0	57	– 57
Литература	20	19	– 1	3	46	– 43
Гончарство	6	15	– 9	0	37	– 37
Вышивание	6	18	– 12	15	42	– 27
Архитектура	7	24	– 17	3	42	– 39
Изобразительное искусство	5	16	– 11	3	44	– 41
Резьба по дереву	3	17	– 14	1	41	– 40

с меньшим рейтингом ухудшения «литература» – 43 % против 1 %; «изобразительное искусство» – 41 % против 11 %; «резьба по дереву» – 40 % против 14 %; «архитектура» – 39 % против 17 %; «гончарство» – 37 % против 9 %; и наименее утраченное «вышивание» – 27 % против 12 % в Украине. Вопрос о том, перешли ли некоторые формы границу невозвращения, остается открытым.

Состояние культуры в регионе проживания сравнительно с другими регионами страны. В Украине 26 % опрошенных считают, что уровень развития культуры в регионах их проживания выше, чем по стране в целом, а в Беларуси таких только 1 %. Абсолютно одинаковая часть респондентов (38 %) и в Украине, и в Беларуси считают, что разницы между уровнями развития культуры в стране и в их регионе нет. А вот доля респондентов, которые считают, что в Беларуси состояние региональной культуры ниже, чем общенациональной, значительно выше (49 %).

Субъекты возрождения и развития этнической культуры Полесья. Индекс тождества (0,54) между мыслями респондентов Украины и Беларуси свидетельствует, что они только ощутимо совпадают. Профильное сравнение выявило, что наибольшие расхождения относительно субъектов ведущей роли следующие. Полешуки Беларуси возлагают более сильную надежду на «представителей культурных центров» – 70 % против 24 % в Украине, на «учебные заведения» – 56 % против 21 %, на «международные структуры» – 44 % против 11 %, на «негосударственные структуры» – 38 % против 16 % и на «государственные органы» – 59 % против 49 %. Украинские полешуки больше, чем белорусы, полагаются на «население региона» – 74 % против 62 % и «местные администрации». Примечательно, что в обеих странах сохраняется высокий уровень патернализма. Власти отводятся высокие рейтинги как в Беларуси – 59 %, так и в Украине – 49 %, а особенно местным администрациям – в Беларуси – 62 %, а в Украине еще выше – 67 %.

Рейтинг заинтересованности полешуков этнической культурой Полесья. Заинтересованность собственной этнической культурой – это показатель степени сохранности культурного достояния, памяти и трансляции следующим поколениям. «Да» ответили две трети полешуков в обеих странах: в Украине – 62 %; в Беларуси – 67 %. Две трети – это конституционное большинство, но было бы гораздо лучше, если бы рейтинг заинтересованности приближался хотя бы к 80–90 % (табл. 3). Итак, массовая культура вытесняет этническую в обеих странах.

Представители обеих стран продемонстрировали высокий уровень единодушия относительно собственной заинтересованности этнической культурой Полесья – индекс тождества равен 0,80 балла.

Рейтинг источников информации об этнической культуре Полесья. В обеих странах очень высока доля полешуков, которые пользуются тем или иным источником информирования о своей этнической культуре – 93 %. Рейтинг источников информирования об этнической культуре полешуков Украины и Беларуси существенно отличается (индекс тождества очень низкий –

Т а б л и ц а 3. **Интересуетесь ли Вы лично традиционной этнической культурой Полесского региона (обрядами, традициями, народной музыкой, танцами и т. д.)?, %**

Варианты ответов	Украина	Беларусь	$ x - y $
Да	62	67	5
Нет	30	20	10
Трудно сказать	8	13	5
Всего	100	100	$\Sigma = 20$
Индекс тождества между двумя странами $(-1 \div +1)$			0,80

0,38 балла). В Украине популярны следующие источники: «электронные СМИ (ТВ, радио)» – 70 % против 42 % в Беларуси, «печатные издания» – 49 % против 34 %. В Беларуси популярны другие источники: «реклама на улице» – 57 % против 15 % в Украине, «от других людей» – 55 % против 31 %.

Вовлеченность («потребление») культуры Полесского региона. Средний уровень вовлеченности формами этнической культуры в Беларуси (2,5 балла) выше, чем в Украине (1,5 балла из 10). Средний уровень тождества между странами приемлем и составляет 0,71 балла. Индекс вовлеченности определялся по шкале: «не интересуюсь» – 0 баллов, «интересуюсь» – 5 баллов, «участвую (например, в кружках)» – 8 баллов, «занимаюсь профессионально» – 10 баллов. Относительно вовлеченности полешуков в «потребление» их этнической культуры, то она тождественна в обеих странах на уровне 0,70–0,90 балла (наиболее тождественна вовлеченность в «литературе» – 0,90, наименее – в «народных танцах» – 0,50). Индекс вовлеченности показывает следующие особенности:

катастрофически низкий уровень вовлеченности полешуков во все формы этнической культуры в обеих странах (от 0,6 до 2,5 балла), за исключением чуть более высокого уровня вовлеченности по «народным танцам» (3,2 балла) в Беларуси и «народным песням и музыке» (в Украине – 3,0, в Беларуси – 4,7 балла);

уровень вовлеченности в Беларуси немного превышает уровень в Украине; под угрозой полного игнорирования находятся такие формы этнической культуры, как «гончарство», «резьба», «архитектура».

Уровень вовлеченности полешуков Украины и Беларуси во все приведенные в исследовании формы этнической культуры свидетельствует, что этническая культура Полесья находится на грани вымирания, и для ее возрождения и развития необходимо приложить все возможные усилия власти, общественных организаций, интеллектуалов и отдельных граждан.

Рейтинг соблюдения форм этнической культуры Полесья. Понятие «соблюдение» отличается от понятия «потребление» форм этнической культуры тем, что потребление имеет смысл массового привлечения, а соблюдение – индивидуально-семейного. Индекс соблюдения рассчитан по шкале: «никогда не придерживаюсь» – 0 баллов, «иногда придерживаюсь» – 3 балла, «часто» – 7 баллов, «всегда» – 10 баллов. Средний индекс соблюдения в Украине (4,9 балла) превышает индекс в Беларуси (3,6 балла) (табл. 4).

Таблица 4. Сводная таблица соблюдения форм этнической культуры Полесья жителями региона

Сфера этнической культуры	Индекс соблюдения (0 ÷ 10)		Индекс тождества (-1 ÷ +1)
	Украина	Беларусь	
Кухня	5,2	4,6	0,78
Одежда	3,2	2,4	0,74
Народные праздники, обряды	5,7	5,2	0,76
Пение народных песен	5,0	4,0	0,62
Перевод народных сказок	4,0	2,5	0,50
Народный промысел	4,1	2,0	0,32
Семейные отношения	6,2	4,0	0,40
Отношения между людьми	6,1	3,8	0,30
Отношение к природе	5,0	3,9	0,54
Среднее значение	4,9	3,6	0,55

Высокие индексы соблюдения в Украине, превышающие 5 баллов: «семейные отношения» – 6,2 балла, «отношения между людьми» – 6,1, «народные праздники, обряды» – 5,7, «кухня» – 5,2 балла. Меньше получили такие сферы, как «одежда» – 3,2, «перевод народных сказок» – 4,0, «народный промысел» – 4,1 балла. В Беларуси только одна из сфер этнической культуры по индексу соблюдения превышает «экватор» в 5 баллов – это «народные праздники, обряды» – 5,2 балла. Все остальные находятся ниже «экватора» соблюдения. А среди них имеют высокий индекс соблюдения такие формы/сферы, как «кухня» – 4,6 балла, «пение народных песен» и «семейные отношения» – по 4,0 балла. Маленькие индексы соблюдения имеют: «народный промысел» – 2,0 балла, «одежда» – 2,4 и «перевод народных сказок» – 2,5 балла. По среднему значению страны едва пересекли границу низкого уровня – всего 0,55 балла. Но обе страны существенно тождественны по сферам соблюдения: «кухня» – 0,78, «народные праздники, обряды» – 0,76 балла. Близкая к пределу тождества такая сфера, как «одежда» – 0,74 балла. Наименее тождественны обе страны по сферам: «отношения между людьми» – 0,30 и «народный промысел» – 0,32 балла.

Рейтинг посещаемости учреждений культуры жителями Полесского региона. Доля полешуков Украины, которые не посещали мероприятия/учреждения, в 2,2 раза выше, чем в Беларуси – 55 % против 25 %. Полешуки Беларуси превышают украинских по рейтингу посещаемости: «концертов народного творчества» – 55 % против 24 % (в 2,3 раза), «концертов» – 45 % против 14 % (в 3,2 раза), «музеев» – 13 % против 4 % (в 3,3 раза).

Рейтинг носителей этнической культуры Полесья. Полешуки Беларуси чаще, чем украинские, являются носителями традиционной этнической культуры Полесья (36 и 29 % соответственно). По рейтингу носителей Беларусь превышает Украину (табл. 5) по следующим субъектам: «специалисты по вопросам культуры» – 72 % против 29 % (в 2,5 раза), «сельские жители» – 55 % против 13 % (в 4,2 раза), «старшее поколение» – 70 % против 57 %, «специа-

листы сферы образования» – 30 % против 16 %. Украина превышает Беларусь только по трем субъектам: «молодежь» – 23 % против 7 % (в 3,1 раза), «местные власти» – 32 % против 20 % и «городские жители» – 5 % против 1 %. Этим объясняется индекс тождества двух стран по определению носителей этнической культуры – 0,52 балла. Полешуки Украины определили всего два субъекта, рейтинг которых превышает 50 %: «старшее поколение» – 57 % и «население региона в целом» – 55 %. Полешуки Беларуси отчетливее определили носителей с рейтингом более 50 %: «специалисты по вопросам культуры» – 72 %, «старшее поколение» – 70 % и «сельские жители» – 55 %.

Таблица 5. Мнения респондентов относительно того, кто является носителем традиционной этнической культуры Полесского региона, %

Субъекты	Украина	Беларусь	$x - y$	$ x^* - y^* $
Старшее поколение	57	70	– 13	1
Население региона в целом	55	34	+ 21	13
Местные власти	32	20	+ 12	7
Специалисты по вопросам культуры	29	72	– 49	9
Молодежь	23	7	+ 16	1
Специалисты сферы образования	16	30	– 14	3
Сельские жители	13	55	– 42	11
Городские жители	5	1	+ 4	0
Трудно сказать	1	7	– 6	2
Индекс тождества между двумя странами ($-1 \div +1$)	0,52		–	$\Sigma = 48$
Средний рейтинг носителей, %	28,8	36,1	–	

Будущее возрождение и развитие этнической культуры Полесья. По индексу возможного развития культуры полешуки двух стран существенно отличаются: украинцы гораздо оптимистичнее белорусов – 5,5 балла против 3,8, поэтому индекс тождества между двумя странами равен 0,60 балла (табл. 6).

Таблица 6. Ответы респондентов на вопрос о том, чего следует ожидать в ближайшие годы, (%)

Варианты ответов	Шкала	Украина	Беларусь	$ x - y $
Стоит ожидать развития культурной сферы в стране	10	34	13	19
Сохранение нынешней ситуации в сфере культуры	5	37	44	7
Следует ожидать ухудшения ситуации в культурной сфере в стране	1	22	25	3
Трудно сказать	0	7	18	11
Всего	–	100	100	$\Sigma = 40$
Индекс возможного развития культуры		5,5	3,8	0,60

Таким образом, из всего вышеизложенного следует:

в оценках культуры преобладает материальный, а не духовный фактор, массовая культура, или поп-культура, вытесняет народную и высокую культуру, поэтому у населения деградирует ценностная норма культурного потребления и будущих ориентаций. Следовательно, общее состояние культурной сферы Полесья находится на невысоком уровне;

в целом наблюдается преобладающее положительное оценивание украинцами уровня развития культурной сферы по сравнению с оценками, которые давали белорусские респонденты. Зато белорусские респонденты чаще указывали на участие в тех или иных культурных кружках и студиях, чаще посещали различные культурные мероприятия, которые происходили в их поселениях;

как в опросе общественного мнения, так и среди участников фокус-групповых дискуссий четко прослеживается пассивное отношение к культурной сфере своего региона и к ее развитию. Только единицы выразили готовность участвовать в различных культурных мероприятиях и акциях в качестве участников или организаторов;

к основным проблемам, с которыми сегодня сталкивается культурная сфера в регионе и которые существуют и на общенациональном уровне в Украине и в Беларуси, можно отнести такие: низкое материальное обеспечение, отсутствие поддержки государства, незаинтересованность населения, нехватка специалистов;

культурные традиции и обычаи теряются, поскольку основными их носителями остается старшее поколение. Кроме старшего поколения, определенный уровень включенности в культурную жизнь можно наблюдать среди детей через их привлечение к школьным кружкам, студиям, во внеклассную деятельность. Однако такие явления не являются массовыми из-за низкого уровня развития сети кружков и студий, где дети могли бы учиться традиционным ремеслам, искусству и т. п.;

кроме финансовой поддержки со стороны государства, участники исследования видят возможности возрождения культуры Полесья в развитии туристической сферы, поддержке существующих и создании новых культурных центров;

по результатам проведенного контент-аналитического исследования, коммуникационные характеристики информационных материалов СМИ, посвященные культуре и этнокультурному наследию Полесского региона, имеют высокую степень конкретности, аргументированности и эмоциональности;

интенционная направленность информационных сообщений о культуре Полесского региона преимущественно ориентирована на раскрытие нового содержания и его положительную репрезентацию для читателей. Украинские авторы акцентируют внимание на собственной позиции, белорусские – на общечеловеческих ценностях и нормах. Украинские СМИ чаще используют коммуникативную ориентацию – «интуитивного и духовного поиска» и «спокойного оптимизма», белорусские – ориентацию «все вокруг хорошо». Украинские

СМИ используют для этого более сложные по структуре и содержанию средства. Белорусские СМИ, наоборот, оперируют простыми конструктами;

информация о традиционных формах культуры Полесья, а также привлечение к ним современников присутствует в преобладающей части проблемно-тематического дискурса. Чаше СМИ информируют о народных танцах, песнях, музыке и архитектуре. Популяризация традиционной культуры Полесья в основном происходит благодаря специализированным музеям и выставкам, а также фестивалям и праздникам;

в значительном большинстве информационных материалов присутствует дискурс о путях сохранения, трансляции и использовании этнокультурного наследия Полесского региона. Для Украины – это организация мониторинга за состоянием культурных и природных объектов Полесья, для Беларуси – повышение престижа профильных институтов и соответствующего финансирования;

СМИ Украины и Беларуси преимущественно информируют о таких сферах культуры Полесья, как изобразительное и декоративно-прикладное искусство, культурный туризм, литература и киноискусство;

по результатам контент-аналитического исследования с 2007 по 2011 г. растет вес таких культурных институтов, занимающихся сохранением и развитием культуры Полесья, как музеи, дома культуры, клубы, студии, кружки, объединения, историко-культурные и туристические центры и рекреационные учреждения. В СМИ Украины в контексте попечительства, сохранения и развития культуры Полесья более объемно представлены музеи, научные учреждения, студии, в СМИ Беларуси – туристические, выставочные и историко-культурные центры, концертные залы, музеи (преимущественно отдельных населенных пунктов);

к субъектам возрождения и развития культуры Полесья СМИ относят: 1) деятелей культуры и населения региона в целом, 2) государственные органы, представителей культурных центров, международные организации и фонды, 3) научные организации, учебные заведения и представителей государственных органов власти. Активными субъектами возрождения культуры Полесья в проблемно-тематическом дискурсе украинских СМИ преимущественно выступают население региона, деятели культуры, научные организации и культурные центры; в дискурсе белорусских СМИ – государственные органы и их представители, культурные центры, международные организации и фонды, а также ученые.

Литература

1. *Гаврилюк, Н. К.* Картографирование явлений духовной культуры: по материалам родильной обрядности украинцев / Н. К. Гаврилюк. – Киев: Наук. думка, 1981. – 279 с.
2. *Гаврилюк, Н. К.* Киевскопольский вариант традиционной семейной обрядности на фоне сопредельных территорий // Київське Полісся (етнолінгвістичне дослідження) / С. С. Березанська [та ін]. – Київ: Наук. думка, 1989. – С. 24–40.

3. *Гриценко, П. Е.* Говор Чернобыльской зоны сегодня // Полісся: мова, культура, історія. – Київ, 1996. – С. 38–46.

4. *Курчів, Р.* Из фольклорных регионов Украины: нар. й ст. – Львів: Ін-т народознавства, 2002. – 351 с.

*N. A. DMITRUK, O. YU. BRIZYNA, R. A. OMELIASHKO,
M. YU. SADOVA, YU. I. SAYENKO*

PRESERVATION AND RENOVATION OF CULTURAL SECTOR OF POLISSYA REGION IN UKRAINE AND BELARUS: CHALLENGES AND PERSPECTIVES

Summary

Article gives a view on the results of sociological research conducted in 2012 by the Ukrainian NGO “*Intelektualna Perspektyva*” with support of Belarusian organizations. The research was conducted within the “Sustainable Development of Local Communities through the Actualization of Cultural Heritage” Project of the Eastern Partnership Cultural Programme funded by the European Union. The main components of the research included public opinion survey, expert and focus-group interviews, and content-analysis of the Ukrainian and Belarusian mass media. The comparative analysis of the cultural sphere of the Ukrainian and Belarusian Polissya was conducted and the main results are covered in the article.

Keywords: research, culture of Polisyia, traditions.

Поступила 26.07.2013 г.

В. П. СТЕПАНЕНКО,

*кандидат философских наук,
докторант Института социологии НАН Украины, г. Киев*

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Исследуется взаимосвязь между демографическими характеристиками общества, в частности, возрастной структурой, и особенностями общественно-политического развития страны. Демографическая трансформация рассматривается как важный и еще недостаточно исследованный аспект общественных трансформаций в Восточной Европе. Анализируются особенности демографической ситуации в Украине, а также результаты социологических опросов в контексте корреляций возраста и общественно-политических ориентаций респондентов.

Ключевые слова: демография, демократия, общественная трансформация, демографическая трансформация, возрастная структура общества, человеческий капитал, социализация, социальная репродукция, Украина.

Цель этой статьи – попытка прояснить связь между перспективой общественно-политического развития и политическим режимом, с одной стороны, и некоторыми факторами демографического развития общества – с другой. В частности, если рассматривать демократию как тип политического режима, то несложно, даже на уровне этимологии двух понятий – демократия и демография – обнаружить общую для обоих греческую корневую составляющую – «демос» (народ, граждане). Впрочем, связь между этими понятиями не только этимологическая. Избрание власти в представительской демократии статистическим большинством избирателей уже актуализирует разные социально-демографические аспекты структуры населения. Речь идет не только о сложных социально-демографических характеристиках, таких как этническая, региональная, религиозная и языковая идентичность, образовательный и материально-экономический уровни населения, уровень урбанизации, социально-структурные позиции. Влияние этих сложных социально-демографических переменных на особенности общественного, в частности демократического, развития довольно активно обсуждается в современных исследованиях. Так, с высокой долей вероятности можно утверждать, что этнокультурная однородность, урбанизация и высокий образовательный уровень населения являются благоприятными факторами стабильной демократии (А. Лейпхарт, С. М. Липсет, С. Хантингтон и др.). Значимость определенных социально-демографических характеристик для развития и поддержки демократического

общества подтверждается также и актуализациями дебатов о современных стратегиях адаптации этнокультурного разнообразия, в обсуждениях вопросов миграции, прав этнокультурных меньшинств, проблем социальной справедливости и социально-экономического расслоения.

Менее определенными и, пожалуй, не такими явными являются корреляции между перспективами общественного развития и базовыми демографическими характеристиками, такими как возрастная структура общества, уровень и особенности его воспроизводства, демографические показатели рождаемости и смертности, средняя продолжительность жизни. Эти демографические аспекты имеют стратегическое значение для многих стран, ведь речь идет о базовых факторах и особенностях воспроизводства общества и его жизнедеятельности. А любой тип политического устройства предполагает прежде всего наличие самого общества и лишь затем – его государственных институтов.

Впрочем, связь между особенностями общественного развития и демографической возрастной структурой также проявляется. Хотя эта связь часто опосредуется такими факторами, как пропорциональное и стабильное воспроизводство человеческого потенциала, жизненные шансы и социальные предложения для молодежи в сфере образования и на рынке труда, активное долголетие людей пожилого возраста. Как показывают статистические данные, для успешных и экономически развитых демократических стран довольно типичной является возрастная структура *переходного* и *зрелого* возрастных профилей. В подобных структурно-возрастных типах общества молодежь до 30 лет составляет примерно до 45 % населения, часть людей преклонного возраста (после 60 лет) – не более 25 % населения и, по крайней мере, треть населения – это люди активного среднего и трудового возраста [1]. Так, в глобальных исследованиях в период 1970–2007 гг. лишь 13 % стран с очень молодым возрастным профилем (где две трети или более населения составляют люди до 30 лет) были полноценными демократиями (*full democracies*). Для сравнения, таковыми считаются 81 % стран со зрелым вековым профилем [1]. Подобные корреляции проявляются также и относительно других измерений успешного демократического развития, таких как свобода слова и гражданские свободы. В то же время страны, в вековой структуре которых молодежь до 30 лет составляет более 60 %, по глобальной мировой статистике с большей долей вероятности подвергаются таким рискам своего развития, как ограничение политических и гражданских свобод, коррупция, слабая институциональная способность государства к поддержанию общественного порядка (Гаити, Уганда, Йемен, Афганистан и др.) [1].

Исследователи экспертной организации мирового народонаселения *Population Action International* на основе статистического анализа глобальных тенденций мирового демографического развития приходят к выводу, что около 90 % стран с очень молодой возрастной структурой к концу XX в. имели авторитарные или очень слабые демократические правительства [2, с. 10]. Де-

мографически молодые страны, даже когда достигают определенного уровня демократии, являются к тому же и более уязвимыми относительно ее последующей поддержки, в них чаще возникают конфликты и кризисные ситуации. Так, одним из социальных факторов «арабской весны» – массовых антиправительственных протестных движений в 2010 г., в частности в Тунисе, была довольно значительная демографическая доля молодежи, недовольной своими жизненными и социально-экономическими шансами в традиционной коррупционно-авторитарной среде. Молодежь по определению является более активной, способной к быстрой мобилизации частью общества. К тому же молодые люди, как правило, чаще и активнее используют современные электронные средства массовой коммуникации – мобильную телефонную связь и Интернет с их потенциалом создания новых социальных сетей. Именно последние сыграли не последнюю роль в мобилизации и координации протестных движений «арабской весны».

Глобальная статистика связи между возрастной демографической структурой стран и их социально-экономическим и политическим развитием в известной мере отражает и тот факт, что регионы и страны с высокими уровнем и темпами рождаемости (Африка, Азия, Южная Америка) являются преимущественно развивающимися странами с противоречивым и часто непоследовательным характером такого развития. В то же время устоявшиеся демократии, особенно европейские, находятся в демографической ситуации, характеризующейся если не старением населения, то, по крайней мере, сокращением темпов рождаемости и увеличением демографической доли людей среднего и преклонного возрастов, отчасти по причине повышения среднестатистического уровня продолжительности жизни. Тенденции демографического старения развитых демократических (и, как правило, довольно благополучных в социально-экономическом отношении) стран являются следствием многих причин – от культурно-психологических до социально-экономических. Среди этих причин – индивидуализация стилей жизни, трансформация традиционной культуры, более продолжительное время обучения, профессионального роста и самореализации молодежи и людей среднего возраста, семейное планирование, развитие медицины и расширение спектра медицинских услуг. Также в «зрелых» (и не только в демографическом смысле) странах правительства пытаются активно влиять на демографическую ситуацию. Это влияние предусматривает создание и развитие системы непрерывного обучения, гибкую социальную политику поддержки государством рождаемости, меры по улучшению семейного планирования и репродуктивного здоровья, расширение социально-экономических возможностей для женщин, планирование и контроль миграционных потоков и другие меры государственной демографической политики.

Важно также и то, что в странах «зрелой» демократии репродукция демократических практик и институтов означает в демографическом смысле укоренение этих практик в процессы воспроизводства народонаселения и социа-

лизацию новых возрастных генераций. Другими словами, характеристики устоявшейся демократии являются более надежными для тех обществ, в которых люди среднего и преклонного возрастов уже были рождены или, по крайней мере, социализированы в демократической среде, а следовательно – в подавляющем своем большинстве являются носителями или даже хранителями демократических практик и традиций, передающихся новым поколениям через разные институты социализации, в том числе родственные. Конечно, воспроизводство демократических практик даже в стабильных демократиях не является механическим процессом, равно как и сама демократия никогда не является завершенным общественным проектом. В частности, демографические тенденции «старой» Европы уже даже через потребности ее собственного экономического развития требуют определенного притока мигрантов, потоки которых формируются преимущественно из людей молодого возраста и в основном из стран Азии и Африки. Такая миграция людей, которые в основной своей массе социализировались в иной, часто отличной от европейской, социокультурной среде, уже теперь создает серьезные вызовы для европейских демократий. И не только относительно политики адаптации и социализации численной и растущей массы иммигрантов, но и в аспектах формирования собственных, сбалансированных относительно демократических норм и отвечающих национальной безопасности миграционных политик.

Не менее драматической, со своими сложными особенностями и социальными последствиями является демографическая трансформация Восточной Европы. В определенном смысле метафора о «молодых демократиях» этого региона звучит довольно иронично. Ведь эти «молодые», а во многих обществах еще и не устоявшиеся демократии, формируются по большей части в странах, которые также переживают демографическое старение своего населения, а в случае некоторых стран, в частности России и Украины – острый демографический кризис. Особенность этих процессов для посткоммунистических восточноевропейских стран заключается в том, что демографические изменения здесь переплелись и объединились со сложными политическими и экономическими трансформациями. Поэтому исследователи характеризуют эту сложную демографическую трансформацию – «от красных к седым» – как уникальную [3, с. 1], имеющую не менее важное значение, чем сами политические и экономические изменения в посткоммунистических странах.

В современных исследованиях демографической трансформации Восточной Европы довольно активно и широко обсуждаются социально-экономические аспекты этих процессов, в частности проблемы трансформации рынка труда, увеличение доли нетрудящихся пенсионеров, нагрузки на экономическую, социальную и пенсионную системы этих стран и потребности их реформирования, увеличение социальных расходов государственного бюджета и проблемы его перераспределения, проблемные вопросы финансовых сбережений и т. п. В меньшей мере, по нашему мнению, рассматриваются вопросы социально-психологических и политических аспектов демографической

трансформации посткоммунистических обществ, в частности перспективы развития и поддержки демократии. В методологическом контексте эти аспекты предполагают преодоление упрощенных механистических представлений о посткоммунистической трансформации, в основе которых был эволюционистский подход к поступательности движения от планового социализма к рыночному капитализму. Критика упрощенных неолиберальных схем посткоммунистических трансформаций также предполагает признание их сложности и непредвиденности, привлечение к анализу гуманитарных и антропологических методологий, повышенное внимание к таким институциональным феноменам и социокультурным практикам, как групповые идентичности, историческая память, ценностные ориентации, неформальные практики и интеракции.

Как показывает более чем 20-летний опыт посткоммунистических, в особенности – постсоветских трансформаций, традиционные социокультурные институты, практики и ценности являются чрезвычайно стойкими и инертными, последствия изменений являются часто непредсказуемыми относительно новых качеств, а сами изменения нередко сталкиваются с препятствиями и сопротивлением объективных и субъективных факторов. Это и не удивительно, если принять во внимание, что носителями ментальных структур и хранителями культуры являются люди, старшее и среднее поколение которых формировалось и взаимодействовало в условиях традиционного коммунистического уклада. Проблемы качества политических элит, коррупции, массовый правовой нигилизм, воссоздание патронально-клиентилистских практик, кумовство, местничество, клановость – это лишь некоторые аспекты сложной диалектики общественных изменений и социальных репродукций в посткоммунистических и особенно постсоветских обществах. Невзирая на некоторые оптимистичные прогнозы начала 1990-х гг., два десятилетия общественных трансформаций и появление лишь одной генерации людей, которые в школьные годы уже не повязывали красные галстуки молодежных коммунистических организаций, являются очень непродолжительным историческим периодом, в котором социальное воспроизводство прежнего уклада в тех или иных формах все еще доминирует. Поэтому смена поколений, численность и также гражданские качества новых генераций в посткоммунистических странах актуализируют демографические проблемы политического выбора и часто особенностей политического устройства этих стран.

Проблемы перспектив политического развития в постсоветских обществах в контексте их демографического кризиса еще нуждаются в серьезных исследованиях, хотя определенные шаги в этом направлении уже предпринимаются. Например, американский исследователь Харли Бальцер формулирует ряд демографических вызовов для перспектив демократической консолидации в России [4]. Среди них: невысокая средняя продолжительность жизни, особенно мужчин, низкие показатели рождаемости, старение населения, высокая смертность, динамика роста доли не славянского и не православного

населения, увеличение темпов миграции из стран иных этнокультурных корней, возрастающая экономическая дифференциация населения. Очевидно, что большинство позиций этого перечня характерно также и для Украины. В этом смысле вызовом для этих стран являются не только эти социально-демографические проблемы, но и поиски адекватных путей их решения.

В то же время социально-демографическая ситуация Украины имеет и свои особенности, среди которых следующие:

1. *Депопуляция* (сокращение численности населения более чем на 6 млн человек только лишь в период с 1991 по 2011 г.), устойчивая негативная динамика смертности и рождаемости, которая не обеспечивает простого воспроизводства населения, особенно угрожающими являются тенденции депопуляции сельского населения страны.

2. Признаки *постгеноцидной нации*, исторические факторы потерь генофонда. Как замечают эксперты, «первая и вторая мировые войны, три голодомора (1921, 1932–1933, 1947), форсированная индустриализация, насильственная коллективизация, массовые репрессии 1930–1950-х гг., Чернобыльская катастрофа, затяжной системный кризис 1990-х гг. чрезвычайно негативно повлияли на нормальный процесс демографической трансформации, повлекли за собой заметные деформации гендерно-возрастного состава населения, преждевременной смерти около 16 млн человек» [5, с. 4]. Стоит также заметить, что результатом политических репрессий коммунистического режима в Украине было также массовое уничтожение национальной политической и творческой элиты, последствия чего современная Украина переживает и сегодня.

3. *Старение населения*. Экспертные прогнозы возрастной структуры населения Украины показывают, что доля людей пенсионного возраста будет возрастать, а детей (до 16 лет) – уменьшаться, соответственно также увеличится демографическая нагрузка на долю людей трудоспособного возраста. Только лишь относительно низкая продолжительность жизни объясняет то обстоятельство, что доля пожилых людей (старше 65 лет) в структуре населения страны является пока чуть меньше в сравнении с развитыми европейскими странами. Однако уже теперь в пенсионной системе страны доля пенсионеров почти сравнялась с долей работающих плательщиков социально-страховых взносов. Кроме того, после 2010 г. (когда трудоспособного возраста начнут достигать поколения граждан, которые родились в период низкой рождаемости 1990-х гг.) будет происходить не только количественное сокращение трудоспособного населения, но и качественные ухудшения – старение его экономически активной части.

4. *Отток населения* через образовательную и трудовую миграцию за границу. Статистика количества украинских зарубежных трудовых мигрантов ненадежна. Однако даже по сдержанным оценкам, это не менее нескольких миллионов человек. Эти мигранты – преимущественно молодежь и люди активного среднего возраста, среди них и конкурентоспособные специалисты разных направлений, включая высокотехнологические и творческие спе-

циальности. Украинские трудовые мигранты часто стремятся адаптироваться в странах, где работают, особенно когда речь идет о семьях. Это – демографические и социальные утраты для страны ее наиболее активной и конкурентоспособной части населения, к тому же активного репродукционного возраста. И хотя массовая миграция начала–середины 1990-х гг. уже не является тревожной тенденцией в демографическом балансе страны, и миграционное сальдо в Украине в последние годы является даже позитивным, речь идет не столько о количественных, сколько о качественных показателях человеческого потенциала страны.

5. Отсутствие четкой, артикулированной государственной *миграционной политики*, которая бы не только согласовывалась с демократическими нормами, но и отвечала бы национальным интересам и безопасности страны.

Демографические факторы имеют прямую или опосредованную связь с перспективами украинской демократии, ведь ее избирают (или не избирают) люди со своими взглядами и ценностями. Ослабленный человеческий потенциал, количественное уменьшение и качественное ухудшение человеческого капитала, проблемы развития среднего класса, деформированная возрастная структура, особенности социализации средних и старших поколений, стойкие традиции патернализма и авторитаризма в носителях традиционной культуры – это те особенности, которые создают риски для электоральной базы демократии, формируют патерналистский репертуар политических партий разных направлений, а также, по нашему мнению, в известной мере объясняют непоследовательный и противоречивый характер социально-политических процессов в Украине.

Политические актеры в своих декларациях и борьбе за избирателей, особенно в период развертывания мирового экономического кризиса и рецессии с 2008 г., все более вынуждены считаться со специфическими потребностями и политическими ориентациями большей части людей преклонных лет. Последние составляют уже почти четверть населения страны и являются, как правило, наиболее активными избирателями. Люмпенизация населения, а особенно людей преклонных лет, пенсионеров обуславливает бихевиоризацию политики, редуцируя поведение избирателей к уровню инстинктов биологического выживания. Это особенно касается социально незащищенных слоев, среди которых доля людей преклонных лет является значительной. Печально известные политтехнологии подкупа избирателей гречихой, продовольственными пайками и медикаментами, продажа-купля голосов и другие технологии такой политики имеют мало общего со свободным демократическим выбором, а следовательно – и с демократией. Пенсионеры и люди преклонных лет являются основными «адресными группами» таких технологий.

В украинском политическом контексте возрастная структура (межпоколенческий фактор), хоть и уступает по значимости влияния языково-этническому, а особенно – региональному факторам, также влияет на электоральный выбор граждан. Как отмечает А. Вишняк, в украинском обществе межпоко-

ленческие (возрастные) различия «в основном отражают особенности ранней политико-идеологической социализации разных поколений украинских людей (сталинский период до середины 50-х годов, период хрущевской “оттепели”, период застоя или перестройки и независимости)» [6, с. 194–195]. Различия такой исторической социализации если не определяют, то, по крайней мере, сказываются на политических ценностях и симпатиях граждан.

Так, традиционно на всех выборах в Украине избиратели преклонных лет, как впрочем и в некоторых других постсоветских странах, намного чаще поддерживают представителей левого политического спектра, в частности коммунистов. Или лучше сказать, коммунистический электорат по большей части состоит из людей преклонных лет. Уменьшение электоральной поддержки коммунистической партии со свыше 20 % в начале 1990-х гг. до 5 % на последних парламентских выборах 2007 г. не стоит упрощенно объяснять лишь сменой одной возрастной генерации. Дело также в изменении целого спектра программных положений политических партий, многие из которых активно заимствовали патерналистскую риторику коммунистов в своих предложениях для избирателей, в частности для людей преклонных лет.

Социологические исследования, в частности общенациональный мониторинг общественного мнения Института социологии НАН Украины в 2012 г., также выявляют определенную закономерную связь между возрастной структурой респондентов и их политическими симпатиями, хотя здесь не все так однозначно. Скажем, уже достаточно типично (и по предыдущим исследованиям), что среди людей старшего (свыше 55 лет) возраста более чем треть респондентов являются приверженцами социализма. Это почти втрое больше, чем симпатиков социализма среди молодежи (до 30 лет). Правда, лишь десятая часть молодых людей являются приверженцами капиталистического пути развития страны.

В то же время возрастные различия респондентов не слишком отражаются на оценках их уровня удовлетворенности тем, как развивается демократия в нашей стране. В 2012 г. две трети (63 %) молодых респондентов и почти такая же часть (57,7 %) людей старшего возраста были не довольны характером такого развития. В своем геополитическом выборе 2012 г. почти две трети (58,8 %) респондентов старшего возраста поддерживали «евразийский вектор» развития страны (связи в границах СНГ, укрепление отношений с Россией, восточнославянский блок). Среди молодежи меньше «евразийцев» (до 40 % по этой группе) и вдвое больше, чем доля респондентов старшего возраста, поддерживающих развитие связей со странами Запада, – среди молодежи 21,3 % «западников», среди респондентов старшего поколения лишь 9,9 %.

Для перспектив демократического развития страны показательным является также и то, что возрастные различия респондентов практически не сказываются на их мнении о том, что «несколько сильных руководителей могут сделать для нашей страны больше, чем все законы и дискуссии». Подавляющее большинство опрошенных (более 60 %) различных возрастных групп

согласны с этим утверждением. И пусть смысловые основы этих настроений являются, возможно, несколько отличными – «авторитарная» политическая социализация старшего поколения рядом с нетерпением социальных изменений молодежи – обе мотивации на «выходе» могут давать подобный статистический результат.

Отметим, эта приведенная социологическая статистика является несколько ограниченной, не учитывающей региональных, языковых и других различий, которые мы здесь не принимали во внимание. Тем не менее можно говорить не только о достаточно устойчивом комплексе авторитарно-патерналистских ценностей, присущих в основном политическому выбору людей старших возрастных групп в стране. Довольно незначительная артикулированность в отличии этих ценностей среди молодежи также позволяет сделать вывод как о все еще незавершенной политической идентификации молодого поколения в ситуации неопределенного по своим последствиям «демократического перехода», так и о репродукции традиционных социально-политических паттернов и даже в определенной степени – социальном воспроизводстве патерналистско-авторитарного синдрома.

В контексте такой репродуктивной социализации показательно, что в общенациональном исследовании выпускников средних школ 2012 г., в котором были опрошены выпускники и их учителя (люди, как правило, среднего и старшего возраста), только 11 % учителей и почти столько же (12 %) их учеников готовы проявлять инициативу и сами заботиться о себе. А главными факторами, способствующими достижению человеком высокого социального положения в нашей стране, 44 % опрошенных учащихся считают влиятельных родственников. Этому же мнению придерживаются и 55 % их учителей [7]. Доминирующие патерналистские настроения проявляются также и в том, что в стране фактически отсутствует поколение, которое чувствовало бы, а главное – принимало бы на себя основное бремя ответственности за развитие общества. По данным нашего исследования 2010 г., более 60 % респондентов различных возрастных групп, включая когорту людей активного и трудоспособного возраста (от 26 до 55 лет), не чувствуют ответственности за состояние общественных дел в стране.

Тревожный симптом для перспектив развития демократии в нашей стране проявляется не только в ослаблении качественного человеческого потенциала украинского общества, пребывающего в демографическом кризисе, не только из-за относительно небольшой статистической численности новых поколений, вступающих во взрослую жизнь при доминирующих психологических и социально-политических паттернах политически активного старшего поколения и затяжных, неопределенных обстоятельствах общественно-политической трансформации. Неблагоприятным контекстом институционализации демократии и ее ценностей могут быть также социальные репродукции традиционного патерналистского уклада, «обученной беспомощности» и авторитарного синдрома в процессах и институтах социализации молодежи, гедони-

зация и, одновременно, экономическая прагматизация стилей жизни молодого поколения, его политическая индифферентность и апатия.

Литература

1. *Madsen, E. L.* The Effects of Age Structure on Development. Policy and Issue Brief [Электронный ресурс] / E. L. Madsen, B. Daumerie, K. Hardee. – Washington: Population Action International, 2010. – Р. 1–4. – Режим доступа: http://populationaction.org/wp-content/uploads/2012/01/SOTC_PIB.pdf. – Дата доступа: 07.09.2013.
2. *Leahy, E.* The Shape of Things to Come. Why Age Structure Matters to a Safer, More Equitable World [Электронный ресурс] / E. Leahy [et al.]. – Washington: Population Action International, 2008. – Р. 3–96. – Режим доступа: <http://populationaction.org/wp-content/uploads/2012/01/SOTC.pdf>. – Дата доступа: 07.09.2013.
3. *Chawla, M.* From red to gray: the third transition of aging populations in Eastern Europe and the former Soviet Union / Mukesh Chawla, Gordon Betcherman, Arup Banerji. – Washington: The World Bank, 2007. – 272 p.
4. *Balzer, H.* Demography and democracy in Russia: Human capital challenges to democratic consolidation / H. Balzer. – *Demokratizatsiya*. – 2003, N 11. – Р. 97–98.
5. Комплексний демографічний прогноз України на період до 2050 р. / за ред. Е. М. Лібанової. – Київ: Укр. центр соціальних реформ, 2006. – 138 с.
6. *Вишняк, О.* Електоральна соціологія: історія, теорія, методи / О. Вишняк. – Київ: Ін-т соціології НАНУ, 2000. – 307 с.
7. Пресс-релиз круглого стола по результатам исследования «Новое поколение на пороге взрослой жизни: ценности, жизненные планы, выбор профессии», Киев, 20 января 2012 г. / Ин-т социологии НАН Украины. – Киев, 2012.

V. P. STEPANENKO

DEMOGRAPHIC FACTOR IN THE CONTEXT OF SOCIAL DEVELOPMENT

Summary

It is studied the interrelations between society's demographic characteristics, in particular the age structure, and the peculiarities of the country's social-political development. The demographic transformation is considered as an important aspect of the Eastern European social transformation but not enough elaborated in that relation yet. It is analyzed the peculiarities of Ukraine's demographic situation and the data of public opinion surveys in the context of correlation between the respondents' age and their social-political attitudes.

Keywords: demography, democracy, social transformation, demographic transformation, society's age structure, human capital, socialization, social reproduction, Ukraine.

Поступила 09.09.2013 г.

О. В. ПАНЬКОВА,

*кандидат социологических наук, доцент,
Институт социологии НАН Украины, г. Киев*

ОСОБЕННОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА УКРАИНЫ В ЗЕРКАЛЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ РЕЙТИНГОВЫХ СРАВНЕНИЙ

В статье представлен анализ состояния украинского общества с позиций человеческого развития в условиях антропокризиса, определены тенденции изменения индекса развития человеческого потенциала Human Development Index (HDI) ПРООН, составлен рейтинговый портрет Украины по данным международных сравнений и результатам «Европейского социального исследования» 2005–2007–2009–2011 (ESS), выявлены сильные и слабые стороны Украины, барьеры и резервы роста.

Ключевые слова: человеческое развитие, индекс развития человеческого потенциала, безопасность, антропокризис, образовательный, культурный, социальный, человеческий капитал.

В странах постсоветского пространства проблемы сохранения и развития человеческого потенциала становятся первоочередными приоритетами национальной безопасности. Создание благоприятных условий для развития человека выступает главным залогом национального успеха, прогресса и процветания. Это приводит к поиску новых идей, форм, методов государственного управления. Одним из направлений стратегического управления является разработка и внедрение долгосрочной политики развития человеческого потенциала, которая определяет ведущие направления социальной, экономической, миграционной, гуманитарной, культурно-просветительской, экологической, законодательной политики страны в исторической перспективе [1]. Поскольку трансформационные процессы в странах постсоветского пространства по характеру протекания, по последствиям схожи, изучение, принятие и адаптация нового передового опыта будет полезным для Украины. Россия является пионером концептуального проектирования, реализации новой инновационной стратегии управления – государственной антропополитики.

Поворот к проблемам человека в странах мирового сообщества в течение последних нескольких лет обусловлен рядом причин. Одна из основных – изменение приоритетов развития человечества в целом. Концепция человеческого развития сменила так называемые «классические» теории экономического развития, которые базировались на показателе валового национального продукта, рассматривали человека только в качестве движущей силы экономического развития и провозглашали экономический рост главной целью об-

щественного прогресса. Сквозь призму этой концепции формируется новое понимание категории «развитие», которое выходит за рамки наращивания объема материальных благ и услуг и фокусируется на обеспечении нового качества жизни человека, призвано раскрыть возможности для реализации его потенциалов, для расширения вариантов выбора. Такой концептуальный поворот направлен на решение проблем свободы и взаимной ответственности и личности перед обществом, и общества перед личностью ради прогрессивного развития.

Вторая причина актуализации проблемы человека поворачивает вектор развития в сторону обеспечения безопасности, физического выживания народов, наций, решения социальных проблем, что особенно актуально для стран бывшего постсоветского пространства. Это обусловлено прежде всего снижением качества населения, в т. ч. качества демографического, психофизиологического, репродуктивного, социокультурного, трудового, смысложизненного, мотивационного, «энергийного», человеческого потенциалов, а также депопуляцией, снижением «воли к жизни», духовной энтропией, маргинализацией, дегуманизацией общественных отношений (в т. ч. политических и экономических), гламуризацией публичной сферы, высоким уровнем поляризации и дифференциации доходов, невысоким уровнем конкурентоспособности страны, коррупционностью, криминогенностью, наркотизацией, алкоголизацией, суицидальностью, ксенофобией и другими невысокими показателями развития человеческого потенциала (ИРЧП), крайне низким уровнем доверия к основным государственным институциям и пр. [2]. Эти признаки состояния социального здоровья общества свидетельствуют о наличии глубокого антропокризиса – как такого состояния общества и условий его функционирования, которые не способствуют, а препятствуют человеческому развитию, процветанию страны и нации.

Цель статьи – диагностика и анализ состояния украинского общества с позиций человеческого развития на основе объективных и субъективных данных – международных рейтинговых сравнений, результатов социологических исследований.

Развитие человеческого потенциала в Украине, анализ его состояния и методики измерения являются актуальным направлением научных исследований различных научных школ Украины социально-экономической направленности. Это отражено в научных работах С. И. Пирожкова и А. С. Власюка, Э. М. Либановой, Е. А. Гришновой, Л. А. Заяц, А. М. Колота, В. В. Оникиенко, Л. К. Семив, Т. М. Кирьян, А. И. Курило, Л. С. Лисогор, В. П. Антонюк, О. Ф. Новиковой, Л. Л. Шамилевой, Н. А. Кизим, Л. В. Шаульской, А. О. Ревенко, Л. И. Михайловой, Л. И. Бестелесной, В. В. Близнюк, Ю. Н. Пахомова, И. К. Бондар, Б. Е. Кваснюк, А. М. Поручник, И. Ф. Гнибиденко, Д. П. Богини, В. И. Куценко и др.

В отечественной социологической науке к этой направленности можно отнести работы Н. Паниной, Н. Шульги, Е. Злобиной, Е. Головахи, Л. Бевзен-

ко, Н. Соболевой, И. Мартынюка, Ю. Саенко, В. Пилипинко, Т. Петрушиной, В. Резника, Е. Суименко, М. Парашевина, А. Ручки, Л. Хижняк, А. Арсеев, Н. Толстых, В. Смакоты, Т. Загороднюк, О. Демкива и др., в которых рассматриваются различные социально-экономические, морально-психологические, ценностно-нормативные, поведенческие аспекты, связанные с человеческим развитием в Украине на микро- и макроуровнях. Значительный методологический вклад в развитие теории человеческого потенциала сделан российскими исследователями – Т. Заславской, Н. Римашевской, И. Соболевой, Б. Юдиным, Ю. Левадой, В. Колесовым, Ю. Корчагиным, С. Балабановой, В. Радаевым, Р. Рывкиной и др.

Индекс развития человеческого потенциала (Human Development Index – HDI) включает три составляющие:

1) здоровье и долголетие, измеряемые показателем ожидаемой продолжительности жизни при рождении;

2) доступ к образованию, измеряемый уровнем грамотности взрослого населения и совокупным валовым коэффициентом охвата образованием (средняя продолжительность обучения (в годах) и ожидаемая продолжительность обучения (в годах));

3) уровень жизни населения, измеряемый по показателю ВВП (валового национального продукта) на душу населения в долларах США по паритету покупательной способности (ППС).

По индексу развития человеческого потенциала в международных сравнениях Украина перманентно перемещается из группы стран с высоким уровнем человеческого развития в группу стран со средним его уровнем и наоборот¹. На протяжении 1992–1999 гг. Украина последовательно теряла свои позиции по ИРЧП, но темпы падения этого показателя последовательно сокращались. Это прежде всего связано с глубокими трансформационными процессами во всех сферах жизнедеятельности общества, с экономической стагнацией, которая вылилась в более чем двукратное уменьшение ВВП на душу населения, в резкое и продолжительное ухудшение условий жизнедеятельности людей, что повлекло значительное сокращение продолжительности жизни, обусловило снижение показателя ИРЧП в Украине и соответствующее ухудшение рейтинга страны.

Если в 1992 г. наша страна была на достаточно высоком рейтинговом месте – 45-м, то к 1995 г. резко переместилась на 102-е, а в 2000 г. – уже была на 78-м. С этого года показатели ИРЧП стали колебаться. В Докладе 2002 г. наша страна оказалась на 80-м месте, 2004 – на 70-м, 2007 – на 76-м месте из 177 стран мира. Ее стабильно опережают Казахстан, Российская Федерация, Беларусь. В 2009 г. в связи с мировым финансово-экономическим кризисом Украина заняла по индексу развития человеческого потенциала 85-е место среди

¹ На основе этого показателя государства ранжируются по четырем категориям стран: 1 – страны с очень высоким уровнем ИРЧП; 2 – страны с высоким уровнем ИРЧП; 3 – страны со средним уровнем ИРЧП; 4 – страны с низким уровнем ИРЧП.

182 стран. Это самый низкий рейтинг Украины за последние несколько лет. В 2011 г. страна была на 76-м месте, в 2013 г. – на 78-м.

В странах постсоветского пространства состояние по индексу человеческого развития различное. Украина находится в числе стран со средним уровнем человеческого развития, как и Россия, Казахстан, Армения и Азербайджан. С 2011 г. Литва и Латвия присоединились к лидирующей группе стран с очень высоким уровнем человеческого развития. Беларусь сделала значительный рывок и с этого же года примкнула ко второй группе стран – с высоким уровнем человеческого развития, сохраняя эти высокие позиции. Она является лидером по человеческому развитию на протяжении нескольких последних лет среди всех стран СНГ. Все другие государства бывшего СССР включены в группу стран со средним уровнем развития человеческого потенциала.

В структуре показателей ИРЧП «сильным звеном» Украины являются достаточно высокие образовательные показатели – по уровню грамотности населения, по показателям реальной и ожидаемой продолжительности обучения, о чем более подробно будет сказано ниже. Гораздо хуже выглядит Украина по экономическим и демографическим показателям – валового национального дохода и продолжительности жизни.

Показатель валового национального дохода (ВНД) на душу населения был введен в доклады ПРООН с 2011 г. Почти для всех стран мира по экономическому содержанию он максимум на 1–2 % отличается от величин более привычного для нас показателя ВВП и используется преимущественно Всемирным банком, расчеты которого были включены в доклад. Согласно представленному выше рейтингу, Украина по этому показателю относится к группе стран со средним уровнем дохода на душу населения (показатель дает представление о количестве произведенных товаров и услуг, приходящихся в среднем на одного жителя государства, или, иными словами, о том, сколько получил бы каждый житель страны, если бы весь годовой национальный доход был распределен между всеми гражданами страны поровну [3]. Самый высокий ВНД на душу населения в Катаре – 107 721 долл. и Лихтенштейне – 83 717 долл. Украина по этому показателю занимает лишь 100-е место. И наш уровень этого (как и ВВП) наиболее обобщающего показателя экономического развития стран существенно ниже – на 39 % – среднемирового. Через 20 лет после обретения Украиной государственной независимости ее ВВП составляет 68 % от уровня 1990 г. А общемировой показатель ВВП за эти же годы почти удвоился. Это имеет свои преимущества и недостатки. Тенденции в исследованиях человеческого развития в мировом масштабе демонстрируют высокий рост доходов наиболее состоятельных групп в большей части Европы, Северной Америки, Австралии и Новой Зеландии. С 1990 по 2012 г. неравенство по доходам внутри стран, измеренное индексом неравенства Аткинсона, выросло в странах с очень высоким ИРЧП на 24,8 %. Более чем в половине стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и во многих странах с переходной рыночной экономикой фикси-

руется значительная дифференциация внутри общества, резкое расслоение и увеличение разрыва между бедными и богатыми. Эти факторы являются последствиями глубоких трансформаций в странах постсоветского пространства, влияя на снижение их рейтинга по ИРЧП.

Демографическая составляющая человеческого развития. По прогнозным данным ПРООН, население Украины будет резко уменьшаться. Так, по состоянию на 1 февраля 2013 г. общее количество населения страны составило 45 млн 539 тыс. 121 человек [4]. К 2030 г. эксперты ПРООН прогнозируют его сокращение до 40,5 млн чел., что является главным признаком существующего антропокризиса.

По сравнению с другими странами постсоветского пространства по показателям продолжительности предстоящей жизни Украина занимает не самые высокие позиции – в нашей стране люди живут меньше. В 2013 г. она оказалась на 128-м месте. Дольше, чем в Украине, живут в таких странах СНГ, как Армения (74-е место) – средняя продолжительность жизни – 74,4 года; Грузия (82-е место) – 73,9 года, Азербайджан (113-е место) – 70,9 года; Беларусь (115-е место) – 70,6 года; Россия (124-е место) – 69,1 года. Менее благоприятна демографическая ситуация по сравнению с Украиной в Узбекистане (130-е место) – 68,6 года; в Кыргызстане (133-е место) – 68 лет; в Таджикистане (134-е место) – 67,8 года; Казахстане (138-е место) – 67,4 года. Украина по показателям продолжительности предстоящей жизни демонстрирует негативные тенденции – сейчас этот показатель гораздо ниже уровня 1965–1966 гг. – тогда средняя продолжительность жизни составляла 71,6 года, в 1989–1990 гг. – 70,7 года, в 2011 г. – 68,5 года, в 2013 г. – 68,8 года. Наиболее высокие показатели продолжительности жизни в Японии – 83,4 года. Продолжительность жизни от 80 лет и выше наблюдается в 24 странах мира, от 75 до 80 – в 34, от 70 до 75 – в 55 странах. Причем эти показатели значительно выше, чем в Украине, не только в развитых, но и во многих развивающихся странах. Так, в Гренаде и Конго средняя продолжительность жизни, соответственно, составляет 76,0 и 72,3 года. Наш нынешний показатель продолжительности жизни (68,8 года) немногим ниже, чем в Бангладеш и Непале (68,9 года).

Что же позитивного можно наблюдать в такой малооптимистичной картине? Статистические оценки демографической ситуации в Украине свидетельствуют о том, что сокращение населения продолжается, но значительно более медленными темпами, чем это было в 1990-е гг. Уровень смертности в Украине превысил уровень рождаемости за 8 месяцев 2012 г. на 100 764 чел. [5]. Рождаемость в течение 2012 г. по сравнению с 2011 г. увеличилась на 5,9 % – до 346 926 чел., смертность – сократилась на 0,26 %, до 447 690 чел. В 2012 г. рост рождаемости был зафиксирован во всех регионах страны. Превышение рождаемости над смертностью зафиксирована в Киеве (+3665 чел.), Черновицкой (+156 чел.) и Волынской (+1132 чел.) областях [6]. Увеличение рождаемости происходит благодаря социальным выплатам по рождению ребенка, стабилизации социально-экономической ситуации после кризиса и уровня доходов населения.

В целом эксперты ПРООН определили, что ожидаемая продолжительность жизни в Украине – 68,8 года; в среднем в нашей стране надо потратить 11,3 года на обучение, уровень жизни оценен показателем в 6175 долл. ВВП на душу населения, уровень грамотности взрослого населения составляет 99,7 %.

Международный имидж Украины во многом определяется рейтинговыми позициями страны в межстрановых сравнениях. С позиций человеческого развития мы выбрали те показатели, которые ориентировочно отражают его основные характеристики: состояние экономики; состояние здоровья населения, социальные условия для сохранения и развития человеческого потенциала [7].

Таким образом, портрет Украины в международных рейтинговых сравнениях с позиций человеческого развития, качества населения выглядит следующим образом:

1. Человеческое развитие – 76-е место в мире в 2012 г. из 182 стран и **78-е** – в 2013 г. из 186 стран. По ИРЧП (индексу развития человеческого потенциала – интегральному показателю уровня развития человека в стране по состоянию здоровья, получению образования и фактического дохода) опережают Украину и вошли в группу стран с высоким уровнем развития ИРЧП Беларусь – 50-е место и Россия – 55-е место. Украина стабильно входит в группу стран со средним уровнем развития ЧП. В 2013 г. она переместилась на 78-е место, ухудшив свои показатели на 2 позиции. В этой же группе, но с более высокими показателями, находятся Казахстан – 69-е; Грузия – 72-е место; более низкие позиции, чем у Украины, у Азербайджана – 82-е; Армении – 87-е, Китая – 101-е; Туркменистана – 102-е; Узбекистана – 114-е место. Таджикистан и Кыргызстан стабильно находятся на 125-м месте.

2. Здоровье:

по рейтингу состояния здоровья – 99-е место в мире среди 145 стран. Страны-лидеры – Сингапур, Италия, Австралия; страны-аутсайдеры – Лесото, Демократическая Республика Конго, Чад. Среди стран СНГ более здоровое население, чем в Украине, в Грузии – 71-е место, Таджикистане – 84-е, в Узбекистане – 85-е, в Беларуси – 91-е и России – 97-е место. Более нездоровое – в Туркменистане – 104-е, Казахстане – 111-е место [8];

по детскому алкоголизму – 1-е место в мире;

по распространению ВИЧ среди взрослых – 1-е место в Европе. Ежегодные показатели заболеваемости ВИЧ в Украине увеличились с 2001 по 2011 г. более чем в два раза. Также 1-е место в Европе *по распространенности ВИЧ среди беременных женщин.* В 2011 г. этот показатель составлял 0,55 %;

по количеству употребляемого алкоголя на душу населения – 5-е место в мире (более 15,6 л алкоголя в год). Больше, чем в Украине, пьют только в России, Венгрии, Чехии и Молдове.

3. Демография:

по количеству населения – 27-е место в мире – 45 453 282 чел. (на 1 ноября 2012 г.) после ФРГ, Италии, Великобритании, Франции). По темпам уменьшения населения Украина находится среди лидеров;

по уровню продолжительности жизни – **128-е место в мире** из 188 стран. В 2013 г. он составил 68,8 года. Дольше, чем в Украине, среди стран постсоветского пространства живут в Армении, Грузии, Азербайджане, Беларуси и России, наоборот, меньше – в Узбекистане, Кыргызстане, Таджикистане, Казахстане.

4. Экономика:

по рейтингу глобальной конкурентоспособности 2012–2013 гг. – **73-е место в мире** из 144 стран;

по уровню валового внутреннего продукта – **54-е место в мире** из 146 стран. Размер ВВП (млн долл.): 1-е место – США – 15 094 000; 2-е – Китай – 7 298 097; 3-е – Япония – 5 867 154; 9-е – Россия – 1 857 770; 49-е – Казахстан – 186 198; Украина – 165 245 – между Катаром и Новой Зеландией; 73-е – Беларусь – 55 136; 82-е – Латвия – 42 725; 92-е – Литва – 28 252 и на последних позициях: 141-е – Таджикистан – 6522, 146-е – Кыргызстан – 5919 [9];

по показателю ВВП (валового национального продукта) – **122-е место в мире** среди 198 стран (за 2011 г.). Украина относится к группе стран со средним уровнем ВВП на душу населения [10]. Лучше, чем в Украине, положение в России – 66-е место (9900 долл.), в Беларуси – 91-е (5750 долл.), хуже – в Грузии – 130-е место (2690 долл.); в Армении – 119-е; в Узбекистане – 143-е; в Таджикистане – 165-е место. Но валовой внешний долг Украины увеличился до 126 883 млрд долл. в 2012 г. К 2014 г. он может достигнуть уровня 73–74 % от ВВП (по прогнозу инвестиционной Dragon Capital). Украине предстоит погасить 57 млрд долларов, большая часть из которых будет рефинансирована новыми займами и лишь небольшая часть выплачена (Dragon Capital) [11];

по уровню экономической свободы в числе стран с несвободной экономикой – **163-е место в мире** из 183 стран. Беларусь находится на 153-м месте, Россия – на 144-м. По показателям, имеющим прямое отношение к развитию человека в стране, из 100 возможных баллов Украина набрала лишь 30 баллов – по показателям свободы труда, свободы бизнеса [12].

5. Образование:

по индексу уровня образования (Education Index) – 31-е место из 188 стран мира. Лидеры – Новая Зеландия, Норвегия, Австралия. Страны-аутсайдеры – Чад, Буркина Фасо, Нигер. Украина – лидер по значению индекса среди стран СНГ. Грузия находится на 33-м месте, Казахстан – на 35-м, Россия – на 49-м, Беларусь – на 52-м, Кыргызстан – на 77-м, Узбекистан – на 80-м месте [13]¹;

академический рейтинг «Топ-200 Украина» – флагманами в сфере высшего образования в Украине остаются Национальный технический универси-

¹ Это комбинированный показатель ПРООН. Один из ключевых показателей социального развития. Используется для расчета Индекса развития человеческого потенциала (Human Development Index). Индекс измеряет достижения страны с точки зрения достигнутого уровня образования ее населения по двум основным показателям: 1 – индекс грамотности взрослого населения (2/3 веса); 2 – индекс совокупной доли учащихся, получающих начальное, среднее и высшее образования (1/3 веса).

тет Украины «Киевский политехнический институт», Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Донецкий национальный университет (ДонНУ), Киевский национальный экономический университет, демонстрирующие стабильно высокие показатели по всем направлениям своей деятельности, согласно данным ЮНЕСКО (СЕПЕС) и центра «Євроосвіта» [14]¹;

в пятерке самых сильных вузов (среди 18 лидирующих) из Восточной Европы и бывшего Советского Союза по количеству программ двойных дипломов в итоговый рейтинг вошли Киевский политехнический институт (КПИ) и Донецкий национальный университет (ДонНУ) [15].

6. Социальные условия:

по экорискам (ядерным отходам на душу населения) – 1-е место в мире;

по числу заключенных на 100 тыс. населения – 10-е место в мире из 217 стран – 334 заключенных (при норме 70–80 чел. для развитых стран и 141 – в мире по данным Лондонского королевского колледжа). Лидеры – США (1-е место), Китай (2-е место), на 3-м месте – Россия, 4-м – Бразилия, 5-м – Индия;

по уровню развития демократии², состояния политических прав и гражданских свобод (политические режимы)³ – 80-е место из 167 стран. Страны-лидеры (полная демократия) – Норвегия Швеция, Исландия. Страны-аутсайдеры (авторитарный режим) – Гвинея-Бисау, Северная Корея. В Украине самый высокий показатель по уровню демократии среди стран СНГ, Грузия – на 93-м месте, Кыргызстан – на 106-м – это страны с гибридным режимом. Все остальные страны относятся к странам авторитарного режима. На 122-м месте – Россия, на 141-м – Беларусь, на 143-м – Казахстан. Страны-аутсайдеры – Узбекистан и Туркменистан – 161-е место;

¹ Показатель формируется на основе агрегированного показателя деятельности вуза по четырем комплексным критериям: экспертное оценивание представителями рынка труда деятельности учебного заведения и его академическая репутация, качество научно-педагогического потенциала, качество обучения, международное признание, присутствие в глобальном информационном пространстве (в т. ч. на основе учета рейтинга Webometrics).

² Индекс составлен из 60 ключевых показателей, сгруппированных в пять основных категорий, которые характеризуют состояние демократии внутри государства: 1 – избирательный процесс и плюрализм; 2 – деятельность правительства; 3 – политическое участие; 4 – политическая культура; 5 – гражданские свободы.

³ Индекс для определения режима демократии включает семь ключевых показателей развития демократии: 1 – избирательный процесс (Electoral Process) – изучается, носят ли выборы в законодательные органы власти свободный и честный характер; 2 – уровень развития гражданского общества (Civil Society) – состояние и условия развития неправительственных организаций; 3 – уровень независимости средств массовой информации (Independent Media) – правовые гарантии и наличие свободы СМИ; 4 – уровень демократичности национального правительства (National Democratic Governance) – стабильность системы органов власти на уровне страны, прозрачность законодательной и исполнительной власти; 5 – уровень демократичности местных властей (Local Democratic Governance); 6 – уровень эффективности и независимости судебной системы (Judicial Framework and Independence) – конституционная система по защите прав человека; 7 – уровень коррупции (Corruption) – реализация инициатив, направленных на борьбу с коррупцией.

по рейтингу неустойчивости, социальным рискам и опасностям (рассчитывается индекс недееспособности государства¹) – **117-е место в мире** из 178 стран. Страны-лидеры по рискам и опасностям: 1-е место – Сомали, 2-е – Демократическая Республика Конго; 3-е – Судан. Наиболее стабильные – Норвегия – 175-е место; Швеция – 177-е, Финляндия – 178-е. Украина находится в группе стран, где уровень стабильности ниже среднего (опасный уровень рисков). Но в сравнении с другими странами СНГ ситуация наиболее безопасная. Лидеры по опасностям и недееспособности – Узбекистан – 44-е место, Кыргызстан – 48-е место; Грузия – 55-е место, Россия – 80-е место, Беларусь и Туркменистан – на 81-м; Казахстан – на 109-м месте. Страны Балтии – в группе стран, где уровень опасностей низкий.

7. Имиджевые характеристики:

по уровню коррупции – **134-е место** в мире из 180;

в рейтинге мировой репутации, составленном Нью-Йоркским Институтом репутации (*The Reputation Institute*) – **40-е место в мире** среди 50 стран. Украина в этом рейтинге находится между Боливией (39-е место) и Израилем (41-е), а также опережает Китай (43-е) и Россию (45-е). Лидеры рейтинга репутации – Канада, Швеция и Австралия. Замыкают список рейтинга Иран (49-е) и Ирак (50-е место);

по индексу процветания – **71-е место в мире** среди 142 стран в 2012–2013 гг. Беларусь находится на 54-м, Россия – на 66-м, Кыргызстан – на 88-м месте; Грузия – на 93-м; Азербайджан – на 94-м. Страны-лидеры: 1-е место – Норвегия; 2-е – Дания; 3-е – Швеция; страны-аутсайдеры – Афганистан – 140-е место; Демократическая Республика Конго – 141-е; Центрально-Африканская Республика – 142-е место [16]²;

по индексу счастья³ – **100-е место в мире** среди 151 страны в течение 2012–2013 гг. Страны-лидеры: 1-е место – Коста-Рика; 2-е – Вьетнам; 3-е – Колумбия. Среди стран СНГ более счастливы, чем в Украине, в Кыргызстане – 38-е место; Таджикистане – 43-е, в Грузии 55-е, в Узбекистане – 54-е место. Наобо-

¹ Расчет индекса проводится на основании 12 критериев – так называемых показателей «недееспособности» государства, которые объединены в три группы: социальные, экономические и военно-политические. Для общей оценки состояния страны эксперты подвергают анализу способность пяти ключевых государственных институтов – политического руководства, армии, полиции, судебной системы и гражданских служб – обеспечить безопасность государства и его граждан.

² Индекс составляется на основе 79 показателей, объединенных в восемь категорий, отражающих основные аспекты жизни общества и параметры общественного благосостояния: экономика, предпринимательство, управление, образование, здравоохранение, безопасность, личные свободы, социальный капитал (вычисляются средневзвешенные значения). Показатели базируются на статистическом анализе, социологических исследованиях и экспертных оценках участников опроса.

³ Индекс составлялся по трем основным параметрам: удовлетворенность граждан своим уровнем жизни, продолжительность жизни и экологическое благополучие. Исследователи суммировали показатели удовлетворенности жителей каждой страны и среднюю продолжительность их жизни в соотношении с количеством потребляемых ими природных ресурсов.

рот, в Украине больше счастливых, чем в Беларуси, – она на 103-м месте, в Казахстане – 119-е; в России – 122-е место [17].

Результаты европейского социального исследования [18] позволяют оценить условия и состояние человеческого развития среди стран-участниц межстрановых сравнений на основе субъективных мнений населения.

Украинские социологи Е. Головаха, А. Горбачик на основе комплексного анализа состояния условий жизнедеятельности населения Украины делают неутешительный вывод: в связи с низким уровнем социальной активности населения Украины, самыми худшими в Европе показателями доверия к главным государственно-политическим институтам, показателями удовлетворенности жизнью, состояния экономики и демократии отношение Западной Европы к Украине – крайне осторожное [18, с. 114–117]. ЕС нет необходимости включать в свой состав большую по территории и населению, но экономически неразвитую и нестабильную страну с условиями жизни, далекими от европейских стандартов. Социально-бытовые условия жителей Украины значительно отстают от условий в государствах ЕС (в Украине – 4,3 балла (по шкале от 0 до 10 баллов), тогда как в Польше – 6,4, в Португалии – 7,0, в Словакии – 7,1; в странах Западной Европы – более 8 баллов). Только в Украине оценка бытовых условий находится в кругу отрицательных значений, поэтому украинская семья тратит в среднем в течение дня значительно больше времени на домашнюю работу, чем среднестатистические семьи в государствах ЕС.

Повышенные бытовые нагрузки, связанные с домашней работой, украинцы в большей степени, чем другие европейцы, совмещают с основной работой и с уходом за детьми, больными, недееспособными и престарелыми. Именно в Украине семья до сих пор остается главным, а во многих случаях единственным ресурсом выживания людей, нуждающихся в социальной поддержке, наиболее важным жизненным приоритетом.

Такое положение свидетельствует о сохранении традиционных ценностей, о неэффективности системы государственного управления, особенно в социальной сфере, о крайне низкой способности социальной политики отвечать на потребности населения. Это значительно снижает возможности для развития человеческого потенциала и личности и общества в целом, ведет к преобладанию сохранительных практик в противовес достижительным.

Уровень культурного капитала населения Украины, по результатам этого же исследования, достаточно высок [19, с. 43] по формальным признакам и незначительно отличается от соответствующих показателей развитых европейских стран: как минимум 89 % населения имеют среднее образование; 58,7 % – неполное и полное высшее; по продолжительности получения образования в течение жизни Украина незначительно, но все же опередила Польшу, Францию, Швейцарию и Россию (средние баллы 10,9–12,64, в Украине – 12,7). Фиксируется высокий уровень восходящей социальной мобильности (у респондентов от 22 до 35 лет более высокий уровень образования по сравнению с их родителями), но фактором риска для сохранения и развития куль-

турного капитала является то, что он практически не пополняется в течение жизни. Украина (8,4) отстает по этому показателю от России (11,1), от Польши – в 2,5 раза, от Франции – в 3,5 раза, Великобритании и Германии – почти в 4 раза.

Украинским социологам удалось рассмотреть, как через систему обмена капиталов (социального, человеческого, культурного, экономического, символического) можно получить выгоды, блага, достигнуть успеха в условиях модернизации [19, с. 30–149]. Была зафиксирована тенденция увеличения значимости человеческого (в частности, ресурса здоровья), культурного и личного капиталов. Для населения Украины базовыми ресурсами успешности выступает социальный капитал, локализованный в рамках семейных отношений, – влиятельные родственники, богатые родители, происхождение из семьи с высоким социальным статусом. Хотя его значимость в динамике с 2009 по 2012 г. несколько снизилась, но он остается ключевым ресурсом развития и успешности, социально-статусной мобильности. Для стран же Запада базовыми ресурсами успешности и развития выступают интеллект, образование, способности.

Институциональное недоверие населения Украины является значительным тормозом в раскрытии потенциальных резервов роста страны. Так, правовой нигилизм, крайне низкая социальная активность населения, социальная апатия создают благоприятную почву для развития коррупции, которая укореняется в сознании и деятельности не только политической и экономической элиты, но и в массовом сознании. Ценностное сознание большинства населения Украины до сих пор базируется преимущественно на традиционализме и консерватизме, не претерпев существенных изменений за годы независимости. Такое положение свидетельствует о значительных барьерах на пути к оздоровлению, обновлению системы социальных и общественных отношений.

В целом оценка условий жизнедеятельности и обрисованный нами портрет Украины в международных сравнениях свидетельствует о том, что барьеров для развития человека, для утверждения высоких европейских стандартов значительно больше, чем возможностей для роста, созидания, достойной жизни, социального оздоровления. В этом ярко проявляется существующий антропокризис, результатом которого выступают деградация человеческого потенциала, сокращение человеческого капитала, истощение человеческих ресурсов. Поэтому проблема человеческого развития, его сохранения и воспроизводства является не просто актуальной, а жизненно важной в контексте обеспечения социальной, национальной безопасности страны, защиты национальных интересов, личной безопасности человека. Украине необходимо перенимать прогрессивный опыт стран постсоветского пространства, в частности Беларуси, России по внедрению в практики социального управления новых методов и механизмов, ориентированных на реализацию новой инновационной стратегии управления – государственной антропополитики. Об-

ращаясь к началу нашей статьи о векторах развития стран в контексте человеческого развития, представленная нами статистическая и социологическая информация, с одной стороны, подтвердила вектор догоняющего развития, с другой стороны, показала резервы и ресурсы роста Украины, которые нуждаются в их сбережении и преумножении. Рейтинговый портрет Украины показывает, что несмотря на преобладание кризисных трендов, связанных со значительными деформациями основных сфер жизнедеятельности украинского общества, сильным звеном остается образовательный, интеллектуальный, культурный капиталы. Этот сегмент является базой для дальнейшего развития и раскрытия потенциальных возможностей украинского общества. Важно не потерять этот ресурс, сохранить и развить его.

Литература

1. Всероссийские региональные круглые столы, форумы, организованные Общественными палатами регионов России в 2012 г. // Социальный Форум России «Новая социальная политика России. Точки роста» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oprk.ru/article/31/.html>. – Дата доступа: 21.08.2012.
2. Системный анализ современных антропопроцессов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oprk.ru/article/31/.html>. – Дата доступа: 21.08.2012.
3. ВВП стран мира – 2012. Валовой Внутренний Продукт на душу населения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://autoconsultant.com.ua/news/view/5493/.html>. – Дата доступа: 01.10.2012.
4. Государственная служба статистики Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ukrstat.gov.ua/.html>. – Дата доступа: 05.07.2013.
5. Государственная служба статистики Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ukrstat.gov.ua/.html>. – Дата доступа: 05.07.2013.
6. Анализ оперативных демографических данных в Украине аналитика Эрсте Банка Марьяна Заблочкого [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ubr.ua/leisure/health/vo-vseh-regionah-ukrainy-zafiksirovan-rost-rojdaemosti-152645/.html>. – Дата доступа: 29.07.2012.
7. Какие места занимает Украина в мировых рейтингах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.20khvylyn.com/news/society/news_2375.html. – Дата доступа: 08.04.2012.
8. РБК Рейтинг [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rating.rbc.ru/articles/2012/08/24/33749095_tbl.shtml?2012/08/24/33749076/.html. – Дата доступа: 08.04.2012.
9. Рейтинг стран мира по уровню валового внутреннего продукта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/ratings/rating-countries-gdp/rating-countries-gdp-info/.html>. – Дата доступа: 01.07.2013.
10. ВВП стран мира – 2012. Валовой Внутренний Продукт на душу населения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://autoconsultant.com.ua/news/view/5493//.html>. – Дата доступа: 05.07.2013.
11. Топ-тема: Экономика Украины: перспективы и угрозы. Валовой внешний долг Украины в 2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ubr.ua/finances/macroeconomics-ukraine/valovyi-vneshnii-dolg-sostavit-72-vvp-v-2012-126352/.html>. – Дата доступа: 21.03.2012.
12. Рейтинг стран мира по уровню экономической свободы // Центр гуманитарных технологий и развития человека. Экспертно-аналитический портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/ratings/index-of-economic-freedom/index-of-economic-freedom-info/.html>. – Дата доступа: 05.07.2013.
13. Рейтинг стран мира по уровню образования – информация об исследовании // Центр гуманитарных технологий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://gtmarket.ru/ratings/education-index/education-index-info/.html>. – Дата доступа: 05.07.2013.

14. Рейтинг Webometrics [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zn.ua/EDUCATION/akademicheskij_rejting_universitetov_top-200_ukraina-103116.html. – Дата доступа: 05.07.2013.

15. Два украинских вуза пробились в мировой рейтинг (QS World University Ranking 2011/12) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://delo.ua/education/dva-ukrainskih-vuza-probilis-v-mirovoj-rejting-164049//.html>. – Дата доступа: 03.07.2012.

16. Рейтинг стран мира по уровню процветания – информация об исследовании // Центр гуманитарных технологий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://gtmarket.ru/ratings/legatum-prosperity-index/info/.html>. – Дата доступа: 09.07.2013.

17. Всемирный индекс счастья: самая счастливая страна в 2012 году // Центр гуманитарных технологий и развития человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/news/2012/06/15/4437/.html>. – Дата доступа: 15.06.2012.

18. Головаха, С. Тенденції соціальних змін в Україні та Європі: за результатами «Європейського соціального дослідження» 2005–2007–2009–2011 / С. Головаха, А. Горбачик. – Київ: Ін-т соціології НАН України, 2012. – 120 с.

19. Поведінкові стратегії населення як чинник модернізації (досвід емпіричного дослідження) / за ред. О. Злобіної. – Київ: Ін-т соціології НАН України, 2012. – 160 с.

О. В. PAN'KOVA

FEATURES AND CAPABILITIES OF HUMAN DEVELOPMENT IN UKRAINE IN THE MIRROR REYTIHOVYH INTERNATIONAL COMPARISONS

Summary

The article presents the analysis of the state of the Ukrainian society in terms of human development in the conditions of anthropological crisis and identifies trends in the Human Development Index (HDI) of UNDP. A portrait of Ukraine's rating according to the international comparisons and the results of the «European Social Survey» 2005–2007–2009–2011 (ESS) was made. The author identified the strengths and weaknesses of Ukraine as well as barriers and potential for its growth.

Keywords: human development, human development index, security, antropokrizis, educational, cultural, social, human capital

Поступила 26.07.2013 г.

Н. А. БАРАНОВСКИЙ,
*доктор социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск*

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ АНТИОБЩЕСТВЕННЫХ ЯВЛЕНИЙ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

В статье на основе данных мониторинговых социологических исследований и статистики осуществляется анализ состояния и динамики преступности, коррупции, пьянства, наркомании и других антиобщественных явлений. Обосновывается социально-практическая важность мониторинговых социологических измерений и оценок социодинамики антиобщественных явлений и культуры безопасности жизнедеятельности как важных показателей состояния национальной безопасности в социальной сфере.

Ключевые слова: социологический мониторинг, национальная безопасность, антиобщественные явления.

Важным показателем мониторинговых социологических исследований социально-экономического, политического и культурного развития белорусского общества являются проблемы, связанные с обеспечением национальной безопасности в социальной сфере. Речь идет о выявлении и социологическом измерении таких внутренних угроз национальной безопасности, как наличие в обществе преступности, коррупции, пьянства, наркомании и других антиобщественных явлений, а также низкая культура безопасности жизнедеятельности населения. Социологический мониторинг антиобщественных явлений – это нормативно урегулированная и организованная на постоянной основе система регулярных измерений, анализа, оценок и прогнозирования социодинамики преступности, коррупции, пьянства, наркомании и других социальных девиаций, а также эффективности деятельности по предупреждению и противодействию правонарушениям с целью разработки и внедрения научно-практических рекомендаций по повышению эффективности государственной антидевиантной политики, обеспечению безопасности населения и укреплению социально-правового порядка. Социологическое измерение и оценку социодинамики антиобщественных явлений необходимо осуществлять комплексно по следующим количественным и качественным критериям: 1) состояние, структура, динамика, латентность и характер преступности как наиболее общественно опасной формы социальных девиаций с выделением широко распространенных видов преступности (преступлений против личности, коррупционной, экономической, молодежной, женской, организованной и реци-

дивной преступности, преступлений, связанных с наркотиками, и др.; 2) состояние, структура, динамика, латентность и характер пьянства, алкоголизма, наркомании, токсикомании, беспризорности, бездомности, проституции, суицида и других социальных девиаций; 3) уровень криминальной виктимизации населения и другого физического, морального, материального и социального ущерба, причиняемого преступностью и другими социальными девиациями; 4) система социальных и личностных детерминант и особенности генезиса преступности и других социальных девиаций; 5) состояние личной, имущественной и общественной безопасности населения и социально-правового порядка, а также уровень страха перед преступностью; 6) уровень нравственно-правовой культуры населения; 7) объем, качество и эффективность работы государственных органов и общественности по предупреждению и противодействию преступности и другим социальным девиациям; 8) уровень доверия населения к правоохранительным органам и другим субъектам деятельности по предупреждению и противодействию антиобщественным явлениям.

Анализ данных мониторинговых социологических исследований и государственной статистики показывает, что если в 1990-е гг. в стране имел место галопирующий рост преступности (с 1990 по 2000 г. в 1,8 раза – с 75,7 тыс. до 135,5 тыс. преступлений), то в первом десятилетии нынешнего столетия, начиная с 2006 г., отмечается устойчивая тенденция снижения уровня преступности. Общее количество зарегистрированных преступлений в 2012 г. стало немного меньше, чем в 2000 г. (132 052 преступления), но все еще значительно превышает показатель 1990 г. (в 1,7 раза) и остается быть серьезной социальной проблемой. В настоящее время в стране уровень реальной (зарегистрированной и латентной) преступности составляет примерно 5 тыс. преступлений в расчете на 100 тыс. населения, т. е. приближается к предельно критическому мировому уровню, который составляет 5–6 тыс. преступлений. При этом практически не изменились качественные показатели преступности, такие как структура, характер и масштабы причиняемого экономического, социального и морального вреда. В общей структуре преступности сохраняется высокий удельный вес преступлений против собственности, умышленных убийств и тяжких телесных повреждений, экономических преступлений, преступлений, связанных с наркотиками, преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, а также молодежной, женской, групповой, организованной и рецидивной преступности, преступлений, совершаемых в общественных местах, с применением холодного и огнестрельного оружия, маргинальными лицами, которые нигде не работают и не учатся.

Генезис и детерминация преступности тесно взаимосвязаны с совершением других правонарушений (пьянством, алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией, бродяжничеством, проституцией и др.). В связи с этим устойчивое снижение уровня преступности, обеспечение личной, имущественной и общественной безопасности и правопорядка должны включать не только и даже не столько меры по выявлению и наказанию преступников, сколько меры по

предупреждению преступлений и других, взаимосвязанных с преступностью правонарушений и социальных девиаций.

Мировой исторический опыт показывает, что наиболее эффективной в современном обществе является государственная антикриминальная политика, в основе которой лежит стратегия системного социального и индивидуального предупреждения и противодействия преступности и других правонарушений. Антикриминальная политика должна рассматриваться как составная часть социальной политики государства, иметь системный характер, соответствовать закономерностям и особенностям ее генезиса и детерминации, а также учитывать реальную криминальную ситуацию и актуальные социальные проблемы и перспективы развития белорусского общества.

Социологические исследования показывают, что в последнее десятилетие продолжают стремительно распространяться **алкоголизация и наркотизация населения**, что в будущем может породить новую волну роста преступности и социального неблагополучия. Анализ статистических данных о производстве и потреблении спиртных напитков в Беларуси за период с 2000 по 2012 г. показывает наличие негативной тенденции значительного роста и сохраняющейся чрезвычайно неблагоприятной современной алкогольной ситуации. За последние двенадцать лет производство алкогольных напитков в стране увеличилось почти в два раза (с 10,8 тыс. дал до 19,4 тыс. дал), а продажа алкоголя увеличилась в 1,35 раза (в абсолютном алкоголе с 8798 тыс. дал до 11 909 тыс. дал). Уровень потребления абсолютного алкоголя на душу населения в 1990 г. составлял 5,7 л, в 1995 г. – 6,7 л, в 2000 г. – 8,8 л, в 2006 г. – 10,9 л, в 2007 г. – 12,2 л, а в 2008 г. – 12,5 л, в 2009 г. – 12,0 л, в 2010 г. – 12,3 л, в 2011 г. – 13,0 л, в 2012 г. – 12,6 л. За период с 2000 по 2012 г. продажа водки и ликеро-водочных изделий увеличилась в 1,2 раза, пива – в 2,5 раза, а вина виноградного и плодово-ягодного, наоборот, уменьшилось в 1,4 раза. И все это без учета «теневого» производства и потребления суррогатов и традиционного алкоголя – самогона. Согласно данным ВОЗ, Беларусь входит в десятку стран с наибольшим потреблением алкоголя на душу населения. В структуре потребления алкогольных напитков по данным за 2009 г. преобладает потребление плодово-ягодного вина (51,1 %, в 1990 г. – 20,7 %), затем следует потребление водки и ликеро-водочных изделий – 39,3 % (в 1990 г. – 46,4 %), далее виноградное вино – 6 % (в 1990 г. – 28,4 %), шампанское – 3,4 % и коньяк – 0,6 %. На сегодняшний день количество хронических алкоголиков в стране достигло более 190 тыс. чел., что составляет 2,0 % от всего населения. В состоянии алкогольного опьянения совершается 20 % всех зарегистрированных преступлений, в т. ч. более 80 % умышленных убийств. Учитывая фиксируемое статистикой и латентное потребление спиртных напитков, можно сделать вывод, что уровень реального потребления спиртных напитков на душу населения в стране составляет 17–18 л абсолютного алкоголя, т. е. в два раза превышает предельный критический мировой уровень, который равен 8 л абсолютного алкоголя. По статистическим данным Министерства здравооо-

ранения, если в 2007 г. на наркологическом учете состояло 182 190 алкоголиков, то в 2011 г. – 195 239 (в расчете на 100 тыс. населения соответственно – 1909 и 2062), из них женщин в 2007 г. – 31 957 человек, а в 2011 г. – 38 791 чел. От употребления алкоголя в 2007 г. умерло 3464 чел., а в 2011 г. – 4446 чел. Если в 2007 г. было совершено в состоянии опьянения 17,9 % зарегистрированных преступлений, то в 2011 г. – 20,4 %.

Статистические данные об алкоголизации населения дополняются и конкретизируются результатами мониторинговых социологических исследований. Проведенные Институтом социологии в 2005–2012 гг. республиканские репрезентативные социологические исследования показывают, что потребление спиртных напитков в стране имеет массовый характер. Оно распространено среди всех социально-демографических групп населения и во всех регионах страны. Употребляет спиртные напитки абсолютное большинство взрослого населения (по данным опроса 2005 г. – 77 %, 2007 г. – 74 %, 2010 г. – 72 %, 2012 г. – 57 %). Выше среднего уровня употребление спиртных напитков распространено среди мужчин (85 %), 30–49-летних (87 %), молодежи 18–29 лет (84 %), среди рабочих промышленности (87 %), ИТР, служащих и интеллигенции (86 %), безработных (85 %), руководителей среднего и низшего звена (83 %), учащихся и студентов (83 %). Среди населения преобладает, по данным опроса 2010 г., употребление пива (72 %), водки (64,7 %), виноградного вина (60,5 %), крепленого вина (24,3 %), самогона (14 %). Доминирует «домашне-гостевая» форма употребления алкоголя (75–82 %), значительно меньше – «общественно-досуговая» форма потребления спиртных напитков (16–17 %). Достаточно широко распространена «улично-досуговая» форма потребления алкогольных напитков (2–8 %). Трезвый образ жизни ведут по данным опроса 2005 г. 23 %, опроса 2007 г. – 26 %, а опроса 2010 г. – 28 % респондентов. «Культурно-традиционное потребление спиртных напитков» – соответственно по годам опроса – распространено среди 57 %, 55 % и 57 % респондентов. Различные виды бытового пьянства по данным опроса 2005 г. распространены среди 20 % взрослого населения, опроса 2007 г. – 19 %, опроса 2010 г. – 15 %. Бытовое пьянство в наибольшей степени распространено среди мужчин (39 %), среди 30–39-летних (28 %), 40–49-летних (24 %), 20–29-летних (21 %), среди рабочих промышленности, транспорта, строительства (36 %), безработных (36 %), военнослужащих (34 %), руководителей (27–29 %), предпринимателей (25 %), работающих пенсионеров (21 %). Среди жителей городов – 22 %, села – 18 %.

Проведенный Республиканским центром наркологического мониторинга и превентологии ГУ «РНПЦ психического здоровья» в 2013 г. национальный репрезентативный социологический опрос около трех тысяч учащихся в возрасте от 16 до 22 лет выявил высокий уровень распространенности потребления алкоголя среди учащейся молодежи. По данным опроса, абсолютное большинство молодых людей употребляют алкоголь – 70,8 %, и только 28,4 % не употребляют алкогольные напитки. Выявлена тенденция прогрессирующей алкоголизации учащейся молодежи по мере их взросления (начиная с 16–17 лет,

но особенно с 18–19 лет) и изменения формы обучения (перехода на учебу в лицей и колледж, но особенно в вуз). За последние двадцать лет отмечается тревожный факт активного распространения алкоголизации на сельскую учащуюся молодежь. Социологический опрос показал, что среди учащейся молодежи преобладает «пивная» (27,3 %) и «винная» (26,1 %) модели потребления алкоголя. Однако достаточно тревожно представлена и «водочная» модель потребления алкоголя (11,3 %), которая с медицинской точки зрения является наиболее вредной для здоровья формой потребления алкогольных напитков, вызывающая интенсивно прогрессирующий процесс алкоголизации и развития алкоголизма как биопсихологической патологии человека. Особенно опасным является раннее приобщение к употреблению крепких алкогольных напитков, которое имеет место, по данным исследования, у 20,9 % молодежи в возрасте 11–14 лет, а у 18,9 % – в возрасте 15–17 лет. При этом выявлена устойчивая зависимость, что учащиеся, для которых характерна водочная модель потребления алкоголя, алкогольные напитки (пиво, вино и водку) начинают употреблять в 11–14-летнем возрасте. Учащиеся, практикующие пивную модель потребления алкоголя, начинают употреблять алкоголь чаще всего в 15–17 лет, а те, которым присуща винная модель потребления алкоголя, с 18–21 года. Это убедительно свидетельствует о вредности и даже пагубности для здоровья и образа жизни учащейся молодежи практики раннего приобщения к употреблению алкогольных напитков, а также практики водочной и пивной моделей потребления алкоголя. По результатам социологического исследования, среди учащейся молодежи преобладает культура традиционного потребления алкогольных напитков – 41,0 % и здоровый образ жизни, исключающий употребление алкоголя, – 24,5 %. Культура вредного потребления алкогольных напитков распространена среди 10,9 % учащихся (из них вредное эпизодическое потребление алкоголя – 8,5 %, вредное регулярное потребление алкоголя – 2,4 %). Культура противоправного потребления алкогольных напитков распространена среди 20,1 % учащихся. Таким образом, по данным исследования, культура вредного и противоправного потребления алкоголя распространена среди 31 % учащихся, что свидетельствует о достаточно высоком уровне алкоголизации учащейся молодежи страны. Анализ факторов, детерминирующих формирование различных типов культуры потребления алкоголя среди учащейся молодежи, показал, что на формирование психологической и поведенческой зависимости и привычки к вредному и противоправному потреблению алкоголя учащимися наибольшее влияние оказывают социально-культурные причины: неудовлетворительное физическое здоровье и пессимистическое жизненное настроение; недостаточное знание об особенностях формирования алкогольной зависимости и вредных последствиях пьянства, уверенность в безвредности употребления алкоголя и допустимости его употребления; неразвитость умений и навыков рационального проведения досуга; распространенность так называемых питейных традиций в семье, среди родственников, приятелей и друзей; нравственно-психологиче-

ская атмосфера неполной семьи и проживания отдельно от родителей (в общежитии, на квартире). Значительное влияние оказывают причины, связанные с повседневным поведением и образом жизни учащихся: регулярность употребления алкогольных напитков учащимися в гостях, в баре, кафе, в клубе, на дискотеке, на улице, во дворе с приятелями и друзьями; распространенность употребления алкоголя среди родителей, родственников, приятелей и друзей (в семьях пьющих родителей подростки в два раза чаще практикуют вредное употребление алкоголя, чем в семьях непьющих родителей); ориентация на праздность и безделье в свободное время; начало регулярного потребления спиртных напитков в 14–16-летнем возрасте; преобладание «водочно-винно-пивной» культуры, а также распространенность «семейно-гостевой» и «улично-досуговой» формы потребления спиртных напитков; доступность приобретения и реклама алкогольных напитков; и др.

По данным социологического опроса населения, проведенного Институтом социологии в 2012 г., на распространенность пьянства и алкоголизма в стране главное влияние, по мнению респондентов, оказывают следующие факторы: низкий уровень жизни (39,1 %); отсутствие интересных занятий в свободное время (36,3 %); тяготы повседневной жизни (33,4 %); влияние питетных традиций (31,6 %); семейные ссоры, конфликты (31,6 %); неправильное воспитание в семье (29,9 %); большой объем производства спиртных напитков (26,0 %); широкая реклама потребления спиртных напитков на телевидении, кино, СМИ (19,7 %); низкие цены на спиртные напитки (17,6 %); неэффективная антиалкогольная политика государства (15,3 %); недостаточное антиалкогольное просвещение и воспитание (14,5 %).

На основании вышеперечисленных результатов социологических исследований можно сделать научно обоснованный вывод, что для успешного решения социальной проблемы пьянства и алкоголизма необходимо отказаться от культурно-воспитательной трезвеннической стратегии с приоритетом мер «пропаганды и установки на трезвый образ жизни» и осуществить переход к новой стратегии антиалкогольной политики – оптимизации производства и реализации алкогольных напитков, системного социального и индивидуального предупреждения и снижения уровня потребления алкоголя, активного противодействия пьянству и алкоголизму, создания благоприятных социальных условий и формирования мотивации и поведенческих установок на здоровый образ жизни.

Что касается такой социальной проблемы, как **наркомания**, то, по официальным данным, в республике на диспансерном учете с диагнозом наркомания состоит более четырнадцати тысяч человек. При этом наблюдается устойчивая динамика их роста (в 2007 г. на учете состояло 6873 наркомана), и в последние годы число выявленных больных наркоманией увеличивается на одну треть ежегодно. Абсолютное большинство потребителей наркотиков (70–80 %) составляет молодежь в возрасте до 30 лет, которая, как правило, с 10–12 лет начинает потреблять токсические вещества, а с 13–14 лет – наркотики. Юноши примерно в два раза чаще потребляют наркотики, чем девушки.

Социологический опрос населения страны, проведенный Институтом социологии в декабре 2012 г., показал, что употребляют наркотики 0,7 % опрошенных взрослых граждан, из них 0,3 % – часто и регулярно (среди мужчин – 1,3 %, женщин – 0,4 %, т. е. в соотношении 4:1, в городе – 0,9 %, в селе – 0,2 %, т. е. в соотношении 4,5:1). Молодежь употребляет наркотики несколько больше – 0,8 % опрошенных, из них 0,4 % – часто и регулярно. Среди молодежи, употребляющей наркотики, соотношение мужчин и женщин различается значительно меньше, чем среди населения в целом – оно составляет только 2:1. Среди всего населения «ранее употребляло наркотики, а сейчас нет» – еще 1,9 %, среди молодежи – 3,5 %. Социологическая информация о распространенности употребления наркотических средств в ближайшем социальном окружении респондентов в большей степени отражает реальную наркотическую ситуацию, чем их самооценки. В ближайшем социальном окружении респондентов, по данным опроса 2012 г., употребляют наркотики 5,6 % их знакомых (среди молодежи – 9,4 %, в городе – 6,3 %, в селе – 3,3 %). По данным социологического исследования 2004 г., в ближайшем социальном окружении молодежи употребляло наркотики только 3,6 % их знакомых, т. е. за прошедшие восемь лет отмечается значительный рост распространенности потребления наркотиков среди молодежи – почти в два раза. Таким образом, в настоящее время в сферу наркопотребления фактически вовлечено около 6 % взрослого населения страны (среди молодежи около 10 %). В наибольшей степени употребление наркотиков зафиксировано среди следующих групп населения: рабочих, учащейся молодежи и временно не работающих граждан. При этом, если сравнивать показатель употребления наркотиков в зависимости от уровня материальной обеспеченности респондентов, то в наибольшей степени склонность к употреблению наркотиков проявляют «богатые», т. е. так называемая «золотая молодежь». В ближайшем социальном окружении наркоманов (в их семье и среди приятелей) довольно широко распространено пьянство, употребление наркотиков, проституция и совершение преступлений. В семьях наркоманов в большей степени, чем среди лиц, не употребляющих наркотики, имеет место нравственно-психологическая обстановка отчуждения, конфликтности, враждебности и безразличия. У наркоманов в системе жизненных ценностей доминируют ориентации на получение удовольствий, материальное благополучие и выгоду, стремление властвовать над другими людьми и эгоцентризм.

В системе показателей социального здоровья общества и угроз национальной безопасности в социальной сфере важным индикатором является также уровень самоубийств. По данным государственной статистики, в стране после негативной тенденции галопирующего роста самоубийств, которая имела место в 80–90-е гг. прошлого столетия (с 23,0 случая на 100 тыс. населения в 1985 г. и 20,8 случая в 1990 г. до 47,8 случая в 1996 г. и 44,0 случая в 1999 г.), за последнее десятилетие отмечается противоположная тенденция – снижение абсолютных количественных показателей и уровня самоубийств. Так, если в 2000 г. было зарегистрировано 3300 самоубийств, т. е. на 100 тыс. насе-

ления 33,0 случая, в 2002 г. – соответственно 3340 и 33,4 случая, то 2005 г. – 3015 и 31,2 случая, в 2010 г. – 2462 и 25,9 случая, то в 2012 г. – значительно меньше – 1949 и 20,6 случая. Однако, несмотря на данную позитивную тенденцию, следует констатировать, что в стране, начиная с 1985 г., по-прежнему сохраняется относительно высокий общий уровень самоубийств, который все еще превышает мировой критический показатель – 20 самоубийств на 100 тыс. населения, установленный Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), и еще более превышает европейский предельно-критический уровень самоубийств – 17,5 случая на 100 тыс. населения. Проведенное Институтом социологии НАН Беларуси в 2011–2012 гг. национальное репрезентативное социологическое исследование распространенности суицидального поведения показало, что в жизни 40,3 % респондентов (среди женщин – 46,8 %, мужчин – 32,5 %, жителей села – 40,6 %, города – 40,1 %, 50-летних и старше – 44,1 %, 30–49-летних – 42,2 %, молодежи до 30 лет – 32,0 %) возникали суицидогенные жизненные ситуации. В наибольшей степени суицидогенные жизненные ситуации имели место у жителей г. Минска (49,9 %), Гомельской области (43,1 %), Гродненской области (42,2 %) и Витебской области (41,3 %). Социологический опрос показал, что у 19,3 % респондентов имеются знакомые люди, которые совершали попытки ухода из жизни. Таким образом, на основании совокупности социологических данных можно сделать вывод, что в группу суицидального риска относится примерно 12–19 % респондентов – почти в равной степени мужчины и женщины, жители села и города, 30–49-летние и молодежь до 30 лет. Респондентами были названы следующие социальные и личностные факторы суицидального поведения: злоупотребление алкоголем (6,7 %); проблемы в семейной жизни (4,3 %); проблемы в любви, ревность, измена и т. п. (3,7 %); потеря смысла в жизни (2,9 %); жизненные неудачи, бедствия, смерть близких (2,7 %); материальные трудности (2,6 %); плохое состояние здоровья, хроническая болезнь (2,1 %); проблемы на работе (1,8 %); состояние психического напряжения, стресса (1,7 %); взаимоотношения с приятелями, друзьями (1,3 %). В суицидогенных ситуациях опрошенные граждане в первую очередь обращаются за помощью к своим близким людям (30,7 %), ни к кому не обращаются, и все проблемы решают самостоятельно (23,7 %), обращаются к Богу, молятся (15,6 %), к медицинским работникам (2,8 %), к служителям церкви (2,7 %), к соседям (2,2 %), к психологу (1,8 %), по телефону доверия (0,8 %), в кризисный центр (0,1 %). При этом, как свидетельствуют результаты социологического исследования, в настоящее время в стране недостаточно развита система специальных служб по оказанию экстренной помощи людям, оказавшимся в критической жизненной ситуации (суицидогенной ситуации), особенно в сельской местности.

Еще одной значимой социальной проблемой, связанной с обеспечением национальной безопасности в социальной сфере, является **борьба с коррупцией**. Социальная опасность коррупции в том, что она угрожает принципам правового государства, верховенству закона, развитию демократии, обеспечению

прав и свобод человека, подрывает принципы эффективного государственного управления, социальной справедливости, негативно влияет на развитие экономики, духовно-нравственное благополучие человека и общества. Среди коррупционных преступлений доминируют хищения путем злоупотребления служебными полномочиями и взяточничество.

Научный анализ данных мониторинговых социологических исследований, проводимых Институтом социологии, показывает, что в стране в последние 5–8 лет имеет место некоторая позитивная динамика в борьбе с коррупцией. Так, если в 2005 г. 68 % респондентов с тревогой отмечали распространение коррупции в стране, то в 2008 г. – 51 %, а в 2012 г. – 50 %. Из общего количества опрошенных граждан в исследовании 2005 г. 34 % опрошенных полагали, что коррупция встречается в значительной степени, в 2008 г. – 26 %, а в 2012 г. – 22 %. По данным социологического исследования 2012 г., наиболее коррумпированными сферами и структурами являются: учреждения здравоохранения (50,0 %, в значительной степени – 21,6 %); местные органы власти и управления (41,5 %, в значительной степени – 17,3 %); милиция (39,9 %, в значительной степени – 19,2 %); учреждения образования (39,1 %, в значительной степени – 15,0 %); администрация предприятий и учреждений (38,9, в значительной степени – 14,4 %); таможенная служба (34,5 %, в значительной степени – 17,7 %); суды (32,5 %, в значительной степени – 14,7 %); организации торговли и бытового обслуживания (29,3 %, в значительной степени – 11,7 %); армия и военные учреждения (28,9 %, в значительной степени – 11,5 %); налоговая инспекция (27,4 %, в значительной степени – 11,9 %); прокуратура (26,8 %, в значительной степени – 11,6 %); органы государственного контроля (21,4 %, в значительной степени – 9,1 %); банки (19,5 %, в значительной степени – 6,4 %); учреждения социальной защиты (19,1 %, в значительной степени – 5,8 %); общественные организации и фонды (17,0 %, в значительной степени – 5,8 %).

В наибольшей степени, по мнению населения, коррумпированы руководители высшего звена (35,0 % опрошенных указало на высокий уровень их коррумпированности), менее – руководители среднего уровня (17,2 %), еще менее – руководители низшего уровня (9,7 %) и рядовые работники (5,0 %). Исследования показывают, что среди государственных служащих сложилось устойчивое корпоративное мнение, что коррупция в значительной степени – оправданное явление, что взятка часто необходима для успешного решения многих жизненных проблем (такое мнение разделяют 48 % опрошенных работников государственных учреждений и 27,2 % населения).

По мнению 50,8 % опрошенных граждан, основным органом борьбы с коррупцией должны быть правоохранные структуры – милиция, прокуратура, суд и Комитет госбезопасности. Вместе с тем каждый третий из опрошенных убежден, что включаться в борьбу с коррупцией должен каждый гражданин страны. 11,5 % опрошенных существенную роль в борьбе с коррупцией отводят средствам массовой информации. К сожалению, граждане в си-

туации вымогательства денег, имущества, услуг со стороны работников органов власти и управления редко обращаются за помощью в органы милиции или вышестоящие государственные структуры. В качестве основных причин своей пассивности они называют бесполезность такого рода жалоб (11,3 %), боязнь ухудшить ситуацию (7,3 %), большую хлопотливость этого дела (5,9 %), недоказуемость коррупционных действий (4,9 %), незнание куда обращаться (4,8 %), что «благодарность» стала своего рода «традицией» (3,8 %). При этом только в половине случаев обращения с жалобами на незаконные действия должностных лиц граждане были удовлетворены результатами разбирательства, что, по нашему мнению, свидетельствует о неудовлетворительном качестве и низкой эффективности работы органов государственного управления и контроля.

В настоящее время, по мнению 37,8 % опрошенных, борьба с коррупцией в стране осуществляется неэффективно. О некотором ослаблении активности правоохранительных органов в борьбе с коррупцией, по нашему мнению, свидетельствуют и данные уголовной статистики о том, что в 2012 г. по сравнению 2011 г. имело место значительное снижение зарегистрированных коррупционных преступлений – на 26 %. По общепризнанным оценкам ученых-криминологов, ежегодные изменения в динамике преступности практически максимально возможны в пределах 10–15 %, а не выявленные правоохранительными органами и статистически не регистрируемые преступления переходят в категорию латентной преступности, что безусловно не уменьшает степень общественной опасности данной социальной проблемы.

Главными причинами, порождающими коррупцию, по мнению населения, являются: желание людей обогатиться любым способом, в том числе и противозаконным (49,1 %); безнаказанность многих коррупционеров (46,5 %); отсутствие эффективного контроля за деятельностью чиновников (30,4 %); распространенность мнения, что «коррупция всегда была, есть и будет» (27,2 %); высокий уровень социального расслоения общества на богатых и бедных (25,0 %); недостаточная активность граждан в борьбе с коррупцией (24,3 %); неудовлетворительная работа правоохранительных органов по борьбе с коррупцией (15,4 %) и др. Таким образом, в качестве главных социальных факторов распространенности коррупции выступают диспропорции в динамике экономических преобразований и формировании институциональной государственно-политической, организационно-управленческой, правовой и нравственной среды. В частности, недостаточное регулирование сложных социально-экономических процессов, связанных со становлением рыночной экономики и приватизацией госсобственности, чрезмерная централизация власти и политическая практика управляемой демократии, неразвитость системы местного самоуправления, бюрократизм, безответственность и безнаказанность чиновников, избирательное правосудие, неразвитость институтов гражданского общества и негосударственных средств массовой информации, нестабильность, противоречивость и другие дефекты хозяйственного, государственно-управленческого и другого законодательства.

Главными направлениями государственной антикоррупционной политики, по мнению населения, являются: усиление ответственности за коррупционные правонарушения (55,5 %); усиление общественного контроля за деятельностью работников государственного аппарата (38,6 %); повышение качества и эффективности работы органов власти и управления (32,6 %); широкое освещение в СМИ проблемы борьбы с коррупцией (29,9 %); усиление координации действий правоохранительных органов и других организаций (26,7 %); поощрение граждан, предоставляющих информацию о фактах коррупции (20,7 %).

Таким образом, социально-практическая реализация социально-экономических, организационно-управленческих, социально-культурных, законодательных, правоприменительных и других мер, направленных на выявление и устранение факторов, причин и условий, детерминирующих коррупционные правонарушения (негативная профилактика), а также создание социальных условий для формирования и реализации законопослушного поведения государственных служащих и всех других граждан (позитивная профилактика) могут обеспечить устойчивое снижение коррупции, укрепление правопорядка и обеспечение национальной безопасности в социальной сфере.

Важнейшим показателем эффективности обеспечения национальной безопасности в социальной сфере является также **уровень культуры безопасности жизнедеятельности населения**. Социологические исследования свидетельствуют о наличии достаточно высокого уровня личной и общественной безопасности граждан, а также тенденции укрепления правопорядка в стране. В частности, если в 2007 г. 15,0 % опрошенных взрослых граждан не чувствовало себя в безопасности на улицах своего населенного пункта, то в 2012 г. только 10,8 %, в собственном жилище – соответственно по годам опроса 5,6 % и 4,3 %, в общественных местах – соответственно по годам опроса 20,7 % и 14,7 %. Отмечается также снижение уровня виктимизации населения – так, если в 2004 г. по данным опроса населения 9,8 % граждан в течение последнего года были жертвами каких-либо преступлений, то в 2012 г. – 8,0 %. Статистика фиксирует и уменьшение числа жертв зарегистрированных преступлений – с 145 396 чел. в 2007 г. до 75 587 чел. в 2012 г.

Таким образом, можно сделать вывод, что по мере экономической, политической и социокультурной стабилизации и перехода белорусского общества в фазу устойчивого развития имеет место позитивная тенденция укрепления национальной безопасности в социальной сфере. Об этом свидетельствует, несмотря на сохраняющиеся большие проблемы и трудности, последовательное снижение уровня преступности, коррупции, пьянства и других антиобщественных явлений, а также повышение культуры безопасности жизнедеятельности населения. Однако это не повод «почивать на лаврах», так как антиобщественные явления все еще широко распространены и продолжают оставаться серьезной социально-правовой проблемой, требующей активизации и совершенствования деятельности по предупреждению и борьбе с ними. Предстоя-

шая работа по обеспечению национальной безопасности в социальной сфере помимо качественного совершенствования деятельности правоохранительных и других государственных органов требует, прежде всего, дальнейшего обновления национального законодательства. В частности, необходимы следующие криминологические Законы Республики Беларусь: «Об основах государственной антикриминальной политики», «Предупреждение преступлений и других правонарушений в системе антикриминальной политики», «Предупреждение правонарушений несовершеннолетних и ювенальное правосудие», «Профилактика пьянства и потребления наркотиков», «Виктимологическая политика, защита прав и интересов жертв правонарушений» и др. В этой связи целесообразно больше внимания уделять проведению междисциплинарных социологических, правовых, культурологических и психологических исследований, преодолевать ведомственную разобщенность и привлекать социологов, экономистов, психологов и других ученых для проведения научной экспертизы законодательства и государственно-управленческих решений в сфере правоохранительной деятельности и обеспечения национальной безопасности.

N. A. BARANOUSKY

**SOCIOLOGICAL MONITORING OF ANTISOCIAL PHENOMENA
IN THE SYSTEM OF NATIONAL SAFETY ENSURANCE IN THE SOCIAL SPHERE**

Summary

In the article the analysis of state and dynamics of crime, corruption, alcoholism, drug abuse and other antisocial phenomena is carried out on the basis of the data of the sociological monitoring and statistics. Social and practical importance of monitoring sociological measurement and evaluation of the sociodynamics of antisocial phenomena and safety culture as important indicators of national safety in the social spheres is justified.

Keywords: the sociological monitoring, national safety, antisocial phenomena.

Поступила 29.11.2013 г.

С. А. ШАВЕЛЬ,

*доктор социологических наук, профессор,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск*

ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ О СТРОИТЕЛЬСТВЕ БЕЛОРУССКОЙ АЭС

В статье рассматриваются группы факторов (состояние массового сознания, общая атмосфера и настроения людей в текущий период), оказывающих влияние на мнение населения о необходимости развития ядерной энергетики в Республике Беларусь и начавшееся в Островецком районе строительство Белорусской АЭС. Анализируются тенденции изменений материального положения и сравнительного социального статуса, по самооценкам опрашиваемых, на основе репрезентативной республиканской выборки; влияние новых или пролонгированных событий (процессов, явлений), которые являются чувствительными для населения с точки зрения изучаемой в социологическом мониторинге проблематики.

Ключевые слова: общественное мнение, социальное самочувствие, массовое сознание, социальный статус, протестные настроения, ядерная энергетика, экология.

Начиная с 2005 г. Институтом социологии НАН Беларуси по договору с Министерством энергетики Республики Беларусь начато проведение социологического мониторинга проблем развития энергетической отрасли, в который были включены и вопросы о возможности развития ядерной энергетики в нашей стране. В каждом из проводимых опросов (2005, 2006, 2007–2008, 2009–2010, 2011–2012, 2013) респондентам задавался вопрос «Нужно ли развивать в Республике Беларусь ядерную энергетику?», а в 2013 г. уже и о их личном отношении к начавшемуся в Островецком районе строительству АЭС. Анализируя данные очередного этапа мониторинга общественного мнения, проведенного в мае 2013 г., необходимо, прежде всего, отметить те факты, которые в наибольшей степени влияют на состояние массового сознания, общую атмосферу и настроения людей. И, соответственно, на восприятие тематических вопросов исследования и распределение ответов респондентов. К ним можно отнести две группы факторов: во-первых, тенденции изменений материального положения и сравнительного социального статуса, по самооценкам опрашиваемых, на основе репрезентативной республиканской выборки; во-вторых, учет влияния новых или пролонгированных событий (процессов, явлений), которые являются чувствительными для населения с точки зрения изучаемой в социологическом мониторинге проблематики.

О первой группе факторов можно судить по данным табл. 1. Так, в оценках социального статуса в 2013 г. произошло только одно изменение по сравне-

нию с 2012 г., а именно, на 3,4 % стало меньше тех, кто отнес себя к бедным – 22,7 % (26,1 % в 2012 г.). Причем меньше среднего таких среди молодежи – 17,6 % и сельских жителей – 20,3 %. Большинство опрошенных причислили себя к группе со средним достатком – 63,4 %, к богатым – 0,7 % и находящимся за чертой бедности – 1,8 %. Понятно, что в этих оценках нет единой количественной шкалы, все основано на сравнении как с соседями, так и со своим прошлым, многие, особенно на селе, руководствуются традиционной формулой «Богат не тот, у кого много, а тот, кому хватает». Тем не менее нельзя не признать, что общая тенденция позитивная: в ней нет избыточного расслоения, ведущего к социальной розни и общественной напряженности; наблюдается снижение бедности и устойчивость среднего достатка.

Еще более наглядно это видно по оценкам изменения материального положения за последний год. По сравнению с 2012 г. на 4,3 % увеличилось число тех, кто признал улучшение своего материального положения, на 18,8 % – сохранения на том же уровне, но на 23,6 % уменьшилась позиция ухудшения, причем существенное ухудшение отметили только 6,5 %, в 2012 г. было 17,2 %. Эти данные показывают, что население оценивает произошедшие за последний год изменения как в целом благоприятные для улучшения качества и уровня жизни. Соответственно, это положительно влияет на настроения и социальное самочувствие людей.

Таблица 1. Сравнительные оценки социального статуса (по достатку) и изменений материального положения, в % от числа опрошенных

Перечень вопросов анкеты	2013 г.	2012 г.	По полу		По месту жительства		Молодежь до 30 лет
			мужчины	женщины	город	село	
Кем Вы себя считаете?							
Богатым	0,7	0,8	0,8	0,6	0,5	1,1	1,1
Со средним достатком	63,4	63,3	63,7	63,2	61,8	68,1	66,9
Бедным	22,7	26,1	22,0	23,3	23,5	20,3	17,6
Находящимся за чертой бедности	1,8	1,7	1,6	1,9	2,0	1,1	1,8
Затрудняюсь ответить	10,5	8,2	10,8	10,2	11,2	8,4	11,8
Нет ответа	1,0	0,7	1,1	0,9	1,0	1,0	0,7
Как изменилось Ваше материальное положение за последний год?							
Существенно улучшилось	2,6	2,1	3,3	1,9	2,2	3,5	4,0
Несколько улучшилось	16,5	12,7	17,2	15,9	16,4	16,7	18,8
Не изменилось	50,1	31,3	51,2	49,1	47,8	56,5	47,7
Несколько ухудшилось	16,5	29,4	14,7	18,0	17,7	13,1	14,6
Существенно ухудшилось	6,5	17,2	6,2	6,8	7,4	4,2	5,3
Затрудняюсь ответить	5,9	5,6	5,1	6,6	6,3	4,6	7,0
Нет ответа	2,0	1,7	2,3	1,7	2,1	1,4	2,7

Что касается второй группы факторов, то восприятие некоторых из них неоднозначно. Так, например, на первое место с точки зрения влияния на

общественное мнение поставлен рост тарифов на электрическую и тепловую энергию для нужд отопления и горячего водоснабжения. Не секрет, что большинство населения увеличение расходов семейного бюджета по данным статьям, мягко говоря, не приветствует. Только один из семи опрошенных (14,4 %) согласен с тем, что в нынешних условиях (инфляция, повышение зарплаты, пенсии и т. д.) рост энерготарифов неизбежен, необходим и оправдан. Объективно говоря, в Беларуси этот процесс осуществляется в тесной увязке с политикой доходов, гибко и постепенно. Так, повышение с 1.10.2013 г. цены на газ для населения составило 3 %, с большой дифференциацией по типам приборов, отопительного периода, видов помещений (теплицы, гаражи, мастерские) и др. Вообще, расходы на оплату энергии не превышают 10 % семейного бюджета, что говорит не столько об экономической, сколько о психологической составляющей восприятия роста тарифов. Ожидания населения складывались во времена дотирования всех жилищно-коммунальных услуг, так называемого «перекрестного субсидирования», при сравнительно невысоких доходах большинства семей. Такой порядок закрепился в массовом сознании, стал привычным, вопреки его низкой эффективности, да и несправедливости, скажем, в отношении сельских жителей, использующих печное отопление. Социальная политика государства задает вектор постепенного движения к полной оплате населением энергии и других видов коммунальных услуг, но при этом необходимо учитывать сложившиеся психологические стереотипы и ожидания людей.

Второй фактор можно назвать «эхом девальваций», проведенных в декабре 2008 г. и в марте 2011 г. Девальвация означает понижение курса национальных денег по отношению к иностранным валютам, в нашем случае к корзине валют: доллар, евро, российский рубль. На обыденном уровне девальвация воспринимается населением почти как абсолютное зло: рост цен, обесценивание сбережений, ожидаемое снижение показателей потребления, уровня жизни и производства. Она может вызываться не только внешними, но и внутренними причинами, например избыточной эмиссией (печатанием денег больше необходимого), нарушением бюджетных статей, дисбалансом экспорта-импорта и др. Управляемая девальвация – явление весьма распространенное в финансовом мире: трудно назвать страну, которая никогда в своей истории не прибегала к такому средству (мы не говорим о стихийном обесценивании национальных денег, вызываемых войнами, революциями и иными бедствиями). Но и последствия девальвации далеко не столь однозначны, т. е. не только отрицательны, как может показаться на первый взгляд. Ее проводят для восстановления разбалансированной финансовой системы, поддержки экспортеров, стимулирования возврата вывезенных из страны капиталов, облегчения положения дебиторов-должников и т. д. В Республике Беларусь первая девальвация проводилась по требованию МВФ, в рамках программы стэнд-бай (кредит в обмен на реформы), вторая – из-за дисбаланса экспорта и импорта, ведущего к снижению золотовалютных резервов. Самое опасное в этом явлении – это

панический рост обменных настроений и потребительского спроса вообще – то, что называют ситуацией «избавления от национальных денег, в т. ч. и от сбережений». Французский социолог Р. Арон писал: «Психологические реакции народов на факт девальвации варьируют в зависимости от воспоминаний об инфляции, от доверия и национальной гордости: паника рискует привести к резкому повышению всех цен, предсказания науки могут быть опровергнуты безумием людей» [1, с. 391]. У нас до массовой паники не дошло, хотя имели место в отдельных районах скупки некоторых товаров, закрытие депозитов в белорусских рублях, рост обменных операций и др. Так, с декабря 2008 г. по январь 2009 г. золото-валютные резервы уменьшились на 800 млн долларов, в начале 2011 г. – на 1,7 млрд долларов. О сохраняющихся опасениях населения свидетельствует то, что в сентябре 2013 г. было куплено 2 млрд долларов, но 700 млн из них вернулись в банки. Видимо, многие ради подстраховки включаются в игру на разнице курсов (марже) и процентных ставок, афере опытных финансовых спекулянтов. С точки зрения смысла – целесообразно учитывать два момента. Во-первых, то, что сегодня у нас плавающий курс валют, а значит, чем больше мы покупаем долларов, евро, тем дороже они становятся, при ставках ниже в 7–10 раз, чем рублевые вклады. Во-вторых, после девальвации 2011 г. ситуация быстро выпрямилась благодаря повышению ставок по рублевым депозитам, поддержке экспорта, импортозамещению, росту доходов, а главное, – адаптации населения к инфляционному стрессу. Механизм понятен, и нет сомнения, что он может при необходимости быть использован и в дальнейшем. Обратим внимание, что в мае 2013 г. (во время опроса) средняя заработная плата составила 608 долларов и выросла более чем на 25 % относительно мая 2012 г. С момента девальвации 2011 г. золотовалютные резервы увеличились вдвое: с 4 до 8,1 млрд долларов.

Третий фактор связан непосредственно со строительством Белорусской АЭС и касается противоречий по этому поводу с Литвой. В предыдущем отчете мы об этом упоминали, но для общественного мнения он тогда не был безотлагательным: впереди было много возможностей для обсуждения. Сегодня, когда подготовительные работы завершены и начинается сооружение самой станции, они приобретают первостепенное значение. Неслучайно первый вице-премьер В. Семашко отметил, что это событие (начало монтажа АЭС) омрачает только неурегулированность спорных вопросов с Литвой. Беларусь, по его словам, выполнила все положения Конвенции Эспо Европейской экономической комиссии ООН об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте: уведомила Литву еще в 2008 г. о выборе площадки в Островце, представила на литовском языке отчет ОВОС – об оценке воздействия на окружающую среду БелАЭС, провела слушания в Островце с приглашением всех желающих с литовской стороны – 17 человек из них выступили в обсуждениях, разместила всю необходимую информацию в Интернете, согласовала с экспертами МАГАТЭ и др. Литва считает, что строительство БелАЭС в г. Островце нарушает Конвенцию Эспо в том, что касается расстоя-

ния до границы и до крупных населенных пунктов, каким является столица Литвы г. Вильнюс. Однако Конвенция Эспо, определяя экологические, технические и другие параметры безопасности, не затрагивает расстояние до границ или городов. Это, кстати, позволило Литве несколько лет назад проектировать размещение «могильника» для захоронения отходов Игналинской АЭС в нескольких километрах от границы с Беларусью, в районе Браславских озер – природной жемчужины и курортной зоны страны.

К тому же Европа (ЕС) и при желании не могла бы регламентировать расстояния крупных промышленных объектов (ТЭЦ, шахт, ГЭС, АЭС, заводов и т. д.) от городов, агломераций или от границ из-за высокой плотности заселения, ограниченной территории многих государств, а главное – необходимости учета в первую очередь геологических, сейсмических, гидрологических и других условий. Приведем примеры расположения ряда европейских АЭС (по данным национальной комиссии по радиационной защите при Совете Министров Беларуси):

1) АЭС Brokendorf (Германия) – 53,6 км от Гамбурга (население 1814 тыс. чел.);

2) АЭС Krsko (Словения) – 39 км от Загреба (793 тыс. чел.) и 20 км от границы с Хорватией;

3) АЭС Doel (Бельгия) – 16 км от Антверпена с 512 тыс. чел., в радиусе 75 км от АЭС проживают 9 млн чел.;

4) АЭС Cattenom (Франция) – 15 км от границы Великого Герцогства Люксембург (525 тыс. чел.);

5) АЭС Bezau (Швейцария) – 30 км от Цюриха (380 тыс. чел. проживают в городе, 1 млн 189 тыс. чел. в агломерации);

6) АЭС Saint-Alban (Франция) – 40 км от Леона (484 тыс. чел., с пригородом 1 млн 551 тыс. чел.);

7) АЭС Gosgen (Швейцария) – 43 км от Цюриха;

8) АЭС Muehleberg (Швейцария) – 13 км от Берна (134 тыс. чел. проживают в городе, 353 тыс. чел. в агломерации).

Как видим, наша АЭС не выделяется в этом плане среди европейских станций. Можно лишь отметить, что белорусское население г. Островца и более отдаленных районов, да и всей страны, несколько десятилетий мирно и вполне безопасно прожили по соседству с Игналинской АЭС.

Четвертый фактор воздействия на общественное мнение – это антиядерная пропаганда ряда общественных экологических организаций Беларуси. Их деятельность освещалась в наших отчетах о НИР и других публикациях. Здесь мы добавим следующее. В настоящее время они выдвигают требование: остановить строительство БелАЭС. Следуя в русле европейских партий «Зеленых», оппозиционные белорусские экологи делают ставку на развитие возобновляемой энергетики. О том, что в наших условиях альтернативные источники – ветер, солнце, гидроресурсы – дорогие и ненадежные, можно не повторять. Недавний ураган «Святой Иуда» разрушил в Европе немало ветро-

установок (генераторов) и солнечных батарей: как предохраняться от таких стихийных бедствий? На недавнем форуме «Зеленых» об этом ни слова. Однако приняли санкции против «Экологической инициативы» – организации, которая поддерживает строительство АЭС, а ее представителю Юрию Соловьеву вручили антипремию «За имитацию общественного контроля за строительством АЭС».

Исследования показывают, что оппозиционное «Зеленое движение» в Беларуси не способно серьезно изменить общественное мнение относительно развития энергетики и строительства АЭС, но его деструктивное влияние следует учитывать в информационной работе с населением.

В связи с вышесказанным обратим, прежде всего, внимание на опубликованный в интернете 29 декабря 2012 г. материал В. Иванова под названием «Социологи выявляют недовольных строительством АЭС». В нем утверждается: «Представители экологической общественности считают, что настоящая цель исследования – это манипулирование общественным мнением и выявление несогласных» [2]. Какие же основания выдвигаются для столь серьезных обвинений? В материале приведены мнения трех представителей экологической общественности, которым показалось, что включение в выборочную совокупность наряду с другими социальными группами также и членов общественных организаций непременно должно иметь какие-то скрытые внешне научные цели. При этом свою антиядерную позицию они не утаивают, более того, активно пропагандируют, вербуя сторонников. Так, Ирина Сухий, председатель Белорусской общественной организации «Экодом», так и заявляет: «Подобный прием используется для того, чтобы представители независимой общественности, те, кто занимают альтернативную государственную позицию по отношению к строительству АЭС, получили меньше шансов на участие в опросе. И в итоге, большинство участников этого опроса будет за АЭС» [2]. Под «приемом» автор имеет в виду, что на заполнение анкеты предоставлено только 5 дней, но этого в принципе достаточно, к тому же сроки пришлось сократить по объективным обстоятельствам. Татьяна Новикова, координатор Белорусской антиядерной кампании, кстати, действующей вполне официально, возмущена неточностью, как она считает, сведений о ядерной программе Франции, а именно тем, что в анкете сказано, что ядерная энергетика составляет более 80 % в общем балансе используемых энергоресурсов. Исходя из этого, она утверждает: «Одной из задач такой дезинформации может быть психологическое давление на респондента, которого пытаются уверить, что если он не согласен с якобы мировой тенденцией и решением нашего государства, значит, он в жалком меньшинстве и его голос ничего не будет значить» [2]. Как известно, Франция, имея 59 действующих реакторов, занимает второе место после США (104 реактора) в мире в этой области. Доля атомной электроэнергии составила в 2007 г. 78,1 % при душевом потреблении 8500 кВт·ч (для сравнения в Беларуси душевое потребление составляет 3800 кВт·ч). Но, поскольку французская компания-оператор ЕДФ объявила

о намерении построить третий атомный энергоблок на АЭС в Фламанвилле, мы условно округлили данную цифру. Конечно, после трагедии от цунами на «Фукусима-1», партии «Зеленых» в некоторых странах добились уступок от своих правительств в деле ограничения развития атомной энергетики. Такие обещания, как правило, не более чем предвыборный популизм в борьбе за голоса избирателей. Возможно, к нему прибегнул и французский Президент, социалист Ф. Олланд, рейтинг которого за короткий срок резко снизился. Но во Франции такой шаг сделать трудно, хотя бы потому, что госкомпания EDF много инвестирует в развитие атомной энергетики других стран.

В конечном счете, несколько процентов дела не меняют, тем более что Франция для нас не пример. Нам хорошо бы присмотреться к опыту Бельгии, имеющей 7 атомных энергоблоков на территории, равной 1/7 от территории Беларуси, или к Финляндии с населением почти вдвое меньше нашего, но строящей уже пятый реактор, причем за счет средств частного сектора.

Писатель Василий Яковенко, руководитель Белорусского социально-экологического союза «Чернобыль», раскрыл, как он считает, замысел социологов. «Мне кажется, – поясняет он, – что авторы анкеты рассчитывали на свой тонкий ум и наивность респондентов». Отсюда писатель делает следующий вывод: «Все, кто против строительства АЭС, автоматически записываются в число оппонентов и недругов высшей власти. Такие люди ей не нужны. От них пытаются всячески оградить общество. Власть хочет определить и зарегистрировать эту “контру”. Вот к этому, в конце концов, и сводится анкетный опрос академического Института социологии» [2].

В целом создается впечатление, что данная публикация задумана как предупредительная атака на тот случай, если при обнародовании результатов что-то авторов не устроит, их можно было оспорить, ссылаясь на свои же «предупреждения». Мы не будем вдаваться в объяснения научной правомерности включения в опрос членов общественных организаций с целью выяснения также и их позиции по отношению к строительству АЭС, как и доказывать методическую корректность наших вопросов и т. д. Для нас важнее содержательный сравнительный анализ, в котором сопоставляются позиции членов общественных организаций и всего населения с тем, чтобы выявить сходство и специфические отличия, если они обнаружатся, в восприятии и оценках ситуации со строительством в Островце Белорусской АЭС.

Так, например, после трагедии на «Фукусима-1», вызванной цунами и просчетами частного оператора атомной станции ТОРСО, в некоторых странах «Зеленым» и другим оппозиционным силам удалось раскачать обстановку, дестабилизировать массовое сознание и общественное мнение. Волна протеста против ядерной энергетики вынудила правительства Германии, Швейцарии и других стран пойти на уступки, пообещав ограничение действующих АЭС и строительства новых. Как выглядит ситуация в этой области в нашей стране? На этот вопрос позволяют ответить результаты проведенного в начале 2013 г. исследования, в ходе которого опрос проводился не только

среди населения, но и среди членов различных общественных организаций Беларуси (табл. 2).

Т а б л и ц а 2. Уровень протестных настроений населения, связанных со строительством АЭС, в % от числа опрошенных

Готовность к участию: число положительных ответов	Все опрошенные	Город	Село	Члены обществен- ных организаций	Островец- кий район
Санкционированные митинги и демонстрации	6,1	6,1	6,2	22,3	0,9
Несанкционированные митинги и демонстрации	1,7	1,5	2,3	4,6	—
Пикеты	3,1	2,5	4,7	14,6	—
Акты, препятствующие строи- тельству	1,4	1,6	0,8	3,0	—
Голодовки	0,4	0,5	0,3	0,7	—
Иные акции	0,6	0,8	—	2,0	0,9

Анкетный вопрос формулировался так: «Допускаете ли Вы свое личное участие в протестных акциях, связанных со строительством АЭС в Беларуси?». Варианты ответов: «Да», «Нет», «Затрудняюсь ответить». Для удобства построения таблицы нами использовались только положительные ответы, что соответствует задаче исследования.

Рассматривая первый столбик табл. 2, в котором представлены данные по всему массиву опрошенных, мы видим незначительный в целом уровень протестных настроений. Даже если бы по каждой строке отвечали все новые люди, в сумме это составило бы только 13,3 % от всех опрошенных, что достаточно далеко от критической точки, равной примерно 30 %. На первом месте – готовность к участию в санкционированных митингах и демонстрациях (6,1 %), на втором – в пикетах (3,1 %), на третьем – в несанкционированных митингах и демонстрациях (1,7 %), четвертом – в актах, препятствующих строительству, подвозу материалов и т. п. (1,4 %), пятом – иных акциях (0,6 %), шестом – голодовках (0,4 %). Различия между городом и селом несущественны и статистически не значимы. В Островецком районе протестные настроения практически отсутствуют, вопреки желанию некоторых сил видеть такого рода акции и именно здесь.

Вместе с тем на этом фоне выделяется группировка членов общественных организаций. Их активность заметно выше средней, хотя, на наш взгляд, это не поведенческая, а чисто вербальная декларация. Среди них о готовности участвовать в санкционированных митингах и демонстрациях заявили 22,3 %, в пикетах – 14,6 %, в несанкционированных митингах и демонстрациях – 4,6 %, в противодействии строительству – 3,0 %, в голодовках – 0,7 %, в иных акциях – 2,0 %: всего 47,2 % из данной категории опрошенных.

Таким образом, при всех оговорках, которые сделаны или могут быть сделаны, с возможностью протестных настроений необходимо считаться. Миро-

вой опыт показывает как в современном сетевом информационном обществе может быть раздуто пламя даже там, где не было какого-либо горючего материала, т. е. экономических, культурных, религиозных и других факторов. Нужно понимать: что бы не заявляли члены общественных организаций, те или иные партии, чего бы не хотели внешние подстрекатели, реальный повод для протестных акций может возникнуть только в ходе самого дела, т. е. в Островецком районе. Поэтому главные превентивные меры состоят в том, чтобы соблюдались все нормативы строительства и последующей эксплуатации АЭС, были установлены адекватные социальные гарантии для строителей, работников станции и населения, создавались достойные условия жизни, инфраструктуры, досуговые объекты и все необходимое.

В целом проведенное исследование подтвердило общую закономерность общественного мнения относительно развития ядерной энергетики и строительства АЭС в Беларуси. Суть этой закономерности состоит в постепенном переходе от эмоционального в большей степени восприятия всей ситуации ко все более прагматичному, конкретно-практическому подходу и оценкам.

Литература

1. Арон, Р. Избранное: введение в философию истории / Р. Арон: пер. с фр. – М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. – 543 с.
2. Иванов, В. Социологи выявляют недовольных строительством АЭС [Электронный ресурс] / В. Иванов. – Режим доступа: http://naviny.by/rubrics/society/2012/12/29/ic_articles_116_180366/. – Дата доступа: 29.12.2012.

S. A. SHAVEL

PUBLIC OPINION INFLUENCING FACTORS ON THE CONSTRUCTION OF THE BELARUSIAN NUCLEAR POWER PLANT

Summary

The article deals with a group of factors (these include situation about mass consciousness, general atmosphere and people's mood in the current period) which impact on population's opinions on the need to develop a nuclear energy sector in the Republic of Belarus and on the construction of the nuclear power station in the town of Ostrovets. By using a representative sample of the Belarusian population and based on the self-assessments of respondents, the author analyzes some trends of changes of economic conditions and comparative social status. Through the issues of sociological monitoring the author studies the impact of new or prolonged events (processes, phenomena) that are sensitive to the population.

Keywords: public opinion, social feeling, mass consciousness, social status, protest attitudes, a nuclear energy sector, ecology.

Поступила 14.12.2013 г.

УДК 316:328.1:330.564.2(477)

Л. А. МАЛЫШ,

*кандидат социологических наук, доцент,
Институт социологии НАН Украины, г. Киев*

ПОДДЕРЖКА РЕДИСТРИБУТИВНОЙ ПОЛИТИКИ НАСЕЛЕНИЕМ РАЗНЫХ СТРАН

В статье представлены результаты тестирования трех основных групп факторов поддержки населением разных стран редистрибутивной политики: показателей позиции индивидов в социальной структуре, их ценностных ориентаций и типа социальной политики, присущего стране проживания. Выводы исследования базируются на данных проведенного в 2009 г. модуля «Социальное неравенство» Международной Программы Социальных Исследований.

Ключевые слова: социальная структура, сравнительные исследования, поддержка редистрибутивной политики.

Обращение социологов к уровню доходов или заработной плате населения как к основным стратифицирующим признакам стало привычной исследовательской практикой. При этом давно зафиксирован тот факт, что глубина неравенства, обусловленная различиями в доступности материальных ресурсов, имеет значительную кросс-культурную и временную вариативность [1]. Существование определенных стратификационных порядков и вероятность их дальнейшего воспроизведения в значительной мере определяются вектором социальной политики, в частности, заложенными в ее основу принципами распределения ответственности за благополучие индивида между государством, общественными организациями, а также самими индивидами и их ближайшим окружением. При этом они не являются неизменными и периодически пересматриваются и корректируются исходя из наиболее актуальных потребностей социума, о существовании которых сигнализируют изменения в ожиданиях населения относительно деятельности определенных институтов.

Содержание социальной политики отражает легитимное для данного общества распределение материальных благ. В случае, если социальные изменения нарушают какую-либо часть установившегося дистрибутивного порядка, давая представителям некоторых социальных категорий основания для его восприятия как несправедливого и неправильного, возникают предпосылки для его дальнейшей ревизии. Однако такого рода изменения, в силу инерционности институциональных практик, становятся возможными тогда, когда «запас прочности» их легитимности исчерпан.

Одним из косвенных показателей существования несоответствий между представлениями о должествующих формах неравенства и их актуальным состоянием являются ожидания населением вмешательства государства (посредством соответствующих социальных агентов) в процесс распределения дефицитных благ. На данный момент проведено достаточно большое количество социологических исследований, в которых были выделены три группы факторов таких ожиданий: характеристики позиции индивида в социальном пространстве, его ценностные ориентации и тип социальной политики, присущий стране проживания индивида.

Обращение к факторам первой группы для объяснения поддержки редистрибутивной политики основывается на предположении, что поддержка той или иной ее формы обусловлена позицией индивида в социальном пространстве, связанной с доступом к различным ресурсам. Отсюда, наибольшую поддержку социальные гарантии будут иметь прежде всего у представителей депривированных социальных категорий, которые являются их целевой аудиторией. К ним, по данным социологических исследований, прежде всего относятся следующие: индивиды с невысоким уровнем доходов [2], люди старшего возраста [3], занятые в сферах с высоким риском травматизма или безработицы [4], женщины [5], люди с низким уровнем образования [6]. Относительно последних следует отметить, что обратная корреляция между поддержкой редистрибутивной политики и уровнем образования хотя и значима, но все же достаточно слабая.

Следующий способ интерпретации различий в представлениях населения о должествующей форме социальной политики базируется на факторах второй группы, представленных такими базовыми ценностями, как поддержка левых или правых идей [7] или ориентация на помощь другим [8]. В рамках такого подхода ориентации индивида представляются взаимосвязанными, хотя и не обязательно обусловленными социальной позицией.

Наконец, рассмотрение различий в ожиданиях населения разных стран относительно перераспределения доходов исходя из присущей стране формы социальной политики связано с тем, что ориентации индивидов в значительной мере заданы социальной средой их существования. В исследованиях применяется много классификаций стран на основе применяемых в них моделях социальной политики. Одна из них – разработанная Г. Эспинг-Андерсеном триада, включающая социально-демократический, консервативный и либеральный типы [9]. Однако результаты исследований, основанных на подобных типологиях, оказались противоречивыми: так, в одних связь между типом страны и ориентациями населения отсутствовала [10], в других была установлена наибольшая поддержка социальной политики в странах либерального типа [9]. Еще одна распространенная классификация – дихотомия некоммунистическая – посткоммунистическая страна (использованная, например, в [11]). При сравнении пост- и некоммунистических стран, в первых в большей мере ожидают от государства мер по уменьшению неравенства в доходах [12].

В силу того, что в большинстве исследований в качестве предикторов моделей, объясняющих поддержку населением редистрибутивной политики, используются преимущественно социодемографические характеристики индивида или тип социальной политики страны его проживания, целью данной статьи является тестирование влияния факторов всех трех описанных выше групп.

Эмпирической основой исследования послужили данные Международной Программы Социальных Исследований (International Social Survey Programme, ISSP), в частности четвертой волны модуля «Социальное неравенство», проведенной в 2009 г. В массиве содержатся данные относительно 38 стран, общее количество кейсов составляет 53155.

Для выявления поддержки редистрибутивной политики в анкете фиксируется уровень согласия со следующими утверждениями¹:

- 1) в стране слишком большая разница в доходах;
- 2) правительство обязано уменьшить различие в доходах между лицами с высокими и низкими доходами;
- 3) правительство обязано обеспечить приемлемый уровень жизни для безработных;
- 4) правительству нужно уменьшить расходы на социальные выплаты бедным.

На основе первых трех показателей, согласованных между собой (α Кронбаха для них равен 0,649), был построен аддитивный индекс, рассчитанный как их среднее значение для каждого респондента. Значения индекса варьируют в диапазоне от 1 до 5, где максимальная поддержка редистрибутивной политики равна 5, а минимальная – 1.

В целом во всех тридцати восьми странах – участницах проекта прослеживается достаточно высокий уровень поддержки редистрибутивной политики: его среднее значение по массиву составляет 4, а в отдельных странах оно не опускается ниже 3,15, что выше центрального значения шкалы соответствующего индекса. При этом на регулирование правительством неравенства в наибольшей мере ориентировано население Украины (среднее значение индекса составляет 4,55), а в наименьшей – США (среднее значение индекса – 3,15) (табл. 1).

Для выявления факторов поддержки редистрибутивной политики указанный индекс был использован в качестве зависимой переменной в регрессионной модели. Три основные группы независимых переменных модели в вопросе фиксировались с помощью таких показателей.

¹ Уровень согласия с утверждениями определялся по пятибалльной шкале, где 1 – полностью согласен, 2 – скорее согласен, 3 – насколько согласен, настолько и не согласен, 4 – скорее не согласен, 5 – полностью не согласен. Для удобства интерпретации данных шкалы первых трех утверждений были перекодированы в обратном порядке, что позволило интерпретировать более высокие значения по шкале как больший уровень поддержки редистрибутивной политики.

Таблица 1. Поддержка населением разных стран редистрибутивной политики

Страна	Среднее значение	Стандартное отклонение
Украина	4,55	0,56
Венгрия	4,42	0,55
Турция	4,4	0,55
Португалия	4,38	0,55
Россия	4,38	0,6
Эстония	4,34	0,65
Латвия	4,33	0,59
Словения	4,33	0,58
Хорватия	4,29	0,62
Болгария	4,28	0,63
Франция	4,18	0,73
КНР	4,12	0,57
Южная Корея	4,11	0,64
Израиль	4,09	0,72
Словакия	4,09	0,67
Аргентина	4,07	0,6
Польша	4,07	0,76
ЮАР	4,07	0,63
Испания	4,05	0,6
Исландия	4,04	0,65
Чили	3,97	0,61
Финляндия	3,92	0,85
Австрия	3,91	0,72
Тайвань	3,89	0,64
Германия	3,89	0,77
Чехия	3,88	0,86
Швейцария	3,86	0,71
Япония	3,85	0,86
Швеция	3,83	0,81
Кипр	3,77	0,66
Дания	3,72	0,98
Великобритания	3,65	0,77
Бельгия	3,62	0,77
Филиппины	3,61	0,79
Норвегия	3,57	0,72
Австралия	3,53	0,86
Новая Зеландия	3,28	0,85
США	3,15	0,92
В целом по массиву	4	0,77

Социодемографические характеристики индивида представлены следующим набором переменных:

пол (дихотомическая переменная, где 0 – мужской, 1 – женский);

возраст (метрическая переменная);

уровень образования (метрическая переменная, которая отражает количество полных лет обучения);

тип населенного пункта (дихотомическая переменная, где 0 – сельская местность, а 1 – городская);

классовая позиция (дихотомическая переменная, построенная путем агрегирования классов, определенных по классовой схеме Голдторпа, в две группы, из которых 0 – неслужебный класс (все классы, кроме первого и второго), а 1 – служебный класс (первый и второй классы));

уровень благосостояния респондента измерялся с помощью двух переменных: уровня дохода респондента и уровня доходов семьи респондента (для обеих переменных 1 – высокий уровень доходов, 2 – средний, 3 – низкий, а значения переменных получены в процессе гармонизации данных для отдельных стран путем разбиения значений исходных переменных на терцили)¹.

Ценности индивидов представлены их ориентациями на различные формы вознаграждения труда и оценкой значения труда для достижения жизненного успеха. Их показатели:

ориентация на содержательные факторы оплаты труда (аддитивный индекс, представляющий среднее значение оценок важности при определении размера заработной платы степени ответственности должности, качества выполнения работы и ее тяжести (α Кронбаха для указанных показателей составляет 0,649); значения индекса варьируют в диапазоне от 1 до 5, где 1 – минимальная важность, а 5 – максимальная данной группы факторов);

ориентация на социальные факторы оплаты труда (аддитивный индекс, рассчитанный как среднее оценок важности наличия детей и количества благ, необходимых для содержания семьи (α Кронбаха для них равен 0,831), значения индекса варьируют в диапазоне от 1 до 5, где 1 – минимальная важность, а 5 – максимальная данной группы факторов)²;

¹ В регрессионной модели в качестве референтной категории используются группы респондентов со средним уровнем достатка.

² Факторы размера заработной платы измерялись с помощью следующего блока вопросов: «При решении вопроса о размере заработной платы работников насколько важным, по Вашему мнению, должно быть...

Степень ответственности работы или должности – насколько это важно при установлении размера заработка?

Количество лет, проведенных в учреждениях специального образования, а также повышения квалификации?

То, что необходимо для содержания семьи?

Если у человека есть дети – насколько это важно при установлении размера его заработка?

То, как хорошо он/она выполняют свою работу — насколько это важно при установлении заработка?

Насколько тяжелой является его или ее работа?»

важность упорного труда для достижения успеха (псевдометрическая переменная, варьирующая в диапазоне от 1 до 5, где 1 – совсем не важно, 2 – не очень важно, 3 – важно, 4 – очень важно, 5 – чрезвычайно важно)¹.

По указанным ориентациям баллы были рассчитаны как для отдельных респондентов, так и для отдельных стран (среднее значение по стране) для учета общего социального контекста.

В качестве индикатора *типа социальной политики, присущего стране проживания респондента*, использована ее принадлежность к группе посткоммунистических стран (в эту же группу включена коммунистическая КНР) либо некоммунистических стран (дихотомическая переменная, где 0 – некоммунистическая страна, а 1 – посткоммунистическая или коммунистическая).

Определение влияния указанных групп факторов на поддержку редистрибутивной политики осуществлялось путем построения двухуровневой линейной регрессии с вероятностными константой и коэффициентами. Целесообразность использования двухуровневой регрессии обусловлена вариативностью ориентаций населения на регулирование правительством неравенства в доходах между странами, о чем свидетельствует и значение коэффициента внутриклассовой корреляции ($p = 0,173$).

В результате проведенного анализа было установлено влияние на поддержку редистрибутивной политики факторов, относящихся ко всем трем объяснительным моделям. В частности, ее предикторами являются такие статусные характеристики индивида, как пол, возраст и уровень доходов, из ценностей – ориентация на социальные факторы оплаты труда и, наконец, принадлежность страны к посткоммунистическим или некоммунистическим странам.

В то же время, несмотря на то, что тип населенного пункта, где проживает респондент, определяет и доступность для него различных ресурсов, данный фактор не оказывает значимого влияния на отношение к перераспределению доходов, как и образование и классовая принадлежность. Из двух индикаторов уровня благосостояния респондента – уровня его дохода и уровня дохода на одного члена семьи – значимым предиктором модели оказался второй. Не дифференцирует индивидов по уровню поддержки редистрибутивной политики оценка важности содержания трудовых задач и ориентация на необходимость упорного труда как фактора успеха, в том числе и общая распространенность этих ценностей среди населения страны. Также не было обнаружено

Оценка важности факторов определялась по пятибалльной шкале, где 1 – крайне важно, 2 – очень важно, 3 – важно, 4 – не очень важно, 5 – вообще не важно. Для удобства интерпретации данных шкалы оценок были перекодированы в обратном порядке, что позволило интерпретировать более высокие значения по шкале как больший уровень важности факторов.

При построении индексов третий фактор не был включен в состав ни одного из них в силу того, что не был согласованным с другими показателями.

¹ Фиксировалась с помощью вопроса: «Оцените, пожалуйста, насколько важно то, что я зачитаю, для того, чтобы сделать карьеру, достичь успеха... Насколько важно тяжело и упорно трудиться?» Оценка важности данного фактора измерялась по шкале с обратным ключом, в тексте указана ее числовая модель после перекодировки.

различий во влиянии значимых предикторов модели в зависимости от типа страны.

Перечисленные выше предикторы регрессионной модели позволяют объяснить 8 % вариации поддержки редистрибутивной политики на индивидуальном уровне и 12 % ее вариации на уровне стран (доля объясненной вариации рассчитана с учетом коррекции Снайдерса и Боскера [14]), общая доля объясненной вариации зависимой переменной составляет 38 % (в соответствии со значением R^2 Маддалы [15]). Указанные показатели позволяют сделать вывод о том, что в целом объяснительные возможности модели приемлемы, хотя выделенные группы факторов могут быть дополнены другими индикаторами.

Как видно из коэффициентов модели, приведенных в табл. 2, наибольшая поддержка редистрибутивной политики характерна для женщин старшего возраста с низкими доходами и высокой ориентацией на социальные факторы оплаты труда, проживающих в посткоммунистических странах или КНР. При этом статусные характеристики индивидов неодинаково дифференцируют индивидов по их отношению к социальной политике: если для пола и возраста различия невелики, то для уровня дохода они выражены гораздо отчетливее, также как и для ориентации на социальные факторы оплаты труда и типа страны.

Таблица 2. Факторы поддержки населением редистрибутивной политики

Параметр	Оценка параметра	Значимость
Константа	3,194	$p < 0,001$
Пол	0,048	0,002
Возраст	0,003	$p < 0,001$
Доход на члена семьи: низкий vs средний	0,822	$p < 0,001$
Доход на члена семьи: высокий vs средний	-0,111	$p < 0,001$
Ориентация на социальные факторы оплаты труда	0,163	$p < 0,001$
Тип страны	0,383	$p < 0,001$
Дисперсия – константа	0,283	$p < 0,001$
Дисперсия – остаток	0,449	$p < 0,001$
-2LL	85654,286	
R^2 уровень 1	8 %	
R^2 уровень 2	12 %	
R^2 общий	38 %	
ρ	0,173	
N уровень 1	53155	
N уровень 2	38	

В целом анализ эмпирических данных позволяет сделать следующие выводы относительно поддержки редистрибутивной политики населением разных стран.

1. Уровень поддержки редистрибутивной политики достаточно высок во всех странах – среднее отображающего его индекса выше 3 по пятибалльной шкале. При этом наибольшее значение показателя было зафиксировано для Украины, а наименьшее – для США.

2. В процессе тестирования трех основных групп факторов поддержки населением разных стран редистрибутивной политики, как-то: показателей позиции индивидов в социальной структуре, их ценностных ориентаций и типа социальной политики, присущего стране проживания, – было выявлено значимое влияние на соответствующие ориентации факторов всех перечисленных групп.

3. Сила влияния разных факторов на поддержку редистрибутивной политики оказалась неодинаковой как в рамках отдельных групп, так и между некоторыми группами. Так, пол и возраст, хоть и являются значимыми предикторами модели, однако в значительно меньшей мере определяют вариацию зависимой переменной, нежели уровень дохода на члена семьи, тип страны или ориентации индивида на социальные факторы оплаты труда. Последняя же хуже дифференцирует индивидов по уровню поддержки перераспределения доходов, чем тип страны проживания.

4. Предикторы полученной модели позволяют объяснить вариацию уровня поддержки редистрибутивной политики (8 % вариации на индивидуальном уровне и 12 % на уровне стран). Наиболее перспективным путем улучшения прогностических возможностей модели будет ее дополнение факторами, относящимися к третьей группе, а соответственно, поиск эмпирических данных, позволяющих осуществить проверку соответствующих гипотез.

Литература

1. Сорокин, П. А. Социальная стратификация и мобильность / П. А. Сорокин // Человек. Цивилизация. Общество; общ. ред., сост. и предисл. Ю. А. Согомонов; пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – С. 295–424.
2. Blekesaune, M. Economic Condition and Public Attitudes to Welfare Policies / Morten Blekesaune // European Sociological Review. – 2007. – Vol. 23 (3). – P. 393–403.
3. Ponza, M. The Guns of Autumn? Age Differences in Support for Income Transfers to the Young and Old / Michael Ponza [et al.] // Public Opinion Quarterly. – 1988. – Vol. (4). – P. 441–466.
4. Blekesaune, M. Public Attitudes Toward Welfare State Policies: A Comparative Analysis of 24 Nations / Morten Blekesaune, Jill Quadagno // European Sociological Review. – 2003. – Vol. 19 (5). – P. 415–427.
5. Edlund, J. Trust in Government and Welfare Regimes: Attitudes to Redistribution and Financial Cheating in the USA and Norway / Jonas Edlund // European J. of Political Research. – 1999. – Vol. 35 (3). – P. 341–370.
6. Scheepers, P. Who Cares for the Poor in Europe: Micro and Macro Determinants for Alleviating Poverty in 15 European Countries / Peer Scheepers, Manfred Te Grotenhuis // European Sociological Review. – 2005. – Vol. 21 (5). – P. 453–465.

7. *Koster, F.* Globalization, Social Structure and the Willingness to Help Others: A Multilevel Analysis Across 26 Countries / Ferry Koster // *European Sociological Review*. – 2007. – Vol. 23 (4). – P. 537–551.
8. *Jaeger, M. M.* Does Left-Right Orientation Have a Causal Effect on Support for Redistribution? / Mads Meier Jaeger // *International J. of Public Opinion Research*. – 2008. – Vol. 20 (3). – P. 363–374.
9. *Esping-Andersen, G.* The Tree Worlds of Welfare Capitalism / Gøsta Esping-Andersen. – Cambridge: Polity Press, 1990. – 260 p.
10. *Svallfors, S.* Words of Welfare and Attitudes to Redistribution: A Comparison of Eight Western Nation / Stefan Svallfors // *European Sociological Review*. – 1997. – Vol. 13 (3). – P. 283–304.
11. *Gelissen, J.* Popular Support for Institutionalized Solidarity: A Comparison of Germany, Norway and the United States / John Gelissen // *International J. of Social Welfare*. – 2000. – Vol. 9 (4). – P. 283–304.
12. The International Social Survey Programme, 1984–2009: Charting the Globe [ed. by Max Haller, Roger Jowell, Tom W. Smith]. – London; New York, 2009. – 496 p.
13. Inequality and Support for Restributive Policy: One World of Post-Communism, Two Worlds of Western Capitalism [Электронный ресурс] / J. Delhey. – Berlin, 1998. – Режим доступа: <http://bibliothek.wz-berlin.de/pdf/1998/iii98-401.pdf>. – Дата доступа: 16.04.2013.
14. *Snijders, T.* Multilevel Analysis: An Introduction to Basic and Advanced Multilevel Modeling / Tom A. B. Snijders, Roel Bosker. – London: Sage Publication, 2000. – 272 p.
15. *Maddala, G. S.* Limited Dependent and Qualitative Variables in Econometrics / Gangadharrao Soundalyarao Maddala. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – 401 p.

L. A. MALYSH

SUPPORT OF REDISTRIBUTIVE POLICY BY THE POPULATION OF DIFFERENT COUNTRIES

Summary

The article presents the testing results of three main groups of population support for redistributive policy factors: indicators of individual's social position, their social value orientations and the type of social policy of country. The main findings are based on the data of the «Social Inequality» module (which was held in 2009) of the International Social Survey Programme (ISSP).

Keywords: social structure, comparative studies, support of redistributive policy.

Поступила 27.06.2013 г.

А. А. ДОМАРАНСКАЯ,
Институт социологии НАН Украины, г. Киев

СТИЛЬ ЖИЗНИ: СТРУКТУРНЫЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ

Статья посвящена проблеме измерения социальной стратификации, в частности, необходимости учета стиля жизни в ходе установления позиций иерархически упорядоченной системы. Эмпирической основой исследования являются данные мониторинга Института социологии НАН Украины. Операционализируется понятие стиля жизни, исследуется взаимосвязь ключевых аспектов понятия с критериями социальной стратификации и индивидуальными особенностями. В результате конструируется классификация стилей, которая включает элитный, промежуточный и массовый тип.

Ключевые слова: стиль жизни, социальное неравенство, социальная стратификация, критерии социальной стратификации, стратифицированная классификация.

На современном этапе развития социологической мысли для изучения социального неравенства задействовано множество подходов. Это, прежде всего, классовая схема Джона Голдторпа, Роберта Эриксона и Люсьен Портокалеро (EGP-схема), типология Эрика Райта, а также Госта Эспинг-Андерсена [18, с. 33–55], Международная шкала престижа профессий Д. Треймана, социально-экономический индекс, исходная идея разработки которого принадлежит О. Данкену [4, с. 159–193; 1, с. 17–128]. Тем не менее поиск новых методик измерения социальной стратификации не прекращается. Подтверждением тому служит ряд работ, опубликованных за последние несколько лет. О. И. Шкаратан с коллегами, описывая социально-экономическое неравенство, воспользовались характеристиками, которые по результатам энтропийного анализа обладают наиболее дифференцирующими способностями, а именно: владение респондентом предприятием или фирмой, владение ценными бумагами или облигациями, основной источник доходов, уровень властных полномочий и «попытка организовать собственное дело» [21, с. 179–189]. Трехкомпонентная конъюнкция, сконструированная Н. В. Ковалиско для размещения респондентов в пространстве неравенства, предполагает многомерный анализ в контексте концептуальной модели «позиции & диспозиции & практики (деятельность)» [14, с. 327–337]. Группа британских ученых при помощи латентно-классового анализа комбинирует измерение экономического, культурного и социального капиталов для определения семи социальных классов [5, с. 1–32].

Среди причин неудовлетворенности имеющимися методиками можно выделить несколько: во-первых, общепринятые подходы преимущественно на-

правлены на изучение одного аспекта феномена, нередко профессиональной иерархии, опираясь на предположение, что изучаемая сторона является наиболее выразительной гранью социальной стратификации, а положение в системе разделения труда – определяющим критерием социального расслоения. В результате концепции оказываются бессильными в объяснении множества феноменов. Вместе с тем имеет место обновленный интерес к проблеме, сопряженный с необходимостью исследовать влияние социальной стратификации на уровень смертности, заболеваемости, образованности [5, с. 1–32], на жизненные шансы индивидов, их ценностные ориентации, мироощущение, психическую деятельность и поведение [15; 7, с. 141–212]. Наконец, трансформационные процессы общества обуславливают необходимость проверки релевантности положений классических теорий в целом и методик, предложенных английскими, американскими и французскими социологами, в частности.

Теории предоставляют некий фундамент для создания методик измерения социальной стратификации. Основанием для одних подходов служат идеи К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма об эксплуатации, соперничестве и разделении труда. Представители иной традиции, начало которой положено П. Бурдьё, следуют концепции капиталов, активов и ресурсов. М. Сэвидж, А. Уорде и Ф. Дивайн приводят несколько аргументов в пользу последнего [6]. Прежде всего, многомерность – позиция индивида в социальной иерархии не может быть приравнена исключительно к позиции в системе разделения труда. Поскольку социальное пространство является неоднородным, положение в нем детерминировано позициями в нескольких полях. Внутри каждого такого поля ведется борьба, конечная цель которой – сохранение или разрушение существующей структуры распределения дефицитных благ, аккумуляция и конвертирование капиталов, активов и ресурсов в такой ситуации является частью стратегии [9]. Другими словами, помимо экономических признаков значение имеют культурные, социальные, символические (репутация, престиж) [10].

Включение стиля жизни как критерия социального расслоения может усовершенствовать методики, цель которых определить местоположение индивида в иерархически упорядоченной системе. Для того чтобы понимать, как комбинировать различные критерии с намерением классифицировать социальные позиции, необходимо прежде ответить на вопросы: как операционализировать понятие «стиль жизни», как стиль жизни взаимосвязан с другими критериями социальной стратификации, в частности структурными (богатство, власть, престиж) и личностными, наконец, как классифицировать стили жизни. Рассмотрение перечисленных вопросов является целью настоящей статьи. В рамках исследования решено сконцентрироваться на стиле жизни жителей населенных пунктов с численностью свыше 250 тыс. человек, поскольку инфраструктура больших городов задает разнообразие шансов и определяет возможность выбора неоднородных образцов стиля. Кроме того, посредством анализа соответствий и регрессионного анализа рассматривают-

ся два аспекта стиля жизни: проведение свободного времени и литературные вкусы. Таким образом, в статье на примере стиля жизни горожан исследуется взаимосвязь между структурными, личностными детерминантами и выбором практик досуга и жанров литературы, в результате конструируется классификация стилей.

Стиль жизни представляет собой предмет пристального изучения специалистов различного профиля в области социальных и гуманитарных наук. В рамках психологического подхода стиль жизни выступает способом самовыражения индивидуальности и уникальности внутреннего мира. Согласно А. Адлеру, стиль жизни зависит скорее от субъективных факторов, нежели объективных, в частности от смысла, который индивид усматривает в жизни [20, с. 11–25]. В центре внимания социокультурного подхода оказывается конструирование идентичности, нормы, символы и знаки. О. Тоффлер делает акцент на связи между стилем жизни и субкультурами, разнообразие которых характерно для современных обществ [20, с. 11–25]. Стиль жизни для социологов, как правило, связан с социальной стратификацией, выполняя две функции. Суть первой состоит в демонстрации индивидами принадлежности к некой группе, а второй – в определении границ, которые отделяют представителей одного слоя от другого [8]. М. Вебер рассматривал стиль жизни как определенную характеристику статусных групп, сформированных в результате неравномерного распределения статусной почести. В свою очередь последняя может означать любое качество, которое оценивается большинством людей. Например, проживание на определенной улице, происхождение, харизма, формальное образование или деятельность. Кроме того, желание принадлежать к определенной статусной группе сопровождается рядом ожиданий со стороны окружающих, поэтому каждому подобному кругу присущ набор правил, принципов поведения, определенные «условности», которые необходимо соблюдать [12, с. 96–105]. Следовательно, стиль жизни – это характерная для определенного круга лиц деятельность и ежедневная практика, отражающая идеологические представления и убеждения. Для Г. Зиммеля стиль жизни передает стремление человека к идентичности и самовыражению, цель которого – совпадение внутреннего содержания, потребностей, устремлений и внешней социально приемлемой формы их реализации. Т. Веблен рассматривает стиль жизни в современном для него обществе как демонстративное потребление, предназначение которого – символизировать успех и принадлежность к избранным [16, с. 78–80]. У. Уорнер разделяет такую точку зрения, утверждая, что социальная позиция влияет на формирование манеры общения, проведения досуга и способ потребления [20, с. 11–25]. П. Бурдьё первым интегрировал культурные критерии для измерения социальной стратификации. Стиль жизни для него – производная от габитуса целостная совокупность предпочтений и выборов, которая формируется из определенных структур потребления, среди которых он выделил три основные: питание, культура и внешность (или представительские расходы). Культурным практикам свойственно варь-

ироваться от благородных к вульгарным. Если первые отличаются редкостью и характерны исключительно для групп с крупнейшим экономическим и культурным капиталом, то вторые – доступностью, распространенностью и типичностью для самых бедных слоев [11]. Впрочем, с 1960-х гг. произошло немало перемен, и высокая культура в понимании П. Бурдьё и соответствующий ей стиль жизни подверглись трансформациям. Кроме того, наверняка стиль жизни французской элиты отличается от стиля украинской. Н. А. Шульга, рассматривая стиль жизни как феномен, который совместно или отдельно обусловлен традицией, сознательным или бессознательным выбором одного из существующих типов поведения и желанием самореализации или самоутверждения [23], акцентирует внимание на таких современных тенденциях, как плюрализация стилей жизни, ориентированность на успех, консьюмеризация, гедонизация, информатизация, виртуализация, приватизация и публитизация жизни, пространственная и профессиональная мобилизация [20, с. 16]. В отечественной традиции стиль жизни изучается совместно с образом жизни, в центре внимания оказываются деятельность как структурная основа социальной жизни индивида, свободное время и образ жизни различных социальных групп, к примеру, городского или сельского населения, образ жизни молодежи или рабочих [20]. В последнее время все чаще в поле изучения украинских социологов попадают стили потребления, кроме того, взаимосвязь между стилем жизни и ценностно-нормативными факторами, уровнем включенности в информационное пространство [13; 17; 19; 22].

Основываясь на приведенных теоретических положениях, отметим, что стиль жизни – это устойчиво воспроизводимый индивидом выбор в пользу конкретной совокупности практик, образцов потребления и поведения, который обусловлен как социальными, так и психологическими факторами. Стиль жизни как способ символической коммуникации демонстрирует принадлежность индивидов к той или иной группе, независимо от того, образованы эти группы в результате схожести стратификационных позиций или личностных детерминант. Следовательно, операционализация понятия «стиль жизни» подразумевает анализ практик различного рода как комплекса представлений, установок, целей, правил и действий [14, с. 49–63]. Среди факторов, влияющих на стиль жизни, можно выделить следующие: позиция в социальной иерархии, происхождение, образование, взгляды, вкусы, ценностные ориентации.

Анализ стиля жизни жителей больших городов проводился на основе данных мониторинга Института социологии НАН Украины за 2012 и 2007 гг. Поскольку вопросы о досуге присутствуют в анкете мониторинга на постоянной основе, использовался наиболее свежий массив данных. Мониторинг 2007 г. выбран, так как включает расширенный блок вопросов о вкусах и предпочтениях. Критерии социальной стратификации операционализированы следующим образом: экономический через признаки, отображающие материальное положение семьи (делаем сбережения, живем в полном достатке; хватает на все необходимое, но не до сбережений; хватает в целом на проживание; хва-

тает только на питание, иногда голодаем) и уровень заработной платы (≥ 3000 гривен; 2999–2000 гривен; 1999–1000 гривен; ≤ 999 гривен), властный – статус занятости и количество наемных или подчиненных работников для отображения уровня и наличия полномочий как права влиять на действия других и осуществлять контроль через приказы и распоряжения (работодатель, более 10 наемных работников; работодатель, до 9 наемных работников; руководитель, более 10 подчиненных; руководитель, до 9 подчиненных; самозанятый, без наемных работников; наемный работник без подчиненных; студент, ученик, домохозяйка, пенсионер; безработный). Критерий признания представлен через престиж типов занятости. Занятия упорядочивались в соответствии с уровнем престижа профессий, относящихся к конкретному типу. Уровень престижа определялся через оценки, данные респондентами в рамках опроса. Использовалась 5-балльная шкала, где 1 означает очень высокий престиж профессии, 2 – высокий, 3 – средний, 4 – низкий, 5 – очень низкий. Так, первая группа включает профессии с высоким уровнем престижа, отвечающие следующим типам занятости: профессиональный политик, руководящий работник и служащий госаппарата, руководитель предприятия, учреждения или сельхозпредприятия. Среднее значение оценок престижа профессии министра равно 1,5, депутата – 1,7, руководителя банка – 1,8, директора завода – 1,9. Вторая группа объединяет профессии с высоким уровнем престижа – это специалисты в области науки, культуры, здравоохранения, образования, дошкольного воспитания (ученый – 2,3, врач – 2,4, актер – 2,8), предприниматели в большом, среднем, мелком или индивидуальном бизнесе (предприниматель – 2,5, фермер – 2,8, коммерсант – 3). Далее следуют профессии со средним уровнем престижа: специалисты технического профиля (инженер – 3,1, агроном – 3,1), работники правоохранительных органов, военнослужащие (военнослужащий – 3,1). Последняя группа профессий с уровнем престижа ниже среднего содержит категории служащих из числа вспомогательного персонала (медсестра – 3,3, водитель – 3,5, официант – 3,7), квалифицированные рабочие (телемеханик – 3,6, швея – 3,7, мастер-часовщик – 3,7) и работники сельхозпредприятий (механизатор, тракторист, комбайнер – 3,7). Личностные признаки представлены вопросами: «Как Вы считаете, от чего главным образом зависит то, как складывается Ваша жизнь?» (главным образом от внешних обстоятельств; в некоторой степени от меня, но больше от внешних обстоятельств; в равной степени от меня и от внешних обстоятельств; в большей степени от меня, чем от внешних обстоятельств; главным образом от меня), и «В какой степени Вы приспособились к нынешней жизненной ситуации?» (активно включился в новую жизнь, рыночные отношения представляются мне естественным способом жизнедеятельности; нахожусь в постоянном поиске себя в нынешней жизни; не имею желания приспособливаться к нынешней ситуации, живу как придется, ожидаю изменений к лучшему). Вдобавок используется шкала тревожности Спилбергера, адаптированная Ю. Ханиным и коллективом Института социологии НАНУ.

Для исследования связи между структурными, личностными детерминантами и стилем жизни использовался анализ соответствий. Из рассмотрения были исключены категории тех видов занятий и предпочтений, наполненность которых не превышала 30 респондентов. Все решения представлены в двумерном пространстве, где процент объясненной инерции варьируется на уровне 60 % (удовлетворительное качество модели).

На рис. 1 представлено расположение практик досуга в пространстве критериев социальной стратификации. Горизонтальная ось отображает ключевой фактор, который в наибольшей степени дифференцирует стили проведения досуга и описывает наибольшую долю инерции – 40 %. Поскольку противоположные полюса представлены с одной стороны точками: «профессии с высоким уровнем престижа», «хватает на сбережения, живем в полном достатке», «руководители, 10 и более подчиненных», а с другой – «хватает только на питание, иногда голодаем», «наемные работники без подчиненных», «ученики, студенты, домохозяйки, пенсионеры», ось интерпретирована как фактор социальной стратификации. Значения абсолютных вкладов выше среднего имеют точки, которые относятся ко всем трем выбранным критериям. Левый полюс предполагает наличие обширных полномочий, большой объем экономического ресурса и признание, в то время как правый полюс – отсутствие каких-либо полномочий и материальных благ. Вклады точек «самозанятые» и «хватает в целом на проживание», расположенных посередине оси, равны 0, что означает – им в одинаковой степени характерны или не характерны признаки контрастных полюсов. Иначе, середина оси соответствует среднему положению на шкале социальной иерархии. Сказанное подтверждается высокими значениями квадрата корреляции точек с осью.

Вертикальная ось объясняет всего 17 % общей инерции, ее верхний полюс представлен точками «профессии с уровнем престижа ниже среднего», «наемные работники без подчиненных», а нижний – «студенты, ученики, домохозяйки, пенсионеры». Поскольку уровню престижа ниже среднего соответствуют такие виды занятости, как служащий из числа обслуживающего персонала, квалифицированный рабочий, разнорабочий и подсобный рабочий, ось можно охарактеризовать как дифференциацию в соответствии с положением в системе разделения труда, где на одном краю сосредоточены профессии физического труда, посередине – умственного (профессии с высоким престижем), на противоположном краю – респонденты, которые не заняты на оплачиваемой работе.

Стало быть, высокому социальному положению соответствуют такие практики досуга, как изучение литературы по специальности, посещение ресторанов, спортивных залов и бассейнов; среднему – занятия с компьютером, посещение театров, концертов, музеев, художественных выставок, шопинг, настольные игры, к примеру, шахматы и шашки; низкому – просмотр телепередач, просто отдых, ничего не делая, прием гостей, посещение церкви. Для тех, кто занят в сфере физического труда и обладает полномочиями, а также

Рис. 1. Практики досуга в пространстве критериев социальной стратификации

определенным материальным достатком, свойственно посещать кинотеатр, выезжать за город для отдыха на природе или работать по совместительству. Работники физического труда с более низким социальным положением занимаются рыболовством, охотой, сбором грибов, просмотром видео или посещением гостей. Граждане, которые не задействованы на рынке труда, посещают клубы, дискотеки, вечера отдыха. Жители больших городов, занятые умственным трудом с социальным положением выше среднего, выбирают для досуга гимнастику, оздоровительные прогулки, чтение художественной литературы, рукоделие, вышивку и др. Представители умственного труда, но с более низкой стратификационной позицией, предпочитают чтение газет и радиопередачи. Нейтральными относительно данных факторов являются такие практики, как слушание музыки и занятия с детьми.

На рис. 2 показано расположение практик досуга в пространстве личностных детерминант. Горизонтальная ось описывает 47 % инерции. Исходя из того, что левый полюс представлен точками: «не имею желания приспособливаться к нынешней ситуации, живу как придется, ожидаю изменений к лучшему» и «то, как складывается жизнь, главным образом зависит от

внешних обстоятельств», а правый полюс точками: «активно включился в новую жизнь, рыночные отношения представляются мне естественным способом жизнедеятельности» и «то, как складывается жизнь, главным образом зависит от меня», ось интерпретирована как уровень социальной адаптации и контролируемости собственной жизни. Вертикальная ось (13 % объясненной инерции) разделяет пространство на полюса, один из которых представлен точкой «высокий уровень тревожности», а другой – «низкий уровень тревожности». Ось отображает общий уровень психологического здоровья.

Следовательно, выбор в пользу таких практик досуга, как чтение газет, слушание радио и просмотр телепередач характерен скорее для тех, кто не приспособился к нынешней ситуации и слабо контролирует то, как складывается жизнь. Посещение церкви, отдых, ничего не делая, чтение художественной литературы – для тех, кто приспособился немного лучше. Нейтральными являются такие практики, как посещение и прием гостей. Занятия с компьютером, прослушивание музыки, бег, оздоровительные прогулки, шопинг, настольные игры выбирают горожане приспособившиеся, но в меньшей степени, нежели следующая группа, представленная гражданами с активной жизненной позицией и умением жить в новых общественных условиях, которые выбирают посещение ресторана, ночного клуба, кинотеатра, изучение

Рис. 2. Практики досуга в пространстве личностных детерминант

литературы по специальности. Жители городов, адаптировавшиеся к новым реалиям и взявшие под контроль собственную жизнь, не испытывают чувство тревоги и делают выбор в пользу поездок за город для отдыха на природе. Жители, адаптировавшиеся, но с высоким уровнем тревожности – в пользу работы по совместительству, посещения спортивного зала, бассейна. Проводя сравнение двух карт, можно заключить, что структурные детерминанты дифференцируют пространство стилей досуга в большей степени, нежели личностные детерминанты. Об это свидетельствуют значения главной инерции, равные 0,039 и 0,024 соответственно.

На рис. 3 показано расположение жанров художественной и специализированной литературы в пространстве критериев социальной стратификации. Поскольку противоположные полюса горизонтальной оси представлены с одной стороны точками «заработная плата больше 3000 гривен», «2000–2999 гривен», а с другой – «заработная плата меньше 999 гривен», ось интерпретирована как экономический критерий. Так как по вертикальной оси точка «профессии с высоким уровнем престижа» противопоставляется точке «профессии с престижем ниже среднего уровня», ось истолкована как критерий социального признания. Важность данных факторов равнозначна, доли описанной инерции равны 26 % и 21 % соответственно.

Рис. 3. Жанры литературы в пространстве критериев социальной стратификации

Наиболее материально обеспеченным жителям характерно отдавать предпочтение чтению литературы технического профиля (об автомобилях, авиации и т. д.) и о компьютерах, программах. Среднеобеспеченные предпочитают чтение детективов, зарубежной прозы и классики, литературы по специальности и гуманитарного профиля (философия, история, этика и т. д.), медицинской литературы и литературе о ремонте. Малообеспеченные – чтение романов о любви, литературы об уходе за домашними животными или цветами. Представители профессий с низким уровнем престижа останавливают выбор на русской прозе, психологии, сексологии и юмористической литературе. С престижем профессии выше среднего уровня – на литературе о путешествиях, публицистике, русской классике, энциклопедиях и словарях. С высоким уровнем престижа – на литературе об искусстве (живопись, театр, архитектура и т. д.), поэзии, автобиографиях и мемуарах. Материально обеспеченные горожане, но с низким уровнем престижа профессий, выбирают фантастику и фэнтези. Материально обеспеченные, с высоким уровнем престижа профессии – экономическую (финансы, бизнес, маркетинг и т. д.) и юридическую литературу. Малообеспеченные с высоким уровнем престижа профессии – религиозную литературу и украинскую классику. Малообеспеченные с низким уровнем престижа профессии – литературу о кулинарии, рукоделии, домоводстве, гороскопах, астрологии и сонники.

Пространство личностных детерминант и размещение в нем жанров художественной и специализированной литературы представлено на рис. 4. Горизонтальная ось описывает 46 % инерции. Очевидно, что ось можно определить как фактор адаптации, так как полюса отображены в виде точек «активно включился в новую жизнь» и «не имею желания приспособливаться к нынешней ситуации». Вертикальная ось, которая объясняет 16 % общей инерции, истолкована как противостояние «неопределенность–определенность», поскольку полюса представлены точками «нахожусь в постоянном поиске себя в нынешней жизни» и «то, как складывается жизнь, зависит больше от внешних обстоятельств, лишь в некоторой степени от меня».

Перечень жанров художественной и специализированной литературы граждан, приспособившихся к новым условиям, состоит из литературы гуманитарного профиля, в том числе для изучения иностранного языка, зарубежной и русской классики, поэзии, литературы по специальности, технической литературы, энциклопедий и словарей. Список жанров горожан, которые не желают адаптироваться, включает: романы о любви, литературу о религии, кулинарии, рукоделии, домоводстве, об уходе за домашними животными или цветами, о ремонте, уходе за садом, огородом, детективы и медицинскую литературу. Горожане, считающие, что то, как складывается их жизнь, зависит больше от внешних обстоятельств, читают юридическую литературу, литературу о политике, путешествиях, публицистику, зарубежную прозу и юмористическую литературу. Граждане, которые находятся в поиске, читают фантастику, фэнтези, готику. Те, кто пока не приспособился к нынешней жизни,

Рис. 4. Жанры литературы в пространстве личностных детерминант

выбирают для чтения литературу о компьютерах, программах, психологии и сексологии. Те, кто уже определился и приспособился – экономическую (финансы, бизнес, маркетинг и т. д.) литературу, русскую прозу и литературу об искусстве. Критерии социальной стратификации дифференцируют предпочтения жанров художественной и специализированной литературы значительно сильнее, нежели личностные детерминанты. Об это свидетельствуют значения главной инерции, равные 0,077 и 0,046 соответственно.

Существует несколько точек зрения относительно того, как стратифицированы стили жизни. Согласно первой, высокая культура противопоставляется популярной. Приверженцы второй описывают взаимосвязь между социальным расслоением и культурным потреблением при помощи модели «omnivores – univores» [2; 3], считая, что такой подход лучше охватывает сложность изучаемого феномена, поскольку учитывает не только разделение на высокую и популярную культуру, но и разнообразие, интенсивность культурного потребления. Противоположное мнение заключается в том, что стиль жизни не зависит от позиции в социальной стратификации, а является результатом свободного выбора индивида и поиска идентичности [2; 3].

Результаты проведенного анализа доказывают неверность последнего утверждения: разброс практик досуга и литературных предпочтений в соот-

ветствии с критериями социальной стратификации значителен. Используя фактор, описывающий наибольшую долю инерции и интерпретированный как ось социальной стратификации, можно предположить, что такие практики, как изучение литературы по специальности, посещение ресторанов, клубов, спортивных залов и бассейнов являются исключительными, характерными для верхних слоев общества и относятся к элитному стилю досуга. Проводить время за занятиями с компьютером, шопингом, настольными играми, посещением театров, концертов, музеев, художественных выставок свойственно средним слоям, стало быть, эти практики относятся к промежуточному стилю. Такие занятия, как просмотр телепередач, просто отдых, ничего не делая, прием гостей, посещение церкви типичны для нижних слоев и относятся к массовому/непритязательному стилю. Для подтверждения или опровержения предварительного суждения использовался множественный регрессионный анализ. Данная классификация выступает зависимой переменной, а независимыми являются структурные, личностные детерминанты и такие признаки, как социальное происхождение (в каком населенном пункте прошла большая часть Вашего детства: в Киеве; в городе с населением свыше 250 тыс. человек; в небольшом городе; в селе), уровень образования (высшее образование; среднее специальное; общее среднее; начальное, неполное среднее) и возраст. Предварительно для исключения взаимосвязанных предикторов была проанализирована корреляционная матрица. Полученные значения коэффициентов не превышают границу 0,3, за исключением связи на уровне 0,5 между властным критерием и критерием признания. Так, вероятность роста величины стандартной ошибки исключена, мера коллинеарности варьируется на уровне 0,9. Форма распределения остатков незначительно отличается от нормальной кривой (тест Колмогорова–Смирнова свидетельствует о значимом уровне различия, но величины асимметрии и эксцесса не превышают значения от -1 до 1), а диаграмма нормальных вероятностей демонстрирует незначительные отклонения от прямой линии. К сожалению, качество модели слишком низкое для того, чтобы прогнозировать выбор досуга посредством выбранных факторов, значение коэффициента детерминации равно 0,25, а значит, лишь 25 % дисперсии зависимой переменной обусловлены влиянием предикторов. Однако все же возможно сравнить степень влияния предикторов на зависимую переменную. Используя прямой пошаговый метод включения, составим модель из 4 независимых переменных, для которых значение стандартизованного коэффициента регрессии β является значимым на уровне 0,05. Наибольшее воздействие на предпочтение практик досуга оказывает возраст ($\beta = 0,3$), затем материальное состояние ($\beta = 0,2$) и после всего уровень престижа профессии ($\beta = 0,1$) и образования ($\beta = 0,1$). Анализ формы связи, включающий графическое отображение типа отношений, величину коэффициента детерминации и уровень статистической значимости параметров уравнений, свидетельствует о линейной зависимости. Иначе говоря, чем выше материальное положение индивида, уровень престижа профессии и образования, тем выше вероятность,

что ему характерен элитный стиль досуга. Чем старше человек, тем вероятней, что для него типичен массовый/непритязательный стиль досуга.

Для проверки «*omnivores – univores*» гипотезы был сконструирован аддитивный индекс, рассчитанный как сумма всех практик, которыми индивид занимался хотя бы раз за последние 7 дней. Сравнение средних значений при помощи однофакторного дисперсионного анализа свидетельствует о наличии значимых отличий на уровне 0,05 для групп, сформированных в соответствии со структурными критериями. Так, среднее количество практик увеличивается с ростом уровня престижа профессии (низкий престиж профессии – 6 практик, высокий престиж – 8) и материального положения (хватает только на питание – 5, живем в полном достатке – 9).

Кроме того, был сконструирован аддитивный индекс, рассчитанный как сумма всех жанров художественной и специализированной литературы, прочитанных респондентом за последних 12 месяцев. Он использовался как зависимая переменная, а структурные, личностные критерии, социальное происхождение, уровень образования и возраст как предикторы. Из девяти рассмотренных независимых переменных прямым пошаговым методом включения было выбрано лишь две: уровень образования ($\beta = 0,2$) и престижа профессии ($\beta = 0,1$), для которых значение стандартизированного коэффициента регрессии β является значимым на уровне 0,05, и которые в общем описывают лишь 10 % дисперсии зависимой переменной. Следовательно, чем выше уровень престижа профессии и образовательный уровень индивида, тем разнообразнее список предпочитаемых жанров литературы, и чем ниже уровень престижа профессии и образования, тем он скуднее.

В заключение отметим, что понятие «стиль жизни» подразумевает анализ совокупности практик, образцов потребления и поведения индивида. В статье рассмотрены два аспекта: досуг и литературные вкусы городского населения, из чего следует ряд обобщений. Результаты, полученные с помощью анализа соответствий, свидетельствуют о том, что структурные детерминанты, которые разбирались в рамках данного исследования, дифференцируют практики досуга и литературные предпочтения в большей степени, нежели личностные характеристики. Это подтверждается и результатами, полученными при помощи регрессионного анализа: из трех рассмотренных личностных детерминант ни одна не была включена в уравнение, поскольку их влияние не значимо на уровне 0,05. Выбор практик досуга в наибольшей степени детерминирован стратификационной позицией в социальной структуре, затем характером труда, уровнем социальной адаптации/контроля и уровнем тревожности. На выбор жанров художественной и специализированной литературы в равной степени влияют экономический фактор и критерий социального признания, потом уровень социальной адаптации. Связь между стилем досуга и структурными детерминантами имеет линейный характер. Чем выше материальное положение, уровень образования и престижа профессии, кроме того, чем моложе горожанин, тем вероятнее его выбор в пользу элитных практик досуга,

и наоборот. В общем, стили проведения свободного времени классифицированы следующим образом:

1) элитный стиль, характерный для высших слоев. Вопреки элитности его представители не являются носителями высокой культуры. Группы, обладающие большими возможностями, в меньшей мере стремятся к культурному потреблению;

2) промежуточный стиль – обычный для средних слоев общества. В отличие от первого включает культурные практики, например посещение театров, концертов, музеев, художественных выставок;

3) массовый стиль – типичен для низших слоев и включает непритязательные практики, которые не требуют материальных затрат.

Низкое качество регрессионных моделей не позволяет опровергнуть или подтвердить «homology» гипотезу, согласно которой между стратификационной позицией и стилем жизни существует строгая сопоставимость. Тем не менее полученные результаты позволяют судить о правдоподобности «omnivores – univores» гипотезы, согласно которой для представителей высших слоев типично большее разнообразие культурного потребления, а значит, жанров литературы, и наоборот. Среднее количество практик досуга увеличивается с ростом уровня престижа профессии и материального положения индивида. Чтение художественной литературы в целом типично для горожан со средним социальным положением, чтение специализированной литературы – для горожан с высоким положением, а на разнообразие выбираемых жанров влияет уровень образования и престижа профессии.

Литература

1. *Blau, P. M.* The American Occupational Structure / Peter M. Blau, Otis Dudley Duncan. – New York: Wiley, 1967. – 520 p.
2. *Chan, T. W.* Social Status and Newspaper Readership / T. W. Chan, J. H. Goldthorpe // *American J. of Sociology.* – 2007. – Vol. 112 (4). – P. 1095–1134.
3. *Chan, T. W.* Social Stratification and Cultural Consumption: Music in England / T. W. Chan, J. H. Goldthorpe // *European Sociological Review.* – 2007. – Vol. 23, iss. 1. – P. 1–19.
4. *Ganzeboom, H. B.* Three Internationally Standardised Measures for Comparative Research on Occupational Status / H. B. G. Ganzeboom, D. J. Treiman // *Advances in Cross-National Comparison. A European Working Book for Demographic and Socio-Economic Variables.* – New York: Kluwer Academic Press, 2003. – P. 159–193.
5. *Savage, M.* A New Model of Social Class: Findings from the BBC's Great British Class Survey Experiment / M. Savage [et al.] // *Sociology* [Электронный ресурс]. – 2013. – Vol. 0 (0). – P. 1–32. – Режим доступа: <http://soc.sagepub.com/content/early/2013/03/12/0038038513481128>. – Дата доступа: 27.05.20013.
6. *Savage, M.* Capitals, assets and resources: Some critical issues / M. Savage, A. Warde, F. Devine // *British J. of Sociology.* – 2005. – Vol. 56 (5). – P. 31–48.
7. *Weeden, K. A.* The case for a new class map / K. A. Weeden, D. B. Grusky // *American J. of Sociology.* – 2005. – Vol. 111 (1). – P. 141–212.
8. *Бевзенко, Л.* Стили жизни переходного общества / Л. Бевзенко. – Киев: Ин-т социологии НАН Украины, 2008. – 144 с.
9. *Бурдьё, П.* Некоторые свойства полей / П. Бурдьё // *Социологическое пространство Пьера Бурдьё* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bourdieu.name/content/nekotorye-svojstva-polej>. – Дата доступа: 27.05.20013.

10. Бурдьё, П. Социология социального пространства / П. Бурдьё: пер. с фр. – М.: Ин-т экперим. социологии; СПб.: Алетейя, 2005. – 288 с.
11. Бурдьё, П. Различение: социальная критика суждения / П. Бурдьё: пер. с фр. О. И. Кирчик // Экономическая социология [электронный журнал]. – 2005. – Т. 6, № 3. – С. 25–48. – Режим доступа: http://ecsoc.hse.ru/data/556/588/1234/ecsoc_t6_n3.pdf. – Дата доступа: 27.05.2013.
12. Вебер, М. Основные понятия стратификации / М. Вебер // Человек и общество: хрестоматия; под ред. С. А. Макеева – Киев: Ин-т социологии НАН Украины, 1999. – С. 85–106.
13. Злобіна, О. Стиль життя і соціальні типи особистості / О. Злобіна // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2006. – № 1. – С. 186–187.
14. Коваліско, Н. Теорія практик, практики і дослідження стратифікованих порядків / Н. Коваліско // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2010. – № 2. – С. 49–63.
15. Соціальні структури і особистість: дослідження Мелвіна Л. Кона і його співпрацівників / пер. з англ.; за наук. ред. В. Е. Хмелька. – Київ: Вид. дім Києво-Могилянська академія, 2007. – 559 с.
16. Куценко, О. Трансляция социокультурных различий / О. Куценко, Ю. Сорока, В. Сема // Новые социальные неравенства; под. ред. С. А. Макеева. – Киев: Ин-т социологии НАН Украины, 2006. – С. 73–115.
17. Резнік, О. Нові стилі життя як джерело латентної легітимації ринкового суспільства / О. Резнік // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2006. – № 1. – С. 189–191.
18. Симончук, Е. В. Классовые структуры в сравнительной перспективе / Е. В. Симончук // Украинское общество в европейской перспективе; под ред. Е. И. Головахи, С. А. Макеева. – Киев: Ин-т социологии НАН Украины; Харьковский нац. ун-т им. В. Н. Каразина, 2007. – 274 с.
19. Соболева, Н. Стиль життя особистості як відображення суб'єктивної реальності / Н. Соболева // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2006. – № 1. – С. 188–189.
20. Стилі життя: панорама змін / за ред. М. О. Шульги. – Київ: Ін-т соціології НАН України, 2008. – 416 с.
21. Шкаратан, О. И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России / О. И. Шкаратан. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. – 560 с.
22. Шульга, М. Евристичний потенціал категорії «стиль життя особистості» / М. Шульга // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2006. – № 1. – С. 177–180.
23. Шульга, М. Стилі споживання мешканців України / М. Шульга // Українське суспільство 1994–2005. Динаміка соціальних змін / за ред. В. Ворони, М. Шульги. – Київ: Ін-т соціології НАН України, 2005. – С. 365–375.

A. A. DOMARANSKA

LIFESTYLE: STRUCTURAL AND PERSONAL DETERMINANTS

Summary

The article considers the problem of social stratification measuring, in particular the necessity of taking into account the lifestyle to establish social position in hierarchical social system. The empirical base of the study became the 2012 and 2007 monitoring data of the Institute of Sociology NAS of Ukraine. The features of lifestyle are determined and the connection between key concepts and criteria of social stratification are examined. As a result, the stratified classification including elite, intermediate and mass types is constructed.

Keywords: lifestyle, social inequality, social stratification, criteria of social stratification, stratified classification.

Поступила 27.06.2013 г.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА», ПРОШЕДШЕЙ В г. МИНСКЕ 21–22 НОЯБРЯ 2013 г.

Данная конференция организована Институтом социологии НАН Беларуси и проводится в заявленном формате четвертый раз (с периодичностью раз в два года).

Неизменной на всех конференциях является связка наука–общество. При этом каждый раз задается новый фокус рассмотрения затрагиваемой тематики и проблематики. В этом году акцент сделан на инновационно-модернизационных процессах развития белорусского общества (на прошлой конференции внимание участников акцентировалось на проблемах консолидации белорусского общества). Соответственно рассматриваются и возможности социологической (шире – социальной) науки в концептуализации, исследовании и анализе происходящих в обществе изменений. При общей ориентации конференции на фундаментальный уровень рассмотрения проблем развития социологической науки в стране неизменным остается и внимание участников конференции к разработке прикладных (праксеологических) задач.

Приоритетными направлениями фундаментальных научных исследований для Института социологии НАН Беларуси являются:

1. Всестороннее изучение стратификационной структуры белорусского общества: формирование средних слоев общества (среднего класса); критерии и параметры бедности (нижние слои общества); слой предпринимателей (бизнес-элиты); региональные различия стратификационной структуры; критерии профессиональной идентификации; скрытая безработица и параметры рынка труда.

2. Выявление и анализ в мониторинговом режиме основных тенденций социально-экономического и социально-политического развития страны. Получаемые данные позволяют комплексно оценивать параметры избранной в Беларуси модели развития. В оперативном режиме отслеживаются проблемные ситуации социального развития, вырабатываются соответствующие рекомендации для органов государственного управления.

3. Анализ специфики формирования и развития белорусской нации, специфики социокультурных процессов в Беларуси: культурная, национальная, этническая, конфессиональная (религиозная) идентичность различных социальных слоев и групп населения; изучение каналов и форм политической и гражданской самоидентификации граждан; практики повседневной жизни, включая изучение характеристик социального и экономического благопо-

лучия и выявление жизненных стратегий поведения основных социальных групп общества.

Позиционируя себя как академическое научное учреждение, комплексно и систематически изучающее белорусское общество, Институт социологии НАН Беларуси осуществляет работу по координации социологических исследований в стране, чему призваны служить и проводимые научно-практические конференции. Принципиально важным является поддержание развития социологии во всех регионах и крупнейших городах Беларуси, представители которых принимали участие и в этой конференции. Стратегически важно объединение усилий академической и вузовской социологии. На конференции присутствовали представители кафедр социологии (а также родственных кафедр философии, культурологии и т. д.) основных университетов страны. В этом году впервые за время проведения научно-практических конференций Институту социологии НАН Беларуси была организована работа молодежной секции, в работе которой приняли участие студенты старших курсов отделения экономической социологии Белорусского государственного экономического университета (БГЭУ). Неоценимо участие в конференции зарубежных коллег. Основные партнеры Института по международному сотрудничеству – Россия, Украина, Польша. В этом году в работе конференции впервые принимала участие представительная делегация из Института социологии НАН Украины.

Всего на участие в конференции были приняты заявки от 125 человек, из них 14 – от иностранных участников. Непосредственно в работе конференции участвовало 86 человек, в т. ч. 10 представителей зарубежных стран (Украины и России). Регламент конференции предусматривал проведение пленарного и секционных заседаний, а также рабочих встреч и «круглого стола» «Национальные особенности модернизационных процессов на постсоветском пространстве (Беларусь, Украина, Россия)».

В пленарном заседании принял участие доктор исторических наук, профессор, академик-секретарь Отделения гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси А. А. Коваленя. С пленарными докладами выступили доктор философских наук, профессор, академик НАН Беларуси Е. М. Бабосов, доктор философских наук, профессор Г. Н. Соколова, доктор социологических наук, профессор Е. Г. Злобина (Украина), доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии НАН Беларуси И. В. Котляров. В «круглом столе» приняли участие ведущие сотрудники Института социологии НАН Беларуси и делегация коллег из Института социологии НАН Украины. На рабочих встречах обсуждались перспективы сотрудничества со структурными подразделениями Института НАН Украины и Волгоградским государственным университетом. Основные дискуссии велись в рамках секционных заседаний.

На заседании секции № 1 **«Политико-правовое измерение модернизационных процессов»** обсуждались:

проблемы повышения роли социальных наук в разработке концепций модернизации современных обществ;

проблемы конструирования новых моделей общественного развития;

проблемы теоретико-методологического анализа социокультурной (ценностной) специфики постсоветских стран и изменения их классовой структуры в период системной трансформации (на примере Украины);

проблемы модернизации политической системы и системы государственного управления в Республике Беларусь.

Большой интерес у участников секции вызвали вопросы, касающиеся:

формирования и поддержки мотивации труда специалистов технического и гуманитарного профиля в национальном пространстве Беларуси и Украины;

особенностей планирования профессиональной карьеры государственных служащих как фактора модернизации общества (в частности, феминизация государственной службы и феномен «стеклянного потолка»);

переосмысления марксистской теории общественно-экономических формаций с точки зрения национализации материальных благ общества;

социальных представлений белорусского населения о необходимости и целях модернизации политической системы и системы государственного управления в стране и связанных с этим социальных ожиданий.

По результатам дискуссии в качестве возможных путей решения вышеобозначенных проблем были названы:

повышение эффективности подготовки менеджеров-управленцев в высших учебных заведениях Республики Беларусь;

более активное использование исследователями постсоветского пространства унифицированной международной научной методологии при анализе динамики классовых структур и оценке политического климата обществ;

изучение специфики партийных систем развитых информационных государств (к примеру, феномена пиратских партий в Швеции и Германии).

На заседании секции № 2 «**Экономическое измерение модернизации**» особое внимание было уделено обсуждению основных проблем и тенденций, возникающих в процессе модернизации рынков труда в Беларуси, России, Украине.

Выявлены проблемы, общие для этих стран как постсоветских государств: нестабильная занятость на рынке труда;

движение текущего рынка труда в направлении типичного вторичного рынка занятости;

«жесткость» номинальной заработной платы, ведущая к проявлению «гибкости» уровня денежных доходов за счет вторичной занятости;

слабая инновационная восприимчивость занятого населения, определяющая его недостаточную вовлеченность в инновационные проекты организаций и в предпринимательскую деятельность.

Обсуждены основные тенденции, возможности и риски модернизации, открывающиеся в контексте интеграционных процессов Беларуси и России. Ныне действующими проектами являются Таможенный союз, Единое эко-

номическое пространство ЕврАзЭС, Антикризисный фонд ЕврАзЭС, Центр высоких технологий ЕврАзЭС, Единое образовательное пространство Беларуси и России. Интеграционные процессы открывают широкие возможности в целом для экономики и рынка труда. Относительно низкие цены на энергоносители способствуют стабилизации занятости белорусского населения и повышению конкурентоспособности белорусских товаров. Создание доступа к инновационным технологиям и возможности обмена профессиональным опытом влияют на расширение первичного рынка труда и усиливают инновационную восприимчивость занятого населения. Создание унифицированного правового режима в части трудоустройства, условий труда и занятости обеспечивает свободное передвижение граждан внутри ЕЭП.

Среди возможных рисков для рынков труда эксперты обратили внимание на возможный рост конкуренции на внутреннем рынке труда Беларуси со стороны товаров и услуг других стран ЕЭП, а также на вероятность конкурентной борьбы партнеров по Таможенному союзу за одни и те же внешние рынки. Высока вероятность оттока с белорусского рынка труда наиболее квалифицированных специалистов в связи с более высоким уровнем заработной платы на российском рынке труда.

Рекомендуется определить приоритетные направления трансформации структуры занятости в Беларуси; выявить основные направления повышения эффективности функционирования рынка труда Республики Беларусь в условиях интеграционного взаимодействия с Российской Федерацией.

Целесообразно на постоянной основе осуществлять социологический мониторинг основных параметров функционирования рынка труда, отслеживая баланс выгод и издержек для рынка труда и структуры занятости населения в ходе модернизационных процессов, осуществляемых в рамках функционирования Единого экономического пространства и ЕврАзЭС.

На объединенном заседании секций № 3 **«Культурное измерение модернизации: универсальное и локальное»** и № 4 **«Модернизация и проблема идентичностей»** обсуждались:

- формирование имиджа Беларуси;
- символические универсумы в трансформирующихся обществах;
- жизненные стратегии социокультурного поведения; потребительские стратегии поведения на рынке культурно-досуговых товаров и услуг;
- социокультурные представления о богатстве и бедности в общественном сознании белорусов и способы их социологического измерения;
- социальные стереотипы восприятия образа Беларуси и Украины в массовом сознании жителей стран: методики измерения и интерпретации;
- религиозная идентичность в Беларуси и Украине;
- проблема субъекта познания в классическом и постнеклассическом знании.

Обсуждалась также тематика коммуникационного обеспечения модернизационных процессов, формирование «новых медиа» и связанные с ними социальные риски.

Результаты обсуждения:

большую роль в формировании имиджа Беларуси играет национальная культура, репрезентируемая именами ее творцов, хотя на данный момент времени основную имиджевую нагрузку несут достижения в области спорта и т. д.;

в Беларуси и Украине по схожим показателям проводятся ежегодные мониторинговые социологические замеры, что дало возможность сравнить специфику конфессиональной идентичности: в обоих случаях значительное место занимает «внешнее» выражение религиозности, фиксируется феномен синкретической религиозности, для Беларуси религиозная идентичность не является приоритетной;

образ Беларуси и Украины имеет некоторые сходные черты, однако зафиксированы и существенные различия; необходимо провести сравнительное исследование по единой методике, что позволит более отчетливо обозначить социальные стереотипы восприятия образа стран в массовом сознании;

жизненные стратегии социокультурного поведения выражают специфику социокультурного развития конкретной страны; представлен опыт и результаты исследования жизненных стратегий в Республике Беларусь;

определено, что осуществляемые социологические замеры в Украине и Беларуси относительно уровня социального оптимизма и самочувствия являются схожими, что дает возможность осуществить сравнительный анализ;

предъявленная методика измерения социальных представлений о богатстве и бедности позволила зафиксировать не только экономическую, но и социокультурную обусловленность формирования подобных стереотипов в Беларуси, что является очень важной характеристикой современного общества;

коммуникационная составляющая модернизации проявляется в большей степени в формировании «новых медиа», которые влекут за собой определенные социальные риски.

На заседании секции № 5 **«Наука и образование в модернизирующемся обществе»** были представлены доклады, отражающие академическую, отраслевую и вузовскую науку Беларуси.

Выступающие в своих докладах затронули следующую проблематику:

развитие кадрового потенциала белорусской науки в контексте процессов ее модернизации и трансформации мотивационной структуры научной деятельности и интеллектуальной миграции;

модернизация университетского образования;

неформальное и внеформальное образование как инструменты развития человеческих ресурсов;

непрерывное образование как механизм профессиональной мобильности современного типа;

потенциал модернизации норм и ценностей институционального уровня профессиональной культуры.

После обсуждения докладов участники дискуссии приняли следующие рекомендации по тематике секции:

Республика Беларусь вступила в качественно новый этап социально-экономического развития, отличительной чертой которого является становление и развитие экономики инновационного типа. Сегодня стоит задача создания эффективной системы кадрового обеспечения тех отраслей отечественной экономики, которые формируют ядро нового технологического уклада. Последнее предполагает интеллектуализацию ведущих отраслей экономики, повышение роли науки и высшего образования в формировании активного субъекта инновационного развития белорусского общества. Соответственно развитие кадрового потенциала науки и высшего образования нового качества должно стать приоритетной проблемой государственной политики в сфере науки и образования. В конкретном виде модернизация интеграции науки и высшей школы должна идти посредством создания новых научно-образовательных структур – исследовательских университетов. В составе НАН Беларуси следует открыть академический университет на базе уже действующего – Института подготовки научных кадров НАН Беларуси;

основной ресурс инновационного развития белорусского общества – высококвалифицированные и высокомотивированные инноваторы – молодые исследователи и специалисты. Необходимо, чтобы при выстраивании молодежной политики государства в полной мере учитывались результаты социологических исследований по трансформации мотивационной структуры научной деятельности в условиях рыночной экономики и глобализации, механизмы профессиональной мобильности современного типа, специфика модернизации норм и ценностей институционального уровня профессиональной культуры.

На заседании секции № 6 **«Социальное измерение модернизации»** обсуждались:

риски в социальной сфере и необходимость поддержания баланса воспроизводства привычных повседневных практик и инновационной активности;

стереотипы, идеологемы, схематизмы восприятия и отношения к активности различных социальных акторов, действующих в социальной сфере, представленные в массовом сознании;

модернизационные процессы, происходящие в различных отраслях социальной сферы, взаимовлияние между ними, готовность различных групп населения к их восприятию;

запросы населения на уровень и качество образовательных услуг.

Отдельно обсуждались инновационные проекты в сферах социального страхования, управления жилищно-коммунальным хозяйством, предоставляемых социальных услуг; а также сценарии реформирования пенсионной системы.

Особый блок выступлений касался социальных аспектов модернизации на селе. Обсуждались вопросы существования в современных реалиях крестьянства как класса, вертикальной и горизонтальной мобильности сельских жителей, самоорганизации жителей сельских населенных пунктов и роли в про-

текающих процессах социальных изменений органов местной власти; роли крестьянского подворья как фактора формирования крестьянской самоидентификации.

Отдельный доклад был посвящен анализу результатов социологических исследований, касающихся отношения жителей Островецкого района к строительству Белорусской АЭС.

В качестве резюме заявленной проблематики можно рассматривать вывод о том, что данные социологических исследований являются важнейшими ориентирами при осуществлении преобразований и инноваций в отраслях социальной сферы. Социологические работы с опорой на конкретные эмпирические данные, содержащие конкретные рекомендации, оказываются востребованными органами государственной власти, и, безусловно, такие исследования надо поддерживать и продолжать.

Научное издание

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Основан в 2010 году

Выпуск 5

Редактор *М. И. Ременица*

Художественный редактор *Т. Д. Царева*

Технический редактор *О. А. Толстая*

Компьютерная верстка *М. Э. Маляревич*

Подписано в печать 24.03.2014. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 39,49. Уч.-изд. л. 31,6. Тираж 120 экз. Заказ 44.

Издатель и полиграфическое оформление:

Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013.

Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск.